

BLACK
SEA

ОТТОМАН

РУССКАЯ

Грачик Симонян

**АРМЯНСКИЙ ВОПРОС
И РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

ГРАЧИК СИМОНЯН

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС
И РОССИЙСКАЯ
ДИПЛОМАТИЯ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 94(479.25):327
С37

Симонян, Г.Р.

С37 Армянский вопрос и российская дипломатия накануне Первой мировой войны / Г.Р. Симонян; Ереванский государственный университет. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018. – 464 с. ISBN 978-5-4358-0168-2.

Предлагаемый труд содержит многостороннее исследование тенденций развития армянского вопроса в 1912–1914 гг.

Показана хронология развития взаимоотношений представителей армянских общественно-политических сил и ответственных лиц российской дипломатии, а также освещена степень вовлеченности армянской стороны в вопросы, находящиеся в ведении российской дипломатии, исследованы отношения российского посла в Турции с видными армянскими общественно-политическими деятелями предвоенного периода.

Представленная вниманию читателей книга публикуется впервые и предназначена не только для специалистов-историков. Написанная простым доступным языком, она также будет интересна и широкому кругу читателей – всем интересующимся армянским вопросом, дипломатической ситуацией накануне Первой мировой войны.

УДК 94(479.25):327

ISBN 978-5-4358-0168-2

© Ереванский государственный университет, 2018
© Оформление. Изд-во ЮНЦ РАН, 2018

СИМОНЯН
ГРАЧИК РУБЕНОВИЧ
1928–2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
Возрождение и эволюция армянского вопроса	11
Война на Балканах.....	13
Возвращение на проторенный предками путь	20
Армянский вопрос включается в сферу российской дипломатии	25
Создание руководящего светского органа российских армян	37
Обсуждения в российских правительственных кругах.....	39
Встреча представителей турецких армян с российским послом.....	42
Отклики на инициативу католикоса.....	45
Создание и начало деятельности организации известных армянских деятелей Петербурга	54
Второй съезд российских армян	57
Новое выдвижение армянского вопроса. Нубар-паша – во главе	60
Серия встреч	66
Турецкое противодействие.....	73
Совещание у Кямиля-паши	75
Тожественные мнения.....	83
Тщетность обращения к конференции послов. Неопределенные посулы российского правительства	87
Встреча с наместником.....	90
При содействии России армянский вопрос постепенно включается в европейскую повестку	94
Курды встали на дыбы	101

Трудное возрождение армянского вопроса	107
Кровопролитие в Баб Али.....	109
Противники армян распространяют ложные слухи.....	111
Подготовительная деятельность	112
Призывы к рассудительности из Петербурга. Неопределенность.....	114
Неожиданное заявление	118
Тактика национальной делегации.....	119
Приглашение из Лондона	127
Важные встречи в правительствах Франции и Англии	129
Создание и деятельность проармянских комитетов	130
Кавказский наместник требует от центра предоставить оружие турецким армянам.....	138
Объединенная конференция европейских проармянских комитетов	140
Создание единой программы армянских реформ и ее представление российскому правительству	144
Император Николай II одобряет армянский проект преобразований.....	146
Армянский вопрос в парламентах Великобритании и Италии	148
Выбор места переговоров по армянскому вопросу.....	151
Бесконечные преграды перед российской дипломатией.....	156
Новые российские инициативы	158
Начало подготовительных работ по проведению реформ.....	160
«Исчезающая Армения»	164
Русская оккупация – желание западных армян.....	168
Убийство Махмуда Шевкет-паши. Ужесточение режима	174
Вновь проблема европейского контроля	176

Призыв русского правительства к согласию	179
«Либеральная» турецкая печать реагирует на продвижение реформ	180
Второй всеподданнейший доклад Воронцова-Дашкова о своей деятельности на Кавказе. Наместник вновь рядом с армянским народом	182
Проект программы А. Мандельштама	184
К вопросу о численности армян	189
Армянский вопрос в водовороте дипломатической борьбы великих держав	193
Еникейские обсуждения	195
Новые инициативы и обнадеживающие процессы	201
Русско-германское сентябрьское соглашение	206
Противодействие российско-германскому мирному соглашению	213
Встречи дипломатов и неопределенная ситуация	218
Вторая парижская конференция проармянских организаций Европы	220
Собрание русской интеллигенции в Петербурге	228
Документы становятся достоянием общественности	232
Новая западня Высокой Порты. Затягивание переговоров	236
Миссия генерала Лимана фон Сандерса. К российско-германским противоречиям прибавляется новое	242
Прогресс	249
Устранение недоразумений	257
Турки и курды в своей привычной роли	264
Новое межпартийное движение солидарности	274
Петербург – инициатор решения армянского вопроса	278

Об одной резонансной статье.....	282
Поиски кандидатов в генеральные инспекторы	284
Встреча в резиденции турецкого премьер-министра	288
«Отныне никаких уступок»	295
Подписание Российско-турецкого соглашения о преобразованиях	299
Содержание Соглашения	303
Критический анализ Соглашения	308
Противоречивые чувства армян	313
Оценка официальных кругов государств.....	325
Возрождение и угасание надежд армян	331
Продолжение поисков инспекторов.....	333
Возвращение Нубар-паши в Египет.....	335
Отбор инспекторов.....	338
Перерастание широкомасштабных бесчинств курдов в антитурецкое восстание против армянских преобразований	340
Очередные выборы в турецкий парламент. Конец солидарности армянских партий	353
Визит турецкой делегации к императору Николаю II	361
Радужные надежды на будущее.....	365
Актуальные проблемы в сфере культуры и образования	381
Турецкие козни вокруг инспекторов.....	407
Погос Нубар вновь во главе дела.....	421
Создание Германо-армянского общества. Журнал “Mesrop”.....	425
Армянский вопрос в российской Государственной думе.....	434
Новый кризис армянского вопроса	443
Начало мировой войны. Срыв армянского вопроса	447
Список источников.....	455

ПРЕДИСЛОВИЕ

В память о добром имени и научном авторитете неутраченного исследователя Грачика Симоняна и во благо развития армянской и российской исторической мысли

Армянский вопрос – комплекс проблем, связанных с армянским населением Османской империи в конце XIX – начале XX века – оставил неизгладимый след в истории армянского народа. Несмотря на то, что изучение этой проблемы является одной из важнейших задач в армянской историографии, лишь немногие из отечественных историков смогли представить многостороннее исследование армянского вопроса с привлечением обширного источникового материала.

К числу таких ученых относится Грачик Рубенович Симонян – известный армянский историк, академик Национальной академии наук Республики Армения, автор более 40 монографий и 400 научных статей. Он внес неоценимый вклад в изучение многих проблем армянской истории нового и новейшего периода.

С конца 1970-х гг. Г. Симонян занимался исследованием таких актуальных проблем, как национально-освободительное движение армянского народа в конце XIX – начале XX в., геноцид армян, армянский вопрос; результаты этой большой работы представлены в монографиях «Идеология и политика турецкой национальной буржуазии» (1980), «Из истории турецко-армянских отношений» (1991), а также в двухтомном труде «Андраник и его время» (1996).

С 2002 по 2013 г. было издано пять томов монографии «На пути освободительной борьбы», в которой, используя богатый фактический материал, Г. Симонян проводит комплексный анализ событий, произошедших в Западной и Восточной Армении в период с начала XX в. до Первой мировой войны. В 2013 г. этот труд был удостоен государственной награды Республики Армения.

Опубликованная в 2009 г. работа «Массовая резня армян в Киликии (апрель 1909 г.)» Г. Симоняна внесла большой вклад в изучение вопроса геноцида армян. Этот труд был переведен на английский язык и в 2012 г. издан в Великобритании.

В 2014 г. ученый выпустил очередное исследование – «Балканские войны 1912–1913 гг. и армяне».

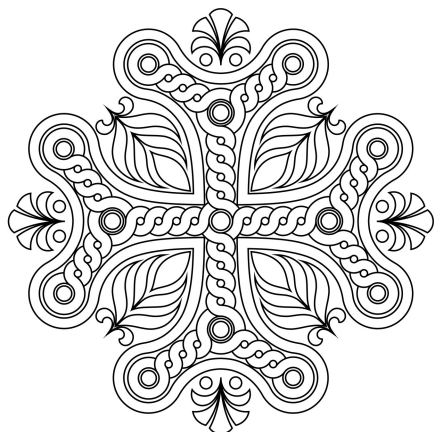
Грачик Симонян ушел из жизни 29 июня 2016 г. В последние годы, как и всю жизнь, ученый вел активную творческую деятельность. После его смерти вышли в свет монография на русском языке «Из

истории «политического оправдания» полководца Андраника» (2016) и книга мемуаров «Как было...», а в Исламской Республике Иран готовится к изданию труд «Роль армян в Конституционной революции Ирана».

Еще одним фундаментальным исследованием автора является настоящая книга, выходящая на русском языке, – «Армянский вопрос и российская дипломатия накануне Первой мировой войны». На сегодняшний день эта работа актуальна в контексте событий, которые происходят на Ближнем Востоке, и многовекторных русско-турецких отношений, непосредственно влияющих на решение как локальных, так и геополитических задач в регионе, а также на ход современной истории в целом.

Автор впервые в армянской историографии рассмотрел отношение к армянскому вопросу российской дипломатии и власти. Используя ценный фактологический материал, академик Г.Р. Симонян подверг глубокому анализу генезис армянской общественно-политической мысли в отношении исследуемого комплекса проблем.

ВОЗРОЖДЕНИЕ
И ЭВОЛЮЦИЯ
АРМЯНСКОГО
ВОПРОСА

ВОЙНА НА БАЛКАНАХ

25 сентября (8 октября) 1912 г. маленькая Черногория объявила войну Турции. Спустя несколько дней к ней присоединились Болгария, Сербия и Греция.

Четыре союзных государства после поражения Турции в войне с Италией (1911–1912 гг.) стремились использовать благоприятную военно-политическую ситуацию с целью окончательного освобождения Балкан от векового османского господства и воссоединения своих исторических земель.

В ходе кровопролитной войны турки потерпели сокрушительное поражение. Союзники на всех фронтах разбили основные силы турок. Нависла угроза над столицей Османской империи Константинополем.

Правительства европейских государств, которые до победы балканских союзников выступали за сохранение территориальной целостности Турции, в сложившейся ситуации были вынуждены смириться с новыми реалиями, призывая воюющие стороны объявить перемирие и приступить к подготовке мирного договора.

20 ноября 1912 г. между воюющими сторонами было заключено перемирие сроком на 10 дней и 14 декабря достигнуто соглашение о начале мирных переговоров в Лондоне.

Кратковременный период власти партии «Иттилаф» (июль 1912 г. – январь 1913 г.) был полон бурных внешних и внутренних событий. В этот период положение армян в Турции несколько не улучшилось, несмотря на то что армянские национальные общественно-политические организации продолжали прилагать невероятные усилия по вызволению нации из невыносимых условий.

В то время когда турецкие войска терпели серьезные поражения на фронте (конец сентября – первая половина октября), турецкие армяне были вынуждены бездействовать, так как страна стояла перед внешней угрозой и любой необдуманный шаг мог дать повод для новой резни в столице. С другой стороны, неожиданный поворот в ходе войны давал надежду на возможность нового выдвижения армянского вопроса.

Возобновлению обсуждения его способствовали вести, доходившие до Константинополя из Вана о продолжающихся убийствах и усиливающихся бесчинствах. Другая, психологическая, причина – политическая атмосфера вокруг Турции накануне и в дни Балканской войны.

До Балканской войны армянский вопрос не интересовал Европу, поскольку ее внимание было сосредоточено на Македонии. Со времени Берлинского конгресса (1878 г.) Европа прилагала всяческие усилия для поддержания мира вокруг Македонии, дабы предотвратить угрозу всеевропейской войны.

Армяне понимали, что их вековой враг в ближайшее время окажется в серьезном кризисе. В то время, когда балканские силы оттесняли турок к берегам Мраморного моря, многие из них считали, что настало удобное время, для того чтобы был услышан голос армянского народа, задушенный бедами и страданиями, причиненными конституционным режимом. Они полагали, что при любом исходе войны – в случае победы либо поражения той или иной стороны – европейские государства, заключившие Берлинский пакт 1878 г., соберутся для обсуждения и, возможно, решения вопросов, ставших причиной войны.

И в самом деле, сразу же после начала войны Англия выступила с предложением созвать конференцию государств, на которой должны были обсуждаться македонский, албанский, болгарский, сербский и другие вопросы. Предполагалось, что может быть обсужден также и армянский вопрос.

В армянской прессе преобладало мнение, что если и в этот раз не будет обсужден и решен армянский вопрос, если он будет проигнорирован в этот благоприятный исторический момент, то можно считать исчерпанной надежду на то, что положение Турецкой Армении когда-либо будет улучшено. Следовательно, надо было сделать всё возможное, дабы этот многострадальный вопрос был официально выдвинут на повестку дня конференции и наконец решен.

Однако кто должен был начать это дело, требующее предельно серьезного отношения? Не случайно, что во всех сферах армянской политической жизни требовали избавиться в самые кратчайшие сроки от всякого рода партийных корыстных устремлений, выдвинуть на арену искусного дипломата (компетентную личность) и наделить его самыми широкими полномочиями выступать от имени всей нации на международной политической сцене.

Существовало еще одно важное обстоятельство: гнчакисты, будучи горячими сторонниками «Иттилафа», одновременно продолжали вести борьбу против младотурок, а дашнаки, после отделения от последних, начали резко критиковать их, а еще больше, чем это было раньше, – иттилафистов.

В условиях такого разброда на армянском политическом поле более трезвомыслящие деятели на Кавказе и вообще либералы и консерваторы как в Турецкой, так и в Российской Армении залогом удачного решения армянского вопроса считали изоляцию армянских революционных партий от дипломатических процессов. Они убеждали армянских революционеров, в особенности дашнаков, воздерживаться от организации протестных мероприятий во имя спасения многострадального армянского народа в Турции и дать возможность самому армянскому народу выступить со своими, не партийными лозунгами, дабы таковые не были расценены как результат пропаганды революционеров. Эта осторожность была уместной, ибо опыт

показывал, что в общественном мнении европейских государств сложилось представление о том, что протесты армян являлись следствием партийной агитации, а не народного движения.

Существовало и другое препятствие. Армяне, которые были обмануты пропагандой и обещаниями дашнаков об их дружбе с «Иттихадом», считали, что отказ от европейского покровительства, предоставляемого им в рамках международных договоров, ныне является спасательным кругом и вполне достаточно, если их не будут резать курды и турки.

Это ничтожно малое требование поначалу озадачило и удивило европейских дипломатов, но затем оно сформировало в них убежденность в том, что армяне отныне не имеют никакой необходимости в автономии и не намерены играть какую бы то ни было роль в политической жизни империи, а вполне довольны тем, что сохраняют устойчивые позиции в экономике страны, в частности в торговле.

Именно это обстоятельство стало причиной того, что, когда в политических кругах или в европейской прессе речь заходила о будущем разделении или административной реорганизации, акцентировалась необходимость предоставления широкой автономии Албании, Македонии и Аравии, однако при этом Армения не упоминалась. В лучшем случае выдвигалось требование о равных правах для турок и армян. Более того, значимость армянского вопроса в глазах Европы пала до такой степени, что, когда заходила речь о том, где же они (турки) после этого должны продолжать свое существование, дипломаты великих держав указывали на Армению. Ясно, что в этом случае армянский народ ждала бы величайшая катастрофа – полное уничтожение в Турции.

Следовательно, армянские деятели должны были суметь убедить великие державы в том, что турецкие армяне даже после восстановления османской конституции не прекратили свою борьбу за обретение свободы, что их национальным интересам не соответствуют ни политика партии «Дашнакцутюн», направленная на подчинение воле комитета «Иттихада», ни усилия партии «Гнчак», проповедовавшей смирение и соединение с «Иттилафом».

По всему было видно, что для армян наступил момент, когда все их внутренние противоречия должны остаться в прошлом, когда партиям необходимо отказаться от идеологических разногласий и, объединившись, предпринять организацию самообороны, что было в данный момент жизненной необходимостью. Вся нация, извлекая уроки из тяжелого прошлого, осознавшая неконструктивность иностранных дипломатических игр и обретшая единый дух и плоть, должна была пойти по единому пути.

То, что происходило в те дни в Турции – загадочные, болезненные события, – было сигналом к тому, что, быть может, не за горами освобождение репрессированных народов империи. Эта смутная надежда

постепенно укреплялась на фоне событий, разворачивавшихся в то время вокруг острова Крит.

После начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. уж сколько раз в сердцах турецких армян появлялись искры надежды и оптимизма, однако, увы, они так и оставались похороненными в глубинах их души, оставляя лишь разочарование! Искра подобной надежды забрезжила и весной 1906 г. Греческое население острова восстало против господства турок, и турецкое правительство готово было утопить в крови это сопротивление. Однако Греции удалось добиться того, что четыре европейские державы – Россия, Англия, Франция и Италия – ввели войска на Крит и воспрепятствовали намерениям турок.

В 1908 г., после двухлетнего пребывания на острове, международные силы были выведены с Крита – когда были созданы необходимые условия для воссоединения с родиной – Грецией. До того как удалиться, государства-покровители принудили Турцию вывести свои войска с острова и назначили там генерал-губернатором одного из греческих принцев, под руководством которого состоялись выборы и было сформировано Национальное собрание, на которое была возложена задача по организации воссоединения. Этот процесс длился все последующие годы, и с середины 1912 г. встал вопрос о воссоединении Крита с Грецией в этом же году.

События, связанные с решением вопроса о Крите, подняли волну воодушевления в армянских кругах. Многие считали его частичным решением восточного вопроса, а общее мнение было таким, что за решением критского вопроса неминуемо настанет очередь армянского вопроса, развязка которого будет зависеть от содействия великих держав.

В новых обстоятельствах возникла настоятельная необходимость мобилизовать потенциал армянского народа. В этот судьбоносный момент Эчмиадзинскому католикосату было суждено взять на себя руководство уникальным дипломатическим процессом в истории армянского народа.

Первой пришла в движение армянская пресса в Турции и за рубежом. Затем в армянских колониях начались демонстрации протеста, имели место акции недовольства, выражались просьбы о вмешательстве европейских государств в решение армянского вопроса. Все желали своим братьям в Турции свободной и спокойной жизни. В адрес Константинопольского патриаршества шел беспрепятственный поток телеграмм, писем, петиций, авторы которых требовали от патриарха обратиться к Католикосу всех армян и просить его взять на себя ответственность и начать процесс решения армянского вопроса. Они напоминали Его Святейшеству, что Берлинский трактат 1878 г. является великим международным актом, заключенным между европейскими державами и Турцией и содержащим множество статей, одна из которых, 23-я, касается Македонии, а 61-я – Армении.

Согласно этим статьям, перед Высокой Портой был поставлен вопрос о проведении необходимых реформ в Македонии и Армении под контролем великих держав. Благодаря этим статьям македонский и армянский вопросы приобрели международный характер, т.е. перестали быть чисто османскими внутренними вопросами. А это означало, что державы отныне также имеют право контролировать предполагаемые реформы и требовать их осуществления.

Однако часть армянского общества считала, что новое выдвижение армянского вопроса может не дать положительных результатов. Некоторые из думающих подобным образом, отнюдь не отвергая начинающийся процесс, одновременно призывали к бдительности: в этот ответственный момент эмоциональная деятельность может лишь навредить делу, любой необдуманный шаг может обернуться катастрофой для всей программы. «Поскольку решение армянского вопроса абсолютно не зависит от нас, поскольку мы не в состоянии дать вопросу желаемое нами решение собственными силами, следовательно, мы обязаны следовать определенной осмысленной политике, не внося в ситуацию поспешной эмоциональности, дабы еще более не усложнять ее. А для этого необходимо относиться с исключительной ответственностью к осознанию всей серьезности этого вопроса». Другая часть деятелей, выступавших против начавшегося процесса, была настроена более радикально, находя, что недопустимо вновь обращаться к Европе с просьбами. Они считали, что обращаться к католикосу – пустое занятие. «У католикоса нет ни флота, ни армии: он тоже, как и мы, должен жаловаться»¹, – говорил общественный деятель Арутюн Джангюльян и предлагал вместо этого вооружаться и обороняться. Дашнак Вардгес, также считая неправильным просить о помощи Европу, предлагал закрыть все армянские церкви на территории империи, отказаться от уплаты налогов правительству и вообще не участвовать в его делах².

Однако подобные дерзкие предложения в этот момент были несерьезны и уже не осуществимы. Считая вполне уместным предложение о самообороне, газета «Аветабер» пишет: «Прежде всего следует не забывать то обстоятельство, что каждый народ, который борется за свое существование, обязан сначала серьезно подумать о способах самообороны и, идя на любые жертвы, всегда быть в полной готовности»³. Одновременно газета подчеркивала, что в настоящее время «самой серьезной задачей является подготовка (выделено нами. – Г. С.) к нашей самообороне. Самооборона означает битву не только с курдскими угнетателями и их приспешниками, но также с весьма более могущественными силами, если, конечно, не хотим быть снова перерезанными как овцы. Дай Бог, чтобы кто-либо из депутатов (подразумеваются депутаты Армянского национального собрания Константинополя. – Г. С.)

¹ Аветабер (рус. Предвестник, Константинополь). № 39, 28 сентября 1912 г. (на арм. яз.).

² Там же.

³ Там же.

смог бы, положив руку на сердце, заверить нас в том, что для этой борьбы народ наш готов в достаточной мере: значит, прежде необходима подготовка, а для этого нужны время и деньги»¹.

Ту же идею защищал писатель Никол Агбальян. Он был убежден, что реальная опасность у любого живого существа пробуждает здоровую реакцию самозащиты, и решительно отвергал призывы к рассудительности и благоразумию и единственным выходом для спасения народа видел в вооруженной борьбе. Его огорчало, что жизнеспособные интеллектуальные силы нации всегда избегают организации дела самообороны. «Мы уверены в том, что в армянском народе, – писал он, – найдутся люди, которые благодаря своему здоровому инстинкту... высвободят из-под сени дипломатических игр и шагов дело самообороны и самоотверженно поведут его вперед»².

А тифлисский «Овит» на предложение вооружаться в подобный неблагоприятный момент, как всегда, отозвался непримиримым противодействием. В издании подчеркивалось, что воин не должен говорить вслух: «...громогласные призывы о том, что мы должны с оружием в руках защищать себя и обрести свободу, призывы, которые в последнее время провозглашались с кафедры Константинопольского национального собрания и со страниц некоторой части армянской прессы, либо являются словами невежды, либо словами провокаторов, нанятых *чужаками*. Для нас, армян, так и осталась непонятой одна истина: те, кто защищают себя с оружием в руках или кто хочет обрести свободу, никогда вслух не вопят об оружии, не грозятся им»³.

«Овит» и другие органы армянской консервативной прессы подчеркивали, что даже в то время, когда у армян имелось кое-какое оружие и малочисленные храбрецы бились против турецкой тирании, трезвомыслящие армяне не ждали положительных результатов: в то время, в 1912 г., разговоры о вооружении были пустым занятием.

Действительно, увлеченное удачами освободительной борьбы Болгарии и других балканских народов и обманутое интригами евродипломатов, новое, наиболее романтическое поколение турецких армян выступило против тирании.

Армянское революционное движение со дня своего возникновения было обречено на поражение. Это было отчаянным изолированным сражением разрозненного и ослабевшего народа против сильной власти, и оно не могло увенчаться победой. Максимум, что мог сделать народ, это была самооборона, вооруженная самозащита. А это, в свою очередь, предполагало полную мобилизацию сил нации, для чего необходима была неутомимая организационная работа, которая возможна была только лишь при общенациональной солидарности. Увы, это осталось лишь стремлением – из-за

¹ Аветабер. № 39, 28 сентября 1912 г.

² Оризон (рус. *Горизонт*, Тифлис). № 249, 1912 г. (на арм. яз.).

³ Овит (рус. *Долина*, Тифлис). № 37, 23 сентября 1912 г. (на арм. яз.).

непрерывной внутривластительской грызни внутри нации и, как следствие, из-за несовершенства политического поля.

Что касается закрытия церквей и неуплаты налогов правительству, то «Аветабер» эти предложения считал холостыми выстрелами. «Закрытие церквей, – писала газета, – также некая демонстрация в отношении Европы, если иметь в виду, что правительство абсолютно не имеет благого желания что-либо делать. Налоги они станут взимать насильно у неплательщиков, и в этом случае нужно будет противиться правительству: если у нас сил будет достаточно, то – хорошо, а в противном случае какая нам польза от этого?»¹

В условиях подобного разброда идей армянскому Константинопольскому патриарху Аршаруни не оставалось иного выхода, как с помощью телеграмм и писем непрерывно направлять жалобы в Святой Эчмиадзин Католикосу всех армян Геворгу V и просить его о посильном принятии мер.

Будучи верховным пастырем армян апостольской христианской веры, католикос не мог безучастно смотреть на то, каким истязаниям и бедствиям подвергается паства его церкви в Турции. Поэтому он одну за другой посылает телеграммы патриарху Аршаруни со строгими распоряжениями, чтобы тот не переставал направлять протесты Высокой Порте. Патриарх добросовестно исполнял распоряжения католикоса, однако его возможности решать что-либо были минимальными.

Газета «Оризон» писала: «Мы с уверенностью можем сказать, что лучшие и состоятельные представители армян Тифлиса поддержат его (католикоса. – Г. С.) усилия, словом и делом будут способствовать ему во исполнение его исторической миссии. В эти исторические дни, когда должны смолкнуть злоба и противоборство, необходимо, чтобы единый дух и единая воля овладели российскими армянами»².

Настроения тифлиссских армян передались армянству других городов и уездов Кавказа. 26 сентября 1912 г. в Александрополе состоялось общегородское собрание, которое обратилось к католикосу с просьбой о ходатайстве перед российским императором о руке помощи турецким армянам³. Подобное собрание имело место и в Баку. Об этом собрании газета «Мшак» сообщала: «По инициативе К[онстатина] Хатисяна было созвано совещание армян для решения вопроса – как реагировать на балканские события? Инициатор предлагал всеподданнейшим образом обратиться с ходатайством к императору о помощи христианам, иные предлагали дождаться созыва конгресса или конференции, другие же советовали не вмешиваться в эти события. Была избрана подкомиссия из 10 человек – для обсуждения вопроса. Совещание было созвано по разрешению градоначальника»⁴.

¹ Аветабер. № 39, 28 сентября 1912 г.

² Оризон. № 206, 21 сентября 1912 г.

³ Там же. № 213.

⁴ Мшак (рус. *Работник*, Тифлис). № 230, 17 октября 1912 г. (на арм. яз.).

После того как стало известно, что Константинопольское армянское патриаршество полностью вверило возобновление армянского вопроса Эчмиадзинскому католикосу, каждый день в адрес католикоса Геворга V стали поступать десятки телеграмм и писем с просьбами и требованиями немедленно возглавить этот процесс.

Пока католикос размышлял о насущных делах по обеспечению безопасности и спасению своей паствы, армянство других местностей России также активизировалось. Поднявшейся волне задавала тон армянская интеллигенция Кавказа и России. Организовывались многоярусные собрания, обсуждались различные предложения, которые направлялись в Эчмиадзин. Свою роль играла и пресса кавказских армян, которая призывала армян России использовать все возможности для поддержки многострадального армянства Турции.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПРОТОРЕННЫЙ ПУТЬ

Жизнь армян Турции продолжалась. «Иттилаф», лишивший младотурок власти и ставший во главе правительства в 1912 г., ничего не изменил – «действия» правительства ограничивались одними обещаниями.

Видный армянский марксист Александр Мясникян в одной из своих статей отмечал, что без помощи извне турецкие армяне не в состоянии вырваться из когтей османской тирании. «Деятельность турецких армян всегда продвигалась с помощью внешних сил, – писал он. – Турецким армянам не удавалось вести самим борьбу за свое правое дело. Народ был беспомощным: турецкие порядки не позволяли ему действовать, а армянская интеллигенция в Турции, которая, можно сказать, являлась константинопольской, была немощной. Ядро движения возникло и развивалось в среде кавказских армян, деятели (российские армяне. – Г. С.) сидели за рубежом, группы проникали с Кавказа»¹.

У части турецких армян вновь просыпалась надежда на некоторое улучшение жизни при содействии Европы. Некоторые из представителей армянского общества в Европе, отдельные кавказские деятели-армяне разными путями продолжали слать заявления государствам, подписавшим Берлинский трактат, и Соединенным Штатам. Представители Венской конгрегации мхитаристов Говрикан и Меневишян в начале сентября 1912 г. были приняты министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Бертольдтом и описали ему катастрофическое положение армянских областей².

Для поднятия армянского вопроса депутат парламента Галиции армянин епископ Теодоров запросил из Константинополя ряд

¹ Мшак. № 3, 9 января 1914 г.

² Аветабер. № 39, 28 сентября 1912 г.

документов, в том числе представленную Высокой Порте 11 мая 1895 г. послами шести держав программу реформ, которые и представил в середине сентября 1912 г. на обсуждение парламента, однако обсуждение было отложено¹.

На основании полученных от армянских деятелей многочисленных заявлений послы Англии, Франции и Италии в Константинополе в августе – сентябре 1912 г. поручили своим консулам в армянских областях сообщить подробную информацию о ситуации. Однако определенное оживление в армянском вопросе, которое наблюдалось в августе – сентябре 1912 г. в среде европейских «грандов», отнюдь не вызвало ожидаемого воодушевления в среде консервативных и либеральных кругов армянского общества, особенно у кавказских армян. Будучи выразительницей настроений консервативных слоев кавказских армян, газета «Овит» писала: «...Все согласны, что отныне необходимо улучшить состояние турецких армян, все недовольны бездарной администрацией турецкого правительства, все признаются, что армяне имеют право быть недовольными своим положением и искать новые пути, новые средства в надежде на лучшие дни»².

Но участие иностранцев в решении судьбоносного вопроса «Овит» считал весьма сомнительным и предельно опасным: «Страждущий народ сам должен с большой осторожностью отнестись к своей судьбе, в противном случае все беды, неудачи вновь лягут на... нацию-мученицу, а ее сегодняшние единомышленники без каких-либо потерь отвернутся от страждущих сегодня сочувствия несчастных»³.

Газета подчеркивала, что к армянскому вопросу следует подходить с чрезвычайной серьезностью, дабы, в случае неудачи, не повторилась армянская резня недавнего прошлого. «Овит» вторым условием считал, что судьбу нации необходимо вручить умелым, дальновидным и дипломатичным лицам, которые будут руководствоваться только лишь интересами страдающего народа. И, наконец, третье условие: не обманываться внешней, фальшивой симпатией, единомыслием корыстолюбцев и бездушными провокациями иностранных дипломатов⁴. Исходя из всего этого газета заключала, что там, где европейцы, жди новых бед для армян. «Каким было общественное мнение Европы о беспрецедентных армянских погромах, совершенных в свое время?» – задавала вопрос газета и отвечала: «Часть прессы, являвшейся выразителем общественного мнения, которая была более осведомленной в делах, бесстыдно объявляла, якобы “армяне, пришедшие в ужас от комариных укусов, бегут в чужие страны... для того, чтобы эксплуатировать жителей этих стран”. А другие писали: “Армяне восстали против своего правительства, а правительство исполняет свой долг, когда силой оружия укрощает своих взбунтовавшихся подданных”.

¹ Там же.

² Овит. № 37, 23 сентября 1912 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

Иные же говорят: «Армяне нам ни единоверцы и ни соплеменники, и поэтому нам не следует интересоваться их судьбой»¹.

Газета утверждала, что у армян нет причин верить в искренность желания европейских государств подать руку помощи. Последние как прежде, так и сейчас не заинтересованы помогать армянам. Их вижущей силой была и есть выгода. «История повторяется, и горе тому, кто не научился извлекать пользу из уроков истории. Сегодня армянский народ стоит перед большим историческим кризисом. Провидение как будто желает еще раз испытать здравомыслие армянской нации, дабы убедиться – стоит ли, чтоб сия нация имела будущее, или же – стерлась, растворилась и прекратила бы свое существование? Тот, кто знаком и является очевидцем недавнего прошлого и настоящего армянской нации, сразу же даст отрицательный ответ на этот вопрос. Оно желает еще раз испытать разум армян, дабы выяснить, насколько они усвоили уроки истории. Вспомним историю... Разве не ту же ошибку совершит народ-страдалец, вручая свою судьбу в руки неумелого, чужака, врага?»²

Общее мнение армян было таково: если среди шести держав не окажется хотя бы одной, которая в силу своих интересов будет систематически, плотно и постоянно заниматься армянским вопросом, то он никогда не получит разрешения. И в мыслях большинства в качестве помощника в первую очередь рассматривалась Россия. Они были уверены, что именно Россия должна сыграть весомую роль в их судьбе.

Было время, когда угнетенные христианские народы думали, что европейские государства, в частности Россия, полны заботы о своих единоверцах. Однако в начале XX века уже потухли искры политического идеализма вообще, и в среде армян в частности. Было очевидно, что в отношении Армении никакая великая держава не возьмет на себя какого-либо принципиального обязательства только лишь из-за того, что они христиане.

Несомненно, Россия как политически, так и экономически была заинтересована иметь у своих южных рубежей симпатизирующее ей христианское государство – если не государство, то хотя бы административную территорию с политико-правовым порядком. Политические мотивы России зиждились на вековых контактах и существующей взаимной симпатии русского и армянского народов.

Несмотря на доброжелательность, которую на различных этапах русское правительство проявляло к турецким армянам, к вопросу о проведении реформ в Армении оно всегда относилось с предельной осторожностью. В российских правительственных кругах существовало мнение о том, что не следует поднимать вопроса о реформах в Армении, так как это может усилить сепаратистские устремления в Русской Армении и угрожать безопасности Кавказа.

¹ Овит. № 37, 23 сентября 1912 г.

² Там же.

С конца 1911 г. точка зрения российского правительства начала постепенно меняться. В Петербурге понемногу убеждались, что былые страхи не обоснованны. Перемене этих взглядов значительно способствовали доклады наместника на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова центральному правительству. Наместнику удалось доказать, что русские армяне абсолютно нейтральны, более того, являются чрезвычайно надежным оплотом империи.

Еще весной 1912 г., когда новоизбранный Католикос Эчмиадзинский Геворг V Суренянц отправился в Петербург и нанес традиционный визит императору Николаю II, ему дали понять, что императорскому двору не безразлична судьба армян. При этом подчеркнули, что, поскольку в ближайшее время великим державам придется вновь вернуться к армянскому вопросу, то было бы правильным, чтобы главную роль в решении этого вопроса взяла на себя Россия.

Теплый прием, оказанный армянскому католикосу в Петербурге, и уверения патриарха армян в том, что российские армяне безгранично преданы трону Романовых, еще более укрепили симпатии к армянскому народу со стороны царской власти.

Видный западноармянский культурный деятель Аршак Чопанян в письме историку Лео, отправленном 12 февраля 1912 г. из Парижа в Тифлис, извещает его о том, что в ряде армяноязычных органов печати «к великой радости армян» было опубликовано совместное заявление русских консулов в Турецкой Армении о том, что, если турки еще раз посмеют устроить погром армян, то они немедленно встанут на защиту армян. Автор письма оценил этот факт как «чрезвычайно воодушевляющий» и нашел, что необходимо добиться того, чтобы с подобными заявлениями выступили бы также консулы Франции и Англии в Турецкой Армении. «Лучшим решением армянского вопроса мог бы стать Армянский Ливан под эгидой России»¹, – завершал А. Чопанян.

Явная перемена политики российского правительства в отношении армян вновь зажгла огонек надежды на освободительную миссию России. Несмотря на то, что традиционная политика России в отношении «изгнания турок из Европы и восстановления греческого царства» пребывала в состоянии болезненной трансформации, тем не менее многие из армян были уверены, что эта страна еще не сказала своего последнего слова в восточной политике. Подчеркивая, что в этот раз армянский вопрос будет обсуждаться в более благоприятных условиях, они были уверены, что Россия вновь возьмет на себя традиционную роль защитницы христиан Востока и тем самым избежит ошибок, совершенных в прошлом в отношении армян Малой Азии.

Ожиданием положительных перемен в российской политике в отношении армян был преисполнен армянский патриарх

¹ Музей литературы и искусства (далее – МЛИ). Фонд Аршака Чопаняна. Л. 38¹–38³. Л. 1–4.

Константинопольский Ованнес Аршаруни. 17 апреля 1912 г. Католикос всех армян получил очередное письмо Его Святейшества, где тот просил обратиться к русскому правительству с просьбой «спасти от истязаний» турецких армян¹. Патриарх отмечал, что потепление со стороны Петербурга в отношении армян позволяет ему надеяться, что русские наконец повернутся лицом к Турецкой Армении. Всё более и более активным становился обмен письмами и телеграммами между католикосом и патриархом. Их содержание сводилось к единственному вопросу – о том, как найти выход для облегчения невыносимого положения турецких армян.

В связи со злодеяниями в окрестностях Вана и других местностях в августе 1912 г. католикос Геворг V, едва ли не через месяц после своего помазания, 28 августа, послал патриарху Ованнесу Аршаруни следующую телеграмму: «Константинополь. Достопочтенному Армянскому патриарху. До нас доходят прискорбные вести о положении армян в окрестностях Вана. Срочно сообщите по телеграфу и поподробней – в письме»².

Можно сказать, что эта телеграмма была первым проблеском зари нового периода постановки армянского вопроса. Если прежде армянские католикосы лишь принимали к сведению письма и телеграммы от Константинопольского патриаршества о бедствиях, то этой телеграммой Геворг V требовал от патриарха обстоятельно оповестить его об имевших место трагических событиях. Безусловно, католикос уже чувствовал дыхание Петербурга.

Возвращаясь к факту потепления русско-армянских отношений, Аршак Чопанян замечал, что армянское племя всегда нуждалось в русском, а русское – в армянском. Настало время, чтобы они восстановили добрые традиции былых дней. Он писал: «Чем бы ни завершилась для армян нынешняя необычная историческая минута, даже если – хотя мне не верится – армянский вопрос и в этот раз не найдет своего принципиального решения, турецкие армяне должны всегда стремиться к дружбе с русским могуществом, обращаться к нему в трудные дни, ожидая в будущем лучшего благоприятного случая, дабы суметь добиться окончательного решения вопроса одним и тем же путем». Имея в виду голицынские времена, Чопанян продолжает: «Похолодание между русскими и армянами, имевшее место в последний период, стало маслом на хлебе турка и обернулось главной причиной великих бед для турецких армян. Ныне исцелена ошибка прошлого: армянское племя вступает на былую прямую стезю, которую отворили его праотцы. Эта стезя уже стала полезной для части нашего племени. Она, в нынешних условиях, может повести нас к еще более важным результатам»³.

¹ Институт древних рукописей Матенадаран им. св. Месропа Маштоца (далее – Матенадаран). Архив католикоса. Пап. 238. Док. 110. Л. 1–2.

² Там же. Л. 3.

³ Мшак. № 3, 6 января 1912 г.

15 сентября 1912 г. филолог Карапет Басмаджян (живший в Париже) отправляет в Константинополь открытое письмо патриарху архиепископу Аршаруни, в котором говорилось, что в эти судьбоносные дни армянство может надеяться только лишь на одну страну – Россию. «Мы находимся под угрозой новых армянских погромов, – писал он. – Турецкое правительство до сегодняшнего дня на наши законные обращения спало и убаюкивало нас фальшивыми обещаниями, а корыстолюбивая Европа своим бесстыдным безразличием продолжает поощрять официальных преступников. Таким образом, перед лицом такой действительности нам остается только один выход для спасения армянской нации из когтей армяноненавистнической политики турок: в общенациональном масштабе обратиться к русскому правительству и принять его подданство. Ведь рано или поздно русские займут Турецкую Армению. Этим шагом мы хотя бы спасем жизнь примерно одного миллиона армян. Ни закрытие патриаршества, ни различные отказы не будут иметь какого-либо воздействия на турецкое правительство. Подобные вещи делались много раз, но – напрасно»¹.

Армян воодушевляло всё возрастающее сочувствие в русском обществе относительно их национального вопроса. Они находили, что если турок и курд увидят русского за спиной армянина, то с ним станут обращаться более осторожно, смирятся с мыслью о том, что утверждение цивилизованного режима в Турецкой Армении станет добром и для них самих – и со временем изменятся. Благодаря этому несчастный край между русским и турецким государствами умиротворится, обогатится и станет мирной и благоденствующей землей.

Многие были уверены, что участие России в решении армянского вопроса, играя огромную роль с точки зрения судьбы турецких армян, одновременно будет значительно способствовать продвижению интересов русских армян.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС ВКЛЮЧАЕТСЯ В СФЕРУ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Когда народы маленьких балканских стран решали свои проблемы с помощью оружия, в это время турецкие армяне вымаливали милостыню у сильных мира сего. Так было всегда, так было и в начале Балканской войны, когда патриарх турецких армян Аршаруни, после получения вестей о всё более устрашающих событиях из Турецкой Армении, обратился к английскому послу в Константинополе с просьбой защитить армян от курдских набегов, т.е. привести в исполнение 61-ю статью Берлинского трактата. Посол не принял патриарха и оставил без ответа его просьбу².

¹ Там же. № 253, 13 ноября 1912 г.

² См.: Кавказ. 7 ноября 1912 г.; Мшак. № 250, 9 ноября 1915 г.

Ованнес Аршаруни убедился, что новые обращения к европейцам ждет та же судьба. В эти дни в своем письме к «рамкаварскому» деятелю Ваану Малезяну он писал, что окончательно убедился в том, что армяне могут доверять только русской дипломатии¹.

Уверовав в это, Его Святейшество письменно обратился к русскому послу в Константинополе Михаилу Николаевичу Гирсу, затем встретился с ним лично. Во время визита патриарх отметил, что армяне мечтают видеть русскую армию в Армении. Посол ответил, что для того, чтобы занять Армению и Курдистан, Россия должна предварительно получить на это мандат великих держав. Одновременно посол посоветовал патриарху обратиться непосредственно в Петербург, при этом обнадежив его, что Россия известит об этом великие государства².

О своей встрече с патриархом Гирс сообщает в Петербург. За этим следует письмо министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова к императору Николаю II, в котором говорилось: «Территориальные завоевания не входят в наши непосредственные интересы. Потребности нашего внутреннего развития принуждают нас в первом ряду забот поставить сохранение мира»³.

После встречи с русским послом Аршаруни встречается также с английским послом в Константинополе, которому также оставляет письменное обращение. Об этих двух встречах патриарх по телеграфу сообщает Католикосу всех армян⁴.

Даже такое незначительное событие, как принятие Гирсом обращения Аршаруни, вызвало воодушевление в патриархате и Национальном собрании. Армянские политические партии так и не осознали, что пока народ Турецкой Армении стучится в двери корыстных дипломатов с жалким видом, он получит резкий отказ или, в лучшем случае, ему достанется лишь ничтожный кусочек роскошного пирога. Такова нравственность дипломатии.

Вот в таких условиях армянский народ своими чаяниями давал импульс армянским политическим силам определять дипломатический курс – двигаться сообразно с российской политикой.

В этот период в армянской прессе обсуждалась антитурецкая освободительная борьба в Албании, эта тема продолжала оставаться источником вдохновения. Осенью 1912 г. в Албании ширилось победоносное восстание, вспыхнувшее весной того же года. Когда турки одно за другим проигрывали кровопролитные сражения, со всей остротой встал вопрос освобождения албанцев. Что собой представляла Албания в 1912 г.? Это была страна, народ которой хоть и жил в центре Европы, однако был очень далек от цивилизации. Албанцы не имели сформулированной национальной идеи и какого-либо

¹ МЛИ. Фонд В. Малезяна. Сп. 1. Пап. 165. Письмо № 165а.

² Мшак. № 250, 9 ноября 1912 г.

³ Вэм (Париж). № 1, январь – апрель 1935 г. С. 6. (на арм. яз.).

⁴ Мшак. № 250, 9 ноября 1912 г.

международного документа, гарантирующего его права, каковые имелись у армян и македонцев.

И вот сейчас мощнейшее восстание албанцев против турок привело в растерянность европейские державы и принудило их искать какой-то выход для удовлетворения требований восставшей страны. Они намеревались заставить младотурецкое правительство провести в кратчайший срок реформы в Албании, а в случае невыполнения пойти на решительные шаги и даже поставить вопрос о ее независимости.

Албания попала в сферу интересов одной из держав – Австрии, которая стала заступницей Албании по двум причинам: во-первых, австро-сербские противоборствующие интересы, углубляясь, расчистили путь к албанской автономии; во-вторых, этому способствовала также конкуренция австро-итальянских интересов. Это обстоятельство, по мнению армянских деятелей, должно было благоприятно воздействовать на разрешение армянского вопроса, укрепить идею установления автономии в Турецкой Армении. Они считали, что, если идея автономии Албании станет возможной при поддержке Австрии и Италии, то и идея автономии армян может осуществиться при покровительстве России.

Австрия была первой страной, которая потребовала предоставить албанцам автономию, а Антанта (Англия, Франция и Россия) уступила и одобрила требование одного из членов Тройственного союза. Исходя из этого армянские деятели считали, что, если в свою очередь Россия предложит установить автономию в Турецкой Армении, то более чем вероятно, что Тройственный союз пойдет на ответную уступку и не воспрепятствует требованию России. Они, разумеется, понимали, что найдутся такие, которые будут против – поскольку в Армении проживают не только армяне, но и другие народы. Но ведь то же самое и в Албании: вместе с албанцами живут сербы, греки, болгары, румыны и иные национальные меньшинства. Но у программы албанской автономии были шансы на успех потому, что этого решительно пожелало одно из влиятельных государств. Следовательно, если другая мощная держава – Россия – с такой же определенностью и настойчивостью пожелает автономию Турецкой Армении, то в условиях, когда турки терпят сокрушительные поражения в Балканской войне, она может добиться осуществления этой программы.

Поскольку самым удобным центром для ведения дипломатических отношений должно стать место вне Турции, предлагалось, что под руководством Католикоса всех армян будет избран представительный орган из числа деятелей местностей Турецкой Армении и различных армянонаселенных территорий, который должен быть призван вести из этого центра дипломатические сношения, основанные на стремлениях и желаниях всех армян. Однако этого осуществить не удалось, и вместо этого в различных районах были сформированы подкомиссии.

Константинопольское патриаршество и различные колонии, а также политические партии и организации прямо или косвенно вносили свои предложения, и с помощью газет стали пропагандировать разнообразные идеи и предложения, которые подхватывались европейской прессой различных политических направлений. Последние зачастую отклонялись от защиты устремлений армян и армянский вопрос обсуждали согласно целесообразности интересов того или иного государства.

Такие разрозненные мероприятия не могли иметь положительного результата. Поэтому первыми свой голос подняли зарубежные армяне с требованием создать общий руководящий центр. За ними последовали турецкие армяне. Предложения стали поступать со всех сторон.

Этому способствовали два важных отрядных обстоятельства. Во-первых, после установления конституционного режима в Османской империи Европа в целом и отдельные влиятельные европейские государства еще не поменяли своего отношения к ней. Они продолжали считать Турцию «больным человеком», потому что увидели и убедились в том, что младотурецкая администрация ничем не отличается от прежнего турецкого режима Абдул-Гамида. Сам этот «больной человек» показал, что отнюдь не намерен лечиться. Всё то, что могло оздоровить его – административные, судебные, аграрные, промышленные реформы, он проигнорировал, не предприняв никаких мер для их осуществления. Продолжались те же грабежи, притеснения и лживые обещания. Именно по этой причине армянский вопрос вновь стал интересовать европейскую прессу и европейские политические и дипломатические круги¹.

Во-вторых, петербургское правительство, как было сказано выше, изменило свое отношение к армянскому вопросу, и в российских руководящих кругах проявилось доброжелательное отношение. Такой же поворот имел место в кругах правых консервативных и националистических слоев. Это находило свое отражение в правой русской прессе, на страницах которой выражались симпатии в адрес стремлений армянского народа. Даже такие периодические издания, как газеты «Новое время» или «Голос Кавказа», в прошлом буквально пропитанные армянофобией, стали печатать статьи с вполне благосклонным отношением к армянскому вопросу. А отношение русской прогрессивной интеллигенции и общества к армянскому народу и армянскому вопросу всегда было доброжелательным.

В-третьих, пришло в движение общество турецких армян. Всё более настойчивыми становились требования установить правопорядок в армянских областях. Зарубежные армяне были в тревоге за бедственное положение и продолжавшиеся убийства своих сородичей в Турции. От дремоты безразличия просыпались армяне России, в том числе оторванная от своих национальных корней прослойка интеллигенции.

¹ Аветабер. № 50, 14 декабря 1912 г.

В создавшихся новых обстоятельствах, а именно: 1) факт сокрушительного поражения турецких армий на фронте; 2) поступавшие из всех армянонаселенных мест в Эчмиадзин многочисленные телеграммы, записки, резолюции и отчеты, в которых армяне диаспоры сообщали, что они отныне не могут безучастно наблюдать, как их сородичи в Турции подвергаются всяческому истязаниям и одновременно опасаются новых вспышек мусульманского фанатизма и погромов армян; 3) снятие политической составляющей армянского вопроса, т.е. армяне не поднимают политических вопросов перед турецким правительством, отказываются от привилегий, данных предыдущими султанами, и будут удовлетворены, если будут иметь равные права с другими иноплеменными народами, что они требуют лишь улучшения их экономического положения и особенно ликвидации разбоя, иначе говоря, хотят быть хозяевами своей собственности, земли, денег, чести и жизни; 4) известия, полученные от армянского Константинопольского патриарха Аршаруни, о том, что все просьбы, адресованные Высокой Порте, от имени самого патриарха, а также Национального собрания турецких армян, были отклонены¹, и именно поэтому тот передает Эчмиадзину руководство этим вопросом; 5) убежденность Константинопольского патриарха, что решение армянского вопроса как в прошлом, так и в этот судьбоносный момент зависит преимущественно от России, а не от великих европейских держав, подписавших Берлинский трактат; 6) существенное смягчение противоречий между Россией и европейскими державами, – Католикос всех армян Геворг V Суренянц решает обратиться к русскому правительству с просьбой, чтобы оно взяло на себя инициативу по урегулированию доведенного до минимальных требований вопроса турецких армян².

Это решение католикоса было естественным, потому что на конференции в Лондоне аккредитованных там послов шести государств, подписавших в свое время Берлинский трактат (1878 г.), должны были обсуждаться вопросы балканского урегулирования, и в частности вопрос о независимости Албании и Македонии. Турция обязалась провести реформы в Македонии, которые она в итоге так и не осуществила. И вот сейчас, через почти три с половиной десятилетия, Македония уже не нуждалась в турецких реформах, ибо она уже вышла из-под власти турок и стремилась к высшему политическому статусу – независимости, которая должна была получить свое правовое оформление.

Для всех народов естественно стремление к свободе, но турецкие армяне не могли даже мечтать об этом. Для них это было недостижимой вершиной, несбыточной мечтой. Для них высшей целью была автономия, что было недостижимым в предшествующие десятилетия. Спустя долгие годы (к тому времени прошло уже 34 года со

¹ Арор (рус. *Соха*, Тифлис). № 9–10, сентябрь – октябрь 1912 г. С. 129–130. (на арм. яз.).

² Айреник (рус. *Родина*, Бостон). № 8 (354), август 1954 г. С. 87. (на арм. яз.).

дня подписания Берлинского трактата) они связывали свои надежды с новым удобным случаем – с Лондонской конференцией послов.

Армянская пресса уже анализировала и делала прогнозы, какие решения по проблемам турецких армян может принять конференция в рамках своей компетенции. Например, «Арор» видел три варианта: 1) великие державы Европы предоставят мандатные полномочия России на занятие Турецкой Армении и установление там правопорядка; 2) Россия сама займет территории в качестве возмещения за занятие территорий другими государствами; 3) Европа примет на себя обязательства по контролю проведения реформ. «Какой бы вариант ни был принят, – пишет газета, – армянский народ в Турции будет доволен, потому как... он нуждается в свободном культурном и гражданском развитии»¹.

Заранее посоветовавшись с искренним другом армянского народа наместником И.И. Воронцовым-Дашковым, Католикос всех армян Геворг Суренянц 2 октября 1912 г. подписывает адресованное последнему письмо, в котором просит императора России, принимая во внимание невыносимые условия жизни турецких армян, взять на себя рассмотрение и решение армянского вопроса².

Этим обращением католикоса к кавказскому наместнику фактически было положено начало нового выдвижения армянского вопроса. С этого исторического момента тяжесть проблем, волнующих турецких армян, легла на плечи армянского католикоса.

В работе по составлению текста обращения приняли участие ряд видных национальных деятелей, в том числе Александр Хатисян. «...Могу сказать, – впоследствии вспоминал последний, – что это обращение соответствовало стремлениям армянского народа, его интеллигенции и партийных кругов»³.

Со времени начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. впервые Католикос всех армян обращался с ходатайством к России. Эта война, будучи важной с точки зрения укрепления русского господства в Закавказье, одновременно положила начало новому этапу в исторической судьбе армянского народа, выдвинув армянский вопрос со всеми его катастрофическими последствиями. Однако в то время Католикос всех армян Геворг IV отказался ходатайствовать перед победившей Россией и европейскими государствами. Вручение известной петиции кавказскому наместнику было представлено со стороны лишь нескольких лиц под руководством Григора Арцруни. Поскольку Геворг IV не обращался к России и другим великим державам, не желая их вмешательства во внутренние дела Турции, его прозвали туркофилом. В действительности же причиной такого поведения католикоса было опасение, что Россия не сумеет удержать завоеванные в ходе войны страны, в том числе

¹ Арор. № 9–10, сентябрь – октябрь 1912 г. С. 130.

² См.: Историко-филологический журнал. 1993. № 1–2. С. 168–169. (на арм. яз.).

³ Айреник. № 7 (79), май 1929. С. 95–97.

и Турецкую Армению, и после подписания мирного договора удалится с занятых территорий, выведя оттуда свои войска. Он считал, что в случае возникновения подобной ситуации брошенные армяне останутся один на один с огромной империей, власти которой не преминут отомстить им.

Именно так и случилось: в основном Германия и Англия препятствовали России удерживать Армению в своих руках и принудили ее вывести свои войска из страны. Правда, резни армян сразу после вывода русских войск не произошло, однако султан Гамид затаил злобу и в дальнейшем, зная о сочувственном приеме со стороны армян, оказанном в отношении русских войск, вступивших во время войны в Турецкую Армению, а также располагая информацией о петиции, представленной группой интеллигенции под руководством Г. Арцруни в 1895–1896 гг., излил на армян весь яд своей ужасной мести. Именно поэтому Геворг IV не пожелал взять на себя подобную огромную ответственность перед своей нацией и историей.

Была также и такая точка зрения, что, если бы католикос Геворг IV проявил усердие в вопросе ходатайства перед Россией и Европой, то, быть может, армянский вопрос не получил бы того жалкого «решения», каковым стала 61-я статья Берлинского трактата, и за истекшие 34 года армянская нация не понесла бы столь страшных утрат, вместо убывания ощутило возросла бы в числе, обрела бы развитую экономику и культуру. Однако что было, то прошло.

И после Геворга IV ни один из эчмиадзинских католикосов так ни разу не обратился к европейским государствам. А что касается патриархов турецких армян, то они по различным поводам и вопросам обращались к послам великих держав в Константинополе.

Разумеется, выдвигая армянский вопрос в 1912 г., католикос Геворг V Суренянц опасался, что турецкие армяне могут оказаться в еще более плачевном состоянии, чем ныне. После долгих раздумий он всё-таки пошел на этот смелый и шаг, ибо другого выхода не было – как говорится, чаша терпения переполнилась.

2 октября католикос подписывает кондак, которым поручает видному духовному и общественному деятелю, члену Эчмиадзинского синода, лектору Геворгяновской семинарии, выдающемуся арменоведу епископу Месропу Тер-Мовсисяну срочно отправиться в Петербург и уговорить российские власти взять армян под свое покровительство. Епископ Месроп везет с собой письмо Святейшего патриарха императору Николаю II и записку Константинопольского армянского патриарха с просьбой о выдвигании армянского вопроса, которые следовало вручить находившемуся в эти дни в Петербурге Воронцову-Дашкову. Прибыв в Петербург 9 октября, епископ Месроп встречается с заместителем и передает тому конверты с вышеуказанными письмами. Воронцов-Дашков сразу же передает их председателю Совета министров Коковцеву, который на следующий день должен был иметь

аудиенцию у императора и передать ему также письма, полученные от Эчмиадзина. Однако по стечению обстоятельств встреча Коковцева с императором откладывается¹. В качестве возмещения этой неудачи наместник советует епископу попытаться, не теряя времени, встретиться с министром иностранных дел Сергеем Сазоновым.

Беспокоясь о судьбе армян и преисполненный желанием помочь им, Воронцов-Дашков ищет иные средства и находит необходимым выразить свою точку зрения лично Николаю II. В ночь с 9 на 10 октября он пишет письмо и отправляет его царю. В том известном письме, полностью посвященном армянскому вопросу и армянству, наместник информирует царя о том, что у премьера он ознакомился с письмом Католикоса всех армян и предполагает, что католикос намерен прибыть в Петербург и от имени своей паствы «лично всеподданнейше ходатайствовать перед Вашим Императорским Величеством о взятии под свою защиту турецких армян от постоянных нападений курдов»². Отмечая, что он осмелился посоветовать премьеру не отвергать заявление католикоса, наместник вместе с тем считает необходимым предложить вниманию самодержца некоторые свои соображения по поводу ходатайства Эчмиадзина.

«Вашему Величеству известно, – писал Воронцов-Дашков, – что в течение всей истории наших отношений с Турцией относительно Кавказа... российская политика, начиная с Петра Великого, непрерывно основывалась на доброжелательном отношении к армянам, за что армяне оплачивали, в меру своих сил оказывая нашим войскам помощь во время военных действий. Присоединив к нашим владениям так называемую Армянскую область, где находится Эчмиадзин – эту колыбель армяно-григорианства, – император Николай Павлович приложил немало усилий, чтобы Эчмиадзинский патриарх одновременно выступал как попечитель для турецких и персидских армян, справедливо полагая тем самым обрести полезное для России воздействие на христианское население Малой Азии, на население того края, по которому проходит наша стародавняя дорога продвижения к южным морям»³.

Затем наместник возвращается к тем усилиям, которые прилагала Россия в XIX веке для облегчения положения преданного ей народа. «Оказывая армянам покровительство, – отмечал он, – мы обретали преданных союзников, которые всегда оказывали нам очень большие услуги. И если случалось так, что эта политика нам иногда не удавалась – из-за противодействия Турции, которая желала сконцентрировать духовное воздействие на турецких армян в руках Константинопольского патриарха, но, во всяком случае, эта политика проводилась неуклонно и почти полтора столетия. Последний раз она нашла свое четкое выражение в Сан-Стефанском договоре,

¹ См.: Историко-филологический журнал. 1993. № 1–2. С. 1–2.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 1.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 1.

согласно 16-й статье которого Высокая Порта обязывалась – под угрозой оставления русских войск в Армении – немедленно осуществить вытекающие из местных требований преобразования и благоустройства в тех губерниях, которые населены армянами, оградить их жизнь от соседей-курдов. Это обязательство Высокой Порты в дальнейшем было подтверждено 61-й статьей Берлинского трактата, но уже без угрозы российского оружия, которая была опущена в трактате с согласия великих государств и вопреки желанию России»¹.

Продолжая свои размышления, И.И. Воронцов-Дашков выражал сожаление, что теплые отношения русских властей с армянами начиная с конца прошлого века пошатнулись, причиной этому он считал недалековидное отклонение российских властей от традиционной государственной политики. Он писал: «Лишь в 90-х годах прошлого века давняя политика России по отношению к армянам резко изменилась во время сасунской резни, когда они попросили Россию вмешаться и заставить Турцию прекратить побоища, но получили резкий отказ от Лобанова-Ростовского². Вашему Величеству весьма хорошо известно, к каким плачевным последствиям привела эта перемена нашей политики, вызвавшая антирусские настроения вследствие неудачных шагов против армянской церкви внутри России, вообще среди армян, и в том числе российских подданных, которые именно по этой причине были отброшены в объятия враждебных российскому правительству революционных движений»³.

Затем Воронцов-Дашков информирует Николая II о том, как он после принятия должности кавказского наместника пытался восстановить былое доверие армян к России и что делал он это при содействии именно императора.

«Ныне я счастлив доложить Вам, Государь, о том, что у Вашего Величества сейчас не только есть верные подданные в лице российских армян, но и к Вам устремлены взоры турецких армян, которые глубоко сознают, что только у России и ее Верховного Предводителя они могут получить защиту их жизни, чести и имущества от непрекращающихся курдских зверств»⁴.

За этими словами стоят конкретные предложения Воронцова-Дашкова, адресованные царю. «Я полагаю, Царь Батюшка, что ныне настало время обратиться к бывшей русской политике покровительства турецких армян и что следует лишь изыскать те формы, которые должно принять это покровительство в нынешних условиях. По моему скромному мнению, мы должны сделать резкое заявление Высокой Порте, опираясь на Берлинский трактат о гарантировании безопасности

¹ Там же. Л. 2.

² А.Б. Лобанов-Ростовский (1824–1896) – русский дипломат, в 1878–1879 гг. посол России в Константинополе, в 1895–1896 гг. министр иностранных дел.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 3.

⁴ Там же.

армян от курдов. По-моему, нельзя упускать из Ваших рук инициативу вмешательств в пользу армян, между тем как в газетах уже есть свидетельство, быть может ошибочное, о том, что несколько играющих в политику армянских политиканов обращались к графу Бертольд¹, прося о вмешательстве Австрии. Если мы не сделаем первого шага в этом направлении и это сделает другое великое государство, то тем самым будет нанесен ущерб нашему престижу среди христиан Малой Азии. А наше молчание к мольбам армянского народа в настоящую минуту с его стороны, пожалуй, будет истолковано так, будто мы предлагаем ему навсегда оставить те надежды, которые он возлагал по сей день на своего единственного венценосного покровителя – русского царя, и в дальнейшем искать защиты вне России»².

Наместник считал, что, осуществляя подобное резкое вмешательство, одновременно не следует забывать, что отношение масс турецких армян будет сильно влиять на важные действия против Турции в будущем. Он находил, что вмешательство с целью защиты турецких армян должно параллельно сочетаться с объявлением российского правительства о том, что русские не намерены производить территориальные завоевания в Турции.

«В действительности взятие так называемой турецкой Армении, население которой состоит преимущественно из диких курдов, в настоящее время может для нас оказаться лишь вредным, создав большие заботы в деле управления этой пестрой страной с враждующим друг с другом и фанатичным населением»³.

Свое письмо, адресованное императору, кавказский наместник завершает следующими словами: «В завершение не могу таить от Вашего Императорского Величества, что планируемое мною дипломатическое вмешательство для защиты турецких армян наполнит сердца их российских сородичей чувствами верноподданнической любви и к своему Монарху, под покровительством которого они искренне желали бы благоденствия всего армянства»⁴.

Наконец 17 октября посланник Эчмиадзина встречается с министром иностранных дел Сергеем Сазоновым. В беседе министр говорит, что лично он симпатизирует армянам и считает возможным их защиту. Одновременно он советует по этому вопросу обратиться также и к другим государствам, а также добиться того, чтобы на конференции была армянская депутация⁵. В конце беседы Сазонов советует армянскому епископу обязательно увидеться с председателем Совета министров Коковцевым. Встреча посланца Эчмиадзина

¹ Филипп Бертольд (1866–1934) – главный секретарь Министерства иностранных дел Франции.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 3. Следует заметить, что кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков вообще не упускал повода способствовать тенденциям потепления русско-армянских политических отношений, что весьма четко проявлялось при его встречах с русскими премьерами и влиятельными членами правительства.

⁵ Историко-филологический журнал. 1993. № 1–2. С. 1–2.

с премьером состоялась 25 октября. В беседе епископ поднимает вопрос об освобождении армян из-под турецкого ига с помощью России, указывая, что в сложившейся благоприятной международной обстановке, когда «варварское турецкое государство повалено навзничь под сильными ударами маленьких балканских государств», Россия может человеколюбиво помочь турецким армянам, выдвигая их вопрос на предстоящей мирной конференции¹.

Весьма внимательно выслушав доводы епископа Месропа, Коковцев дает обещание помочь армянам. Он сообщает эчмиадзинскому посланнику, что на встрече по армянскому вопросу император ему сказал, что он в равной степени думает обо всех своих подданных, следовательно, не может оставаться безразличным также к вопросу армян. Премьер также передает следующие слова императора: «Хотя упомянутые факты о тяжелом состоянии турецких армян в представленных письмах (речь идет о письмах католикаса Геворга V и Константинопольского армянского патриарха Аршаруни. – Г. С.) не так убедительны, однако вообще известно о положении христиан, живущих в Турции». Премьер также сообщает, что Николай II выразился в пользу того, чтобы на предстоящей конференции Россия выступила в защиту армянского вопроса, и, хотя для армян будет лучшим, если русские единолично взялись бы за решение вопроса, тем не менее посоветовал обратиться за помощью также к европейским державам².

Премьер также советует, чтобы для защиты армянского вопроса католикос обратился и к другим великим государствам, а также отправил в Лондон специальную депутацию.

Впоследствии бывший министр иностранных дел Сергей Сазонов, который после большевистской революции переехал за рубеж, в 1927 г. в Париже издал свои мемуары, одна из глав которых посвящена вопросу благоустройства армянских областей в Турции. Он писал, что Россия решилась на такой шаг потому, что была заинтересована в улучшении положения турецких армян.

«Никакое другое государство, – замечал он, – не пожелало бы подвергать опасности свои добрые отношения с Турцией, поднимая весьма неприятную для Высокой Порты задачу – вопрос осуществления армянских преобразований, который уже несколько раз выдвигался. По 61-й статье Берлинского трактата Высокая Порта брала на себя обязательства перед великими государствами, но так и не выполняла их никогда, согласно укоренившемуся обыкновению любого турецкого правительства»³.

После встречи с Коковцевым епископ Месроп сразу же встречается с И.И. Воронцовым-Дашковым и сообщает ему подробности беседы с премьером. Наместник, в свою очередь, ставит в известность епископа о своем скором отъезде в Тифлис, где он должен получить

¹ Там же.

² Там же. С. 2.

³ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 168–169.

официальный ответ российского правительства, который он лично отошлет в Эчмиадзин – Его Святейшеству Геворгу V.

Во время пребывания в Петербурге епископ имеет встречи с другими русскими государственными и общественными деятелями, убеждает их в том, что положительное решение армянского вопроса весьма выгодно Российской империи¹, дает интервью петербургской прессе.

Корреспондент газеты «Новое время», встретившись с епископом, спросил его о положении армян в Армении. На что последовал ответ, что турки и курды не прекращают свои зверства против армян. Несмотря на то, что в Эрзрумском, Битлисском и Ванском вилайетах еще есть два с лишним миллиона армян, они не в состоянии сдерживать непрекращающиеся злодеяния, поскольку безоружны, а следовательно – беззащитны. Армянское население продолжает влачить жалкое существование и пребывает в постоянном страхе, что могут повториться повсеместные погромы. Но даже в таком безвыходном положении они не теряют надежды на то, что Россия не забывает о них, что на Лондонской конференции она непременно поднимет вопрос о положении армян и о возможных путях выхода из ситуации. На вопрос корреспондента о том, каков будет следующий шаг Католикоса всех армян после поднятия вопроса о благоустройстве восточных областей, епископ Месроп ответил: «Что станет делать католикос – пока сказать трудно, но во всяком случае во время моего пребывания в Петербурге в беседах с государственными лицами я имел возможность касаться вопроса о положении армян Турции. Мне кажется, что католикос должен приложить все предоставленные ему средства и незамедлительно отправить особую делегацию с просьбой к единоверцам о защите. Все мы глубоко убеждены, что Россия отзовется на обращение главы нашей церкви и что в ближайшее время вопрос армян Турции будет обсужден заинтересованными государствами».

Высокая Порта пристально следила за встречами эчмиадзинского посланника в российской столице и за откликами российского правительства на обращение католикоса армян.

Интервью было опубликовано в № 13156 «Нового времени». В конце материала от редакции было сделано следующее дополнение: «Во время пребывания в Петербурге епископ Месроп имел встречи с рядом государственных и общественных деятелей и считает, что интересующий армян вопрос горячо занимает наши правительственные круги, которые, как видно, намерены выдвинуть этот вопрос в ближайшем будущем». После интервью в тот же день епископ Месроп отправился в Эчмиадзин.

Аккредитованный в Петербурге турецкий посол Турхан-паша уже успел оповестить свое правительство о том, что католикос

¹ Жаманак (рус. *Время*, Константинополь). № 1262, 30 октября (12 ноября) 1912 г. (на арм. яз.).

Геворг V просил русское правительство, в связи с происходящими на Балканах событиями, выступить инициатором выдвижения армянского вопроса. Посол сообщил, что министр иностранных дел Сазонов отнесся благожелательно к ходатайству католикоса и предложил Константинопольскому патриарху и Национальному собранию в официальном порядке обратиться к Петербургу со своей просьбой, дабы Россия получила возможность вынесения вопроса на обсуждение великих государств. Турхан-паша не забыл также сообщить, что успеху ходатайства католикоса способствовал русский посол в Стамбуле Гирс, который в своей пространной докладной о положении в Малой Азии, отправленной в Петербург, подробно написал о новых убийствах армян в Ване, Адане, Диарбекире и других местах. Паша уведомил свое правительство о том, что после возвращения в Эчмиадзин епископ Месроп представил Католикосу всех армян отчет под заголовком «Объявление», в котором подробно представил точку зрения русского монарха, членов царского правительства и других высокопоставленных должностных лиц¹.

СОЗДАНИЕ РУКОВОДЯЩЕГО СВЕТСКОГО ОРГАНА РОССИЙСКИХ АРМЯН

Благодаря перемене отношения царских властей к армянскому народу оживилась политическая жизнь кавказских армян. Армянские национально-политические партии и иные организации обрели благоприятные условия для своей деятельности. В это судьбоносное время, когда в Закавказье поступали удручающие известия из Армении, армянские политические и интеллектуальные силы искали средства для мобилизации потенциала российских армян с целью поддержки турецких армян. Эта общественная потребность вызвала к жизни идею создания руководящего светского органа российских армян, учитывая атмосферу ожидания того, что армянский вопрос вновь станет предметом серьезного внимания со стороны дипломатических кругов, а российское правительство примет благоприятствующую позицию по отношению к инициативе армянских деятелей.

Пока в Тифлисе раздумывали, просить ли у правительства разрешения на создание этого органа, армянские интеллектуальные круги Баку уже в середине октября отправили приглашения в армянонаселенные города края и России, предлагая направить своих делегатов в Тифлис для созыва всеобщего конгресса.

Тем временем представители армянской интеллигенции Тифлиса и Москвы уже обратились к кавказскому наместнику с просьбой о разрешении созыва конгресса. Воронцов-Дашков сразу же дал свое согласие. В свою очередь петербургское правительство одобрило инициативу.

¹ МЛИ. Фонд Аршака Чопаняна. Пап. 38. Л. 3.

Наконец 30 октября (12 ноября) 1912 г. в Тифлисе было созвано первое представительное совещательное собрание (конгресс) интеллигенции российских армян. Большинство делегатов были из Тифлиса, однако также были представители из Баку, Еревана, Ахалциха, Нового Нахичевана, Армавира, Батума и других мест.

Состоялись два заседания конгресса. Первый вопрос, к которому обратились делегаты, была проблема правомочности конгресса. Выступающие находили, что, поскольку на конгрессе представлены далеко не всех армянонаселенные районы России, необходимо из всех городов Кавказа и России в равной пропорции избрать делегатов и созвать новый конгресс, уполномоченный от имени всего российского армянства, и выбрать исполнительный орган для продвижения армянского вопроса¹.

Затем был обсужден вопрос о том, какую поддержку может оказать Католикосу всех армян российское армянство при выдвигании армянского вопроса в период Балканской войны². Было принято решение обратиться к католикосу и просить его о том, чтобы он от имени всего армянства направил обращение к императору протянуть руку помощи многострадальным турецким армянам. Было проведено голосование за резолюцию, в которой было сказано, что задачей политических и общественных организаций российских армян является установление тесных связей с зарубежными национальными органами, всемерное содействие проармянской пропаганде как в России, так и за рубежом. Ближайшей задачей стало установление тесных связей с российским послом в Константинополе М.Н. Гирсом. Конгресс избрал двух депутатов, Самсона Арутюняна и Амбарцума Аракеляна, которые должны были отправиться в Святой Эчмиадзин и лично вручить резолюцию католикосу³.

Было также предложено рассмотреть вопросы самообороны турецких армян, однако большинством было решено ограничиться дипломатическими заявлениями. В заключение конгрессом было избрано временное бюро из 8 человек в составе Самсона Арутюняна, Александра Хатисяна, Ованеса Туманяна, Константина Хатисяна, Александра Калантаряна, Амбарцума Аракеляна, Аветиса Погосяна и Никола Агбаляна. Позже временное бюро было переименовано в Национальное бюро. Бюро должно было вести текущие дела и подготавливать созыв нового совещательного собрания (съезда), посвященного вопросам содействия со стороны российских армян турецким армянам⁴. После конгресса С. Арутюнян и А. Аракелян отправились в Эчмиадзин для вручения католикосу письма, содержащего решения и просьбу участников конгресса⁵.

¹ Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 222. Сп. 1. Кн. 24. Л. 25.

² См.: Общеармянские совещания (1912–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Ереван, 1920. С. 3. (на арм. яз.).

³ НАА. Ф. 222. Сп. 1. Кн. 24¹. Л. 25–25 об.

⁴ Там же.

⁵ Матенадаран. Диван католикоса. Пап. 2473. Док. 9. Л. 7–8.

Правда, временное (Национальное) бюро не было признано правительством, однако власти были хорошо информированы о его деятельности, знали, чем оно занимается и не чинили ему препятствий¹. Вскоре по примеру Национального бюро были созданы подобные органы также в других армянонаселенных местностях Кавказа, которые имели связи друг с другом, и все они подчинялись распоряжениям Тифлисского бюро.

ОБСУЖДЕНИЯ В РОССИЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ

Мнение о необходимости помощи армянам уже в третьей декаде октября 1912 г. проникло в самые высшие сферы российской власти. Свидетельством тому стало секретное письмо председателя Совета министров В.Н. Коковцева от 31 октября за № 6125, адресованное министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Премьер оповещал министра о том, что наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков 10 октября направил письмо императору Николаю II, в котором сообщал, что получил петицию от Католикоса всех армян, в которой вновь поднимает вопрос защиты армян от курдских нападений. Наместник писал монарху, что он одобряет ходатайство католикоса, а также подчеркивает, что положительный ответ на обращение армянского духовного предводителя «был бы сообразен с традиционной политикой России по защите турецких армян» и что было бы большой ошибкой «упускать из наших рук инициативу в вопросе их защиты». Затем наместник добавляет: «Необходимо предъявить Высокой Порте резкое заявление со ссылкой на Берлинский трактат 1878 г. о необходимости обеспечения ею армянам безопасности от курдов»².

Премьер Коковцев в письме Сазонову сообщает: «Его Императорское Величество, ознакомившись 19 сего октября с вышеупомянутым письмом графа Воронцова-Дашкова и выслушав мой доклад по этому поводу, соизволил сочувственно отнестись к заявлению наместника о желательности заступничества за турецких армян и, равным образом, вполне одобрил предположение о том, чтобы первоначальная инициатива этого заступничества исходила от русского правительства».

Одновременно премьер ставил в известность, что император также указывал на обстоятельство того положения, в котором ныне

¹ Когда Турция вступила в войну в 1914 г., началась очередная русско-турецкая война и был выдвинут вопрос образования армянских добровольческих отрядов, Национальное бюро со своими подразделениями и агентами стало во главе добровольческого движения. Правительством была предоставлена Национальному бюро абсолютная свобода действий, и оно стало легальным органом. Оно установило тесные связи с властями, под его руководством были консолидированы военные силы армянского народа. Бюро просуществовало вплоть до расформирования армянских добровольческих отрядов и их превращения в армяно-русские полки. Вплоть до Февральской революции 1917 г. Тифлиское национальное бюро всё еще продолжало свою деятельность, хотя и со строго ограниченными правами и полномочиями.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 33.

находится Османская империя, «...теснимая победоносными армянами и своими противниками и совершенно обессиленная своим внутренним управлением, и в этих условиях заявление России в пользу армян вряд ли было бы удобоуместным и, во всяком случае, не могло бы ожидать в данный момент каких-либо практически полезных для них результатов. Одновременно подобное заявление, сделанное единственно с нашей стороны, не соответствовало бы принятому европейскими державами намерению, согласно которому решено в отношении турецко-балканского конфликта и связанных с ним осложнений действовать посредством совместных усилий, которые заведомо согласованы между собой».

«Следовательно, представляется, по-видимому, более правильным, воздержавшись пока от каких-либо односторонних выступлений перед Высокой Портой, приурочить изъясненный вопрос к тому времени, когда преступлено будет, по соглашению заинтересованных держав, к ликвидации последствий настоящей войны и точному установлению обусловленного ею нового порядка вещей. Ныне обсуждаемое заявление Русского Правительства, без сомнения, могло бы рассчитывать на больший, чем ныне, успех, причем инициативу выступления в пользу турецких армян, как правильно отметил наместник, желательно было бы удержать за Россию. К нашему выступлению имелось бы тогда тем более оснований, что, не говоря уже о соображениях нашей внутренней армянской политики, отмеченных в письме наместника, возможно было бы с значительною долей уверенности рассчитывать на поддержку нашего в этом деле почина прочими великими державами, не исключая даже и Германии, заинтересованной, конечно, в умиротворении армянского населения в малоазиатских провинциях Турции, прорезываемых сооружаемою, главным образом на германские средства, Багдадскою железною дорогою»¹.

Затем Коковцев писал Сазонову: «О вышеизложенных соображениях Его Императорское Величество Высочайше повелел мне сообщить Вашему превосходительству и просить Вас доставить мне Ваше по настоящему делу заключение для доклада оному Его Величеству и установление окончательного по сему предмету образа действия Русского Правительства, о чем я не замедлю засим известить и наместника кавказского. При сем препровождаю копию с всеподданнейшего письма Генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова и письмо к нему католикоса с 3 приложениями, покорнейше прося, по минованию надобности, вернуть мне 5 прилагаемых документов»².

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов 5 ноября посылает записку № 755 русскому послу в Константинополе Гирсу вместе с письмом премьера Коковцева от 31 октября за № 6125 по вопросу защиты

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 33об. – 34.

² Там же.

турецких армян с пятью приложениями и просит дать свое заключение по этому вопросу¹.

В своей ответной секретной телеграмме (№ 117) посол сообщает министру иностранных дел о том, что он «одобряет инициативу армянского католикоса, который обратился к России как давней защитнице христианских народов Востока о покровительстве над многострадальным армянским народом, живущим в Турецкой Армении»². Гирс замечает, что это признание католикоса отражает настроенность армянского населения Турецкой Армении к России. Официально поднятый духовным предводителем армян вопрос для России имеет первостепенную государственную важность, который требует всесторонней разработки и к которой он «намерен приступить в самое ближайшее время, как только в посольство поступят требуемые сведения от Армянского патриаршества и русских консулов в Турецкой Армении». Затем Гирс считает своим долгом выразить несколько соображений более общего характера. Из письма председателя Совета министров Коковцева, адресованного Сазонову, им было замечено, что император Николай II относился с сочувствием к заявлениям кавказского наместника о желательности защиты турецких армян и однозначно одобрял предложение, чтобы эта официальная инициатива исходила от российского правительства. Император одновременно отмечал, что было бы более правильным воздерживаться от каких-либо односторонних действий в адрес Высокой Порты, вопрос приурочить к тому сроку, когда по согласованию заинтересованных держав будет предпринято устранение последствий нынешней войны и обусловленного последним четкого установления нового порядка вещей.

Приветствуя со своей стороны давнюю политику защиты турецких армян и будучи весьма преисполненным незыблемой волей к оказанию помощи армянству, Гирс находил, что ни в коем случае нельзя упускать из рук инициативы в этой защите. Вместе с тем он считал своим долгом обратить внимание министра иностранных дел на крайне нестабильную ситуацию в армянских районах Турции, где каждый день могут вспыхнуть серьезные волнения и беспорядки. Невозможно гарантировать, отмечал он в телеграмме, что, в случае какой-либо кровавой расправы над армянами, политические деятели этой нации, будучи неуверенными в содействии со стороны России, не обратятся ко всем трем державам, разработавшим реформы в 1895–1897 гг., – к России, Франции и Англии, быть может, и ко всем великим государствам-участникам Берлинского трактата.

«Как мне известно, – сообщал Гирс, – в кругу местных армян уже составляется обращение, которое будет представлено великим державам на предстоящей мирной конференции. Однако

¹ Там же. Л. 40.

² Там же. Л. 48.

события могут вынудить авторов представить это обращение до созыва конференции»¹. В таком случае Гирс опасался, что Россией инициатива будет утеряна.

Следовательно, Гирс считал, что необходимо уверить как Католикоса всех армян, так и Константинопольского патриарха в том, что императорское правительство внемлет просьбе армянского народа и в случае необходимости окажет ему посильное покровительство. Подобное «пусть даже самое обобщенно сформированное обещание, в случае резни и погромов, могло бы придать турецким армянам надежду на нашу помощь и... удержать их от непосредственного обращения к державам. В случае дачи такого общего обещания мы смогли бы армянам дать понять, что нынешний момент мы считаем неудобным для общих действий». Затем, обращаясь к тем формам действий, в которые должно было воплотиться предполагаемое покровительство Петербурга над турецкими армянами, Гирс подчеркивал, что «занятие нами армянских вилайетов, о котором мечтают многие армяне, в настоящий момент представляется мне преждевременным»². В то же время он добавляет, что, становясь на путь реформ в пределах Турецкой империи, не следует забывать участь закона 1895 г. об армянских реформах и необходимо создать твердые гарантии для предполагаемых реформ в армянских областях, ставя их под реальный контроль русских и европейских агентов. Однако, имея серьезные сомнения по поводу солидарного взаимодействия европейских держав в армянском вопросе, Гирс заключает свои размышления следующими строками: «При сем следует также учитывать ту вероятность, что в условиях ныне царящей в Турции анархии преобразования не принесут ожидаемого успокоения, и надо быть готовыми к тому, что вход наших войск в эти губернии, возможно, станет необходимым»³.

ВСТРЕЧА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТУРЕЦКИХ АРМЯН С РОССИЙСКИМ ПОСЛОМ

Посол Михаил Николаевич Гирс уже собирался изложить свое мнение о поднятом со стороны армянского католикоса вопросе в письме, адресуемом С. Сазонову, когда к нему обращаются два видных армянских деятеля с просьбой принять их. Это бывший депутат турецкого парламента Григор Зограп и член смешанного собрания патриаршества Мартикян.

В начале встречи вышеупомянутые лица были представлены послу в качестве делегатов Армянского патриаршества, а следовательно – всего турецкого армянства, и затем пояснили причину своего визита:

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 50.

² Там же.

³ Там же.

пришли поведать о невыносимом положении Армении, которое изо дня в день ухудшается из-за анархии в Турции. На вопрос Гирса, каковы требования армян, Зограп и Мартикян отвечают, что они «очень скромны», и излагают чаяния своего народа, каковыми является право на жизнь в пределах закона. Но именно это право, говорят они, турецкое правительство не хочет или не может обеспечить армянам.

Зограп отметил, что когда в Турции была провозглашена конституция, армяне искренне приветствовали ее, полагая, что наконец их вековым страданиям будет положен конец. Даже ужасающая резня в Адане 1909 г. была прощена туркам и была приписана старому режиму. Но последовавшие события заставили армян горько сожалеть о своей доверчивости. Курды, как и прежде, продолжали грабить, насиловать и убивать незащищенное армянское население, а лицемерная турецкая администрация, будучи свидетелем всех этих ужасов, не предпринимает каких-либо мер для их прекращения. Захваченные курдами у армян земли не возвращаются их хозяевам. А в последнее время распространяются зловещие слухи о новых готовящихся погромах. «Все эти факты довели турецких армян до полнейшего отчаяния», – объяснял Зограп¹.

Армянские деятели категорично заявили о том, что армянский народ ныне не видит иного выхода, чем обращение к России, – только она может спасти его от этого ужасного состояния. Они указали, что армянский народ отныне не верит в истинность любой турецкой реформы, пусть даже под европейским наблюдением. По их убеждению, реформы, проведенные в Македонии, свидетельствуют о невозможности достижения каких-либо ощутимых результатов для армянского населения в случае сохранения турецкой администрации. Посему Зограп и Мартикян находили, что армянский народ можно спасти только лишь посредством радикальных действий, то есть занятием армянских вилайетов русскими, причем не временным, а постоянным присутствием, которое носило бы такой же характер, как прикрепление Боснии к Австрии в 1908 г. «В вопросе русской оккупации едины все армянские партии, даже дашнаки»², – уверял посла Мартикян.

О своей встрече с армянскими делегатами Гирс секретной телеграммой № 177 сообщил министру иностранных дел Сазонову. Он отмечал: «...Отнюдь не в наших интересах отталкивать от нас армян. Я ответил моим собеседникам, что российское правительство, следуя вековым традициям, относится с глубоким сочувствием к страданиям армянского народа. А к их конкретным предложениям я счел нужным отнестись с величайшей сдержанностью, пообещав лишь известить о них императорское правительство и указав на то, что в настоящий момент, когда Балканская война еще не окончена, неудобно предпринимать какое-либо действие...»³

¹ Там же. Л. 48.

² Там же.

³ Там же. Л. 48об. – 49.

То, что Зограп и Мартикян в самом деле выражали взгляды и надежды всех турецких армян, не оставляло сомнений у русского посла, который немного спустя имел встречу с патриархом Аршаруни. Последний повторил все доводы Зограпа и Мартикяна, горячо прося о защите армянского народа российским императором.

Пользуясь случаем, Гирс нашел удобным вкратце напомнить Сазонову о бедствиях армян за предыдущие десятилетия. Ссылаясь на массовую резню армян в Малой Азии и в самом Константинополе в 1894–1896 гг., посол подчеркивал, что они не явились завершением армянских мук. Он ссылаясь на докладные гофмейстера Чарикова от 12 (25) сентября 1909 г., от 3 (16) октября того же года, от 17 (30) декабря 1911 г., а также на свою от 16 июня (№ 18) 1912 г. об ужасающем положении армян, которое и сейчас ни в чем не изменилось, более того, посол подчеркнул, что нынешнее положение еще хуже, чем когда-либо: аграрный вопрос обостряется, курды захватили большую часть земель и продолжают захват, а власти не только не препятствуют им, а даже покровительствуют и содействуют беззаконию.

Консулы единогласно свидетельствуют о разбоях и грабежах, организованных курдами, об убийствах армян и о насильственной исламизации армянских женщин. При этом тех, кто учиняют эти зверства, почти никогда не привлекают к ответственности¹.

Посол замечает, что вследствие всего этого усиливается стремление армянских масс к России, что это стремление проникло в ряды армянской буржуазии и интеллигенции, в среде которых начинают терять свою репутацию революционные партии и формируются новые партии с консервативными программами.

Текст телеграммы Гирса заканчивается следующими словами: «На днях опрошенные мною наши консулы в Ване, Баязете, Битлисе, Эрзруме и Трапезунде единодушно свидетельствуют о том, что все армяне, независимо от партийности, на стороне России»².

А русский вице-консул в Ване 21 ноября, в свою очередь, телеграфировал, что «все армяне искренне желают прихода наших войск, дабы реформы проводились только под контролем России»³.

Русский вице-консул в Баязете в тот же день в своей секретной докладной (№ 230) сообщает в первый департамент Министерства иностранных дел России о том, что курды продолжают творить ужасающий разгром в армянских населенных пунктах, «посему, дабы несколько смягчить их поведение, следует попытаться улучшить их образ жизни». Он пишет: «Турция, проводящая политику натравливания курдов на армян для искоренения армянской народности и создания сплошного курдского населения, никогда не заботилась об их нуждах, она не сумела воспользоваться столь могущественным фактором, как общность религии, дабы объединить курдские племена, не

¹ АВПРИ. Ф. «Подитархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 49.

² Там же. Л. 49об.

³ Там же.

заботилась о поднятии экономического и культурного уровня своих курдов». Ничемная турецкая администрация, отличавшаяся взяточничеством и насилием, не могла не провоцировать недовольства курдов, и поэтому не удивительно, что их преданность в отношении Турции была ничтожной и, наоборот, было заметно стремление к России. Вице-консул писал: «...В настоящее время, когда вследствие победы славян преданность курдов Турции стала еще более ослабевать, когда возникает вопрос о нашем покровительстве над турецкими армянами, нам действительно необходимо особенно позаботиться об отвлечении курдов от Турции и усилении среди них нашего влияния, чего нам, имеющим на Кавказе значительное число курдов, по моему мнению, не трудно достигнуть, если мы обратим больше внимания на поднятие экономического и культурного уровня среди наших курдов»¹.

Вице-консул считал, что в качестве первых шагов в этом направлении на Кавказе необходимо сформировать на первых порах хотя бы два курдских полка, что, по его мнению, «вызвало бы стремление курдских беков Турции в нашу сторону, в частности тех, кто в аширетских полках (хамидие. – Г. С.) имеет офицерские чины», следовательно, пользуются почетным положением². Он предлагал также воспользоваться влиятельностью вождя курдского племени зильян³ полковника лейб-гвардии конного полка Али Ашраф-бея Шамшаддинова и соринтировать курдов в сторону России.

ОТКЛИКИ НА ИНИЦИАТИВУ КАТОЛИКОСА

Обращение Католикоса всех армян Геворга V к российскому правительству и извещение об этом европейских правительств явились первой официальной попыткой урегулирования армянского вопроса в Турции.

Армянские деятели и пресса обстоятельно обсуждали вопрос возможных последствий инициативы армянского католикоса. Некоторые опасались, что обращение Эчмиадзина к Петербургу и начавшееся брожение среди армян вызовет недовольство турецкой стороны, что может стать причиной новых катастроф для турецких армян. Однако мнение большинства кавказских армян было противоположным, а именно: подобные опасения совершенно безосновательны, ибо ходатайство католикоса не содержит для Турции какого-то оскорбления или угрозы, ведь оно не ставит вопроса об особых привилегиях, а лишь выдвигает весьма понятное и справедливое требование, против которого ничего не имеет само турецкое

¹ Там же. Л. 50

² Там же. Л. 51.

³ Племя зильян было одним из племен, которым принадлежали курды. Вследствие быстрого изменения демографической картины только в названном одном округе Баязета в 1912 г. из 156 тысяч жителей 125 тысяч были курды, 15 200 – армяне, 5000 – турки, 8800 – татары и 2000 – персы.

правительство, которое постоянно обещало, но не было в состоянии выполнить это требование. А то, каким образом великие европейские государства создадут сносные для жизни условия в Турецкой Армении, разумеется, было делом самих этих государств. Но ясно было одно: если бы реформы осуществились, то выиграла бы в первую очередь сама Турция, турецкий народ – таково было общее мнение кавказских армян.

Возникла также и другая проблема: разве только Эчмиадзинский католикос должен поднимать армянский вопрос перед европейскими державами и Россией или также и Константинопольский армянский патриарх – как непосредственный религиозный предводитель турецких армян? Некоторые считали, в частности в Константинополе, что патриарх не только должен, но и обязан выступить с обращениями к правительствам держав, и если этого не произойдет, то это будет абсолютно неприемлемым для турецких армян. Этим объяснялось, что еще за несколько дней до обращения католикоса Геворга V к Петербургу Константинопольским патриаршим советом на заседании была избрана группа депутатов, уполномоченных обратиться с просьбой к послам великих держав в Константинополе о срочном принятии мер по защите армян¹.

Аргументы, приводимые в пользу создания отдельной делегации от Константинопольского патриаршества, не были убедительны для армянских политических деятелей, в особенности на Кавказе. Большинство считало, что обращением Католикоса всех армян уже исчерпывается этот вопрос, так как католикос, как верховный духовный глава армянского народа и его главный представитель, компетентен говорить от имени всего народа, в том числе – турецких армян и их патриарха.

О предполагаемых реформах в Турецкой Армении имело иное мнение значительная часть интеллигенции кавказских армян. Например, писатель Никол Агбалян считал, что турецкое армянство может достичь своей цели только лишь посредством успешного ведения освободительной борьбы. Он считал, что необходимо «изыскивать деньги, доставлять оружие в Турецкую Армению, призывать там к жизни соответствующие организации и при необходимости стать грудью перед натиском сброда»². Будучи уверенным в том, что нынешние армянские политические силы не в состоянии продвигать это дело, поскольку исчерпали себя, Агбалян верил, что «армянский народ имеет людей, которые благодаря своим здоровым инстинктам... извлекают из тьмы дипломатических игр и ходов дело самообороны и самоотверженно поведут его вперед»³. В своей другой статье Агбалян подчеркивал, что вооружение ради самообороны является единственным средством спасения армянства: «только лишь с оружием в руках они (турецкие

¹ См.: Мшак. № 253, 13 ноября 1912 г.

² Оризон. № 249, 1912 г.

³ Там же. № 261, 1912 г.

армяне. – Г. С.) могут удерживать на должной дистанции путливую чернь и сопротивляться более решительным течениям»¹.

Несмотря на то, что еще не было достигнуто никакого реального результата, уже с начала ноября турецкие армяне были воодушевлены счастливой перспективой наступающего времени, и эти настроения отразились в прессе. Например, константинопольская газета «Жаманак» писала: «Ван, Муш, Эрзрум, Киликия, которые по сей день не лицезрели иной картины, как разбой и резню, тогда уж (после преобразований. – Г. С.), должно быть, смогут, благодаря сильному и преданному управлению, стать краями, где вместо варварского, невежественного сброда вскоре мы могли бы приветствовать народы, наделенные обновленным, честным обликом, мирные и преданные труду, где вместо разрухи и погромов мы могли бы увидеть серьезные плоды созидательного труда, вместо дыма и пепла деревень – лишь дым, исходящий из тонира трудолюбивого крестьянина, что мирно восходит над его дымоходом... И вскоре мы сможем увидеть вдоль благоустроенных дорог каналы, благодаря которым болота преобразуются в плодородные поля и вместо воловьих стародавних телег будем приветствовать стремительный бег паровозов»². Кто же мог обвинить армянина за такую честную наивность, когда таким осязаемым казался успешный старт вождеденных преобразований!?

В былые времена, выделяя армян из числа остальных народов империи, их считали «народом, преданным османскому отечеству», но после выхода на арену армянского вопроса и создания армянских революционных партий положение армянства изменилось в худшую сторону. Неимоверные усилия видных армянских деятелей – Нерсеса Варжапетяна, Мкртыча Хримяна, Нар-Бея, Минаса Черазы и других, глубоко озабоченных проблемой освобождения Армении и в этой связи поставивших на повестку дня положения 61-й статьи, – многими считались не только излишними, но и вредными.

Были ли правы мыслящие таким образом люди? Разумеется, были правы, если иметь в виду итог армянского вопроса, когда он перестал существовать вследствие геноцида армян 1915 г. В этих обстоятельствах совершенные указанными деятелями поступки поистине могут рассматриваться как вредоносные. Однако по-человечески их, преданных идеям освобождения своего народа, можно понять, так же как и прошедших тем же путем партии и различные политические организации, которые ради спасения армянского народа не видели иного средства, как вооруженную борьбу за осуществление 61-й статьи, которая оказалась в конечном счете губительной для отечества и народа. За свое более чем скромное и справедливое требование армянская нация заплатила сотнями тысяч жертв, Армения была обагрена кровью своих лучших сынов.

¹ Там же.

² Жаманак. № 1280, 17 (30) ноября 1912 г.

Число пессимистов не убывало. Они не верили в то, что турки изменят свое отношение к армянскому народу и пойдут на какие-либо уступки в вопросе преобразований. Так думали даже многие в Эчмиадзинской конгрегации.

Ответа ждал еще один вопрос – а что же армяне колоний, являются ли они сторонниками возобновления армянского вопроса, какова их оценка и каковым будет их участие в деле продвижения вопроса? Мнения были разными, а иногда диаметрально противоположными. Однако большинство, пожалуй, составляли оптимисты. Армянские организации и деятели различных зарубежных стран по телеграфу и в письмах приветствовали инициативу католика, вносили различные предложения, просили сообщить им, какое содействие пожелал бы получить от них Святейший в своем богоугодном деле спасения народа.

Из многих колоний патриарху Ованнесу Аршаруни поступали предложения о поднятии армянского вопроса также перед правительствами стран их проживания, независимо от того, обладают или нет эти страны рычагами воздействия на решение вопроса. В середине ноября 1912 г. болгарские армяне обратились с письмом к патриарху турецких армян, прося его о том, чтобы он представлял более активные обращения европейским послам в Константинополе для решения армянского вопроса. Одновременно ему советовали обратиться за поддержкой к королю Болгарии Фердинанду.

В письме от 12 ноября 1912 г., адресованном члену российской Думы Микаэлу Пападжаняну (Пападжанову), Аршак Чопанян отмечал: «Ныне наступила великая историческая минута. Мы готовы на любые старания, дабы извлечь какой-то результат, какую-то пользу для нашего национального»¹. Он подчеркивал, что Европа, к несчастью, стремится ограничиться решением балканского вопроса и не обращаться к проблеме восточных областей Турции, отказывается выносить на повестку дня вопрос армян и увязывать его с балканским. А это означает, что потерпевшие поражение турки и курды еще больше будут притеснять армян. Вот почему армянские деятели должны приумножить свои усилия, чтобы вместе с балканским вопросом Европа приняла во внимание также и вопрос христиан, в частности армян Азиатской Турции. Чопанян считал, что для достижения этой цели необходимо завоевать симпатию правительств четырех балканских народов, в частности Болгарии и Греции, чтобы они были готовы поднять армянский вопрос на созываемом в ближайшем будущем мирном конгрессе. С этой целью он предлагал провести секретный сбор средств среди армян в пользу раненых болгар и греков, лечение которых за счет армян подтолкнет Софию и Афины поднять армянский вопрос.

После этого нереалистичного предложения Чопанян счел нужным заметить, что, разумеется, будет более результативным, если бы

¹ МЛИ. Ф. Григора Зограпа. Пап. 483/IV. Л. 1 (письмо А. Чопаняна к М. Пападжаняну по ошибке помещено в фонд Г. Зограпа).

армяне заручились поддержкой России в решении проблем турецких армян. «Если русский воспротивится, то невозможно будет сделать что-либо в поддержку турецких армян, – писал он. – С радостью увидел я в тифлисских газетах, что русские армяне осознают эту истину и прилагают и ныне прилагают серьезные усилия к тому, чтобы подвигнуть русское правительство на поддержку турецких армян, но еще многое предстоит сделать. И вы можете осуществить большие дела на этом пути»¹.

Пессимисты были более сдержанны. Они считали, что из-за принятой Берлинским конгрессом в 1878 г. 61-й статьи вот уже более трех десятилетий продолжаются массовые погромы и резня армян в Турции. Газета «Жаманак» (Константинополь) перепечатала редакционную статью одного из номеров бостонской «Айреник», в которой говорилось: «Мы, армяне, в наших политических чаяниях, воздев наши взоры к европейским великим государствам, ожидаем от них света и тепла. И каждый раз в годину испытаний, в любую минуту кризиса пускаемся в странствие по дипломатическим древним архивам и там извлекаем из пыли исторические документы, дабы представить их великим государствам и вымалывать у них разрешение на жизнь. И, как всегда, Европа вместо того, чтобы быть для нас солнцем, дарующим жизнь, являлась всего лишь искусственным фонарем, который своим холодным светом обманывал наши взоры, оставляя нас ни с чем... Европейские государства никогда не имели выгоды в том, чтобы помочь Армении. Для государств никогда не существовало гуманистических чувств... Поэтому нам следует уточнить нашу позицию в отношении политики, нам самим необходимо понять, какую реальную цену представляют наши дипломатические ходы, тем паче, когда эти ходы совершаются в виде попрошайничества»².

Автор статьи, опубликованной в журнале «Арагат» (Эчмиадзин), был убежден в том, что «в истории чудес не бывает, и турецкое племя не может в один день сразу преобразиться. Мало что изменилось за пять-шесть столетий на Востоке, в особенности в турецком племени, и сегодня ничего нет, что могло бы убедить нас в том, что положение в Турции завтра преобразится. Турок сам по себе никогда не сделает этот шаг, не сделает, ибо это противоречит всем его традициям, его религии, убеждениям, его чувствам и фанатизму»³.

В странах Европы организовывались митинги, собрания, лекции, принимались резолюции и призывы к правительствам в связи с невыносимым положением в Турецкой Армении и армянским вопросом.

Еще 9 (22) сентября 1912 г. в зале Женевского университета открылся 19-й Всемирный конгресс мира, целью которого было установление солидарности между всеми нациями и принуждение их правительств к тому, чтобы взаимные споры и претензии друг к другу

¹ Чопанян А. Письма. Ереван, 1980. С. 112. (на арм. яз.).

² Жаманак. № 1271, 8 (22) ноября 1912 г.

³ Арагат (Эчмиадзин). № 9, сентябрь 1912 г. С. 796. (на арм. яз.).

решались не силой оружия, а верховенством права и справедливости. На повестку дня конгресса были поставлены чрезвычайно важные вопросы, среди которых на первом месте была докладная Берлинского международного бюро о тех событиях, которые были связаны с войной и миром. В основном должны были обсуждаться вопросы итало-турецкой войны, македонских, албанских и армянских побоищ.

Такие борцы-пацифисты, как сенатор Ла-Фонтэ, Эмиль Арно, А. Фрид, Гастон Мох, Леон Болак, как на всех предыдущих конгрессах, так и здесь возвысили свой голос в пользу справедливого решения армянского вопроса¹.

12 ноября 1912 г. в Женеве, в самом просторном зале города – “Réformation” – состоялся большой народный митинг, который был организован известным армянофилом, неоднократно поддерживавшим турецких армян (в частности) Леопольдом Фавром. Митинг открыл сам Фавр, затем с докладом выступил редактор газеты “Journal de Genève”. В докладе были подробно описаны бедствия армян, после чего докладчик потребовал, чтобы правительства европейских стран наконец встали на защиту подписанных ими же самими конвенций. Следом за ним многочисленные ораторы присоединились к выдвинутым требованиям докладчика. В конце на митинге единогласно была принята резолюция, которая была направлена в федеральное правительство Швейцарии².

В те дни армянский вопрос с невиданной дотоле интенсивностью обсуждался в европейской прессе. В ноябре 1912 г. в Париже начала издаваться газета “Pour les peuples d’Orient” (она стала преемницей газеты «Про-Армения»), ее целью было освещение восточного вопроса, в ней был раздел на английском языке. Главным редактором газеты был армянофил Франсис де Прессансэ, который особое внимание уделял статьям, освещающим нынешнее положение Армении, обращался к фактам злодеяний, творимых в отношении армян³. В этой проармянской газете Виктор Берар писал: «Если Европа желает сохранить в целостности Азиатскую Турцию, то должна уже сейчас приступить к ее спасению, и первейшим средством этого спасения является армянская реформа»⁴.

Орган французских социалистов – газета «Юманите» – напечатала статью под заголовком «За Армению», в которой в частности говорилось: «Новая ситуация, возникшая на Востоке вследствие Балканской войны, глубоко заботит всех друзей Армении, всех тех, кто уже пятнадцать лет предан делу защиты этого народа-мученика. Несмотря на то, что народ этот ныне находится под угрозой истребления, именно он продолжает там оборонять цивилизацию и современные идеалы демократии»⁵.

¹ Мшак. № 205, 16 сентября 1912 г.

² Мшак. № 257, 17 сентября 1912 г.

³ Жаманак. № 1298, 5 (18) декабря 1912 г.

⁴ Перевод статьи см.: Дрошак (рус. Знамя). № 1, январь 1913 г. С. 2. (на арм. яз.).

⁵ Перевод статьи из «Юманите» на арм. яз. см.: Бутания (Константинополь). № 1096, 25 декабря 1912 г. (на арм. яз.).

Высоко оценивая усилия прогрессивной интеллигенции в поддержке армянского народа, в то же время многие из армянских деятелей считали их недостаточными и справедливо полагали, что необходимо сконцентрировать ресурсы на усилении контактов с исполнительными органами различных европейских стран.

Возвращаясь к инициативе католикоса, следует сказать, что она нашла горячий отклик в среде прогрессивной общественности России и на страницах российской прессы.

Сразу же после начала Балканской войны, в конце сентября 1912 г., в среде прогрессивной петербургской интеллигенции была основана новая организация под названием Партия русских прогрессистов (РПП), которая ставила перед собой задачу освобождения славянских народов из-под турецкого ига путем развертывания широкой пропагандистской деятельности. В рядах русских прогрессистов были лучшие представители интеллигенции, в основном столичной. В середине октября состоялся первый съезд партии, который провозгласил платформу партии и принял ряд постановлений.

По предложению руководителя съезда Д.Д. Кузьмина-Караваева также была принята резолюция по вопросу турецких армян. В ней говорилось, что освободительная борьба балканских народов сосредоточила внимание всего мира и тем самым как бы предала забвению не менее важный армянский вопрос. Съезд выразил озабоченность тем, что еще более усилилось враждебное отношение к армянам, и поэтому не исключено, что Армения вновь может стать ареной кровопролития. Исходя из этого съезд своей резолюцией обращался к российскому правительству, чтобы оно немедленно протянуло руку помощи армянскому народу и предприняло разнообразные превентивные меры, которые заслужат одобрение держав и обеспечат содействие Англии, которая уже обязалась защищать национальные права турецких армян. В резолюции съезда говорилось, что если российское правительство будет оставаться безразличным к новым ужасам, вероятно, ждущим армян, то это болезненно откликнется в сердцах не только армян, но и русских граждан¹. Теплое отношение русских прогрессистов к турецким армянам проявилось и после учредительного съезда. В середине ноября большая группа видных представителей различных сфер науки, университетской профессуры и известных деятелей культуры собралась на совещание в доме у именитого ученого и общественного деятеля М. Брянчанина. Единственной целью собрания было обсуждение событий, развивавшихся вокруг ситуации в Турецкой Армении. Газета «Русское слово» напечатала принятое совещанием постановление, в котором отмечалось, что боль Армении – оплота христианства на Востоке – объяла также слои русского интеллектуального общества, и совещание убеждено в том, что покровительница христианских народов

¹ См.: Мшак. № 262, 24 ноября 1912 г.

Османской империи незамедлительно протянет руку помощи турецкому армянству в этот судьбоносный час его истории¹.

В те дни прогрессивные русские газеты довольно часто обращались к прошлому армянского народа, в частности к обстоятельствам возникновения армянского вопроса после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и неудачам его дальнейшего обсуждения, подчеркивали то значимое содействие, которое оказывали армяне политике России на Кавказе и вообще на Востоке. Были также сторонники диаметрально противоположного мнения, которые считали вообще безнравственным поднятие армянского вопроса. Таковых было немало среди российских черносотенцев, грузинских националистов и туркоманских кавказских татар.

Один из русских политологов, компетентных в вопросах истории армянской освободительной борьбы, касаясь причин недоверия турецких политических кругов к армянам, привел примечательные рассуждения, одно из которых относилось к новым дипломатическим обращениям армян, сочтя их «бестактными». Политолог считал, что армяне повели себя совершенно неосторожно, представив свои требования в тот момент, когда Турция находилась в состоянии войны и переживала тяжелые дни. Это еще больше обострило враждебность турок к армянам. Он считал дипломатические обращения армян излишними и бесполезными, поскольку преобразования и судьба Турции отнюдь не зависят от того, чего хотят армяне и о чем они предъявляют петиции России или другим великим державам. Вне сомнения, говорил он, что судьба Малой Азии не обусловлена последствиями Балканской войны и победами государств-противников Турции. Во всяком случае, в ближайшем будущем ждать преобразований для турецких армян нельзя, а раздел Османской империи нереален, ибо пребывание всех азиатских областей в руках турок в равной степени устраивает все европейские государства. Политолог считал, что, если ход истории изменит судьбу Турции, то это случится без усилий и независимо от стремлений армян. Судьба Турции решится независимо от того, что думают и чего требуют армяне. Ни одна великая держава, в том числе Россия, не сделают ни одного шага, если это не совпадет с их жизненными интересами. И если это так – не лучше ли будет, если армяне сами подумают об улучшении их отношений с Турцией, заключает политолог².

Турецкие власти были чрезвычайно обеспокоены и думали об организации контршагов. Усиление русского влияния в армянских областях для них становилось вопросом жизни и смерти. Молодые турецкие главари, видевшие будущее Турции в восточных областях империи, были готовы лишиться новых территорий, но никак не Армении. Не случайно, что, когда епископ Месроп был еще

¹ Русское слово. 20 ноября 1912 г. Перевод этого постановления на армянский язык см.: Жаманак. № 1299, 6 (19) декабря 1912 г.

² Жаманак. № 1425, 12 (25) апреля 1913 г.

в Петербурге, Высокая Порта поручила своему послу Турхан-паше просить российское правительство, чтобы оно на Лондонской конференции послов не поднимало армянского вопроса, взамен обещающая предоставить русской стороне всяческие льготы, в том числе – концессии¹. Более того, спустя несколько дней из Константинополя Турхан-паше предложили сообщить петербургскому правительству, что Турция готова передать России значительные из прилежащих к персидской границе своих территорий, если она не потребует автономии для армян².

Что касается турецкого общества и прессы, то «новую игру» армян они рассматривали как очередную враждебную акцию по отношению к их государству и были убеждены, что забота России в отношении армян вскоре прекратится, как это бывало в прошлом. Печатный орган «Ифхам» партии «Милли Мешрутиэт», которая была близка к иттилафской партии, считая бесполезными усилия армян, отмечал: «Вопреки обращениям кавказских армян и комментариям некоторых османских кругов, сегодня не существует вопроса Восточной Анатолии (Армении. – Г. С.). Вопрос Анатолии, не дай бог, встанет лишь тогда, если станет предметом рассмотрения на [Лондонской] конференции послов»³.

Однако некоторые представители турецкой стороны были уверены в том, что армянам в конце концов удастся добиться успеха в своих стремлениях. В неизданной статье одного турецкого офицера, хранящейся в архиве Аршака Чопаняна, автор считает заблуждением точку зрения, согласно которой в конце концов армяне устанут от продолжительной борьбы и откажутся от автономии, независимости и вообще от идей суверенного национального существования. Этому не бывать, считает вышеозначенный автор, поскольку они глубоко убеждены в том, что рано или поздно добьются своей цели, их воля к победе и храбрость нестигаемы⁴.

Как видим, инициатива армянского католикоса в поднятии армянского вопроса не нашла однозначно положительного отклика. Точки зрения были многообразны. Но дело уже было начато, и отступать было некуда.

Основная тяжесть по решению вопроса лежала, с одной стороны, на кавказских собратьях во главе с Католикосом всех армян, а с другой – на зарубежных армянах. Они находили, что нет необходимости обращаться к турецкому правительству или вести с ним переговоры, и считали, что следует иметь дело единственно с великими державами: заинтересовать их общественное мнение в армянском вопросе, обращаться к политическим персонам и правительствам – и таким образом содействовать продвижению армянского вопроса.

¹ Ковкаси арабер (рус. *Вестник Кавказа*, Тифлис). № 1, 1 января 1913 г. (на арм. яз.).

² Там же. № 2, 3 января 1913 г.

³ Перевод этой статьи из «Ифхама» см.: Жаманак. № 1272, 9 (23) ноября 1912 г.

⁴ МЛИ. Фонд Аршака Чопаняна. Пап. 550. Разд. X. Л. 8.

Основными принципами деятельности армян Кавказа и зарубежных армян должны были стать: 1) не доверять обещаниям турецкого правительства и об этом объявить правительствам держав; 2) не входить в какие-либо переговоры с турецким правительством; 3) доверить решение армянского вопроса в ведение держав и просить их, чтобы они вели прямые переговоры с турецким правительством, которое должно подготовить серьезную программу реформ, а державы должны контролировать и требовать полного выполнения этой программы.

Вновь скользкий путь обращения к иностранцу... Но в данный момент у турецких армян не было иного выхода.

СОЗДАНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗВЕСТНЫХ АРМЯНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕТЕРБУРГА

Для содействия продвижению преобразований в Армении широкомасштабную деятельность вела организация, призванная к жизни в столице России. Группа известных армянских деятелей Петербурга по совету российских властей с начала ноября 1912 г. вела работу по формированию органа, целью которого должно было стать содействие Католикосу всех армян. Новообразованный орган получил название Петербургский армянский кружок. В своей деятельности кружок был подотчетен непосредственно католикосу и от него же должен был получать соответствующие поручения.

Таким образом, к четырем армянским центрам (Первопрестольный Эчмиадзин, Константинопольское армянское патриаршество, Тифлисское национальное бюро и Парижская национальная делегация), занимавшихся вопросами преобразований в Армении, прибавлялся еще один – Петербургский армянский кружок (ПАК). В начальный период кружок состоял из 8–10 человек, в дальнейшем число членов дошло до двадцати девяти.

Первое учредительное заседание кружка, в котором принимали участие 9 человек (П. Гукасов, Н. Адонц, М. Аджемов, Г. Богданян, А. Асрибеков, С. Тигранян, Г. Гянджумцев, С. Будагов и Г. Тигранов), состоялось 16 ноября 1912 г. Председателем заседания и председателем Петербургского армянского кружка был избран Г. Тигранов¹. Позже членами кружка стали также М. Пападжанов, О. Сагателян, Э.И. Бабаян, В.И. Варданов, Г.Г. Евангулов, П.С. Султан-Шах, И.О. Тигранов, Н.И. Амагуни, С.И. Франгулов, Н.И. Гарагаш, И.Х. Завриев, С.Х. Калантаров и другие. Некоторые из членов кружка,

¹ Протоколы заседаний С.-Петербургского армянского кружка по вопросу в Турции (далее – ПЗ ПАК). Т. I. С. 3. Заметим, что протоколы Петербургского армянского кружка впервые вводятся в научное обращение. Учитывая это обстоятельство, мы нашли целесообразным предложить читателям некоторые отрывки из отдельных важных протоколов ПАК без существенных изменений.

такие как М. Пападжанов, М. Аджемов, О. Сагателян, были членами Государственной думы. Заседания армянского кружка проводились довольно часто, например, только в ноябре – декабре 1912 г. состоялись шесть заседаний.

На первых заседаниях члены кружка всесторонне изучали армянский вопрос, его историю и возможности его разрешения. И только после этого они приступили к разработке программы желательных и возможных преобразований в Турецкой Армении, к определению тех средств и шагов, которые были необходимы для благоприятного решения вопроса.

Во время этих встреч, желая выяснить точки зрения Европы и России в отношении нынешнего развития армянского вопроса, члены кружка рассматривали вопрос об интересах каждой из них в Азиатской Турции. В итоге пришли к убеждению, что в армянском вопросе больше всех государств заинтересована Россия, без которой невозможно разрешение армянского вопроса.

По желанию католикоса кружок периодически информировал его о тех необходимых действиях и выработанных предложениях, которые имели своей целью разрешение армянского вопроса.

Армянский кружок установил связи с многочисленными видными российскими общественными и политическими деятелями, подключил их к работам по продвижению армянского вопроса. Одной из первостепенных задач кружка было установление действенных контактов с российским правительством по вопросу преобразований в Армении.

В середине декабря 1912 г. по приглашению кружка к нему присоединился Ованнес Сагателян, который был уполномочен от имени избранного тифлисскими армянами бюро обращаться с заявлениями к российскому правительству по армянскому вопросу.

9 декабря 1912 г. кружок решил направить делегацию к премьер-министру Владимиру Николаевичу Коковцеву и к министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову для выяснения точки зрения правительства относительно армянского вопроса, степени готовности к его решению, а также готово ли оно защитить турецких армян от новых возможных испытаний, которые так часто имели место в прошлом. В качестве делегатов на встречу с премьером и министром иностранных дел кружок из числа своих членов рекомендовал двоих – П. Гукасяна и О. Сагателяна.

В то же время было решено послать другую делегацию в Константинополь, задачей которой было обстоятельно ознакомиться с мнениями местного армянства по возобновлению армянского вопроса и с деятельностью армянских политических сил в этом направлении. Эта делегация была также составлена из двух человек – Н. Адонца и С. Тиграняна¹.

¹ ПЗ ПАК. Т. I. С. 42–43.

Кроме того, кружок избрал А. Гукасяна, проживающего в Лондоне, уполномоченным представителем для ведения переговоров с российским послом и налаживанием связей с государственными и общественными деятелями Англии, интересующимися армянским вопросом.

15 декабря О. Сагателян и П. Гукасян были приняты премьером Коковцевым. В ходе встречи Сагателян и Гукасян выразили убежденность, что на Ближнем Востоке армяне являются защитниками интересов Российской империи и будут всячески способствовать продвижению России к Средиземному морю.

Также было отмечено, что, несмотря на прискорбное недоразумение, случившееся между российскими властями и армянскими революционными партиями, ныне совершенно прояснилась политическая ориентация армянской нации, верной интересам Российской империи, и это вселяет надежду на то, что в этот знаменательный исторический момент Россия, заступница армян, возьмет под свое покровительство инициирование и осуществление преобразований в Турецкой Армении, а также защиту турецких армян от возможных зверств.

Отвечая на высказывания армянских деятелей, премьер прежде обратился к тем взаимоотношениям, которые сложились между армянским католикосом и российским правительством, затем сообщил о том, что император Николай II близко к сердцу принимает невыносимое положение турецких армян и уже сделал серьезное предупреждение османскому правительству для предотвращения новой резни. А что касается вопроса необходимых преобразований в Турецкой Армении, то русское правительство решительно в постановке этого вопроса, и в первую очередь – в вопросе прихода к согласию с двумя остальными государствами Антанты – Англией и Францией.

Одновременно он сообщил армянским делегатам о том, что уже поручено российскому послу в Константинополе Гирсу выяснить те возможности, которые должны послужить основой начала преобразований в Армении, и поставить в известность о них правительства Антанты. Премьер также подчеркнул, что его правительство со всей серьезностью учтет предложения и замечания посла Гирса. Затем Коковцев посоветовал своим собеседникам, чтобы те уговорили соплеменников не поднимать шума митингами и резкими статьями, содержать в секрете переговоры с русским правительством, стараться, чтобы французская и английская пресса, в особенности последняя, начали подготавливать общественное мнение, от которого сильно зависят местные правительства. В конце визита армянские делегаты спросили у премьера, советует ли он, чтобы они встретились с министром иностранных дел по армянскому вопросу. Председатель правительства одобрил их намерение и нашел благоприятными переговоры с ним, добавив, что в армянском вопросе Сазонов полностью

является его единомышленником¹. Через неделю после встречи с В. Коковцевым П. Гукасян и О. Сагателян наносят визит министру иностранных дел С. Сазонову. Во время беседы армянские делегаты обсуждают с ним приблизительно те же вопросы, что и с премьером. Сазонов также сообщает о благосклонном отношении российского правительства к армянам в Турции и выражает готовность поднять армянский вопрос и способствовать его решению при содействии государств Тройственного союза (Антанты). Для армянских делегатов чрезвычайно важным и новым оказалось мнение министра о сроке выдвижения вопроса. Он сказал, что российское правительство выдвинет армянский вопрос после ратификации мирного договора между Балканскими странами и Османской империей. Для армянской делегации неожиданной новостью явилось заявление Сазонова о том, что российское правительство намеревается установить дружественные отношения с курдами в лице их племенных вождей и привлечь их на свою сторону орденами и другими наградами. Что и говорить, это было прискорбным не только с точки зрения продвижения армянского вопроса, но также исходя из интересов Российского государства.

С точки зрения армянской стороны, этот подход русских полностью зиждился на недопонимании, что курды когда-нибудь станут предпочитать Россию Турции, где они, почти не неся каких-либо государственных обязательств, пользуются свободой грабежа и разбоя сельского населения. Армянским делегатам ничего не оставалось, как промолчать и не возражать министру в связи с недальновидной политикой, которую собиралась проводить Россия в отношении курдов, несмотря на то, что она наносила урон государственным интересам России...

ВТОРОЙ СЪЕЗД РОССИЙСКИХ АРМЯН

Во исполнение постановления первого съезда российских армян 25 ноября 1912 г. в Тифлисе состоялся второй съезд российских армян. временное бюро, выбранное на первом съезде, заведомо пригласило в Тифлис делегатов из основных армянонаселенных городов. На съезд приехали делегаты из Тифлиса, Баку, Батума, Нового Баязета, Старой Нахичевани, Шуши, Астрахани и других мест, от армянской католической общины Тифлиса, от редакций газет «Мшак» и «Оризон»².

После доклада, представленного временным бюро, были поставлены на обсуждение вопросы содействия процессу, предпринятому Эчмиадзинским католикосатом, и организации самообороны Турецкой Армении. В результате обсуждения первого вопроса повестки дня съездом был принят текст письма Католикосу всех армян, в котором в частности говорилось, что съезд отныне не может молча

¹ ПЗ ПАК. Т. I. С. 70–84.

² НАА. Ф. 222. Сп. 1. Кн. 24¹. Л. 25об.

и безучастно слушать о зверствах, вершимых против армян Турции, настоятельно просит вновь обратиться к императору Николаю II и просить его защитить армянский народ от мучений и лишения прав. Участники съезда выражали убежденность в том, что Россия как традиционная защитница христиан Востока и как великая держава, которая на основе Берлинского трактата взяла на себя заботу о проведении реформ в армянонаселенных вилайетах Турции, не оставит без внимания просьбу Святейшего и своим покровительством и участием положит конец страданиям несчастных турецких армян¹.

Обращаясь к задаче самообороны, съезд безоговорочно признал ее важность и необходимость, но не вынес решений по этому вопросу, а вместо этого взял на себя обязательство в случае необходимости оказывать безотлагательную материальную помощь силам сопротивления.

Съезд одобрил составленную одним из самых компетентных в истории армянского вопроса лиц и заслужившую одобрение бюро программу-меморандум, которая должна была быть представлена великим европейским державам. После нескольких дополнений и изменений собрание придало документу окончательный вид, затем поручило бюро немедленно представить ее католикосу Геворгу V.

Второй экземпляр меморандума должен был быть представлен шести великим государствам, а в экземпляре, предусмотренном для России, должны были быть изменены начало и заключительная часть документа, при этом сохранялась его сущность. Третий экземпляр меморандума, опять же с определенными поправками, должен был быть представлен на ожидаемой конференции или конгрессе организаторам – великим державам².

Меморандум с сопроводительной запиской, под которой подписались С. Арутюнян, А. Калантарян, А. Аракелян, Н. Агбалян, К. Степанян и Ал. Хатисян, 27 ноября был послан в Эчмиадзин Католикосу всех армян³.

Съезд расширил состав временного бюро, дополнив его двумя деятелями – докт. К. Степаняном и А. Джамаляном. После этого временное бюро было переименовано в Национальное бюро, или просто – бюро⁴. Было сочтено целесообразным проводить заседания раз в неделю.

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 247⁶. Док. 19. Л. 18–19.

² Общеармянские совещания ... С. 11.

³ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 28. Л. 12.

⁴ Национальное бюро являлось внепартийным общенациональным органом, членами которого были видные беспартийные или принадлежащие к различным политическим направлениям лица. Его председателем был глава Тифлисской епархии епископ Месроп Тер-Мовсисян, вице-председателями – мэр Тифлиса Ал. Хатисян и инспектор Нерсисяновской школы Хунунц, а членами являлись О. Туманян, историк Лео, адвокат Спендиарян, доктор К. Степанян, Н. Агбалян, Х. Карчикян, известные купцы С. Гюльбенкян, Т. Африкян, С. Арутюнян и другие. Обязанности в поддержании сношений Национального бюро с заместителем Воронцовом-Дашковым и с военными властями Кавказа были возложены на епископа Месропа, Александра Хатисяна и Якова Завряна. Национальное бюро являлось неоспоримым предводителем в национальной деятельности армян Кавказа (См.: *Врацян С.* Старые документы для новой истории. Бейрут, 1962. С. 13. (на арм. яз.)).

Перед бюро стояли следующие основные задачи: 1) оказание поддержки католикусу Геворгу V в его инициативах в поднятии армянского вопроса; 2) в случае необходимости созыв нового съезда, а также приглашение на его заседания компетентных в армянском вопросе лиц¹; 3) установление связей с армянскими организациями Константинополя, Парижа и других мест, целью которых является работа в пользу армянского вопроса; 4) посредством пропаганды в российском обществе и руководящих кругах создание благоприятного настроения в отношении турецких армян².

Отныне перед тем, как предпринимать что-либо, католикос Геворг V должен был обращаться к бюро. Последнее же со своей стороны было призвано поддерживать тесные отношения с Эчмиадзином и оказывать всяческое содействие Его Святейшеству.

Бюро стремилось создать атмосферу солидарности для всех сторон, действующих на армянском политическом поле³. Оно установило тесные связи не только с Престольным Эчмиадзином и Константинопольским патриаршеством, но также с национальными органами Парижа и Петербурга. Патриаршество непрерывно посылало свои публикации, а от Эчмиадзина бюро получало копии важных писем и повсеместно организовывало совещательные собрания по насущным вопросам. Например, председатель бюро С. Арутюнян по просьбе католикуса организовал в Эчмиадзине важное совещание по армянскому вопросу, для организации совещания по тому же вопросу в Петербург отправился член бюро Ал. Калантар.

Бюро имело тесные связи с депутатом Государственной думы Микаэлом Пападжаняном. Так, например, последний сообщил бюро о том, что в конце мая 1913 г. он должен выступить в Думе по армянскому вопросу. Без промедления бюро составило группу содействия М. Пападжаняну, которая сразу предприняла составление тех вопросов, на которые должен был обратить внимание депутат Думы⁴.

Благодаря активному вмешательству бюро в деятельность различных армянских органов, занимавшихся армянским вопросом, почти не возникало существенных разногласий, а когда, тем не менее, выявлялись случаи самовольной деятельности, бюро письменно либо устными разъяснениями сразу же указывало на необходимость действовать согласованно. На свои собрания бюро часто приглашало прибывавших на Кавказ из Турции армян, которые сообщали сведения о ситуации в отечестве и о настроениях органов управления. Деятельность бюро постоянно велась в соответствии с политикой российского правительства.

¹ Пользуясь этим правом, в дальнейшем бюро зачастую приглашало на свои заседания историка Лео, литературоведа Никола Агбаляна и других, а в отдельных случаях – также представителей имущего класса, когда возникала необходимость в материальной и иной поддержке.

² НАА. Ф. 222. Сп. 1. Кн. 24¹. Л. 26–27.

³ Там же. Л. 27–28.

⁴ Там же. Л. 28–28об.

С этой целью бюро избрало специальную подкомиссию, обязанностями которой являлись: а) организация перевода и издание на армянском и европейских языках статей и материалов о притеснениях турецких армян, опубликованных в органах русской печати, а также установление связей с редакциями проармянских газет «Русское слово», «Русские ведомости», «Речь» и «День»; б) для ознакомления широких слоев русского общества с самой сутью жизненного вопроса турецких армян организация издания книг и брошюр с привлечением Лео, А. Калантаряна, А. Аракеляна и других компетентных в армянском вопросе лиц, а также публикация отдельными брошюрами путевых впечатлений русских и иностранцев, побывавших в Турецкой Армении; в) принятие мер по получению свежих новостей из Турции по телеграфу и для этой цели выделение денежных средств¹.

Бюро получило предложение об оказании денежной помощи для издания проармянской газеты на немецком языке, однако, учитывая, что между точками зрения редакционного состава и бюро возможны разногласия, этот вопрос не был одобрен.

НОВОЕ ВЫДВИЖЕНИЕ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА. НУБАР-ПАША – ВО ГЛАВЕ

В Армении продолжались убийства и ограбления армян. Газета «Русские ведомости» писала: «Армяне сейчас в таком положении, что, если оставить их под властью турок, то это будет означать обречь их на истребление. Они могут освободиться только одним способом – в пяти [армянских] вилайетах (Ван, Битлис, Диарбекир, Эрзрум и Адана, сюда, видимо, следует добавить также часть Ангоры) основать христианскую власть»².

Прислушавшись к мнению прогрессивной армянской и русской общественности, а также к совету из Петербурга о том, что недостаточно лишь представить петицию императору, а необходимо также обратиться к тем государствам, которые после Балканской войны должны были принять участие в намечаемых обсуждениях, Католикос всех армян и армянские политические круги предприняли неотложные меры. Прежде всего возникла необходимость в представительстве – депутации – Эчмиадзина в Европе, которая должна была оставаться там продолжительное время и представить мирной конференции требования армянства, тем более что этот вопрос перед католикосом поднял также патриарх Константинополя Аршаруни. Почему Константинопольское патриаршество просило Эчмиадзин обратиться к великим державам и направить их внимание на Армению? Потому, видимо, что оно само не могло этого сделать без

¹ НАА. Ф. 222. Сп. 1. Кн. 24¹. Л. 27об., 28.

² Статья сохранилась в виде вырезки из газеты, на которой нет даты. См.: Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 239а. Док. 19. Л. 6.

согласования с Высокой Портой. Подобный шаг турецкое правительство расценило бы как проявление сепаратизма – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Неизбежно встала задача выбора руководителя делегации. Кто будет в состоянии взять на себя ответственность за продвижение армянского вопроса? Общеизвестно, что успех любого дела зависит от компетентности и здравомыслия исполнителя. На пути освободительной борьбы армянам всегда мешали их идеаломания и мечтательная натура. Отцы армянской нации не были в состоянии рассчитать силы и возможности своего народа и на основе этого избрать верный путь национальной борьбы. В частности деятельность армянских революционных партий за предыдущие двадцать пять лет показала, что в сражениях с турецким государством они оказались не в состоянии добиться серьезных целей. Одно лишь стремление заниматься политикой, проявление доброй воли и искренности на этом пути, так же как смелость и самопожертвование, далеко не достаточны для вершения судеб нации. Если армянские революционеры одновременно были бы политологами и дипломатами, то начиная со времени выдвижения армянского вопроса (1878 г.) армянская нация была бы в совершенно ином положении: не было бы массовых боен, невероятных потерь. «Аветабер» писала о том, что горький опыт десятилетий показал, что именно по этой причине они не достигли своих целей. «Сегодня, – продолжала газета, – поднят жизненный для нашей нации вопрос реформы. При таких обстоятельствах непонимание необходимости объединения всех способных, опытных и умелых личностей может быть вызвано совершенной бестолковостью. Вопрос, который так тесно увязан с жизнью нации, недопустимо превращать в партийный, и это следует рассматривать как преступление, так же как злоупотребление в угоду какой-нибудь партии должно считаться заговором против национальных интересов. Перед лицом национального горя должны замолкнуть всякого рода партийные и личные расчеты и только лишь идея благоденствия веками многострадального народа должна воцариться. Именно такое восприятие должно стать господствующим повсюду»¹.

В этот раз ответственность взяли на себя Армянская церковь и армянские консервативные силы. Национальное бюро (Тифлис) составило именной список видных армянских деятелей, которые могли бы стать делегатами армянского католикоса в Европе. В этом списке значился и знаменитый армянский общественно-политический деятель из Египта, национальный благотворитель Погос Нубар-паша. Независимо от этого предложения у Геворга V была та же кандидатура. И когда по поручению бюро его члены Амбарцум Аракелян и Никол Агбалян представили список католикосу, после не продолжительного раздумья Святейший остановился на кандидатуре

¹ Аветабер. № 1, 4 января 1913 г.

Нубар-паши. 10 ноября 1912 г. католикос своим посланием-кондаком № 1482 назначает его своим представителем в Европе. Кондак католикоса Нубар-паша получает 2 декабря 1912 г. в Париже, где он находился вместе с семьей. По поводу получения кондака от Геворга V Погос Нубар писал Ваану Малезяну: «Я принял (предложение католикоса. – Г. С.), ибо не имел права отказать; очень тяжелая должность, полная трудностей, которую однако обязан выполнять до той поры, пока остается надежда на успех. И это зависит не только от нас, а от интересов и доброй воли государств, а также от обстоятельств, которые в настоящее время неблагоприятны. Последнее можно изменить, если, надеемся, исчезнет угроза войны, о которой говорят повсюду»¹.

Позднее Погос Нубар писал: «Наш Эчмиадзинский католикос... решил обратиться к государствам с просьбой об их вмешательстве и по сему делу призвал к жизни делегацию, председательство которой предложил мне. Я не позволил себе отказать от подобного поручения, которое считаю своей обязанностью, однако... до того, как согласиться, я пожелал убедиться в том, что наша программа должна основываться на 61-й статье Берлинского трактата и ограничиваться, так сказать, вопросом осуществления преобразований, отвергая какую бы то ни было сепаратистскую идею и какое бы то ни было желание автономии, которые считаю настоящей утопией»².

После вступления Погоса Нубара на эту ответственную должность центрами активной дипломатической борьбы вокруг вопроса турецких армян стали Константинополь и Париж. Погос Нубар-паша, несомненно, был самой крупной политической фигурой западных армян, опытным, предприимчивым и авторитетным человеком. Он был сыном видного дипломата, известного египетского политического деятеля, первого премьер-министра в постколониальной истории Египта – Нубар-паши, который в свое время (1878 г.) также приложил много усилий для решения армянского вопроса. Погос Нубар был образованным и разносторонне развитым человеком, отлично владел французским, английским и арабским языками, умел общаться также на турецком и немецком. Он пользовался большим уважением в высших политических кругах Европы³, имел личные связи с видными общественно-политическими деятелями ряда европейских стран⁴. Ваан Малезян свидетельствует, что Погос Нубар «почти не знал армянского, лишь со своей женой говорил на простонародном армянском наречии». Он обладал солидным состоянием, из которого выделил долю для покрытия всех затрат, связанных с деятельностью национальной делегации. Крупный армянский языковед Грачья Ачарян писал: «Эта уважаемая личность успеху армянского дела посвятила свое состояние, свое влияние,

¹ Малезян В. На моем пути: собрание мемуаров. Париж, 1950. С. 304, 305. (на арм. яз.).

² Арабат. № 1, январь 1914. С. 47.

³ См.: Эчмиадзин. № 1, февраль – март – апрель, 1965. С. 166. (на арм. яз.).

⁴ См.: Историко-филологический журнал. 2008. № 3 (179). С. 49.

свой гений, свой язык и свое перо»¹. Несмотря на свое положение и обширные знания, отмечал западноармянский писатель Ерванд Отян, Погос-паша был скромным и одновременно весьма общительным человеком².

До этого Погос Нубар был далек от политики и не принадлежал и не примыкал к какой-либо партии или политическому течению.

Назначение Нубара было тепло принято в армянских национально-политических кругах, кроме членов Петербургского армянского кружка, которые с недоверием отнеслись к этому назначению. Это назначение со стороны католикоса заслужило безоговорочное одобрение российского правительства. И Нубар оправдал все надежды, с великим мастерством выполнив порученное ему дело.

Почему честь поднятия вопроса выпала именно Погосу Нубар-паше и его единомышленникам? Почему в эти судьбоносные дни армянские национальные политические партии поставили себя вне процесса решения судьбоносного для нации вопроса? До этого момента монополия в поднятии армянского вопроса и его пропагандировании в Европе принадлежала армянским национальным революционным партиям. В доконституционной Турции они подвергались преследованиям со стороны гамидовской деспотии, потому что являлись выразителями настроений армянского населения, его освободительных идеалов. Взяв в свои руки правление страной, младотурки пытались привлечь к себе непокорные партии притесненных наций, «даровать» последним блага европейского правопорядка – свободу слова, печати, собраний, образовательной деятельности, с тем чтобы таким образом с политического поля удалить мятежные настроения нетурецких партий. Жертвами этой ловкой политики стали все три национально-революционные партии – гнчакская, преобразованная гнчакская и дашнакская. Первая была с «Иттилафом», а две остальные – с «Иттихадом». И это – даже после массовых избиений киликийских армян.

Вследствие недалковидной политики армянских партий в жизни турецких армян образовалась некая трагическая двойственность. Если в доконституционный период основным полем армянского движения и деятельности армянских политических сил являлась Турецкая Армения, то сейчас, в конституционный период, ситуация изменилась. Будучи ограниченными рамками легальных прав, армянские партии, следуя диктату турецких властных сил, фактически забросили революционную работу непосредственно на родине – Турецкой Армении, их деятельность там была вытеснена на второй план.

В то время как армянский народ влачил тяжкое иго рабского бесправия, не имея даже гарантий на жизнь, имущество и семейной чести, большая часть деятелей армянских партий, действовавших в прошлом в Турецкой Армении, обосновалась в Константинополе.

¹ Ачарян Г. История турецких армян (с начала до 1915 г.). Новый Нахичеван, 1915. С. 75. (на арм. яз.).

² Отян Е. Погос-паша Нубар. Константинополь, 1913. С. 26. (на арм. яз.).

В соседстве с Европой они свободно вкушали чисто человеческие удовольствия и пользовались культурно-политическими правами (свобода слова, печати, собраний и т.д.).

По стечению именно таких обстоятельств была нарушена пропорциональность политического статуса, существовавшего между армянским народом и его партиями, и возник серьезный барьер между состоянием армянского населения страны и армянскими национальными партиями. К этому добавлялось следующее: в доконституционный период и «Гнчак», и «Дашнакцутюн», в особенности последняя, энергично вели в Европе широкую политическую пропаганду в пользу армянских преобразований, а в конституционный период прекратили деятельность в этом направлении. Иными словами, традиционные представители армянского вопроса – армянские революционные партии – по сути перестали являться выразителями интересов армянского народа в Турции.

Вот в чем кроется ответ на вопрос, почему в дни Балканской войны, в самый, пожалуй, удобный момент глубокого кризиса, возникшего для Турции, когда с точки зрения улучшения состояния армянского народа, быть может, возможно было бы добиться определенного результата, его революционные партии именно из-за собственной ошибочной политики были настолько отчуждены от армянского вопроса и настолько девальвированы, что в силу указанных обстоятельств, отстранившись, наблюдали за тем, как проходил процесс обсуждения вопроса армянских преобразований, полностью оставив решение вопроса на армянских консерваторов, либералов и духовенство – в лице Погоса Нубар-паши и возглавляемой им когорты патриотической интеллигенции.

Армянские революционеры уже сами признавали, что все предыдущие ходатайства перед европейскими правительствами, партийной или интеллектуальной элитой были напрасными, что призывы уважать принципы гуманизма или же клятвенные уверения в преданности армянского народа христианской цивилизации не привели к какому-то положительному результату. Две революционные партии – дашнакская и гнчакская – продолжали лелеять надежды на то, что хотя бы социалистические партии Европы наконец повернутся лицом к Турецкой Армении и повсюду будут сообщать о ее заботах и неописуемом положении. Однако эти надежды также рухнули. II Социалистический интернационал, в который были объединены социалистические партии, в том числе «Дашнакцутюн», не признавал отдельное существование армянского вопроса и находил, что все связанные с армянами проблемы могут быть решены только лишь во взаимосвязи с вопросами всех других народов Османской империи, в том числе и турецкого народа. Как официальная Европа, так и тамошние социалистические партии были против не только нарушения территориальной целостности

Османской империи, но также и применения отдельных мер для какой-либо части ее населения.

Следовательно, надо было отказаться и от социалистов.

Каким бы талантливым и компетентным деятелем ни был Нубар-паша, тем не менее в одиночку он был не в состоянии выполнить возложенную на него сверхответственную задачу. Ему были необходимы действенные партнеры. И поэтому возникла необходимость в специальной делегации. В состав делегации должны были войти широко известные в армянском обществе, пользующиеся авторитетом и вместе с тем обладающие дипломатическим опытом светские, а также религиозные деятели. Возникла необходимость строгого отбора членов делегации, так как в разные времена в Европе армянским вопросом занимались в основном совершенно непосвященные, не имеющие никакого понятия о дипломатии, невежественные в политике, а зачастую не имеющие достаточных знаний.

Сначала Католикос всех армян пожелал сформировать делегацию сам. Но затем счел уместным оставить задачу выбора за Погосом Нубаром, а за собой – утверждение или отклонение представляемых кандидатур¹.

Своим трогательным кондаком Геворг V прежде всего счел нужным напомнить Нубару, в каком отверженном состоянии находится турецкое армянство и какая гигантская тяжесть ложится на его, Нубара, плечи. Католикос выражал надежду на то, что Нубар-паша сделает всё возможное для успеха своей исторической миссии.

Выслушав различные предложения и в особенности основываясь на письмах от Константинопольского армянского патриаршества, Нубар-паша пришел к выводу, что делегацию следует составить только из числа турецких армян. В ее состав вошли духовный глава армян Европы епископ Манчестерский Геворг Утуджян, известный армянский национальный деятель в Египте, глава местной армянской католической общины, вице-президент Общеармянского благотворительного союза (ОАБС) Артин Ягуб-паша, который жил в Париже, знаменитый педагог, бывший секретарь патриарха Измирляна Арутюн Мостичян, компетентнейший в армянском вопросе Минас Чераз. Вице-председателем был выбран видный деятель, имеющий большой опыт, интеллектуал Ягуб Артин-паша, а общим секретарем был назначен председатель собрания центрального правления ОАБС Ваан Малезян. Таким образом, сформированная Погосом-пашой делегация вместе с председателем состояла из семи человек.

Была также создан особый орган – Комиссия по безопасности, которая совместно с Католикосом всех армян должна была помогать в деле приобретения необходимых материалов и свидетельств, необходимых для разрешения армянского вопроса. По поручению католикоса Комиссия по безопасности сразу же приступила к подготовке

¹ НАА. Ф. 57. Ст. 5. Кн. 20. Л. 13–14.

программы (основных положений) преобразований в Армении и после нескольких дней напряженной работы завершила текст документа.

СЕРИЯ ВСТРЕЧ

С середины ноября 1912 г. и до конца ноября 1913 г. в Константинополе продолжается серия встреч между представителями Константинопольского армянского патриаршества и ответственными лицами зарубежных дипломатических служб по вопросам преобразований в Армении. Эти встречи имели место в посольствах, в Армянском патриаршестве, в доме у патриарха. Все эти встречи описаны подробнейшим образом, зачастую в форме вопросов и ответов. Они показывают, какую сверхнапряженную дипломатическую работу проводило Константинопольское патриаршество в этот судьбоносный для турецких армян момент¹.

13 (26) ноября 1912 г. патриарх Аршаруни в сопровождении видного общественного деятеля, известного юриста и писателя, бывшего депутата турецкого парламента Григора Зограпа и главного инструктора Министерства финансов Турции Оскана Мартикяна посещает посла России в Турции Михаила Николаевича Гирса для выяснения вопроса, могут ли турецкие армяне надеяться на то, что Россия поможет им. Обратив внимание посла на тревожное положение армянского народа в восточных областях Турции, патриарх попросил обратиться к российскому правительству, чтобы оно, учитывая новую ситуацию, сложившуюся в результате Балканской войны, содействовало улучшению положения турецких армян. Посол, с которым находился первый драгоман А. Мандельштам, спросил патриарха, не улучшилось ли положение армян по сравнению с тем, что было два года назад. «Положение еще более ухудшилось!» – ответил патриарх². Посол откровенно сказал, что в качестве представителя своего правительства в Турции он обязан поддерживать добрососедские отношения с османским правительством. Тем не менее он отметил: «Я очень люблю армянский народ, к которому питаю большую симпатию. Таковую же симпатию имеет и мое правительство,

¹ В этих встречах, имевших место по различным поводам, со стороны Армянского патриаршества участвовали Константинопольский армянский патриарх архиепископ Ованнес Аршаруни, епископ Амаяк Димаксян, Григор Зограп, Амбарцум Пояджян (Мурад), Ншан Галпджян, Гараян, Симон Заварян, доктор Завриев и другие. Они встречались с министром иностранных дел России С.Д. Сазоновым, управляющим восточными делами того же ведомства князем Трубецким, российским послом в Константинополе де Гирсом, первым драгоманом посольства А. Мандельштамом, советником Гулькевичем, германским послом в Константинополе Вангенгеймом, первым толмачом посольства графом Каницем, другим толмачом, доктором Шенбергом, германским армянофилом, доктором Лепсиусом, английским послом в Константинополе сэром Джеральдом Лоутером, первым толмачом посольства майором Фицморрисом, французским послом в Константинополе Морисом Бомпаром, первым драгоманом посольства Леду, австрийским послом в Константинополе маркизом Паллавичини, советником посольства Эдуардом Отто. Представители патриаршества встречались также с временным поверенным в делах италянского посольства в Константинополе графом Нани Мочиниго, министром внутренних дел Турции Таалаат-бейем, иттихадистом Халил-бейем и некоторыми другими.

² Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. А. 5.

и доказательством этого является удовлетворительное положение армян на Кавказе, где Ваш католикосат так уважаем нами! Итак, извольте, пожалуйста, сказать – какое средство предлагаете Вы для основательного улучшения незавидного состояния Вашего народа армянского?»¹ Патриарх отвечает, что вопрос благоустройства Турецкой Армении уже десятки лет как лежит на дипломатических столах, однако он не возымел какого-либо удовлетворительного разрешения, причиной чему является безразличие европейских государств и османского правительства. В нынешних обстоятельствах, подчеркнул патриарх, остается лишь одно – «просить покровительства одного из европейских государств над Турецкой Арменией. Российское государство как мощная соседняя страна может оказать нам свое покровительство и защиту, как Австрия, которая защитила и обустроила Герцеговину»². Затем слово берут Зограп и Мартикян. Они сообщают послу о том, что армянский народ, положение которого в Турции ухудшается день ото дня, не находит иного выхода из своего ужасающего состояния, как обратиться к России. Зограп подчеркивает, что армянский народ потерял всякую надежду в отношении турецких преобразований, даже под европейским надзором. Мартикян выражает мнение, что неудачный итог македонских реформ свидетельствует о том, что невозможно достичь ощутимых результатов для населения при сохранении турецкого администрирования. В конечном счете Зограп и Мартикян находят, что армянский народ могут освободить только лишь радикальные меры, то есть русские в этой ситуации должны приступить к решительным действиям, вплоть до занятия армянских вилайетов. Причем русские войска должны будут занять их не на время, а навсегда. В данном вопросе, продолжают они, единодушны само население Турецкой Армении и все армянские политические организации.

Посол с сожалением замечает, что, пока не закончится Балканская война, вряд ли будет возможно поднять во всем объеме волнующие армян вопросы перед государствами. Затем подчеркивает, что для ликвидации последствий войны предусматривается конференция представителей держав, на которой будет возможно обсудить также армянский вопрос. Гирс желает узнать, сплочены ли все армяне вокруг решения армянского вопроса или, может быть, между ними существуют разногласия. Его в особенности интересовала позиция «Дашнакцутюн», потому что нет уверенности, что эта партия будет солидарна с другими армянскими силами. «Сожалею, что деятельность этой партии для нации оказалась вредной. [Но ведь] сила нации в ее единстве!»³ Затем он высказывает мысль, что, хотя упомянутая партия продолжительное время выступает против России, тем не менее армянская нация должна быть уверена в том, что страна и правительство

¹ Эчминадзин. 1965. Февраль – март – апрель. С. 157.

² Там же.

³ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 9. А. 6.

питают большую симпатию к армянскому народу. В конце посол сообщает, что российское правительство предупредило турецкую сторону о том, чтобы она мухаджиров-переселенцев из Румелии не заселяла в соседствующих с российской границей вилайетах. При прощании Гирс поощрительно говорит, что армянская пресса проявляет себя достойно и рассудительно в этот политический момент¹.

Через несколько дней после встречи с армянской делегацией посол Гирс представляет докладную министру иностранных дел Сергею Сазонову, в которой говорится: «Учитывая, что отталкивать от нас армян весьма далеко от наших интересов, я своим собеседникам ответил, что русское правительство, следуя вековым традициям, относится с глубоким сочувствием к страданиям армянского народа... но в нынешний момент, когда Балканская война еще не разрешена, не удобно выступать по данному вопросу»².

В заключении Гирс подчеркнул, что Г. Зограп и Мартикян откровенно выражают взгляды и надежды большинства турецких армян, и продолжил: «Беседа, которую я на днях имел с патриархом Аршаруни в присутствии того же Мартикяна, весьма убедила меня в этом. Повторив все жалобы делегатов, Светлейший горячо просил о том, чтобы Россия заступилась за несчастный армянский народ»³.

* * *

По поручению Комиссии по безопасности 21 ноября 1912 г. Григор Зограп встречается с послом Германии в Константинополе Вангенгеймом, напоминает дипломату о том, что германское правительство всегда симпатизировало гамидовским властям, которые проливали реки крови армян. Однако сейчас, исходя из фактов проявления толерантности немцев к киликийским армянам, создается впечатление, что, может быть, Берлин изменил свою антиармянскую позицию, – безусловно, преследуя собственные интересы, осознавая, что может использовать целеустремленность армянского народа в осуществлении своих задач. В завершение депутат просит посла взять под защиту своего государства переживших беспредельные несчастья киликийских армян. Было известно, что германский посол по собственной инициативе посетил Киликийского католикоса, расспрашивал о нуждах и пожеланиях армян и заявил, что правительство Германии готово содействовать реформам в Армении. Посол подчеркнул, что в Киликии немцы не могут взять под одностороннюю защиту какой-либо отдельный народ, что их целью является обеспечение общего спокойствия, поскольку нарушение мира в крае нанесет большой урон германским интересам. На просьбу делегата патриарха посол обещает, что поручит консулу в Адане наладить более тесные

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 3459. Л. 87–89. Делепа посла в Константинополе Гирса министру иностранных дел от 26 ноября 1912 г. № 117.

² Там же.

³ Там же.

контакты с местным армянским духовным главой, дабы быть в курсе об истинном положении края¹.

* * *

Уполномоченный Святейшего и центрального правления Национального собрания, член Комиссии по безопасности профессор Тер-Акобян 24 декабря имел встречу в английском посольстве в Константинополе с послом Джеральдом Лоутером. Прием был не из любезных:

«Чего хотят армяне? – с недоумением спросил посол посетителя.

– Состояние армян, как и прежде, остается неутешительным, – отвечал Тер-Акобян. – Убийства, разбой и всякого рода насилия омрачают будни мирного населения, которого не защищает от насильников правительство.

– Наши консулы таких вещей нам не сообщают. По нашим сведениям, убийства имели место лишь в районе Стерда.

– Убийства – обычное явление во всех областях и становятся неизбежными, так как армяне безоружны, а курды вооружены, потому что у армян отбирают оружие, а курдов вооружают. Вот почему никто из армян не уверен и не может быть уверенным в завтрашнем дне.

– Курды в реальности мирный, кроткий и покорный народ, как это они зверствуют? – возразил английский посол.

– Несчастьем нашей страны является то, что нет власти, опирающейся на закон. Турки разрабатывают и издают законы, но они небрежны и бессильны применять их в жизни, что позволяет диким племенам всеместно вести разгульную жизнь, а невежественным чиновникам заниматься произволом.

– Так чего же требуют армяне? – спрашивает посол.

– Безопасность жизни, чести и имущества – вот наше единственное желание!

– Точно такое, как в Англии? – с язвительной усмешкой обрывает посол.

– О нет, мы еще далеки от Англии. Нашими наибольшими желаниями являются те элементарные понятия, которые являются неотъемлемой собственностью самого последнего англичанина!

– К несчастью, английские судьи не могут вплавь достичь Вана и Муша, – сказал посол, – и поэтому какое значение могут иметь все эти разговоры о преобразованиях, гарантиях и т.д.? <...>

Тут один из двух представителей посольства, участвовавших в разговоре, возражает послу, говоря, что если Европа откажется от армян и не уладит их положение, то их состояние в Турции станет невыносимым и они будут вынуждены протянуть руку к соседней России.

– Это будет означать, – вмешался посол, – после огня да в полымя!

¹ Эчмиадзин. 1965. Февраль – март – апрель. С. 158–159.

– Не лучше ли, – возражает тот же дипломат, – утонуть в море, чем терзаться в руках сатаны?»¹

В этот момент Тер-Акобян встает с места и заявляет, что целью его визита является сообщить через посла английскому правительству просьбу патриарха о разрешении армянского вопроса. По рассказу Тер-Акобяна, после этих слов посол заметно растерялся и совершенно иным, вежливым тоном сказал, что просьба патриарха будет непременно доведена до сведения английского правительства. Когда Тер-Акобян выходит от посла, к нему подходит присутствовавший при разговоре первый толмач посольства, бывший консул в Эрзруме Фицморрис и пытается успокоить взволнованного армянского деятеля, уверяя его в том, что взгляды посла не соответствуют намерениям английского правительства, которое благосклонно настроено к армянам и их проблеме².

* * *

28 декабря имела место встреча члена Комиссии по безопасности центрального правления Оскана Мартикяна с первым драгоманом российского посольства Андреем Мандельштамом. В начале беседы А. Мандельштам пожелал узнать, в чем заключается миссия армянской делегации в Париже, руководимой Нубар-пашой. Эфенди Мартикян объясняет, при каких обстоятельствах возникла идея создания делегации и что она является результатом обращения католикоса к российскому правительству и тех переговоров, которые вел в Петербурге от имени католикоса епископ Месроп. Он также замечает, что делегация пока не проявляла определенной активности, разве что встречалась с премьер-министром Франции и министром иностранных дел господином Раймоном Пуанкаре и заведомо заручилась поддержкой французского правительства. Затем беседа затрагивает вопрос преобразований, и драгоман спрашивает у Мартикяна, имеется ли у патриарха готовый проект и что он собой представляет. Армянский делегат отвечает, что, прежде чем думать о проекте, им необходимо узнать точку зрения русского правительства.

«При составлении проекта, – говорит Мартикян, – нам было бы желательно опереться на инструкции посольства, дабы смогли учесть пределы возможностей и твердо встать на почву осуществимых устремлений. То, о чем мы можем и имеем сказать вам, независимо от ваших инструкций, это – осознание неизбежности европейского контроля над преобразованиями. Вот это – единственное и необходимое условие при любого рода реформах в нашей ситуации.

– Значит, нежелательно, чтобы общий правитель был турком? – заключает господин Мандельштам.

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. Л. 7–8.

² Там же.

– Ни в коем случае! Опыт показывает, что турки по своей природе непригодны для преобразований в нашей жизни. Нам необходим такой контроль, который действует в Македонии.

– Все ли армянские партии думают таким образом? – спросил Мандельштам.

– Если речь идет о партии «Дашнакцутюн», то она согласна с Национальным собранием. Между нами разногласий нет»¹.

На следующий день, 29 декабря, Мандельштам приглашает к себе Мартикяна и просит его вручить посольству те вопросы, решение которых желательно для патриаршества. Пользуясь случаем, Мартикян в устной форме сообщает основные пункты проекта преобразований, составленного Комиссией по безопасности. Мандельштам сообщает, что, по мнению посольства, проект должен быть составлен в объеме Майского протокола 1895 года и тщательно разработан.

30 декабря Мандельштам вновь приглашает в посольство Мартикяна. Мандельштам выражает свое недоумение по поводу сведений о том, что Нубар-паша собирается отправиться в Лондон для представления армянского вопроса на конференции. Это, по его словам, не соответствует намерениям русского правительства и в то же время бесполезно и нецелесообразно, если исходить из исконных интересов вопроса. Эти слова Мандельштам говорил в таком волнении, что Мартикян даже счел нужным успокоить его, заявив, что эти слухи не заслуживают доверия². В тот же день, 30 декабря, в российском посольстве с Мандельштамом встречается доктор Яков Х. Завриев. Он в кругу константинопольских армян являлся самым ярким поборником прорусской политики и ему принадлежала инициатива налаживания отношений с российским посольством в Константинополе еще со времен посла Чарикова.

* * *

31 декабря состоялась встреча Якова Завриева с французским послом. Последний подчеркнул, что по армянскому вопросу между державами Тройственной Антанты установилось полное единодушие. Указав на то, что, если Англия и Россия не будут едины, армянский вопрос пострадает, посол посоветовал армянам поддерживать равностепенно добрые отношения с обеими державами. Ознакомившись с главными пунктами проекта, составленного Комиссией по безопасности, французский посол счел их в общем осуществимыми. Он поинтересовался, не Россия ли является той державой, которой следовало бы поручить выполнение преобразований. Завриев ответил, что составители проекта имели в виду не только Россию, а любое из заинтересованных государств, которое желает вместе с другими государствами взять на себя продвижение армянского вопроса³.

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. Л. 8.

² Там же.

³ Там же.

* * *

Что касается Австро-Венгрии, то инициативу по переговорам с министром иностранных дел Бертхольдом взяли на себя венгерские мхитаристы. Их иерей вместе с игуменом Калемкаряном имели встречу с министром и по наивности своей рассказали ему всё, что им было известно о переговорах армянского католика и русского правительства. После чего они просили содействия австрийского правительства в решении армянского вопроса. Министр заявляет им, что армянский вопрос находится вне круга интересов послов на Лондонской конференции, и если так или иначе удастся включить вопрос в повестку конференции, то представители держав-участниц должны будут доложить об этом своим правительствам и получить соответствующую инструкцию. Затем министр расспрашивает, продолжают ли убийства и насилия и в какой степени там жизнь безопасна. Игумен предлагает ему копию документа на французском Константинопольского патриаршества о положении армян в 1908–1912 гг. Министр вновь подчеркивает, что конференция не уполномочена заниматься армянским вопросом, тем не менее советует обратиться к державам – с той надеждой, что они, возможно, пожелают поднять этот вопрос на Лондонской конференции.

* * *

Комиссия по безопасности, в свою очередь, сочла необходимым послать одного из своих членов – архимандрита Гнела Галамкеряна – к венгерскому премьеру-министру Лукачу. Узнав об армянском происхождении Лукача, комиссия сочла нужным ознакомиться с его взглядами и воспользоваться его советами (а не просить о помощи). Лукач принимает армянского архимандрита с распростертыми объятиями и выслушивает его с большим вниманием. Но когда Гнел обращается к нему на армянском языке, то президент, принося извинения, говорит, что, хоть он и армянин, к сожалению, ни слова не знает по-армянски. Выслушав сообщение Галамкеряна, Лукач подчеркивает, что многое зависит от Англии и поэтому необходимо проводить серьезную работу с английскими дипломатами.

* * *

На обратном пути из Венгрии архимандрит Гнел, выполняя данное ему поручение, останавливается в Софии и представляется королю Болгарии Фердинанду. Король продолжительно и задушевно беседует с ним, особо подчеркивая добросердечное отношение армян к болгарам, сосланным в глубины Малой Азии. «Болгары и лично я, – говорит Фердинанд, – обязаны как-то, чем-то отблагодарить армян». Однако, осознавая, что он бессилён оказать решительное воздействие на решение армянского вопроса, советует обратиться к императору России¹.

¹ Матенадаран. Архив католика. Пап. 238. Док. 95. А. 11–13.

Таковы были официальные переговоры и договоренности, которые велись Комиссией по безопасности от имени Константинопольского армянского патриарха с европейскими державами.

ТУРЕЦКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Возобновление обсуждений армянского вопроса вызвало резкую негативную реакцию как в правительственных кругах, так и на страницах прессы Турции. Яростную борьбу против преобразований начала газета «Ифхам» – орган турецкой националистической партии «Милли мешрутиет», которую поддерживало известное антиармянское издание «Алемдар». «Пусть нас не бесят!» – угрожал автор передовицы последнего.

Редактор «Ифхам» взял интервью у министра внутренних дел о намерении европейских держав провести преобразования в восточных областях империи. Министр сказал: «Сегодня в основном нет никаких проблем восточных областей, а также не ощущается сегодня какого-либо чрезвычайного состояния в ситуации восточных областей. Покой в краю абсолютен и лишь изредка имеют место отдельные случаи. Я не видел и не слышал о каких-то причинах для повода к общему волнению в этих областях». По его мнению, виновниками всего этого переполюха являются армяне, их пресса, которая напрасно подымает шум на весь мир.

На вопрос, возможно ли, чтобы на конференции послов обсуждался вопрос восточных областей, министр ответил: «Поскольку османский посол не участвует в конференции послов (в Лондоне. – Г. С.), следовательно, для нас конференция, так сказать, не существует... Допустим, состоятся совещания, обмена мнениями – мы сочтем эти совещания недействительными, какими средствами или в какой форме они ни состоялись бы. Выработанное мнение или решение не может повлиять на нас. По поводу этих и подобных наших внутренних проблем нашим и османским посланникам и послам даны строжайшие инструкции. Мы не можем допустить не только вмешательства иностранцев в наши внутренние дела, а даже принятия их замечаний. Вопросы о восточных областях не существует»¹, – заключил министр внутренних дел.

Выражая настроения правительственных кругов, большинство органов турецкой печати подвергало резкой критике проармянскую позицию России.

Иттихадский орган «Жен тюрк» писал: «Поистине ни для кого не секрет, что некая держава, которая намерена приобрести области Восточной Анатолии, находит, что назрел момент для ловли рыбы в мутной воде и выказывает волю к вмешательству в дела этих

¹ Жаманак. № 1296, 3 (16) декабря 1912 г.

областей»¹. В этом издании подчеркивалось, что намерения петербургского правительства полностью отражаются почти во всех органах русской прессы, которые «непрестанно и систематически занимаются ситуацией в этих областях (в Армении. – Г. С.) и судьбой проживающего там армянского народа. Умышленно описывает предельно плачевной и возмутительной ситуацией в Восточной Анатолии и говорит об обязанности, которую «имеет христианская Россия в отношении христианских народов этих областей»². Иттихадский орган писал, что даже «русские газеты, которые всегда проповедовали ненависть к армянам, сегодня источают сердобольные слова в их адрес и ежедневно изливают крокодиловы слезы по страданиям турецких армян. Корыстное движение в помощь нашим армянским соотечественникам далеко не ограничено только прессой. Это движение распространено и в политических группировках»³.

Известный турецкий политолог Сулейман Назиф в одной из своих статей, обращаясь к «лживому положительному отношению» Петербурга к турецким армянам, писал, что в истории русские никакой положительной роли не сыграли в жизни армян и сейчас стараются использовать их для того, чтобы развалить Османскую империю⁴.

Все без исключения константинопольские армянские газеты выражали свое несогласие с попытками Сулеймана Назифа принизить большую роль России в судьбе русских армян. Они писали, что Россия всегда была естественной защитницей армянского народа на Ближнем Востоке, что она – единственное государство, которое стремилось освободить все притесненные христианские народы Османской империи. Эта традиционная политика России (несмотря на то, что порой она прерывалась), и неотвратим ее возврат к традициям и своей исторической миссии, которая ей предначертана на пути восстановления христианской цивилизации на Востоке.

В ответ на обвинения младотурок, озвученные в адрес России, в петербургском «Новом времени» в передовице отмечалось: «Где заканчивается Анатолия и с какого места начинается Армения – никто толком не знает. Между тем Россия несомненно имеет существенные интересы именно в армянонаселенных местностях. Эти интересы не имеют территориального характера, но христианское государство, в числе подданных коего большое количество лиц армяно-просветительского вероисповедания, само собой разумеется, не может позволить, чтобы турки в отношении армян продолжали политику, которой следовали по сей день»⁵.

Армянские газеты с болью замечали, что армяне в какой-то момент отклонились от своей прорусской традиционной политики и начали

¹ Перевод на армянский язык статьи из «Жен тюрк» см.: Жаманак. № 1299, 6 (19) декабря 1912 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Перевод на армянский язык передовицы «Нового времени» см.: Ковкаси драбер. № 22, 27 января 1913 г.

искать иные силы, вне России, однако затем осознали ошибочность такого подхода и вновь обратились лицом к Петербургу, который является единственным в мире защитником армян¹.

Справедливости ради следует сказать, что в турецкой печати (правда, изредка) встречались также статьи с нейтральными и даже с положительными оценками относительно армян и поднимаемых ими вопросов. Многие турки понимали, что армяне ничего иного, как условий для спокойного созидания, не хотят.

Турецкий автор Хамдулла Субхи-бей в своей статье в газете «Икдам» 4 (17) декабря 1912 г. писал: «Страх перед справедливостью принуждает нас признаться в том, что, если бы не наша административная беспомощность, то они (армяне. – Г. С.) соответственно этому преуспели бы больше, чем многие, это не их земли, и они превратили бы их в возделанный край. Перед их прогрессивными шагами мы не только воздвигали извечные преграды, но и по разным поводам наносили им вред. Так вот именно это и было доказательством нашей беспомощности в вопросе осознания наших истинных друзей и нашей пользы»².

Вот мнение другого видного турецкого поэта и публициста Тевфика Фикрет-бея: «Мы не ведаем, не понимаем, что любой удар, наносимый им (армянам. – Г. С.) нами, в действительности бьет нас, любой ущерб, причиняемый им нами, несем мы – больше, чем они, мы своими руками принялись за уничтожение племени, которое кормит целую страну»³.

Отвергая беспрецедентные антиармянские нападки турецкой прессы, Субхи-бей задается вопросом: «Неужто у правительства нет под рукой таких действенных средств, которыми было бы возможно сказать правду об армянах?»⁴

СОВЕЩАНИЕ У КЯМИЛЯ-ПАШИ

Высокая Порта для усмирения возбужденных мыслей армян и для приостановления (а при возможности – и срыва) деятельности делегата армянского католикоса Погоса Нубар-паши прибегла к очередному методу обмана: всеми средствами задобрить армян, тем более что некоторые турецкие газеты уже начали публиковать статьи, восхваляющие храбрость армянских воинов османской армии в Балканской войне и их преданность Турции. К этой мысли турецкое правительство было подведено немецким посольством в Константинополе, которое подсказало ему создать видимость удовлетворения требований армянских вилайетов с целью отстранения России от армянского вопроса. Именно с этим умыслом премьер

¹ Мшак. № 137, 26 июня 1912 г.

² Перевод статьи на армянский язык см.: Жаманак. № 1298, 5 (18) декабря 1912 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

Кямиль-паша, который был известен своей чрезвычайной хитростью, наобещавший армянам после восхождения на должность 17 октября множество благ, для предотвращения европейского вмешательства решил взять инициативу в свои руки и объявил о том, что правительство само будет ведать делами реформ в Восточной Анатолии (Армении). Одновременно он поручил Министерству внутренних дел (министр Решид-паша) составить программу, посредством которой в первую очередь должны были быть урегулированы армяно-курдские отношения. При этом премьер объявил, что он назначит комиссию, которая должна отправиться в Восточную Анатолию и там начать вести работу по скорейшему воплощению в жизнь программы преобразований. При этом он уведомил, что намерен в состав комиссии прежде всего включить Его Святейшество Магакию Орманяна. Целью было воспрепятствовать отъезду бывшего патриарха в Европу.

Для сокрытия своего истинного намерения Кямиль-паша известил (вероятно, по совету Габриэла Норатункяна), что для составления программы он должен пригласить также других влиятельных армян. Члены комиссии должны были быть свободными от каких-либо иных обязанностей, поскольку они якобы должны были исполнить многотрудную историческую миссию.

Армянам издавна и хорошо была известна цена этих обещаний, и поэтому они в большинстве своем уже не верили, что правительство собственноручно предпримет преобразования. Однако некоторые из известных армян Константинополя сердечно приветствовали программу Кямыля-паши. В их числе был министр иностранных дел Турции армянин Габриэл Норатункян, друг Его Святейшества Орманяна, который правлению армянского Национального собрания советовал не обращаться к Европе, а совместно с турецким правительством найти решение вопроса. Преобладающее большинство имущих армян также придерживалось того мнения, что в политике правительства по отношению к армянскому вопросу изменилось многое, и поэтому следует пожать протянутую руку, сообща поразмыслить и вынести благоприятное для армянского народа решение. Активными пропагандистами такой позиции являлись армянские константинопольские газеты «Лусардзак» и «Жаманак».

Люди, мыслящие подобным образом, не учитывали того обстоятельства, что всего несколько месяцев назад Высокая Порта отрицала само существование армянского вопроса и рассматривала заявления-жалобы армян о бесчинствах в армянских областях как попытку искусственной реанимации армянского вопроса – и вдруг ни с того ни с сего заговорила о том, что этот вопрос существует, причем длительное время, и требует безотлагательного решения. Это внезапное «арменолюбие» турецкого правительства показывало, что армянский вопрос неотвратимо проторяет себе путь.

В этих условиях Константинопольский армянский патриарх и правление Национального собрания, в патриотизме и рассудительности которых трудно было усомниться, не могли отвергнуть «гуманистического», «арменолюбивого» предложения Высокой Порты и были вынуждены сотрудничать с ней. И вот тут вновь блеснул политический талант Его Святейшества Магакии Орманяна. Он под-сказал, что программа, состряпанная Кямиль-пашой, имеет целью подмочить репутацию патриарха и национального правления, противопоставить депутацию католикоса так называемой «восточно-анатолийской комиссии» и вызвать раскол в среде армянства, а затем продемонстрировать этот раскол также перед Европой¹. Он подчеркивал, что, отнюдь не отказываясь от предложения Высокой Порты, патриарх и национальные власти должны отдавать предпочтение и приоритет европейскому курсу, учитывая, что армянский вопрос интернационализирован, следовательно, основную надежду надо связывать с дипломатической деятельностью великих держав. Без поддержки стран Европы невозможно прийти к согласию и решить армянский вопрос при помощи отдельных переговоров с турецким правительством.

После получения приглашения, подписанного министром внутренних дел Решид-беем, четыре видных армянских деятеля (Его Святейшество бывший патриарх М. Орманян, главный редактор газеты «Сабах» эфенди Тиран Келекян, коммерсант эфенди Патрик Гюльбенкян, бывший депутат османского парламента доктор эфенди Назарет Тагаварян²) 8 (21) декабря посетили премьер-министра Кямиль-пашу для совещания по программе Высокой Порты по благоустройству армянонаселенных областей³. На встрече присутствовали также министр иностранных дел армянин Габриэл Норатункян, министр внутренних дел Решид-бей и министры финансов и образования⁴. Министр внутренних дел представил присутствующим свою программу, состоящую из 21 статьи, которая до ратификации в парламенте должна была исполняться в качестве временного закона только в Ванском, Битлисском, Харпутском (Харбердском) и Диарбекирском наместничествах, то есть в областях, населенных преимущественно армянами и курдами. Предусматривалось последовательно применять в этих областях все гражданские, судебные и финансовые законы империи⁵. Ответственным за исполнение закона якобы должна была стать особая комиссия. Вместо заранее обещанных Кямиль-пашой нескольких армян сейчас только 2 армянина должны были участвовать в работе этой комиссии, состоящей из 6 человек, остальными членами должны были быть

¹ Об обманчивости плана «преобразований» Кямыля-паши см.: Азг. (рус. *Нация*, Бостон). № 33, 29 января 1913 г. (на арм. яз.).

² Айреник. № 12, октябрь 1924 г.

³ Аветабер. № 51, 21 декабря 1912 г.

⁴ Азг. № 31, 15 января 1913 г.

⁵ Араджамарт (рус. *Авангард*, Константинополь). № 1082, 22 декабря 1912 г. (на арм. яз.).

1 халдей и 3 мусульманина. Все они должны были иметь равные права. Полномочия членов комиссии были рассчитаны на пять лет. Комиссией должен был руководить общий следователь, при котором должен был работать один европеец. Комиссия должна была поддерживать отношения непосредственно с Советом министров. После детального изучения ситуации на месте комиссия должна была представить в окончательной редакции указанную программу на ратификацию в парламенте¹.

В течение долгих лет турецкие правители твердили, что жалобы армян, справки религиозных предводителей, жалобы Константинопольского патриаршества лишены каких-либо оснований, что всё преувеличивается и ситуация в армянонаселенных областях если не идеальная, то по крайней мере особенно не отличается от положения в провинциях любой европейской страны.

И вот сейчас министр Решид-бей официально признавал, что ситуация в четырех упомянутых армянских областях не только не идеальная, но даже намного хуже, чем в остальных соседних азиатских областях.

Созванное Кямиль-пашой совещание состояло из двух заседаний. Армянские деятели отметили, что, поскольку правительство обратилось к ним за советом, они считают своим долгом как османских патриотов говорить обо всем открыто, без оговорок. Ознакомившись с текстом турецкого проекта, приглашенные армяне указали на многочисленные существенные недостатки, высказали свое отрицательное заключение. Они выразили крайнее недовольство тем, что Высокая Порта из шести вилайетов считает армянскими только четыре. Заявив, что турецкое правительство потеряло доверие всего армянства Турции, приглашенные армяне объявили о том, что турецкие армяне будут продолжать борьбу за свои национальные права².

Архиепископ Орманиян сказал, что «в бытность его патриархом и до и после того подобного рода программы и комиссии создавались неоднократно, однако они не имели никакого ощутимого результата». Кямиль-паша отвечал, что его правительство ныне настроено очень решительно и что все намеченные пункты программы будут обязательно выполнены³. И в качестве доказательства указал на то, что ненавистный для всех армян Ванского вилайета курдский наместник Иззет-бей уже отстранен от своей должности⁴.

Эфенди Тиран Келекян весьма смело и обоснованно выразил свою точку зрения об обещаниях правительства в вопросе проведения

¹ Мшак. № 280, 16 декабря 1912 г.; Жаманак. № 1305, 12 (25) декабря 1912 г.

² Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. А. 14–15.

³ Азг. № 31, 15 января 1913 г.

⁴ Иззет-бей был отстранен от должности за два месяца до этого, после чего в вилайете ничего не изменилось. По этому поводу ванская газета «Ашхатанк» писала: «Замена наших чиновников не приносит каких-либо результатов. Если чиновник бездарный, если совершил подлог, то его сразу же переводят в другое место, где он становится «новым» человеком, а на его место сажают тамошнего старого – в качестве нового. И им кажется, что тем самым вершат важное дело. Да что говорить, слишком уже знакомая картина!» (см.: Ашхатанк (рус. *Труд*, Ван). № 298, 10 ноября 1912 г. (на арм. яз.)).

преобразований. Он заявил, что абсолютно уверен в том, что если не будет контроля европейских чиновников, то эта комиссия не осуществит никакого преобразования – ровно так, как это делали в прошлом многочисленные комиссии.

В качестве реплики архиепископ Орманян добавил, что в стране очень часто меняются правительства, они кратковременны, следовательно, разговоры о преобразованиях не внушают доверия, поскольку они не искренни. Если какая-то программа не имеет надежной основы и реальных гарантий со стороны властей, то она не может иметь перспектив реализации¹.

Армянские деятели предложили прибавить к четырем упомянутым армянским областям еще две другие армянские области – Карин и Себастию².

Одним из присутствующих было предложено из шести указанных областей образовать один эялет, который будет носить название «Мемалики эрмениан». Министр внутренних дел Решид-бей возразил, что целью программы «является преобразование в указанных областях, а не создание Армении».

Эфенди Назарет Тагаворян поднял вопрос о равном использовании армянского и курдского языков наряду с турецким. Министр внутренних дел ответил, что армянский – это совершенный язык, на котором можно редактировать любое письменное постановление и составить любой правовой документ, однако на курдском делать то же невозможно, следовательно, надо найти нечто среднее.

Сократив число армянских областей на два вилайета, Высокая Порта одновременно увеличила число каймакамств. Было решено также реформировать систему податей, упразднить хафирство, а также использовать на местах получаемые в этих областях доходы.

В ходе совещания был затронут вопрос применения названия «Армения». Армянские представители отметили, что это название подвергнуто бессмысленному осуждению, однако оно будет жить, даже если армянская нация перестанет существовать³. По этому поводу архиепископ Орманян в частности подчеркнул, что армяне никогда не имели и не имеют сепаратистских стремлений, что их требованием является только лишь преобразование и что применение названия «Армения» отнюдь не подразумевает сепаратистских настроений. Одновременно он подчеркнул, что мнения и мысли, выраженные участниками этого совещания, являются их личной точкой зрения, что они не вправе вести переговоры от имени нации, поскольку этим правом наделены официальные органы, представляющие турецких армян, – Константинопольское патриаршество в лице патриарха и Армянское национальное собрание в лице Национального правления. Следовательно, для ознакомления с требованиями нации

¹ Азг. № 31, 15 января 1913 г.

² Араджамарт. № 1082, 22 декабря 1912 г.

³ Азг. № 31, 15 января 1913 г.

турецкому правительству следует обращаться к ним. То есть лицом к лицу должны стать Высокая Порта и Армянское патриаршество – единственный и правомочный представитель турецких армян. К этому заявлению архиепископа присоединились остальные армяне, участвующие в совещании. Разумеется, наилучшим шагом было бы, если бы они не ограничились лишь заявлением, а в качестве неофициальных лиц также сказали бы Кямиль-паше, что это мероприятие следует рассматривать не как переговоры, а лишь как встречу, в ходе которой премьер-министр представил группе армян положения программы по благоустройству, что турецкое правительство должно вести официальные переговоры только лишь с патриархом и с Национальным правлением. В конце совещания Кямиль-паша отметил, что когда программа по благоустройству получит свой окончательный вид, тогда она будет обсуждена и утверждена на одном из заседаний Совета министров¹.

После совещания премьера Кямиль-паши с четырьмя армянскими видными деятелями Высокая Порта выразила желание посоветоваться по тому же вопросу также с правлением Армянского национального собрания. Как ни странно, правление ответило, что необходимости в новых переговорах нет и что правительство может разработать программу преобразований, пользуясь многочисленными тагрирами о положении в Армении, поступавшими поныне из патриаршества².

Однако дело на этом не закончилось. Находящаяся в оппозиции партия «Иттихад» в эти дни также обратилась к вопросу о преобразованиях в Армении – разумеется, дабы его окончательно провалить.

Делая вид, будто они не меньше, чем стоящие у власти иттиафисты, заинтересованы судьбой восточных областей, иттихадские главари при посредничестве, с одной стороны, Григора Зограпа, а с другой – деятельного члена «Иттихада» Халаджяна предприняли попытку сближения с отошедшей от них партией «Дашнакцутюн» «для совместного разрешения интересующих армян вопросов». С этой целью представители «Дашнакцутюн» – Акнуни (Хачатур Малумян), Армен Гаро (Гарегин Пастрмаджян) и Вардгес (Ованнес Серенгюлян) – имели несколько встреч с Халилом, Мидьятом Шюкри и Талаатом. Иттихадисты армянским деятелям предложили следующее: а) армяне не должны пользоваться трудным положением турок, создавшимся из-за Балканской войны; б) они не должны обращаться к внешним силам, и в особенности к врагам Османской империи – русским; в) они, иттихадисты, готовы прийти к согласию с дашнаками и с их помощью войти в непосредственные контакты с Армянским патриархатом и создаваемой национальной делегацией для того, чтобы вместе и не поднимая шума продвигать вперед дело преобразований; г) именно при этих условиях сейчас армяне должны отвергнуть вмешательство иностранных государств «во внутренние семейные

¹ Азг. № 31, 15 января 1913 г.

² Ковкаси драбер. № 9, 13 января 1913 г.

споры»¹. Добавим, что во время одной из встреч Талаат со своей лицемерной улыбкой, как бы советуя, сказал: «Если и в этот раз вы нас не послушаете и будете оказывать давление с помощью иностранных сил, всё равно вы никакого реального результата не добьетесь!»²

В ходе бесед армянские деятели не раз напоминали о турках (мухаджирах), переселявшихся в армянские области в результате Балканской войны, которые захватывали земли армянских крестьян и насильственно поселялись в армянских деревнях, а власти ничего не предпринимали для сдерживания их действий³.

Встречи иттихадских и дашнакских деятелей практических результатов не дали. Вера последних была исчерпана. Как видим, озабоченность иттилафского правительства и иттихадского комитета в основном вызывал вопрос утверждения европейского контроля над процессом преобразований. Они были решительно против этого контроля, считая его попранием достоинства турецкого народа. А на самом деле они были обеспокоены тем, что в условиях реального контроля Европы они уже не могли бы, как прежде, избежать выполнения преобразований в армянских областях.

После встречи Кямиль-паши с армянскими деятелями Высокая Порта и турецкая пресса распространили на весь мир весть о том, что разработана программа по преобразованиям в восточных областях Анатолии, которая будет выполнена с такой последовательностью, чтобы остались довольными все жители этих областей – и турки, и курды, и армяне. С другой стороны, Высокая Порта по телеграфу инструктировала своего посла в Петербурге Турхан-пашу просить российское правительство не поднимать армянский вопрос на Лондонской конференции послов, взамен обещая пойти на уступки в пользу России в вопросе спорных турецко-персидских пограничных территорий, а также предоставить русским купцам частные привилегии в османских водах Чёрного моря⁴.

Немногим верилось в то, что турецкий премьер всерьез задумался об улучшении положения армянского народа. Константинопольская армянская газета «Жаманак» перепечатала посвященную этому совещанию статью из «Русского слова» в которой говорилось: «Россия никогда не должна ратифицировать законопроект, записанный В. Портой сиюминутно о преобразованиях в Армении, если в нем не будут обеспечены все нужды и интересы армянской нации»⁵.

¹ См.: *Ашчян Ованнес, старший священник. Дорогами армянского страдания.* Т. I. Тегеран, 1965. С. 332. (на арм. яз.).

² Там же. С. 332–333.

³ Спустя несколько дней, 13 декабря, С. Сазонов писал русским послам в Лондоне и Париже: «Во избежание новых осложнений, в связи с несомненно предстоящим массовым переселением мусульман из Европейской Турции в Малую Азию, не признает ли правительство, при коем Вы аккредитированы, возможным ныне же поручить своему послу в Константинополе... принять все меры для направления и упорядочения переселенческого дела» (АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 91об. – 92).

⁴ Жаманак. № 1327, 3 (16) января 1913 г.

⁵ Там же. № 1318, 25 декабря 1912 г. (7 января 1913 г.).

Другие органы российской прессы также советовали своему правительству обратить должное внимание на необходимость принятия практических шагов для пресечения новых козней Высокой Порты. Однако российское правительство еще не определило своих дальнейших шагов в армянском вопросе, поскольку оно не было уверенным в том, что хотя бы его союзники по Антанте поддержат Россию в продвижении вопроса о преобразованиях в Армении, воплотив идею в реальность. К этой неопределенности прибавлялась также и неполная информированность об Армении, хотя российское императорское правительство отовсюду продолжало получать от различных представителей и армянского духовенства многочисленные обращения с просьбами о защите армянства Малой Азии и даже о занятии российской армией армянских областей.

Российское правительство, озабоченное данным вопросом, не раз было вынуждено обращать внимание Высокой Порты на необходимость пресечения возможного возникновения новых осложнений в Армении. А в ответ на обращения армян русская сторона, всегда подтверждая свое благосклонное отношение к турецким армянам, одновременно указывала на то обстоятельство, что выдвигание армянского вопроса в данный момент, когда еще не закончился Балканский кризис, считает несвоевременным именно с точки зрения армянских интересов, что в случае международного обсуждения этого вопроса вряд ли можно будет ожидать полной солидарности со стороны держав, между тем возникновение любого разногласия будет мастерски использовано Турцией¹. Вот почему до того, как предпринять практические шаги в армянском вопросе, российское правительство желало знать, существует ли в данный момент возможность солидарного сотрудничества с союзниками – Англией и Францией. В секретном письме № 898 от 13 декабря министр иностранных дел Сазонов писал российским послам в Лондоне и Париже: «Отнюдь не скрывая всей сложности и трудности армянского вопроса, мы, тем не менее, полагаем, что необходимо ныне же приступить к безотлагательному обмену мнениями с парижским и лондонским кабинетами для установления общих взглядов и совместных действий»².

Затем министр добавлял: «Не предпринимая тех мероприятий, разработка коих, по нашему мнению, могла бы быть всего лучше поручена послам трех держав в Константинополе, мы полагали, что ныне же представилось бы желательным обсудить, не требует ли решение этого вопроса, предоставленного 61-й статьей Берлинского трактата самостоятельному почину Порте, установления известных гарантий и европейского контроля»³.

В конце письма Сазонов поручал послам: «Прошу вас доверительно объяснить в указанном смысле с министрами иностранных

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3459. Л. 91об.

² Там же.

³ Там же.

дел и о последующем уведомить [наше] министерство в возможно короткий срок»¹.

Таким образом, политическая инициатива константинопольских армян до конца 1912 г. существовала в двух формах. Малая часть армянских деятелей, как и прежде, увязывала решение армянского вопроса с доброжелательностью турецкого правительства, с его будущими преобразованиями в Армении². Однако большая часть армянских деятелей думала иначе, решение армянского вопроса она связывала единственно с Россией и Европой. За короткое время, с конца 1912 г. и в первые дни и недели 1913 г., такое восприятие превратилось во всеобщую точку зрения всего армянства. В этот исторический момент весь армянский народ был солидарен. У армянства была одна программа, одно направление, и оно представало перед державами и Турцией завидным идеологическим единством. Оно окончательно утратило доверие к османскому правительству. Для успешного хода дела настоятельно требовалось приложить усилия к тому, чтобы сохранить солидарность среди константинопольских армян. При наличии такого крепкого тыла Армянский патриархат и Национальное правление, являясь официальным представительством всего армянства в Турции, ощущая доверие и согласие армянского народа, могли разговаривать с Турцией и Европой смело и с достоинством.

ТОЖДЕСТВЕННЫЕ МНЕНИЯ

Согласно просьбе Министерства иностранных дел России, Петербургский армянский кружок на заседании 9 декабря 1912 г. принял решение послать в османскую столицу двух своих членов для ознакомления с ситуацией на месте и сбора новейших сведений и материалов, которые были необходимы для дальнейших работ. На том же заседании были утверждены имена отбывающих в Константинополь – Никогайоса Адонца и Сиракана Тиграняна. На этом же заседании попросили А. Гукасова, направлявшегося по личным делам в Лондон, собрать необходимые сведения о настроениях, царящих в общественно-политических сферах британской столицы по отношению к армянскому вопросу, и передать полученные впечатления председателю кружка Г. Тиграняну. 28 декабря члены кружка уже прибыли в столицу Турции. Члены Петербургского армянского кружка встретились в Константинополе с несколькими наиболее влиятельными представителями только армянских консервативных кругов, выслушали их точки зрения.

Точка зрения **Магакии Орманяна**. Во время встречи Его Святейшество сказал, что русские не должны смиряться с попыткой держав Берлинского конгресса (1878 г.) узурпировать их права,

¹ Там же.

² Этим деятелям следовало прийти к заключению, что избранный ими путь ошибочен, хотя бы исходя из опыта Аданской резни и четырех последующих лет.

обретенные в Сан-Стефано. И было бы весьма естественным, если русская дипломатия действовала бы лишь в духе Сан-Стефанского прелиминарного договора, пренебрегая решениями Берлинского конгресса, то есть стремилась бы отстранить армянский вопрос от держав и направить его в сферу воздействия свою и своих сегодняшних союзников. А это значит, что армянский вопрос должен обсуждаться не на посольской конференции шести держав, а только в сфере прав России. Если остальные великие державы будут пытаться провалить решения Сан-Стефанского договора, заключаю Орманян, то тогда задачей российской дипломатии должно стать стремление не допустить этого, то есть возвратиться к Сан-Стефано.

Что касается сути преобразований, то Орманян находил, что наилучшим выходом было бы из армянских вилайетов создать нечто вроде Ливана, разумеется, если того пожелает Тройственное согласие. Но если это не будет возможным, то любая реформа, спроектированная Европой или даже Турцией, удовлетворила бы армян, если только была бы осуществлена. Но поскольку от Турции ждать не приходится желательного результата, то остается, чтобы Россия оказывала на нее давление с помощью угроз и предъявления требований¹.

Точка зрения **Габриэла Норатункяна**. Будучи осведомленными о том, что Магакия Орманян состоит в тесных дружеских отношениях с министром иностранных дел Турции Габриэлом Норатункяном, члены Петербургского армянского кружка просят архиепископа организовать их встречу с последним, имея в виду, что беседа не будет носить официального и дипломатического характера, а обещает быть откровенной и искренней. Встреча состоялась утром 1 января 1913 г. в доме Норатункяна. С первой же минуты министр взял инициативу в свои руки и начал расспрашивать. В докладной членов кружка, написанной несколько дней спустя, читаем: «В течение всего этого времени министру приносили письма, бумаги, приглашительные билеты, докладывали о приезде того или иного лица в Константинополь. Наконец мы разъяснили ему цель нашего приезда в Константинополь и в частности визита к нему. Видимо, неприлично и невежливо, сказали мы, обращаться к министру внешней политики и члену Кабинета министров Турции по армянскому вопросу. Но для нас, армян, было бы непростительно, если в такой исторический момент мы пренебрегли бы и проигнорировали его советы относительно этого волнующего всех армян вопроса, в котором он является наиболее сведущим, пожалуй, единственным компетентным армянином. Вот почему не только петербургские армяне, но и вообще везде все армяне считают своим долгом узнать его точку зрения относительно вопроса, волнующего армянский народ, его мнение по решению этого вопроса»².

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. Л. 18–19.

² Там же.

Норатункян ответил, что рад и готов со всей откровенностью высказаться по этому вопросу, поскольку не желает и не считает необходимым скрывать свои взгляды. Он всецело свободен выражать их также на Совете министров, где его коллеги благоприятно настроены к нуждам армян. Будут ли представлены армянам преобразования? По мнению Норатункяна, это зависит от того, будет ли преобразована Турция вообще. Если в Турции будет установлен лучший порядок, то армяне, культурные и работоспособные, быстрее чем остальные воспользуются улучшением ситуации. Однако министр не ответил, существуют ли какие-либо гарантии улучшения порядка, непреклонности и уверенности в добрых намерениях нынешнего правительства. О преобразованиях в армянских вилайетах Норатункян сказал, что они сейчас будут проводиться в шести (а не в четырех) вилайетах, которые будут разделены на две зоны и подвергнуты преобразованиям различной степени. После этого уклончивого ответа министр посоветовал о поднятом вопросе поподробнее узнать у Орманяна.

Визит петербургских армянских делегатов к Г. Норатункяну длился более 40 минут, однако они не были удовлетворены разъяснениями министра. Возможно ли было надеяться на то, что, осознавая реальные нужды и выгоды своего государства, турецкое правительство по собственной инициативе предоставило бы армянам возможность необходимых преобразований? Прямого ответа они не получили. Норатункян увязал надежды армян не с конкретным, местным переустройством Армении, а с преобразованием всей Турции вообще – что, разумеется, было нереальным¹.

Встреча с **Петросом Халаджяном**. Встреча с молодым бывшим министром младотурецкого правительства Саид-пашой оказалась не особенно результативной, если не учитывать ценное сведение о курдской автономии. Халаджян сказал, что турки, в особенности младотурки, никогда не согласятся с требованием курдов об автономии, так как это противоречит преследуемым «Иттихадом» задачам отуречивания. Халаджян выразил мнение, что младотурки скорее представят самоопределение армянам, чем курдам, несмотря на то, что будут всячески добиваться расположения последних – с тем, чтобы держать их при себе².

Размышления **Григора Зограпа**. Узнав о цели визита петербургских делегатов, Григор Зограп принял их с удовольствием. Писатель, адвокат, общественный деятель, член турецкого парламента, человек светлого ума и удивительного красноречия, он притягивал к себе внимание не только в армянской среде. Основным вопросом его гостей был: возможно ли, чтобы армянский вопрос был поставлен на обсуждение на Лондонской конференции послов. Зограп ответил, что, по его мнению, Лондонская конференция не станет

¹ Там же. Л. 20–21.

² Там же.

обращаться к армянскому вопросу, поскольку у нее четко намеченная программа. Сутью же ожидаемых преобразований является то, чтобы назначили верховного комиссара (велиазума) под эгидой держав. Остальное никакого существенного значения не имеет, и можно смириться с существующими в Турции конституционными порядками. Можно будет оставить также нынешнее административное деление. Одним словом, всё то, что в случае преобразований должно пройти законодательное утверждение, нужно оставить прежним – во избежание осложнений. Преобразования в армянских областях следует юридически организовать таким образом, чтобы они по возможности меньше перекрещивались с действующими имперскими законами и правилами.

Обращаясь к политике России по отношению к курдам, Зограп сказал, что он поднимал этот вопрос в российском посольстве в Константинополе, где ему разъяснили, что Россия не против сотрудничать с курдами, но она никогда не будет им помогать или действовать против армян¹.

Встреча с **Тиграном Келекяном**. Келекян был редактором полуофициального турецкого правительственного органа – газеты «Сабах», преподавателем международного права Константинопольского турецкого университета. Он имел свободный доступ к высоким правительственным чинам, в том числе и к садразаму. В правительственных кругах он пользовался полнейшим доверием и считался своим человеком. Будучи редактором полуофициальной газеты, он посещал министров и имел на них определенное влияние. За день до встречи с петербургскими делегатами его принял султан, и об этом редактор подробно написал в своей газете. Встречу с прибывшими из России армянскими деятелями Келекян начал с того, что он считает себя наполовину армянином, что преданно служит Турции и ее правительству, но интересуется всем тем, что касается армян, следит за армянской прессой и литературой, но лишь в свободное время.

Возвращаясь к армянскому вопросу, Келекян сказал, что «в настоящий момент он не существует», точнее, он существует, как, например, польский или финляндский вопросы. Но одновременно он подчеркнул, что «это вопрос времени, и армянский вопрос рано или поздно разрешится», ибо продвижение России на юг неизбежно. Армению может спасти лишь автономия, и то в составе России. К несчастью, свою судьбу решают не армяне, а воля могущественных держав. Посему армянский вопрос решится тогда и так, как того пожелают державы.

Размышления **Бюзанда Кечяна**. Он был редактором неофициальной газеты патриаршества – «Бюзандион», крупным издателем и публицистом. Беседа в основном велась лишь вокруг одного

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95.

вопроса: имеет ли будущее или не имеет армянский народ без вмешательства России в судьбу армянских вилайетов? Бюзанд Кечечян решительно ответил – не имеет¹.

Встреча с **Назаретом Тагаваряном**. Выходец из Сиваса (Себастии) Назарет Тагаварян был в свое время членом османского парламента первого созыва, хорошо был знаком с жизнью в провинциях империи. Еще прошлым летом Тагаварян путешествовал по Армении, обошел все армянские вилайеты, ознакомился с ситуацией в крае, с составом и бытом населения. Он рассказал петербургским делегатам, что его наблюдения выявили следующую картину: в Армении есть целые районы, населенные исламизированными армянами. Населенная мусульманами территория, которая окружает Эрзрум и Эрзинджан (Ерзнка), если не полностью, то в значительной степени имеет армянское происхождение. Несмотря на то, что жители окраинных районов – Тортума, Байбурта (Баберда) и Эрзинджана – называют себя мусульманами и говорят на турецком, однако их облик, многие особенности быта, некоторые обычаи и обряды говорят о том, что в прошлом они были христианами. В некоторых районах, например в Тортуме, сохранились сказы о времени и условиях исламизации христиан.

В результате встреч и бесед как с вышеуказанными лицами, так и с другими литературными, политическими и общественными деятелями петербургские армянские делегаты пришли к убеждению, что в данный период в мыслях большинства турецких армян закрепились два понятия: а) турецкое государство не в состоянии преобразиться и что-то благоустроить в стране; б) для преобразований в Армении необходимо искать опору за пределами страны и прежде всего в России.

Возвратившись в Петербург, Никогайос Адонц и Сиракан Тигранян составили отчет и представили его в Министерство иностранных дел России.

ТЩЕТНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ К КОНФЕРЕНЦИИ ПОСЛОВ. НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ПОСУЛЫ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Сначала полагали, что в ближайшее время в Лондоне состоится конференция или конгресс руководителей шести великих держав, подписавших Берлинский трактат 1878 г., и что именно к этой конференции должна была обратиться делегация католикоса для решения армянского вопроса. Но вскоре распространилась весть о том, что предстоящая конференция, участниками которой будут аккредитованные в Лондоне послы держав, подписавших Берлинский трактат 1878 г., не полномочна заниматься другими вопросами, кроме балканского.

¹ Там же.

Глава армянской делегации Погос Нубар направил заявление в адрес конференции, предлагая принять его делегацию, выслушать сообщение о положении турецких армян и изыскать средства для воздействия на турецкое правительство, с тем чтобы оно предприняло шаги по проведению преобразований в Армении. Однако Лондонская конференция не сочла возможным удовлетворить заявление Нубара, мотивируя это тем, что кроме вопросов, относящихся к Балканскому кризису, она не компетентна заниматься другими вопросами. Это обстоятельство особо подтвердили не только послы шести государств, но и министры иностранных дел Англии, Франции и Австрии.

Стало известно также, что конференция не обладает никаким решающим голосом, а лишь является неким временным и чисто консультативным органом, следовательно, она не является той верховной инстанцией, к которой армяне должны обращаться для обсуждения и разрешения своего иска.

Днями раньше, когда еще не было известно о степени полномочий конференции, Католикос всех армян Геворг V обратился к российскому правительству для того, чтобы выяснить, каким оно видит будущее армянского вопроса и намерено ли оказывать в этом направлении действенную поддержку армянам.

Спустя некоторое время через кавказского наместника графа Воронцова-Дашкова в Эчмиадзине получают ответ российского правительства на обращение католикоса. Вот основное содержание ответа: «Следуя своей вековой традиции и будучи преисполненным глубочайшей симпатии к страданиям армянского народа, Императорское правительство намерено и впредь занимать благосклоннейшую позицию к нуждам обездоленного армянского народа в Турции и прикладывать все свои усилия к тому, чтобы устранить ныне существующие беззакония и осуществить необходимые реформы. Однако Императорское правительство полагает, что с точки зрения интересов самих армян настоящий момент не удобен для рассмотрения армянского вопроса во всем его объеме. Этот важный и острый вопрос будет поставлен на повестку дня *тотчас* (выделено нами. – Г. С.), как только окончится война и политическая ситуация утратит свою напряженность. Но поднятие армянского вопроса, когда еще не исчерпан Балканский кризис, может вызвать раскол и противодействие со стороны некоторых великих государств, и это несогласие может навредить делу»¹.

Будучи еще неосведомленным об ответном письме российского правительства к Католикосу всех армян, Погос Нубар-паша обратился в свою очередь к русскому послу в Париже Извольскому для того, чтобы тот представил разъяснение, какова официальная позиция его правительства в армянском вопросе.

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 28. Л. 20.

Посол Извольский принимает у себя Погоса Нубара и вручает ему копию сокращенного варианта ответного письма своего правительства Католикосу всех армян Геворгу V. Одновременно посол выражает желание, чтобы официальная точка зрения России по армянскому вопросу, отраженная в полном варианте письма, ожидаемого из Петербурга, была доведена до армянской общественности¹.

На совместном собрании членов Национального бюро и полномочных представителей католикоса, состоявшемся в Тифлисе, после обмена мнениями было принято постановление, смыслом которого было побудить петербургское правительство более четко выразиться о политике России по армянскому вопросу.

Российское правительство направляет новое письмо армянскому католикосу (впервые было напечатано в № 4 парижской газеты "Temps" от 4 января 1913 г.).

Содержание этого документа в руководящих кругах Франции и других европейских стран было воспринято как полуофициальная точка зрения России. Та же газета напечатала под заголовком «Россия и Армения» ("La Russie et L'Arménie") следующую телеграмму, полученную от своего корреспондента в Петербурге: «Я могу Вам сообщить достоверно: русские дипломатические круги склонны думать, что армянский вопрос не должен привлекаться к посольской конференции в Лондоне»².

Ответ российского правительства не обнадежил власти Турции. Когда правительство последней 27 декабря на своем заседании обсуждало вопросы внешней политики страны, в этот момент в Константинополе была получена телеграмма от Турхан-паши, в которой он сообщал, что Россия предлагает Турции обратить серьезное внимание на ситуацию в Анатолии и откровенно угрожал: если Высокая Порта откажется от ее требования, то Россия предпримет практические шаги для защиты христиан.

Аргументация высших российских властей о невозможности на данный момент вплотную заниматься армянским вопросом стала причиной серьезной обеспокоенности во всех армянских кругах. «Ковкаси лрабер» писала: «Был момент, когда нам показалось, что

¹ Мшак, № 3, 6 января 1913 г

² См. там же. Как ни странно, в данный момент это исходило из противоположных интересов армян и Турции. За все прошедшие четыре десятилетия это был исключительный случай, когда в определенный исторический период они не противопоставлялись (исходя в особенности из опыта 1877–1878 гг., когда Россия в Сан-Стефано стремилась разрешить армянский вопрос одна, что было на руку армянам), который, к несчастью, принял другой оборот: решение вопроса было вверено великим державам – со всеми вытекающими отрицательными последствиями. В 1912 г. также армяне желали, чтобы одна лишь Россия взяла бы на себя решение их национального вопроса. А турки не хотели выносить армянский вопрос на европейскую арену совсем по иной причине. Пресса утверждала, что в этот раз европейская общественность настроена в пользу армян и не исключено, что посольская конференция (которая заявляла, что кроме поиска выхода из Балканского кризиса, дескать, не уполномочена заниматься какими-либо иными вопросами) в вопросе Армении начнет говорить с турками языком ультиматума. Именно в этом причина, писали газеты, что Высокая Порта в конце декабря 1912 г. поручила своему петербургскому послу Турхан-паше просить российское правительство не поднимать армянский вопрос на конференции послов, взамен обещая предоставить России всякого рода привилегии и льготы, различные концессии в турецкой части Черного моря.

мечта армян должна сбыться, что должны закончиться дни печали, однако потом – из-за международных осложнений – нам пояснили, что сейчас не время говорить об армянском вопросе и необходимо отложить этот вопрос. И вполне понятно, что затягивание такого серьезного дела вселило в армянский народ страх и беспокойство...»¹

Ответ российского правительства, данный католикосу, как и идентичные сведения, почерпнутые газетой “Temps” из официальных источников, отныне не оставляли никакого сомнения в том, что депутация католикоса должна была отложить свои официальные обращения до тех пор, пока российское правительство найдет удобный момент и поднимет армянский вопрос перед европейскими государствами. Надо было ждать, как это диктовало российское правительство, поскольку успешное решение вопроса зависело исключительно от благожелательного содействия России, о чем уведомяли также и дипломатические представители других государств.

Эта позиция России в армянском вопросе была временной – до тех пор, пока она не заручилась бы согласием остальных пяти великих государств. Это сознавали и в Константинополе. Поэтому Высокая Порта была готова идти на новые уступки Петербургу.

В этой новой ситуации, пока российское правительство решило на короткое время воздерживаться от официального представления армянского вопроса, в армянских кругах ждали с нетерпением, когда же закончится это молчание. Однако армянские деятели продолжали свою неутомимую работу. Тифлисское национальное бюро приняло решение о направлении новой делегации в Петербург с целью выяснить настроения более широких кругов власти относительно волнующего армян вопроса, а также начать работу с публицистами прогрессивных органов российской прессы. Делегация должна была состоять из двух духовных и двух светских лиц. Последних двух должно было избрать бюро после заведомо полученного от Эчмиадзина одобрения. Предусматривалось, что католикос направит на рассмотрение бюро поручительные письма для того или иного правительственного деятеля. После собрания некоторые делегаты выступили с предложением послать в Петербург двух делегатов, а не четырех, – светского и духовного². Но спустя некоторое время в бюро возникло иное мнение: пока не посылать в Петербург делегацию, а вместо этого направлять в столицу множество писем, в особенности журналистам³.

ВСТРЕЧА С НАМЕСТНИКОМ

Решение Национального бюро не посылать делегацию в Петербург было воспринято в Эчмиадзине с недоумением. Как католикос, так и Синод находили, что в этот судьбоносный момент незаменимыми

¹ См.: Ковкаси Арабер. № 45 (99), 27 февраля 1913 г.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 28. Л. 31.

³ Там же. Л. 32.

остаются личные контакты с высокопоставленными чиновниками. И Его Святейшество Геворг V начал искать новые пути сотрудничества с ними. Католикос пришел к выводу, что в данный момент следует вновь обратиться к кавказскому наместнику. С этой целью он составил депутацию, в которую вошли член Синода епископ Месроп, архимандрит Баграт, Александр Хатисян и Самсон Арутюнян.

Утром 25 декабря три члена депутации приехали в Тифлис, где к ним присоединился тифлисский градоначальник А. Хатисян. В тот же день епископ Месроп письменно сообщил наместнику о депутации, прося назначить прием для вручения составленного в Эчмиадзине меморандума в адрес императора Николая II. Утром 26 декабря депутация в полном составе была принята наместником и вручила ему письмо католикоса и меморандум. В письме от имени всей армянской нации католикос просил монарха России протянуть руку помощи армянам, стонущим под турецко-курдским гнетом. Ознакомившись с письмом, наместник заметил, что в нем отсутствует самое важное – какими средствами надо достичь осуществления этой цели. Члены делегации ответили, что целью является обеспечение жизни, чести и имущества турецких армян, а о средствах ее осуществления лучше всех знают дипломаты. Наместник возразил, что Россия в настоящее время не может войти в Турцию, поскольку обстоятельства крайне неблагоприятны.

Согласно договоренности, на следующий день, утром 27 декабря, депутация вновь встречается с наместником. Армянские деятели заверяют Воронцова-Дашкова, что армяне надеются и ожидают, что российское правительство в этот раз обратит серьезное внимание на Турецкую Армению, где жизнь стала совершенно невыносимой. Подчеркивают, что они не отчаиваются, потому что премьер-министр Коковцев и министр иностранных дел Сазонов, насколько им известно, настроены благожелательно к армянскому вопросу. Воронцов-Дашков отвечает, что турецкие чиновники армянонаселенных районов Турецкой Армении в последнее время непрерывно выражают опасение, что, может быть, русские войска войдут в Турцию для предотвращения насилий, чинимых курдами и турками над армянским населением. По этой причине вали (губернаторы) пока предупреждают курдов, чтобы те не давали России повода для вмешательства в дела Турецкой Армении, а также воздержаться от притеснения армян. Армянские делегаты отвечают, что опасения вали естественны, но вопрос в том, что они временны и скоро прекратятся – как только узнают о том, что правительство России воздерживается и никаких шагов не предпринимает для обеспечения безопасности жизни и имущества армян.

Речь зашла о направлении депутации к премьеру Коковцеву и к министру иностранных дел Сазонову. Наместник подчеркнул, что он положительно смотрит на эту идею и что это будет весьма целесообразно.

28 декабря в 10 часов утра депутация вновь посетила наместника. Воронцов-Дашков сказал, что им подготовлено письмо католикосу и что его полный текст уже сообщен в Петербург, и только после получения оттуда одобрения письмо будет послано в Эчмиадзин. Наместник зачитал присутствующим письмо, которое разочаровало их. Они выразили свое несогласие, в особенности по поводу двух неблагоприятных пунктов: 1) армянский вопрос ныне не может стать предметом обсуждения на Лондонской конференции послов; 2) по этому вопросу католикос не должен обращаться к другим европейским государствам.

Члены делегации во всех подробностях разъяснили наместнику, что это письмо произведет крайне отрицательное впечатление на армян, в особенности турецких армян, и это в то время, когда все без исключения армяне уверены в том, что Россия непременно вмешается и возьмет под свое покровительство турецких армян и под строгим контролем принудит турок осуществить необходимые преобразования. Было подчеркнуто, что если турецкое правительство, особенно чиновники армянонаселенных вилайетов, узнает о том, что Россия сейчас воздерживается и не желает вмешиваться в дела Турецкой Армении, то тогда положение армян станет совершенно невыносимым и даже может иметь ужасающие последствия. В ответ на это наместник повторил несколько раз, что Россия только лишь в нынешних неблагоприятных условиях воздерживается от принятия практических шагов и что это отнюдь не означает, что она перестает вмешиваться в жизнь турецких армян и должна продолжать дипломатические усилия. После этой встречи наместник составил перечень основных пунктов, о которых он получил детальные разъяснения армянских делегатов. Последние попросили, чтобы он поднял перед российским правительством вопрос об установлении контроля на местах через посла в Константинополе и консулов в Турецкой Армении, дабы избежать большего обострения ситуации. Объяснили, что, согласно советам премьера Коковцева и министра иностранных дел Сазонова и пожеланиям всех армянских сторон, для участия в работе Лондонской конференции послов католикос со своей стороны назначил Погоса Нубар-пашу, который в вопросе преобразований в Турецкой Армении должен действовать под российским контролем. Они добавили, что католикос еще не отдавал распоряжения паше, ожидая ответа от правительства России, лишь после этого Нубар-паша, используя свое авторитетное положение, будет выступать с частными заявлениями, а официальные заявления будет согласовывать по телеграфу с католикосом при согласии российского правительства. В этом судьбоносном для армян вопросе главную роль должна сыграть Россия – таково было убеждение представителей католикоса.

Наместник отметил, что Погос Нубар-паша должен действовать под контролем российского правительства, если последнее возьмет

на себя руководящую роль в вопросе преобразований в Турецкой Армении. Одновременно он заметил, что по распоряжению министра внутренних дел Турции Решид-бея на днях в Константинополе организована подкомиссия, в состав которой вошли четыре человека, и будут они заниматься вопросом преобразований, а это означает, что будет ослабевать необходимость вмешательства России в вопросы Турецкой Армении. Делегаты, разъяснив ситуацию, заявили, что подкомиссия, составленная Решид-беем, среди армян доверием не пользуется, поскольку они прекрасно понимают, что тем самым турецкое правительство пытается препятствовать вмешательству русских. Они вновь подчеркнули, что все армяне, независимо от партийной принадлежности, согласны, чтобы Россия не только являлась инициатором преобразований в Турецкой Армении, но и чтобы ей было предоставлено право, с согласия европейских государств, на контроль при осуществлении преобразований.

Наместник обещал о ходе встречи подробно сообщить по телеграфу в Петербург и содействовать тому, чтобы ответ был получен без промедления.

В конце встречи епископ Месроп от имени депутации выразил наместнику благодарность за доброжелательное отношение. Воронцов-Дашков подчеркнул, что вообще очень хорошо настроен в отношении армян, но в данном случае он выступает в качестве русского государственного лица и что уже безвозвратно прошли времена ошибочной политики Лобанова-Ростовского по отношению к армянам. Он заявил, что рад тому, что в важнейшем вопросе преобразований в Армении российские и армянские интересы тесно переплетены.

Встреча длилась два часа. Во второй половине того же дня состоялось совместное собрание посланцев-депутатов католикоса и членов Национального бюро, которое приняло следующие важные постановления: 1) подготовить текст письма, направляемого в Петербург, в котором четко сформулировать пожелания армянского народа; 2) побудить правительство, чтобы оно более определенно выразило свою точку зрения по армянскому вопросу; 3) организовать встречу Нубар-паши и наместника Воронцова-Дашкова; 4) предложить Погосу Нубару продолжить частные обращения к дипломатическим представительствам, а в вопросе официальных обращений – ждать из Эчмиадзина новых распоряжений; 5) принимая во внимание откровенно положительное отношение наместника Воронцова-Дашкова к армянским преобразованиям, попытаться получить его согласие на отправку в Петербург депутации от имени католикоса, которая будет состоять из двух духовных и двух светских лиц. Светских депутатов представит Национальное бюро после того, как поступит соответствующее распоряжение из Эчмиадзина.

Было также решено просить Его Святейшество, чтобы он свои поручительные письма, которые будут вручены

депутатам, предварительно выслав бы в Тифлис на рассмотрение Национального бюро¹.

ПРИ СОДЕЙСТВИИ РОССИИ АРМЯНСКИЙ ВОПРОС ПОСТЕПЕННО ВКЛЮЧАЕТСЯ В ЕВРОПЕЙСКУЮ ПОВЕСТКУ

Для армян было совершенно ясно, что, несмотря на осторожность России, именно ее усилиями армянский вопрос должен вступить в благоприятную фазу.

Петербуржскому армянскому кружку стало известно, что Турция обещала России уступить часть территорий, прилегающих к Персии, только бы она не поднимала вопроса автономии Армении. В ответ на это Россия заявила Турции, что, поскольку ее терпению пришел конец, она готова предпринять решительные шаги для защиты христиан Анатолии. Армяне осознанно сообразывались с намерением России, хотя не могли предусмотреть, как долго будут прилагаться ее усилия, чтобы убедить пятерку европейских держав в необходимости начать безотлагательные преобразования в Турецкой Армении.

Еще 14 декабря 1912 г. посол в Константинополе Гирс сообщил Сазонову о том, что видный дашнакский деятель Я. Завриян посетил его и, описав невыносимое положение армян в провинциях, просил дать ему указания – какого политического курса им следовало бы придерживаться. Завриян заверил, что все армяне убеждены в том, что их судьба в руках России².

Касаясь встречи Заврияна с Гирсом, константинопольский корреспондент «Нового времени» писал, что после этого Погос Нубар-паша «...имел не одно совещание с нашим парижским послом гофмейстером А.П. Извольским. Последний, как поговаривают в армянских кругах, объявил тому, что армянский вопрос следует на время отложить по причинам высокого порядка». Корреспондент одновременно отмечал, что, несмотря на пассивную позицию российской дипломатии в армянском вопросе, армяне полагают, что в октябре – ноябре 1912 г. усилия Петербурга имели определенные последствия. «Самым важным они считают то, что непосредственное обращение католикоса к представителям российского правительства стало предметом обсуждения и обратило на себя внимание. Католикос намерен при первой же возможности вновь предпринять надлежащее обращение. Во французских руководящих кругах также начали заниматься положением армян. Всё это дает надежду на то, что дело только лишь отложено и оно будет возобновлено, как только представится такая возможность»³.

¹ НАА. Ф. 57. Ст. 5. Д. 28. Л. 31 и 31об.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3469. Л. 12.

³ Перевод на армянский язык статьи «Нового времени» см.: Ковкаси арабер. № 45 (99), 27 февраля 1913 г.

«Армянский вопрос, – писал Ованес Туманян, – это вопрос зверских побоищ и гнета, преследований и беженства: это преимущественно проблема физического выживания. И его успех всегда был связан с успехом России. Кто выступает против успеха России, тот выступает против успеха армянского вопроса, кто против России выступает на защиту Турции, тот повинен в турецких зверствах и в армянских ужасах»¹.

«Наша нация, – писала газета “Ковкаси Арабер”, – снося все ужасы и несправедливости, как и прежде верует в то, что Россия в нужную минуту скажет свое слово и всё станет меняться к лучшему. Повторяю, наша единственная вера и надежда – это Россия. Мы, армяне, всегда смотрели в сторону России и в ней искали справедливости и утешение от наших бед»².

Умудренный вековым горьким опытом, армянский народ осознал, что разрешение его трагической судьбы невозможно без симпатии и содействия России. А в России уже были налицо и первое, и второе, тому свидетельство – широкое выражение их в неофициальной русской прессе. Уже не было секретом, что российское правительство само одобряло проармянскую деятельность общественных кругов страны, партий и влиятельных лиц политической сферы.

Газета «Русское слово» опубликовала следующую точку зрения одного авторитетного русского дипломата о традиционном кровительстве российского государства в отношении армянского народа. Статья была перепечатана константинопольской армянской газетой «Жаманак». «Судьба армянской нации всегда и непреклонно интересуется Россию. Русское правительство с большим вниманием следит за нуждами турецких армян и желает гарантировать безопасность их жизни и имущества. Не в пример Высокой Порте, забота России об армянской нации никогда не подвергается сомнению. К этому важному вопросу следует обратиться в ближайшее время – после окончания Балканской войны»³.

В свою очередь русское дипломатическое представительство в Париже советовало Погосу Нубару вне зависимости от некоторого дипломатического промедления России продолжить активные контакты с европейскими правительствами, поддерживать благоприятное общественное мнение в Европе, развернуть обширную пропаганду на страницах прессы и т.д.

Особенно широкую деятельность развернули видные представители армянских колоний за рубежом, которые в декабре 1912 г. сделали всё возможное, чтобы правительства Франции и Англии содействовали России и пришли к скорейшему и кардинальному совместному решению судьбоносного армянского вопроса. В своем письме из Парижа

¹ Туманян О. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Критика и публицистика, 1913–1922. Ереван, 1995. С. 15. (на арм. яз.).

² Ковкаси арабер. № 45 (99), 27 февраля 1913 г.

³ Жаманак. № 1318, 25 декабря 1912 г. (7 января 1913 г.).

в Тифлис от 12 декабря 1912 г. Аршак Чопанян извещал армянского историка Лео о том, что во Франции армяне ведут напряженную работу для того, чтобы французское правительство приняло меры для предотвращения новых избиений в Армении, и что эти усилия уже дают свои первые плоды. Пуанкаре лично через турецкого посла в Париже Рифат-пашу и французского посла в Константинополе Бомпара объявил категорично, что Франция является защитницей христиан Востока и не допустит новой резни. Вместе с тем офицеры французского военного корабля “Jules Ferry” получили приказ следовать в Адану, тем самым демонстрируя, что Франция рядом с армянами, опасаясь новых погромов. «Здесь, – продолжал автор письма, – у нас были встречи с рядом важных политических персон, которые обещали работать в пользу нашего дела и просили подробные справки о нашем вопросе, кои мы составили и вручили им. Мы продолжаем работать с тем, чтобы в газетах писались статьи в нашу пользу»¹. Чопанян также сообщал Лео о том, что лондонские армяне тоже очень хорошо работают. Составлен комитет из влиятельных лиц Англии, секретарем которого стал секретарь Балканского комитета Симондс. «Все делают необходимые обращения»².

Мирная конференция, начавшая свою работу в Лондоне, якобы должна была дать ответы на все возникшие вследствие Балканской войны вопросы. В действительности же там собрались хищники, пустословящие о справедливости и гуманизме. Несмотря на то, что люди не верили в правдивость великих держав, тем не менее питали какие-то оптимистические надежды.

Погос Нубар решает отправиться в Лондон и представить волнующие армян вопросы. Но до того как отправиться в Лондон, он узнает через Эчмиадзин о том, что российское правительство в данный момент не находит целесообразным поднимать на конференции армянский вопрос, аргументируя тем, что она призвана решать только балканский вопрос. Против выдвигания и обсуждения на конференции армянского вопроса решительно выступали также великие европейские государства, опасавшиеся, что требования армян могут способствовать планам сил, действующих против целостности Османской империи. И Нубар отказывается от намерения ехать в Лондон. В своем письме Ваану Малезяну Погос Нубар сообщает, что «вновь имел встречу с русским послом в Париже Извольским, которая оказалась не такой уж благоприятной, какую я предполагал». Извольский заявил ему, что «...Россия, как и другие государства, в этот период не должна поднимать вопросов, дающих повод для разногласий или трудностей, кроме тех, которые причинила Балканская война и которые пытаются всеми силами решать Великие государства»³. Поэтому Извольский говорил Погосу Нубару, что «для этого время еще не

¹ Чопанян А. Письма. С. 115.

² Там же.

³ Малезян В. На моем пути ... С. 308.

наступило», поскольку в настоящее время «Европа ведет переговоры по балканским вопросам, которые очень хрупки и опасны в установлении мира, она опасается, что выдвижение этого вопроса может вызвать оппозицию и могут подвергнуть опасности успех дела»¹.

Следует признаться, замечал затем в письме Погос Нубар, что «со стороны Извольского я не нашел какой-либо недоброжелательности, он лишь полагает, что выбран плохой момент»².

Такой же ответ в ходе беседы получили от министра иностранных дел Австро-Венгрии М. Бертхольда аббат венских мхитаристов Говрикян и отец Галемкерян. Министр сказал аббату, что к армянам он настроен благожелательно, «однако армянский вопрос не может быть поставлен на Лондонской конференции послов, повестка дня которой предрешена и ограничена вопросами, напрямую связанными с Балканской войной, и если мы там предстанем, то окажемся перед некомпетентным ответом. Нам подсказывают обращаться к правительствам»³.

Почему российское правительство пошло на этот шаг и почему в этом вопросе его поддерживали все шесть государств? Причина кроется в том, что они не хотели увязывать обсуждение армянского вопроса с балканским, так как между двумя воюющими сторонами еще не был заключен мирный договор и никто не мог быть уверен в том, чем могло завершиться перемирие. Как вскоре выяснилось, в Петербурге уже сформировалось мнение, что было бы правильным, если армянский вопрос будет обсуждаться великими державами отдельно. Причем русские были склонны полагать, что для обсуждения вопроса вместо Лондона лучше выбрать Константинополь, поскольку тамошние послы держав были лучше информированы, состоя в связях как с Высокой Портой, так и с армянами, и поэтому они лучшим образом могут выполнить возлагаемое поручение.

Армяне прекрасно понимали, что насколько бы Россия ни была готова сыграть решающую роль в деле разрешения судьбы турецких армян, она не в состоянии выполнить эту роль в одиночку. Армянский вопрос являлся международным вопросом, и он мог быть решен только при согласии шести государств⁴, в частности трех из них – России, Англии и Франции, которые в 1895 г. совместно послали инспекционную комиссию в Армению, составили Майскую программу и предложили ее султану.

И ныне, спустя более 17 лет после составления Майской программы, у армян не угасли надежды на успех. В особенности не остались без последствий петиции и призывы зарубежных армян. Между указанными тремя правительствами начались переговоры на уровне послов. По примеру русской прессы в английских и французских газетах

¹ Там же.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 309, 313.

⁴ *Дживелегов А. Будущее Турецкой Армении*. М., 1913. С. 42.

также стали появляться статьи в поддержку армян. Полуофициальная «Тан» напечатала петицию армянской общины Парижа, адресованную президенту Франции, в которой выражалась надежда, что французское правительство и в этот раз выполнит свою гуманистическую миссию и протянет руку помощи народу Армении. Та же газета через несколько дней опубликовала очень благоприятную для армян редакционную статью¹.

Таким образом, в данный момент – в конце 1912 г. и начале 1913 г. – во всех странах Антанты наступило согласие по армянскому вопросу, была искренняя настроенность на его решение. Две из них – Англия и Франция – дали свое полуофициальное согласие на предложение России, но одновременно подчеркивали, что делегация армянского католикоса должна отложить свои официальные обращения к великим державам до окончания Балканского кризиса.

Необходимо было завоевать также расположение и поддержку со стороны трех других стран, подписавших в 1878 г. Берлинский трактат. А для этого надо было проводить всеми имеющимися средствами большую работу России, Франции и Англии с одной стороны, а с другой – армянам. Относительно малых усилий потребовалось бы для присоединения Италии к работе в пользу армян. Это было не случайно, поскольку народ этой страны с незапамятных времен хорошо знал об Армении и ее народе, страдания армянства были близки и понятны ему, ибо сам народ Италии долгое время находился под тяжким чужеземным игом, сбросить которое ему удалось после длительной освободительной борьбы. Начиная с момента самого возникновения армянского вопроса, т.е. с 1878 г., Италия всегда симпатизировала армянскому народу, его справедливым требованиям. В дни массовых избиений армян в Турции (1895–1896 гг.) и после в движении в пользу армян участвовали самые различные слои итальянского общества. Такая же поддержка имела место в дни известного Сасунского восстания 1904 г. и зверской кровавой расправы турецких варваров над восставшими. Немалое значение во взаимной армяно-итальянской симпатии имела добрая память, оставленная еще во времена Средневековья армянскими купцами в Италии, в частности в Венеции. Последняя являлась также одним из важных очагов армянской науки и культуры, а основанная напротив города (на острове св. Лазаря) и поныне существующая армянская конгрегация мхитаристов была широко известна как в стране, так и за ее пределами своей плодотворной культурно-просветительской и научной деятельностью. Италия покровительствовала деятельности этого знаменитого очага древнейшей армянской культуры, а армянство, в свою очередь, было всегда преисполнено признательности и благодарности к воистину рыцарски благородной Италии.

¹ См.: Мшак. № 3, 6 июня 1913 г.

Другая страна, Австрия, также неплохо знала об армянском народе, который, в особенности в научных кругах, был известен как носитель древнейшей оригинальной культуры, даже под жестоким чужеземным игом сохранивший свою идентичность и национальный облик, свои христианские ценности. Австрийцы, в особенности жители столицы, имели повод составить мнение об армянах хотя бы по научно-культурной деятельности венской конгрегации мхитаристов. Следует добавить, что глубокое уважение к армянскому народу питал сам император Австро-Венгрии, и об этом было широко известно в политических и общественных кругах страны. Армянские деятели были уверены в том, что, несмотря на необходимость преодоления немалых трудностей, им в конце концов удастся привлечь Австрию к участию в решении армянского вопроса или хотя бы обеспечить ее нейтралитет.

Разумеется, оставалась тяжелейшая задача переговоров с Германией. Было время, когда Германия была очень далека от вопросов восточной политики, но тогда еще не существовало объединенной Германии. Это были времена, о которых Шиллер говорил, что Англия завладела морями, Франция – сушей, а вот Германия осталась при своей философии и музыке. Но времена изменились: сразу же после воссоединения германских княжеств объединенная Германия стала угрозой для своих соседей. После Франко-прусской войны 1870–1871 гг. французы не простили Наполеону Бонапарту то, что именно в его бытность начался процесс объединения немецких княжеств, чему поневоле способствовал сам император, тем самым создав для Франции постоянный источник угрозы.

Начиная с середины 70-х гг. XIX в. Германия наряду с европейской начала заниматься и восточной политикой. Сменявшие друг друга германские правительства еще с Берлинского конгресса (1878 г.) в вопросе армяно-турецких отношений всегда защищали абдулгамидовский режим, были против армянского вопроса, а затем принялись содействовать преступным иттихадовским властям. Однако в германском народе были слои, которые симпатизировали армянскому народу. Значительное число российских армян получало высшее образование в немецких университетах, и они становились в своем роде послами армянской культуры, благодаря им немецкие студенты знакомились с прошлым и настоящим армянского народа. Всё это вселяло надежды на то, что будет возможно уговорить германское правительство, чтобы на этот раз оно в вопросе армяно-турецких отношений приняло хотя бы нейтральную позицию.

В ознакомлении немцев с Арменией и ее коренным народом важную роль играли благотворительные учреждения и отдельные меценаты. Например, действовавшее в Армении и Киликии с 1896 г. Общество помощи армянам развернуло широкую гуманитарную деятельность среди армян. В Армении и Киликии оно открыло пять

сиротских домов, в которых 42 немца призрели около 2000 армянских сирот. В городе Мараше (Киликия) у общества была большая больница под руководством доктора Мюллера. Особенно значительной была образовательная деятельность немцев. В открытых ими училищах в 1912 г. работало 72 преподавателя. На содержание этих учреждений обществом в 1911 г. было израсходовано 55 000 марок (около 250 000 рублей)¹. Это общество, центр которого находился во Франкфурте-на-Майне, издавало ежемесячную газету под названием «Восход», на ее страницах периодически печатались отчеты, докладные и различные сведения о проводимых среди армян в Армении и Киликии благотворительных работах. Значительная часть печатавшихся в газете материалов посвящалась истории армян, их нынешнему тяжелому положению, быту, нравам и т.д. Часть этих материалов перепечатывалась другими немецкими периодическими изданиями и становилась более доступной общественности. Кроме того, франкфуртский центр общества несколько раз в год издавал и распространял листовки для того, чтобы немецкий народ составил верное впечатление об армянском народе, о его тяжком положении. Было очень важно изменить среди части немцев создавшееся ошибочное мнение об армянах как о нации торговцев и ростовщиков. Печатавшиеся в «Восходе» и германоязычной периодике материалы несомненно играли положительную роль.

Несмотря на всё это, Германия – единственная из великих держав, которая при каждом удобном случае не упускала возможности защитить Турцию и турецкие интересы. Германская пресса и общественное мнение были крайне обеспокоены фактом активизации Петербурга в армянском вопросе. В течение ноября и декабря депутаты рейхстага с негодованием отмечали, что якобы русские положили глаз на «азиатские земли» Турции. Один из депутатов-социалистов высказывался так: «Русские агенты кишат в Армении под предлогом освобождения армян. Это самая отвратительная подлость, какую можно себе представить, ибо царь и его чиновники проявляют беззаконие даже в своей собственной стране. Подобная российская политика осуществима только лишь благодаря соперничеству между Англией и Германией». Другой депутат от центристской фракции в своей речи в рейхстаге подчеркивал: «Великие державы должны обратить внимание Турции на выполнение издавна обещанных преобразований. Иначе, пожалуй, уже другие державы захотят провести желанные преобразования. В частности, не желаю указывать на то, что Россия, имея в Армении частные интересы, действует в роли освободителя»².

Германский посол в Константинополе барон Вангенгейм в эти дни в своей речи на званом приеме в честь дня рождения кайзера

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1909–1912 гг. Д. 3465. Л. 21.

² Жаманак. № 1299, 6 (19) декабря 1912 г.

Вильгельма подчеркнул: «Неприкосновенность Анатолии является краеугольным камнем германской политики»¹.

Несмотря на все национально-политические дразги и перепады, ясно было одно: армянский вопрос, который, казалось бы, из-за откровенной вражды младотурок был окончательно похоронен, вновь начинал занимать дипломатов великих держав.

КУРДЫ ВСТАЛИ НА ДЫБЫ

Турки и курды Армении с самого начала выступили категорически против введения там преобразований. По мнению курдов, этот шаг означал бы предоставление армянам привилегий и дополнительных прав, которых те прежде не имели и не должны были иметь когда-либо. Откровенно враждебное отношение турок и курдов к возможным переменам в Армении диктовалось опасением за ограничение их «прав» в отношении армян, что, в свою очередь, являлось бы результатом факта совершенного различия в занятиях этих трех крупных национальных групп, то есть в резком различии производительных сил и производственных отношений.

Армянин был земледельцем, ремесленником и торговцем. Именно по этой причине больше всех армянин нуждался в хорошем правлении, в гражданской свободе и в политических правах. Благоустройство Армении было нужно армянскому коммерсанту, дабы его товар безопасно доходил до места назначения и он умножал число своих покупателей. Преобразование было нужно армянскому ремесленнику, чтобы он мог развивать свое маленькое хозяйство и в случае удачи предпринять промышленное производство. Реформы были необходимы армянскому крестьянину, чтобы он мог спокойно и безопасно возделывать свою землю, защищать в суде свои права, безбоязненно опротестовывать незаконные действия разнузданных вымогателей-чиновников, грабителей-налоговосборщиков, соседей-изуверов, оголтелых землевладельцев. Вот почему только лишь армяне требовали преобразований в Армении, ибо именно они нуждались в них больше всех.

Турок по большей части был военнотружеником и чиновником, поэтому был удовлетворен своим положением и не нуждался в преобразованиях. Изрядная часть турок жила за счет пота, проливаемого подданными армянами, а следовательно, турок не мог позволить, чтобы половина военных и административных должностей перешла к армянам.

Курд был скотоводом. Большинство курдов – примерно от 850 тысяч до одного миллиона – проживали в Турции от берегов озера Ван до широт Багдада, полмиллиона жило в Персии, а около 200 тысяч – в Закавказье, в Эриванской губернии и в Карсской

¹ Ковкаси арабер. № 22, 27 января 1913 г.

области. Они вели кочевой образ жизни и зачастую имели «вторую профессию» – грабительство; говорили на разных, нередко непонятных друг для друга наречиях, у них не было ни племенного, ни языкового единства, поскольку, издавна ведя скитальческую жизнь, нигде не обосновывались на постоянное жительство. По всем этим причинам курдские районы Турции отличались более низким уровнем развития экономики, социальных отношений и социальной организации общества, а также культуры в сравнении с другими районами страны.

Хотя и некоторая часть их к началу XX в. уже стала оседлой, даже в этой ситуации они остались носителями нравов и наклонностей кочевых племен. Если турок эксплуатировал армян Армении экономически – на правах «законной» власти, то курд рассматривал армянина как неиссякаемый источник своего обогащения. Армянский крестьянин должен был платить хафирную дань курдскому беку и агаару. Обрели силу закона некоторые пережитки крепостничества: крестьянин был обязан каждую весну и осень отдавать курдскому беку определенное число дойных и мясных овец, определенное количество масла, сушеной пахты, шерсти и т.д. Кроме этого, армянский крестьянин не имел права выдавать свою дочь замуж без согласия бека и без выплаты дани. Возвращавшийся на родину армянин также был обязан платить беку дань, не говоря уже о барщине и оброке, которые армянский крестьянин был обязан выполнять в доме и поле курдского бека...¹

Вожди курдских племен поделили между собой все районы Армении и Курдистана. В каждом районе армянские села принадлежали такому-то беку или аге. Но не только им. Стало привычным делом, когда самый заурядный курд совершал невероятные поступки. Неоднократно случалось, когда вооруженный курд на коне подъезжал и становился перед домом безоружного армянина-«гяура» и угрожающе заявлял: «Это мой дом!» – приказывая хозяину дома убраться со своей семьей «к чертям».

Когда произошла младотурецкая революция в 1908 г., многие из армян поверили, что отношение курдов и турок к армянам изменится. Однако были и скептики, которые повторяли: конституция чужда духу турка и курда, они оставались теми же, что и при Абдул-Гамиде, и во время «конституционных порядков». Очевидно, что и завтра также мало что изменилось бы. В журнале «Арарат» (Эчмиадзин) отмечалось: «Мы считали совершенно ошибочным тот образ мышления, который сегодняшние редкие погромы и массовые ужасы увязывают с переменной того или иного правительства... Скажите на милость, когда это в Турции не было резни, когда это племя турок терпеливо и терпимо смотрело на иные религии, когда это оно проявляло хотя бы сносное отношение к своим подданным? Их подданные всегда были

¹ См.: Карабах (Шуши). № 51, 15 июля 1912 г. (на арм. яз.).

презренными рабами, райа. Были таковыми и ныне также остаются таковыми. Каких только бед не перетерпели христианские народы от этого изуверского и фанатичного племени! Особенно армяне, которые истекают кровью от тюркских, татарских и турецких племен, которые с XI века по сей день такие же кровожадные!»¹

Литератор, общественный деятель Никол Агбальян писал, что даже сейчас «турецкие армяне ложатся спать со страхом очередной резни и просыпаются в ожидании тревожного дня»².

Армии четырех балканских народов уже были на подступах к Константинополю, оставался всего лишь один шаг от Кягатханэ до Шишли, Банкалты, Таксима, Беры, однако в Армении по-прежнему продолжались избиения и убийства. Казалось, вернулись гамидовские времена.

Российская газета «Церковный вестник» в № 41 от 1912 г. отмечала, что если кому-нибудь удастся завязать откровенную, задушевную беседу с любым христианином из Турции, то он «открывает перед вами такую трагедию личной жизни, семьи и общины, что человек изумляется, с одной стороны, от зверств мусульман, и с другой – от глубокой веры, долготерпения и мужества христиан...» Верить тому, что турки и курды добровольно обеспечат христианам условия свободной жизни, совершенно невозможно. «И сейчас весьма естественно, – продолжает газета, – что против этого невыносимого турецкого режима восстали болгарин и серб, македонец и черногорец, грек и куцо-валахец, даже албанец, то есть не только христиане, но и магометане».

Тем временем истерзанный и обездоленный армянский народ продолжал стонать под турецким игом. Армянские газеты Константинополя ежедневно печатали протесты и разоблачения провинциальных предводителей и национальных правлений, в которых молили патриаршество и Национальное собрание найти выход и положить конец разбою и убийствам армян со стороны курдов, чиновничьему угнетению и эксплуатации взяточников.

Епископ Нерсес Даниэлян с болью писал, что с этим смелым, но невежественным и необразованным племенем армяне могли бы жить в мире и согласии, если смогли бы их просветить либо, в крайнем случае, вооружиться самим. Однако армянам не удалось ни то и ни другое, горькие плоды чего они пожинают сегодня³.

Чем больше было разговоров о возможности начала преобразований и в связи с этим проводимых подготовительных работах в Армении, тем больше углублялась нетерпимость курдов к армянам. Армянская пресса периодически публиковала всё новые и новые сведения о чинимых в Армении зверствах. Выражала свою тревогу и русская пресса. В «Новом времени» указывалось: «13 ноября разбойник

¹ Арарат. № 9, сентябрь 1912 г. С. 796.

² См.: Оризон. № 226, 1912 г.

³ См.: Даниэлян Нерсес, епископ. Капля воды на сожженные сердца. Константинополь, 1912. С. 24. (на арм. яз.).

Махмед напал на армянское село Каргул и перебил всех – от млада до велика. То же самое курды совершили с селом Корву Битлисского вилайета. Мы можем бесконечно перечислять этот список. Вывод один: курд может совершенно безнаказанно убить любого армянина¹.

Газета «Араджамарт» сообщала, что только за последнее время в Ванском вилайете было убито 60 и ранено 200 армян. Когда армянский патриарх представил обо всем этом письменную жалобу министру внутренних дел, последний в своем ответном письме «успокаивал»: «Я ничего особенного не вижу в данных событиях. Это обычные убийства. Если бы не было подобных убийств, то зачем тогда существует правительство?»²

Такой циничный ответ не был неожиданным, поскольку турецкое правительство вот уже шесть десятилетий смотрит на армянское население как на внутреннего врага, против которого хороши любые средства.

Страницы армянской прессы продолжали наполняться потрясающими описаниями трагедии армян в Армении. Эти зловещие и настойчивые сведения об убийствах и насилиях, поступавшие из армянских областей, возвещали о новой широкомасштабной резне³.

Известный французский публицист Анри Рошфор в начале января 1913 г. в газете «La Patrie» писал: «Можно полагать, будто все армяне рождены для переживания ужасов мучений и резни. Об избиениях армян говорят так, будто речь идет об опере. Все зверства, совершаемые ежедневно в Азиатской Турции, стали некой повседневной драмой, и газетам удается лишь фиксировать эти зверства в качестве совершенно незначительных происшествий. Сообщается, да и то без объяснений, как курды без какой-либо причины, без малейшего на то повода избили палками двух священников и отрезали им языки. В нашей редакции мы получили телеграммы о том, что молодые девушки были изнасилованы и после этого посажены на кол. И странное дело – никто никак не выражает своего удивления...»⁴ Французский интеллектуал был уверен в том, что скоро четыре балканские страны будут праздновать победу освобождения своих соплеменников от османского ига, но Армения, как и прежде, будет оставаться под гнетом турецко-курдских ужасов. Одновременно Рошфор с болью отмечал, что в ходе переговоров с турками балканские делегаты не только не говорили ни слова о необходимости хотя бы облегчения положения азиатских христиан, стонущих под османским ярмом, но и проявляли абсолютное равнодушие к продолжавшимся истязаниям армянского народа. Считая бесчеловечным подобное безразличие в отношении армян, автор статьи

¹ Перевод статьи из «Нового времени» см.: Ковкаси арабер. № 22, 27 января 1913 г.

² Араджамарт. № 1092, 21 декабря 1912 г. (3 января 1913 г.).

³ См. там же, а также: Бутания. № 1095, 25 декабря 1912 г. (7 января 1913 г.); Аветабер. № 50, 14 декабря 1912 г.; Ковкаси арабер. № 2, 3 января 1913 г. и т.д.

⁴ Перевод этой статьи Анри Рошфора на армянский язык см.: Ковкаси арабер. № 33, 9 января 1913 г.

заклучал: «Россия должна была уже давно простереть свою власть над Арменией, и тогда всех этих ужасов не было бы!»¹

Единственной надеждой на спасение армянских областей оставалось преобразование.

Тем временем в беседе с младотурецким беом Талаатом один из курдских главарей Абдул Кадыр сказал, что они никогда не допустят какого-либо преобразования, что курды сами хотят автономии по всей территории Армении (!). 8 декабря 1912 г. в Константинополь прибыли главари курдов, которые в тот же день были в правительстве и заявили, что, пользуясь поражением Турции в Балканской войне, армяне готовятся поднять восстание с требованием автономии. Одновременно они объявили, что, если Высокая Порта не предпримет мер для предотвращения восстания армян, то тогда сами курды встанут на защиту целостности османской страны, а также своих прав и интересов. Курдские главари пошли на эту провокацию для того, чтобы безнаказанно продолжать новый разбой и бесчинства в Турецкой Армении.

15 декабря 1912 г. курдские предводители послали телеграмму султану и просили его не допускать никакого благоустройства в восточных провинциях, в противном случае это положит начало процессу их отделения от империи. Султан сразу же послал им ответную телеграмму, в которой успокаивал их и в знак своего милосердия помиловал арестованных известных головорезов, главарей курдских разбойничьих банд Саида Хаха и Абдула Резака. Через несколько дней после этого Высокая Порта всерьез занялась обсуждением предложенного курдским главарем Абдулом Кадыром «проекта», по которому предлагалось предоставить Курдистану автономию. В эту административную единицу должны были быть включены также армянские области – Ванская, Битлисская и Тигранакертская. Цель, как и прежде, была одна: поставить преграду перед возможной автономизацией Армении. В формуле-девизе «Армения или Курдистан» постепенно стала перевешивать вторая компонента, ставшая популярной темой турецкой прессы².

В эти же дни в Константинополь прибыла группа курдских беков, которые были удостоены теплого приема в правительстве. Они также поставили вопрос о провозглашении курдской автономии на армянских землях. Премьер Кямил-паша обнадежил беков и попросил передать свою глубокую благодарность курдской общине «за преданность османской отчизне».

О представлении армянских областей как части Курдистана и против возобновления армянского вопроса много материалов было опубликовано в первой курдской газете, основанной в конце 1912 г. в Константинополе³. В этот раз премьер Кямил-паша увещевал

¹ Ковкаси арабер. № 33, 9 января 1913 г.

² См.: Аветабер. № 3, 18 января 1913 г.

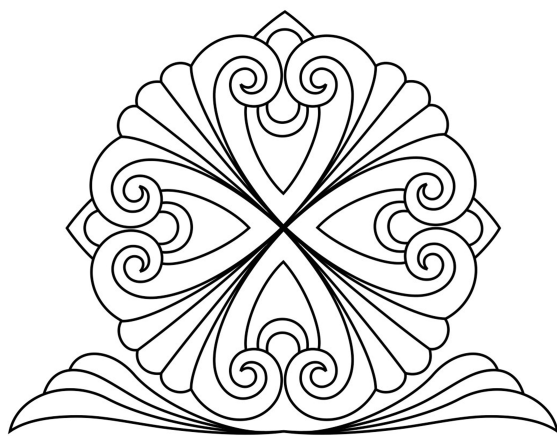
³ См.: Ковкаси арабер. № 48, 23 декабря 1912 г.

курдов не сопротивляться делу введения преобразований в Армении, иначе Россия могла бы занять Курдистан. Но эти увещания никакого воздействия на курдов не оказали, ибо последние решили биться, чтобы остаться хозяевами положения в Армении. Страницы курдской газеты пестрели статьями курдских главарей, проводимыми с ними интервью, комментариями редакции и другими материалами, главной целью которых было доказать, что армянские исторические территории являются курдскими.

Многие из армянских политических деятелей полагали, что вряд ли на пути к преобразованиям удастся преодолеть курдскую преграду, которая в предыдущие десятилетия освободительной борьбы армянского народа в Турции также была главным барьером.

Российские политические и дипломатические круги, пресса объясняли нецивилизованное поведение и поступки курдов их крайней экономической и культурной отсталостью.

ТРУДНОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ
АРМЯНСКОГО
ВОПРОСА

КРОВОПРОЛИТИЕ В БАБ АЛИ

Армянский народ вступал в 1913-й год с тяжелыми думами. Есть ли какая-то надежда на продвижение судьбоносного для армян вопроса? Или начатое дело безнадежно, как бывало в прежние времена? Никто не мог дать на это сколько-нибудь вразумительный ответ, тем более что в условиях резко обострившейся армяно-турецкой и армяно-курдской вражды в самом турецком обществе достигли апогея внутривосточные противоречия, которые породили общенациональный кризис.

Поражения Турции на балканских фронтах и ход Лондонской конференции предоставляли находящимся в оппозиции младотуркам широкие возможности для усиления борьбы. Ситуация между «Иттилафом» и «Иттихадом» еще более обострилась после того, как 4 (17) января 1913 г. послы шести держав – Англии, Франции, России, Германии, Италии и Австро-Венгрии – вручили в Константинополе министру иностранных дел Турции Габриэлу Норатункяну, армянину по происхождению, ультиматум, настойчиво советуя уступить Болгарии находившийся в окружении Адрианополь (Эдирне)¹.

Ультиматум имел эффект грома среди ясного неба. Началась настоящая паника. Правительство, ошеломленное новой ситуацией, пребывало в непрерывных совещаниях.

Для рассмотрения создавшегося положения 9 (22) января 1913 г. Кямиль-паша созывает совещание с участием практически всех высокопоставленных должностных лиц. После обмена мнениями совещание высказывается в пользу принятия предложения шести держав². Весть о решении правительства сдать Адрианополь немедленно распространяется по всей стране³. Общественное мнение взбудоражено. Для руководства партии «Иттихад в Эраки» настал момент для возвращения власти, потерянной шесть месяцев назад. Кстати, в эти дни шли переговоры в Лондоне, и даже тогда, когда Высокой Порте был предъявлен ультиматум шести держав, представители руководства «Иттихада» Саид Халим-паша, Талаат-бей и Хаджи Адил-бей начали переговоры с «Иттилафом» о разделе власти. Но как иттилафский комитет, так и сам премьер Кямиль-паша не пошли навстречу младотурецкому центральному комитету. И только после этого «Иттихадом» было решено совершить государственный переворот. Тем более что представился подходящий случай.

Квалифицировав обещание «Иттилафа» выполнить требование держав как предательство родины, младотурки стали вести активную пропаганду и убеждали общественность в том, что расположенная в Чатаалдже османская армия совершенно непобедима и что

¹ См.: Мандельштам А. Судьба Османской империи. Ч. I: Младотурки перед войной / пер. М. Шамганяна. Константинополь, 1919. С. 85. (на арм. яз.).

² См.: Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). С. 226.

³ Там же.

в случае продолжения войны успех турецкого оружия обеспечен. Днем 10 (23) января 1913 г. группа молодых офицеров численностью приблизительно в 200 человек под предводительством Энвер-бея и Талаат-паши окружают Баб Али (Высокую Порту). Убивают военного министра Назым-пашу и его двух адъютантов, которые вышли навстречу участникам переворота для переговоров. Окруженный преданными иттихадистами, Энвер-бей врывается в зал совещаний министров, где все члены кабинета обсуждают ответный текст, составленный Габриэлом Норатункяном по случаю ультиматума держав. При виде ворвавшегося в зал Энвера министры в ужасе вскакивают со своих мест, а Энвер направляется прямо к престарелому Кямиль-паше и заявляет, что хочет с ним говорить. Премьер отказывается. Энвер требует, чтобы тот немедленно подал в отставку, в противном случае он арестует Кямиль-пашу и всех министров¹. Требование выполняется беспрекословно. Премьер тут же пишет заявление об отставке и подписывает его. Затем Энвер, взяв за шиворот пашу, уводит его во дворец, чтобы вручить султану заявление об отставке². Прежде Энвер приказывает членам кабинета оставаться на месте в течение двух часов. Многотысячная толпа с возгласами «Да здравствует война!» провожает Энвера. Разговор Энвер-бея с султаном был кратким. Герой переворота предлагает султану подписать отставку премьер-министра и его кабинета и протокол о назначении Махмуда Шевкет-паши великим визирем. На вопрос султана «Что же такое случилось?» – Энвер ему отвечает, что обо всем его уведомят позднее, что сейчас нет времени на разговоры, потому что родина в смертельной опасности. Примерно в 8 часов вечера младотурки окончательно овладевают зданием Высокой Порты³.

Таким образом, составленный в умеренном тоне ответ, направляемый послам держав в Константинополе, так и не был им вручен кабинетом Кямиль-паши.

После отставки иттилахфского правительства его члены разбежались. Было сформировано новое иттихадское правительство. В тот же день премьером был назначен бывший военный министр Махмуд Шевкет-паша⁴. В новом правительстве министром внутренних дел стал Талаат-бей, министром иностранных дел – бывший великий визирь Хаккы-паша, военным министром – Рифат-бей. Энвер-бей получил должность коменданта крепости Константинополя. Все министры были иттихадистами. Правительство получило название Правительство национальной обороны⁵. После захвата власти младотурки сразу же объявили, что отвергают территориальные претензии Балканского союза на Лондонских переговорах. Начались аре-

¹ См.: Мандельштам А. Судьба Османской империи. С. 85.

² Жаманак. № 1337, 15 (28) января 1913 г.

³ См.: Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. М., 1915. С. 30.

⁴ См.: Его же. Судьба Османской империи. С. 85.

⁵ См.: Мшак. № 14, 20 января 1913 г.

сты противников комитета «Единение и прогресс»¹. Действия нового правительства стали напоминать гамидовские времена.

Итак, в тот момент, когда в Лондоне собрание делегатов и совет послов уже были близки к заключению мирного договора, когда кабинет Кямиль-паши, стремясь спасти Турцию от окончательного краха, решил пойти на уступки Балканским странам, младотурецкая партия, захватив власть в свои руки, разрушила и уничтожила результаты Лондонских переговоров.

Пришедшая из Константинополя весть о неожиданном падении иттилафского правительства и о захвате власти младотурками оставила тяжелое впечатление у участников Лондонской конференции, поскольку это должно было затянуть решение вопроса. Европейское общественное мнение отнеслось с глубоким недовольством к младотурецкому перевороту. Пресса единогласно осуждала противозаконные действия младотурок. Одновременно Европа была уверена в том, что новое правительство Турции будет не в силах продолжать войну и в конце концов пойдет на уступки. А магометанское население Константинополя эту перемену власти восприняло с ликованием. Улицы были переполнены народом. Не прекращались демонстрации перед зданием Высокой Порты. Махмуд Шевкет-паша с балкона обратился к толпе с лозунгом: «Либо Адрианополь, либо смерть!»

ПРОТИВНИКИ АРМЯН РАСПРОСТРАНЯЮТ ЛОЖНЫЕ СЛУХИ

В начале января 1913 г. на прием к кавказскому наместнику И.И. Воронцову-Дашкову пришла армянская делегация и вручила написанное 24 декабря 1912 г. письмо католика Геворга V императору Николаю II. Просьба католика была прежней – о принятии действенных мер для спасения турецких армян. Наместник отправил письмо армянского католика председателю Совета министров Коковцеву с тем, чтобы тот вручил его императору, уведомил его, что Геворг V стремится получить аудиенцию у Его Величества.

Несколько позже в письме, адресованном С. Сазонову, Воронцов-Дашков разъясняет свое мнение об армянском вопросе на данный момент, заключая его следующими пунктами:

1) турецкое правительство делает всё для исключения единоличного контроля со стороны России. Турки опасаются, что Россия может вспомнить о своих правах по статье 16 Сан-Стефанского прелиминарного договора, а также о праве контроля всех других держав, которые вытекают из 61-й статьи Берлинского трактата;

2) в настоящее время среди всех армян наблюдается абсолютное единогласие в том, что инициатива по проведению преобразований

¹ См.: Ковкаси арабер. № 25, 31 января 1913 г.

в Турции и контроль над их выполнением должны исходить исключительно со стороны России;

3) все армяне непоколебимы и единодушны в том, что европейские державы должны уполномочить Россию в представлении турецкому правительству требования по проведению неотложных преобразований в армянских областях согласно 61-й статье Берлинского трактата и что России должен быть предоставлен контроль над их выполнением. Причем среди армян распространено мнение, что именно их политические деятели должны вести пропаганду в пользу вмешательства России в дела Армении;

4) выражая волю армянских общественно-политических кругов, католикос возложил на армянского деятеля Погоса Нубар-пашу, известного своими блестящими выступлениями по армянскому вопросу на многих конгрессах и съездах, ответственное дело выступления на конференции по балканским делам и потребовал от него, чтобы он добился вручения России права на контроль над выполнением преобразований в Армении¹.

Наместник уведомлял Сазонова также, что противники армян распространяют слухи о том, что российское правительство сняло с повестки намерение заниматься армянским вопросом, между тем как создавшийся временный «покой» в Турецкой Армении сами армяне приписывают воздействию русского посла в Константинополе и влиянию местных консулов на Высокую Порту. Затем Воронцов-Дашков пишет: «В случае подобной ситуации я счел бы весьма желательным через нашего посла в Константинополе предпринять новые шаги для турецких армян в смысле давления на Высокую Порту и осведомить меня о результатах дипломатических договоренностей, о чем будет необходимо поставить в известность католикоса, ибо я предвижу его запросы по этому поводу и нахожу невозможным давать лишь обещания в общих чертах о помощи без указания на приобретаемые результаты посредством переговоров»².

В конце письма наместник просит держать его в курсе намечаемых в ближайшем времени мероприятий по армянскому вопросу.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Средоточием деятельности армянской национальной делегации был Париж, а точнее квартира Нубар-паши (на проспекте Трокадеро), где проходили все встречи членов делегации, собрания делегации. Следует заметить, что работе национальной делегации мешало то обстоятельство, что ее члены жили в разных странах Европы и им не всегда удавалось собираться в полном составе. Мостичян и Г. Утуджян были жителями Англии, Якуб Артин-паша жил в Египте,

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3460. Л. 8об. – 9.

² Там же.

М. Чераз – в Париже. Последний вообще отошел от дел. Так что вся тяжесть работы лежала на плечах Погоса Нубара.

Константинопольское армянское патриаршество заметно активизировало свои отношения с российским посольством в Константинополе. В результате был составлен меморандум, который был вручен лично русскому послу Гирсу Его Преосвященством Аршаруни в сопровождении Григора Зограпа и председателя национального правления Степана Гараяна. Несколькими днями позднее патриарх турецких армян в качестве представителя Католикоса всех армян в Турции лично присутствовал на церемонии празднования 300-летнего юбилея дома Романовых, состоявшегося в российском посольстве Константинополя. Спустя несколько дней, 21 февраля, после своей проповеди в кафедральном соборе патриарх Аршаруни отправляется в русское посольство в сопровождении епископа Магакии Орманяна, архимандритов Ваана и Смбага, мирян Арутюна Зеки и Тирана Еркяна и депутата Армянского национального собрания эффенди Бейазджяна. В вестибюле посольства патриарха встречает первый драгоман Андрей Мандельштам и вместе с остальными членами делегации сопровождает в часовню на территории посольства, где уже находились болгарский экзарх и местоблюститель греческого патриарха и вместе молились за дом Романовых. После церемонии патриарх возвращается в салон посольства, где от имени нации выражает признательность послу М. де Гирсу. Посол отвечает, что он глубоко польщен этим актом уважения со стороны турецких армян и что сообщит об этом своему правительству.

Константинопольское российское посольство действовало осторожно и взвешенно, стремилось не упускать из рук инициативы в возобновлении армянского вопроса. Заручившись одобрением со стороны министра иностранных дел Сергея Сазонова, Гирс начал отправлять обращения к послам держав в Константинополе о невыносимом положении армян в армянских областях. Русский посол советовал Армянскому патриаршеству установить живую связь не только с Тифлисом, но и с известными армянскими политическими деятелями Петербурга и Москвы – А. Асрибекином, А. Саруханом, профессором Н. Адонцем, С. Тиграняном, М. Пападжаняном (Санкт-Петербург), Ст. Мамиконяном, профессором Дживелеговым (Москва) и другими. В активную политико-пропагандистскую и дипломатическую работу включились также авторитетные армянские общественные деятели Лондона, Берлина, Рима и других городов Европы. Одновременно Тифлиское национальное бюро занималось проармянской пропагандой во влиятельных органах русской прессы. Был сформирован специальный орган, который периодически сообщал сведения русским газетам столицы¹.

¹ НАА. Ф. 211. Сп. 1. Д. 4. Л. 2.

Принявший в эти дни должность главы Тифлисской армянской епархии Святейший Месроп в своем письме католикосу от 10 марта 1913 г., касаясь деятельности Национального бюро, писал о том, что его заседания продолжают, систематически проводятся собрания с участием общественности. Активные члены Национального бюро составляли все официальные бумаги, которые после всестороннего обсуждения и одобрения представлялись католикосу, а он, в свою очередь, посылал их Погосу Нубару, российскому правительству либо кавказскому наместнику. Бюро имело аудиенции с наместником и видными чинами наместничества, организовывало издание статей по армянскому вопросу в русской и европейской печати, собирало издававшиеся в прошлом в этой прессе статьи и материалы и представляло их армянской делегации в Париже и т.д.¹

ПРИЗЫВЫ К РАССУДИТЕЛЬНОСТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Неудачи Турции на балканских фронтах еще не означали ее поражения. Учитывая сопротивление турок не на жизнь, а на смерть, трудно было предвидеть дальнейший ход войны, тем более если иметь в виду то обстоятельство, что в рядах балканских союзников назревали противоречия в вопросе территориального раздела в обозримом будущем.

В этих новых условиях великие державы проявляли предельную осторожность, чтобы не оказаться втянутыми в сферу непосредственных конфликтов. Продолжала оставаться неизменной враждебная позиция Австрии и ее союзницы Германии. Покровителями территориальных претензий Греции были Англия и Франция, а для Болгарии, пользовавшейся традиционной защитой России, чем дальше, тем больше формировалась неопределенная ситуация. Австро-германскому блоку удалось создать охлаждение между двумя главными балканскими союзницами – Болгарией и Сербией, которое очень скоро должно было перерасти в откровенный конфликт. Более того, для Петербурга уже становилось заметным, что Болгария делает шаги для сближения с традиционными врагами славянского мира – Германией и Австрией.

В условиях эскалации этих угроз главнейшей задачей русской дипломатии стало всяческое препятствование дальнейшему углублению противоречий и возможному столкновению между державами. Она продолжала всячески избегать возможных осложнений с Турцией. Любое военное столкновение между двумя странами могло перерасти в широкомасштабные военные действия, а это было чревато опасностью развязывания общеевропейской войны, к которой Россия еще не была готова. После поражения в войне с Японией

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 165. Л. 4.

военные силы России, в особенности военно-морской флот, еще не достигли довоенного уровня. Вот откуда исходило то временное «безразличие», которое демонстрировал Петербург по отношению к армянскому вопросу в конце 1912 г. и два первых месяца 1913 г. Еще 22 декабря 1912 г., согласно инструкции российского правительства, кавказский наместник Воронцов-Дашков телеграфировал в Эчмиадзин католикосу: «Императорское правительство сделало предложение турецкому правительству... сейчас же серьезно заняться реформами в Турецкой Армении... Следуя вековым традициям и питая глубокое сочувствие к мучениям армянского народа, императорское правительство отныне также намерено самым доброжелательным образом относиться к нуждам угнетаемого армянского народа в Турции... Однако правительство находит, что интересам армян не соответствует обсуждение армянского вопроса на предстоящей конференции государств, стремящейся к улаживанию Балканского кризиса, ибо имеет основания сомневаться в том, что европейские государства будут единодушны при решении жизненного для армян вопроса. Однако же отсутствие такового единодушия государств... как доказывает прискорбный исторический опыт, создаст благоприятные обстоятельства, чтобы турецкая администрация отнеслась уклончиво к делу благоустройства положения армян... Я считал бы особенно важным, чтобы в нынешний решающий момент армяне проявляли особую осмотрительность... и не усложняли дело императорского правительства несвоевременными коллективными обращениями по вопросу улучшения положения армян в Турции»¹. В свою очередь посол Гирс, уже лично от себя и Сазонова, советовал Константинопольскому армянскому патриаршеству в этот ответственный момент проявлять чрезвычайную рассудительность, избегать крайних выражений, постоянно напоминал патриарху о том, что это труднейшее дело – получить согласие всех шести государств в армянском вопросе из-за глубоких противоречий между ними, а также по той причине, что заинтересованность России в армянском вопросе уже вызвала серьезную озабоченность в дипломатических кругах государств, в том числе ее союзниц – Франции и Англии.

В телеграмме от 17 января 1913 г., адресованной российскому послу в Париже, министр иностранных дел Сазонов уведомлял о том, что накануне его посещал французский посол в Петербурге и выразил ему свою озабоченность в том, что, не уведомляя свою союзницу, Францию, Россия в одностороннем порядке расширяет энергичную деятельность по армянскому вопросу, вплоть до военных угроз в адрес Турции. Он также добавил, что если даже есть на то необходимость, то это должно делаться коллективно, по согласованию с союзниками.

Петербург был вынужден, хотя бы временно, проявлять умеренный подход к требованиям армян. Сазонов ответил французскому

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 19. Л. 25.

послу, что Россия не предпринимает и отныне не будет предпринимать никаких весомых шагов, не посоветовавшись с правительством Франции. Одновременно он заметил, что российская сторона имеет основания предполагать, что ее односторонние предупреждения оказывают более сильное воздействие на Константинополь, чем коллективные уведомления. Затем Сазонов продолжал: «Что касается приписываемого нам намерения начать военные действия в Малой Азии, то мы прилагаем усилия к устранению поводов, направленных ныне на обострение армянского вопроса, однако же если по соседству с нашей границей начнется кровопролитие, то мы не сможем к этому оставаться безразличными, имея в наших пределах такое ошущаемое армянское население»¹.

Перемену в настроениях российской стороны сразу же заметили как в Константинопольском патриаршестве, так и национальной делегации.

Однако отступление российской дипломатии не могло быть длительным, ибо Россия являлась гарантом продвижения армянского вопроса, и это хорошо понимали в Европе. С другой стороны, откровенное недовольство правительств европейских держав, даже союзников по Антанте, по отношению к действиям России в армянском вопросе отнюдь не означало, что Эчмиадзин и Константинопольское армянское патриаршество должны были сложа руки ждать дальнейшего неблагоприятного развития событий. Наоборот, посол Гирс советовал продолжать вручение меморандумов, памятных записей и петиций. Следуя советам русского посла, патриаршество выбрало из числа энергичных депутатов Национального собрания группу для подготовки необходимых документов. В этом деле неоценимая роль была оставлена за Григором Зограпом: благодаря его несокрушимой воле многие из документов, составленных им, вручались в ходе встреч персонально послам.

В Париже работа велась в двух направлениях. Во-первых, составлялись различные документы, которые предстояло вручать великим державам². Во-вторых, опираясь на статус автономии Ливана и на программу Майских преобразований 1895 г.³, разрабатывалась и редактировалась новая программа по проведению реальных преобразований в шести областях Турецкой Армении и в Киликии, приспособленная к требованиям данного периода времени⁴. Новая программа должна была быть приложена к меморандуму⁵. Требования

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3460. Л. 26.

² См.: Ковкаси арабер. № 44, 19 декабря 1912 г.

³ После подавления восстания армян Сасуна 1894 г. османское правительство учинило кровавую расправу над мирным населением, что вызвало бурные протесты европейской и российской общественности. Российский, английский и французский послы в Константинополе 11 мая 1895 г. предъявили Высокой Порте программу, по которой предусматривалось проведение преобразований в Армении – в Ванской, Битлисской, Диарбекирской, Харбердской, Каринской и Себастьянской областях. Эта программа, которая оказалась для турецкого правительства всего лишь неким документом консультативного значения, так и осталась на бумаге – без последствий.

⁴ См.: Мшак. № 9, 15 января 1913 г.

⁵ Там же. № 2, 4 января 1913 г.

программы были следующими: 1) объединение армянских областей в одну общую административную единицу; 2) Армении, в которую входят эти области, предоставляется такая автономия, которой пользуются Ливан и остров Самос и которая в будущем должна будет предоставлена Македонии и Албании; 3) с целью самозащиты армяне получают право на ношение оружия; 4) автономная единица Армения оказывается под европейским контролем.

Министерство иностранных дел России официально поручило своему послу в Париже Извольскому проинформировать армянских деятелей о том, что сейчас неблагоприятное время для обращения к Лондонской конференции с подобными радикальными требованиями и что у российского правительства вопрос армянских преобразований под непрерывным вниманием, вместе с тем оно постоянно анализирует текущую ситуацию.

Узнав о позиции русской стороны, католикос в своей телеграмме к Погосу Нубар-паше подчеркивал, что «следует выслушать совет Петербурга»¹. В ответ на беспокойство католикоса Погос Нубар в своей телеграмме № 252 от 14 (27) января 1913 г. писал из Парижа Святейшему о том, что он вскоре должен нанести визит русскому послу Извольскому, дабы получить разъяснение по поводу увещаний о том, что не следует в данный момент обращаться к конференции, и если выяснится, что это будет продолжаться длительное время, то это «приведет в отчаяние»². О встрече с Извольским Нубар сообщил католикосу в своем кратком письме от 22 января. Он с прискорбием отмечал, что эта встреча проходила в напряженной атмосфере, что посол не сказал ни одного обнадеживающего слова, а когда вопрос касался проблемы обращения со стороны национальной делегации к Лондонской конференции, давал неопределенные ответы.

26 января 1913 г. католикос писал Погосу Нубару: «Хотя заботливое русское правительство нынешнюю минуту считает неблагоприятной для обращения к Лондонской конференции послов, однако одновременно вселяет надежду на то, что наше турецкое армянство широко освещает вопрос реформ, который занимает русское правительство. Понятно, что мы должны следовать в направлении, намеченном русскими»³. Святейший вместе с тем сообщал, что премьер-министр России Коковцев, министр иностранных дел Сазонов и кавказский наместник дали полезный совет: как можно больше печатать статей во влиятельных европейских газетах, посредством местных подкомиссий продолжать работать с официальными лицами европейских стран, в основном Германии и Австрии, потому что эти страны против успешного решения армянского вопроса при гарантиях государств. «Вам очень хорошо известно, с какой точки зрения вам подойти к вопросу и какие разъяснения давать германским и австрийским

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 19. Л. 22.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 22.

государственным деятелям. Всецело надеюсь, что преосвященный аббат братии мхитаристов в Вене и Ованнес хан Масехян в Берлине будут Вам всячески содействовать»¹.

Католикос счел не лишним еще раз напомнить Погосу Нубару о простой истине: «Вашему высокоблагородию известно, что ныне мы живем в тот исторический период, когда для успешного решения вопроса турецких армян существуют определенные благоприятные условия и обнадеживающие гарантии. Одним из залогов успеха является то, чтобы все армяне были едины и по партийным убеждениям также были объединены, в особенности чтобы армянские представители работали со всей рассудительностью и дальновидностью, без отчаянных и противоречивых шагов в ходе деятельности. По сему поводу с удовлетворением заявляю о том, что Вы с Вашим многолетним опытом будете способствовать укреплению этого важнейшего направления. Всецело надеюсь, что другие многоуважаемые члены делегации – так же»². В конце Святейший обращает внимание Нубар-паши на другой весьма важный вопрос: свои действия и действия коллег, в частности составление документов, выполнять по возможности без огласки. «Желательно, – подчеркивал католикос, – чтобы подобные работы (меморандум и разработка проекта) печатались отдельно и чтобы об этом никаких новостей не сообщали, ибо от этого ничего, кроме вреда, ждать нельзя. Прошу обратить на это должное внимание»³.

С просьбой о предельно скрытой работе обращался к католикосу Манчестерский армянский епископ Геворг. Он просил Святейшего предпринять меры для воздействия на те российские газеты, которые открыто говорят об организации, занимающейся армянским вопросом. Он считал недопустимыми комментарии «Мшака», которые могут только навредить⁴.

НЕОЖИДАННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

7 февраля 1913 г. Погос Нубар сообщил католикосу о том, что его «беспредельно разочаровал» ответ кавказского наместника Воронцова-Дашкова на его письмо. Российское правительство, сказано в письме, не намерено прибегать к грубой силе для продвижения армянского вопроса. «Высокая Порта, которая отступает только лишь перед силой, воспользуется настроениями имперского правительства, для того чтобы уклониться... от взятых обязательств по проведению реформ»⁵.

Наместник дал понять, что это ему не по душе, но добавил, что это его личное мнение⁶.

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 19. Л. 22об.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 23об.

⁴ Матенадаран. Архив Аршака Алподжяна. Сп. 20. Пап. 238. Док. 111. Л. 3.

⁵ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 26.

⁶ Там же.

К этому же вопросу Погос Нубар-паша обращался также в письме к католикусу от 10 февраля. Во время одной из встреч прибывшего в Тифлис Извольского он выражал свою обеспокоенность заявлением о том, что вопрос об армянских реформах может решаться единственно «в атмосфере дружбы и сотрудничества»¹.

Подобные заявления высокопоставленных лиц российского правительства были обусловлены опасением других государств тем, что Россия хочет взять полностью в свои руки дело преобразований.

Несмотря на такое заявление русской стороны, Погос Нубар, тем не менее, не считал, что Петербург «умывает руки» по разрешению вопроса преобразований в Армении, и особо подчеркивал, что это обусловлено взаимоотношениями России с европейскими державами. Он утверждал, что не только он один, но и все члены руководимой им делегации придерживаются твердого убеждения, что для достижения успеха «прежде всего следует возлагать надежды на Россию, и что он «будет стремиться обрести ее поддержку в осуществлении преобразований, предусмотренных 61-й статьей Берлинского трактата». Следовательно, свою направленность к России не следует подвергать опасности двуличной игрой, и депутация должна остерегаться любых обращений, каковые могут обеспокоить русское правительство»².

Нубар одновременно отмечал, что ему хотелось бы «возложить армянский процесс на одно из государств в том лишь случае, если русское правительство само пожелает это и пообещает способствовать преобразованиям и успешному их завершению». По его мнению, руководимая им делегация должна стремиться к тому, чтобы вместо контроля всех государств в программу преобразований вошло требование о русском контроле, поскольку это «несомненно будет более результативным, если будет осуществляться только одним государством, а не несколькими»³. Таким образом, существовало два варианта контроля: один – это контроль со стороны нескольких государств, другой – контроль только одного государства, и было предпочтительно, чтобы таковым государством была Россия⁴.

Таким образом, несмотря на то, что российское правительство совершило заметное отступление от армянского вопроса, вскоре выяснилось, что это было лишь видимостью.

ТАКТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

После того как стало ясно, что Россия, как и остальные великие державы, в данный момент не готовы заняться вопросом армянских преобразований и не поставят его на обсуждение Лондонской конференции, пока не заключен мирный договор между странами

¹ Там же. Л. 28.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же.

Балканского союза и Турцией, глава армянской делегации Погос Нубар решил на время отложить связанные с конференцией дела, но не сидеть сложа руки, а продолжать энергичную деятельность, временно поменяв тактику действий. Деятельность делегации он направил на работу с видными государственными деятелями именно этих правительств, не упуская из виду также необходимость воздействия на общественное мнение шести держав. Насущной задачей было формирование положительного общественного мнения по отношению к армянскому народу и армянскому вопросу, но действовать следовало последовательно и предельно осторожно, поскольку армянский вопрос постепенно приобретал острый кризисный характер.

Интересно то, что независимо от Погоса Нубара Католикос всех армян придерживался того же мнения. В одном из своих писем Погос-паше он подчеркивал, что поскольку Лондонская конференция по слову не уполномочена заниматься армянским вопросом, но, с другой стороны, русское и французское правительство не советуют армянам обращаться к конференции, необходимо пока следовать иным путем.

Погос-паша был хорошо осведомлен об обстоятельствах продвижения армянского вопроса в прошлом и о его «результатах», тем более что этим вопросом в свое время долго занимался его отец – Нубар-паша¹. И несмотря на это он еще раз вник в содержание документов, относящихся к армянскому вопросу, ознакомился с многочисленными публикациями армянской и иностранной печати. Перечитывая документы, Погос Нубар предельно внимательно изучал также дневниковые записи и переписку, освещавшие деятельность членов армянской делегации, отправившейся в 1878 г. из Константинополя в германскую столицу. Они свидетельствовали о том, что делегация отправилась в Берлин при абсолютном покровительстве султана Абдул Гамида (многие считали – по его указке). Это делалось не потому, что османский деспот симпатизировал армянам (в действительности всё обстояло совсем наоборот), а потому, что султан стремился тем самым создать противовес России, которая перед международной общественностью постоянно представляла в качестве «великой защитницы прав христиан Востока», и свести к минимуму ее роль. С этой целью Гамид даже делал заявления, что готов доверить попечительство над всеми христианскими подданными Турции коллективной воле Европы. Тем самым он ставил целью возвести преграду перед вмешательством России в дела Турции, а также разрушить планы по преобразованию Армении, ловко пользуясь противоречиями и соперничеством между шестью великими державами.

Однако сейчас всё было иначе, чем в 1878 г. На этот раз армянские деятели собрались в другом европейском центре – Париже – с судьбоносной миссией, отнюдь не с согласия турецких властей, а вопреки их воле.

¹ Нубар-паша был первым премьер-министром освободившегося от британского колониализма Египта (1878–1879, 1884–1889, 1894–1895).

Учитывая имевшие место серьезные изменения, Погос Нубар-паша собирался вскоре развернуть обширную дипломатическую деятельность. Он четко осознавал, что на Армянском нагорье перекрещиваются крупные политические интересы, и своей основной исторической миссией считал проявление рассудительного подхода к сложившейся ситуации. Изучив прошлое армянского вопроса, Погос Нубар детально разработал тактику деятельности национальной делегации, которая основывалась на нескольких важных принципах.

1. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. армянские общественно-политические и религиозные силы средством решения армянского вопроса считали заявления и петиции, вызывающие сострадание у великих мира сего, возбуждение гуманистических чувств к армянам не только среди зарубежной интеллигенции, но и в государственных, политических и церковных кругах. Они надеялись решить армянский вопрос, напоминая о нравственности Европе и России, провозглашая роль армян в развитии цивилизации на Востоке. Как показали события того времени, подобный дипломатический, политический курс оказался пагубным для армян Западной Армении, стоил жизни сотен тысяч соотечественников, привел к катастрофе.

О величии Погоса Нубара-паши свидетельствует то, что он решительно отмежевался от этого губельного для нации пути и взял на вооружение совершенно новый принцип, сутью которого являлось следующее:

а) гуманистические аргументы, которые в прошлом могли иметь временный эффект, ныне утратили свою значимость. Следовательно, необходимо выдвигать политические и экономические факторы. Отправной точкой должно стать принятие той реальности, что преобразования в Армении будут способствовать сохранению целостности Азиатской Турции и ее экономическому процветанию;

б) нигде и никогда никакой властитель или деспотичный режим не освобождал по собственной воле подвластный ему народ от сковывающих цепей, идя навстречу просьбам и мольбам. Следовательно, необходимо обращаться к правительствам держав не с петициями и прошениями, а суметь убедить их в том, что проведение реформ в Армении вытекает из их собственных интересов, соответствует им.

Пожалуй, ни один из армянских деятелей, ослепленных мощью Европы, не осознавал так глубоко важности такого подхода, как Погос Нубар. Он был убежден, что любая европейская страна в преобразованиях Армении будет искать прежде всего свою собственную выгоду, а не защищать интересы армянского народа. Кроме всего прочего, положение армян не интересовало (или почти не интересовало) европейские державы по одной простой причине. Это хорошо сформулировала константинопольская газета «Аветабер»: «У армян нет ни

единого соплеменного и единоверного государства, дабы, уповая на его защиту, питать надежды на создание автономной Армении»¹. А это означало, что консолидация России и части европейских грандов вокруг армянского вопроса было бы равносильно чуду. Исходя из этого обстоятельства Погос-паша считал, что армянская делегация должна действовать в рамках чрезвычайно умеренных требований, чтобы державы испытывали хотя бы минимальную симпатию к идее преобразований в Армении. В ходе своих встреч и бесед с Погосом Нубаром деятели европейских государств убеждались в том, что проведение реформ в Армении не содержит каких-либо угроз их интересам, а это, в свою очередь, способствовало принятию более решительных шагов со стороны русской дипломатии в армянском вопросе. Усилия Погоса Нубара по убеждению европейских государств в том, что преобразования в Армении выгодны не только армянам, но и Европе, то есть в том, что по этому вопросу интересы армян и европейцев полностью совпадают, были уникальными в истории армянской дипломатии.

2. Новый смысл приобретал вопрос отношений с Турцией. Армянский вопрос уже выходил за пределы своих рамок и становился более значимым, проблемой всей Османской империи. Погос Нубар и его соратники решительно отменяли прошлое требование о том, что судьбу турецких армян надо отделить от Турции. Уже не было мечтаний, надежд и ожиданий о «независимой Армении». Уже никто не осмеливался озвучивать эти мысли, понимая невозможность их воплощения. Сейчас в армянах крепла мысль о том, что судьба турецких армян зависит от фортуны, уготованной для Турции, и поэтому отдельно существующее армянское движение должно было отступить и выражать общие интересы народов Турции.

В ходе встреч с должностными лицами в европейских столицах Нубар-паша стремился убедить их в том, что в лице преобразованной Армении турецкое правительство в пределах своего государства обретет масштабную процветающую страну, где вместе с европейской культурой будет существовать также турецкая, где развивающаяся промышленность будет приносить солидную прибыль, где народ всегда будет готовым выполнять свой долг перед общим османским отечеством. Турция не может развиваться только предоставлением концессий и получением займов. Она будет идти вперед крупными шагами, развивая свои провинции, добывая богатства из своих недр, создавая современную промышленность и благодаря всему этому обогащая государственную казну, что позволит избежать в будущем угроз кредиторам. Преобразования в Армении будут способствовать понижению сепаратистских настроений армян, и чем раньше они воплотятся в жизнь, тем больше станут армяне сближаться с турками, отплачивая добром за добро. Значит, как говорил Погос Нубар-паша, армянам следует исходить не из своих желаний, а из реальных

¹ Аветабер. № 31, 2 августа 1913 г.

возможностей. Отныне армянская общественность больше не говорила об автономии. Чего хотели армяне? Они не требовали восстановления исторической Армении, не хотели отрыва армянонаселенных областей от османского политического единства и создания независимой армянской страны. Они просто мечтали о законности и порядке, о благоустройстве областей, где жили они, курды и другие народности, о введении таких законов, при которых всем жилось бы свободно и всем было бы гарантировано сохранение жизни, имущества и возможность беспрепятственного культурного развития.

Армян больше не интересовали программы национальных революционных партий об автономии, их не привлекали громкие слова, важны стали реальные и стабильные преобразования. В этом смысле чрезвычайно важно было донести до Европы картину истинного положения турецких армян. Прискорбным было то, что молчание Турции воспринималось европейским обществом как признак спокойствия, как доказательство удовлетворительной жизни. Это было ужасно. Что оставалось делать турецкому армянину? С какой уверенностью и надеждой мог он выйти на международную арену, когда прекрасно помнил, как адские ужасы свели в могилу его бесчисленных соотечественников из Сасуна, Урфы, Акна, Аданы и многих других местностей, но эти несчастья так и не вызвали сострадания какой-нибудь европейской страны?! Армянский народ довольно страдался от нескончаемых убийств, грабежей и разбоев, чинимых турками и курдами.

Вот почему неотъемлемой частью программы национальной делегации было восполнение недостаточных познаний и корректировка ошибочных представлений европейца об отверженности армянина. Сплоченные вокруг Турции единомышленники – великие державы – были озабочены проблемой сохранения ее территориальной целостности, а это означало, что ни одна из них не защитит любое кардинальное требование армян к Османской империи.

Погос Нубар-паша во время встреч старался убедить своих собеседников в том, что турецкие армяне отнюдь не заинтересованы в отделении от Турции какой-либо территории, в том числе и Армении, и даже в установлении армянской автономии. В ходе встреч с новым министром иностранных дел Франции Бишоном, заместителем министра иностранных дел Никольсоном и другими должностными лицами Погос Нубар говорил о том, что на территории Османской империи ни один народ не заинтересован так сильно в существовании этого государства, как армянский. Он выражал убежденность, что преобразование жизни армян будет способствовать укреплению государственного строя в азиатских областях Османской империи, следовательно – сохранению территориальной целостности страны.

В Париже на одном вечере, организованном Виктором Бераром, Погос Нубар говорил: «В обществе распространено весьма превратное

понятие о наших требованиях. Люди думают, что армяне хотят свободы либо хотя бы автономии, но это для нас является утопией с точки зрения этнографического и географического положения армянских областей. Наше требование – остаться верными подданными Османского государства при условии, что в Армении будут осуществлены преобразования»¹. Он подчеркивал, что армяне убеждены в том, что в составе крупного государственного образования они сумеют достичь гораздо большего, если им будут обеспечены нормальные условия существования.

Как бы отсылаясь на эти слова Погоса Нубара, константинопольская газета «Аветабер» напоминала о том, что всемерно ухудшающееся катастрофическое положение армян сильно беспокоит всех зарубежных друзей, которые непрестанно напоминают османскому правительству о том, что у армян нет сепаратистских целей, что они не вооружены правительственным оружием, как другие, что у них нет разбойничьих устремлений, что их оружие – это плуг, торговля и культура. Неужели османское правительство сумеет найти для себя более полезный элемент, коим являются армяне?²

Требования, выдвигаемые армянским народом, должны быть приемлемы и для Турции, и поэтому национальная делегация предельно деликатно сформулировала свои тезисы, не выступала с явными или скрытыми антитурецкими предложениями. Турецкое правительство должно было убедиться в том, что преобразования значительно укрепляют союз армянских областей с остальными вилайетами империи, тем самым полностью исключается угроза в отношении азиатских владений Турции, в первую очередь со стороны России.

Погос Нубар и его соратники делали свои робкие шаги в такое время, когда движения других нетюркских народов уже не являлись лишь вопросами, как это было в случае с армянами, а были уже восстаниями и войнами. Вопросы Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и Болгарии уже привели к Восточной войне, проблемы Йемена и Албании были завершены достижением фактической самостоятельности, вопросы Македонии и острова Самос инициировали Балканскую войну. И только армяне, будучи законопослушными гражданами Османского государства, терпеливо и смиренно существовали в рамках «действующей» конституции, отказавшись от вынесения своего вопроса на суд Европы.

Такова была действительность, у армян другого выхода не было. Сейчас становилось понятным, почему для западных армян 16-я статья Сан-Стефанского договора была более существенна и важна, чем 61-я обширно отредактированная статья Берлинского трактата. Руководимая Погосом Нубаром национальная делегация была уполномочена требовать у европейских держав осуществления взятых на

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 239. Док. 91. Л. 4.

² Аветабер. № 17, 26 апреля 1913 г.

себя Высокой Портой преобразований в армянских областях согласно 61-й статье Берлинского трактата.

3. Одной из задач, стоящих перед Погосом Нубаром и национальной делегацией, было показать европейской общественности, что армянская нация никогда не считала врагами своих соседей и всегда была готова оказывать им всемерную посильную помощь. Турок, курд, ассириец, езид, грек всегда были земляками армянина, с которыми он готов был жить и творить во имя общественного добра. Но османская административная система не сумела ввести такие реформы, чтобы Турецкая Армения развивалась, стала самодостаточной и полезной не только для армян, но также и для живущих с ними бок о бок других народностей. Сущность армянского вопроса была совершенно далека от той идеи, чтобы турок, курд или кто-либо другой лишались благ цивилизации. Как раз наоборот. Армянин был всегда готов трудиться во благо развития своих соседей. Однако был вправе требовать, чтобы соседи не угрожали его жизни, имуществу, достоинству и естественному развитию. Но, к великому сожалению, из этих соседей курд и турок так и не смирились с мыслью жить с армянином в мире. Это особенно касалось руководившихся дикими, зверскими инстинктами элементов, которые были далеки от благ цивилизации...

В ходе встреч с европейскими дипломатами Погос Нубар всегда подчеркивал, что разработан проект такой программы преобразований Армении, которая будет весьма полезной для культурного и общественного развития живущих с армянами соседей. Предстоящие преобразования – это не «армянские преобразования», а «преобразования в Армении» для всех народностей, живущих в Армении.

4. В процессе дипломатической борьбы армянская делегация должна была суметь определить верное соотношение интересов великих европейских держав и России. Учитывая, что все пять европейских держав ревниво относятся к политическим устремлениям России в отношении Армении, необходимо было искусно маневрировать в лабиринте их взаимоотношений, показывать, что армянская делегация не склонна своими действиями способствовать тому, чтобы интересы одной из держав возобладали над интересами остальных. Только лишь политически нейтральная и уравновешенная позиция могла заинтересовать правительства держав заниматься вопросом преобразований в Армении. По всему было видно, что Турции будет сложно в армянском вопросе поставить интересы Европы в противовес интересам России и противопоставить их друг другу. Сейчас армянские деятели предстают перед Европой не с мольбами, а с требованием, тем более что они чувствуют поддержку России.

5. Нубар-паша, который не примыкал к какой-либо армянской политической организации, находил, что в данный момент неправильно выступать против турецких властей от имени любой из этих партий,

более того, предпринимать повстанческие и иные подобные шаги, поскольку может возникнуть тяжелейшая ситуация для измученного и уже раздробленного армянского народа, что окончательно провалит дело преобразований. Он всячески советовал всем армянским партиям хотя бы в процессе обсуждения армянского вопроса великими державами проявлять предельную осмотрительность, не печатать острых критических статей об этих странах, против их правительств и государственных и общественных деятелей. Пропаганду армянского вопроса Погос Нубар проводил глубоко обдуманно, трезво взвешивая как положительные, так и возможные отрицательные последствия своих действий. Его дипломатическую деятельность очень высоко оценивали в Париже, Лондоне и особенно в Петербурге. Посол России в Константинополе Михаил Гирс в беседе с одним из представителей армянского патриарха Аршаруни заметил, что «...деятельность Нубар-паши может оказаться весьма полезной для армянского дела, так как он поддерживает связи с дипломатическим миром, ведет пропаганду, разрабатывает взаимоотношения и создает симпатии в отношении армянского вопроса. Следует знать, что в сих обстоятельствах симпатии народа и общественное мнение играют большую роль»¹.

Несмотря на то, что решение армянского вопроса с благословения армянской церкви в лице католикоса взяли на себя армянские консервативные и традиционалистские деятели и мыслители под предводительством крупного капиталиста Нубар-паши, их инициативу, кроме консервативных европейских кругов, приветствовали европейские социалисты, точка зрения которых в отношении армянского вопроса в Турции оставалась неизменной на протяжении двух последних десятилетий. Успешную работу руководимой им делегации Погос Нубар связывал также с деятельностью, проводимой в армянских колониях. Внимая его голосу, соплеменники (не только в Европе) содействовали ему своими обращениями к разным правительствам, резолюциями, принимаемыми на собраниях, встречами с должностными лицами государств и иной деятельностью. Католикос поручил епархиям армянской церкви, в частности европейской, установить тесные связи с местными властями, активизировать деятельность армянофилов, а также находить новых сторонников армянского вопроса. Армянские епархии организовывали в больших и малых колониях собрания и митинги, на которых принимались соответствующие резолюции, проводились сборы подписей и т.д. Например, в начале февраля 1913 г. армяне г. Тавриза (Тебриз, Персия) направили коллективное обращение к императору Николаю II с просьбой о помощи «нашим братьям, страдающим в Турции». Русский посол в Тегеране Поклевский вручил полученный 11 февраля из Петербурга ответ своему консулу в Тавризе для передачи его в епархиальную

¹ Эчмиадзин. № 1, февраль – март – апрель, 1965. С. 166.

резиденцию Атерпатаканской области Персии. В своем ответном письме российское имперское правительство сообщало следующее: «Россия исключительно благосклонно относится к армянскому народу и принимает близко к сердцу его интересы. Она готова оказать самую непреклонную поддержку для обеспечения безопасности армян, живущих в Турции, и улучшения их жизни»¹.

8 марта 1913 г. руководители армянской колонии Сурабайи (Ява) направили властителям, президентам и министрам иностранных дел шести европейских держав и Соединенных Штатов Америки телеграмму: «Покорнейше просим Вашего весомого вмешательства, дабы положить конец ужасам, продолжающимся в Турецкой Армении и Киликии, резне наших братьев, дабы ввести реформы и гарантировать безопасность жизни, чести и имущества – согласно 61-й статье Берлинского трактата».

Сингапурские армяне также направили телеграммы с идентичным содержанием российскому императору, английскому монарху и президенту Французской республики.

ПРИГЛАШЕНИЕ ИЗ ЛОНДОНА

31 марта 1913 г. в адрес Петербургского армянского кружка пришло письмо от Парижского армянского комитета, в котором сообщалось, что в ближайшее время в Лондоне будет созвана конференция влиятельных представителей проармянских организаций европейских стран, посвященная проблеме преобразований в Армении. Задачей конференции должно стать совместное обсуждение армянского вопроса и разработка программы мероприятий по его широкой пропаганде. В письме отмечалось, что инициаторы конференции считают желательным, чтобы на ней была представлена также точка зрения российского общества. Авторам письма было известно, что в кругу русской интеллигенции Петербурга уже начата работа по созданию армянского комитета, но, если такового еще нет, писали они, то весьма желательно, чтобы в Лондонской конференции участвовали хотя бы один или два русских представителя. Если в Лондоне получат их согласие, то им сразу же вышлют официальные приглашения. Работа конференции начиналась 13 апреля, и поэтому времени для отбора российских представителей оставалось совсем немного.

На заседании армянского кружка 8 апреля частью его членов было предложено несколько имен, из которых предпочтение было отдано М.М. Ковалевскому, А.И. Гучкову и П.Н. Милюкову. Другие члены кружка выражали сомнение относительно желательности участия в конференции русских представителей. При этом было указано, что в российской действительности не сформировано общественное

¹ Мшак. № 48, 5 марта 1913 г.

мнение относительно внешней политики, а посему становится совершенно бессмысленным присутствие русской стороны на конференции. В пользу последней точки зрения приводились слова министра иностранных дел Сергея Сазонова о том, что любой шум, поднимаемый русскими по армянскому вопросу, может только лишь навредить делу. За этим последовали возражения иных членов кружка, что несправедливо отрицать факт общественного мнения в России. Они утверждали, что общественное мнение в империи существует, правда, не такое внушительное, как на Западе, но, тем не менее, довольно значимое. Поэтому такое предложение будет иметь значение если не для русских, то, во всяком случае, для европейцев. Слова Сазонова о необходимости избежать излишней шумихи, говорили они, относятся к ситуации, сложившейся в самой России. Он отнюдь не против пропагандирования армянского вопроса, более того, он даже советует усилить разъяснительную работу в Европе, чтобы подготовить общественное мнение. Намеченная конференция преследует именно пропагандистские цели, и отсутствие на ней русских в Европе может быть расценено как безразличие России к армянскому вопросу. Россия является наиболее заинтересованной в этом вопросе державой и, согласно общему убеждению, именно от нее зависит та или иная направленность решения. При таких благоприятных условиях уклонение русских деятелей от участия в конференции может оставить неприятное впечатление и вызвать негативные последствия и разочарование даже в тех кругах, которые относятся с большой симпатией к армянскому народу.

В результате обмена мнениями участники заседания пришли к заключению, что участие русских представителей в Лондонской конференции желательно, хотя и трудно ожидать или предвидеть какие-то положительные результаты, но во всяком случае оно будет способствовать информированности об армянском вопросе в более широких кругах. С этим решением заседание приступило к избранию представителя на Лондонскую конференцию. Из трех вышеуказанных лиц участники заседания прежде всего остановились на кандидатуре П.Н. Милюкова, что вызвало возражение со стороны некоторой части участников по той причине, что, хотя заслуги Милюкова велики, но его личность как человека партийного и представителя левых течений может внести нежелательное обострение в обсуждаемый вопрос. Разделяя эти опасения, заседание постановило отдать предпочтение двум кандидатурам – крупному ученому, редактору журнала «Вестник Европы» Максиму Ковалевскому и Александру Гучкову. Независимая позиция, которую Ковалевский сформировал благодаря своей научной и общественно-политической деятельности, высокий авторитет и популярность, которых он давно достиг, и не только в России, но и в Европе, а также его компетентность в восточном вопросе – всё это предопределило выбор личности представителя русских на Лондонской

конференции. Но выяснилось, что в данный момент ни Ковалевского, ни Гучкова в Петербурге нет и что первый несколько дней назад уехал в Париж.

Заседание постановило послать телеграмму Парижскому армянскому комитету – Аршаку Чопаняну, а также Лорис-Меликову¹ передать в Париже Максиму Ковалевскому просьбу Петербургского армянского кружка о его участии в Лондонской конференции.

ВАЖНЫЕ ВСТРЕЧИ В ПРАВИТЕЛЬСТВАХ ФРАНЦИИ И АНГЛИИ

Прежде чем начать серию встреч, Погос Нубар нашел целесообразным проводить энергичную проармянскую пропаганду, выступать с речами и лекциями, посвященными армянскому вопросу. Руководитель и члены Национальной делегации выступали со статьями в периодической прессе Европы, информировали широкую аудиторию о содержании армянского вопроса, способствовали формированию благоприятного общественного мнения об армянских требованиях.

Католикос предлагал Погосу Нубару почаще встречаться с официальными представителями Германии, которые были против обсуждения армянского вопроса². Он также советовал постоянно подчеркивать при встречах с европейскими дипломатами, что армянским вопросом занимаются исключительно западноармянские деятели³.

В середине марта 1913 г. Нубар-паша встречается с министром иностранных дел Франции М. Бишоном, а затем наносит визиты ряду важных политических персон страны. За этим следует поездка в Лондон. Здесь ему не удастся встретиться с Эдвардом Греем, который до этого выехал на несколько дней отдохнуть, но он встречается с заместителем министра и с рядом членов английского парламента. Эти встречи и беседы оказались весьма благоприятными для армянского дела. Обо всем этом Погос Нубар известил Католикоса всех армян в своем пространном письме, отправленном 20 апреля из Парижа. Он писал, что в европейских политических кругах окончательно сформировалась следующая точка зрения: 1) территориальная

¹ Нам не известно, удалось ли Аршаку Чопаняну и Лорис-Меликову встретиться в Париже с Ковалевским. Нам кажется, что нет, во всяком случае точно не Лорис-Меликову. Странное дело, видный государственный деятель, известнейшая политическая личность доктор Ованнес Захарьевич Лорис-Меликов в течение всех этих лет – 1912–1914 гг. – был изолирован от этого великого дела! Отстраненный от национальной жизни армянского народа в эту судьбоносную пору, он в Париже занимал должность секретаря (!) видного русского ученого и врача И.И. Мечникова. Был изолирован крупный представитель армянского народа, благодаря многолетней деятельности которого в Европе возникло мощное армянофильское движение в пользу армянского дела. В одной из своих статей Максим Ковалевский писал о том, что прежние европейские соратники великого армянского деятеля – Франсис Пресансэ, Виктор Берар, Анатоль Франс, Жан Жорес – за весь период возрождения армянского вопроса неоднократно призывали его вновь выйти на арену и впрячься в работу по освобождению своих обездоленных соотечественников, однако тщетно (см.: Орizon. 30 января 1913 г.). Для нас так и осталось неясным, это был добровольный отказ или его попросту изолировали!?

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 19. Л. 22об.

³ См.: Верацунд (рус. *Возрождение*, Константинополь). № 10–11, март 1913 г. С. 35. (на арм. яз.).

целостность Турции в Малой Азии не подлежит никаким изменениям; 2) необходимо оказывать Турции помощь в виде кредитов, чтобы она могла укрепить свою экономику, а также предотвратить любое иностранное вмешательство, которое преследовало бы цель отторжения какого-нибудь участка земли; 3) важнейшим рычагом для всего этого являются армянские преобразования, которые реально будут гарантировать порядок в стране и безопасность¹.

Это означало, что, преследуя свою выгоду, Европа была заинтересована содействовать преобразованиям, а это вселяло в армян надежду на достижение положительного результата. Обобщая результаты своих встреч с государственными мужами Парижа и Лондона, Нубар-паша писал католикосу: «Пока мы могли представлять перед государствами только в качестве лишь умоляющих, прося их вмешательства во имя человеколюбия, мы видели лишь симпатию, но без действительной помощи. Сегодня же, наоборот, когда выгода держав в исполнении преобразований совпадает с интересами армянского народа, мы наблюдаем весьма благоприятные настроения»².

Поскольку европейские гранды не настроены представлять на рассмотрение посольской конференции проблему преобразований в Армении и ее задачи ограничены только лишь балканским вопросом, Погос Нубар как в Париже, так и в Лондоне потребовал представления армянского вопроса Международной финансовой комиссии, заседание которой намечено в Париже после заключения мирного договора, так как преобразования вплотную связаны с финансовым кредитованием Азиатской Турции. «Думаю, что это самое лучшее средство для того, чтобы обратить внимание держав и достичь определенного удовлетворения, ибо не могу верить в то, что после окончательного заключения мира и урегулирования финансовых вопросов державы обяжутся заняться также нашими делами. Итак, отныне все наши усилия должны быть устремлены на то, чтобы державам захотелось представить армянский вопрос Финансовой комиссии»³, – излагал католикосу свои рассуждения предводитель Национальной делегации.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОАРМЯНСКИХ КОМИТЕТОВ

Озабоченные судьбой армянского народа европейские и российские армянофилы, которые после восстановления османской конституции в последние 4–5 лет почти перестали заниматься армянским вопросом, вновь начали во весь голос говорить об этом. Это, в основном, было следствием того, что по поручению армянского католикоса руководитель Армянской национальной делегации Погос Нубар-паша

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 34. Л. 8.

² Там же. Л. 9.

³ Там же.

с соратниками содействовал формированию европейских проармянских комитетов в разных странах – в Англии, Франции, Германии и в Швейцарии – с целью ориентации общественного мнения в пользу армянского народа. На очереди было также создание подобного комитета в Петербурге или Тифлисе.

Как в прошлом, так и в настоящем многие из самых последовательных представителей армянства были *во Франции*. Газета «Русское слово» в № 42 (конец февраля 1913 г.) под заголовком «Армения и Европа» напечатала беседу своего корреспондента Соколовского с великим армянофилом Франсисом де Пресансе. Будучи в течение долгих лет рядом с армянским народом, в дни Балканского кризиса он продолжал оставаться искренним, неподкупным другом армян, трудясь во благо армянского дела. Пресансе отмечал: «Европа не должна и не может допустить, чтобы Армения задохнулась в когтях того режима, который по своим ужасам превосходит самое дерзкое воображение. На совести Европы лежит неоплаченный вексель – Берлинский трактат, по которому [великие державы] обязались осуществить реформы в Армении под контролем государств. Армения – древняя страна с высокой культурой, которая стонет под игом турок и курдов»¹. Затем Пресансе подчеркивал, что он не видит иного выхода, кроме как введение в Армении преобразований в форме муниципальной и административной автономии, осуществление которой должно быть поручено европейским должностным лицам и европейской жандармерии. Опять, – говорил он, – будем довольствоваться векселем Высокой Порты, по которому она в очередной раз станет обещать «ввести преобразования» с помощью своей администрации и судов. Это было бы насмешкой над здравым смыслом и издевательством над стонами несчастного армянского народа. Великий гуманист считал, что ситуация никогда не была такой благоприятной для разрешения армянского вопроса, как сейчас. Высокая Порта, которая вскоре будет просить мира у балканских союзников, одновременно будет искать у Европы помощи и поддержки для того, чтобы залечить раны войны. И поэтому именно сейчас, имея на это все основания, Европа должна заявить Турции: «Прежде всего заплати по армянскому векселю!» Пресансе предвидел, что если Европа и в этот раз не оправдает надежд армянского народа, то Армения невольно превратится в очаг кровопролития, что, разумеется, наконец нарушит олимпийское спокойствие дипломатии, однако уже будет поздно помогать истекающему кровью армянскому народу. Затем Пресансе замечает, что если Европа намерена поделить малоазиатские владения Турции, то в этом случае проблема Армении автоматически исчезнет сама по себе, а если Европе захочется неделимость Азиатской Турции провозгласить как новую международную догму, то ей придется позаботиться об Армении и предоставить ей те минимальные гарантии правового состава, которые предусмотрены 61-й статьей

¹ Русское слово. 1913. № 42.

Берлинского трактата. И только в этом случае «...Армения задышит свободно; и способная, одаренная нация, богатая цивилизация которой поработана многовековым варварским турецким владычеством, станет очагом прогресса и культуры в Малой Азии, чем и являлась во все времена процветающей независимости».

Издавна выступавший в защиту армян известный французский писатель Виктор Берар в № 8 (март 1913 г.) журнала "Pour les peuples d'Orient" выражал тревогу за армян. Он писал, что армяне переживают роковой момент: либо они получают хоть какую-нибудь свободу, либо исчезнут с исторической сцены. Поэтому Европа должна сделать всё для спасения ситуации. Берар не исключал, что и в этот раз европейские политики вновь поднимут шумиху, что это вмешательство в права самостоятельного государства. Однако исходя из прошлого опыта, не надо принимать во внимание советы подобных политиков.

Член французского парламента Берто писал в "Les Annales coloniales": «Армяне сейчас опасаются, что после утраты Македонии вековое турецкое иго со всей тяжестью обрушится на их плечи, если не произойдут какие-то коренные перемены в политике правительства. Армяне опасаются, что фракийские мусульмане переберутся в Анатолию и, собравшись в армянонаселенных местностях, образуют большинство»¹.

Со всесторонним анализом армянского вопроса и последовательной защитой турецких армян выступала марсельская ежедневная газета "Le Sémaphore de Marseille".

Но каким бы сильным и искренним ни был голос поборников армян, тем не менее он не мог стать решающим, так как был скован принудительностью политики правительств. В этой связи рамкаварская газета «Азг» (Бостон, США) писала: «Никакого другого чувства, кроме признательности, мы не можем испытывать к зарубежным армянофилам и, разумеется, выражать им оное, но мы знаем, что их голос и симпатии до сего дня не сумели в какой-то мере склонить в нашу пользу политическую чашу весов. Даже голос Великого Старца – лорда Гладстона – остался гласом вопиющего в пустыне неумолимой дипломатии. Другой ярчайший поборник армян, Клемансо, чье имя так долго украшало обложку журнала "Pro Armenia" в бытность его премьером, ничего не сделал или не смог сделать для того, чтобы положить конец или хотя бы смягчить беды армян»².

Если в прошлом – во времена султана Гаида – армяне связывали с европейскими армянофилами большие надежды, то сейчас уже все понимали, что их поддержка имеет всего лишь моральное значение и не может облегчить невыносимого положения турецких армян.

Тем не менее Эчмиадзин находил, что дальнейшая активизация проармянского движения может оказаться полезной в продвижении

¹ Мшак. № 69, 29 марта 1913 г.

² Азг. № 38, 5 марта 1913 г.

армянского вопроса. Поэтому католикос Геворг V просит Погоса Нубара обратить особое внимание и приложить усилия для того, чтобы придать этому движению максимально возможный размах. Для выполнения поручения католикоса Погос Нубар сразу же предпринял конкретные действия. По его совету видные европейские деятели-армянофилы пытаются создавать в своих странах органы, называвшиеся армянскими комитетами, которые по мере своих сил должны были освещать армянский вопрос посредством литературных или исторических докладов, газетных статей, организовывать различные мероприятия. В работе комитетов принимали участие знаменитые государственные и общественные деятели, известные интеллектуалы и духовные лица. Это были в основном иноплеменники, и действовали они совершенно независимо от армян, но при их действенной поддержке.

Армянский комитет Парижа (Comité Arménien de Paris) действовал в Париже, но имел также свои филиалы в Лионе и Марселе. Председателем комитета был генерал Лакруа, который сплотил вокруг себя элиту французских армянофилов. Ему действительно помогали Ф. Пресансе, В. Берар, Дени Кошен, Р. Пино. Со дня своего основания комитет начал публикацию двухнедельной газеты *Pour les peuples d'Orient* с целью ознакомления французского общества с армянским вопросом, в частности с проблемой и процессом армянских преобразований до того, как он получит удовлетворительное разрешение.

Энергичную поддержку армянскому комитету Парижа оказывали в том числе и не входящие в него многочисленные знаменитые французы: общественные деятели, известные деятели науки и культуры, в особенности историки.

Так, в первой половине 1913 г. в Париже вышло в свет несколько исследований по армянскому вопросу. Среди них выделялся труд Людовика де Контансона «Преобразования в Азиатской Турции: армянский вопрос, сирийский вопрос». Аристократ по происхождению и консерватор по убеждениям, этот знаменитый француз был великодушно осведомлен об истории армянского народа, и новая книга свидетельствует о его теплом отношении к армянам. Он принадлежал к блестящей плеяде защитников лучших традиций французской нации, таких как Дени Кошен, граф де Меон и других. Де Контансон впервые посетил Армению после гамидовских побоищ 1894–1896 гг. и, детально изучив на месте их последствия, отдал свой голос в защиту армян. В 1912 г. он вновь приехал в Турцию и в своей книге описал жестокие нравы этой страны.

Проведя историко-критический анализ и рассмотрев многочисленные статистические материалы, Л. де Контансон пришел к заключению, что существуют четыре варианта решения армянского вопроса: 1) выполнение программы, принятой Абдул-Гамидом в 1895 г.; 2) предоставление Армении автономии; 3) прямое вмешательство

России в дела Армении, вплоть до ее взятия; 4) ликвидация анархической ситуации в армянских областях, которая неминуемо распространится также на остальные области империи и приведет к разделу Азиатской Турции¹.

Большой помощью для французских армянофилов были издававшиеся на французском языке статьи, материалы и брошюры армянских деятелей. Энергичную поддержку французскому комитету оказывали армянские деятели, живущие в Париже, которые в течение долгих лет работали на пользу армянского вопроса.

После длительного перерыва возобновили свою энергичную деятельность английские армянофилы. Действующий в Лондоне Balkan Committee основал армянский комитет (Armenian Committee), который разработал широкую программу мероприятий и предпринял ее осуществление. Он установил тесные отношения с армянскими комитетами Франции, Германии и с другими проармянскими группами Европы.

В состав Лондонского армянского комитета входили не только издавна известные поборники армян (А. Брайс, Н. Бэкстон, Т. О'Коннор и другие), но и представители нового поколения. Комитет предпринял издание ежемесячной газеты, носившей название *Ararat*, первый номер которой вышел в свет в июле.

Позаимствовав сообщение из англоязычной газеты «Дейли график» (Константинополь), армянская газета «Жаманак» сообщила, что на днях в Лондоне у армян был конгресс, на котором председательствовал один из друзей армянского народа, член местного армянского комитета Уильямс, принимали участие персоны, живущие в шести ведущих европейских странах. На конгрессе Погос Нубар представил пространный отчет и дал подробные разъяснения о тех мероприятиях, которые до этого были осуществлены армянской делегацией. После долгих совещаний конгресс постановил: исходя из содержания 61-й статьи Берлинского трактата и Майской программы, предпринять следующие шаги:

1) в течение ближайших нескольких дней предводители армянского народа должны представить министерствам иностранных дел шести великих держав новые обращения;

2) запротokolировать разрешение проблемы Армении в предстоящем мирном договоре между османским правительством и четырьмя балканскими государствами;

3) в целях обеспечения выполнения преобразований в восточных областях Турецкой империи образовать комиссию из армянских деятелей, которые будут представлены султаном и будут подчиняться европейскому комиссару;

4) с этим комиссаром-управляющим должна сотрудничать контрольная комиссия, в которую должны войти европейцы, армяне и мусульмане;

¹ См.: Верацунд. № 1, август 1913 г.

5) преобразования прежде всего должны начаться в гражданской, судебной и экономической областях;

6) доходы Восточной Анатолии, кроме взносов в государственную казну, должны расходоваться для нужд Армении;

7) преобразования должны проходить под контролем великих держав¹.

Намного более трудным было положение армянофилов *Германии*. Вся политическая элита, большая часть научных и интеллектуальных кругов этой страны были увлечены туркоманией, они считали неприемлемыми какие-либо действия, направленные против воли турок, и рассматривали разговоры о необходимости улучшения жизни армян как праздное занятие, противоречащее интересам Германии.

Отбывший на несколько дней из Константинополя в Берлин германский посол в Турции Вангенгейм в своем выступлении в клубе «Тевтония» говорил: «Германия никогда не позволит России оказывать давление на Турцию. Было бы наивным даже думать об этом. Для того, чтобы предоставить кабинету Сазонова свободу действий, Германия никогда не согласится пожертвовать своими интересами в Анатолии. Ни сейчас, ни в будущем мы никому не позволим наложить руку на Анатолию»².

Совершенно противоположного мнения придерживалась гуманистическая интеллигенция Германии, которая продолжала свою энергичную деятельность в пользу армянского народа. Очень результативной оказалась деятельность состоявшего исключительно из немцев Берлинского армянского комитета, во главе которого стоял большой гуманист доктор И. Лепсиус. Сплоченные вокруг него деятели-армянофилы находили, что не важно, с помощью какой из великих держав будет возможно создать мало-мальски человеческие условия для жизни турецких армян, важно лишь само достижение этой заветной цели. Берлинский армянский комитет послал правлению Тифлисского армянского комитета письмо (5 апреля 1913 г.), смысл содержания которого заключался в том, что как бы ни изменялось к лучшему отношение Европы к армянам, всё равно армянский вопрос невозможно разрешить без усилий России³. Позже руководители германского комитета обратились со специальными петициями к английскому и французскому комитетам с предложением действовать сплоченно и солидарно, что последними было воспринято весьма тепло.

По ходатайству Берлинского комитета в начале марта 1913 г. депутация армян посетила Министерство иностранных дел Германии, где узнала многое об отношении правительства страны к армянам. Им было сообщено, что 8–10 лет назад на основании сведений, полученных от своих агентов в Малой Азии, в правительстве сформировалось

¹ См.: Жаманак. № 1470, 28 мая (10 июня) 1913 г.

² Павлович М.П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. М., 1918. С. 78.

³ НАА. Ф. 282. Сп. 1. Д. 43. Л. 3–4.

крайне отрицательное мнение об армянах как о ростовщиках и грабителях, бунтарях и ленивцах, не способных трудиться, как о народе с животными инстинктами. Однако в министерстве также сказали, что, когда обосновавшиеся в различных центрах Малой Азии германские чиновники стали ближе общаться с армянами, то в своих отчетах уже начали давать им совершенно иные, положительные характеристики: отмечалось, что армяне – народ скромный, трудолюбивый, правдивый, деятельный, тянущийся к прогрессу. Немецкие миссионеры, которые в процессе своей деятельности получали всемерную поддержку армян, в посылаемых на родину письмах и докладных сообщали обо всем этом, резко меняя отношение к армянскому народу в лучшую сторону не только у немецкого народа, но и в отдельных властных кругах страны¹.

Швейцарский армянский комитет действовал под руководством Л. Фавра и А. Гофмана. Он состоял в тесных связях не только с армянскими комитетами других стран, но и со знаменитыми армянскими деятелями Европы и, разумеется, с Погосом Нубаром.

Многие из европейских и российских армянофилов, которые не были включены в армянские комитеты и действовали самостоятельно, также вносили свою лепту в дело армянского вопроса. Следует заметить, что никогда еще европейская печать не обращала такого внимания на проблемы армян, как в первой половине 1913 г. На страницах газет и журналов выступали люди самых разных политических ориентаций – журналисты, ученые, писатели, государственные и общественные деятели. Ограничимся лишь одним примером.

Крупнейший французский писатель и гуманист, искренний и самоотверженный друг угнетенных народов, в особенности армянского, Анатоль Франс в 1912–1913 гг. говорил пламенные слова в защиту армян, подписывал воззвания и обращения. Его потрясающе прочувствованные, впечатляющие речи везде вызывали симпатию и желание оказать моральную поддержку армянскому народу, стонущему под игом жестокой турецкой деспотии. Как видим, армянофилы сопереживали беде армян и думали об их спасении не меньше, чем сами армяне. Их сердца были полны сострадания к изнывающему от зверств армянскому народу, страстного стремления оказать реальную помощь.

Но, к сожалению, эти проармянские публикации в европейской печати не давали ожидаемого результата. Их отзвуки в лучшем случае доходили до Константинополя и Измира. Обо всем этом провинции не ведали. В армянских областях утопавшие во тьме невежества массы курдов и турок вообще не имели понятия, что такое печать и тем более – о чем пишут зарубежные газеты.

Несмотря на то что в *России* еще не был образован российский проармянский комитет, армянские интеллектуальные силы страны

¹ См.: *Азг*. № 40, 19 марта 1913 г.

в Петербурге развернули пропагандистско-публицистическую деятельность. Они стимулировали российское проармянское общественное мнение, систематически встречались с прогрессивной интеллигенцией, которая была небезразлична к Армении и армянской проблеме и в прошлом также выступала с различными инициативами. Русская пресса – как официальная, так и неофициальная, как партийная, так и беспартийная – не переставала посвящать обширные материалы армянскому вопросу, печатала статьи и сведения об Армении. Общая направленность печати была на стороне армянского народа. Со всех сторон выражалось мнение, что для спасения турецких армян из этого невыносимого положения необходимо что-то делать и что российское правительство имеет определенные права и обязанности. Необходима была координация всей этой работы руководящим органом, сформировать который пока не удавалось. В конце марта 1912 г. выдвигалось требование скорейшего создания такого органа из русских интеллигентов в поддержку армян.

С целью усиления контактов с российскими правительственными кругами Эчмиадзинский католикосат и Армянское патриаршество Константинополя, а также и парижская Национальная делегация отнеслись с должным уважением к празднествам, посвященным 300-летию дома Романовых. Юбилей весьма торжественно праздновался в течение всего 1913 г. Для участия в юбилейных торжествах по поручению Католикоса всех армян из Константинополя в Петербург отбыла делегация патриаршества турецких армян во главе с архиепископом Нерсесом в сопровождении других высокопоставленных священнослужителей.

Наряду с европейскими деятелями, преданными делу армянского вопроса, встречались и такие, которые стремились очернить и унижить армянский народ. Туркам удалось подкупить и завербовать двух французских фанатичных туркоманов – талантливого писателя и журналиста, академика Пьера Лоти и журналиста Клода Фаррера. В газете “Gil Blas” Лоти, защищая Турцию, пытался убедить европейских читателей в том, что одной из главных причин поражений турок на балканских фронтах являлось предательство воинов-армян, несмотря на то что сами турки признавались в храбрости армянских бойцов. Во второй раз Пьер Лоти солгал уже в “Daily Tel”. Этот яркий армянофоб писал, что, дескать, в Адрианополе временная болгарская администрация решила, что болгары должны были перебить турок, а армяне – греков, и что для этого якобы болгарское командование заранее раздало армянам оружие. Эту подлую клевету развенчали органы армянской прессы, а также решительно отвергли многие русские газеты.

Знаменитый русский писатель и публицист Василий Иванович Немирович-Данченко в своей статье под заглавием «Клевета на смарку» в № 263 «Русского слова» 1913 г. писал, что Пьер Лоти и ему

подобные субъекты бессовестно врут и перед лицом всего мира клеветуют на обездоленный народ.

Особенно «блеснул» Клод Фаррер. В еженедельной газете «Анналь» он разместил две статьи, в которых развернул теорию, что турки – прекрасное племя, что их дело правое, что убийства и зверства – дело рук балканских военных, что погромы, учиненные турками, сильно преувеличены, что все армяне – самые подлые воришки и низменный сброд, которые веками жили за счет турок (!), подобно дармоедам и тунеядцам, и т.д. и т.п.¹

Турок в своем доме всегда отводил просторное место для армянина, – писал Фарэр, – в османских государственных органах армяне даже занимали многие министерские должности и различные высокие правительственные посты, и после всего этого они отвечали бунтами и террором².

Если «Русское слово» и другие российские газеты горячо защищали армян и их дело, то наряду с этим в России были такие газеты и журналы, которые продолжали свой издавна взятый антиармянский курс. В те дни особенно из кожи вон лезла газета «Московские ведомости», желая всячески дискредитировать армянский народ.

КАВКАЗСКИЙ НАМЕСТНИК ТРЕБУЕТ ОТ ЦЕНТРА ПРЕДОСТАВИТЬ ОРУЖИЕ ТУРЕЦКИМ АРМЯНАМ

27 апреля 1913г. к генералу П.Н. Шатилову, помощнику по военной линии кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова, пришла делегация армян Кавказа, в составе которой были глава Тифлисской епархии Месроп, мэр города Тифлиса А. Хатисов, председатель армянского благотворительного общества Самсон Арутюнян, редактор газеты «Мшак» Александр Калантар и член Государственной думы Микаэл Пападжанов. Члены делегации сообщили генералу о своей глубокой озабоченности ухудшающимся положением турецких армян, подчеркивая, что кавказские армяне не могут оставаться безучастными к судьбе своих сородичей. Гонимое Турцией армянство глубоко признательно за оказываемую поддержку, а армяне – российские подданные – твердо верят, что Россия непременно скажет свое весомое слово и заставит Турцию ввести ожидаемые десятилетиями преобразования, которые, наконец, дадут возможность армянскому народу мирно жить и заниматься своими внутренними вопросами. Вместе с тем они говорили, что все армяне прекрасно осознают необходимость проявлять терпение, поскольку обещанная императорским правительством помощь трудно осуществима, тем более в данный политический момент. Они понимают, что нужно время и что следует дожидаться благоприятного часа. Армяне глубоко осознают,

¹ См.: Дрошак. № 4, апрель 1913. С. 61.

² См.: Жаманак. № 1447, 5 (18) апреля 1913 г.

что их священный долг – терпеливо следовать советам правительства и всемерно помогать ему в его труднейшей дипломатической борьбе.

Затем делегация раскрывает перед генералом Шатиловым истинную цель визита. Ход событий принуждает кавказских армян задуматься о возможных средствах смягчения последствий тех широко-масштабных катастроф, которые ожидают в ближайшее время их западных братьев. Все курды вооружены турецким правительством и продолжают вооружаться. В этой ситуации небооруженные армяне ждут помощи, что является насущной потребностью для самозащиты как от курдов, так и от турок. И чем безоружнее жертва, тем более жестокой бывает расправа курда или турка. И лишь стойкая самозащита, пожалуй, может как-то уберечь армян от зверств. От имени всех кавказских армян депутация просит генерала передать их мольбу императорскому правительству – не отказывать в просьбе, и для самозащиты их братьев в Турции передать им необходимое количество оружия, хотя бы берданок и патронов с тем, чтобы тайно переправить его в Турецкую Армению¹. Члены делегации гарантируют, что предоставляемое российским правительством по государственной цене оружие через доверенных людей будет доставлено тем армянам, которые очень нуждаются в нем, и что оно будет использоваться исключительно для самозащиты, да и то лишь в крайних случаях, а не для активных действий².

После встречи с армянской депутацией генерал Шатилов подробно докладывает о ее результатах кавказскому наместнику. Через несколько дней, 2 мая, Воронцов-Дашков направляет обширное сверхсекретное письмо министру иностранных дел С.Д. Сазонову, излагая также свою точку зрения по поводу просьбы армян. Наместник подчеркивал, что в настоящее время для России очень важно укрепление симпатий турецких армян и любви кавказских армян. Отталкивая турецких армян от России, можно вызвать резкое недовольство русских армян в отношении российского правительства. Наместник указывал на то, что окружающее армян мусульманское население целиком вооружено, в то время как для армян в Османской империи возведены всяческие преграды при приобретении оружия³. Затем Воронцов-Дашков обращается к проблеме расселения мухаджиров, вторгавшихся с Балкан в Армению, указывая на то, что турецкое правительство отбирает у армян их землю и заселяет мусульманскими переселенцами, а между тем Россия хранит молчание при всех этих беззакониях. Он советовал правительству обратить серьезное внимание на этот вопрос и предпринять экстренные меры, дабы турецкое правительство в вопросе заселения мухаджиров проявляло рассудительность и не подвергало вновь армянских крестьян притеснениям. «Подобное отношение успокоит армян и укрепит их доверие

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3461. Л. 1об.

² Там же.

³ Там же.

к России»¹, – заключает кавказский наместник. Затем, указывая на угрозу новых бесчинств и широкомасштабных убийств армян курдами, Воронцов-Дашков говорит, что Россия обязана позаботиться о личной и имущественной безопасности турецких армян. Он писал: «Армяне – цивилизованный народ, они стремятся к мирному развитию. Мероприятия гуманитарного характера, которые защитят их религию и возможность мирного труда, более всего будут стимулировать симпатии армян к нам. А вот курды еще полудикий народ, который отнюдь не оценивает благ мирной культуры и который пока что уважает лишь силу. Поэтому с нашей стороны по отношению к ним требуется непреклонность, основанная на силе и справедливости. Таким образом, мероприятия, направленные на то, чтобы оградить армян от курдов, за нами закрепят симпатии первых и уважение вторых – вещь, которая, в свою очередь, может помочь нам найти основы для примирения этих двух народностей.

Сообщая Вашему высокопревосходительству обо всем вышеупомянутом, покорнейше прошу Вас не отказать и держать меня в известности о тех решениях, которые Вы найдете нужным принять относительно армянского вопроса на его нынешнем этапе»².

ОБЪЕДИНЕННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОАРМЯНСКИХ КОМИТЕТОВ

Лондонский армянский комитет, который в основном состоял из членов британского парламента, призвал другие европейские комитеты отправить в Лондон по одному делегату для принятия участия в предстоящем собрании, на котором следует обсудить и уточнить тот курс, который должен помочь армянским деятелям в осуществлении мероприятий в разных странах. Однако швейцарский комитет послал в Лондон вместо одного человека целую делегацию. Исключением была Россия, откуда не был послан ни один делегат, так как там *еще* не был сформирован проармянский комитет.

Из Парижа Погос Нубар-паша послал письмо Петербургскому армянскому кружку, в котором писал о том, что считает крайне необходимым присутствие на Лондонской конференции хотя бы одного видного русского деятеля, заботящегося о судьбе армянского народа. Кружок нашел целесообразным обратиться к крупному, всемирно известному ученому и видному общественному деятелю Максиму Ковалевскому, который в этот момент находился в Париже. Узнав об этом, Погос Нубар встретился с Ковалевским и обсудил с ним

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3461. Л. 1об.-2

² Там же. Л. Зоб. – 4. (Нам не удалось выяснить, какой отклик имело письмо кавказского наместника в российском правительстве. Во всяком случае, в архивах России мы не нашли документа о принятии или отказе от предложения наместника о предоставлении оружия турецким армянам. Вероятно, предложение было отвергнуто, так как в это время российское правительство надеялось воздействовать дипломатическими средствами на Высокую Порту в вопросе улаживания армяно-курдских отношений. – Г. С.).

в личной беседе тот же вопрос. Последний обещал Нубару принять участие в конференции, однако по неизвестным причинам он не поехал в Лондон. Но тем не менее на имя председателя конференции он послал письмо следующего содержания:

«Уважаемый председатель!

Его превосходительство Погос Нубар-паша имел со мною беседу относительно армянского вопроса, которым [я] не переставал интересоваться с того самого момента, когда мой товарищ, доктор Лорис-Меликов, организовал в Париже и Европе демонстрации протеста в пользу Армении.

Хочу воспользоваться случаем в связи с предстоящим вашим собранием и от своего имени и моих сотрудников (редакции “Вестника Европы”) выразить нашу симпатию, которую вселяет в нас армянский народ. Мы болеем за прошлые и нынешние страдания армян и выражаем свое желание, чтобы Европа обеспечила право этого народа на жизнь, которое было ему обещано еще со времен Берлинского трактата и меморандума 1895 года.

Благоволите принять, Ваша милость, уверения в моем глубоком почтении.

Максим Ковалевский,
Париж, 24 апреля 1913 г.»¹

25 апреля 1913 г. в одном из залов Парламента Великобритании была созвана конференция европейских армянофильских комитетов, посвященная проблеме продвижения армянских преобразований в Турции. В работе конференции участвовали: от имени английского комитета – члены парламента Аннан Брайс и Б. О’Коннор, Ноэл Бикстон, Эдвард Койл, Артур Бонсоп, В. Тюттерфорд, Гарольд Бендер, Анри Уильямс, Артур Саймонс; от французского комитета – Робер дю Ке; от германского комитета – Иоганнес Лепсиус; от швейцарского комитета – Леопольд Фавр, Ренэ Кабарет, Адольф Гофман. Для присутствия на конференции были также приглашены Армянская национальная делегация (Погос Нубар и Артин Мостичян) и несколько видных членов армянской колонии в Великобритании (проф. Туманян и Т. Асламян, от Манчестерского армянского комитета – Г. Фндглян, С. Иблигчян, М. Манукян)².

Председателем конференции был избран Анри Уильямс. Он в своей речи приветствовал присутствующих и выразил надежду на то, что конференция сплоченно включится в разработку такой политики в отношении будущего Армении, которая будет продуктивной с точки зрения воплощения надежд армянского народа. Под бурные аплодисменты присутствующих он подчеркнул: «Для каждого из нас великая честь присоединиться к усилиям, приложенным высокопочтимым Погосом Нубаром. Программа, за которую он взялся, в нынешних

¹ ПЗ ПАК. Т. I. Л. 241–243.

² НАА. Ф. 54. Сп. 5. Д. 34. Л. 15.

условиях является единственно возможным требованием, которому следует придать силу»¹. Затем председатель обратился к Погосу Нубару, попросив его выступить и представить конференции свои планы. Взяв слово, Нубар-паша обратился к депутатам на французском, разъясняя важность тех умереннейших начинаний, которые необходимы для удовлетворения элементарных нужд турецких армян. От имени всей делегации он представил присутствующим ноту, составленную согласно инструкциям Католикоса всех армян и основанную на 61-й статье Берлинского трактата и Меморандуме 1895 г. Затем он призвал присутствующих внимательно изучить программу, представленную от имени католикоса, и способствовать тому, чтобы, в случае представления документа на рассмотрение государств, миссия увенчалась успехом и способствовала окончательному решению восточного вопроса.

После Погоса Нубара слово взял пастор Иоганнес Лепсиус. Выступив на немецком языке (на английский переводил Понсонби), он призвал всех, не щадя сил, довести до сознания правительств держав, что установление мира для Армении означает также мир для Европы². Он заявил также, что правительство Германии станет содействовать делу преобразований в Армении, но если оно будет осуществляться не только одной Россией³.

Эта точка зрения заслужила одобрение всех участников конференции, и все последующие ораторы заявили, что любая программа, не содержащая международного противовеса, не может иметь шанса на успех. Все проявили единодушие в вопросе общего правителя, то есть последний должен назначаться султаном, но находится *под покровительством* государств.

Затем выступали Робер дю Ке, Фавр и Брикстон. Последний в конце своей речи предложил принять следующее промежуточное постановление: «Каждый из участников этой конференции обязан поддерживать сформированный в своей стране [армянофильский] комитет в стабильном рабочем состоянии. Комитеты должны вести работу по формированию общего мнения в своих странах во благо армянского вопроса и непрерывными усилиями оказывать воздействие на свои правительства во исполнение необходимых преобразований, а также сохранения целостности Османской империи. Комитеты должны установить друг с другом постоянные связи». За этот проект Брикстона проголосовали единогласно⁴. Член британского парламента А. Брайс предложил присутствующим предпринять непосредственные меры для действенного давления на свои правительства, используя и активную пропаганду. Ту же точку зрения выразили О'Коннор, дю Ке, Лепсиус, Фавр и другие депутаты.

¹ НАА. Ф. 54. Сп. 5. Д. 34. Л. 16.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 18.

Конференция единогласно приняла текст заявления, составленного представителями армянофильских комитетов Англии, Франции, Германии и Швейцарии, который содержал следующие пункты:

1. Беды армянского народа требуют внимания и участия со стороны Европы. Вопреки предложениям, содержащим преобразования по Берлинскому трактату и Меморандуму 1895 г. (которые были приняты и изданы также османскими властями), по причине усугубления народного страдания ныне необходимо, чтобы армянский вопрос был вновь принят к рассмотрению всеми европейскими государствами.

2. Сразу по окончании Балканской войны государствам следует считать решение армянского вопроса важной частью общей безопасности.

3. Согласно единому обязательству армянофильских комитетов, представленных на этой конференции, каждый из них должен представить своему правительству это заявление и следующие требования: а) верховным комиссаром должен стать европеец, он должен получить общее согласие государств и быть назначен на должность приказом султана; б) из представителей государств составить постоянную комиссию, которая будет наблюдать за ходом преобразований; в) избираемое общее собрание вилайета должно состоять наполовину из армян и наполовину из мусульман; г) по тому же принципу должны комплектоваться местная жандармерия и полиция; д) необходимо коренным образом улучшить судебные и финансовые дела; е) ущерб, нанесенный бывшим владельцам захваченных земель, должен компенсироваться за счет их присвоителей; ж) принимать строгие меры против захватнических действий курдов и других кочевых племен.

4. Уважать целостность османского государства и не требовать ничего, кроме преобразований.

5. Данная программа должна быть принята не только государствами, но и османским правительством, тем более что ее внедрение станет полезным в равной степени для всех подданных, поскольку устанавливаемая в армянских провинциях безопасность жизни и имущества, создание хорошего управления поспособствуют накоплению богатства и финансов и значительно поправят коммерческие дела.

6. Великие державы должны обратить внимание на те опасности, которым подвергнутся армянские провинции, когда на их территорию хлынут мусульманские беженцы из Европейской Турции и воевавшие на Балканах турецкие воины.

7. Экземпляры данного постановления необходимо послать на очередное заседание Международной финансовой комиссии, созываемой в Париже, и министерствам иностранных дел великих держав¹.

¹ Там же. Л. 19.

Конференция единодушно признала законность и справедливость армянских требований.

Обо всем этом Погос Нубар оповещает католикоса Геворга V в письме от 25 апреля 1913 г.: «Рад благовествовать Вашему Святейшеству о том, что сия конференция была весьма интересной и важной»¹. Он подчеркивает, что собрание европейских армянофилов в заключение единодушно проголосовало за предложение, согласно которому комитеты берут на себя обязательство результативно действовать в своих странах и убеждать свои правительства вмешаться в дело армянских преобразований. Однако Погос Нубар был всё-таки сильно обеспокоен и через несколько дней в письме католикосу от 29 апреля 1913 г. писал: «петербургский или тифлисский комитет еще не сформирован. Весьма желательно, чтобы в России был сформирован комитет, состоящий только из русских, а не армян – по примеру других стран. Мы будем пребывать в надежде, что благодаря высокому ходатайству Вашего Святейшества сия нужда будет немедленно восполнена»².

СОЗДАНИЕ ЕДИНОЙ ПРОГРАММЫ АРМЯНСКИХ РЕФОРМ И ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОССИЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

В первые месяцы 1913 г. проекты программ преобразований в Армении были одновременно разработаны Армянской национальной делегацией (Париж), Патриаршеством турецких армян (Константинополь), Национальным бюро (Тифлис) и Петербургским армянским кружком. На базе всех этих проектов в начале апреля 1913 г. в Армянском патриаршестве Константинополя был составлен окончательный вариант единого проекта программы преобразований в Армении. К этому документу была приложена географическая карта, на которой были точно указаны границы шести армянских областей, а также демографическая таблица, отражавшая плотность населения и численное соотношение между армянами и мусульманскими этническими элементами в отдельности.

Приняв в своем доме первого драгомана российского посольства в Константинополе Андрея Мандельштама, армянский патриарх официально вручил ему проект единой программы по благоустройству шести армянских областей. Обратившись к послу на французском, Его Преосвященство отметил, что, хотя патриаршество несколько задержало составление проекта программы преобразований, но это было сделано сознательно – для более серьезного изучения и анализа вопроса, чтобы программа отражала муки и страдания, пережитые его паствой. «Мы не требуем независимости, а лишь безопасности

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 34. Л. 20.

² Там же. Л. 25.

нашей чести, жизни и имущества». Вручив Мандельштаму проект, который патриарх просил от имени всего армянского народа представить послу М.Н. Гирсу. «Вы увидите, – говорит Святейший, – что содержащиеся в проекте предложения весьма скромны и, основываясь на общих законах страны, сохраняют даже административную форму, учитывая систему децентрализации и принцип равноправия наций. Вам лишь остается решить: вводить их с помощью турецкого правительства или делать это вам самим?»¹

Одновременно патриарх выразил опасение, не ждет ли и эту программу такой же плачевный конец, как предыдущие. «Если вы не собираетесь делать для нас что-то, – сказал он, – пожалейте нас, ибо последствия будут катастрофичными для армянского народа, веками терзаемого! Прошу, чтобы досточтимый посол мольбы мои благоизволил принести к ногам Священнейшего Кесаря Великой России»².

В ответ первый драгоман выразил надежду, что минимальные требования армян в этот раз будут удовлетворены.

В конце патриарх сообщил о том, что в кратчайшее время патриаршество представит обоснование проекта программы преобразований, где будут изложены аргументация и толкование каждой статьи³.

После выхода на арену единого проекта М.Н. Гирс выражает желание ознакомиться с документом. Патриарх посылает его российскому послу. После внимательного изучения проекта посол выражает свое пожелание встретиться с представителями патриаршества и партии «Дашнакцутюн». Встреча состоялась 12 апреля в российском посольстве. Со стороны патриаршества участвовал Григор Зограп, а от дашнакской партии – доктор Завриев и Симон Заварян.

После любезного приема посол сообщил армянским делегатам о том, что представленная патриаршеством единая программа произвела на него хорошее впечатление. Однако по тексту проекта он сделал замечания. Первое замечание Гирса касалось вопроса верховного европейского комиссара (Haut commissaire). В тексте программы патриаршества предусматривалось назначение для шести армянских областей верховного европейского комиссара, предложенного европейскими странами и утверждаемого султаном.

Требование такой формы правления, говорил Гирс, противоречит державным правам султана и предполагает сепаратистские стремления. Эта форма правления не имеет прецедента, и очень вероятно, что она будет отклонена как европейскими государствами, так и султаном. Поэтому Гирс считал, что следует пересмотреть эту статью и требовать верховного комиссара, назначаемого султаном с согласия европейских государств. Этот комиссар может быть и европейцем, и османцем, но, разумеется, должен быть христианином.

¹ Эчмиадзин. Февраль – март – апрель, 1965. С. 164.

² Там же. С. 165.

³ Там же.

Второе замечание Гирса касалось требования программы патриаршества, согласно которому верховному комиссару предоставлялось право, исходя из общих законов страны и в соответствии с местными нуждами, принимать должные законы и издавать соответствующие своды канонов. Это право, заметил посол, предоставляется только лишь общему областному собранию.

Третьим замечанием было то, что в программе предлагалась «половинная» представленность мусульман и христиан в выборных органах. Между тем ни в одной из армянских областей армяне не составляют большинства¹.

После принятия к сведению замечаний и пожеланий, по словам посла, проект будет немедленно отправлен в Петербург. В конце встречи он сказал армянским делегатам, что для армян важно сохранить сдержанность и рассудительность, что долг армянских деятелей – не дать турецким властям выгодных возможностей².

Сочувственное отношение российского посла Михаила Гирса было с радостью воспринято армянскими делегатами. Они заявили, что его пожелания, безусловно, будут учтены и что они с величайшим доверием передают единый проект преобразований под правомочие России.

Что касается Погоса Нубар-паши, то он с глубоким осознанием своей миссии продолжал поездки по европейским странам и встречи с высокопоставленными должностными лицами. 29 апреля из Парижа он писал католикосу: «В конце этой недели я снова должен отправиться в Лондон для встречи с Эдвардом Греем, который тогда еще не вернулся из поездки в Шотландию. Предстоит также встреча с М. Извольским, которого в Лондоне не было»³.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II ОДОБРЯЕТ АРМЯНСКИЙ ПРОЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Патриарх армян Турции архиепископ Ованнес Аршаруни в своем письме за № 66 сообщает в Париж Погосу Нубар-паше о том, что единая программа преобразований «преподнесена послу Гирсу, который ныне ее изучает и через 8–10 дней сообщит нам свое окончательное мнение», после чего он эту программу вместе с пространной справкой «преподнесет царю владыке России». Затем, «ежели подготовленная нами программа вместе с обоснованием будет удостоена высочайшего одобрения, то, очевидно, уже станет невозможным

¹ Эчмиадзин. Февраль – март – апрель, 1965. С. 165–166.

² Тот же совет армянам давали английские и французские дипломаты. Например, первый секретарь английского посольства в Константинополе Фицморрис советовал представителю армянского патриарха «как можно больше молчать, никогда не ссориться с османским правительством, действовать бесшумно, предоставляя зарубежным колониям продвижение армянского вопроса, разумеется, при воздействии, авторитете и ходатайстве Всеобщего патриарха всех армян» (Эчмиадзин. Февраль – март – апрель, 1965. С. 163).

³ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 34. Л. 20.

внесение каких-либо изменений, и мы окажемся перед свершившимся фактом»¹. Вскоре российское правительство через своего посла в Константинополе сообщило армянскому патриарху о том, что проект с несколькими несущественными поправками принят императором. Затем, будучи проинформированным из Эчмиадзина о благоволении Николая II к армянскому вопросу, патриарх продолжал: «Русское правительство по приказу царя, взяв обязательство в признании чаяний армянского народа, возложило тяжесть задачи на русского посла в Константинополе, именно по этой причине, естественно, последний будет делать всё, чтобы не допустить упущений в своих обязанностях, то есть – не уступать представителю другой державы инициативы в благоустройстве положения турецких армян, а исполнить волю владыки царя»².

Патриарх был уверен, что этот ход событий не противоречит принципам Погоса Нубара, ибо последний также был убежден, что истинный защитник и инициатор армянского вопроса – Российское правительство – доведет до конца взятое на себя дело. «Без нее [России], – продолжал патриарх, – мы не сумеем обеспечить успех нашего дела, и следует всегда консультативно действовать с представителями русского правительства»³.

Более того, у патриарха было опасение, что чрезмерно активная деятельность русской дипломатии, в особенности константинопольского и парижского послов, в пользу армянского дела может вызвать противодействие великих европейских держав и тем самым навредить общему делу. Поэтому надо было сделать всё возможное, чтобы «из-за добросовестности и усердия русских послов в разных столицах, особенно в Константинополе и Париже, не нанести вреда [нашему] делу и чтобы решение нашего вопроса не задерживалось или не стало объектом противоречий»⁴.

Несмотря на обоснованность определенных опасений, в армянском народе с новой силой возрождалось безоговорочное доверие в отношении России как державы, сыгравшей определяющую роль в исторической судьбе армянского народа. В эти дни страницы армянской, особенно кавказско-армянской печати были полны статей и материалов, прославляющих Российскую империю, ее монархов-армянофилов, вновь печатались оценки, посвященные России известными армянскими деятелями, в частности Хачатуром Абовяном, Лазарянами (Лазаревыми), Степаносом Назарянцем и другими. Подчеркивалось, что в новые времена первую мольбу-обращение народа к России сформулировал Хачатур Абовян в своем творении «Раны Армении», и потому его имя священо для каждого

¹ Можно предполагать, что о положительном отношении российского императора к армянской программе преобразований католикосу Геворгу V сообщил наместник Воронцов-Дашков.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 34. Л. 1, 2.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 1, 2.

армянина. «Сердца всех нас полны любви и благодарности к его безвестной могиле, к его бессмертной памяти», – читаем в письме с подписью «Айорди» (сын Армении), адресованном католикосу¹.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В ПАРЛАМЕНТАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИТАЛИИ

В первой половине 1913 г. в Палате общин (парламенте) Британии дважды обращались к армянскому вопросу. Безусловно, это было следствием мощного проармянского движения, развернувшегося в стране. В парламенте 8 мая 1913 г. с заявлением выступили Эммен Брайс и Т.Б. О'Коннор. В своей пространной речи Брайс, кратко коснувшись вопросов Албании и Карадага, обстоятельно остановился на армянском вопросе. Свою речь он начал с того, что со времен Берлинского трактата 1878 г. не было такого благоприятного момента для окончательного решения армянского вопроса. Оратор самым важным считает безопасность жизни христианского населения в Османской империи, чего в этой стране не существует. Именно по этой причине, – говорит он, – часть армянского населения связывает свои надежды с вмешательством России, хотя его большая часть пока не желает видеть свою страну присоединенной к ней. Целью всех армян является сохранение своей нации и своей церкви. Они хотят пока быть частью Османской империи, но если их мучения будут продолжаться, то они, отчаявшись, в конце концов бросятся в объятия России.

Брайс предлагает не предоставлять Турции финансовой и иной помощи до тех пор, пока она не выполнит преобразований как в армянских областях, так и в населенных армянами районах Киликии. В конце своего выступления он просит министра иностранных дел Эдварда Грэя «вместе с представителями других держав принять требования армян как благоразумные, которые сами по себе весьма умеренны»², и никогда не забывать о том, что Великобритания имеет особые обязательства в отношении армян³.

Затем взял слово избранный от Ливерпуля депутат О'Коннор. Сначала он отметил, что только в Лондоне создано два проармянских комитета, что таковые сформированы и активно действуют также в Париже, Берлине, России, Швейцарии и других местах. Нет страны, где бы не знали о мытарствах армян и не были готовы облегчить участь несчастных людей. Несмотря на это, в Османской империи продолжают бесчинства и хаос, что делает невозможным продвижение турок к прогрессу. Именно по этой причине требующие преобразований для Армении уверены в том, что они будут полезны и для местных мусульман. О'Коннор считал, что Англия не имеет права

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 84. Л. 12.

² Последние стадии армянского вопроса / сост. З. Н. и М. Казмарарян. Константинополь, 1914. С. 69–70.

³ Там же. С. 70–72.

не участвовать в этом великом движении, которое начато в Европе для спасения армян от дальнейших страданий. Для решения армянского вопроса удобным является именно нынешний момент, так как Турция просит у Европы большой финансовой поддержки. Следует отказать ей в этой просьбе, пока османское правительство не гарантирует проведения в своих провинциях благоустройств¹. В конце речи О'Коннор назвал неправильным то, что правительство не проявляет должной активности в вопросе преобразований в Армении, и призвал делать более решительные шаги для продвижения этого вопроса².

Оба депутата указали на пути решения вопроса: преобразования в Армении должны выполняться при гарантии и под наблюдением Европы³.

После выступлений Брайса и О'Коннора выступил заместитель министра иностранных дел Экланд. Он приветствовал выступления обоих депутатов «за то, что они подняли крайне важный вопрос», затем объявил, что весьма уместны все те предложения, которые направлены на благоустройство восточных областей Турции. Стране нужно хорошее правительство, которое сумело бы выполнить это. Он выразил твердую уверенность в том, что после прекращения войны между Турцией и балканскими союзниками, заключения мира и разрешения возникших проблем Англия вместе с другими державами обратится к проблеме восточных областей Армении, в частности имея в виду требования армян⁴. В конце Экланд обосновал умеренное поведение своего министерства и подчеркнул, что совместно с другими державами его ведомство будет продолжать последовательную работу по достижению согласия с Турцией⁵.

Армянский вопрос в английском парламенте был поднят также 29 мая 1913 г. На вопрос депутата О'Коннора, в какой стадии находится решение проблем турецких армян, министр иностранных дел Эдвард Грей ответил, что требования армян предельно умеренны, что они не желают ни автономии, ни присоединения к какой-либо державе, а хотят оставаться османскими подданными и в меру своих возможностей гарантировать целостность турецкой империи. Они требуют лишь преобразований и гарантий их проведения, которые обезопасят их жизнь, имущество и обеспечат справедливость. Европа уверена, что в Армении больше не будет побоищ, а гарантией этому является исполнение преобразований в условиях европейского контроля. Грей был убежден, что высшие власти Турции отныне не будут возражать против европейского противовеса⁶.

После пояснений министра взял слово О'Коннор и процитировал интервью корреспондента газеты «Дейли телеграф»

¹ Жаманак. № 1451, 9 (22) марта 1913 г.

² Последние стадии армянского вопроса. С. 72–74.

³ Там же. С. 72.

⁴ См.: Жаманак. № 1451, 9 (22) мая 1913 г.

⁵ См.: Последние стадии армянского вопроса. С. 74.

⁶ См.: Жаманак. № 1463, 21 мая (4 июня) 1913 г.

с престолонаследником Турции, который заявил, что любой европейский контроль исключается.

Затем депутат Понсонби напомнил о том, что в прежние времена Турция неоднократно принимала на себя выполнение программ по преобразованиям в Армении, но ни одной из них она не выполнила. Поэтому сейчас *следует принудить* Турцию, чтобы новую программу не постигла та же участь¹.

В конце заседания снова выступил министр иностранных дел Грей с неопределенной и нейтральной позицией. Он подчеркнул, что задача преобразований Азиатской Турции крайне важна, и поэтому в ее решении глубоко заинтересованы те государства, которые имеют там свои интересы. Вот почему необходимо всячески помогать Турции, дабы сразу же после окончания Балканской войны она без промедления приступила к крайне важному делу преобразований².

Обмен мнениями вокруг армянского вопроса в парламенте широко освещался в газетах «Таймс» и «Дейли телеграф» за 30 мая.

А 18 мая к армянскому вопросу обратился также парламент Италии. В этот день представитель министерства иностранных дел подробно проинформировал о работах, проводящихся по армянским преобразованиям. На вопрос парламентариев, какие конкретные шаги предпринимает итальянская сторона по установлению спокойствия в Армении, чиновник внешнеполитического ведомства ответил, что правительство через своего посла в Константинополе периодически осведомляется о том, что происходит вокруг армянского вопроса, и уверен, что мир и спокойствие в Турции зависят от разрешения этого вопроса. Он также отметил, что для продвижения вопроса итальянское правительство предложило Высокой Порте свои услуги в проведении в Азиатской Турции реорганизации политического управления³.

Итальянский парламент обратился к армянскому вопросу 31 мая. Депутат Калли выступил с запросом по положению армян. Советник министерства иностранных дел князь Скалеа, отвечая на запрос, сказал, что итальянское правительство «продолжает в рамках международного приличия следить за процессом переговоров вокруг армянского вопроса». До сих пор, – продолжал князь, – ситуация в Армении кажется угрожающей. Италия, которая желает укрепления территориальной целостности Османской империи в Азиатской Турции, полагает, что в этой стране мир и спокойствие в большей мере зависят от урегулирования армянского вопроса. Итальянское

¹ Выступления Э. Грея и двух депутатов в английском парламенте о необходимости европейского противовеса вызвали резкое недовольство в турецкой печати. Один из лидеров партии «Мусават», созданной в среде кавказских турок в 1911 году, Ахмед Агаев, «одна нога которого была в Баку, а другая – в Стамбуле», в номере за 23 мая (5 июня) тамошней газеты «Терджуман» критиковал указанных английских политических деятелей, расценив их позицию как грубое вмешательство во внутренние дела османского государства (См. Жаманак. № 1466, 24 мая (4 июня) 1913 г.).

² Жаманак. № 1466, 24 мая (4 июня) 1913 г.

³ Оризон. № 110, 21 мая 1913 г.

правительство должно обратиться к Высокой Порте по этой проблеме, дабы Турция знала, что Италия, как и все другие державы, убеждена в том, что Османская империя, посвящая саму себя политической и административной реорганизации своих восточных областей, послужит делу цивилизации и человечества»¹.

Коснувшись упомянутого запроса и ответа на него, телеграфное агентство Италии сообщило: «Советник министерства иностранных дел князь Скалеа, отвечая на запрос депутата Калли, объяснил, что итальянское правительство в пределах международной пристойности интересуется армянским вопросом в Малой Азии и Италия весьма желает укрепления территориальной целостности Турции и ее экономического развития. Советник [министерства] иностранных дел надеется, что мир и спокойствие не будут омрачены в Армении, потому как он полагает, что это является одним из важнейших средств укрепления Османской империи»².

Армянская константинопольская газета «Бюзандион» 29 мая также коснулась хода обсуждений армянского вопроса в итальянском парламенте и поместила новый отрывок из выступления Скалеа. В нем с прискорбием отмечалось: «Спустя тридцать пять лет после Берлинского трактата в Армении ничего не сделано для осуществления преобразований, предусмотренных упомянутым трактатом. Тем более что при безучастном попустительстве Европы был дан повод для более жестоких насилий в этой стране, тем самым добавив новые кровью написанные страницы в ее историю в бытность Гамида»³.

Затем выступил депутат Калли и перечислил все преступления, которые учинялись в отношении армян. Он напомнил, что в бытность Гамида погибли сотни тысяч армян, и с болью отметил, что великие державы по сей день не удосуживаются принять действенные меры против турецких деспотов, дабы сдержать их жестокость и создать элементарные условия для христианского армянского народа (присутствующие отозвались на выступление Калли аплодисментами и сочувственными репликами)⁴.

Однако как в Палате общин Англии, так и в парламенте Италии в эти месяцы произносимые об армянах речи, а также благожелательные выражения, звучавшие в различных европейских кругах, не дали и не могли дать ощутимого результата.

ВЫБОР МЕСТА ПЕРЕГОВОРОВ ПО АРМЯНСКОМУ ВОПРОСУ

В статье «Армяне и турецкий кризис», напечатанной в «Русских ведомостях» 22 (9) декабря 1912 г., А. Дживелегов писал о том, что

¹ См.: Бюзандион (рус. *Византия*, Константинополь). № 5048, 20 мая (2 июня) 1913 г. (на арм. яз.).

² Там же.

³ Там же. № 5056, 29 мая (11 июня) 1913 г.

⁴ Там же.

в Лондоне представители держав избегают в связи с событиями на Балканах обсуждать положение армян и предлагать какой-нибудь выход. Он считал, что Россия, как наиболее заинтересованная в решении армянского вопроса, обязана поднять его в Лондоне и включить в повестку дня конференции послов¹. А несколько раньше, в конце ноября 1912 г., корреспондент немецкой газеты "Berliner Tageblatt" спросил министра иностранных дел Турции Габриэла Норатункяна, будет ли необходимость в новой конференции европейских послов после заключения мира между Балканскими странами и Турцией. Министр дал уклончивый дипломатический ответ: «Мне это не кажется необходимым, однако, может, великие державы найдут нужным упорядочение каких-то вопросов, касающихся их интересов»².

Один из высокопоставленных английских дипломатов, осведомленный об этой точке зрения, сделал заявление, которое после издания в британской печати вышло в переводе в константинопольской армянской газете «Жаманак». Дипломат сказал, что «армянский вопрос в настоящий период находится в своем наилучшем положении»³, но добавил, что Лондонская конференция не наделена полномочиями изменять статьи Берлинского трактата касательно Македонии и Армении, поскольку она является лишь конференцией представителей правительств, а Берлинский трактат был заключен на международном конгрессе, следовательно, он может быть изменен только лишь на новом международном конгрессе представителей шести великих держав. Но, несмотря на это, дипломат был уверен в том, что державы с помощью установления международного контроля в Армении смогут осуществить преобразования⁴.

В самом деле, Англия, ссылаясь на перегруженность повестки дня Лондонской конференции послов и на то, что она призвана рассматривать только проблемы, возникшие вследствие Балканской войны, предложила оставить армянский вопрос за ее рамками и поставить его на рассмотрение новой Лондонской конференции не на уровне министров иностранных дел великих держав, а их послов в Англии. Более того, английская дипломатия разработала перечень вопросов и принципов, подлежащих рассмотрению на будущей конференции⁵. Россия дала согласие на этот перечень, но в то же время пожелала, чтобы обсуждение происходило между послами держав в Константинополе, аргументируя тем, что они лучше осведомлены о турецкой действительности, чем лондонские послы. В конце концов Россия добилась этого, и ее точка зрения была принята⁶. Одновременно Россия обратилась к правительствам держав, чтобы они поручили своим послам в Константинополе подготовить

¹ См.: Русские ведомости. 22 декабря 1912 г.

² См. перевод на армянский этого интервью в газете «Араджамарт». № 1069, 24 ноября (6 декабря) 1912 г.

³ Жаманак. № 1447, 5 (18) апреля 1913 г.

⁴ Там же.

⁵ См.: Ерадзайн (рус. *Весть издалека*). № 11, 2 (15) февраля 1913 г. (на арм. яз.).

⁶ См.: Малезян В. На моем пути: сборник мемуаров. Париж, 1950. С. 316. (на арм. яз.).

обоснования программы преобразований в Армении, которая будет представлена Высокой Порте для ее внедрения в армянских областях.

С этого момента Россия начала играть ведущую роль в вопросе преобразований в Армении.

Узнав об этой новости в Париже из официального источника, Погос Нубар нашел целесообразным сразу же обратиться к представителям держав в Париже. Он известил католикоса о том, что они все проявили весьма благоприятное отношение и единогласно приняли, что страдания турецких армян можно положить конец выполнением преобразований, причем лишь после Балканской войны¹.

У трех государств Антанты не оказалось каких-либо неразрешимых проблем в процессе создания константинопольского совета представителей посольств (посольского совета). Но германское правительство выдвигало всевозможные предлоги для срыва начатого дела, однако в конце концов уступило и поручило своему послу в Константинополе Гансу фон Вангенгейму примкнуть к послам других стран. Следуя за своим союзником, Австрия и Италия тоже дали согласие и поручили своим константинопольским послам на предстоящей конференции при обсуждении армянского вопроса действовать сообща с послом Германии.

Состав константинопольского собрания послов был следующий: М.Н. Гирс (Россия), Л. Малет (Англия), М. Бомпар (Франция), маркиз И. фон Паллавичини (Австрия), Г. фон Вангенгейм (Германия), Гарони (Италия). Собрание должно было проходить под председательством австрийского посла Паллавичини².

Посольский совет был уполномочен разработать совместную программу армянских преобразований. После двух-трех заседаний послы сформировали комиссию из своих драгоманов и секретарей, которым было поручено подготовить первоначальный вариант программы преобразований, приемлемый для всех сторон. Двумя самыми примечательными членами комиссии были первый секретарь английского посольства Фицморрис и драгоман русского посольства Мандельштам. Они очень хорошо изучили Восток и особенно Турцию, были очень хорошо знакомы с нуждами и потребностями Армении. Члены комиссии начали изучать старые и новые дипломатические документы и другие источники, относящиеся к Армении. В сравнительно короткий срок они представили на обсуждение проекты программы. Свою программу представило также турецкое правительство.

Для того чтобы сорвать договоренность, достигнутую великими державами по армянскому вопросу, турецкое правительство прибегло к очередному коварному шагу. В Лондоне 2 мая 1913 г. турецкий посол Тевфик-паша обратился к английским властям и от имени своего правительства попросил послать в Турцию инспекторов, чтобы

¹ НАА. Ф. 282. Сп. 1. Д. 49. Л. 15.

² См.: Аветабер. № 28, 12 июня 1913 г.

в ходе проведения преобразований в армянских областях они содействовали областным властям.

Цель Высокой Порты была ясна: спровоцировать противоречия между Англией и Россией, поскольку последняя не потерпела бы присутствия английских чиновников в Армении, которую она считала сферой своего влияния.

Естественно, российская сторона выступила с решительным протестом, подчеркивая, что она не может пребывать в роли безучастного наблюдателя и спокойно смотреть на то, что происходит в сопредельной Армении. Категоричная позиция русской стороны отрезвила английские власти. Не желая осложнять свои отношения с Петербургом, они решили пока не идти навстречу Высокой Порте.

Это событие принудило Россию активизировать дипломатическую деятельность и ускорить обсуждение проекта программы армянских преобразований, подготавливаемого ее представительством в Константинополе.

Усилия России, направленные на сплочение правительств держав вокруг идеи армянских преобразований, вызвали сердечный отклик в армянских кругах. Со всех концов мира шли в Петербург и в российские посольства в Европе благодарственные телеграммы и письма. Сразу же после получения вести о предпринятой правительством России инициативе Погос Нубар нанес визит в российское посольство в Париже и от имени Национальной делегации вручил послу Извольскому благодарственную записку. Одновременно он просил посла высказать императору Николаю II глубочайшую признательность от имени всего армянского народа.

В этот роковой момент армянские политические и общественные деятели продолжали искать выход из создавшейся для армян жесточайшей ситуации. Армяне всё еще продолжали думать, что европейская дипломатия руководствуется гуманистическими идеями, несмотря на то, что абсолютное большинство армян многократно разочаровывалось в этом. Армянский народ так и не разуверился и не понял, что официальная Европа руководствуется только корыстными целями, но всегда облакает эту корысть в привлекательные формы и пустые посулы. Европейские гранды, занимаясь проблемой Армении, прежде всего преследовали свою выгоду. Именно столкновение этих интересов сводило на нет любое реальное, полезное для армян дело.

Еще в конце мая 1913 г. министр иностранных дел России С.Д. Сазонов поручил своему послу в Берлине С.Н. Свербееву предупредить германское правительство о решении Петербурга проводить преобразования в Армении в духе тех проектов, которые предусмотрены по Берлинскому трактату и турецкому закону 1895 г., изданному под давлением государств Тройственного соглашения, но к исполнению которого она по сей день не приступала¹.

¹ См.: Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 169–170.

Свербееву предстояло также убедить германское правительство в том, что Россия старается в этом вопросе всячески избегать какого-либо соперничества с европейскими правительствами и желает совместными усилиями поправить положение армянского населения в турецком государстве с помощью разумных и справедливых преобразований. И наконец, русский посол должен был убедить германское правительство в том, что, взяв в свои руки инициативу проведения преобразований в Армении, Россия отнюдь не намерена ограничивать или нарушать права Турции, а, исходя именно из ее интересов, желает предотвратить всякие опасные осложнения, которые могут возникнуть в пределах Османской империи¹.

С той же инициативой русское правительство обратилось и к своим союзникам по Тройственному соглашению: Франции и Великобритании, – которые с готовностью отозвались и направили соответствующие инструкции своим представителям в Константинополе.

Что касается константинопольских послов в Германии и остальных государствах Военного союза, то они получили от своих правительств разрешение на участие в совещаниях, посвященных разработке проектов армянских преобразований, при следующих условиях: 1) сохранить верховные права султана в Армении; 2) требовать участия представителя Турции в совещаниях.

Однако чуть позже Берлин воздержался от участия в переговорах по армянским преобразованиям.

В представленном С. Сазонову отчете о данном ему поручении посол Свербеев сообщал, что министр иностранных дел Германии «не выказал одобрения относительно нашего намерения, хотя и признался, что из армянских вилайетов до Берлина также дошли душераздирающие известия, которые, по его словам, не всегда можно проверить»². Проблема преобразований, – продолжал Свербеев, – немецкому министру иностранных дел представляется очень трудноразрешимой, ибо, по его мнению, армяне сами являются побудителями безобразий. При этом, – подчеркивал министр фон Ягов, – заботясь об армянах, государствам не следует забывать также об интересах курдского населения Армении³.

Несмотря на откровенное неприятие армянских требований со стороны Германии, Петербург не переставал прилагать усилия для того, чтобы снова подключить Германию к процессу обсуждения проблемы преобразований в Армении. И это России удалось. Несколько позже, 7 июня 1913 г., российское правительство через Сазонова посылало сообщение великим державам, в котором предлагалось принять турецкий проект 1895 г. за основу в организации обсуждения вопроса преобразований в Армении на уровне послов в Константинополе. Эта инициатива России была принята, хотя германская сторона чинила

¹ Там же. С. 170.

² Там же. С. 169–170.

³ Там же. С. 170.

серьезные препятствия: она вновь пожелала, чтобы на обсуждениях присутствовала турецкая делегация, однако российская дипломатия категорически отвергла это предложение¹.

БЕСКОНЕЧНЫЕ ПРЕГРАДЫ ПЕРЕД РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЕЙ

Разрешился бы армянский вопрос претворением 61-й статьи Берлинского трактата? Была бы предоставлена Турецкой Армении широкая или ограниченная автономия? Была бы создана некая самостоятельная армянская власть? Был бы претворен в жизнь лишь турецкий законопроект Майских преобразований 1895 г.? Ответы на эти вопросы мог дать только лишь ход дальнейших событий².

Но ясно было одно. Даже если турецкое правительство согласилось бы провести какой-нибудь из этих вариантов, то без *европейского контроля* ничего не получилось бы. А вопрос контроля, каким бы невероятным он ни казался, тем не менее обретал реальные черты: было очевидно, что великие державы настроены взять на себя реализацию желательного контроля.

Именно в это время, в мае 1913 г., перед реализацией европейского контроля в Армении неожиданно выросла почти непреодолимая преграда: на глазах у всех будто повторялась история, связанная с Сан-Стефанским прелиминарным договором 1878 г.

В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Россия одержала крупные победы на Балканском и Малоазиатском фронтах. На Балканах русские войска заняли Адрианополь (ныне Эдирне), Чатаджу и Булаир и вошли в городок Сан-Стефано, что в нескольких километрах от Константинополя, а в Малой Азии освободили Батум, Карс, Ардаган и Баязет. В результате победоносной войны русских и благодаря подписанному в Сан-Стефано прелиминарному мирному договору 19 февраля (3 марта) 1878 г. армянский народ должен был освободиться от жестокого турецкого ига, в Армении должны были быть введены преобразования под контролем и гарантией России.

Сан-Стефанский договор вызвал резкое недовольство правительств Англии и Австро-Венгрии, которые потребовали его пересмотра на международном конгрессе. Всё повернулось вспять особенно из-за политики Англии.

Представителями великих держав, собравшимися на Берлинский конгресс, была принята 61-я статья подписанного 18 мая (30 мая) 1878 г. Берлинского трактата, согласно которому выполнение предусмотренных преобразований было изъято из-под контроля не только России, но и вообще великих европейских держав. Тем самым европейские страны, в особенности Англия, превратились в соучастников

¹ См.: Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 22. (на арм. яз.).

² См.: Мшак. № 99, 9 мая 1913 г.

преступлений, совершенных турками по отношению к армянам в течение последующих десятилетий.

Сразу же после подписания Берлинского трактата Англия 4 июня 1878 г. подписала с Турцией сепаратный договор, который известен под названием «Кипрский договор». По этому договору Турция сдала Англии остров Кипр, взамен получив от Туманного Альбиона гарантии по защите территориальной целостности своей империи. Ради проформы Турция также обязалась ввести преобразования в Армении.

Таким образом, благодаря Берлинскому и Кипрскому договорам Турция высвободилась из-под действенного контроля великих держав. А это позволило ей отвергнуть все программы по преобразованиям в Армении, которые предлагались Россией и Европой. Более того, почувствовав свою безнаказанность, Турция начала и продолжала во все последующие десятилетия циничные, беспрецедентные погромы, резню и грабеж армянского народа в своей же стране, потопив в крови всю Западную Армению, Киликию и другие армянонаселенные области, оставляя повсюду разруху и опустошение.

И спустя 35 лет после Берлинского трактата – в 1913 году – Россия вновь взялась за дело освобождения западных (турецких) армян.

С апреля 1913 г. началось передвижение русских войск в сторону кавказской границы. Ужаснувшись, Высокая Порта приказала своему послу в Петербурге, Турхан-паше осведомиться о причинах этого, а также попросить у российского правительства усилить наблюдение за торговлей оружием на армянской границе. Турецкие газеты Константинополя были крайне раздражены прорусской агитацией, ведущейся в Армении. Они, в частности, реагировали даже на тот факт, что дашнакская партия, которая до этого была с младотурками, начала агитировать в пользу России.

Это обстоятельство крайне беспокоило Англию, которой казалось, что Россия вот-вот вторгнется в Армению.

Событиями, развивавшимися вокруг Армении, был недоволен и Берлин. Немецкие газеты продолжали свои нападки на Россию, говоря о том, что под предлогом погромов армян она стремится завладеть армянскими областями. Пресса Германии единодушно советовала Турции поскорее «решить» армянский вопрос и тем самым предотвратить утрату армянских вилайетов. В то же время новоназначенный турецкий посол в Берлине 12 апреля 1913 г. получил от своего правительства распоряжение просить германское правительство воспротивиться усилиям России и поставить преграды ее инициативе по введению преобразований в армянских областях. Статья в венской газете «Reichspost» предупреждала европейские правительства о том, насколько опасны разработанные Россией программы относительно Армении. «Сейчас действительность такова, – писалось в статье, – что, когда России захочется, она всегда сможет спровоцировать исходящий из Армении кризис в Азиатской Турции, точно

так, как это было сделано балканским союзничеством из Македонии в Европейской Турции»¹.

Итальянское правительство было также против заинтересованности и устремлений России относительно азиатских областей Турции. Оно, в частности, положило глаз на Киликию, где жизнь армянского народа также подвергалась опасности со стороны турок.

НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Российское правительство считало, что уже давно настало время, чтобы великие державы вплотную занялись армянским вопросом, и разослало специальные поручения своим дипломатическим службам.

В течение мая министр иностранных дел С. Сазонов в переписке со своими коллегами из Франции и Англии обменивался мнениями по поводу того, как и с чего следует начинать обсуждение армянской проблемы *по существу*, тем более что турецкое правительство вело тактику уклонения и затягивания, стремясь сорвать введение преобразований в Армении.

В начале мая Высокая Порта обратилась к Лондону с просьбой учесть, что Турция является независимым и суверенным государством и что следует избегать всех тех шагов, которые могут нарушить ее суверенитет в связи с армянским вопросом. Об этом осведомил своего министра русский посол в Лондоне. За этим последовало поручение Сазонова от 8 мая – напомнить Министерству иностранных дел Великобритании, что «если армянское население потеряет надежду на осуществление реформ при гарантии держав, то следует опасаться осложнений, крайне нежелательных для держав и опасных прежде всего для Турции»².

Секретной телеграммой за №247 от 9 (22) мая русский посол в Париже Извольский отвечает Сазонову: «Пишон полностью разделяет Ваше мнение о необходимости совмещения усилий России, Франции и Англии для осуществления реформ в Малой Азии и о безотлагательном начале действий»³. Эту российскую инициативу одобрил также английский министр иностранных дел Грей⁴.

Как явствует из телеграммы русского посла в Лондоне графа А. Бенкендорфа за № 504 от 21 мая, адресованной Сазонову, правительство Германии, казалось, начинало интересоваться означенным вопросом и склонялось к той мысли, что в самом деле целесообразно в основу предстоящих преобразований положить проект 1895 г. Посол считал, что желательно всячески ускорить принятие общей программы державами Тройственного согласия, после чего обратиться

¹ Reichspost. № 347. 1913 г.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». Г. 1913. Д. 3461. Л. 18.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 22.

с предложением участвовать в обсуждении вопроса ко всем правительствам германского блока, при этом надо стараться максимально устранить соперничество между двумя блоками держав в армянском вопросе¹. Посол считал правильным и то, что после достижения договоренности с Англией и Францией, Россия должна удержать в своих руках эту инициативу².

Позже Министерство иностранных дел России уже подтвердило успешность реализации своей инициативы. Так, 22 мая Сазонов сообщил своему послу в Берлине: «После предварительных переговоров с лондонским и парижским кабинетами, императорскому послу в Константинополе поручено совместно со своими французским и английским коллегами установить основные принципы, с помощью коих все три державы Тройственного согласия могли бы солидарно защищать начинания по армянским реформам. В основу последних нам представлялось наиболее желательным поставить выработанный в 1895 году проект, приведя его в соответствие с недавно выяснившимися требованиями»³.

В своем письме за № 506 от 22 мая Сазонов поставил в известность об этом российского посла в Берлине.

Для русской дипломатии было желательно, чтобы в основу этих принципов был положен турецкий проект 1895 г., преобразованный в соответствии с современными реалиями. В Петербурге считали обнадеживающим, что российский посол в Лондоне в своей телеграмме № 504 от 21 мая сообщал Сазонову, что, кажется, немецкое правительство также начинает интересоваться вопросом преобразований в Армении и, видимо, выступает за выдвижение проекта 1895 г.⁴ Это положительное обстоятельство позволяло российской дипломатии принимать меры для смягчения соперничества между двумя группировками держав и официально обратиться ко всем остальным пяти кабинетам с предложением принять участие в конкретном обсуждении вопроса.

В вышеупомянутом письме, адресованном русскому послу в Берлине, Сазонов советовал: «В случае, если германский статс-секретарь по иностранным делам заговорит с Вами по этому вопросу, Вы могли бы сказать ему, что, насколько Вам известно, в Петербурге с большим вниманием следят за тем, что происходит в сопредельных с нами вилайетах, и отмечают, что известия, доходящие оттуда, весьма тревожны. Наш посол в Константинополе неоднократно обращал внимание Порты на необходимость, с одной стороны, принять меры к урегулированию вопроса о мусульманском переселении из бывшей Европейской Турции в Малую Азию с целью предотвращения насилий над местным христианским

¹ Там же. Л. 78.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

населением, а с другой – позаботиться о прекращении учащающихся насилий и убийств»¹.

Несомненно, указанные меры могли иметь лишь одну цель – не обострять и без того тяжелую ситуацию, с которой османскому правительству вряд ли удалось бы справиться самостоятельно. Между тем, отнюдь не посягая на интересы Турции, Россия, у которой в приграничных кавказских областях было большое число армянского населения, должна была действовать обдуманно во избежание дальнейших опасных осложнений. Единственной действенной мерой Петербург считал немедленное проведение преобразований в Армении, что смогло бы даровать мир местному населению. Вот почему имперское правительство решило обратиться в ближайшее время к державам для совместного обсуждения проблемы.

С другой стороны, российские власти на Кавказе постоянно успокаивали местных армян, чтобы они ждали положительных результатов переговоров России с державами. А это было возможным, если, как отмечал Сазонов, «берлинскому кабинету покажутся убедительными наши разъяснения»².

НАЧАЛО ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ПО ПРОВЕДЕНИЮ РЕФОРМ

Погос Нубар-паша пристально следил за международными откликами на переговоры, не оставляя без внимания все попытки ошибочного толкования целей и деятельности Армянской национальной делегации или их умышленного извращения, в любом конкретном случае он выступал с необходимыми разъяснениями и комментариями.

Так, 12 мая 1913 г. британская газета “Times” напечатала полученную из Константинополя телеграмму, в которой были две грубые инсинуации. Во-первых, в телеграмме говорилось, что призванная к жизни Эчмиадзинским католикосом и находящаяся в Париже под председательством Нубар-паши Армянская национальная делегация представляет армян, которые проживают вне Египта и Османской империи. Затем в телеграмме сообщалось, что делегация диктовала Армянскому патриаршеству в Константинополе содействовать тому, чтобы преобразования гарантировались не шестью державами, а лишь одной из них, намекая на Россию.

15 мая Погос Нубар-паша отправляет из Парижа письмо директору “Times”. Касаясь допущенных газетой «ошибок», он указывает на то, что Армянская национальная делегация представляет весь армянский народ, а не его какую-то часть и, в первую очередь, турецких армян.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3461. Л. 78об.

² Там же. Л. 81об.

Положением турецких армян озабочен весь армянский народ. «Делегация состоит исключительно из османских подданных и имеет единственную обязанность: требовать исполнения преобразований в армянских областях Азиатской Турции, а с ее программой единогласно согласились все армянские партии»¹. А что касается вопроса о стороне, гарантирующей преобразования, то Нубар-паша уведомлял о том, что Армянская национальная делегация никогда не диктовала Константинопольскому армянскому патриаршеству и никогда не рассматривала гарантом преобразований одну из шести великих держав, «а наоборот, всегда следовала принципу придерживаться 61-й статьи Берлинского трактата на базе международных договоренностей, согласно которой с одной стороны Турция обязуется выполнять преобразования в армянских областях, а с другой – европейские державы обязуются наблюдать за их исполнением»².

Затем, пользуясь предоставленной возможностью, Погос Нубарсчел необходимым подчеркнуть следующее: 1. «Делегация во имя армян не требует ни отделения, ни независимости, ни политической автономии, что в условиях этнографических и географических особенностей армянских областей мы считаем полным бредом, а требует только лишь исполнения программы реформ, обещанных по 61-й статье Берлинского трактата и сформулированных в Меморандуме 11 мая 1895 года послов Великих Держав в Константинополе. 2. Эти реформы должны выполняться как во благо мусульманского населения, так и христианского³. Их целью должна стать, под разумным управлением вилайетов, защита жителей – как мусульман, так и христиан – от разбоя, бесчинств и убийств, причиняемых кочевниками»⁴.

С другой стороны, несмотря на неблагоприятный для России ход событий, несмотря на то, что ее правительство объявило, что оно далеко от мысли оккупации Армении, тем не менее Петербург не отказался от армянского вопроса. И для его продвижения 26 мая 1913 г. российское императорское правительство разослало циркулярное обращение к великим державам⁵. Этот документ сыграл поистине решающую историческую роль с точки зрения развития армянского вопроса. В циркуляре подчеркивалось, что армянский вопрос имеет большую важность «для нас как с точки зрения нашего внутреннего положения, так и интересов России». Напоминалось, что с самого начала балканского кризиса императорское правительство постоянно прилагало усилия, дабы в Малой Азии не вспыхнуло антитурецкое восстание. И если по сей день России это удавалось, «то это

¹ Жаманак. № 1456, 14 (27) мая 1913 г.

² Там же.

³ Следует заметить, что для некоторых органов турецкой печати этот подход армянской делегации был приемлем и понятен. Например, газета «Вагиф» (Константинополь) в номере за 13 (27) мая 1913 г. писала: «Армянская нация должна быть соратником курдов и турок. Эта цель является требованием исторической судьбы не только армян, но также других племен. Следовательно, иного пути нет, кроме как созидание этой судьбы» (Жаманак. № 1466, 24 мая (6 июня) 1913 г.).

⁴ Жаманак. № 1456, 14 (27) мая 1913 г.

⁵ См.: Армения в документах международной дипломатии ... С. 188–189.

только благодаря постоянно повторявшимся обещаниям армянам о том, что Россия бдительна в отношении их интересов и *при удобном случае возьмет в свои руки руководство в преобразованиях* (выделено нами. – Г. С.), привлекая в этом деле к участию два союзных и дружественных государства».

Затем российское правительство начало посылать предупреждения в адрес Турции, отмечая, что если в районе ее кавказских границ (т.е. в Армении. – Г. С.) вдруг возникнут серьезные осложнения, то это не сможет оставить Петербург безразличным. Следовательно, принимая во внимание душевное настроение армян, гарантированные Россией реформы в Армении, будь то сепаратно или совместно с Францией и Англией, «являются единственной мерой для умиротворения этих районов и предотвращения угрозы всеобщего бунта». И еще: «Турция вновь стоит перед выбором: либо сохранить территориальную целостность, отказавшись от самовольной и абсолютной власти, либо оставаться глухой к урокам, которые ей только что были преподнесены»¹.

В циркуляре подчеркивалось, что отчуждение балканских территорий Турции прошла относительно легко, так как там в общем числе населения турки составляли меньшинство, а в случае с Арменией ситуация совершенно иная, поскольку в большинстве областей армяне уже составляют меньшинство и, следовательно, для армян приобретение автономии – беспочвенная мечта. Поэтому единственной мерой для спасения армян Турецкой Армении остается проведение там реформ.

Российское правительство считало необходимым также напомнить о том, что, например, Македония освободилась от власти турок по той лишь причине, что Высокая Порта непростительно задержала там проведение реформ и поэтому вкусила горькие плоды своей медлительности. Следовательно, необходимо всячески ускорить проведение реформ в Армении.

Этот циркуляр русского правительства, адресованный пяти великим державам, вызвал их непосредственный отклик.

Первым выразило свое мнение германское правительство, заявив о том, что европейский контроль в Армении должен осуществляться всеми великими державами, а не одной из них, даже если последняя будет уполномочена *всеми* остальными².

Сочтя приемлемым подход Берлина, представитель британского правительства во время своего выступления в Палате общин взял под защиту ту точку зрения, что все вопросы, касающиеся Азиатской Турции, должны решаться *всеми* великими державами и что недопустима любая сепаратная деятельность³.

¹ Делался намек на последствия Балканской войны.

² См.: Сборник дипломатических документов: Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. – 10 мая 1914 г. / М-во ин. дел. Петроград: Гос. тип., 1915. С. 32.

³ См.: Армения в документах международной дипломатии ... С. 205–206.

Разумеется, исторически армянский вопрос должен был касаться в первую очередь Франции, России и Англии, но ход событий изменил эту традицию. Российское правительство прекрасно понимало, что невозможно не замечать развития за последние годы интересов Германии в Малой Азии. В Берлине русский посол Свербеев нанес визит министру иностранных дел Готлибу фон Ягову с тем, чтобы выяснить его отношение к циркуляру российского правительства. Ягов отвечает, что его правительство является сторонником проведения армянских преобразований, но сомневается в том, что послам великих держав удастся достичь ощутимых результатов¹. Тем не менее главное опасение германской стороны было связано с вопросом сохранения целостности Турции, что для Берлина имело первейшее значение.

Во время встречи с М.Н. Гирсом 29 мая выяснилось, что Ягов отступил от своей позиции, высказанной всего лишь три дня назад. Он счел нужным заявить, что предложение Петербурга вызвало удивление и возмущение Берлина, потому что весьма деликатный вопрос армянских преобразований нельзя поднимать в одностороннем порядке. Ягов объявил, что, дескать, сами армяне совершают возмутительные поступки, кроме этого, они составляют лишь незначительное большинство населения Армении, и что, защищая их, великие державы не должны забывать также об интересах курдов.

Несмотря на всё это, Ягов снова обещал поручить своему послу в Константинополе Вангенгейму немедленно начать обмен мнениями с константинопольскими послами других государств. В конце он выразил мнение, что константинопольское собрание послов не может иметь для Высокой Порты силу закона, наоборот, Турции необходимо дать некоторое право на участие в преобразованиях².

Австрия и Италия потребовали, чтобы турецкая сторона тоже участвовала в совещаниях послов.

Таким образом, Тройственный союз выдвинул два принципиальных требования: не нарушать верховных прав султана и привлечь турецкого представителя к участию в обсуждении проблемы реформ.

В отличие от Тройственного военного союза, французское правительство соглашается на российское предложение и сразу же дает соответствующее распоряжение своему послу в Константинополе.

За положительным откликом со стороны французского правительства следует отклик из Лондона, который одобряет предложение Франции: из посольств Тройственного согласия (Россия, Франция, Великобритания) в Константинополе составить комиссию – по одному члену от каждого посольства. Комиссия должна разработать программу армянских реформ.

Телеграммами от 28 и 29 мая Сазонов уполномочивает Гирса войти в переговоры с Высокой Портой, 30 мая поручает ему объявить

¹ См.: Сборник дипломатических документов ... С. 31.

² Там же. С. 33–34.

константинопольским послам Антанты о том, что крайне нежелательно участие турецкого представителя в их предстоящих совещаниях¹.

Михаил Гирс 30 мая обращает внимание немецкого посла Вангенгейма на то обстоятельство, что «весть об участии представителя Турции вызовет лишь глубокое разочарование среди армян»². А 1 июня посол Гирс наносит визит великому визирю Саиду Халиму. Последний говорит, что ему известно о том, что Россия предлагает вынести армянский вопрос на рассмотрение международной комиссии. Саид Халим считает, что было бы правильнее дать возможность Высокой Порте разработать собственную программу реформ. На это Гирс отвечает, что за последние месяцы он неоднократно обращал внимание великого визиря на положение в Армении, однако всё осталось без изменений. А ситуация в Анатолии ухудшается с каждым днем, что крайне беспокоит Россию. «Эта наша инициатива, – подчеркивает Гирс, – мы не имеем в виду ущемления державных прав султана и исполнены чувства дружбы к Турции, и по этой причине в этом вопросе вы должны оказать нам полную поддержку»³.

Что же касается встреч армянских деятелей с представителями российских властей, то это в основном осуществлялось через русского посла в Париже Извольского. В Париже армянская делегация, следуя советам российского правительства, ждала наступления благоприятного момента, когда Европа пожелала бы заняться армянским вопросом.

«ИСЧЕЗАЮЩАЯ АРМЕНИЯ»

С начала 1913 г. российская печать стала проявлять чрезвычайный интерес к армянскому вопросу. Многочисленные большие и малые периодические издания освещали не только ход развития этого вопроса, но и историческое прошлое армянского народа, его вековую борьбу за свободу.

Для более непосредственного ознакомления с жизнью армянского народа в Турции редакции некоторых русских газет откомандировывали специальных корреспондентов в армянские области. Там они знакомились с положением армян и полученные впечатления отражали в статьях и отдельных книгах.

Так, в 1913 г. в Ван прибывает корреспондент популярной газеты «Русское слово»⁴. В его честь в местной гимназии Еремян был дан обед. Выступая на встрече, организованной в его честь, русский корреспондент сообщил присутствующим, что его цель – добросовестнейшим образом изучить долголетние страдания турецких армян и полученные впечатления записать на страницах командировавшей

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 35.

² Там же.

³ Там же. С. 36.

⁴ Его личность выяснить не удалось.

его газеты. Тем самым он надеется способствовать формированию истинного мнения о том народе, который со своей творческой энергией, мирной и трудолюбивой деятельностью, совершенным долго-терпением займет достойнейшее место в великой семье наций¹.

В эти судьбоносные дни международного обсуждения армянского вопроса редакция петербургской газеты «Биржевые ведомости» также решает послать в Турецкую Армению одного из своих именитых корреспондентов – Антуана Березовского-Ольгинского (псевдоним – Т. Ольгенин) для ознакомления с ситуацией на месте². Ольгенин до этого долгое время был сотрудником петербургской газеты «Новое время», затем был приглашен в «Биржевые ведомости». Целых семь лет он изучал «восточную проблему», бывал в Македонии, Албании, Аравии, в сопредельных турецких и персидских местностях, своими исследованиями он подготовил благоприятное общественное мнение о христианах Румелии.

В конце 1912 г. Ольгенин приезжает в Закавказье, бывает в Тифлисе, Ереване, Эчмиадзине, встречается с армянской интеллигенцией, с политическими и религиозными деятелями, в частности, устанавливает тесные дружеские связи с редактором тифлисской армянской газеты «Мшак» Ал. Калантаром. Здесь, в Закавказье, русский журналист углубляется в суть армянского вопроса, читает ряд лекций о проблемах, волнующих армянский народ, затем в конце января 1913 г. отправляется в Турецкую Армению для того, чтобы больше узнать о страданиях армян³. Его странствие по Западной Армении стало крайне плодотворным. Его пребывание там длилось четыре месяца; он побывал во многих ее вилайетах: в Эрзруме, Алашкерте, Баязете, Арчеше, Битлисе, Муше, Ване, Сгерде, Диарбекире, детально ознакомился с социально-экономическим и политическим положением армянского народа и направил в «Биржевые ведомости» серию статей, которые вышли в свет под общим заголовком «Исчезающая Армения».

В интервью, данном еженедельной газете «Ван-Тосп», издававшейся в Ване, на вопрос, какую важность имеют его корреспонденции для армян, Т. Ольгенин отвечал: «Как всегда, так и сейчас русское правительство чрезвычайно заинтересовано в Армении, оно там имеет свои выгоды, так что армяне могут надеяться на его благожелательность. Мои исследования будут подготавливать общественное мнение, благоприятное для армян»⁴. На пути от Алашкерта до Арчеша Ольгенин

¹ См.: Коак (рус. Вал, Константинополь). № 11, 27 марта 1913 г. (на арм. яз.).

² До и после Ольгенина по Турецкой Армении путешествовали также и другие деятели. Среди них был А-До (Ованнес Тер-Мартirosян), который после возвращения издал книгу «Ванский, Битлисский и Эрзрумский вилайеты» (Ереван, 1912 г.). После него летом 1914 г. в Армению отправился священнослужитель Р. Бекрулянц (Северянин), который путешествовал по Ванскому, Битлисскому, Эрзрумскому и Трапезундскому вилайетам и по возвращении обобщил свои впечатления в книге «По Турецкой Армении» (Ростов-на-Дону, 1914).

³ О проармянской деятельности, развернутой Т. Ольгениным в Закавказье и Западной Армении, подробно см. в статье: Закарян А. Русский публицист Т. Ольгенин об Армении и армянский вопрос // Историко-филологический журнал. 1989. № 4. С. 67–84.

⁴ Ван-Тосп. № 5. 1913. С. 56–57.

видит опустевшие армянские села, но после Арчеша встречает и благоустроенные деревни, а в городе Ван наблюдает оживленную жизнь армян¹. Вот почему в посланной оттуда статье он писал: «Не тушите душу... Маловерные люди пусть говорят, что Армения полужива, если не окончательно пропала, а я говорю вам, что Армения жива и останется живой...»² После Вана перед Ольгениным обрисовывается картина безмерных страданий и бед армян в районах этой области. Несмотря на то, что в провинции все еще преобладали армянский язык, армянские нравы и обычаи, но при всем этом нависала постоянная угроза со стороны турецких и курдских изуверов. Даже в этих условиях армянские крестьяне не теряли веры в то, что в один прекрасный день и для них взойдет солнце. Трижды прав был русский вице-консул в Ване Сергей Ольферин, когда, обратившись к армянам в одном из сел области, сказал: «Воистину, я присоединяюсь к вашей пленительной вере и надежде на судьбу нации, к вашей жизнеспособности, деятельности и непоколебимой стойкости»³.

Странствуя по населенным пунктам Ванского вилайета, Ольгенин встретил неповторимые памятники архитектуры. Он с прискорбием отмечал, что цивилизованный мир до сих пор совершенно не осведомлен о былой мощи армянского народа, о его непобедимом творческом духе. Он с радостью принимал тот факт, что за последние годы в определенной степени возрос интерес исследователей к прошлому и культурным ценностям армян. Но чем больше он углублялся в территорию Западной Армении, тем больше убеждался в том, что имеет дело с очень быстро исчезающей Арменией. Заглавие его первой статьи «Армения жива и останется живой» быстро стерлось в его воображении и уступило место безысходному пессимизму.

Проехав из Вана в Битлис, Ольгенин становится свидетелем крайне опасного положения армян этой области, слышит многочисленные жалобы о разбое и набегах курдов. В корреспонденции, посланной им из Битлиса 21 марта 1913 г., Ольгенин писал о том, что не только имущество и честь, но и сама жизнь армянина находятся в руках неграмотных, невежественных и ненасытных курдских беков и ага. Он приводит примеры, показывающие истинное лицо этих кровопийц. Он писал, что налоговый инспектор Ибрагим-эффенди умел считать только до ста, а Юсуф-паша не мог подписать свое имя. Именно эти люди были хозяевами судьбы армян.

В другом номере «Биржевых ведомостей» за март 1913 г., опираясь на слова консулов, Ольгенин сообщал о том, что армяне очень тянутся к России. Более того, у проживающих в Армении езидов и даже у некоторой части мусульман также наблюдается подобное настроение⁴.

¹ См.: Айреник (рус. *Родина*). № 8 (22), июнь, 1925. С. 118. (на арм. яз.).

² Биржевые ведомости. № 13471, 29 марта 1913 г.

³ Айреник. № 8 (22), июнь 1925. С. 119.

⁴ См.: Биржевые ведомости. 28 марта 1913 г.

На самом деле, весной 1913 г. абсолютное большинство армян было убеждено, что вопрос освобождения Турецкой Армении может быть решен только благодаря России. Взоры армянского народа были устремлены на дом Романовых.

В своей статье Ольгенин приводит примеры трогательной и наивной сердечности армянских крестьян по отношению к России, о которых он узнал в Ване у вице-консула Ольферина. Вот два из этих примеров: «Прошлым летом (1912 г. – Г. С.), странствуя по селам Ванского вилайета, он (Ольферин. – Г. С.) останавливается в селе Кхзи. Здесь ему показывают больного старца, который 40 лет подряд каждый день утром выходил на окраину села и подолгу смотрел на север, затем возвращался домой и, стеная, вздыхал: “Ах, нет, не приходят-таки *московинские мужи* (русские. – Г. С.)”¹. А в селе Хайканэт к нему (Ольферину. – Г. С.) подошел крайне бедный армянский крестьянин и, протянув ему старую российскую рублевку, молвил: «Лучше этого у меня ничего нет. Возьми этот рубль и взамен походатайствуй перед русским царем, чтобы русские поскорей пришли сюда!»²

То были горькие стенания гибнущего народа.

У нас здесь нет возможности, да и нет надобности более подробно представить содержание всех 22 статей серии «Исчезающая Армения» Ольгенина и проанализировать их.

Правительство Турции не потерпело присутствия Ольгенина в Турецкой Армении. Из-за угроз турецких властей он через Эрзрум переправляется в Закавказье и 20 мая прибывает в Тифлис. 27 мая в одном из наиболее крупных местных залов – Армянском артистическом театре Тифлиса, что на Головинском проспекте (ныне Государственный грузинский драматический театр им. Ш. Руставели) – Ольгенин читает лекцию на тему «Исчезающая Армения». На лекции присутствовали представитель наместника И.И. Воронцова-Дашкова, генерал П.Н. Шатилов и другие официальные лица, в том числе – начальник управления по пограничным делам Первого департамента Министерства иностранных дел при кавказском наместнике, который сообщил подробные сведения об этой лекции своему начальству³. Оратор уверял слушателей в том, что Турция не такая уж слабая, как кажется. Теряя европейские земли, она все еще сильна в Азии.

В результате потерь в европейской части Турция обрела некоторое преимущество: проснулось турко-мусульманское сознание и шовинистические чувства⁴. В этих условиях, – говорил Ольгенин, – армянский вопрос стал для России задачей большой важности. Можно сказать, что *армянский вопрос стал также русским вопросом*. ...Западные армяне устремили свой взор к христианской России... и она должна

¹ Там же, см. также Оризон. № 74, 4 апреля 1914 г.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». г. 1913. Д. 3461. Л. 122, 122об., 123, 123об., 124.

⁴ См.: Мшак. № 116, 29 мая 1913 г.; Закарян А.А. Русский публицист Т. Ольгенин об Армении и армянский вопрос.

поднять свой мощный голос в защиту армян»¹. «Инициатором решения армянского вопроса должна быть Россия. Это ее моральная обязанность, этого требуют также ее государственные интересы. Россия должна исправить свои былые ошибки. Русскому государству в будущем грозит большая опасность... Россия должна требовать не только выполнения реформ, но также реализации автономии Армении...»² «Я, господа, должен развеять оптимизм кавказского армянина и сказать, что отныне прежней Армении не существует, остался лишь ее жалкий след. От былых богатых городов ныне сохранились остатки, обломки. Там, в вашей Армении, бодрствуют лишь руины прошлого... Ныне Армения похожа на кладбище...»

В своей лекции Ольгенин выдвигал задачу дальнейшего развития армяно-русских отношений. Армянский вопрос фактически является «македонской проблемой» Малой Азии. Российскому обществу должно быть ясно, что он является также русским вопросом. В Малой Азии стремление к России всеобщее. Многие из других иноплеменных и иноверных жителей Армении – езидов и курдов – также симпатизируют России. «Я горжусь тем, что в этой части света существует такое вдохновение, страстное и любвеобильное стремление к моей родине»³, – подчеркивал Ольгенин.

После недолгого пребывания в Тифлисе Т. Ольгенин отправился в другой центр кавказского армянства – в Баку, где 8 июня также выступил с публичной лекцией, после чего отбыл в Петербург.

В самом деле, Армения безвозвратно исчезала.

Серия статей «Исчезающая Армения», напечатанная Ольгениным в газете «Биржевые ведомости», была полностью и фрагментарно издана в армянских газетах не только России, но и Турции и в зарубежной прессе, вызвав широкую волну возмущения и отчаяния.

РУССКАЯ ОККУПАЦИЯ – ЖЕЛАНИЕ ЗАПАДНЫХ АРМЯН

18 (31) мая 1913 г. патриарх турецких армян шлет великому визирю Махмуду Шевкет-паше очередное сообщение о злодеяниях, разбоях, грабежах и убийствах, чинимых над армянами в Восточной Анатолии и Киликии, вновь и вновь прося принять меры для защиты мирного населения⁴.

Национальные организации западных армян уже были бессильны предпринимать какие-либо меры для предотвращения бедствий. Правительство страны по-прежнему не обращало никакого внимания на обращения и жалобы армянского патриарха и национального

¹ Бакви дзайн (рус. *Голос Баку*, Баку). 15 июня 1913 г. (на арм. яз.).

² Там же.

³ Мшак. № 116, 29 мая 1913 г.

⁴ См. Матенадаран. Архив Аршака Алпояджяна. Пап. 1. Док. 1185 (французский текст, состоящий из 15 листов).

правления. В этих обстоятельствах значительная часть турецких армян не верила в дипломатические акции по введению реформ в армянских областях с помощью европейских стран и устремила свой взор на север. Разумеется, симпатии всех армян были на стороне России, но различные слои проявляли разные устремления. Часть турецких армян была вообще далека от сепаратизма. Подавляющее большинство интеллигенции и «турецкая» часть армянских национальных партий желали обрести территориальную автономию, для того чтобы все национальности Армении участвовали в ее управлении и пользовались равными правами. А самая отверженная часть армянского народа, которая была лишена почти всего, мечтала видеть рядом с собой русского воина, то есть видеть Армению в составе России, где обрела бы покой.

Весной 1913 г. не только у самой отверженной части армян, но и в кругах армянской интеллигенции и духовенства постепенно угасала вера в проведение реформ в Армении с помощью европейцев и одновременно усиливалось стремление к России. Возрождались давнишняя надежда увидеть Армению оккупированной русскими. В случае русской оккупации Турецкой Армении историческая родина армянского народа и сам народ сплотились бы в составе одного государства. В случае такой возможной политической перемены Армения стала бы частью Российского государства, и армяне обрели бы возможность определенной цивилизационной ориентации, ориентации в сторону сильной русской культуры, быта и нравов и благодаря своим природным способностям достигли бы значительных экономических высот. И у западных, и у восточных армян создались бы одинаковые условия интеллектуального развития и самопроявления. Постепенно стали бы сближаться два армянских литературных языка (западноармянский и восточноармянский), скорее – два варианта одного современного армянского литературного языка (ашхарабара), что весьма содействовало бы национальному возрождению.

Общеизвестен тот факт, что у армян была традиционная про-русская ориентация. Константинопольский патриарх Нерсес Варжапетян в 1879 году говорил: «Двести лет, как мы смотрим в сторону России и ждем от нее свободы. Иной возможности для освобождения, чем заключение договора с Россией, я не вижу»¹. Несколько позже русские дипломаты в Константинополе сообщали своему правительству, что «турецкие армяне своим единственным защитником считают Россию»².

И вот сейчас раздававшиеся из глубин Турецкой Армении вопли отчаяния, доходящие отовсюду крики говорили о том, что широкие массы армян лелеют мечту видеть рядом с собой русского воина. Так же мыслили армянские светские власти Константинополя.

¹ Саркисян Е.К. Армянский вопрос и Россия в 1912–1914 гг. // Историко-филологический журнал. 1995. № 1. С. 111.

² АВПРИ. Ф. «Турецкий стол» (новый). 1904. Д. 2483. Л. 1, 2.

«Этот путь, – дрожащим голосом молвил председатель Национального правления старец Степан Гараян, – нами избран не потому, что мы исходили из собственных рассуждений и понимания ситуации, а из настроенности всей нации, и если мы ошиблись, то, значит, ошиблись вместе со всем армянским народом...»¹

Российскую оккупацию Армении считал спасением для армян также депутат османского парламента, знаменитый государственный и политический деятель, писатель и правовед Григор Зограп. Во время встречи с группой деятелей российских армян Зограп говорил о том, что главной опорой турецких армян является Россия – и по праву соседства, и по праву интересов. Она должна утвердиться в Армении, что станет важным шагом на ее пути к теплым водам Средиземноморья. Там ее единственной надежной опорой будет армянский народ. Армяне могут своей поддержкой позволить России мирно проникнуть в Армению. Россия, со своей стороны, должна обеспечить культурное, национальное, мирное развитие армян. В беседах с представителями российского посольства Григор Зограп всегда развивал и защищал эту точку зрения и, опираясь на непреложный факт взаимных интересов двух сторон, выдвигал принцип взаимопомощи².

По мнению Зограпа, строгости русских властей по отношению к иноплеменникам, в том числе и к армянам, носят временный характер. Какими бы строгими ни были российские законы, армяне в условиях существующей в России политической власти имеют большие возможности для прогресса. Россия – молодая страна, государство со светлым будущим, и те притеснения, о которых много говорят некоторые армянские деятели, не всегда будут господствовать в России. Учитывая готовность этой страны помочь и поддержать армян, Зограп предлагает рассудительно избегать предъявления России непомерных требований, следует довольствоваться предлагаемым ею умеренным проектом. Остальное дополнит и исполнит будущее.

Вопрос открыто обсуждался также на страницах армянской печати. Отныне, освободившись от неисполнимых грез о политической независимости или автономии, писала тифлисская газета «Мшак», турецкие армяне, присоединяясь к великому Российскому государству, хотя бы обеспечат свою этническую, языковую и религиозную независимость, духовную, морально-интеллектуальную самостоятельность и уже не будут бояться за свою жизнь, честь и имущество. «Нашим естественным защитником, – писал в газете армянский интеллектуал Татул Ванандеци, – является Россия. Одна лишь Россия может защитить нашу жизнь, нашу честь, наше имущество... Чрезвычайно важно всем народом просить у России защиты и ни минуты не колебаться»³.

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. Л. 29–30.

² Там же. Л. 24.

³ Мшак. № 282, 19 декабря 1912 г.

Сторонники русской оккупации были убеждены, что это спасет родину и нацию, что положение Армении улучшится и что по сравнению с ужасающим турецким режимом несравненно лучше будет при российском режиме. Даже армянское духовенство, которое всегда проповедовало своей пастве долготерпение, ныне единственным спасением от неслыханных курдских злодеяний считало оккупацию Армении русскими войсками. Последовательным сторонником русской оккупации Западной Армении был глава Тигранакертской епархии, будущий константинопольский патриарх, епископ Завен Тер-Егиаян. Однажды во время беседы его спросили: «Как Вы думаете, в каком формате было бы желательным решение армянского вопроса?» – Его Преосвященство ответил: «На реформы я смотрю как на полумеру, которая в какой-то степени облегчит участь армянского народа – под обязательным наблюдением России. Коренным решением вопроса было бы объединение *всей Армении* под властью России, с которой исторически связана судьба армянства»¹. На вопрос: «Политика какого господства наиболее выгодна и полезна для армян?» – епископ отвечал: «В этом случае следует судить с точки зрения общности наших интересов с интересами той или иной власти. Ни одна страна Западной Европы так не заинтересована в существовании армянского народа, как Россия, в подданстве которой пребывает половина нашего народа и которая не может не опираться на христианскую часть тех областей, которые являются продолжением русского Кавказа». В конце епископ Егиаян объявил: «То осознание, что мы, армяне, нужны России для того, чтобы она решила свою историческую задачу, делает нас уверенными в том, что это государство поможет и сохранит нас. Чем раньше сюда придет Россия, тем лучше будет для нас, ибо мы должны суметь выжить в Турецкой Армении, но и мы со своей стороны обязаны делать всё, чтобы облегчить ее проблемы, то есть сотрудничать с ней, усиливая ее культурное, торговое и экономическое влияние в этих краях»².

Епископ Завен Егиаян был смелым, энергичным и бесстрашным деятелем. Он даже призывал армян восстать и помочь русским в освобождении Армении от турецкого ига. Например, в своей речи, произнесенной в церкви г. Эрзрума, он сказал: «Своим покорством армяне ничего не добьются, и если они стремятся к самостоятельности, то должны вновь взяться за оружие и при поддержке русской армии обрести свободу»³.

В письме архимандрита Геворга Палакяна, адресованном из Константинополя Католикосу всех армян Геворгу V, есть такие строки: «Общее стремление таково, что единственной надеждой на наше спасение может стать соседствующая с Турцией могущественная Российская империя, поскольку все освободившиеся от

¹ ЦГИА РА. Ф. 57. Оп. 2. Д. 685. Л. 18.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 3464. Л. 45. Секретное донесение ген. консула в Эрзереуме Адамова от 26 октября. 1913 г. № 73.

³ ЦГИА РА. Ф. 57. Оп. 2. Д. 625. Л. 18.

Турции народы и племена обрели свою свободу благодаря императорам России. И мы, армяне, сегодня должны были бы иметь совсем иную судьбу и долю...»¹ Затем Палакян извещал католикоса о том, что патриаршество турецких армян ведет работу в этом направлении и что переданы секретные обращения русскому послу в Константинополе Гирсу, который, в свою очередь, послал в Петербург сообщения об этом. Автор письма добавлял, что из различных национальных и иностранных кругов поступают предложения обязательно обращаться за помощью к Российскому государству и что эту же мысль высказал председатель Совета министров Франции Пуанкаре Нубар-паше во время официальной встречи с последним².

Сокровенные стремления турецких армян находили свое выражение в многочисленных записях русских дипломатов, работавших в Турции. «Присоединение к России является извечной мечтой *всех западных армян*», – подчеркивал в своих памятных записях долгое время работавший в Турецкой Армении советник российского консульства в Эрзруме Вышинский. Он писал: «Поскольку турецкие вилайеты с армянским населением находятся в ближайшем соседстве с Россией, поэтому естественно, что к ней устремлены взоры армян как к единственной великой державе, которая может освободить этот христианский народ от турецкого ига, как и балканские народы. Ясно, что решение армянского вопроса так или иначе неизбежно должно выпасть России, потому что только она может оказать армянам реальную помощь, присоединив армянские области к русским владениям»³. Вышинский считал, что в этом вопросе России сопутствуют очень благоприятные условия. С одной стороны, Балканская война продемонстрировала, что боевая подготовка и вооружение турецкой армии находятся в стадии реорганизации. С другой стороны, настроенность как широких масс армянского народа, так и всех его политических организаций и партий настолько благоприятна, что в случае столкновения с Турцией Россия получит от армян весьма реальную помощь⁴.

Новоназначенный корреспондент Петербургского телеграфного агентства Д.Г. Янчевецкий⁵ после путешествия по армянским областям говорил, что он лично ощутил самые теплые, душевные чувства и отношение армянского народа в Турции к России и русскому народу, и посему считает себя их (турецких армян. – Г. С.) искренним другом и желает, чтобы Россия приняла этот народ в свое лоно⁶.

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. Л. 5.

² Там же. Л. 4.

³ ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 991. Л. 432.

⁴ Там же. Л. 433.

⁵ Отметим, что не в пример Д.Г. Янчевецкому его брат был неисправимым армянофобом: он в своих корреспонденциях и статьях, печатавшихся в «Новом Времени», непрестанно совершал нападки на армян, отрицал существование панисламистского и пантюркистского движений, считая их вымыслом армян (ЦГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 991. Л. 432).

⁶ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238. Док. 95. Л. 5.

Российский посол в Константинополе Михаил Гирс в официальной записке к министру иностранных дел С.Д. Сазонову замечал: «Симпатии по отношению к России проникли также и в армянскую буржуазию и интеллигенцию... На мои запросы наши консулы в Ване, Баязете, Битлисе, Эрзеруме и Трапезунде единогласно свидетельствуют о том, что в настоящее время все армяне, независимо от партийной принадлежности, симпатизируют России; например, Ванский вице-консул... телеграфирует о том, что все армяне на стороне России и искренне желают прихода русских войск или реформ под контролем России. Баязетский вице-консул сообщает: «Все армяне... в настоящее время... беспредельно желают российской опеки и оккупации Армении»¹.

Гирс в другой докладной своему петербургскому начальству замечал:

«Необходимо уверить как Католикоса [всех армян], так и Константинопольского [армянского] патриарха в том, что императорское правительство... окажет... армянскому народу посильное покровительство. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что при анархии, царящей ныне в Турции, преобразования не принесут ожидаемого спокойствия и что, быть может, станет необходимым ввод наших войск в армянские губернии»².

Газета «Русское слово» писала: «Русский посол в Константинополе сообщил Высокой Порте о том, что если не прекратятся погромные нападения курдов на армян и если эти погромы получают массовый характер, Россия решительно выступит в защиту армян»³.

Мечтавшее о российской оккупации армянство не было уверено в том, что Петербург сможет одним махом разрешить армянский вопрос, даже заняв Армению. Причиной тому была переменчивая позиция России как по отношению к восточному вопросу в целом, так и к составлявшему его часть армянскому вопросу. И несмотря на это была актуальной одна из сверхзадач Российской империи – выход к Средиземному морю. А на пути к этому лежала Армения, мечтавшая спастись от когтей турецкой деспотии. А значит, стимулом к оккупации Армении могло быть освобождение христианского армянского народа от турецко-магометанского ига и привлекательные берега Средиземного моря.

Как бы то ни было, растущее день ото дня стремление масс армянского народа было естественным и искренним. Идея о русской оккупации Армении всё глубже проникала во всё новые слои армянского общества Турции. Однако в этот период официальная Россия не была намерена оккупировать Армению. В данный момент она не желала войны, чему имелись следующие причины. Во-первых, после тяжелого поражения в Русско-японской войне ей еще

¹ Армения в документах международной дипломатии ... С. 152.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 3452. Л. 18.

³ Русское слово. 11 ноября 1912 г.

не удалось восстановить свою военную мощь. Во-вторых, эта война привела к тому, что целых три года в стране вспыхивали революционные восстания, поэтому не было гарантии, что в случае новой войны Россия вновь не погрузится в очередной революционный водоворот – со всеми вытекающими последствиями для трона Романовых. Иначе говоря, в данный период для Петербурга беспощадная борьба против «внутреннего врага»¹ оставалась приоритетной по отношению к предстоящей войне с внешним врагом. В-третьих, вспыхнувшая на Балканах война вызвала большую напряженность в отношениях между державами. Поэтому Петербург избегал возникновения нового конфликта на Ближнем Востоке. При новом раскладе политической ситуации Россия не могла отнять у Турции ни пяди земли без согласия других держав.

В-четвертых, вследствие новых претензий России на территории Армении могли рухнуть те хрупкие договоренности, которые ценой больших усилий были достигнуты между державами в армянском вопросе. Не случайно как российский посол в Константинополе Гирс, так и министр иностранных дел Сергей Сазонов советовали армянским руководителям в дни Балканской войны не акцентировать армянский вопрос и тем более не совершать революционных шагов, так как международная дипломатическая атмосфера слишком тяжела и будет трудно привести великие державы к согласию по решению армянского вопроса. Во время встречи с докт. Завряном посол Гирс подсказал ему, чтобы армянские деятели предстали перед Европой как жертвы, а не как революционеры, которые хотят воспользоваться кризисом в Турции².

УБИЙСТВО МАХМУДА ШЕВКЕТ-ПАШИ. УЖЕСТОЧЕНИЕ РЕЖИМА

Отправившиеся на автомобиле 2 июня из военного министерства в Высокую Порту двое неизвестных в военной форме нападают на Махмуда Шевкет-пашу и убивают его³.

По происхождению араб, Шевкет-паша до того, как стать иттихадистом, был влиятельным военным, человеком прямодушным, известным своей нетерпимостью к беззаконию. Убийство Махмуда Шевкет-паши повлекло за собой тяжелые последствия, которые после Константинополя распространились на провинции. Это убийство было типичным примером терроризма. Сразу после этого в стране было объявлено военное положение. Начались смертные казни противников правительства, всех видных иттилафистов арестовывали на улицах, на работе, дома⁴.

¹ Утро России. 7 января 1913 г.

² Ашчян Ованнес, старший священник. Дорогами армянского страдания. С. 330.

³ См.: Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава. С. 32.

⁴ Там же.

Вместе с тем «Иттихад» проявлял большое рвение в дискредитации всех своих противников. Убийство военного министра младотурки старались увязать с недоброжелательно настроенными к ним людьми, находящимися как в стране, так и за рубежом. По всевозможным мотивировкам были обвинены князь Сабахэддин, Кямил-паша и другие видные деятели. Как и ожидалось, волна арестов докатилась и до периферии. Таким способом Иттихад надеялся за короткое время задавить всех своих противников и тем самым увековечить свое господство.

В это время власть сконцентрировалась в руках узкого круга лиц. Среди них на первый план выдвинулись «сделавшийся героем» Энвер-бей, министр внутренних дел Талаат-бей и морской министр Джемал-паша. Было сформировано новое правительство, в основном укомплектованное младотурками. Во главе правительства был поставлен получивший европейское образование, но лишенный какого-либо политического веса египетский принц Саид Халим-паша, который до этого занимал пост министра иностранных дел¹. Вне состава нового правительства оказался министр внутренних дел Хаджи Адил-бей, его заменил Талаат-бей, который сыграл решающую роль в государственном перевороте, совершенном младотурками 10 января 1913 г.

Председателем Государственного совета был избран бывший председатель парламента, бывший министр внутренних дел Халил-бей, который как своими публичными выступлениями, так и по своим внутренним убеждениям был образцом турецкого националистического фанатизма. Из состава правительства был выведен занимавший пост министра торговли и земледелия в кабинете Шевкет-паши Джемал-бей. Эта отставка могла иметь крайне отрицательное воздействие на армянские дела, поскольку, будучи осведомленным о положении Армении, он иногда говорил, что чем раньше там будут проведены реформы, тем лучше. Считалось, что его отстранили именно по этой причине.

Военным министром был назначен Иззет-паша, который после убийства Назым-паши был командующим армии и пользовался популярностью в военных кругах. Морским министром стал Джемал-паша, министром финансов – Джавид. Главными секретарями иттихадского комитета были назначены Фехми-бей и Махмуд Шукри-бей².

Правительство было сформировано, однако управление страной фактически находилось в руках тройки Талаат – Джемал – Энвер.

Существовало мнение, что если бы Махмуд Шевкет-паша смог остаться на своем посту и сконцентрировал военную силу в Армении, в чем он неоднократно уверял патриарха Аршаруни, то, возможно, курды в этом случае несколько сократили бы свои набеги на армян.

¹ Мандельштам А. Судьба Османской империи. Ч. I. Молодые турки перед войной / пер. М. Шамтанчяна. Константинополь, 1919. С. 87. (на арм. яз.).

² См.: Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава. С. 32.

В конце июня 1913 г. Высокая Порта потребовала от Армянского патриаршества в Константинополе освободить от должностей главу Мушской епархии епископа Хараханяна и главу Спердской епархии архимандрита Геворга Налбандяна, аргументируя это тем, что первый из них якобы имел ночные консультации с местным русским консулом, а второй выполняет «возбуждающую» роль и распространяет «преувеличенные» слухи. Турецкое правительство было недовольно также главой Битлисской епархии архимандритом Суреном Галемяном, потому что в своей телеграмме Константинопольскому патриаршеству по отношению к правительству он применил слово «безжалостный».

В своем ответе Высокой Порте патриаршество опровергло обвинения, приписываемые вышеназванным епархиальным главам, и утверждало, что оно абсолютно доверяет им. За ответом патриаршества последовала очередная провокация Высокой Порты. По ее заказу распространились слухи, что будто бы в убийстве Шевкет-паши виновен и руководитель Армянской национальной делегации Погос Нубар-паша. В июньских номерах турецких газет были растиражированы клеветнические слухи, якобы в Париже Погос Нубар установил тесные связи с турецкими политическими эмигрантами, в особенности со злейшим противником Шевкет-паши Шериф-пашой. Этим слухам поверили некоторые европейские дипломаты, которые даже наши нужным обратить внимание Католикоса всех армян на этот «факт», подчеркивая, что подобное поведение Нубар-паши является вмешательством во внутренние дела и партийные споры Турции.

Узнав об этом, Погос Нубар-паша выступил с объявлением, где подчеркивалось, что распространяемые слухи не что иное, как клевета и результат новых интриг и провокаций.

ВНОВЬ ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТРОЛЯ

Главное различие в армянской, иностранной и османской программах реформ заключалось в проблеме европейского контроля. К вопросу о необходимости контроля исполнения мероприятий в Армении в прошлом обращались очень многие европейские государственные и политические деятели. Так, лорд Солсбери считал обязательным строгий контроль над способной на всё Высокой Портой, которую не интересовало улучшение положения армян. Жорж Клемансо говорил, что все турецкие правители в отношении армян руководствовались принципом «обещай, но не выполняй», и поэтому единственно правильным является давление на них. А Виктор Берар подчеркивал: «Османская реформа, европейский противовес, действенные реформы, реальный противовес – без таковых не может быть безопасности для армянской нации»¹.

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 33. Л. 14об.

Согласно программе Национальной делегации, контроль считался необходимым и главным условием. «Без международного контроля нет армянской реформы», – подчеркивал Погос Нубар. Его дипломатическая работа основывалась на этом принципе. Нубар считал, что никакая программа армянских реформ не может иметь успеха, если ее исполнение будет возложено только на турецкое правительство, без установления над ним контроля великих держав. При встречах со своими собеседниками он всегда напоминал о том, что во всех договорах, заключенных в прошлом между великими державами и Турцией, где были статьи об Армении и армянах, предусматривались также обязательства Высокой Порты по исполнению этих статей.

Когда во время одной из встреч с турецким послом в Париже Рифат-пашой Погос Нубар подчеркивал этот обязательный принцип, турецкий чиновник спросил Нубара: «Разве невозможно, чтобы вопрос реформ мы решили бы сами, сообща и по-семейному, без вмешательства в это дело других государств?», Погос-паша ответил, что он согласился заняться проблемами своих соплеменников только лишь с тем условием, что армянский вопрос будет базироваться на устойчивом фундаменте, которым в данный момент является европейский контроль. Приводя 61-ю статью Берлинского трактата, Погос Нубар напомнил турецкому послу о том, что подписавшие трактат государства являются гарантами того, что Турция будет выполнять установленные для нее обязательства. Следовательно, Турция – одна из сторон, подписавших трактат, сегодня не может отвергать право государств на контроль¹.

Каждый раз султан и правительство давали обещания выполнять программы по реформам в Армении, но всегда обманывали: после каждого нового договора положение армян всё больше ухудшалось, а европейцы были не в состоянии устанавливать какой-либо контроль над выполнением турецких обещаний. Следовательно, установление европейского контроля над исполнением взятых Турцией обязательств приобретало принципиальное значение, становилось основной гарантией осуществления реформ².

Страх перед европейским контролем издавна владел турецкими правителями. Согласно Сан-Стефанскому договору Россия, а Берлинскому трактату – шесть великих европейских держав получали право на вмешательство во внутренние проблемы Турции и на контроль намеченных преобразований. Было ясно, что в этот раз Европа не должна отказываться от этого приобретенного права. Турецкие правители непрестанно твердили, что они никогда не потерпят европейского вмешательства во внутренние дела Турции, в том числе в процесс преобразований в Армении. Турки считали, что любое вмешательство иностранных государств во внутренние дела их

¹ Оризон. № 23, 30 января 1913 г.

² См.: Бутания. № 1097, 27 декабря 1912 г. (9 января 1913 г.).

империи, в том числе иностранный контроль, оскорбляет их национальное достоинство.

Однако армяне были вынуждены требовать контроля. Политический комментатор газеты «Аветабер» Мамиконян писал: «Если бы у армян не было жизни, как у средневекового крепостного, и было мало-мальски сносное положение, и если бы основные конституционные права исполнялись, то они никогда не нуждались бы в европейском контроле»¹. И если «армянин, турок, араб и другие будут полностью довольны своим правительством, то кто посмеет от их имени вмешиваться во внутренние дела нашей страны? Всякий контроль и вмешательство сами собой устроятся из нашей Империи, чья мощь зависит лишь от счастья и прогресса составляющего ее населения»². Только тогда «и мы, и правительство освободимся от кошмара этого контроля»³.

Обращаясь к тому утверждению османских правителей, что европейский контроль попирает национальное достоинство турок, тот же Мамиконян в другом номере «Аветабер» подчеркивал, что в официальных кругах страны понятие «чувство достоинства» воспринимается крайне ошибочно, и по этой именно причине страна несет крупные потери. Например, в вопросе острова Крит из-за неправильного понимания достоинства Высокая Порта не смогла своевременно прийти к согласию с Грецией и тем самым нейтрализовать ее участие в Балканском союзе. По причине неверного понимания достоинства Турция не выполнила обещанные преобразования в Македонии, Албании, Йемене и это привело к тяжелым последствиям⁴.

Что понимали армянские деятели под словом «международный контроль» – европейский международный контроль, который должны совместно осуществлять шесть великих держав, или контроль, который должно будет осуществлять одно из этих государств? Армянское константинопольское патриаршество объявляло, что оно категорически против совместного контроля государств над ходом предусмотренных реформ в армянских областях, поскольку это неизбежно приведет к безразличному и безответственному отношению этих государств к своим обязанностям из-за противоречий их интересов и целей. В качестве примера патриаршество указывало на провал в исполнении обязательств европейскими державами в вопросе установления контроля над реформами в Македонии. Армяне полагали, что успех европейского контроля будет обеспечен, если он будет поручен одному из шести государств, предпочтительно России. Это было общим мнением и точкой зрения официальных армянских кругов⁵.

¹ Аветабер. № 23, 7 июня 1913 г.

² Там же. № 28, 12 июня 1913 г.

³ Там же. № 23, 7 июня 1913 г.

⁴ Там же. № 28, 12 июня 1913 г.

⁵ Эчмиадзин. Февраль – март – апрель. 1965. С. 162.

Однако заметим, что среди отдельных армянских деятелей существовали сомнения в том, могут ли быть результативными мероприятия, которые совершаются по принуждению. Газета «Аветабер» писала: «Правительство на определенных условиях принимает предложения российского и германского посольств. Но мы желаем, чтобы армянонаселенные области благоустраивались не под давлением иностранных послов и не вопреки воле того или иного коренного жителя нашей страны. Мы не ждем большой пользы от благоустройства, которое отпугивает солидную часть наших соотечественников и неприемлемо для правительства. Мы желаем, чтобы и правительство, и народ, и турок, и армянин, и мусульманин, и христианин с искренней радостью и единодушно приветствовали благоустройство как единственное средство спасения и высший источник благоденствия. И тогда, лишь тогда, мы, сыны этой страны, станем истинными хозяевами родной земли, будем возделывать ее и взращивать, и прежде чем упокоить наши головы в ее заветном лоне, мы будем зреть день ясный – жизнь и счастье»¹.

ПРИЗЫВ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К СОГЛАСИЮ

Взяв инициативу по решению армянского вопроса в свои руки, российское правительство активизирует свои действия. О своем положительном отношении к единому проекту оно ставит в известность союзные правительства Англии и Франции и, направляя им армянский проект, просит их сообщить свою точку зрения. Вскоре в Петербурге получают согласие этих двух правительств. Более того, они сообщают, что оставляют за Россией право на дальнейшие инициативы.

Министерство иностранных дел России, будучи уверенным, что Германия, Австро-Венгрия и Италия будут противиться намерениям Петербурга в армянском вопросе, некоторое время избегало вести переговоры с ними по этой теме. Осторожность и опасения русской стороны были небезосновательны, ибо во время принятия Майской программы 1895 г., по которой державы обязывали Турцию провести в Армении реформы, эти страны воздержались. И тем не менее С. Сазонов попытался осторожно прощупать настроение Берлина и, ссылаясь на Майскую программу, уговорить германское правительство принять участие в совместном выдвижении вопроса реформ в Армении. Петербург пояснял германской стороне, что положение армянских областей не может не отразиться на армянах Кавказа и что для предотвращения дальнейших осложнений его правительство намерено в ближайшее время официально обратиться ко всем великим державам для совместного обсуждения создавшейся ситуации. Берлин хоть и не отверг это предложение, но нашел, что

¹ Аветабер. № 2, 10 января 1914 г.

подобная акция неуместна, ибо то же самое по просьбе держав может сделать сама Высокая Порта. Тем не менее германское правительство поручило своему министерству иностранных дел представить свое предложение о целесообразности участия Германии в обсуждении поднятого Россией армянского вопроса.

Глава Тифлисской епархии епископ Месроп 22 мая 1913 г. пишет Католикосу всех армян о том, что министр иностранных дел России сообщил кавказскому наместнику, что Петербургу известна единая программа, представленная послу Гирсу Константинопольским армянским патриархом, целью которой, по сути, является установление протектората России над Арменией. Министр, будучи в курсе всего этого, поручил своему константинопольскому послу вручить указанную программу французскому и английскому послам в Константинополе, чтобы они единодушно защищали этот документ перед турецким правительством. Предполагалось, что последнее будет чинить всяческие препятствия в особенности тем статьям программы, по которым армяне требуют европейского контроля и назначения генерального комиссара из Европы.

Правительствам великих держав было нелегко достичь согласия. В международной дипломатии каждый день происходили новые события, часть которых публиковалась, а другую часть маскировали и утаивали с таинственностью сфинкса.

«ЛИБЕРАЛЬНАЯ» ТУРЕЦКАЯ ПЕЧАТЬ РЕАГИРУЕТ НА ПРОДВИЖЕНИЕ РЕФОРМ

Отдельные турецкие чиновники и, в особенности, «либеральная» турецкая печать весной 1913 г. часто обращались к деятельности армян и зарубежных проармянских деятелей по вопросу реформ в армянских областях, даже отзывались с симпатией об армянском народе, более того, выступали с предложениями ускорить работы по реформам. В их числе были министры и даже сам Шевкет-паша. Интересным был ответ одного из «либеральных» главарей Иттихада Джавид-бея на вопрос корреспондента французской газеты «Humanité»: «Армяне в высшей степени трудолюбивый народ. Они преданно служат Османскому отечеству... Мы твердо намерены решить споры между курдами и армянами, быстро решить земельную проблему, обезвредить курдов...»¹

Вместо закрытой в Константинополе газеты «Алемдар» с апреля 1913 г. под редакторством Абдурахмана Адил-бея стала выходить в свет туркоязычная газета «Азм». В мае того же года в этой газете было напечатано несколько крайне странных редакционных статей, в которых впервые орган турецкой прессы давал турецким армянам

¹ Перевод на армянский этого интервью в «Humanité» см.: Дрошак. № 4, апрель 1913 г. С. 61.

и вообще армянскому народу теплые оценки. Эти статьи были переведены и сразу же напечатаны в константинопольской армянской газете «Жаманак». В одной из этих них, обращаясь к армянам, Адил-бей писал: «Не бойтесь, соотечественники! Или мы вместе победим, или же вместе погибнем!»¹

Газета «Стамбул» в статье «Армянский вопрос» от 31 апреля 1913 г. писала о том, что с первых же дней Балканской войны армяне с большим патриотизмом участвовали в битвах по защите страны от внешнего врага и взамен не предъявляли никаких требований. Они только лишь просят, чтобы им разрешили безопасно жить, чтобы их имущество и честь были защищены². Издававшаяся в Константинополе турецкая газета на латинице «Ля Тюрки» в своей редакционной статье пишет: «Протяжный вопль боли, тоски и отчаяния продолжает возноситься с гор и полей Армении и, отдаваясь, доходит до нас как долгий, печальный и трогательный стон. Этот вопль – горестный плач истерзанного народа, трагичный и предельный призыв нации, не желающей умирать. Будет ли наконец услышан глас сей? Будет ли понята его тоска? Не растрогаются ли, в конце концов, общественные власти и не станет ли конец словам?»³

Затем газета свидетельствует, что, разумеется, правительством отданы приказы местным властям для облегчения положения армян. «Но чего стоят приказы, если не обеспечивается их исполнение? И действительно, из Армении доходят скорбные вести о каждодневных убийствах армян, грабежах и всяческих насилиях. Необходимо положить конец этому положению вещей. Необходимо, чтобы правительство предприняло самые действенные меры для прекращения всего этого»⁴.

Газета считала особенно недопустимыми непрекращающиеся злодеяния курдов: «Надо прекратить все курдские набеги, эти омерзительные злодеяния, которые напоминают гамидовский период. Это великое зло и неопишуемая катастрофа»⁵.

Обращаясь к положительным высказываниям об армянах и предложениям о необходимости улучшения их положения со стороны вышеупомянутого Адил-бея и других турецких (в том числе младотурецких) деятелей, комментатор газеты «Жаманак» А. Галпагджян замечает: «...среди наций, составляющих османскую общность, среди племен, живущих в Турции, будь то мусульмане или христиане, нет такого народа, племени, который так, как армяне, сознательно любил бы Турцию». Затем продолжал: «Родина армян – Турция, и во всем мире самым любимым местом для армян является Армения. И какими счастливыми были бы армяне, если... [им] дали бы возможность любить

¹ Жаманак. № 1461, 19 мая (2 июня) 1913 г.

² Там же. № 1443, 1 (14) мая 1913 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

их самое желанное в мире место – Армению, и искренне любить свою большую родину – Турцию!»¹ «Но если мечта армян до сих пор не осуществилась в желанной мере, то это не причина, что и после этого их мечта не станет явью, – с твердой уверенностью сообщал Галпагджян и добавлял: – Если турки и армяне от души приблизятся друг к другу, обнимут друг друга, станут сотрудничать, то Турция за тридцать лет превратится в великую исламскую и османскую державу. Именно это есть наше желание, то есть мир в Турции и процветающая Армения»².

Но доброжелательным излияниям и уверениям турок, особенно младотурок, и «либеральной» прессы мало кто верил. Все армяне, кроме небольшой группы неисправимых оптимистов, не верили в то, что турецкие власти сделают какой-либо положительный шаг, выполнят хотя бы одно из данных обещаний.

То, что у армян не было никаких оснований верить в правдивость «либеральной» турецкой печати, было видно хотя бы по тому, как эта периодика тщательно избегала целого ряда географических и исторических названий, считая их вредными и губительными для целостности империи. Среди таковых названий самым страшным было слово «Армения». В среде турок господствовало убеждение, что в случае употребления слова «Армения» рано или поздно за ним последует «автономия Армении». Это умонастроение так глубоко сидело в мозгу турок, что когда во время депутатского собрания Турции в 1911 г. Григор Зограп в своей речи, говоря о бедственном положении армян, использовал слово «Армения», турецкие и курдские депутаты, подобно сжатой пружине, вскочили со своих мест и стали выкрикивать: «Эрменистан йок!», «Мемаликы османиде вилайет вар», – и тому подобные злобные выражения³.

ВТОРОЙ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА О СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА КАВКАЗЕ. НАМЕСТНИК ВНОВЬ РЯДОМ С АРМЯНСКИМ НАРОДОМ

В дни острой полемики между державами вокруг реформ в Армении 11 июля 1913 г. граф Воронцов-Дашков представил царю Николаю II пространный доклад о своей 8-летней деятельности на должности кавказского наместника⁴.

Свой отчет, имевший важное общественное значение, наместник начинает с того, что в течение всей деятельности его часто подвергали резкой критике в Государственной думе и в центральном

¹ Жаманак.. № 1461, 19 мая (2 июня) 1913 г.

² Там же.

³ См.: Жаманак. № 1449, 7 (20) мая 1913 г.

⁴ Впервые докладная была полностью напечатана в петербургском «Новом времени» и тифлисском «Кавказе», затем в виде брошюры (36 страниц) вышла в свет в Петербурге в августе 1913 г. под заглавием «Всепоподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерала-адъютанта Воронцова-Дашкова».

правительстве. Основным обвинением его критиков, замечает он, было то, что форма и содержание правления кавказского наместника сильно отличались от образа действий высокопоставленных управляющих других административных территорий империи. Считая совершенно верным это утверждение своих оппонентов, Воронцов-Дашков в докладе подчеркивал, что так оно и должно было быть, поскольку его поведение продиктовано особенностями местных условий Кавказа. «Насколько я понимаю, – замечал он, – этот образ действий для меня был неизбежен, потому что он непосредственно проистекает из самой идеи утверждения наместничества [на Кавказе]»¹. Считая весьма правильными стиль и методы своего правления, наместник вместе с тем писал: «Хорошими были или плохими методы моего правления, разумеется, судить не мне <...> но в результате этого правления можно сказать, что в лице кавказского населения Его Величество имеет таких же преданных подданных, как и в Центральной России, которые готовы пожертвовать своей жизнью ради ее благоденствия и стремятся к одной лишь цели – быть благодарными сынами своей отчизны – России»².

Обращаясь к политическим настроениям основных национальностей Кавказа, Воронцов-Дашков прежде всего останавливался на армянах. Он писал, что сложные проблемы с армянами в пределах империи «мы сами создали своим неосторожным отношением» к их религиозным и национальным чувствам. «Среди армян нет никаких сепаратистских настроений», – подчеркивал наместник и напоминал о том, что «националистическое движение, которому сопутствовали террористические акции против представителей власти, возникло из-за захвата имущества армянской церкви, но это движение сразу исчезло и, можно надеяться, безвозвратно», когда это имущество было возвращено³. «Разумеется, – писал наместник, – революционные партии среди армян существуют и в России, однако говорить о расизме армянского народа так же странно, как сомневаться в верноподданничестве русского народа своему царю. Следовательно, любая попытка обвинить армянскую нацию в сепаратизме разбивается о реальные факты, которые доказывают обратное – преданность армян России»⁴.

В отчете Воронцов-Дашков обращался также и к проблемам турецких армян, выражая свою искреннюю симпатию к ним. Наместник находил, что России надо оказывать самую действенную помощь армянскому народу, страдающему под турецким гнетом. «Ныне мы видим, что не только русские армяне не стремятся отделиться от России, но и турецкие армяне бурно стремятся приобрести ее покровительство. Справедливость требует оказать им всяческую поддержку»⁵.

¹ Всеподданнейший отчет за восемь лет ... С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 3.

Пространный отчет кавказского наместника Воронцова-Дашкова императору Николаю II в те решающие дни был крайне своевременным. В этом знаменательном документе высокая оценка, данная как русским армянам, так и особенно турецким армянам, разумеется, во многом способствовала еще большему укреплению положительного мнения об армянах, сложившегося у императора в годы правления Воронцова-Дашкова на Кавказе. Разумеется, незамедлительная публикация этой докладной в печати и выход отдельной брошюрой по распоряжению или с согласия императора явилась четким сигналом российской дипломатии и вообще государственным органам, охваченным в продвижении армянского вопроса.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ А. МАНДЕЛЬШТАМА

Получив согласие великих держав обсудить возможности решения армянского вопроса на уровне послов в Константинополе, русский посол в Константинополе М. Гирс поручает первому драгоману своего посольства А. Мандельштаму¹ разработать проект программы реформ для Армении².

Серьезный и вдумчивый русский дипломат в процессе составления проекта проявил большую ответственность и мастерство³. Свою работу он начал с исследования всех международных документов, относящихся к армянскому вопросу. При составлении программы реформ служили базой Закон о вилайетах, разработанный европейской комиссией в 1880 г., Статут протоколов о Ливане, Меморандум и программа о реформах в Армении 1895 г. послов Франции, России и Англии в Константинополе, султанский фирман от 20 октября 1895 г. и новый закон о вилайетах от 13 (26) марта 1913 г. Под рукой у Мандельштама были также два проекта армянских реформ, составленные Армянской национальной делегацией под руководством Погоса Нубар-паши и Армянским константинопольским патриаршеством.

Используя все эти документы, Мандельштам составил свой проект программы в соответствии с духом Берлинского трактата 1878 г.

Свой проект по армянским преобразованиям русский дипломат выстроил на двух основных принципах: а) необходимо уточнить пределы той территории, на которой будут вводиться преобразования, б) внедрение преобразований должно быть гарантировано особым контролем⁴. Говоря с нескрываемой симпатией об идее разрешения армянского вопроса, Мандельштам вместе с тем проявил проницательность,

¹ Значительную часть своей жизни Андрей Мандельштам посвятил изучению Османской империи, где 16 лет (1898–1914 гг.) был драгоманом русского посольства в Константинополе. Он был правоведом высокого класса, членом Института международного права, членом второго всемирного конгресса мира и т.д. (См.: *Мандельштам А. Судьба Османской империи*. Ч. 1. С. 12).

² Сборник дипломатических документов ... С. 36.

³ Об этом подробно см.: МЛИ. Фонд Григора Зограпа. Док. 91. Л. 6.

⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3464. Л. 77.

формулируя свои предложения таким образом, чтобы не растревожить турецкое правительство. В проект он не ввел пункты, которые могли бы вызвать опасения по поводу автономии и оттолкнуть Высокую Порту от обсуждения вопроса. Высоко оценив работу русского драгомана, Ваган Папазян замечал, что он своим «высоким профессиональным авторитетом и глубокими, многосторонними познаниями об армянском вопросе прекрасным образом обосновал наши требования на базе международного права и неопровержимых правовых данных и документов по армянскому вопросу»¹.

Когда проект программы армянских реформ был уже готов², российский посол в Константинополе М. Гирс отправил его в Петербург. Здесь проект был детально исследован дипломатами министерства иностранных дел и заслужил одобрение. После утверждения в Совете министров России с сопроводительной распиской Сергея Сазонова документ был отослан обратно в Константинополь Михаилу Гирсу.

Русский проект программы армянских реформ (который известен под названием «проект Мандельштама») в общих чертах имел следующее содержание: все шесть вилайетов Турецкой Армении (Эрзрумский, Себастьянский, Ванский, Битлисский, Диарбекирский и Харбердский) объединяются в одну губернию (область), но одновременно из состава этих вилайетов отделяются те части, которые были заселены мусульманами³.

Управляющим реорганизованной Армении назначается генерал-губернатор (*inspecteur général*) с условием, что он должен быть компетентным христианином, европейцем и быть назначен с одобрения великих держав и с согласия султана на пятилетний срок⁴. В его руках должна сосредотачиваться вся исполнительная власть. Губернатору предоставлялось право освобождать всех военных и гражданских должностных лиц и назначать новых⁵.

При губернаторе должен быть создан административный совет, состоящий из представителей и советников администрации вилайетов, входящих в губернию. Одним из основных занятий совета должно было стать ведение армянских дел.

Законодательная власть губернии вручалась губернскому выборному законодательному собранию (парламенту), в состав которого входили в равном количестве мусульмане и христиане. Парламент должен был заниматься вопросами, имеющими местное значение. Разработанные этим органом законы должны были утверждаться или могли отклоняться султаном. В каждом санджаке (провинции) предусматривалось также организовать административные советы, избираемые поровну из христиан и мусульман.

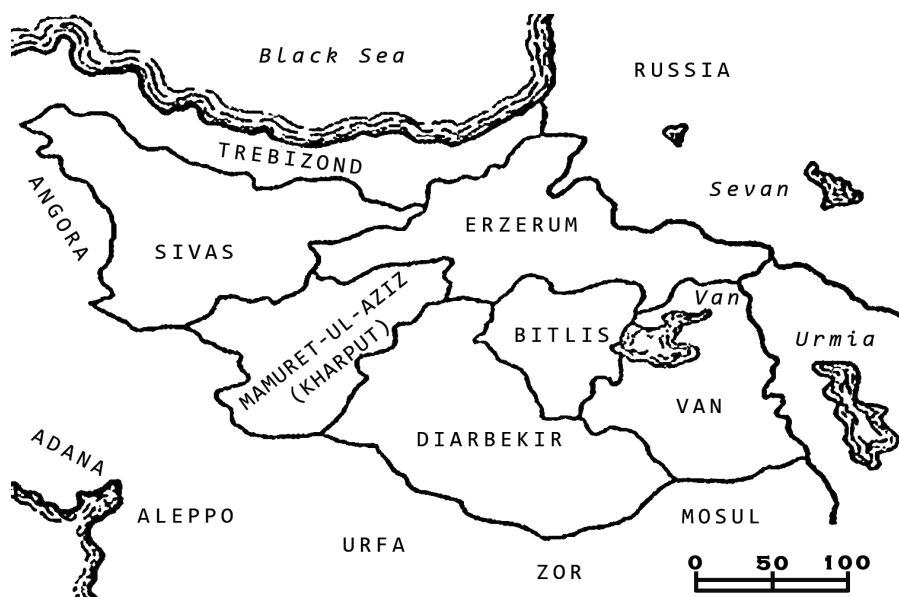
¹ Папазян В. Мои воспоминания. Т. II. Бейрут, 1952. С. 239. (на арм. яз.).

² См.: Матенадаран. Архив Аршака Алпояджяна. Пап. 1. Док. 1190 (13 л., на фр., машинопись).

³ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 51. Л. 1.

⁴ Армяне желали, чтобы управляющий был назначен русской стороной («Эчмиадзин», февраль – март – апрель, 1965. С. 162).

⁵ См.: Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 23.

Карта шести вилайетов Турецкой Армении¹

Создавалась новая система служебных кадров жандармерии и полиции, где на высшие должности назначались европейцы, а на низшие должности – местные христиане и мусульмане – на равных правах и в равной пропорции.

Судебная система губернии подвергалась коренной реформе, создавался институт правосудия и разъездных судов.

Устанавливался порядок, согласно которому призванные к военной службе в Армении все молодые люди, независимо от национальной принадлежности, обязаны были исполнять воинскую службу на своей родине и в сопредельных местностях.

Распускались войска «хамидиэ».

Мусульманам и христианам предоставлялись равные права на получение должностей в администрации.

В губернии наряду с турецким языком признавался как официальный армянский язык.

Таким образом, «с точки зрения свободы религии, правосудия, народного образования, призыва на воинскую службу, землевладения, земледелия и финансовых налогов русский проект предоставлял армянскому населению полную и обильную безопасность»², – писал министр иностранных дел России С.Д. Сазонов.

И наконец, что было весьма важным, русская дипломатия считала необходимым детально уточнить те методы и средства, с помощью

¹ Взято из книги Артема Оганджяна «Armenia 1915. Austro-Hungarian Diplomatic Reports Prove the Genocide» (Vienna, 2011).

² Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 171–172.

которых было бы возможно установить постоянный европейский контроль над выполнением предусмотренных реформ в Армении. Порученный державами контроль должен был осуществляться через их послов в Константинополе и местных консулов.

Содержание программы Мандельштама можно кратко изложить следующим образом: в Армении обеспечить безопасность и справедливость для всех, независимо от национальных различий и религии; гарантировать всем жителям право на сохранность физического существования и право на владение своим имуществом¹.

Несмотря на то, что Мандельштам предусматривал составить такой проект, от обсуждения которого Высокая Порта не отказалась бы, в действительности же получился документ, который фактически охватывал все важные пункты, которые до этого были предложены Армянским константинопольским патриаршеством. Это была, по существу, программа создания автономной Армении, по которой она получала такой политический статус, который был у Ливана².

В течение двух предшествующих десятилетий Россия была категорически против того, чтобы Турецкой Армении было предоставлено хотя бы в самых узких рамках нечто подобное автономии. Министру иностранных дел, известному армяноненавистнику Лобанову-Ростовскому принадлежит следующее мнение, высказанное им в 1895 г. во время резни армян в Турции: «Россия будет рада, если турецкое правление будет реформировано и у христианских подданных султана будет лучшая безопасность жизни и имущества, но она против того, чтобы в Азии создавалась такая страна, где армяне пользовались бы абсолютными привилегиями... В настоящее время армяне России пребывают в возбужденном состоянии, следовательно, местные русские власти вынуждены принять строгие меры, чтобы они не могли переправляться по ту сторону границы (в Турецкую Армению. – Г. С.)... Россия не может принять того, чтобы на ее границе сформировалась новая Болгария»³.

Ныне времена были иные: Турецкая Армения была необходима Петербургу⁴.

¹ Полный текст русского проекта, составленный А. Мандельштамом, см. в изданиях: Сборник дипломатических документов ... С. 61–68; «Оранжевая книга». № 2. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. СПб., 1914. С. 61–69; Лео. Документы по армянскому вопросу. Тифлис, 1915. С. 314–329. (на арм. яз.).

² Одна из провинций Османской империи – Ливан – под давлением великих держав в 60-х годах XIX века получила автономию, которая гарантировалась защитой этих же держав. Этот статус, пользовавшийся покровительством последних, мог быть изменен лишь в том случае, если державы дали бы на то свое согласие (а они никогда бы не дали его). Согласно утвержденному регламенту, губернатором Ливана должен был быть христианин. В данный период губернатором Ливана был армянин Ованнес-паша Гуюмджян, который был назначен на эту должность по одобрению держав. Эта ситуация в Ливане сложилась после резни ливанских христиан-маронитов. После этого в Ливане массовых избиений христиан уже не происходило.

³ Мшак. № 115, 26 сентября 1907 г.

⁴ Заметим, что некоторые органы российской черносотенной печати выступали против проекта программы Мандельштама. Например, в газете «Земщина», обуреваемой антиармянскими настроениями, некий Е. Скурухин напечатал ядовитую статью под заголовком «Автономия Армении невозможна», где автор заключал, что, дескать, армянская автономия крайне вредна для России. Эту статью перепечатала в своем номере от 23 мая 1913 г. издававшаяся в Тифлисе газета «Голос Кавказа».

Как бы то ни было, в это время интересы России полностью совпадали с интересами армян, и последним следовало воспользоваться этим обстоятельством. Проект Мандельштама был им по душе¹.

Российский посол в Константинополе Гирс представил проект программы А. Мандельштама подготовительной комиссии, составленной из представителей посольств государств Тройственного соглашения (Антанта) в Константинополе, членами которой являлись первый драгоман посольства Великобритании Фицморрис, секретарь посольства Франции граф Сен-Кантен и первый драгоман посольства России Мандельштам. Совместно обсудив проект, они приняли его².

За этим должно было последовать рассмотрение документа на уровне послов стран Согласия в Константинополе. С этой целью 4 (17) июня встретились русский посол Гирс, британский посол Лоутер и поверенный французского посольства М. Боппэ. Двое последних полностью одобрили проект, внося в него лишь несколько незначительных поправок.

Таким образом, вокруг основных принципов решения армянского вопроса между государствами Тройственного соглашения создалась атмосфера полного доверия и солидарности.

«В самое ближайшее время я намерен представить проект на совещании послов великих держав»³, – телеграфировал 8 июня Сазонову Гирс.

Поскольку проект реформ в Армении был рассмотрен и принят только дипломатами стран Тройственного соглашения, он еще не являлся правовым документом. Посему 17 июня создается комиссия, в состав которой входят следующие представители посольств всех шести держав в Константинополе: первый драгоман посольства Великобритании Фицморрис, секретарь посольства Франции де Сен-Кантен, драгоман посольства Германии доктор Шенберг, старший драгоман посольства России Мандельштам, директор по коммерческим делам посольства Австро-Венгрии Панфели и второй драгоман посольства Италии А. Шаубер. Эта комиссия, которая получила название «Комиссия по армянским реформам», должна была систематически созывать заседания, подробно изучать все составленные в прошлом программы реформ Армении, затем предпринять обсуждение русского проекта. Члены комиссии должны были работать под непосредственным руководством послов.

Газета «Новое время» писала, что «турки были убеждены в том, что д-р Шенберг будет более расчетливо и преданно защищать интересы султана, чем все паши вместе взятые. Они были уверены в том, что

¹ О мандельштамовских преобразованиях, предусмотренных для проведения в армянонаселенных областях Восточной Анатолии, и сложных вопросах см. Матенадаран. Архив Аршака Алпояджяна. Пап. 1. Док. 1187 (15 л., на фр. языке).

² См.: Матенадаран. Архив Аршака Алпояджяна. Пап. 1. док. 1191 (3 л., на фр. языке, машинопись).

³ Сборник дипломатических документов ... С. 37.

германский дипломат в случае необходимости постарается свести на нет все предложения русской стороны»¹.

До начала обсуждения проекта Мандельштама не только членов комиссии по армянским реформам и правительствам – сторон переговоров, но и органы прессы и вообще общественность крайне интересовали два основных вопроса: 1) какова Армения и ее границы? 2) каково число армян в Армении? Ответы на два этих вопроса должны были помочь участникам переговоров сориентироваться в принятии решений.

Ответ на первый вопрос был прозрачным в том смысле, что в дни обсуждения армянского вопроса для всех был приблизительно ясен территориальный охват историко-географического понятия «Армения».

В течение долгих лет своей работы в константинопольском посольстве Мандельштам собрал разнообразные и многочисленные сведения о территории Армении и численности армян. Для него прежде всего было важно выяснить – какая территория может считаться реальной Арменией на 1913 год?

Веками Азиатская Турция с этнографической и географической точек зрения делилась на три главные части: Анатолию, Армению и Сирию – Месопатамию. На юге региона простирались пустыни Аравии с крайне сухим климатом, с Багдадом, Мосулом, Басрой. А в Армении горы и плодородные долины, ущелья и каньоны. В этой стране, которую чужестранцы называли райским краем, тысячелетиями жил многочисленный армянский народ. Но той Армении, увы, уже не было, она осталась в прошлом. В условиях османского владычества турок и курд веками терзали ее, присвоили себе просторные предгорья и низовья Армянского нагорья, оставив лишь островки жизненного пространства армянскому народу. На бывших гигантских территориях Страны Армянской сейчас жили иные племена и народности или же сотни тысяч отуреченных и окурдившихся армян, быть может, и миллионы. И тем не менее всё еще оставались компактно армянонаселенными 5–6 областей северо-восточной части Армянского нагорья, которые с легкой руки турок были «наречены» Восточной Анатолией, что так и не было принято не только в армянских, но и зарубежных научных и общественных кругах.

Наконец, с северо-западных окраин Армении начинались районы Понта и Малой Азии, т.е. настоящей Анатолии.

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ АРМЯН

Некоторые дипломаты выражали мнение, что армяне не составляют численного большинства, поэтому не могут защищать свои права, которых требуют.

¹ Новое время. № 13662, 24 марта 1914 г.

Армянские деятели и армянская пресса опровергали эти утверждения, привлекая не только армянские источники, но и данные зарубежных исследователей. Они свидетельствовали о том, что несмотря на все беды абсолютное большинство турецких армян живет и продолжает жить на своей тысячелетней исконной исторической родине.

Перепись, проведенная Константинопольским армянским патриаршеством, показывала, что в 1912 г. численность армян в империи составляла не менее 2 160 000¹.

Согласно статистике, нашедшей место в труде Григора Зограпа «Армянский вопрос в свете документов», в 1913 г. в Османской империи проживало 2 миллиона 100 тысяч армян, из которых 1 миллион 18 тысяч – в шести армянских вилайетах, 408 тысяч – в Киликии, а остальные были рассеяны в разных частях империи. При этом на каждые 100 жителей всего населения шести армянских областей приходилось 40 армян, 25 турок, 15 курдов и остальные были представителями различных племен.

В труде французского исследователя Людовика де Контансона «Реформы в Азиатской Турции. Армянский вопрос», изданном в период между Первой и Второй Балканскими войнами, численность армян во всем мире представлена в следующих цифрах:

Азиатская Турция	1 150 000
Европейская Турция	250 000
Россия	1 500 000
Персия	150 000
Египет, США и др. страны	50 000
<i>Итого</i>	<i>3 100 000</i> ²

Обращаясь к вопросу о численности армян в Турции в 1913 г., газета «Новое время» писала, что армяне насчитывают 3 миллиона, из которых 200 тысяч проживают в Константинополе и Турецкой Фракии, 800 тысяч – в различных азиатских вилайетах и около двух миллионов в Древней Армении – в вилайетах Эрзерума, Харберда, Битлиса, Вана и Диарбекира³.

Во второй половине 1913 г. дипломатические службы держав в связи с армянскими реформами по весьма понятным причинам интересовала не столько общая численность армян во всей Османской империи, а какова их численность в шести областях Армении.

Достаточно ли в этих областях Армении армян как этнической цельности, чтобы благодаря реформам они смогли сохранять и развивать свою национальную идентичность и стали стабильной экономической и политической единицей? Этот стержневой вопрос также интересовал константинопольский посольский совет, армянский патриархат, армянские партии и вообще все

¹ Арарат. № 1, январь, 1914. С. 50.

² См.: Де Контансон Людовик. Реформы в Азиатской Турции. Армянский вопрос. М., 1914. С. 15.

³ Перевод статьи газеты «Новое время» см.: Мшак. № 209, 22 сентября 1913 г.

армянство. Для турок и немцев ответ на этот вопрос был однозначно отрицательным.

Еще не были начаты заседания комиссии по реформам в Армении, а Высокая Порта и дипломаты германского блока уже приводили свои разнообразные «аргументы» против данных проекта Мандельштама. Их усилия в самых многообразных проявлениях, конечно же, имели определенный успех. Так, например, у многих сформировалось мнение, что в результате предстоящих реформ в Армении в государственном управлении христиане-армяне не смогут обрести равные с мусульманами права, поскольку они своей численностью уступают мусульманам. Делая акцент на этой «реальности», турецкие и германские дипломаты на разных встречах и в печати постоянно твердили о том, что при этом обстоятельстве становится бессмысленным заниматься специально вопросом армян, тем более если учитывать неопровержимую необходимость улучшения жизни компактных групп иных народов, живущих в Армении. Иными словами, благоустройство положения армян обусловлено общим благоустройством всей Турции.

Как было сказано выше, первый драгоман русского посольства в Константинополе до этого весьма долго занимался вопросами численности армян и занимаемой ими территории. Следовательно, его не удовлетворяли сведения о численности армян в Армении, предоставленные Армянским патриаршеством российскому посольству, вызывавшие некоторые сомнения. Он думал, не раздуты ли эти цифры и не слишком ли расширены армянские границы, включающие Сивасский (Себастиийский) вилайет. Патриаршество каждый раз его успокаивало, подчеркивая, что предоставленные цифры вполне надежны, а официальные и даже неофициальные статистические данные о живущих в Турции народах, особенно армян, доверия не заслуживают, поскольку для турецких властей научная статистика была в буквальном смысле чуждым понятием. Несмотря на уверения патриаршества, российское посольство просило его в пределах возможностей своих епархий, а также с привлечением компетентных российских органов снова уточнить численность армян в шести вилайетах Армении.

В этой неблагоприятной обстановке русская дипломатия, а в частности ее посольство в Константинополе, была вынуждена снова и снова обращаться к циркулирующим статистическим данным об армянском населении Армении. Конкретно этим занялся Андрей Мандельштам. В это время обсуждений армянских реформ на различных уровнях он широко пользовался имевшимися у него под рукой материалами и последовательно защищал те заключения, к которым он приходил: армяне в Армении продолжают составлять незначительное большинство в общем количестве населения, несмотря на то, что их преследовали, истребляли и выслали из страны. В мемуарах дипломата нет упоминаний об этом, но анализ его выступлений на

обсуждениях, имевших место в последующие месяцы, свидетельствует именно о данном факте.

Кроме определения численности армян, другим важным вопросом, интересовавшим посольский совет, была способность армян удержать, развивать и защищать преобразования после их ввода. Это уже был вопрос качества, а не количества. Степень культурной развитости турецких армян в особенности интересовала русских дипломатов.

Органы армянской и русской печати справедливо писали, что в таком деле, каким является армянский вопрос, количество народа, разумеется, имеет большое значение, однако это не единственное обстоятельство, которое может быть решающим. Отнюдь не менее важна также степень цивилизованности населения.

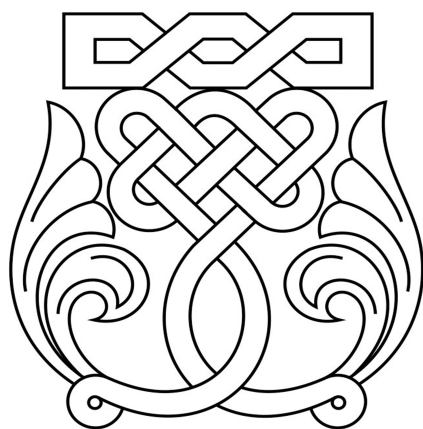
Русский востоковед Ариадна Тыркова, прожившая в Константинополе около года (осень 1911 г. – осень 1912 г.), детально ознакомившись с жизнедеятельностью местных армян, в своей книге «Старая Турция и младотурки» создала ряд типичных для турецких армян характеристик. Она писала, что из всех этнических групп, проживающих в Османской империи, армяне явно наиболее рассудительный, образованный и организованный народ¹.

В конечном итоге Мандельштам считал, что армянский народ – единственный в Армении, который способен не только обогатить, просветить и благоустроить целую страну, но и установить в ней порядок и защищать этот установившийся новый порядок. Надо лишь обеспечить его беспрепятственное развитие².

¹ Тыркова А. Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе. Петроград, 1916. С. 63.

² См.: Нор осанк (рус. *Новое течение*, Тифлис). № 3, май, 1913. С. 630. (на арм. яз.).

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС
В ВОДОВОРОТЕ
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
БОРЬБЫ ВЕЛИКИХ
ДЕРЖАВ

ЕНИКЕЙСКИЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Во второй половине 1913 г. армянский вопрос находился под пристальным вниманием дипломатии великих держав. Вокруг него развернулась ожесточенная борьба, в которой вскрывались все те противоречия, которые существовали между Россией (с которой были Англия и Франция) и Германией (с которой были Австро-Венгрия и Италия). В первой из этих двух группировок не было полного согласия, и это обстоятельство существенно мешало, сковывало инициативы России. В отличие от стран Антанты, в группировке под руководством Германии в армянском вопросе существовало не только согласие, но и сплоченность.

27 июня 1913 г. из представителей посольств шести держав была создана комиссия для обсуждения проекта программы армянских преобразований, составленного А. Мандельштамом.

Обсуждения проекта проходили в австро-венгерском посольстве, расположенном в квартире Ени-Кей, с 3 по 24 июля 1913 г.¹ Участвовали представители посольств шести вышеуказанных государств в Константинополе. Председателем конференции был избран посол Австрии, дуайен дипломатического корпуса в Константинополе Понфили.

Хоть армянский вопрос и не обсуждался на уровне послов, тем не менее сам факт совещания их дипломатов-драгоманов был воспринят армянской общественностью с воодушевлением, ибо это означало, что волнующий армян вопрос вошел в повестку дня Константинопольской конференции послов.

Поскольку обсуждение вопроса армянских преобразований, по существу, было возложено на комиссию по армянским преобразованиям, то есть на послов великих держав в Константинополе, казалось, что армянской Национальной делегации отныне делать нечего. Это обстоятельство явилось одной из причин того, что в своем письме католикосу Погос Нубар-паша просил освободить его от должности руководителя национальной делегации и распустить ее. Как было отмечено выше, католикос отказал Нубару в прощении².

Согласно достигнутой заранее договоренности, комиссия должна была обсудить проект, составленный и предлагаемый Мандельштамом³, который был вооружен множеством фактических, документальных материалов и был готов защищать каждую статью своего проекта. Его могучим противником являлся драгоман германского посольства

¹ См.: История армянского народа. Т. VI. Ереван, 1981. С. 529. (на арм. яз.); Ашчян Ованнес, старший священник. Дорогами армянского страдания. Т. I. Тегеран, 1965. С. 336.

² См.: Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 23.

³ Заметим, что в эти дни на обсуждение были представлены проекты, разработанные французским и английским посольствами в Константинополе. Во французском проекте предлагалось назначить в Армении одного общего инспектора, пусть даже турка, который должен быть подотчетным перед Высокой Портой. А в английском проекте предусматривалось административную часть Армении поручить шести английским инспекторам. С самого же начала этим проектам воспротивились Россия и Германия, и они были сняты с дальнейшего обсуждения.

Шонберг, который пользовался безоговорочной поддержкой представителей Австро-Венгрии и Италии.

В то время как российская сторона знакомила своих коллег с содержанием документа, Высокая Порта готовилась к срыву еникейских консультаций. В своих мемуарах Джемаль-паша писал: «В вопросе армянских преобразований мы стремились освободиться от тех обязательств, которые были навязаны нам русскими»¹.

Еще за два дня до начала еникейских обсуждений, 1 июля, турецкое правительство под диктовку германской стороны выступило с контрпредложением о том, что преобразования следует распространить не только на Армению, но и на все области империи.

Выдвигая свой проект реформ, турецкое правительство ставило перед собой цель вызвать разногласия между участниками еникейского совещания и, следует признаться, сумело достигнуть ее.

Представитель Германии сразу же стал защищать демарш Высокой Порты, предложив в основу обсуждений вопроса о преобразованиях поставить турецкий проект. Он настаивал на том, чтобы предоставить Турции решение своих внутренних проблем, в том числе и армянского вопроса.

В своих воспоминаниях Мандельштам отмечал, что Германия сделала все возможное для того, чтобы провалить принятие русского проекта². Российская сторона прекрасно понимала, что предоставить Турции решение армянского вопроса означает ничего не решить. Если Турция была бы каким-либо европейским государством с более или менее сносными законами, где жители страны были бы гражданами и подданными, наделенными равными правами, где для христиан были бы созданы элементарные условия мирного культурного развития, если бы турецкое правительство в течение десятилетий не душило ужасающими погромами и резней любое проявление недовольства и протеста, то тогда, разумеется, можно было бы сказать, что не надо вмешиваться в ее внутренние дела и надо разрешить самой решить свои проблемы. Но когда государство продолжает громить и уничтожать своих подданных за то, что они иноверцы, когда турок считает, что «эти» созданы для исполнения его любой прихоти, для работы, возделывания его земель и передачи ему урожая, когда правительство натравливает озверевших курдов и черкесов убивать невинных людей, женщин и детей, то какой закон, какая человеческая совесть и разум позволяют возражать: «Не вмешивайтесь, дайте, чтобы турок и курд довершили свое дело!»?

Инициатива и последовательность русских в проведении преобразований в отечестве армянского народа вызывали нескрываемое возмущение германских политических деятелей. «Вместо одобрения, – писал Сергей Сазонов, – Германия пожелала убедить армян в том, что

¹ Записки Джемаль-паши 1913–1919 гг. Тифлис, 1923. С. 56.

² См.: Мандельштам А. Судьба Османской империи. С. 121.

без поддержки Берлина они никогда не увидят исполнения своих стремлений. И начала тормозить дело преобразований и препятствовать ему...»¹

Министр иностранных дел Германии прямо сказал в Берлине российскому послу, что предложения о преобразованиях вряд ли будут иметь какое-либо практическое значение, поскольку Германия никогда не согласится с такими действиями, которые станут угрожать территориальной целостности Турции. Фон Ягов тем самым дал понять, что Германия не допустит, чтобы Россия укрепилась в Малой Азии, так как они сами стремятся к этому.

В своем пространном предисловии под заголовком «Армянское дело», напечатанном по этому поводу, русская газета «Новое время» писала: «Есть страна армян, есть армянский народ, страдающий от курдских набегов, есть Европа, которая 35 лет назад от Турции получила торжественное обещание в том, что [в Армении] будут введены реформы. Нет лишь одного – реформ. По-видимому, со стороны дипломатов нет никакого стремления защищать жалобы армян. Турецкое правительство ныне делает уверения, пытается убедить, что в Малой Азии оно хочет обязательно по своей собственной программе провести преобразования, благами которых будут щедро пользоваться также армяне, и что якобы усердно продвигается окончательная разработка предусмотренных Высокой Портой преобразований...»

Очень хотелось бы узнать, неужели и сейчас в Константинополе существуют наивные, которые верят турецким обещаниям»².

Предложение германской стороны единодушно поддержали представители двух стран Тройственного союза – Австро-Венгрии и Италии. Они единодушно требовали до обсуждения российского проекта обратиться к турецкому проекту.

Российский посол Гирс выразил протест против заявления Тройки, указав на то, что Россия представила на обсуждение свой проект раньше, чем Турция, и поэтому, согласно принципу приоритета, российскую программу следует поставить на обсуждение в первую очередь. Кроме того, русский дипломат отметил, что турецкая программа 1881 года так и осталась на бумаге, и сейчас нет никаких гарантий, что она будет претворена в жизнь.

Как и ожидалось, дипломаты России, Англии и Франции отклонили требования германского блока.

Таким образом, с самого первого дня в Ени-Кее создавалась напряженная нервная атмосфера, которая сохранялась на всем протяжении обсуждений этой комиссии. Министр иностранных дел России Сергей Сазонов в своих воспоминаниях отмечал: «С первого заседания комиссии стало очевидным, что ее работа уже обречена на неудачу»³.

¹ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 170.

² Новое время. № 205, 18 сентября 1913 г.

³ Сазонов С.Д. Указ.соч. С. 172.

Однако российская сторона не собиралась уступать и соглашаться на то, чтобы в основу преобразований в Армении были положены турецкие желания. Она продолжала настаивать на целесообразности обсуждения мандельштамовского проекта, угрожая в противном случае прервать обсуждение вопроса вообще и виновницей этого признать Германию.

Несмотря на яростное сопротивление турок, благодаря последовательной и непреклонной позиции русской стороны, германский представитель был вынужден дать свое согласие на то, чтобы на обсуждение был поставлен только российский проект Мандельштама.

Вмешательства и возражения тандема Турция – Тройка против проекта Мандельштама касались следующих вопросов:

1. Выступая против создания одной (единой) армянской области, драгоман германского посольства Шонберг аргументировал точку зрения своего правительства тем, что указываемая Мандельштамом территория, которая составляет половину Анатолии, или $\frac{1}{7}$ часть Турции, т.е. равна половине Германии или Болгарии и Румынии вместе взятых, не имеет необходимых условий для нормальной деятельности, что там в ужасном состоянии пребывают дороги, следовательно, различные части страны будут лишены возможности общаться как друг с другом, так и с центром единой области¹. Посему, вопреки первоначальному проекту, предложенному российской стороной, германская сторона предлагала вместо одной армянской области разделить ее на два сектора, что дало бы возможность сократить расстояния между населенными пунктами и их центрами и тем самым облегчить управление этих областей. При этом считалось допустимым назначение европейских генеральных инспекторов во главе двух отмеченных секторов, которые должны были назначаться Высокой Портой и утверждаться султанским ферманом. Но в германском проекте не было ни слова об участии христиан в административных органах и вообще об их правах.

2. Под диктовку германской стороны и с согласия Турции к армянскому краю присоединялся Трапезундский район (который отсутствовал в российском проекте), а также несколько других неармянских районов с целью сделать мусульман большинством в Армении. Предложение германской стороны «расширить» Армению преследовало также цель заведомо провалить возникновение автономной Армении на подлежавших реформам территориях, мотивируя это ничтожным меньшинством армян на всей указанной территории.

3. Хотя и на всех общих собраниях допускалось предложение русских о назначении членов из армян и мусульман по принципу половина на половину, но этот порядок, по настоянию германской

¹ См.: Сборник дипломатических документов: Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. – 10 мая 1914 г. / М-во ин. дел. Петроград: Гос. тип., 1915. С. 123.

стороны, должен был действовать только лишь в двух из шести областей, а в четырех остальных должен был действовать принцип пропорциональности представительства.

4. Из русского проекта исключалось положение об обязательном европейском контроле над ходом выполнения Турцией преобразований в Армении.

На конференции российская сторона оказывала упорное сопротивление, защищая свои условия. Она неоднократно подчеркивала, что расчленение Армении на две части недопустимо. И наоборот, драгоман германского посольства Шенберг решительно отстаивал турецкое предложение, автором идеи которого был Берлин, о создании двух районов на территории шести армянских вилайетов вместо одной области.

Географическое понятие «Армения» для Турции не имело ни политического, ни административного значения, другими словами, для турецкого правительства вопрос преобразований в Армении не существовал. Именно исходя из этого, оно и дало свое согласие на идею двух секторов¹.

Российский министр иностранных дел С. Сазонов вспоминал: «Точку зрения русской стороны, которую защищали также французский и английский представители, совершенно невозможно было согласовывать с требованиями Германии и ее союзницы Австро-Венгрии, ибо цель последних абсолютно не соответствовала нашему проекту. Поэтому дальнейшие заседания комиссии превратились лишь в бесплодные споры. Эти споры оказывали угнетающее впечатление на тех ее членов, которые с серьезностью относились к предстоящим преобразованиям и искренне желали хотя бы днем раньше ввести преобразования в этой несчастной стране, где коренной народ периодически подвергается безжалостному уничтожению; они таким образом надеялись предотвратить будущие кровопролития»².

Однако результат сопротивления российской стороны оказался неожиданным. Она объявила о том, что готова не настаивать на положении о создании из губерний Армении одной области под руководством одного губернатора и согласна на то, чтобы Армения была поделена на две области и чтобы каждая из них была под руководством отдельного инспектора. Россия указала, что для нее всё равно, станет ли Армения одной областью или будет искусственно разделена на две области: важно, чтобы руководители этих областей не были зависимы от турецкого правительства, назначались бы только по согласию держав и имели бы столько же власти и полномочий, как генерал-губернатор Ливана.

При этом Россия весьма определенно уверяла Германию в том, что она ничего не ждет от Армении, а лишь желает, чтобы установился порядок на ее приграничье.

¹ См.: Дайлайлик (рус. *Трель*, Константинополь). № 27, 12 марта 1914 г. (на арм. яз.).

² Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 171–172.

Поверенный российского посольства в Константинополе Гулькевич писал Сазонову: «Вместо объединения в одно целое местностей, населенных только армянами, с одним генерал-губернатором, мы были вынуждены довольствоваться формированием двух секторов под контролем двух генеральных инспекторов, а также привлечением частей вилайетов, населенных исключительно мусульманами. Мы были вынуждены отказаться также от нескольких других второстепенных пунктов российского проекта»¹.

Одной из причин вынужденного отступления российской стороны было то, что представители ее союзниц, Англии и Франции, слишком слабо защищали российский проект. Складывалось такое впечатление, будто они защищают документ их российского союзника только лишь формально, для выполнения морального долга.

Хотя в вопросе формирования одной, единой Армянской области под руководством генерала-губернатора Россия проиграла, она осталась непреклонной в вопросе европейского контроля, что было важнейшим и жизненно необходимым требованием в проекте Мандельштама и что могло сыграть решающую роль в реальном выполнении преобразований в Армении.

Развернувшиеся в Ени-Кее бурные и непримиримые споры привели к тому, что после восьми созванных заседаний, сочтя дальнейшие обсуждения абсолютно бесплодными, 24 июля комиссия дипломатов шести держав прекратила свою работу².

Главной причиной провала работы комиссии было явно враждебное отношение представителей Тройственного союза к российскому проекту.

С большим трудом было достигнуто согласие лишь в некоторых принципиально ничего не решающих вопросах, таких как школьный, аграрный и вопрос равенства языков. Что касается главных, принципиальных основ преобразований: формирования одной (единой) армянской территориальной единицы, назначения главного правителя по согласию держав, губернского собрания отмеченной единицы, применения принципа равенства в распределении в нем мест и должностей и других важнейших вопросов – российская сторона потерпела поражение³.

Провал проекта армянских преобразований российской стороны, разумеется, был поражением русской дипломатии. Но несмотря на это Россия продолжала проявлять чрезвычайное хладнокровие и терпение.

Итак, как мы видим, главными игроками в армянском вопросе были Россия и Германия. Слово последней было неоспоримым для ее союзниц, Австро-Венгрии и Италии, а также воздействующим на союзниц России – Англию и Францию. Заметим также, что того единодушия и солидарности, что были в Тройственном союзе, не было

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3472. Л. 101об.

² Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 172.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3472. Л. 99об.

в Тройственном согласии (Антанте). В то время когда представители Германии и ее союзников решительно отстаивали турецкий проект и отвергали русский, представители союзниц России – Англия и Франция – придерживались некоей нейтральной, робкой позиции.

Несмотря на крайнее безразличие союзников к его инициативам, российское правительство не собиралось отказываться от своего видения решения армянского вопроса, а Высокая Порта тем временем делала все, чтобы расшатать русско-армянское сотрудничество.

НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ И ОБНАДЕЖИВАЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ

Российская дипломатия убедилась, что в армянском вопросе отныне невозможно связывать надежды с робкой и непоследовательной позицией дипломатов союзных стран.

В этой, казалось бы, безвыходной ситуации русское правительство было вынуждено пойти *va banque*: правительствам пяти великих держав оно предложило провести совместный военно-морской демарш в прибрежных водах османской столицы, что, однако, было решительно отвергнуто не только Германским союзом, но и Англией и Францией. Это было тяжелым ударом по самолюбию России как великой державы. За этим последовали угрозы из Петербурга: если Турция не покинет Адрианополь, то Россия будет вынуждена: 1) в сопровождении военных кораблей Черноморского флота высадить десант своих сухопутных войск в отрезке Трапезунд – Ризе и начать ввод войск в Турецкую Армению; 2) провести на Кавказе всеобщую мобилизацию, сконцентрировать большие военные силы на границе с Турцией, дабы сорвать возможное вторжение противника в Закавказье.

На это категорическое заявление российского правительства Берлин ответил своей угрозой: ввод русских войск в Турецкую Армению он рассмотрит как *casus belli* и объявит военную мобилизацию. Лондон и Париж также решительно выступили против намерений России. А Турция, которая получила защиту пяти (из шести) великих держав, объявила о том, что она готова не на жизнь, а на смерть биться с готовящимися вторгнуться русскими войсками.

Все это крайне отрицательно сказалось на международной репутации России, в результате чего ее позиции в переговорах по преобразованиям в Армении также пошатнулись.

«Между тем ситуация в армянских вилайетах не только не поправлялась, – вспоминал Сергей Сазонов, – но и, наоборот, посылства держав в Константинополе ежедневно получали от своих консулов сообщения о бесконечных грабежах и зверствах турок и курдов по отношению к армянскому населению. Турецкое

правительство не только не препятствовало этому беззаконию, но и само поощряло его, а германский посол на все это взирал хладнокровно»¹.

Убедившись в том, что выдвинутые им вопросы и впредь не найдут защиты у Англии и Франции, Петербург решил не останавливаться на полпути и предпринять новые шаги для того, чтобы изменить жесткую позицию германских властей по армянскому вопросу. В противном случае предполагалось отказаться от идеи создания из армянских губерний одной единой армянской области и принять германское предложение о создании двух – восточного и западного – секторов. Имелось в виду, что Берлин в качестве компромисса даст согласие включить в территории двух секторов всю территорию армянской единой области, начертанную Мандельштамом, а также оставить неизменным порядок назначения генерал-губернаторов в двух секторах по согласию держав, предусмотренный российским проектом.

С этой целью министерство иностранных дел России поручило своему послу в Константинополе вместе с германским послом Вангенгеймом начать совместную разработку новой программы необходимых преобразований.

По настоянию российской стороны проблема преобразований в Армении в конце концов стала предметом прямых переговоров между Петербургом и Берлином. В конце лета и осенью 1913 года реально действующими персонажами в армянском вопросе являлись именно эти две державы.

Учитывая принципиальную значимость русско-германских переговоров, Россия все время осведомляла Францию и Англию об их ходе. 25 июля министр иностранных дел Сергей Сазонов вручил послу Германии в России новые предложения российского правительства. Одновременно российскому послу в Константинополе было дано распоряжение попытаться вместе с германским послом Вангенгеймом составить один новый документ, приемлемый для Высокой Порты. Петербург был убежден в том, что в случае достижения согласия с германской стороной его союзники непременно выйдут из своего пассивного состояния и включатся в практическое обсуждение вопроса.

25 июля 1913 г. Сазонов писал российскому поверенному в Берлине Броневскому: «По причине разногласий, возникших вокруг радикальных вопросов, дело преобразований предано застыванию, которого, однако, необходимо избежать, имея в виду опасные последствия. По поводу этого я сообщил свои соображения германскому послу и считаю важным, чтобы Вы также сейчас же объяснились с г-ном Яговым по поводу преобразований»².

Российская сторона прекрасно сознавала, что между проектом Мандельштама и германской программой различия были такими

¹ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 158.

² Сборник дипломатических документов ... С. 50.

существенными и радикальными, что вряд ли удастся без серьезных уступок достичь каких-либо результатов в дальнейших переговорах с немцами. Поэтому Петербург с самого же начала поставил в известность германскую сторону о том, что он не против вместо создания одной армянской области формирования на территории Армении двух районов. Однако Берлин этим не довольствовался и требовал изъять из проекта Мандельштама и другие существенные пункты.

В своем очередном письме 6 августа Сазонов пишет русскому поверенному в Берлине Броневскому: «Нахожу чрезвычайно важным в удобную минуту сообщить германскому правительству о нашей постоянной заинтересованности в армянском вопросе, который необходимо сдвинуть с мертвой точки»¹.

В деле достижения согласия с Германией в вопросе возобновления процесса обсуждений по армянским преобразованиям провела большую работу также Армянская национальная делегация и в особенности ее председатель Погос Нубар-паша. На этом пути им еще предстояло преодолеть многочисленные преграды.

Для изменения позиции германского правительства следовало прежде всего доказать ему, что армянские преобразования не содержат какой-либо опасности интересам Германии, поскольку это не направлено против безопасности и территориальной целостности ее союзницы – Турции.

В начале августа 1913 г. Погос Нубар прибывает в Берлин для встречи с министром иностранных дел Готлибом фон Яговым, но выясняется, что тот в зарубежной поездке, поэтому Нубар просит аудиенции у его заместителя А. Циммермана.

Едва началась аудиенция, как Нубар замечает, что Циммерман «неодобрительно относится к нашим преобразованиям»². Тот с самого начала объявляет о том, что Германия не питает доверия к русскому проекту (Мандельштама). Погос Нубар поясняет, что армяне Турции не заинтересованы в присоединении к России, поскольку любой из них считает себя преданным османцем. Требования армян очень скромны, и поэтому следовало бы их удовлетворить, и это могла бы взять на себя одна из великих держав: «современное состояние армянских провинций не может оставаться без изменений». И это не только с точки зрения гуманизма. Это положение может угрожать территориальной целостности Турции, следовательно и миру в Европе. «Нашей целью является дать свободу нашим соотечественникам и воспрепятствовать их возможному отчаянному поступку... В армянском вопросе политической составляющей нет, наша задача обрести хорошее управление»³, – уверяет Погос Нубар. Он поясняет, что армяне всегда требовали только лишь преобразований без идеи о самоуправлении или отделении. Они желают лишь

¹ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 159.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 46. Л. 1.

³ Там же.

внутреннего порядка, хорошего управления, которое обеспечило бы для них мир и справедливость, позволило бы им свободно трудиться и развиваться¹.

В ходе встречи Циммермана стали интересовать некоторые другие конкретные вопросы, которые были причиной его озабоченности.

Озабоченность Германии объединением армянских губерний в одну целую единицу с конечной целью присоединения этой территории к России армянский политик считал необоснованной и в связи с этим приводил весьма убедительные доводы².

Рассуждения и логика чрезвычайно эрудированного армянского собеседника вызвали большой интерес немецкого дипломата.

Пользуясь благоприятной атмосферой, Погос Нубар коснулся возможных последствий срыва программы преобразований в Армении. Напомнив своему собеседнику о возможном восстании киликийских армян, которое не состоялось только благодаря разумным действиям и совместным усилиям армянского патриарха и армянских организаций, он подчеркнул, что подобная угроза может повториться, «если не будет поставлен конец сегодняшнему невыносимому положению»³. Сказав, что он осведомлен о попытке этого заговора, Циммерман соглашается с тем, что подобная угроза сейчас также чрезвычайно вероятна.

Циммерман принимает убедительные доводы Погоса Нубара и заявляет о том, что Германия даст толчок программе преобразований. В то же время советует включить в российскую программу некоторые пункты из турецкого варианта, чтобы не оскорбить Высокую Порту⁴.

Встреча с А. Циммерманом явилась весьма результативной. Германский дипломат получил здравые и убедительные ответы на интересующие его вопросы, и они в значительной степени изменили его точку зрения на армянский вопрос. Эта встреча возымела принципиальное значение в определенной положительной перемене германской политики в вопросе преобразований. Таким образом армянский вопрос начал входить в сферу интересов Германии.

9 августа российский поверенный в Берлине Броневский встречается с министром иностранных дел Германии фон Яговым для беседы по армянскому вопросу. В тот же день русский поверенный телеграфирует Сазонову: «Государственный секретарь отвечал мне возражениями общего характера, указывая на то, что опасно начинать раздел Азиатской Турции, чего Германия стремится избежать, указывая на то обстоятельство, что в самых многолюдных армянских районах армяне составляют 42 процента общего населения, следовательно, везде являются меньшинством». Несмотря на это, фон Ягов

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 41. Л. 2.

² Там же. Д. 46. Л. 2об.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 4.

выразил желание иметь у себя под рукой фактологические обоснования российской программы¹.

В ходе своих встреч в министерстве иностранных дел Германии Броневский постоянно подчеркивал, что его правительство пошло на большую уступку, дав согласие на германо-турецкое предложение об объединении армянских губерний в двух секторах.

Во время своей очередной встречи с фон Яговым 21 августа Броневский вновь напоминает о важной уступке с российской стороны. В этот раз государственный секретарь неожиданно уведомляет русского дипломата о том, что он поручил германскому послу в Константинополе Вангенгейму во время встречи с Гирсом сделать ответный шаг с тем, чтобы если не сгладить, то хотя бы сократить разногласия².

Германское внешнеполитическое ведомство направляет инструкцию своему посольству в Константинополе о вхождении в переговоры с Армянским константинопольским патриаршеством³.

Спустя два дня, 23 августа, Броневский получает телеграмму от помощника Сазонова – А.А. Нератова. Последний сообщал о том, что он официально выражал свое удовлетворение германскому поверенному в Петербурге⁴.

29 августа Нератов запрашивает Гирса: «Желательно узнать, делал ли германский посол Вам какое-либо предложение по вопросу преобразований?» Затем от имени своего министерства он делает следующее указание: «Принимая во внимание соответствующее сообщение Ягова, сделанное нашему поверенному в Берлине, Вы можете, в крайнем случае, сами начать переговоры с Вашей стороны с бароном Вангенгеймом»⁵.

Германия считала, что Россия должна была вести переговоры напрямую с Высокой Портой, то есть русско-германские переговоры заменялись русско-турецкими. Это отнюдь не гарантировало, что турецкая сторона не будет продолжать свои действия под диктовку Германии, внешне сохраняя свою «самостоятельность». В своих переговорах с Россией Берлин официально и демонстративно передавал свои полномочия великому визирю, и это должно было явиться примером также для включенных в процесс армянских преобразований других четырех держав, которые должны были только следить за переговорами и могли вмешаться в них лишь в случае необходимости.

Русско-турецким переговорам было суждено длиться месяцами, вплоть до конца января 1914 года. В течение всего этого времени вся их тяжесть должна была лечь на плечи российского правительства.

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 33. Л. 267.

² Сборник дипломатических документов ... С. 53.

³ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 33. Л. 20.

⁴ Сборник дипломатических документов ... С. 53.

⁵ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 33. Л. 20.

РУССКО-ГЕРМАНСКОЕ СЕНТЯБРЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Поверенный в делах России в Берлине Броневский 29 августа (11 сентября) в секретной телеграмме № 229 сообщал министру иностранных дел Российской империи Сергею Сазонову о том, что в тот же день получил от министра иностранных дел Германии Г. фон Ягова меморандум относительно армянских преобразований, в котором говорится, что часть положений русского проекта можно считать уже принятыми всеми шестью державами, а несогласие части членов константинопольской комиссии с российской точкой зрения обусловлено тем, что они считают неприемлемым для Высокой Порты принятие некоторых из этих положений. Что касается германского правительства, отмечал Броневский, то оно считает невозможным и нежелательным заставлять Турцию сделать то, чего она добровольно никогда не примет. Поэтому берлинский кабинет полагает, что комиссия должна приступить к более углубленному изучению турецкого проекта для внесения поправок, с которыми Высокая Порта в конце концов согласится. По сообщению Броневского, фон Ягов уже дал поручение Вангенгейму проделать такую работу совместно с послом в Константинополе Гирсом¹.

На следующий день, 30 августа (12 сентября), в секретной телеграмме Сазонову Броневский сообщает о том, что он в тот же день посетил министра фон Ягова и во время беседы тот уведомил его, что давал Вангенгейму совет пойти на определенные уступки российской стороне. В то же время фон Ягов подчеркивал, что следует остановиться на таком среднем варианте проекта реформ, который был бы приемлем и для Турции, поскольку державы не настроены на силовой сценарий проведения армянских преобразований.

С 29 августа в Константинополе продолжаются переговоры, начавшиеся между Гирсом и Вангенгеймом. Одновременно вели переговоры Мандельштам и драгоман германского посольства в Константинополе. В этот и последующие несколько дней дискуссия шла в очень напряженной атмосфере.

Немецкий посол продолжал настаивать на том, что заседания комиссии следует вновь начать на основе турецкого проекта. Он подчеркивал, что его страна и в целом Европа не применят никакой принудительной меры против Турции, а поэтому надо ограничиться лишь теми пунктами преобразований, которые она примет добровольно. С этой целью Вангенгейм предлагал собрать совместное совещание русских, германских и турецких представителей для обсуждения точки зрения Высокой Порты. Гирс отказался принять это предложение, полагая, что подобное совещание будет способствовать лишь затягиванию решения вопроса, а что касается желаний Высокой Порты, то

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3464. Л. 24.

о них можно узнать во время откровенных разъяснений с великим визирем, и для этого отнюдь не нужно организовывать особых совещаний. В итоге российский посол заявил Вангенгейму, что не считает возможным отступать от тех пунктов проекта, которые могли бы удержать армян от восстания¹.

Решительная позиция российского дипломата принуждает посла Германии несколько отступить от своих позиций. В своей очередной (№ 830) секретной телеграмме от 2 (15) сентября Сазонову Гирс сообщает о том, что Вангенгейм согласился с российской программой, заявив, однако, что следующие три пункта не совсем прояснены: 1) назначение генеральных инспекторов в двух армянонаселенных секторах при дружественном согласии держав; 2) контроль, проводимый послами как при непосредственных контактах с Высокой Портой, так и через консульских представителей на местах в соответствии с 61-й статьей Берлинского трактата; 3) равное число христиан и мусульман в местных собраниях и на административных должностях².

Вангенгейм обуславливал свою «уступку» необходимостью предварительной проверки, насколько Высокая Порта готова принять эти три пункта. Он вновь (уже в который раз) предлагает Гирсу созвать специальное совещание русских, германских и турецких дипломатов и выяснить отношение Высокой Порты к трем вышеперечисленным пунктам. «Однако я отклонил это предложение, – подчеркивал Гирс в указанной телеграмме, – поскольку не нахожу удобным поднимать явную роль Германии в глазах Турции в деле армянских преобразований перед другими державами», тем более что германский посол заявил, что Германия вынуждена учитывать также мнение своих союзников, которые всегда готовы обвинить ее в недостаточной защите интересов Турции (якобы подобный упрек был со стороны Италии). «Но я сомневаюсь в искренности моего коллеги, когда он оправдывает холодность Германии к армянским преобразованиям интересами союзников. По мере возможности я буду побуждать его к более сострадательному отношению к армянам, будучи уверенным в том, что, если нам не удастся провести нашу программу в ее главных пунктах, то в Армении нас ожидают серьезные осложнения»³.

В последующие дни переговоры проходили в конструктивном русле. Примерно начиная с 3 сентября оба посла встречались почти каждый день и стремились найти общий язык. Ход переговоров показал, что без взаимных уступок невозможно ожидать каких-либо результатов, однако в основном шла на уступки российская сторона. Особенно бурная полемика развернулась вокруг двух принципиальных вопросов, которые были предложены русской стороной еще при еникейских обсуждениях, но были отвергнуты совместными германо-турецкими усилиями. Они в основном касались объединения

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 58.

² АВПРИ. Ф. «Подитархив». 1913 г. Д. 3464. Л. 31.

³ Там же. Л. 31об.

армянских губерний в один сектор (район, область) и назначения его руководителем одного общего контролера (инспектора)-христианина.

Сочтя вопрос создания двух армянских секторов (областей) вместо одного уже раз и навсегда решенным, Вангенгейм, по существу, направил свои усилия на передачу Высокой Порте управления ими.

Согласно российскому проекту предусматривалось, в случае разделения Армении на два сектора, поручить управление этими территориями двум христианским генерал-губернаторам, назначаемым державами. Однако сейчас Вангенгейм уже требовал, чтобы Высокая Порта сама назначала руководителей этих двух административных единиц, которые должны были носить звание генеральных инспекторов¹ (*inspecteurs généraux*), а державы со своей стороны назначали бы по одному европейскому советнику в помощь руководителям этих районов².

В этих перечисленных выше двух важнейших вопросах Гирсу пришлось уступить и принять предложения германской стороны. На эти предложения вынужденно дал свое согласие также представитель католикоса Геворга V Погос Нубар-паша.

Русскому послу удалось сделать приемлемыми лишь два чрезвычайно существенных пункта: а) какие бы преобразования ни проводились в Армении, они должны контролироваться великими державами; б) в случае разногласий между генерал-инспектором и их советниками, решающий голос принадлежит последним. Для будущего Армении добрым знаком стало то, что эти пункты были приняты без сопротивления со стороны посла Германии.

Наконец 8 (20) сентября 1913 г. заканчиваются русско-германские переговоры о реформах в Армении³, а 10 (23) сентября Гирс и Вангенгейм подписывают соглашение из 6 пунктов следующего содержания:

1. Высокая Порта должна обратиться к великим державам с тем, чтобы для двух секторов Восточной Анатолии (первый сектор, т.е. северный – губернии Эрзрум, Трапезунд⁴ и Сивас, и второй сектор, т.е. южный – губернии Ван, Битлис и Харберд (Диарбекир)) они отправили двух инспекторов⁵.

¹ В литературе и печати использовались также словосочетания «общие следователи», «общие ревизоры», «генеральные следователи», «генеральные директора», «генеральные инспекторы» и термин «правитель» (области). В данной работе мы предпочли использовать преимущественно словосочетание «генеральные инспекторы», поскольку оно наиболее часто используется в литературе.

² См.: Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 26–27.

³ См.: Мшак. 22 сентября 1913 г. № 209.

⁴ Присоединение Трапезундской губернии с компактно проживающим мусульманским населением к другим армянским областям значительно меняло баланс численности армянского и мусульманского населения в пользу последнего, однако армянский элемент продолжал доминировать в Ванской губернии, а в Эрзрумской (Карин) и Багешской (Битлис) губерниях уступал мусульманам незначительно. Только в этих трех губерниях было около 1500 сугубо армянских сел (см.: Оризон. № 138, 28 июня 1914 г.).

⁵ После переговоров Гирса и Вангенгейма в международных дипломатических документах для двух административных единиц (районов) Армении в основном применялся термин «сектор», а для руководителей секторов, как было отмечено, преимущественно использовалось словосочетание «генеральные инспекторы».

2. Инспекторы назначаются по предложению держав и приказом Высокой Порты. Им предоставляется право освобождать чиновников всех рангов, назначать подчиненных подведомственных им секторов, представлять султану на утверждение высокопоставленных лиц и всех судей.

3. В каждом секторе утверждается выборное собрание по принципу – половина от мусульман, половина от христиан.

4. Этот принцип считается приемлемым для упорядочения всех должностей двух секторов.

5. Великие державы должны контролировать ход преобразований как через своих послов в Константинополе, так и местных консулов.

6. Высокая Порта, при согласовании с великими державами, в двух секторах Восточной Анатолии должна проводить также другие преобразования¹.

Итак, вследствие значительного сокращения российского проекта реформ в Армении и изменения содержания многих пунктов был создан, по существу, новый проект.

В телеграмме, посланной в тот же день, 10 сентября, министру иностранных дел Сергею Сазонову, посол в Константинополе М. Гирс сообщал: «Мой германский товарищ и я согласились приложить наши усилия, с тем чтобы Высокая Порта и наши товарищи (имеются в виду послы четырех остальных великих держав. – Г. С.) приняли программу преобразований в Армении»².

Как видим, программа 10 сентября в значительной степени уступала по своей эффективности и действенности русскому проекту (Мандельштама). Несмотря на это, Петербург был вынужден смириться с реальностью и одобрить подписанный его послом документ.

11 сентября управляющий делами министерства иностранных дел России Нератов сообщал российским поверенным в Париже и Лондоне о том, что соглашение, подписанное Гирсом и Вангенгеймом, «нашло одобрение императорского правительства» России³.

Русский проект, согласованный с Германией, в окончательной редакции был разослан правительствам всех великих держав для вручения Турции. При этом европейские державы должны были предложить русский проект Турции не в качестве доброго совета, а как совместный вердикт⁴.

Правительства европейских стран приветствовали российско-германское соглашение прежде всего потому, что изменения, внесенные в программу Мандельштама, в значительной степени ослабили роль российской стороны в дипломатической борьбе, все еще продолжающейся вокруг программы преобразований в Армении.

¹ Об основных положениях документа, составленного совместно российским и германским посольствами по проекту преобразований, см.: Матенадаран. Архив Аршака Алпояджяна. П. 1. Д. 1196 (машинопись на фр. яз.).

² Сборник дипломатических документов ... С. 60.

³ Там же. С. 276–277.

⁴ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 278.

Российский поверенный в Берлине Броневский в своей телеграмме С. Сазонову извещал о том, что министр иностранных дел Германии Готлиб фон Ягов «очень доволен соглашением, о чем он известит австро-венгерское и итальянское правительства»¹.

Подписывая соглашение, Берлин преследовал две главные цели.

Во-первых, сохранить влияние Германии на османское правительство. Надо было внушить туркам, что прежняя форма управления Арменией отныне опасна для самой Турции и ее целостности, ибо в случае широкомасштабных волнений вблизи российских границ Россия могла бы вмешаться, а Турция была бы не в состоянии своими силами приостановить вторжение русских войск.

Следовательно, после внесения радикальных изменений в программу армянских преобразований германская сторона, подписывая ее, тем самым устраняла возможность военного вмешательства России и удерживала армянские вилайеты под властью Турции, что в дальнейшем привело бы к ослаблению значимости армянского элемента на приграничных с русским Кавказом территориях, и, таким образом, опасность, нависшая над Османской империей, была бы устранена.

Довольно было и английское правительство. В телеграмме Сазонову русский поверенный в Лондоне д'Эттер отмечал, что министр иностранных дел Великобритании Грей был обрадован, узнав о согласии, достигнутом в Константинополе, находя, что это – самое правильное средство «для избежания опасных осложнений, которые могли бы возникнуть на почве [столкновения] малоазийских интересов»². В другой телеграмме д'Эттер сообщал по тому же адресу, что «английское правительство будет защищать перед Высокой Портой нашу программу преобразований в Армении, которую разработали наш и германский послы в Константинополе»³.

Приблизительно такую же телеграмму получил Сазонов от русского поверенного в Париже Севастопуло: «Я вручил Палеологу программу армянских преобразований. Он нашел программу чрезвычайно целесообразной и обещал, согласно Вашему пожеланию, отправить соответствующее указание французскому послу в Константинополе»⁴. Спустя два дня, 14 (27) сентября, тот же поверенный в секретной телеграмме № 466 сообщал: «Во время нашей сегодняшней беседы по поводу нашей программы армянских преобразований Ларжери возбудил вопрос о национальности инспекторов. Он вполне понимает, что одним из них, вероятно, в северной области, непременно должен стать русский, и он не претендует на какую-либо одну из этих должностей для Франции, [но] для Франции было бы отнюдь неудобным назначение немца, т.к. именно в этой области Франция должна

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 278. Л. 277.

² Там же.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». Г. 1913. Д. 3464. Л. 55.

⁴ Сборник дипломатических документов ... С. 62.

иметь ощутимые железнодорожные интересы. Между тем из Берлина, по сведениям Камбона¹, как будто подобного предположения не существует»².

Обращаясь к достигнутому русско-германскому соглашению, С. Сазонов так оценивал его: «Хотя и после германо-русской переработки программа преобразований получилась довольно куцей, тем не менее она приемлема для российского правительства, потому что даже в этом несовершенном виде она существенно улучшала положение турецкоподданных армян»³. Российский министр иностранных дел находил, что, несмотря на все свои недостатки, это соглашение в целом соответствовало стоящей перед ним главной цели – положить конец жестокому поведению турецких чиновников-взяточников и разнузданным бесчинствам курдов. Предполагалось, что оно должно было стать первым шагом в улучшении гражданской жизни христианского армянского народа, который вопреки всем божеским и человеческим законам веками был вынужден страдать под кровавым турецко-курдским ярмом. «За этим первым шагом, – писал С. Сазонов, – неизбежно должны последовать другие шаги, и для армян наконец должна быть создана возможность для жизни в более мирных и сносных условиях для человеческого существования, защищенного от внешних притеснений»⁴.

Разумеется, каждая великая держава оценивала соглашение 10 сентября, исходя из своих интересов, хотя и казалось, будто в данном случае позиция каждого заинтересованного европейского государства в отдельности благоприятна для справедливого решения армянского вопроса. Но это было лишь внешней стороной действительности. Эти державы были настолько далеки друг от друга и руководствовались такими несовместимыми расчетами, что были неспособны проводить сообща какие-либо преобразования в Армении, особенно с учетом условий и порядков, царящих в ней.

Проблема обустройства населенных армянами губерний волновала Россию лишь в той степени, в какой давала бы возможность вовлечения их в сферу своего влияния. А Франция и Англия, будучи верными своей традиционной политике, восхваляли эти преобразования, дабы продлить жизнь Османской империи, с тем чтобы возвести тем самым преграду перед стремлениями и чаяниями России и Германии.

Для тех, кто не ведал об этих мотивах великих держав, было непонятным изменение политики Германии в армянском вопросе – той европейской страны, которая 35 лет придерживалась откровенно враждебной позиции в отношении армянского вопроса и армян в целом, и сейчас, применяя разнообразные политические комбинации,

¹ Французский посол в Константинополе.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3464. Л. 52.

³ Айреник. № 2, февраль, 1948. С. 48.

⁴ Там же.

меняла или смягчала свое непримиримое отношение и протягивала России руку для решения этого затертого, труднейшего вопроса с помощью общей солидарной программы. Можно с уверенностью утверждать, что она пришла к согласию с Россией по армянскому вопросу с двоякой целью: во-первых, дабы показать Высокой Порте, что она удержала Россию от более широких реформ и для Турции создала безопасную ситуацию; во-вторых, для Германии было весьма важно завоевать симпатии армян, которые численно, а тем более политически доминировали в Киликии, являвшейся сферой ее влияния. Издававшаяся в Марселе ежедневная газета «Le sémaphore de Marseille» писала о том, что можно, не колеблясь, утверждать, что в армянском вопросе германская политика меняется и постепенно отдалается от истребительской по отношению к армянам абдулгамидовской политики, которой она содействовала в течение долгих лет. Основной причиной этого газета считала неутолимое стремление Германии завладеть прежде всего армянской Киликией. Именно по этой причине поведение Германии на всем протяжении переговоров отличалось лицемерием, и ее содействие армянам носило лишь показной характер. В действительности же барон Вангенгейм и тем более фон Муциус оставались преданными консультантами Турции¹.

Не случайно, что хорошо осведомленные армяне весьма верно оценили это коварное поведение германской дипломатии. Несмотря на это, армянское общество также, исходя из факта глубоких противоречий между державами в вопросе преобразований в Армении, в целом оценивало положительно результаты российско-германских переговоров.

После завершения сессии российской Государственной думы ее член Микаэл Пападжанян отправился в Константинополь, Париж и Берлин и там состоялись его продолжительные беседы с общественными и политическими деятелями по всем тем вопросам, которые интересовали армянское общество.

Возвратившись в Россию, Пападжанян в Баку, в зале Армянского благотворительного общества выступил с докладом об армянском вопросе и описал текущую ситуацию. Говоря о традиционно отрицательном отношении германской дипломатии, он подчеркивал, что, по его мнению, в ближайшем будущем об армянском вопросе можно будет говорить с большим оптимизмом, ввиду удачного хода российско-германских переговоров.

В высших авторитетных кругах уже были уверены в том, что русская программа преобразований в Армении отныне не вызовет возражений, и можно надеяться, что документ вскоре будет представлен турецкому правительству².

¹ Отрывок из перепечатанной в армянском переводе статьи, опубликованной газете «Март» (Москва). № 1. 1 января 1914 г.

² Март. № 13, 1 октября 1913 г.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОМУ МИРНОМУ СОГЛАШЕНИЮ

Несмотря на усеченность соглашения от 10 сентября, армянские деятели в Турции были рады, что германский посол подписал этот документ. Они считали, что соглашение является тем достижением, о котором только может мечтать любой армянин в Турецкой Армении.

Русско-германское соглашение было на столе, однако в душе армянских деятелей, в том числе, Погоса Нубара, таилась тревога – примет ли это соглашение Высокая Порта? Ведь опыт десятилетий, последовавших за 60-ми гг. XIX в., показывал, что все предложения, сделанные для решения армянского вопроса, остались без последствий, потому что турецкие власти отказывались их выполнять.

Опасения армян были обоснованными. Едва закончились российско-германские переговоры, как державы узнали о том, что турецкие правители склонны бойкотировать соглашение 10 сентября. Они хорошо понимали, что вопрос армянских преобразований вышел на новый этап продвижения, и это вызывало у них тревогу. Турецкое правительство, как и прежде, продолжало избегать понятий «армянская проблема», «армянский вопрос» и постоянно использовало надуманное, фальшивое название «Восточная Анатолия».

В середине сентября 1913 г. послы Гирс и Вангенгейм представили председателю Совета министров Турции Саиду Халил-паше армянские требования из шести пунктов. Едва просмотрев документ, турецкий садразам заявил, что его правительство никогда не примет эти предложения, сформулированные русскими и немцами¹. Совет министров пришел к заключению, что этим документом для Турции фактически создается новая Македония, и было решено противодействовать его осуществлению. После твердого возражения Саида-паши и заключения Высокой Порты послы заявили, что могут пойти на переговоры по тексту соглашения. Узнав об этом противодействии Высокой Порты в отношении проекта, новый патриарх турецких армян Завен Тер-Егияян² и армянские национальные деятели выразили решительный протест русскому и немецкому послам в Константинополе, требуя, чтобы те не шли ни на какие уступки в вопросах инспекторов и их советников³.

¹ МЛИ РА. Фонд Григора Зограпа. Д. 91. Л. 12.

² В результате взятия балканскими союзниками Адрианополя и других городов в марте-апреле 1913 г. Турция оказалась перед угрозой поражения. Это не входило в интересы великих держав, и при их посредничестве в Лондоне был заключен мирный договор между Турцией и балканскими союзниками. Но во время дележа военной добычи, союзникам не удалось прийти к согласию. Неприязнь и раздоры, привели ко Второй Балканской войне, но в этот раз уже между вчерашними балканскими союзниками. Война длилась до 10 августа. Воспользовавшись создавшейся неразберихой, турки отвоевали себе значительную часть бывших османских владений на Балканах, в том числе и Адрианополь (!). На вновь завоеванных территориях турки учинили резню армян (!) города Родосто (ныне – Текирдаг, Турция) и армянского села Малкара. В знак протеста патриарх турецких армян Ованнес Аршаруни отказался от престола и новым патриархом был избран Завен Тер-Егияян.

³ МЛИ РА. Фонд Григора Зограпа. Д. 91. Л. 12.

Вскоре турецкой стороне стало известно, что как Петербург, так и Берлин настроены решительно в воплощении всех пунктов договора. Поэтому через несколько дней, когда послы вновь явились в Высокую Порту за ответом, Саид-паша спокойным тоном объявил, что они решили принять предложение о назначении генеральных инспекторов по российско-германскому соглашению, но с условием, чтобы они были османцами. А что касается их советников, то Высокая Порта не против того, чтобы они были европейцами, наделенными широкими полномочиями.

Как и в прошлом, бельмом на глазу для турецкого правительства и «Иттихада» считался вопрос европейского контроля над процессом преобразований. Высокая Порта и поддакивающая ей турецкая пресса в один голос твердили: «Мы не хотим контроля!» Они рассматривали контроль как оскорбление в адрес османского достоинства, державных прав и независимости страны.

В эти дни армянский патриарх архиепископ Завен Тер-Егисян со своей свитой был принят султаном. На приветственные слова патриарха султан ответил: «...Армянская нация всегда была одной из самых преданных этой стране. Я уверен, что Вашими благими усилиями она и впредь продолжит оказывать Османской стране полезные услуги, чем обеспечит свое благоденствие. Это – одно из моих самых великих пожеланий»¹. Затем султан сказал, что европейский контроль оскорбителен не только для турок, но и для армян, что турки и армяне все имеющиеся между ними вопросы могут решать совместно, без внешнего вмешательства².

После этой встречи армянская печать приветствовала положительное отношение султана к армянам, однако сочла неприемлемой его точку зрения об исключении европейского контроля. «Если не хотите контроля, то сами предпримите преобразования, – советовала газета «Ашхатанк» и продолжала: – Вы, что, хотите, чтобы эта страна вечно страдала в кошмаре беззащитности и погромов, хотите, чтобы продолжались убийства, насилие, официальный и неофициальный произвол? Не хотите контроля, но хотите, чтобы убивали армян, чтобы учинялась новая Адана?! Не является ли это оскорблением османского достоинства, не наносит ли ущерба независимости Турции и ее державным правам? Неужели побоища армян образуют ореол славы турецкого государства, приумножают его славу и честь?!»³

В ответ на турецкий протест «Мы не хотим контроля!» ванская газета «Ашхатанк» армянской революционной федерации (АРФ) «Дашнакцутюн» в статье «Вы не хотите контроля, мы хотим реформы» писала о том, что армяне с нетерпением ждут преобразований и их непосредственного воплощения. И это вытекает из [интересов] настоящего османского патриотизма. Затем газета подчеркивала, что

¹ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 337в. Док. 212. Л. 42.

² Арарат. № 1, январь 1914 г. С. 28; Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 337в. Док. 212. Л. 43.

³ Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 337в. Док. 212. Л. 43.

контроль Европы в деле преобразований подсказан историческим опытом и необходимостью и является следствием губительной политики турецкого правительства. «Мы желали бы, чтобы наша родина (имеется в виду Османская империя. – Г. С.) спасалась нашими (всех османцев. – Г. С.) же руками, мы желали бы, чтобы преобразования воплотились нашими усилиями. Для этой цели народ армянский ничего не жалел, как в прошлом, так и в конституционный период. Но все наши стремления были разбиты вдребезги, все наши усилия оказались напрасными перед произволом турецкого режима и ядовитой ненавистью, возвращенной турецким менталитетом»¹.

Газета «Ашхатанк» была убеждена, что после всех горьких и кровавых испытаний армянский народ отныне вправе не верить в искренность турецкого шовинизма, поскольку «не было в истории хоть одного дня, чтобы турецкое правительство выполнило бы свои обещания, не было ни одного дня, чтобы за его словом последовало дело»².

После встречи патриарха Завена с турецким султаном германский посол Вангенгейм посещает армянского патриарха и выражает пожелание, чтобы тот лично сделал Высокой Порте предложения по преобразованиям, уверяя его в том, что они будут приняты и что в нынешних благоприятных обстоятельствах было бы правильным, чтобы армяне непосредственно сами пришли к соглашению с Высокой Портой.

Патриарх ответил послу, что он не глава государства, чтобы указывать, как следует выполнять преобразования, что он лишь усердный пастырь, заботящийся о благоденствии своей паствы, и обязан лишь ставить в известность Высокую Порту о творимых бесчинствах и ждать предпринимаемых правительством мер. Не является делом армянского патриарха и то, чтобы диктовать исполнение преобразований или определять образ их исполнения. Патриарх напомнил также о том, что по единодушному решению турецкоподданных, российскоподданных и зарубежных армян Католикос всех армян поставил с армянской стороны во главе дела реформ Нубар-пашу, и поэтому он не уполномочен давать инструкции кому-либо. И поскольку этими правами наделен только лишь Погос Нубар, следовательно, если Высокая Порта и германский посол заинтересованы в продвижении дела, то им следует пригласить в Константинополь Нубар-пашу для переговоров с турецким правительством. Архиепископ Завен обратил внимание Вангенгейма на то обстоятельство, что, если даже было бы возможно доверять нынешнему иттихадскому правительству, то все равно нет никакой гарантии, что в стране, где быстро меняется политическая ситуация, не придут к власти другие политические силы после очередного переворота, которые сразу же позабудут об обещаниях, данных их предшественниками.

¹ Ашхатанк (рус. Труд, Ван). № 6 (152), 7 декабря 1913 г. (на арм. яз.).

² Там же.

День за днем патриархат сообщал Погосу Нубару по телеграфу о ходе дела, и благодаря его указаниям и энергичной деятельности между Парижем и Берлином были достигнуты значительные успехи¹.

В эти дни Нубар-паша был в Берлине, где в очередной раз встречался с вице-министром иностранных дел А. Циммерманом. Он обратил внимание последнего на задачу осуществления контроля держав над процессом преобразований, так как любая уступка Турции в этом вопросе может привести к провалу начатого дела.

Активная дипломатическая деятельность армянской стороны вынудила турок предпринять контрмеры. Совет министров решил, что не следует дожидаться очередных шагов великих держав, а необходимо выступить с собственной инициативой преобразований в Армении, выдвинув вновь закон о вилайетах 1881 г., в котором, разумеется, не было ни слова ни об административной структуре Армении, ни о генеральных инспекторах секторов, ни о европейском контроле и ни об остальных пунктах, нашедших место в сентябрьском соглашении.

Совет министров поручил премьеру (который также исполнял обязанности министра иностранных дел) категорически отвергнуть положение о европейском контроле российско-германского мирного соглашения 10 сентября, а также настаивать на том, чтобы инспекторов секторов назначала Высокая Порта, а кандидатов на пост их советников выдвигали державы. Согласно представлениям турецкого правительства, эти чиновники должны быть европейцами, но фактически – полностью лишенными исполнительной власти².

На основании рекомендации Совета министров был составлен текст проекта-контрпредложения, который 20 октября был вручен российскому посольству³.

Хотя и турецкое контрпредложение по части советников на первый взгляд казалось несущественным, Погос Нубар усматривал в нем скрытую угрозу институту генеральных инспекторов. Реализация этого предложения вызвала бы такие трудности и рожденные ими такие осложнения, которые поставили бы под угрозу уже достигнутые минимальные договоренности. Он замечал, что идею о европейских консультантах лично вдохновил премьер Саид Халим, который, будучи египтянином, но пребывая на посту турецкого премьера, рассуждает согласно порядкам своей родины. В этой стране в каждом министерстве существуют консультанты, наделенные широкой исполнительной властью, но подчиненные министрам. Между ними не бывает столкновений, так как в Египте все консультанты министерств – англичане, которые в этой стране продолжают сохранять свое преимущество не только перед египетскими, но также и другими европейскими (не англичанами) чиновниками. Условия в Египте

¹ МЛИ РА. Фонд Григора Зограпа. Док. 91. Л. 2.

² Арарат. № 1, январь 1914 г. С. 51.

³ Матенадаран. Архив Аршака Алподжяна. Пап. 1. Док. 1198. 3 л. (на фр. яз., машинопись).

и в Армении совершенно различны: если в первом случае консультанты при министерствах назначаются одним государством – властями Англии, то совершенно иной будет ситуация в Армении, «где за спиной консультантов, не имеющих определенных компетенций и обязательств, будет стоять не одно, а шесть государств», от которых трудно ожидать стабильного согласия¹. В таких условиях при возникновении споров между инспекторами и их советниками, таковые должны были бы решаться при вмешательстве Высокой Порты, а это означало бы похоронить в куче бумаг Совета министров любую жалобу советников на инспекторов. «Будучи хорошо знакомым и с волокитством оттоманской дипломатии, – говорил Погос Нубар, – можем быть уверенными, что упомянутые столкновения будут решаться в пользу генеральных инспекторов, и тогда, разумеется, обесценится юрисдикция консультантов»².

Погос Нубар считал, что выходом в решении этого вопроса было бы то, чтобы консультанты также обладали реальной исполнительной властью для уравнивания власти инспекторов. Это в свою очередь способствовало бы тому, чтобы державы выполняли контроль на месте, а не через своих послов в Константинополе³. Более того, Нубар-паша выразил мнение, что он даже был бы не против, если назначенные Высокой Портой генеральные инспекторы постоянно оставались в Константинополе и оттуда «руководили» делами двух секторов, а назначенные державами и наделенные практическими полномочиями советники на местах продвигали реформы.

Возвращаясь к теме отмеченного выше заседания Совета министров, заметим, что он также поручил премьеру отныне на все запросы послов держав по армянскому вопросу отвечать, что Высокая Порта сама настроена удовлетворять требования армян, являющихся османскими гражданами, для чего составлена программа реформ, которые будут со временем претворены в жизнь после изыскания необходимых средств. Правительство в этом ключе должно было давать ответы также на запросы представителей армян.

Эту идею туркам внушил германский посол Вангенгейм, который от имени Тройственного союза говорил Гирсу, что было бы правильным дать Турции три года для самостоятельного введения преобразований в Армении. С. Сазонов писал, что, дав свое согласие на совместную разработку программы преобразований германским и российским послами в Константинополе, правительство Германии не только ничего не сделало в вопросе защиты этой программы перед Высокой Портой, но и постаралось всячески затянуть ее реализацию.

¹ Арарат. № 1, январь 1914 г. С. 52.

² Там же.

³ Там же. С. 33–34.

ВСТРЕЧИ ДИПЛОМАТОВ И НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Целых три с половиной месяца с начала октября 1913 г. до конца 1914 г. привлеченные к решению армянского вопроса дипломаты держав были заняты проблемой принятия Турцией российско-германского соглашения. Иными словами, если после еникейского провала главной заботой русской дипломатии и Погоса Нубара было обеспечение участия Германии в вопросе армянских преобразований, то после заключения российско-германского соглашения 10 сентября на первый план выдвигалась проблема нейтрализации усилий Турции, направленных на срыв этого соглашения.

Вот с этой задачей Погос Нубар в конце сентября 1913 г. отправляется в Берлин и вновь встречается с вице-министром иностранных дел А. Циммерманом. В ходе беседы он поднимает вопрос об установлении контроля держав над выполнением преобразований. Циммерман заверил, что полностью разделяет точку зрения П. Нубара о важности контроля и что германское правительство будет последовательным в вопросе продвижения соглашения 10 сентября. После возвращения из Берлина в Париж Нубар-паша узнал о том, что германское правительство выполнило данное обещание и уже достигло соглашения с Россией по этому вопросу, что означало – согласие достигнуто между всеми державами. Оставалось лишь заставить Турцию принять проект программы и реализовать ее.

Однако Нубар-паша сомневался, что Турция легко отступит, и поэтому считал, что «без внушительного давления на Высокую Порту невозможно добиться чего-либо»¹.

Нубар-паша был уверен, что в данный момент таковым могло быть лишь финансовое давление. Он не терял надежды на то, что французское правительство наконец откажет просьбе Высокой Порты в предоставлении ей займа. Преследуя эту цель, он направляет множество обращений Министерству иностранных дел Франции, членам парламента, авторитетным публицистам, призывая их воздействовать на правительство с целью усиления финансового давления на Турцию.

Спустя несколько дней (7 октября) Нубар-паша встретился с министром иностранных дел Франции Пишоном. Во время переговоров с ним он потребовал гарантий выполнения соглашения 10 сентября, которые и получил.

Несколько позже, в начале ноября, он встречается с прибывшим в Париж премьер-министром России В. Коковцевым и во время продолжительной беседы получает от него уверение в том, что Петербург настроен решительно в продвижении армянского вопроса, однако для этого необходимо время.

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 1.

Правительство Италии тем временем также демонстрирует свое положительное отношение к российско-германскому соглашению.

В секретной телеграмме № 904 от 11 (24) октября на имя С. Сазонова Гирс сообщал: «Завтра я должен иметь специальное совещание по армянскому вопросу с великим визирем Саидом Халимом. Он обещал мне представить в письменном виде свои возражения относительно наших пунктов. Вероятно, они будут отрицательными, но по причине неофициального характера наших разъяснений я намерен не придавать им значения отказа, а постараюсь воспользоваться ими, чтобы втянуть его в обсуждение со мной армянского вопроса, которого он до сих пор избегал»¹.

Во время очередного визита, нанесенного 12 октября великому визирю, Гирс получает от него письменную докладную о шести пунктах программы армянских преобразований. Прочитав ее на месте, русский посол выясняет, что в ней не содержится прямых ответов ни на один пункт, и сама программа в целом представляет собой декларативный документ о роли преобразований, их значении, о нравственной и экономической помощи великих держав и т.д.

После письменного заявления самого общего характера великий визирь пытался избежать обсуждения принципа назначения генеральных инспекторов по представлению великих держав, предложив, чтобы инспекторы двух секторов назначались из турецкоподданных, а при них – иностранные советники, которые были бы лишены каких-либо рычагов воздействия на инспекторов. А это означало, что ставился под угрозу весь процесс претворения преобразований. Вот почему Гирс категорически отверг этот пункт письменной докладной Саида Халима и настаивал на том, чтобы инспекторы назначались великими державами и были европейцами, как это предусмотрено российско-германским соглашением.

Пока Гирс продолжал в Константинополе свою энергичную деятельность по сохранению положений соглашения 10 сентября, в то же самое время Погос Нубар в Париже последовательно работал с тем, чтобы российская сторона продолжала взятый ею курс.

Нубар связывал большие надежды с министром иностранных дел России С. Сазоновым, который вскоре должен был прибыть в Париж. Погос Нубар знал, что Сазонов в Париже должен иметь серьезные контакты по армянскому вопросу с членами французского правительства, в том числе с Бишоном. Он оповещает католикоса о том, что обязательно должен встретиться с Сазоновым, и если Святейший рекомендует ему, то он намерен сообщить министру о «чувствах благодарности Вашего Святейшества и всей нации армянской за ту благородную инициативу, которую проявила Россия и за то внушительное содействие, которого она даровала нам во благо дела преобразований, ибо бесспорно, что благодаря Императорскому правительству

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3464. Л. 66.

образовалось согласие среди государств, вследствие чего сегодня мы можем надеяться, что наши братья в Азиатской Турции перестанут страдать. С этой точки зрения любой армянин должен питать вечную признательность правительству Его Величества Государя»¹.

Спустя четыре дня в своем очередном письме католикусу Погос Нубар сообщает о том, что министр иностранных дел России Сергей Сазонов прибыл в Париж и сразу же отправился в Виши для лечения на водах. Узнав об этом, он связался из Парижа с верховным русским дипломатом и просил его об аудиенции, одновременно изъявив готовность с этой целью отправиться в Виши. Но Сазонов в телеграмме любезно сообщил Погосу Нубару о том, что в Виши он должен оставаться очень короткое время и поэтому не считает целесообразным его приезд, так как он должен возвратиться в Париж 17 числа, где сразу же примет его. В день возвращения Сазонова в Париж состоялась встреча Погоса Нубара с ним². В начале встречи Сазонов говорил о том, что он очень рад тому, что лично знакомится со знаменитой личностью, о которой знает уже многие годы заочно³. Погос Нубар от имени Католикоса всех армян и себя лично выразил признательность царю России за бескорыстное содействие армянскому народу и дал высокую оценку исключительной роли русской дипломатии в армянском вопросе⁴.

ВТОРАЯ ПАРИЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОАРМЯНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЕВРОПЫ

При всей сложности ситуации вопрос армянских преобразований завоевал горячую симпатию в Европе и в особенности во Франции, Англии и Швейцарии.

С целью содействия успешному решению вопроса преобразований европейские защитники армян решили действовать более консолидированно и поэтому постановили созвать в Париже Вторую международную конференцию представителей проармянских комитетов⁵, на которой должен был выступить с докладом Погос Нубар-паша. Было отмечено также, что собрание должно принять специальный документ о преобразованиях в Армении, содержащий обращение к великим державам. В подготовке конференции приняли участие президент «Азиатского комитета Франции» Эмиль Сенари, председатель армянского отделения комитета генерал де Лакруа и вице-президент комитета Робер де Гэ, которые не жалели ни сил, ни времени для успешной подготовки этого важного мероприятия⁶.

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ О конференции подробно см.: Ковкаси арабер (рус. *Вестник Кавказа*, Тифлис). № 264 (313), 20 ноября и № 266, 24 ноября 1913 г. (на арм. яз.).

⁶ Среди всех интересовавшихся армянским вопросом европейских ученых, литературных и общественных деятелей наиболее преданными были французы.

Парижская конференция должна была состояться в то время, когда вопрос армянских преобразований обсуждался уже целый год. Весь этот период флагоманом в деле преобразований являлась Россия. Хотя и не очень энергично, но ей помогала Франция; не было никакой поддержки со стороны Англии, а Тройственный союз во главе с Германией сопротивлялся как открыто, так и тайно. Этот блок вначале пытался подменить российские инициативы турецкими, но когда это не удалось, его члены выдвинули ряд существенных возражений против русского проекта. Но вся эта история внутренней борьбы и споров осенью 1913 г. была уже в прошлом. После персональных объяснений Коковцева и Сазонова с канцлером германской империи Бюловым и представителем министерства иностранных дел Циммерманом в Берлине, Германия склонилась в сторону поддержки преобразований, но в весьма сдержанных пределах.

Таковой была ситуация, когда европейские друзья армянских реформ решились сказать вслух о том, чего не осмеливались сделать их правительства, то есть о необходимости оказания давления на Высокую Порту. Самым действенным средством такого давления являлось откладывание займа для Турции и любого иного финансового содействия до тех пор, пока она не приняла бы предложение держав, хотя бы в его самом скромном варианте.

С целью обсуждения именно этих средств принуждения созывалось парижское совещание.

В российском министерстве иностранных дел считали, что было бы очень хорошо, если на Парижской конференции, организуемой Comité de l'Asie Française, были бы представлены в едином блоке главные российские партии¹.

10 ноября руководство Петербургского армянского кружка избрало делегацию для переговоров с А.И. Гучковым, М.М. Ковалевским и П.Н. Милюковым, с тем чтобы они приняли участие в международной конференции по армянскому вопросу в Париже. Но на следующий день двое первых отказались от участия, а Милюков согласился². Однако будучи настроенными с симпатией к идее конференции, Гучков и Ковалевский направили в Париж персональные телеграммы с пожеланием удачи работе конференции.

Вторая конференция армянофилов как неофициальных представителей шести великих держав состоялась 17 (30) ноября 1913 г. В Парижской конференции принимали участие: от Франции – полководец де Лакруа (президент Comité de l'Asie Française), Эмиль Сенар, Виктор Берар, Рене Пино, Р. де Ке, от Англии – Г. Бэкстон, А. Уильямс, О'Коннор, от Германии – док. Иоганнес Лепсиус, от Австро-Венгрии – Прункул, Антон Герман, от Италии – член сената герцог д'Андреа и ди Камафа, от Швейцарии – Л. Фавр, Клапаред, от

¹ Протоколы заседаний Петербургского армянского кружка (ПЗ ПАК). Т. I. С. 307.

² Там же. С. 287–288.

России – П. Милюков, от Армянской национальной делегации – ее глава Погос Нубар-паша и другие.

Председателем конференции был избран **генерал де Лакруа**. Открывая конференцию и приветствуя делегатов, он в самом начале своего выступления отметил, что проармянское движение возникло в Англии, затем оттуда распространилось в другие страны. Говоря о 61-й статье Берлинского конгресса 1878 г., он указал, что усилиями Константинополя она уже долгое время висит в воздухе, но сейчас Европа имеет твердое желание вернуться к вопросу преобразований в Армении. Он напомнил слова Пишона о том что «*les réformes en Arménie – c'est la tranquillité d'Europe*»¹ и выразил надежду, что эта цель в ближайшее время может быть достигнута.

Лакруа считал, что можно было бы внести несколько поправок в содержание проекта, но поскольку процесс его приведения в должный вид был растянут на месяцы, было бы совершенно неразумно указывать в нем существующие недостатки. Какими бы значительными они ни были, сейчас не время для их удаления, отмечал оратор, а время для его непосредственного претворения, время для осуществления плохой ли, хорошей ли, но уже существующей программы. Следовательно, их задачей является воздействовать на глав государств, дабы они выполнили проект, принятый послами в Константинополе. Европейское общественное мнение также должно поднять свой голос в защиту гонимых и страждущих армян.

В конце своего слова генерал Лакруа предлагает прежде выслушать председателя Армянской национальной делегации Погоса Нубар-пашу, который представит нынешнее состояние вопроса преобразований, какие надежды имеет Армения, что может разочаровать армянский народ, если и в этот раз не будет решен существующий вот уже тридцать пять лет армянский вопрос.

Погос Нубар коснулся главных периодов и событий в истории армянского вопроса, затем перешел к ходу переговоров держав с Высокой Портой, целью которых было создание для армян минимальных сносных условий жизни. Докладчик предлагал вниманию участников краткий отчет о проделанной за последние месяцы работе по решению армянского вопроса, отмечал трудности, которые возникли во время проходящих переговоров по вопросу преобразований в Армении.

Погос Нубар подчеркивал, что проблема преобразований в Армении является не только армянским, но и международным вопросом, и если европейские дипломаты желают сохранить неприкосновенность Азиатской Турции, то не должны хладнокровно взирать, как истязают там древнейший христианский народ. Европа должна предпринять решительные меры.

¹ Реформы в Армении – это спокойствие Европы. – *Фр.* Следует заметить, что это выражение Пишона направляло общую тональность выступлений и постановлений конференции.

На столе готовая программа преобразований, которая разработана в Константинополе и заслужила одобрение послов великих государств. Спроектированные преобразования должны приводиться в исполнение под контролем Европы, что необходимо «с точки зрения интересов именно самой Турции»¹. Турция делает всё, чтобы «осуществлять» задачу преобразований собственными средствами и так, как она это понимает. Нельзя возлагать надежду на добрую волю Порты, в противном случае это будет означать, что взятые Европой обязательства опять останутся невыполненными. Если инициатива по выдвигению армянского вопроса на этот раз принадлежит России, то это не должно вызывать недоверия у правительств других стран. К счастью, подчеркивал Погос Нубар, те недоразумения, которые в ходе обсуждений возникали между главами и дипломатами держав, уже остались в прошлом. Нубар-паша напомнил участникам конференции о том, что армяне отнюдь не сепаратисты, а после того как Россия объявила, что не желает аннексии Армении, был снят с повестки дня вопрос автономии их страны. Требование армян ныне минимальное – справедливость по отношению к ним и равенство среди других османских подданных, иначе говоря, армяне желают оставаться «добрыми османцами»².

«Даже после всего этого, – говорил Нубар-паша, – Порта не соглашается хотя бы гарантировать эти минимальные требования, оставляя решение вопроса за собой. Сейчас, когда исключено военное давление³, в руках у Европы остался лишь один рычаг – оказание финансового давления на турецкие власти, не предоставлять им пока денежных займов».

Это совместное финансовое давление могло вынудить Порту пойти на уступки, поскольку страна была в тяжелом экономическом положении. Для облегчения положения министр финансов Мехмет Джавидбей сначала отправился в Берлин за получением займа, однако результат оказался ничтожным, затем он долгое время с этой же просьбой обращался к финансово-дипломатическим кругам Парижа, но безрезультатно. Петербург так же не удовлетворил просьбу турок о займе, обусловив возможность займа справедливым решением армянского вопроса⁴. Более того, правительство Российской империи потребовало от своей союзницы Франции не идти на уступки в вопросе предоставления займа Порте до тех пор, пока она не примет положительно-го решения по армянскому вопросу⁵.

Неслучайно на вопрос президента Франции Пуанкаре о сроках снятия Россией запрета с турецкого займа, русский посол в Париже Извольский ответил: «Когда турки примут наше требование

¹ Арарат. № 1, январь 1914. С. 31–37.

² Там же. С. 33.

³ См.: Ачарян Г. История турецких армян (с начала до 1915 г.). Новый Нахичеван, 1915. С. 75 (на арм.).

⁴ См.: Папазян В. Мои воспоминания. Т. II. Бейрут, 1952. С. 257. (на арм. яз.).

⁵ См.: там же. С. 257–258.

и осуществляют армянские преобразования». Пуанкаре выразил свое абсолютное согласие, одновременно сообщив о том, что они дали такой же ответ Джавиду и турецкому послу в Париже¹.

Одновременно Погос Нубар подчеркивал, что армяне, исходя из своих гуманных принципов, не хотят лишать Турцию займов навсегда. Речь идет о временном невыделении ей займа в связи с конкретным вопросом о «дружеском финансовом давлении», то есть об отсрочке в предоставлении займов².

После доклада Погоса Нубара зачитывается на французском языке проект резолюции, после чего начинаются прения.

Первым выступил представитель Италии герцог **д'Андреа**. Подчеркнув необходимость преобразований в Армении, он вместе с тем требовал ни в коем случае не ставить под сомнение верховенство прав Турции над армянскими губерниями.

На конференции с продолжительной и содержательной речью выступил известный русский публицист, член Государственной думы **Павел Николаевич Милюков**³. Он сообщил присутствующим, что хотя армянского комитета в России пока не организовано, однако там люди самых разных течений и партий единодушно симпатизируют армянам. Обращаясь к выступлению д'Андреа, он отмечает, что поскольку Россия не ставит вопроса ввода войск в Турецкую Армению, то само собой ясно, что нет никакой угрозы территориальной неприкосновенности Турции. Но это не означает, что турецкому правительству, как и прежде, следует позволять с легкостью избегать решения вопроса проведения преобразований в Армении. Российский представитель напомнил о том, что для решения армянского вопроса лорд Гладстон давал три практических совета: 1) умерить претензии к Турции и ограничиться лишь самым необходимым; 2) не доверять обещаниям турецкого правительства и требовать от него реальных гарантий; 3) в случае если Высокая Порта не будет согласна выполнять преобразования добровольно, не останавливаться перед давлением, ибо в Константинополе лучше осознают цену внешних принудительных средств, чем цену внутренних обязанностей⁴.

Свое выступление П. Милюков завершил следующими словами: «Европа должна воздействовать на правительство Турции всеми имеющимися средствами»⁵. Он призвал правительства великих держав не давать удовлетворения финансовым требованиям Турции до

¹ «Оранжевая книга». С. 141.

² Арарат. № 1, январь 1914 г. С. 32.

³ Преданный друг армянского народа *Павел Николаевич Милюков* (1859–1943) был известным русским политическим и общественным деятелем, историком и публицистом, предводителем кадетской (Конституционной демократической народо-вольческой) партии. В марте – мае 1917 г. был министром иностранных дел Временного правительства. В 1918 г. был выслан из России, обосновался в Париже, где и похоронен.

⁴ Своей деятельности на Парижской конференции П. Милюков касался в мемуарах, написанных во время изгнания (см.: *П.Н. Милюков. Воспоминания. Т. II* (1859–1917). М.: Современник, 1990. С. 120).

⁵ См.: Ковкаси арабер. № 264 (313), 20 ноября 1913 г.

тех пор, пока Высокая Порта не согласится ввести преобразования в Армении.

Заметим, прибывший во Францию министр финансов Турции Джавад-бей в это время в Париже достиг согласия на то, что Франция предоставит его стране заем только в том случае, если состоится греко-турецкий мир и Турция возьмется за проведение реформ в Армении. Поскольку тогда греко-турецкий мир уже состоялся, следовательно, оставался только вопрос армянских преобразований. Чтобы это не рассматривалось как средство давления на Турцию только лишь со стороны Франции, Париж стремился придать османскому займу международный характер и выдвинул в качестве условия его получения требование осуществить армянские преобразования¹.

Затем слово взял известный французский писатель **Рене Пино**, темой сочинений которого был Ближний Восток. В эти дни была переиздана его книга «Реформы в Азиатской Турции», в новом предисловии к которой он объявил долгом всех великих держав немедленное решение проблемы благоустройства Армении. На фоне общего положения Азиатской Турции он счел справедливыми все те предложения, которые направлены на улучшение состояния Армении и ее народа, напомнив, что при положительном решении этого вопроса будет обусловлен покой и мир на этой территории². Рене Пино считал правильным требовать не предоставлять Турции займов не только от Франции, но и от всех пяти великих держав. «Отказ от предоставления денег, – говорил Рене Пино, – должен быть всеобщим, чтобы потом никто не смог бы выступать в роли скрытого друга и защитника Турции»³.

Все участники конференции с естественным интересом ждали того, что скажет представитель Германии доктор **Иоганнес Лепсиус**. Только что прибывший в Париж после путешествия по Киликии (вилайет Адана), он намеревался склонить армян на сторону Германии. Поскольку Лепсиус говорил по-немецки, его многие идеи не были выражены при переводе на французский швейцарцем Фавром. Систематизируя этапы международного обсуждения армянского вопроса, он прежде всего сослался на статьи 16-ю Сан-Стефанского трактата и 61-ю – Берлинского трактата. «Как видно, – сказал он, – поменялись местами цифры. А что означала такая перестановка чисел? По Сан-Стефанскому договору один выступал против шестерых. И этот один был Турцией. Для смены этой арифметики много усилий приложила Германия и достигла успеха. А в этот раз было то же соотношение – шестеро против одного – но этим одним уже была Россия, а Турция в этой шестерке заменила последнюю. И вот сейчас, спустя три с половиной десятилетия, это разногласие разрешено»⁴. В то же время доктор Лепсиус с сожалением подчерки-

¹ Ашхатанк. № 4 (150), 23 ноября 1913 г.

² Арапат. № 1, январь 1914 г. С. 34.

³ Там же. С. 34–35.

⁴ ПЗ ПАК. Т. I. С. 325.

вал, что в результате долгих переговоров созданный проект преобразований очень уступчивый, и поэтому надо сделать всё для увеличения контрольных прав европейских инспекторов. Он был предельно недоволен общей и неопределенной формулировкой «l'attribution de pouvoirs»¹ в тексте резолюции².

Таким образом, как видим, представитель Германии выразился более радикально, чем большинство делегатов на конференции.

Швейцарские делегаты в своих выступлениях ставили вопрос о необходимости возложить на Россию обязанность защищать интересы армян, если Турция откажется проводить преобразования в Армении под европейским контролем.

Наступает очередь английских делегатов О'Коннора, А. Уильямса и Г. Бэкстона.

Член Палаты общин, ирландец по происхождению О'Коннор начинает свое выступление с разъяснения, почему Англия не защищает армянский вопрос более последовательно: «Мы все сторонники свободы и безопасной жизни армян, но остерегаемся того, что, продвигая вопрос преобразований, станем способствовать развязыванию новых армянских побоищ».

А. Уильямс, председатель British Armenian Committee, отмечал, что он осознает, что возглавляемый им комитет и Министерство иностранных дел Англии до сих пор «действовали втихомолку», но сейчас, когда Россия достигла согласия с Германией в вопросе преобразований в Армении, его страна также готова исполнять действительную роль. Обращаясь к вопросу о европейском контроле, он также находил, что без этого ни одно решение об Армении не будет претворено в жизнь.

Особенно сильное впечатление на участников конференции оставило выступление пастора **Гарольда Бэкстона**. Он вместе со своим братом Ноэлем и в сопровождении армянского писателя Арама Раффи в недавнем прошлом путешествовал по Армении, бывал в Эчмиадзине, встречался с армянским католикосом, отсюда через Персию прибыл в Турцию и лично был очевидцем несчастного состояния армянского народа. В своем выступлении он заявил, что вопрос улучшения условий жизни в Армении должен быть решен безотлагательно. Он говорил, что сельский люд «готов защищаться с оружием в руках». Бэкстон указывал на полнейшую неспособность и слабость турецких властей, считал европейский контроль безальтернативным решением. Свое эмоциональное выступление пастор завершил так: «Армянское население требует помощи. Оно требует обеспечения безопасности своего будущего существования. Нельзя бесконечно ждать. Не видя свою жизнь безопасной, народ возлагает надежды на русских. Если русские войска перейдут границу, [армяне] их встретят как друзей

¹ Присвоение полномочий. – Фр.

² ПЗ ПАК. Т. I. С. 325.

и будут приветствовать их как своих освободителей. Вот почему нам следует сделать то, что мы можем сделать»¹.

Со своей чисто британской последовательностью и искренностью Бэкстон выразил то, что было на уме у всех, но чего никто не осмеливался говорить открыто: необходимо принять энергичные меры, и это должно делаться исходя из интересов Турции, иначе она не выдержит нового потрясения, подобного происходившему в Македонии. Одно из двух: либо следует спасать эту империю, либо поделить ее между собой.

Конференция приняла следующую резолюцию: «Делегаты выражают желание, чтобы великие державы не соглашались на повышение османских таможенных ставок, не принимали назначения новых налогов на иностранцев, проживающих в Турции. Необходимо отказываться всем обращениям Турции для получения займов до тех пор, пока она не примет открыто ту программу армянских преобразований, которую представили ей послы европейских государств в Константинополе. Турецкое правительство также обязано согласиться на установление европейского контроля над процессом преобразований в Армении, на передачу исполнительной власти в руки европейских агентов с целью реконструкции администрация армянских вилайетов»².

Каждый из делегатов взял на себя обязательство обратить внимание правительства своих стран на это постановление и всемерно содействовать проведению армянских преобразований.

Результаты конференции европейских армянофилов приветствовались прогрессивными слоями европейского общества.

В эти дни леди Люси Кевендиш в ряде своих статей приветствовала успешное завершение конференции армянофилов. Удивительно, как смогла эта женщина, живя вдали от Армении, не зная армянский язык и не имевшая какой-либо кровной связи с армянским народом, так глубоко проникнуться состраданием к неведомому ей обездоленному и измученному народу, который, по ее убеждению, был вправе рассчитывать на моральную поддержку и помощь.

Тезисы докладов и принятого постановления конференции были напечатаны в многочисленных европейских газетах и в журналах политической направленности, а французский журнал "Pour les peuples d'Orient" широко освещал весь ход конференции, полностью опубликовал и выступления, и постановление конференции. В номерах журнала печатались редакционные и другие статьи, посвященные Армении и армянскому народу.

¹ ПЗ ПАК. Т. II. С. 310.

² Мшак. № 277, 13 декабря 1913 г.

СОБРАНИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Тернистый путь армянского вопроса, затягивание переговоров вызывали сильную обеспокоенность в широких кругах прогрессивной интеллигенции и общественности России, в Государственной думе, даже среди ее крайне правых депутатов. Они выражали протест против неопределенного состояния армянского вопроса, в частности, осуждали нерешительность со стороны российской дипломатии.

Известный публицист, ученый, член государственного совета проф. **Максим Ковалевский** в своем фельетоне, помещенном в № 145 газеты «Русское слово» за 1913 г., считал позором человечества затягивание решения армянского вопроса и разворачивающиеся вокруг него дипломатические игры. Он выразил свое возмущение в отношении торгов, устроенных европейскими грандами вокруг этого вопроса, напомнив о многолетних страданиях армянского народа от курдов и турецких властей. Поскольку местные курды могли воспользоваться смутным положением Армении и возобновить погромы, Ковалевский призывал компетентные лица и предводителей держав к скорейшему решению вопроса преобразований, чтобы предотвратить надвигающуюся трагедию.

Так как в России не было армянского комитета, Павел Миллюков после возвращения из Парижа сразу же приступает к организации в Москве армянского кружка. Он встречается с рядом известных общественных и научных деятелей, которые были готовы к оказанию помощи турецким армянам. И после консультаций, в середине ноября 1913 г., в Москве создается армянский кружок. Примеру Москвы последовал и Петербург, где группа известных деятелей предпринимает созыв собрания, чтобы публично выразить свою точку зрения по отношению к проходящим переговорам.

С целью подготовки к собранию 12 ноября 1913 г. в доме у известного петербургского общественно-политического деятеля, члена Государственной думы, друга армянского народа А.Н. Брянчанинова¹ проводится совещание, в котором участвовала группа представителей столичной интеллигенции. В своих выступлениях они подчеркивали, что священным долгом России является последовательное продвижение дела преобразований в Армении, которое ныне стало одним из злободневных вопросов русской интеллигенции.

Было решено созвать собрание через две недели.

Исходя из того, что со дня возобновления обсуждений армянского вопроса Петербургский армянский кружок сыграл свою важнейшую роль в переговорном процессе, было решено пригласить на это

¹ С дней возобновления армянского вопроса А.Н. Брянчанинов делал российскому министерству иностранных дел ряд предложений, в частности, не идти на уступки в переговорах с турками

собрание нескольких членов этого кружка с тем, чтобы они сообщили новые сведения о ведущихся переговорах вокруг преобразований в Армении и вообще выразили свою точку зрения об эффективности усилий русской стороны в дипломатической борьбе¹.

21 ноября на заседании Петербургского армянского кружка был поставлен на обсуждение вопрос об участии в этом собрании. Об этом сделал сообщение Завриев и предложил делегировать туда представителей.

Судя по выступлению, заседание проявило весьма осторожное отношение к будущему собранию. Было отмечено, что ядром этого собрания будут российские национал-либералы и ярые славянофилы, которые были в сильной оппозиции к руководителям внешней политики и лично к С. Сазонову и высказывались за немедленный ввод русских войск в Западную Армению. И это в том случае, когда армянская интеллигенция столицы, в том числе все члены ПАК, были солидарны с политикой, проводившейся в вопросе преобразований в Армении министерством иностранных дел страны, гофмейстером Сазоновым, его сотрудниками и русским посольством в Константинополе. Поэтому на заседании кружка было принято решение, чтобы его представители в своих выступлениях на предстоящем собрании проявляли предельную осмотрительность, дабы не посеять сомнения в министерстве иностранных дел. Ведь российским правительством были приложены такие громадные усилия для решения вопроса преобразований в Армении, и оно продолжало свою энергичную деятельность в этом направлении, преодолевая разнообразные препятствия в дипломатической борьбе. Именно при поощрении правительства в русском обществе, в частности, в среде интеллигенции, в печати и в университетской среде усиливались армянофильские настроения, которыми были проникнуты выступления представителей интеллигенции на собраниях и приняты резолюции, которые призывали правительство не идти на излишние уступки в армянском вопросе.

Армянские деятели прекрасно сознавали, что любые разногласия между правительством и русским обществом могли только лишь помешать решению армянского вопроса. Именно поэтому заседание ПАК 21 ноября сначала было склонно не делегировать своих представителей на это собрание, однако после всестороннего обсуждения вопроса сочло целесообразным принять в нем участие. Присутствие там нескольких членов кружка могло стать полезным из-за того, что

¹ О весе Петербургского армянского кружка в научных и общественно-политических кругах российской столицы свидетельствует хотя бы телеграмма М. Гирса, направленная из Константинополя министру иностранных дел С. Сазонову, в которой посол считал необходимым узнать мнение кружка о проекте реформ в Армении, который еще находился в процессе обсуждения. Сазонов через князя Трубецкого передал телеграмму М. Пападжанову. К ней был приложен текст проекта будущих преобразований в Турецкой Армении. На специальном заседании 28 ноября 1913 г. М. Пападжанов сделал об этом сообщение, после чего текст проекта был подвергнут детальному изучению. После завершения редакционных замечаний кружок просил Пападжанова известить о них Министерство иностранных дел (см.: ПЗ ПАК. Т. I. С. 315–316).

на собрание были приглашены такие личности, которые были хорошо осведомлены в перипетиях в сфере отношений великих держав к армянскому вопросу, и поэтому получение от них сведений было бы своевременным и полезным. Таким образом, заседание нашло целесообразным послать на указанное собрание П. Гукасова, С. Тиграняна, Ов. Сагателяна, Н. Адонца, Саруханяна и Завриева¹.

Собрание столичной интеллигенции состоялось 26 ноября 1913 г. в доме у **А. Брянчанинова**. Кроме большой организационной группы, присутствовали также многочисленные известные российские деятели: члены Государственного совета и Государственной думы, профессора, известные общественные деятели, редакторы газет и журналов, военные высших званий. Здесь были и вышеуказанные члены Петербургского армянского кружка.

Участники собрания в основном были русские националисты либерального направления, которые в общем были против руководителей дипломатических учреждений, направляющих внешнюю политику страны, хотя и одобряли армянскую политику сотрудников русского посольства в Константинополе.

Избранный председателем собрания профессор **М. Чубинский** предоставил слово для доклада А. Брянчанинову. Подробно представив ближневосточную политику России, он подверг резкой критике боязливость и непоследовательность этой политики, ее необоснованную уступчивость по отношению к германской дипломатии. Он потребовал от российского правительства отказаться от наносящей ущерб интересам империи привычки идти на уступки Германии. Докладчик потребовал резко и активно противодействовать всякого рода шагам, противоречащим интересам страны. Он счел недопустимым, что в программе реформ Армении были сделаны сокращения, которые стали результатом грубой оппозиции Германии и явились стимулом для смелой позиции Турции.

Затем председатель М. Чубинский выразил мнение, что прежде чем перейти к прениям, целесообразно будет выслушать выступления приглашенных армянских деятелей. Получив согласие собравшихся, Чубинский, обратился к приглашенным, представлявшим голос армянского народа, попросил их раскрыть обсуждавшийся вопрос согласно армянской точке зрения.

Из армян первым выступил знаменитый историк **Н. Адонц**. Он коснулся истории вековых русско-армянских отношений, истории возникновения и сути содержания армянского вопроса, затем рассказал об усилиях армян по его возобновлению с осени 1912 г., обратив внимание присутствующих на беспрестанные вмешательства германской дипломатии в разработанную А. Мандельштамом программу армянских реформ, вследствие которых были внесены неблагоприятные для армянского народа многочисленные изменения.

¹ ПЗ ПАК. Т. I. С. 309.

Вслед за Н. Адонцем выступил **Ов. Сагателян**, который подверг критике ошибочную политику российского правительства, осуществлявшуюся около трех десятков лет по отношению к армянскому народу вследствие незнания армянской действительности. И это при том, что армяне являются искренними союзниками русских и в меру своих возможностей содействуют процветанию России. Резкая критика Сагателяна в адрес российских государственных деятелей, проводивших неразумную политику в отношении армянского народа, вызвала бурные аплодисменты присутствующих.

Затем слово взял **Г. Будагян**, который основную часть своего выступления посвятил разрушительной роли Германии, перечислив все изменения, произведенные во вред армянам в программе преобразований, сводившие на нет даже те минимальные требования, которые были достигнуты в результате российско-германских переговоров.

В своем выступлении **А. Саруханян** сообщил о непрерывных поползновениях турецких властей, направленных против Константинопольского армянского патриаршества, из-за чего турецкое армянство может лишиться возможности национального существования. Далее он заявил, что несчастье армян заключается в том, что все решения, принятые Высокой Портой под давлением Европы и России, остались на бумаге и что обсуждаемая ныне программа преобразований может разделить ту же участь, если Европа и особенно Россия не установят строгого контроля над их исполнением.

Все выступавшие армянские деятели подчеркивали, что составленный русским посольством в Константинополе мандельштамовский проект, представленный на посольскую конференцию, отражал стремления и чаяния турецких армян, но несмотря на то, что он был сильно урезан под давлением Европы, его реализация даже в этом виде наталкивается на большие препятствия. Между тем армянские губернии Турции жаждут скорейших преобразований, и потому необходимо немедленно реализовать эту сильно урезанную русско-германскую программу под европейским и российским контролем, для того чтобы хоть как-то облегчить положение армян в Турции.

Поскольку участники собрания не были достаточно осведомлены о грабивших Армению курдах и о политике русского правительства по отношению к ним, председатель собрания, обращаясь к армянским делегатам, попросил их подробно осветить этот вопрос. Слово взял А. Саруханян и детально охарактеризовал преступную деятельность курдов в отношении турецких армян.

Проф. Чубинский обобщил выступления армян, затем подчеркнул, что его участники, которые получили полное представление о дипломатической борьбе вокруг армянского вопроса, должны стать глашатаями справедливости на страницах газет и в своих выступлениях с кафедр.

Затем начался обмен мнениями участников собрания. Часть выступавших говорила с одобрением о политике правительства по преобразованиям в Армении, многие считали необходимым еще больше активизировать деятельность созданных в стране различных комитетов. Большая же часть собравшихся, в том числе А. Брянчанинов и профессор М. Чубинский, расценили шаги российской дипломатии недостаточными.

Председатель собрания сообщил присутствующим о том, что составлен проект резолюции, и для его оглашения предоставил слово А.Н. Брянчанинову.

В проекте резолюции указывалось, что принятая дипломатами России и Германии программа будущих преобразований в Армении абсолютно не соответствует чаяниям армянского народа. К тому же по причине махинаций турецкой дипломатии даже эта урезанная программа может провалиться. Проект счел грубыми и опасными ошибками русской дипломатии подчинение давлению германской стороны и внесение неприемлемых изменений в текст программы, чем, по сути, были принижены инициативы российского государства. Проект резолюции напоминал русской дипломатии о том, что она обязана четко сознавать свои цели на Ближнем Востоке, действовать независимо от Европы и, в частности, от Германии, ровно так, как действует последняя, которая, отнюдь не считаясь с несогласием России, продвигает свои интересы на Босфоре, назначив генерала фон Сандерса главнокомандующим турецкими войсками, продолжает строить Багдадскую железную дорогу и т.д. Россия обязана разговаривать с Турцией и ее покровителем – Германией как равная среди равных, как мощная держава.

Проект по своему содержанию шел наперекор «робкой политике в армянском вопросе», проводимой российским правительством. Этот документ острого оценочного характера был поставлен на голосование и был под аплодисменты единогласно принят как постановление, которое на следующий же день, 27 ноября, было опубликовано в столичных газетах «Вечернее время», «Вестник мира», «Русские ведомости» и др.

ДОКУМЕНТЫ СТАНОВЯТСЯ ДОСТОЯНИЕМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Парижская конференция и петербургское собрание способствовали дальнейшему объединению усилий европейских и русских борников армян, участились мероприятия, направленные на защиту армянского вопроса, был придан новый размах проармянскому движению вообще.

В эти дни несколько новых статей опубликовал знаменитый французский публицист и политический деятель, президент Лиги прав человека и великий друг армянского народа Франсис де Пресансе.

Еженедельная газета “Pour les peuples d’Orient”, которая издавалась при активном участии Пресансе, хотя и была посвящена народам Востока, но почти все ее страницы были заполнены статьями об армянской проблеме. Скорбное состояние армян не давало покоя великому заступнику обездоленных. В одной из своих статей он писал: «Большая часть трудящихся армян живет в безызвестности, в постоянном ожидании удара. В Константинополе у турецких властей нет ни времени, ни сил и ни, пожалуй, твердой воли для того, чтобы принудить разбойничьи племена Курдистана к уважению общественного порядка и мира»¹.

Одной из важных акций, осуществленных во Франции, явилось возобновление издания газеты “Pro Armenia” с 1 декабря 1913 г. под руководством Франсиса де Пресансе и Виктора Берара².

В редакционном объявлении первого номера “Pro Armenia” так охарактеризована цель возобновления издания газеты: «Вместе с армянским процессом “Pro Armenia” продолжает защищать дело всех угнетенных наций турецкой империи и самой Турции – страны, которую ее правители толкают к пропасти, отвергая любое требование серьезных преобразований. Мы просим всех друзей Армении и Турции, всех тех, сердцам которых близки интересы мира, содействовать этой газете, защитнице справедливости и мира, в изыскании подписчиков».

Следуя примеру Пресансе, многочисленные органы прессы Франции и других европейских стран предоставляли свои страницы известным интеллектуалам, общественным и политическим деятелям, всем, обеспокоенным армянским вопросом.

Спустя немного времени Пресансе заболел. С конца 1913 г. он почти не выходил из дома. Именно в эти дни с ним познакомился Погос Нубар-паша. М. Варандян впоследствии вспоминал: «Однажды Погос-паша попросил меня сопроводить его к нашему больному другу, знания и талант которого он ценил уже 25 лет, когда Пресансе был главным редактором “Тана”. Поехали, познакомились. Председатель Национальной делегации выразил больному глубочайшую признательность от себя и народа армянского за его дорогую, многолетнюю деятельность»³.

7 декабря 1913 г. Пресансе ушел из жизни. Смерть знаменитого французского деятеля явилась для армянской нации тяжелой утратой одного из великих защитников. С большой болью откликнувшись

¹ См. предисловие книги: Геноцид в Адане. Бюллетень Акоба Папикяна. Константинополь, 1919. С. 8.

² Годы раньше в Париже в защиту армянского вопроса издавалась двухнедельная газета “Pro Armenia” под руководством известного французского писателя, поэта Пьера Киара. Почти все французские армянофильские деятели и публицисты сотрудничали с этим органом, общее управление которого было вверено доктору Лорис-Меликяну. Эта газета в свое время оказывала значительную поддержку армянскому делу. Но после неожиданной преждевременной смерти П. Киара ее издание было приостановлено. Вместо нее с 1912 г. стала выходить в свет газета французских армянофилов “Pour les peuples d’Orient” («Во имя народов Востока») под руководством Ф. Пресансе и В. Берара. И вот сейчас эту газету должна была заменить возобновившаяся “Pro Armenia”.

³ Айреник. № 11, сентябрь 1923 г. С. 59.

на кончину великого гуманиста, армянская печать подчеркивала, что его имя веками останется в истории армянского народа.

Перед кончиной Пресансе, 16 ноября в Лондоне ушел из жизни и другой благородный друг армянского народа Генри Линч. Он был автором широко известной в европейских кругах книги "Armenia". Этот английский гуманист в течение двух десятков лет был рядом с армянским народом, откликался на его страдания в своих статьях и выступлениях¹.

Резолюции, принятые армянофилами Парижа и Петербурга, нашли широкий отклик и в России. На заседании Петербургского армянского кружка 23 ноября 1913 г. Павел Милюков доложил о своей поездке в Париж и о конференции по армянскому вопросу, организованной 17 (30) ноября по инициативе "Comité de l'Asie Française", и своем участии в ней.

Милюков начал свое сообщение с того, что если хозяином Парижской конференции был 13-летний "Comité de l'Asie Française", то ее душой являлся Погос Нубар-паша². Затем он подробно изложил основные тезисы выступлений участников конференции. «Да, очевидно, что конференция была своевременной. Об интернационализации займов и предварительном условии международного давления как наилучшем средстве уже поговаривают в официальных кругах. Не удивлюсь, если Турция прекратит подвергать испытаниям судьбы армян», – подчеркивал он. Затем выразил уверенность в том, что принятая на этом важном собрании резолюция будет иметь большое воздействие на переговоры вокруг армянского вопроса³.

Затем 7 декабря в Москве П. Милюков выступил с докладом и сообщил присутствующим свои впечатления о работе конференции. Он отметил, что сейчас армянский вопрос в Турции выходит на новый этап. Армяне отныне не связывают каких-либо надежд с Высокой Портой, не верят конституционной Турции, которая всячески стремится ассимилировать их.

10 декабря 1913 г. в Москве усилиями Милюкова организуется совещание армянофилов, в котором участвует ряд известных кадетских деятелей и видных представителей армянской общины города. А на следующий день он читает новую лекцию по армянскому вопросу. Он говорит о том, что для активной защиты проекта преобразований необходимо сформировать в России общественное мнение, поскольку в настоящее время его отношение не определено.

Издававшаяся в Москве на армянском языке газета «Март» призвала армян Москвы и Петербурга просить П. Милюкова о том, чтобы он выступил перед ними с подробным докладом о Парижской конференции, что позволит составить верное представление

¹ См.: Март. № 19, 1 декабря 1913 г. К деятельности английского гуманиста «Март» подробно обращался в № 20 1913 г.

² ПЗ ПАК. Т. I. С. 320.

³ Содержание доклада П. Милюкова см.: Речь. 30 ноября 1913 г.

о реальном положении армянского вопроса. «В таких серьезных вопросах любители дешевых рукоплесканий должны немножко остепениться и знать свою меру»¹. Тем не менее газета «Март» не теряла надежды на то, что собрание армянофилов положительно повлияет на ход армянских реформ: «Как отнесутся державы к этим заключениям (постановлениям конференции. – Г. С.)? Глядя на современные игры дипломатов, на этот вопрос трудно ответить определенно, однако то, что мнение большинства европейских народов об этой конференции не может быть не единодушным, это очевидно. Культурные нации не могут равнодушно взирать на страдания Армении, и в разных краях Европы такие конференции будут продолжаться до тех пор, пока не вздохнет свободно и не высвободится из-под терний отверженная страна, которая с пределов Азии всегда держа в руках свой плуг, устремляла взгляд свой в дали светлого разума и непрестанно стремилась лишь к мирной жизни, лишь к закону, безопасности своей чести, совести и имущества»².

Милюков выступил со своими статьями в ряде русских газет, среди которых самой объемной была статья в «Речи»³. Было очень много откликов на статью Милюкова, особенно в армянской печати.

По мере усиления давления на Турцию европейской и российской прессы и армянофильского движения, власти последней ужесточали контроль над армянской печатью, обосновывая это тем, что она якобы неверно освещает царящее в армянских губерниях положение, незаслуженно критикует турецкие власти, несправедливо обвиняя их в бездействии, в частности, неприменении сдерживающих мер против курдов. Под ударом оказалась дашнакская газета «Азатамарт», которая после разрыва союза «младотурки – Дашнакцутюн», начала критиковать младотурок, в особенности их внутреннюю политику. Поэтому Высокая Порты искала повода для закрытия газеты, и он вскоре представился. В конце 1913 г. «Азатамарт» опубликовал перевод на армянский статьи Гарольда Бэкстона, где он рассказывал о тех впечатлениях, которые получил от путешествия со своим братом Ноэлем по армянским губерниям. Сразу же после публикации статьи 14 декабря ответственный директор газеты Акоб Сируни был вызван в прокуратуру и военным трибуналом был осужден на четыре месяца тюремного заключения. Газету закрыли⁴. Был установлен строгий контроль над константинопольскими дашнакскими газетами «Усанох» и «Еркунк»⁵.

¹ Март. № 19, 1 декабря 1913 г.

² Там же.

³ См.: Мшак. № 277, 13 декабря 1913 г. Эта статья, напечатанная в газете «Речь», была переведена на армянский и опубликована в январском номере журнала «Арарат», затем была помещена в книге послушника Первопрестольного Эчмиадзина, см.: *Бабкен, архимандрит. Армянский вопрос и Погос Нубар-паша. Вагаршапат, 1914. С. 7–13.*

⁴ См.: Вэм. № 1, январь – апрель 1935 г. С. 25.

⁵ «Азатамарт» был официальным органом западного бюро АРФ, а «Усанох» и «Еркунк» ежемесячными газетами студенческих союзов Европы и Константинополя. Эти союзы являлись филиалами АРФ «Дашнакцутюн» (см.: Вестник общественных наук. № 1, январь 2001. С. 217).

НОВАЯ ЗАПАДНЯ ВЫСОКОЙ ПОРТЫ. ЗАТЯГИВАНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ

В конце ноября 1913 г. министр внутренних дел Турции Талаат-бей наносит визит армянскому патриарху Завену. Он пришел уверить патриарха в том, что Высокая Порта в этот раз сделает всё, чтобы народ Армении остался доволен мероприятиями правительства, только бы Святейший публично объявил о том, что армяне отказываются от решения армянского вопроса посредством участия иностранцев. Первым в свое время был султан Абдул-Гамид, который во время побоищ армян в 1895–1896 гг. пытался расставить эту западню, когда в Константинополе патриархом был Маттеос Измирлян. К чести последнего, несмотря на давление султана и Порты, патриарх отказался подписывать какой-либо документ против европейского вмешательства. И сейчас, спустя 17–18 лет, история повторялась и не было никакого сомнения в том, что и патриарха Завена Высокая Порта также будет принуждать к подписанию подобной бумаги от имени армянской нации.

Но все знавшие Святейшего патриарха были убеждены в том, что он никогда не пойдет на такой шаг.

После этого посещения в патриархат прибыл бывший представитель османского правительства на Лондонских переговорах и на тот момент министр общественно-полезного строительства и торговли Осман Низами-паша. Он намеревался уговорить патриарха торжественно выступить от имени турецких армян с объявлением, что армяне никогда не желали европейского противовеса и что не в компетенции Погоса Нубар-паши выступать от имени турецких армян. Одновременно он уверял патриарха в том, что армяне не имеют никаких оснований не верить(!) обещаниям правительства провести реформы в Армении.

Патриарх Завен отверг это предложение. Он не мог поступить иначе, так как его соглашение с младотурецким министром означало бы предательство национальных интересов.

Осман Низами-паша возвращался из Армянского патриархата в Порту с сообщением Талаат-бею об отрицательном ответе патриарха Завена.

После этого по поручению комитета «Единение и прогресс» бывший министр Халаджян, армянин по происхождению, является к патриарху, чтобы вновь попытаться убедить его отказаться от сотрудничества с европейцами и иметь дело только с турецким правительством. Делегат передает ему также обещание Талаата о предоставлении армянам 18 мест в парламенте страны.

Патриарх Завен принимает Халаджяна очень холодно и сообщает ему о том, что армянам не нужны депутатские места, поскольку они вообще не собираются участвовать в парламентских выборах.

Патриарх подчеркнул, что требование разрыва с европейцами равносильно самоубийству¹.

Но Талаат не отступал. Как он, так и все члены кабинета Саида Халим-паши были предельно обеспокоены успешной деятельностью Нубар-паши. Их выбил из равновесия в особенности тот факт, что Погоса Нубара принимали и подолгу беседовали Пишон, Эдвард Грей, Ягов, Сазонов.

Премьер Саид Халим не скрывал своего недовольства министром внутренних дел Талаат-беем, потому что тому не удавалось обуздать армянских деятелей, которые из Константинополя оказывали содействие армянской делегации, возглавляемой Погосом Нубаром.

Обеспокоенное дипломатическими успехами армян, младотурецкое правительство, впав в состояние растерянности, то декларировало вопрос о курдской автономии, дабы компенсировать силу армянских требований, то составляло комиссии по разработке и осуществлению преобразований, якобы с тем чтобы заняться проблемами армянских районов Малой Азии, то предлагало ввести в Малой Азии такие порядки, которые когда-то действовали в Македонии, то вдруг измышляло какое-то новое средство для того, чтобы избежать преобразований.

Сочтя все эти шаги бесплодными, по настоянию Талаата Высокая Порта в начале декабря 1913 г. посылает официальное приглашение Нубар-паше посетить Константинополь для ведения переговоров по армянскому вопросу. Последний колеблется, не решаясь принять приглашение.

Узнав у одного из сотрудников Высокой Порты о намерении премьера пригласить Погоса Нубара в Константинополь, патриарх Завен спешит к русскому послу Гирсу, чтобы узнать его мнение. Посол сказал, что присутствие Погос-паши в Константинополе излишне и даже противоречит армянским интересам, так как целью этого приглашения является, по сути, очередное затягивание ответа младотурок европейским державам и нейтрализация европейского вмешательства. Своим обещанием о выполнении армянских преобразований Порта стремилась поставить Европу перед фактом. После встречи с патриархом Гирс секретно (телеграмма № 1065) сообщил российскому послу в Париже Извольскому: «Армянский патриарх... самым решительным образом высказался против приезда (Погоса Нубара в Константинополь. – Г. С.)... Не могу не признать, что мнение патриарха, разделяемое армянскими политическими деятелями, обоснованно. Мои переговоры с великим визирем затягиваются, и я, конечно, не могу ручаться за их успех, но полагаю, что приезд Погоса даст действительно повод к еще большей проволочке под предлогом непосредственных объяснений с ним»².

¹ См.: Новое время. 21 декабря 1913 г.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 60.

13 декабря Нубар-паша писал католикосу о своем отказе от приглашения Порты и ставил в известность о том, что три дня назад через турецкого посла в Париже Рифат-пашу получил приглашение от премьер-министра этой страны¹ посетить Константинополь и что он отказался от этого предложения по двум основным причинам: 1) «Без одобрения армянского католикоса я не могу ехать в Константинополь»²; 2) «католикос телеграфировал, что отношения с правительством Турции не входят в мои полномочия»³.

Ходили разговоры о том, что поскольку Погос Нубар-паша отказался ехать в Константинополь, то Порта решила послать Османа Низами-пашу в Европу для ведения с ним переговоров⁴.

Для того чтобы найти общий язык с Константинопольским армянским патриаршеством, Порта даже выразила готовность пойти навстречу в решении вопроса о предоставлении армянам в предстоящем парламенте столько мест, сколько соответствовало бы численности всех турецких армян.

Армянское центральное национальное управление, основываясь на том факте, что число армян в Турции превышает два миллиона, а по закону каждые 50 000 человек должны делегировать одного депутата, требовало предоставить армянам в парламенте 20 мест.

Патриаршество со своей стороны выдвинуло требование, чтобы парламентские депутаты избирались Армянским национальным собранием. Целью этого требования были вывод предвыборного процесса армянских депутатских кандидатов из сферы межпартийной борьбы, взаимных компроматов и пристрастия подчинять национальные интересы партийным целям и ввод предвыборной борьбы в цивилизованное русло, при этом необходимо было поставить это на службу национальной консолидации.

Высокая Порта отвергла эти справедливые требования, заявив о том, что армянам не нужны депутатские места, так как они вообще не будут участвовать в выборах.

В конце ноября комитет «Единение и прогресс» сообщил Армянскому патриаршеству о том, что он не против предоставления 20 мест в будущей депутатской палате с тем условием, что 20 процентов армянских кандидатов, т.е. 4 места будут отданы армянам – членам младотурецкой партии. Патриарх объявил, что в таком случае армяне будут участвовать в выборах. Однако спустя

¹ В другом источнике указано, что со стороны правительства Нубар был лично приглашен Габриэлом Норатункяном. Нубар-паша 3 января 1913 г. писал Ваану Малезяну: «Что касается секретного сообщения, которое Вы предоставляете мне со стороны Норатункяна, ясно, что Вы должны были уговорить меня отказаться от подобного приглашения. Если я его приму, то ситуация, которая является результатом доверия ко мне со стороны национальных властей и моих соотечественников, ослабнет от бесплодных споров. Вместе с тем у меня нет никаких возражений послать великому визирю факсимильный образец будущего меморандума держав, когда будет окончательной программа преобразований, которую мы преследуем» (см.: В. Малезян. На моем пути: собрание мемуаров. Париж, 1950. С. 307. (на арм. яз.)).

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 61.

³ Там же. Л. 61об.

⁴ См.: Азг. № 30, 14 января 1914 г.

неделю Талаат-бей сообщил, что комитет поменял свою точку зрения и что армяне получают 18 мест. Патриаршество одобряет и соглашается даже с этим. С конца Второй Балканской войны это был, пожалуй, первый случай, когда было достигнуто согласие между Армянским патриаршеством и Высокой Портой.

Отказ посетить Константинополь Погоса Нубар-паши не остановил турецкие власти, и они 22 ноября обратились к Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн», считая ее представителем армянского народа, и выдвинули ей почти те же предложения, что и патриарху.

Российские газеты «Русские ведомости» и «Русское слово» выражали свою обеспокоенность тем, что АРФ может с легкостью попасть в западню, расставленную «Иттихадом», поскольку обе эти партии долгие годы действовали в условиях взаимного политического согласия.

Опасения оказались ненапрасными. «Дашнакцутюн» не отказалась от предложения и согласилась вести переговоры с Талаат-беом. Последний дал очередные обещания, а АРФ потребовала, чтобы они были скреплены специальным султанским ираде.

«Русское слово» отмечало, что после разногласий, которые привели к распаду союза партии «Дашнакцутюн» с младотурками, они снова затеяли переговоры с представителями АРФ, пытаясь восстановить свое бывшее сотрудничество. Они обещали армянам различные блага, при условии, что дашнакские руководители публично объявят о том, что народ Армении ныне глубоко уверен, что турецкое правительство само станет проводить реформы в Армении, следовательно, является излишним вмешательство извне во внутренние дела Турции.

«Безусловно, – писала газета, – армяно-турецкое соглашение стало бы мощной удачей в дипломатической игре Высокой Порты. И нельзя быть уверенными в том, что страны Тройственного союза во главе с Германией под предлогом не идти против желания армян в армянском вопросе не откажутся от требования европейского контроля»¹.

В «Русских ведомостях» А. Дживелегов сообщал читателям о том, что 22 ноября 1913 г. министр внутренних дел Талаат-бей, который являлся душой младотурецкого кабинета, пригласил к себе видных деятелей АРФ и предложил им представить список тех вопросов, которые дашнаки хотели бы видеть решенными.

Младотурецкое правительство сообщило европейским государствам о том, что оно начало переговоры с представителями партии «Дашнакцутюн» и что оно надеется достичь такого решения вопроса, которым армяне будут полностью удовлетворены. Порта известила и о том, что дашнакские лидеры почти дали свое согласие, но требуют опубличивания султанского ираде, скрепляющего обещание правительства².

¹ Русское слово. № 272. 26 ноября 1913 г.

² Русские ведомости. № 276. 1913 г.

Одновременно по распоряжению правительства в городе Ване была создана комиссия, состоящая из пяти членов – двух армян, двух турок и одного грека, которой было поручено расследовать и решить все те земельные споры между армянами-собственниками и курдами, которые относились к захвату земель последними у армян. В случае недостижения взаимного согласия комиссии было дано право обращаться к правительству с тем, чтобы возместить деньгами армянам утрату земли.

Переговоры, начатые между АРФ и правительством, продолжались в основном вокруг вопроса увеличения числа армянских представителей в парламенте.

Задача младотурецкого правительства была предельно ясна. «В данный момент, когда вопрос программы преобразований вызывал разногласия между державами, – писал в указанной статье А. Дживелегов, – заботой Талаата отнюдь не является удовлетворить желание дашнаков. ... Для правительства в данный момент важно одно: вывести армянский вопрос из-под контроля Европы»¹.

Безусловно, согласие АРФ на подобное разрешение вопроса было бы очередной грубой ошибкой, но Талаат и его сподвижники делали всё, для того чтобы добиться согласия этой партии: прибегали к известным и неизвестным до того средствам подкупа и даже к откровенному запугиванию.

Однако ещё никто не забыл, сколько щедрых обещаний давали армянам турки не только при старом, но и при новом «конституционном» режиме. Эти шаги Талаата были всего лишь новыми проявлениями старого коварства.

Ванская комиссия (комитет) была настоящей комедией. Возможно, она начала бы свою работу, но было очевидно, что согласия между армянами и курдами добиться не удастся, особенно в вопросах денежного возмещения армянам. Даже при справедливом оценивании земель, ни один курд не согласился бы на денежную компенсацию за захваченную у армянина землю. И государство также не могло взять на себя возмещение, так как таких возможностей оно не имело.

Единственное, чего могли добиться дашнакцаканы, это увеличение числа армянских депутатов в парламенте. Талаат согласился довести это число с десяти до восемнадцати. Армяне требовали 22 места. Если бы даже Талаат уступил, то все равно это не дало бы реального результата, поскольку турецкий парламент не имел никакого политического влияния в стране. Что касается требуемого от султана ираде, то этот документ был бы столь же бессильным, как и сам турецкий парламент.

«Русские ведомости» так же, как «Русское слово», были встревожены тем, что АРФ и другие армянские политические партии и на этот раз могли обмануться и стать жертвами турецких дипломатических

¹ Русские ведомости. № 276. 1913 г.

интриг, подобно тому, как это случалось и раньше. «Но государства Тройственного союза не должны попадать в такую ловушку, – продолжала газета. – Им должно быть хорошо известно, что деятели дашнакской партии отнюдь не уполномочены армянским народом выражать согласие на предложения турок или отклонять их. В распоряжении турецкого правительства есть довольно много средств, чтобы своих подданных армянской национальности, в особенности живущих в Константинополе, заставить подписать всевозможные заявления»¹.

В ответ А. Дживелегов писал о том, что ни одному армянину не дано права подписывать какой-либо документ с турецким правительством, который был бы направлен против проведения преобразований в Армении великими державами: «Дашнакцаканам нет никакой надобности вести переговоры с Талаатом, возлагая на себя миссию великих государств»².

Однако, к счастью, на этот раз армяне сумели не попасть в иттихадовскую западню.

Потуги Высокой Порты по «примирению» армян с правительством продолжались на протяжении всего декабря 1913 г., но безрезультатно, после чего младотурецкие власти приступили к откровенным угрозам и террору.

Армен Гаро свидетельствует, что однажды ночью в декабре 1913 г. Джемал-бей пригласил к себе видного деятеля АРФ Вардгеса (Ованнес Серенгюлян) и заявил следующее: «Если вы будете настаивать на европейском контроле, мы будем вынуждены принять его. Но следствием этого будет то, что исламистское население шести вилайетов встанет на ноги, и будет перебито 3–4 тысячи армян. И вероятно, что русские, пользуясь поводом, придут и займут эти губернии»³.

Когда Вардгес спросил его, почему он рассказал об этом именно ему, Джемал ответил: «Чтобы ты пошел к своим и сказал, что им пора взяться за ум»⁴. Армен Гаро продолжает: «Когда Вардгес принес нам эту весть, мы созвали собрание и решили, чтобы Покр Саргис и я шли к младотуркам и об этом поговорили с Центральным комитетом. На следующий же день мы назначили свидание с их двумя главными членами в одной из кофеен Беры, где сообщили Недрету Шюкри, Мехмету Кемалю, Кючюку Джемалю о том, что на угрозы АР «Дашнакцутюн» ответит следующим шагом: “Если в провинциях произойдет хоть один случай погрома, мы сразу же приступим к революционным действиям в Константинополе, и виновникам не избежать нашей кары”. Эта наша угроза ошеломила посланцев. Они стали нам клясться и божиться, что Джемал самовольно сказал эти глупые слова, и т.д., и т.п.

¹ Русское слово. № 272. 26 ноября 1913 г.

² Русские ведомости. № 276. 1913 г.

³ Айреник. № 2, декабрь 1922 г. С. 41.

⁴ Там же.

Угрозы Джемала и наш ответ сразу же появились в европейской печати. И через несколько дней турецкое правительство уступило в основном пункте¹, но, разумеется, всячески постаралось, чтобы европейский контроль был лишь номинальным².

Параллельно с усилиями правительства убедить армян, турецкая пресса в свою очередь оказывала огромное психологическое давление на них. Периодика Турции лезла из кожи вон, чтобы убедить армян в том, что, веря обещаниям России, они становятся игрушкой в руках русской дипломатии, а это может обойтись им очень дорого.

Со страниц турецкой печати не сходил вопрос европейского контроля. Газеты расплаляли общественное мнение против контроля, объявляя его совершенно неприемлемым для каждого турка, наглым поползновением против чести государства и независимости страны. Иттихадская «Танин» грозила, что если армяне не воспротивятся «общей угрозе европейского контроля» и не начнут сразу же обсуждать с турками вопрос преобразований, если не откажутся от содействия иностранных государств, то могут быть уверены в том, что им не избежать мести мусульман.

МИССИЯ ГЕНЕРАЛА ЛИМАНА ФОН САНДЕРСА. К РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИМ ПРОТИВОРЕЧИЯМ ПРИБАВЛЯЕТСЯ НОВОЕ

Вопрос армянских преобразований был уже на пороге забвения, когда благодаря одному событию ему был дан новый импульс.

Причиной тому стало резкое повышение германского военного присутствия в Константинополе и предельно отрицательная реакция на это со стороны России. В то время как уполномоченные персоны подготавливали мирные договоры и подписывали их, военачальники готовили свои мечи для их рассечения.

С начала 1980-х гг. Германия одним из самых действенных средств своего влияния на Турцию считала установление контроля над османскими вооруженными силами.

По просьбе султана Абдул-Гамида германский фельдмаршал фон дер Гольц с 1883 г. стал инструктором в турецких вооруженных силах. Его главной задачей была организация армии по прусской системе³. В обязанности фельдмаршала входило и составление различных мобилизационных программ. Следует отметить, что в течение своей службы в Турции, вплоть до 1896 г., фон дер Гольц не имел права отдавать приказы, ни один турецкий военный не был в его подчинении.

¹ Безусловно, Армен Гаро преувеличивал роль их, его с Покром Саргисом, угроз на двух членов младотурецкого комитета, если иметь в виду, что для получения уступок от турецкого правительства требовались гигантские усилия русской дипломатии и Погоса Нубара.

² Айренник. № 2, декабрь, 1922 г. С. 41.

³ Ишханян Б. Экономико-политические взаимоотношения Германии и Турции. Тифлис, 1915. С. 35. (на арм. яз.).

После исполнения своих обязанностей военного инструктора паша фон дер Гольц в качестве военного советника оставался в Константинополе вплоть до Младотурецкой революции 1908 года в Османской империи. После победы революции он оставил свою службу, вернулся в Германию и больше не возвращался в Турцию, даже когда спустя два года император Вильгельм снова выразил желание направить его в Константинополь с той же миссией.

А до этого возник ряд обстоятельств, которые создали видимость пошатнувшегося доверия турок к германским военным методам.

После младотурецкого государственного переворота военные эксперты пришли к выводу, что влияние Германии на Турцию будет ослабевать. Это было то время, когда после низвержения Гамида младотурки представлялись в роли последовательных поборников Французской революции – революции, которая была *народной* в исконном смысле этого слова. Младотурки старались представить свой переворот как народную революцию. Этот очередной обман некогда вскрыл не кто иной, как сам германский император Вильгельм II, который писал, что эта «революция совершена не “молодыми турками” Парижа и Лондона, а исключительно армией и почти полностью учившимися в Германии так называемыми “германскими офицерами-турками”. Это была сугубо военная революция. Эти офицеры хорошо образованны и думают исключительно по-немецки»¹.

Фон дер Гольц, который долгие годы занимался обучением армии султана Абдул-Гамида, в июле 1909 г. вновь прибыл в Константинополь и приступил на сей раз к обучению младотурецкой армии². По выражению канцлера Германии Бюлова, фон дер Гольц должен был «поднять Турцию с военной, политической и экономической точек зрения, привлечь турок на нашу сторону и связать их с нами»³. Прибыв в Турцию, он стал придавать особое значение защите Восточной Анатолии, следовательно, укреплению российско-турецкой границы⁴.

Однако последний приезд фон дер Гольца в Турцию оказался менее результативным, чем предыдущий. Ряд обстоятельств свидетельствовал о том, что доверие турок к германским военным методам пошатнулось. А причиной этого стали Триполитанская и Балканская войны и их последствия, в особенности жестокое поражение турецкой армии в Балканской войне, которые вызвало большое разочарование не только в Турции, но и в высших правительственных кругах Германии. Сразу после окончания Балканской войны султан обратился к императору Вильгельму с просьбой поставить на новую основу дело организации вооруженных сил своей страны и с этой целью направить в Турцию военную делегацию, наделенную более

¹ Германский империализм и милитаризм. М., 1965. С. 68.

² Последнему приезду фон дер Гольца в Турцию предшествовало направление в Берлин Энвер-бея в качестве военного атташе.

³ Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961. С. 74.

⁴ См.: Арзуманян М. Армения 1914–1917. Ереван, 1969. С. 57.

широкими полномочиями, которая должна была не только разместить немецких офицеров в турецких военных школах, но и назначить германских видных военачальников командирами турецкой армии¹.

Разумеется, Германия с большой ответственностью пошла навстречу желанию турецкой стороны. Под предлогом защиты султана от различных неожиданностей, 8 ноября 1913 г. германское правительство заключает соглашение с Высокой Портой, на основании которого кайзер Вильгельм II посылает в Турцию военную миссию, состоящую из 42 офицеров во главе с молодым, смелым и осмотрительным генералом Лиманом фон Сандерсом. Незадолго до этого кайзер пожаловал ему звание кавалерийского генерала, по этому поводу сердечно поздравил его по телеграфу, пожелав ему успехов в выполнении крайне важной миссии².

Согласно султанскому ираде от 4 декабря 1913 г. Сандерс назначается командующим расквартированного в Константинополе первого османского армейского корпуса (*пиринджи кол-орду*), армейского соединения, в руках которого находились столица и оба пролива³. А ведь хорошо известно, что кто владеет столицей государства, имеющего централизованное управление, тот обычно владеет и всей страной. Пока под контроль Германии переходил район Босфор – Дарданеллы, а это означало, что во время войны Черноморский флот Российской империи будет блокирован в Чёрном море, а это и являлось определенной целью кайзера Вильгельма.

Эта германская военная миссия в Турции должна была выполнять совсем иные задачи, чем прежние миссии и особенно фон дер Гольца. Если фон Сандерс брал на себя командование константинопольским корпусом, то 42 офицера должны были руководить этим войском, превращая его в показательное военное соединение, обученное и вооруженное по образцу германской армии. Таким образом должна была быть реорганизована вся турецкая армия.

В прошлом, до Балканской войны, Германия стремилась максимально усилить турецкую армию, чтобы в случае европейской войны она сумела усмирить балканские государства, но сейчас, когда после этой войны условия совершенно поменялись, Турция уже была не в состоянии выполнять эту сдерживающую роль. В этой изменившейся ситуации главной целью Германии уже не являлось воспитание турецкой армии, а установление своего активного влияния в Константинополе, для чего она сочла необходимым взять в свои руки самые важные стратегические точки Турции. Как отмечал А. Мандельштам, деятельности Сандерса оказывал большое содействие вернувшийся из Берлина крайний германофил Энвер-бей⁴. Этот субъект был старым

¹ Айреник. № 21 (265), февраль 1948 г. С. 39 (в сноске).

² См.: Ахурян (рус. *Александрополь*). № 2, 5 января 1914 г. (на арм. яз.).

³ См.: Азг. № 32, 28 января 1914 г.

⁴ См.: *Мандельштам А. Судьба Османской империи. Ч. 1: Младотурки перед войной* / пер. М. Шамтанчяна. Константинополь, 1919. С. 123. (на арм. яз.).

другом немцев и в то же время был преисполнен ненависти к России. Его позиция была прямым следствием миссии фон Сандерса. С самых первых дней своей службы в военном министерстве Энвер заявлял о необходимости чистки высшего офицерского состава турецкой армии, а освободившиеся должности предполагалось раздать немецким военнослужащим¹.

Россия продолжала свою давнюю политику по отношению к проливам Босфор и Дарданеллы, то есть всячески препятствовать стремлениям любой из великих держав в установлении своего контроля над ними. Показателен тот факт, как в дни Балканского кризиса Петербург дружески, но со скрытой угрозой советовал Болгарии не заходить дальше Чатаджи и не входить в османскую столицу.

Откровенно авантюрный шаг германского правительства по установлению полного контроля над Константинополем вызвал большую обеспокоенность, недовольство и панику в руководящих кругах стран Тройственного согласия (Антанты). Были растеряны также армянские деятели Константинополя и других регионов. Погос Нубар-паша писал католикосу: «Прискорбно, что инцидент с германским военным командующим произошел именно в этот момент и вызвал распри между Тройственным союзом и Тройственным согласием, что нас лишит практической поддержки со стороны Германии. Не думаю, что до улаживания вопроса этого военкомандующего в позиции германского правительства произойдет какая-то перемена. Посему следует опасаться, что задача преобразований может замедлиться, если не исключать того, что Россия станет требовать компенсаций в противовес полученным Германией преимуществам и захочет одним из условий таких компенсаций выдвинуть вопрос наших реформ, чего мы и желаем»².

А. Дживелегов писал в «Русских ведомостях» (№ 276) о том, что в создавшихся условиях, «если немцы соблазняются эффективным для них ходом миссии Сандерса и станут колебаться (речь идет об отказе от возможного контроля над претворением преобразований. – Г. С.), то все равно великие государства обязаны применить все имеющиеся под рукой средства, в том числе предложения конференции представителей проармянских комитетов, состоявшейся в Париже 18 ноября 1913 г. (имеются в виду требования конференции о недопущении заключения займов для Турции на европейской бирже, а также заявления о несогласии на повышение таможенных пошлин в Турции. – Г. С.), и принудить Высокую Порту повиноваться их воле»³.

Отправка миссии Сандерса на берега Босфора вызвала бурное негодование российской печати и была расценена как чрезвычайный случай грубого нарушения баланса сил держав, который обостряет и без того сложные российско-германские отношения.

¹ См.: Арарат. № 2, февраль. 1914. С. 125. (на арм. яз.).

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 61–62.

³ Русские ведомости. № 276. 1913.

Жесткой была реакция петербургского правительства. Россия не могла безразлично отнестись к появлению новой угрозы со стороны Германии. В случае попустительства османская столица, а значит и вся Турция неизбежно оказались бы под каблуком Германии. И несмотря на то обстоятельство, что до этого Германия пришла к некоторому согласию с Россией, после этого случая положение вещей снова отклонилось от позитивного хода процесса.

В атмосфере постепенно углублявшихся противоречий Петербург сначала представил Высокой Порте резкий протест, пригрозив привести в боевую готовность свои войска на Кавказе и Черноморский флот¹, но затем изменил свой тон.

23 декабря 1913 г. министр иностранных дел России Сергей Сазонов пишет докладную императору Николаю II, где настаивает на том, что признание Россией контроля германского командования над Константинопольской турецкой армией будет равносильно крупному политическому поражению. Одновременно Сазонов считал, что без получения предварительного согласия Франции и Англии на принятие контрмер в связи с миссией Сандерса, развертывание односторонних действий чревато непредвиденными последствиями². В то же время Сазонов не исключал, что в случае дальнейшего обострения русско-германских отношений станет возможным применение санкций против Турции и даже захват определенной части турецких земель³.

Однако председатель правительства Коковцев оказался более осторожным. Он полностью исключал любое действие российской стороны, которое могло бы привести к ухудшению отношений с Германией. Премьер-министр считал для России величайшей опасностью столкновение с Германией в этот момент.

В условиях ощутимых различий между точками зрения российского премьера и министра иностранных дел 31 декабря 1913 г. (13 января 1914 г.) под председательством Коковцева имело место секретное совещание, посвященное обсуждению миссии Лимана фон Сандерса⁴. После всестороннего анализа ситуации совещание пришло к заключению, что Россия не против взятия на себя Сандерсом роли инструктора турецкой армии, но решительно против его назначения командующим в Константинополе, что безусловно могло обеспечить Германии господствующее положение в Турции. Протоколы этого собрания и другие источники⁵ показывают, что Россия отнюдь не стремилась к завоеваниям в Турции, но была готова пойти даже на крайние меры ради поддержания военно-политической ситуации, существующей в этой стране.

¹ См.: Вестник общественных наук. № 7 (559), июнь 1989 г.

² См.: Взм. № 1, январь – апрель 1935. С. 9–10 (из статьи Андрея Мандельштама).

³ См.: Красный архив. Т. VI. С. 67.

⁴ Константинополь и проливы: по секретным документам б. М-ва иностр. дел / под ред. Е.А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1925–1926. Т. 1. (Европейские державы и Турция во время мировой войны). С. 65–71.

⁵ Красный архив. Т. VII. С. 46–49.

В конечном итоге российское правительство приняло решение продолжать переговоры с германским правительством и одновременно, по согласованности с Францией и Англией, оказывать на Турцию давление. Но даже в том случае, если это не даст результатов, необходимо приложить все усилия для избежания военного столкновения с Германией¹.

На первый взгляд могло показаться, что произошедшее не имело какой-либо связи с армянами, но в действительности оно опосредованно влияло на них, поскольку способствовало возникновению новой трещины в русско-германских отношениях именно в тот момент, когда взгляды этих стран на решение армянского вопроса несколько сблизились.

Англия и Франция с пониманием восприняли обеспокоенность российского правительства, хотя в этом вопросе они не сотрудничали с Петербургом².

Считая выяснение дальнейших отношений с Германией злободневной задачей, Петербург был вынужден сконцентрировать свое внимание на этом запутанном вопросе, оставляя на втором плане армянское направление своей дипломатической борьбы, а тем временем турецкая сторона, пользуясь этим, старалась затянуть решение вопроса о реформах, чтобы в конце концов снять его с повестки. С другой стороны, если бы Россия наконец дала согласие на демарш Берлина, созданный вокруг Босфора, то в таком случае, возможно, германская сторона в качестве компенсации оказалась бы вынужденной пойти на уступки Петербургу в армянском вопросе. Потому неслучайно, что армянские политические круги не были особо встревожены инициативой Берлина по миссии Сандерса. Более того, они в этом видели определенный позитивный фактор с точки зрения продвижения армянского вопроса. В пользу свидетельства этой весьма реалистической точки зрения говорила та уступчивая позиция, которую выказывал германский посол в Константинополе Вангенгейм, когда советовал Высокой Порте смягчить свою позицию в вопросе преобразований в Армении и как можно скорее достичь согласия в вопросе требований Петербурга, будучи уверенным в том, что это смягчит тревогу Петербурга, вызванную миссией Сандерса.

Царский двор потребовал от турецкого правительства назначить одного из русских военачальников командующим другой турецкой армией, дабы сохранить политический баланс с Германией, однако получил отказ.

К этому прибавилось и другое, неблагоприятное для России обстоятельство.

В конце 1913 г. по указу султана Энвер-бей был назначен военным министром Турции и одновременно был удостоен титула паши.

¹ Вэм. № 1, январь – апрель 1935. С. 10.

² Ковкаси арабер. № 268 (317), 27 ноября 1913 г.

Это было неблагоприятным обстоятельством для интересов России. Во всем руководстве младотурецкого режима он был единственным пытливым политиком, преисполненным беспредельной веры в Турцию, в ее армию. Несомненно, его назначение военным министром было закономерным продолжением политики, приведшей Сандерса на берега Босфора. Вероятно, назначение Энвера имело место с секретного одобрения Берлина. Будучи старым другом немцев, Энвер начал свою деятельность в должности министра с удаления ряда военных высших рангов для предоставления немцам большего числа мест в турецкой армии.

Не согласившись с создавшимся положением, Россия дала понять Берлину, что во избежание дальнейших осложнений он должен отозвать свою военную миссию.

В данный момент Германия также не была заинтересована в дальнейшем осложнении отношений с Россией и подумывала о некоторой компенсации. Этой компенсацией стала ее уступка России в вопросе армянских реформ. Ценой такого возмещения явилось то, что Германия в соответствии с российско-германским соглашением от 10 сентября 1913 г. по армянским преобразованиям совместно с Россией пыталась сломить упорное сопротивление Турции. Германское правительство пошло на этот шаг лишь для того, чтобы улеглись протесты против ее военной миссии и она смогла закрепиться на босфорских берегах. К этому прибавлялось и то обстоятельство, что в германских правительственных верхах произошли заметные положительные сдвиги по отношению к армянскому народу. Это было замечено спустя месяцы корреспондентом «Нового времени»: «Немцы не заинтересованы портить свои отношения с коренным населением Анатолии. Вероятно, этими соображениями объясняется тот факт, что Берлин, будучи наполовину против русской программы, не настаивал и не пытался доказать, что Армения вообще не нуждается в преобразованиях»¹.

Ради решения армянского вопроса Россия еще некоторое время продолжала сносить присутствие миссии Сандерса в османской столице. Две другие страны Тройственного соглашения, Англия и Франция, были удивлены тем, как неожиданно Германия начала склоняться в сторону соглашения по проекту армянских преобразований.

Однако каким бы важным ни был армянский вопрос для России, всё же по своей значимости он не мог сравниться с проблемой черноморских проливов, контроль над которыми десятки лет являлся национальной идеей русских и абсолютной идеей царского двора. Поэтому Россию не мог удовлетворить показной жест германского правительства по содействию в армянских реформах. Это обстоятельство прекрасно понимали в Берлине, и в конце концов кайзеровское правительство было вынуждено уступить. Лиман фон

¹ Новое время. № 13662. 24 марта 1914 г.

Сандерс был освобожден от важнейшей должности главнокомандующего первым османским армейским корпусом, и его заменил один из турецких военачальников. Сандерса назначили следователем (мюфетич) всей османской армии. Хотя эта должность была более высокой, но предыдущая была намного важнее, предпочтительнее и влиятельнее. Россия на данном этапе была удовлетворена таким положением дел.

ПРОГРЕСС

Для достижения согласия по двум труднейшим и предельно важным вопросам: миссии Сандерса и реформ в Армении – и Берлин, и Петербург проявили взаимную терпимость. Вместе с тем происходили новые, благоприятствующие армянам процессы в английской, и особенно во французской дипломатии.

В начале декабря 1913 г. поменялся состав правительства Франции. По этому поводу в своем письме католикосу Погос Нубар отмечал, что для разрешения данной проблемы настала более благоприятная ситуация, он имел в виду, что Клемансо, с которым уже долгое время находился в дружеских отношениях, «и проармянские настроения которого весьма известны, имеет реальное влияние на новый кабинет, следовательно, настроения новообразованного министерства несомненно могут быть благожелательными» для них¹. В другом письме католикосу Нубар-паша сообщал о том, что Франция усиливает свое давление на Высокую Порту, чтобы та приняла конструктивную позицию и смирилась с мыслью, что в вопросе программы реформ нет альтернативы².

К применению давления по вопросу реформ склонилось также Министерство иностранных дел Англии. В этих условиях Высокая Порта была вынуждена маневрировать и вновь пытаться войти в непосредственный контакт с армянской стороной.

Русский посол в Париже Извольский в секретной телеграмме № 587 от 3 (16) декабря³ сообщал своему начальству следующее: «Погос Нубар-паша получил через здешнее (парижское. – Г. С.) турецкое посольство от великого визиря настойчивое приглашение прибыть в Константинополь, очевидно, для обсуждения армянских дел. Прежде чем принять это приглашение, он желал бы знать, считаете ли Вы это полезным и своевременным. Он просит Вас также переговорить с армянским патриархом и сообщить ему через мое посредство мнение последнего»⁴.

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 59об

² Там же. Л. 67.

³ В другом источнике – 16 (29) декабря (см.: НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 61–62).

⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 57 (Нам не известно, какое мнение высказывал патриарх в связи с этим вопросом, во всяком случае, мы не располагаем какими-либо письменными источниками о запросе русской стороны и полученном ответе, но, вероятно, он был отрицательным. – Г. С.).

Спустя несколько дней, 16 (29) декабря, сообщая об очередном¹, приглашении великого визиря встретиться с ним в Константинополе, Погос Нубар подробно излагал католикоосу мотивы своего отказа. Он писал: «Через посредство посла Иззет-паши (турецкий посол в Париже. – Г. С.) от великого визиря я получил телеграмму (копия приложена), которою меня приглашали приехать в Константинополь и вести переговоры по вопросу реформ. Я отнюдь не сомневался, что, приглашая меня в Константинополь, великий визирь надеется убедить меня принять турецкую программу преобразований без сотрудничества европейских чиновников, назначаемых с одобрения держав. Полученное в сию минуту от патриаршества письмо подтверждает мое подозрение. Будучи осведомленным о намерении великого визиря пригласить меня в Константинополь, патриарх поспешил узнать мнение русского посла об этом, и он сообщил, что мое присутствие в Константинополе излишне и даже противоречит нашим интересам, так как целью Высокой Порты является затягивание своего ответа державам, потому что она ныне состоит в переговорах со мною, и таким образом предотвратит вмешательство Европы. Стремление Высокой Порты – выиграть время и, якобы претворяя реформы, поставить державы перед свершившимся фактом»².

Погос Нубар подчеркивал, что, пойдя навстречу желанию турецкой стороны, он бы нанес непоправимый удар по делу реформ. «По этой причине я решил отказаться от приглашения великого визиря, ответив ему, что без одобрения Вашего Святейшества я не могу ехать в Константинополь, и дабы предотвратить новое приглашение, я вынужденно сообщил, что Ваше Святейшество телеграфировало мне, что моя должность не дает мне права представлять в Константинополе. Я также сообщил о том, что Ваше Святейшество, так же, как и я, считает, что поскольку державы взяли на себя решение нашего вопроса, то элементарная этика требует от нас не вмешиваться в дела послов и Высокой Порты, так как это могло бы повредить переговорам.

Спешу сообщить это Вашему Святейшеству, чтобы Вы могли сообразно ответить, когда поступит к Вам от турок обращение об уполномочивании меня Вами ехать в Константинополь.

Убежден в том, что Ваше Святейшество будет полностью согласно со мною. Наши интересы требуют, чтобы мы действовали в этом направлении, ибо, несомненно, державы заинтересованы в наших преобразованиях и добьются условий лучших, чем мы – своим вмешательством»³.

Благодаря своей чрезвычайной способности безошибочно улавливать исторический момент, действовать адекватно и принимать

¹ Втором.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 58–59

³ Там же.

точнейшие решения, Погос Нубар пришел к заключению, что данная ситуация подсказывает ему сделать кратковременный перерыв. «Покамест, как вчера писал я Вашему Святейшеству, нам остается потерпеть и дожидаться завершения переговоров государств»¹, – писал католикосу армянский политик и дипломат и выражал надежду на то, что эта его осмотрительность не помешает российской дипломатии продолжить энергичную деятельность².

Пользуясь создавшимся благоприятным моментом, русская дипломатия усиливает свою работу с Высокой Портой. Почти каждый день Гирс встречается с великим визирем и почти каждый день посылает в Петербург телеграммы и письма. А Сазонов внимательно следит за русско-турецкими переговорами и по телеграфу дает указание Гирсу не идти на необоснованные уступки великому визирю и делать всё, чтобы Высокая Порта приняла российско-германский проект армянских реформ.

Русская печать горячо поддерживала последовательные действия своего правительства в продвижении вопроса армянских реформ.

Обращаясь к этому вопросу, газета «Русское слово» 7 декабря 1913 г. писала: «После вопроса проливов для интересов России на Востоке самым важным является вопрос реформ в Турецкой Армении. Этот вопрос вдруг исчез с политического горизонта, и создало впечатление, будто бы в Армении на самом деле давно установилось спокойствие. Но это лишь так кажется, и каждую минуту можно ждать вспышки зверств курдов и жесткостей турок. Германия уже объявила, что отныне не намерена препятствовать скромной программе Сазонова. Так зачем же медлить?»³ Затем, ссылаясь на общественное мнение страны, газета продолжает: «Россия не может безразлично относиться к той анархии, которая гнездится по соседству с Кавказом и становится причиной страданий турецких армян. Для нас армянский вопрос является также вопросом чести, вопросом исполнения нашего исторического долга армянскому народу.

Если России удастся обеспечить европейский контроль над реформами, то тогда привлекательность русского имени на Ближнем Востоке поднимется до невиданных высот. На нашей стороне не только международное право, но и симпатии всего цивилизованного мира. Армяне сейчас являются последним христианским народом, половина которого стонет под жестоким турецким игом»⁴.

Постоянная волокита со стороны турок стимулировала вызревание в российском правительстве настроений, допускающих применение в отношении Турции более жестких действий, вплоть до военного вмешательства, в случае если на переговорах Высокая Порта будет еще больше ужесточать свою позицию.

¹ Там же. Л. 61–62.

² Там же. Л. 67.

³ Русское слово. 7 декабря 1913 г.

⁴ Там же.

В своей строго секретной телеграмме № 1035 от 9 декабря министр иностранных дел Сазонов сообщал кавказскому наместнику Воронцову-Дашкову свои соображения по армянскому вопросу на данный момент: «На случай уклонения Турции от исполнения предъявленных Россией требований о необходимых в армянских вилайетах преобразованиях, нам надлежит заблаговременно подготовить некоторые меры военного характера, которые позволили бы нам, если понадобится, быстро сосредоточить достаточные силы на нашей кавказской границе»¹.

Кавказский наместник, который был откровенным поборником идеи полного избавления Турецкой Армении от османского ига, в своей ответной телеграмме от 13 декабря всецело поддержал намерение правительства: «Вследствие сего и разделяя вообще высказанный Вашим превосходительством по вышеуказанному вопросу взгляд, долгом считаю покорнейше просить Вас, милостивый государь, не отказать почтить меня уведомлением, какие именно подготовительные меры на нашей Кавказской границе Вы считали бы необходимым принять, на случай отказа Порты в осуществлении предъявленных ей нами требований»².

Российско-германское соглашение вокруг миссии Сандерса создавало для России удобный момент для активизации своих действий по армянскому вопросу. Несмотря на это, дипломатическая борьба вокруг миссии Сандерса выявила остроту разногласий между двумя странами. Российской сторону не оставляли подозрения о возможном ужесточении шагов со стороны Берлина в дальнейшем. Учитывая это обстоятельство, германское правительство нашло целесообразным смягчить некоторыми дипломатическими шагами недоверие русской стороны.

Вангенгейм получил от своего начальства инструкцию пойти на некоторые уступки Гирсу в армянском вопросе. Одним из проявлений этого стало посещение германским послом Высокой Порты и данный им совет о необходимости достижения ею определенного согласия с русской стороной.

10 декабря Вангенгейм сообщает Гирсу о том, что он присоединяется к его переговорам с Высокой Портой. На следующий день, 11 декабря³, послы России и Германии вместе посетили великого визиря и долго беседовали. Особо детально обсуждались вопросы, связанные с генеральными инспекторами и советниками секторов. В результате был достигнут прогресс: великий визирь, наконец, отказался от своей жесткой позиции по двум вышеуказанным вопросам. Важно, что он принял достигнутый русско-германским соглашением вариант программы реформ, в соответствии с которым инспекторов должны были выдвигать державы и их должен утверждать султан. Что касается вопроса о советниках, то он потребовал относительно

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 82.

² Там же.

³ Согласно другому источнику, – 12 декабря (см.: АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3472. Л. 100об.).

долгого обсуждения. Еще до визита Гирса и Вангенгейма к великому визирю, последний и его правительство окончательно убедились в том, что институт европейских советников, предложенный ими для срыва проведения реформ, потерпел неудачу, поставив Высокую Порту перед новыми осложнениями. Поэтому Совет министров решил вообще отказаться от этого института. И когда послы спросили его, можно ли предполагать, что Порта согласится вернуться к прежнему порядку о назначении европейских инспекторов, Саид-паша счел это вероятным¹. Удовлетворяя самолюбие Турции и учреждая дуалистический принцип правления армянскими областями, державы брали за основу опыт Македонии, и поэтому настаивали на праве советников опротестовывать решения генеральных инспекторов, определяя сроки их обсуждения. При каждом генеральном инспекторе предусматривалось иметь одного советника. Если в переговорах послов с великим визирем согласие не достигалось, то за основу бралось мнение советника и тем самым приостанавливалось решение генерального инспектора. Для опротестования великий визирь требовал один месяц, тем самым в принципе соглашаясь как с назначением европейского советника, так и с его правом на вето в случае разногласий с генеральным инспектором, в то же время предоставляя ему право на самостоятельные действия, если в надлежащий срок не последует согласованной инструкции послов и великого визиря².

После обсуждения вопросов Саид-паша во время беседы с посетившими его послами официально заявил о том, что его кабинетом принято решение о возвращении к русско-германскому проекту, содержащему шесть известных пунктов. Во избежание дальнейших неожиданностей и для закрепления уже обретенных договоренностей, Гирс сразу же дал свое согласие на предложение Саид-паши. Не дало себя долго ждать и согласие Вангенгейма.

Таким образом, несмотря на упорное сопротивление Высокой Порты и двуличные игры германской дипломатии, российско-германская программа из шести пунктов осталась в основе переговоров вокруг армянских реформ.

Обращаясь к встрече двух послов с великим визирем, газета «Новое время» приветствовала достигнутые результаты и выражала надежду на то, что отныне переговоры станут еще более продуктивными³.

А газета «Речь», в свою очередь, сообщала, что после встречи русский посол выразил мнение, что армянский вопрос, вероятно, принимает благоприятное направление и что окончательное разрешение проблемы зависит от позиции комитета «Единение и прогресс»⁴.

Другая русская газета «День» отмечала, что во время этой встречи в Высокой Порте была зачитана состоящая из 14 разделов

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3472. Л. 100об.

² ПЗ ПАК. Т. I. С. 305–306.

³ См.: Новое время. 19 декабря 1913 г.

⁴ См.: Речь. 15 декабря 1913 г.

программа преобразований, в основе которой было соглашение, совместно разработанное русским и немецким послами. «Армянам сейчас необходимо успокоиться от прошлого и восстановить силы. Вопрос автономии оставляется на будущее»¹, – подчеркивала газета.

Гирс телеграфировал Сазонову о том, что в конце встречи великий визирь обещал о достигнутом соглашении по обсужденным вопросам представить предложения в Совет министров².

На следующий день, 12 декабря, германский посол в Константинополе посещает Армянское патриаршество и встречается с патриархом Завеном. Беседа длится более часа. Посол Вангенгейм совершил этот визит для того, чтобы продемонстрировать армянам, что Германия заинтересована в решении армянского вопроса в той же степени, что и Россия.

Но эта необычно долгая встреча вызвала подозрения, в армянских кругах считали, что Германия лукавит, демонстрируя свое согласие с Россией по армянскому вопросу, в действительности же намерена придать ему иной ход, благоприятный для младотурок. Эти опасения диктовались тем предположением, что Германия, после того как соберет в кулак всю мощь турецкой армии, займет господствующую позицию в Османской империи.

И на самом деле, германский посол явился к армянскому патриарху дабы выполнять очень важную роль посредника в достижении соглашения между Портой и армянской нацией. Армянская пресса сообщала о том, как Вангенгейм советовал патриарху, чтобы армяне перестали связывать свои надежды с Европой и отказались от идеи европейского контроля. Таковой была одна из целей германского посла при посещении Армянского патриаршества.

Прозвучавшая в прессе весть о вышесказанном возмутила армянских интеллектуальных деятелей, стоящих близко к Армянскому патриаршеству, в ее среде стали расти даже бунтарские настроения, которые могли перекинуться на армянские провинции. Будучи прекрасно осведомленной об этом, Порта спешит создать комиссию, в состав которой включает нескольких видных армян. Комиссия разрабатывает новую программу реформ в Армении и представляет ее правительству. Но сплоченные вокруг патриаршества армянские деятели квалифицируют эту правительственную программу как несоответствующую даже самым скромным требованиям, а саму комиссию – обычной турецкой комедией. Для некоторых турецких газет это послужило поводом для размещения на своих страницах угрожающих статей в адрес армян³.

Армянские комитеты в Париже и Лондоне намеревались, в свою очередь, направить новые обращения к местным правительствам. При этом, в зависимости от отношения российского правительства

¹ День. 15 декабря 1913 г.

² Сборник дипломатических документов ... С. 307.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 10.

к армянскому вопросу, они должны были просить все три державы Тройственного союза встать на защиту армян, в противном случае они будут обращаться к России с тем, чтобы она одна взяла на себя дело армянского вопроса.

В секретной телеграмме Сазонову (№ 1204 от 11 (24) декабря) посол Гирс оповещал о том, что согласно дошедшим до него сведениям кавказские армяне в лице графа Лорис-Меликова и князя Аргутяна (Аргутинского) так же создают депутацию для направления в Европу. При этом ходили упорные слухи о том, что эту депутацию создал кавказский наместник Воронцов-Дашков по совету епископа Месропа¹.

«Дабы не упустить из наших рук инициативу в этом деле, – советовал Гирс, – я счел бы желательным немедленно ответить на заявление, данное нам армянами. Я уже сообщил им дружественно о тех наших советах, данных Порте, что необходимо осуществить реформы и что нельзя допустить исхода армян Румелии. Однако, полагаю, это их не особенно удовлетворит и не остановит в вопросе обращения к европейским державам. Весьма понимая, что реальную помощь могут получить лишь от нас, они остерегаются идти против наших намерений в развитии армянского вопроса. Они ждут нашего руководства в их дальнейших действиях и от этого никогда не откажутся. Полагаю, уже время прояснить этот вопрос с державами Тройственного союза, тем более что англичане начинают внимательно следить за этим. Кроме этого, следовало бы объявить армянам о том, что, отнюдь не одобряя с их стороны какую-либо революционную инициативу, мы тем не менее не оставим их без защиты в случае резни. Прошу Ваших указаний»².

Великий визирь 14 декабря приглашает в Высокую Порту послов России и Германии и торжественно объявляет о том, что правительство склонно принять постановление о проведении преобразований в Армении при поддержке великих государств.

15 декабря, обсудив армянский вопрос, Совет министров Турции в принципе принимает российско-германскую программу преобразований, в том числе вопрос европейского контроля, и предлагает премьеру продолжать переговоры с русским послом Гирсом, в частности, по решению вопроса о генеральных инспекторах. На следующий день, утром 16 декабря, великий визирь предлагает российскому послу следующий вариант назначения инспекторов: после достижения договоренности с представителями держав об объеме власти этих лиц, Высокая Порта будет официально в устной форме обращаться к великим державам с просьбой указать удобных кандидатов, одновременно уведомляя их о компетенциях инспекторов³.

¹ Там же.

² Там же. С. 11.

³ Там же. Д. 3472. Л. 100об.

Вечером 16 (29) декабря Гирс сообщает Сазонову о предложениях турецких министров и великого визиря продолжать переговоры¹. За этим следует секретная телеграмма Сазонова от 18 декабря русскому послу в Париже Извольскому: «Последние известия из Константинополя вселяют надежду на то, что мы от Порты получим благоприятный ответ по поводу армянских преобразований. Во избежание разногласий, которые могли бы случиться в вопросе запланированных советников и генеральных инспекторов, можно ожидать, что Порта для каждого сектора по предложению великих государств будет назначать европейских общих инспекторов, вместо упомянутых советников.

В связи с этим желательно теперь же иметь в виду кандидатов из подданных второстепенных стран. Прошу Вас сообщить об этом Погосу Нубар-паше и осведомиться, не имеет ли он в виду соответствующих кандидатов»².

Именно вокруг турецкого предложения 16 декабря и шли во второй половине декабря упорные переговоры между М. Гирсом и великим визирем. В ходе переговоров Гирс стремился внести в новый проект главные принципы реформ, а турецкий совет министерств прилагал усилия к тому, чтобы ограничить всё дело назначением инспекторов и вопросом установления их полномочий.

23 декабря великий визирь передал русскому послу текст проекта полномочий генеральных инспекторов, а М. Гирс со своей стороны вручил ему ту ноту, которую должны были послать державам³.

Оба текста, указанные в процессе тяжелейших переговоров между послом и великим визирем, были объединены, а окончательное редактирование единого текста велось почти каждый день.

Основываясь на новых обнадеживающих сведениях из Константинополя, армянская газета «Мшак» писала: «Благодаря этим удачным обстоятельствам армянский вопрос в настоящее время находится на завершающем этапе своего разрешения, и, несомненно, что в 1914 г. многострадальные армяне Турции увидят свою свободу»⁴.

Но подобное заключение было преждевременным, ибо кризисный этап еще не был преодолен. Соглашение, достигнутое в следующие дни, стало давать трещины из-за доносившихся из Берлина протестующих голосов, открыто призывавших отказаться от русско-германского соглашения. Вот почему германский посол зачастил к главе турецкого правительства.

¹ См.: Сборник дипломатических документов ... С. 82.

² Сборник дипломатических документов ... С. 83. Второй фрагмент этой телеграммы Сазонова Извольскому в документе, хранящемся в архиве Министерства иностранных дел России (Москва) сформулирован следующим образом: «Прошу Вас совершенно доверительно сообщить Погосу-паше, что последние известия из Константинополя дают надежду на то, что Порта, кажется, проявляет настроение к достижению согласия в вопросе генеральных инспекторов. ... Хотели бы осведомиться, не имеет ли Погос-паша в виду каких-либо удобных кандидатов» (см.: АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 99).

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3472. Л. 101.

⁴ Мшак. № 1, 1 января 1913 г.

Но Погос Нубар был уверен в том, что это не удастся ни Высокой Порте, ни Берлину. В телеграмме католикосу он писал: «Во всех случаях, упорство Турции в отказе от наших преобразований, которые лишь могут избавить ее от новых бедствий, показывает, что она не усвоила уроков прошлого. Она не видит, что Армения для нее может стать новой Македонией, но с более страшными последствиями, которые могут угрожать даже существованию Османской империи»¹.

УСТРАНЕНИЕ НЕДОРАЗУМЕНИЙ

Посол России в Константинополе Гирс должен был уйти в отпуск с 18 декабря 1913 г., но каждый день откладывал свой отъезд до получения ответа от Высокой Порты по другим пунктам проекта преобразований. Турецкие чиновники каждый день обманывали его и затягивали ответ, требуя разного рода уступок. Заручившись поддержкой Тройственного союза, они упрямо стремились вносить все новые поправки в соглашение от 10 сентября.

В дополнение к этому, спустя всего два дня после встречи с великим визирем 12 декабря, Вангенгейм предостерег Гирса от дальнейших уступок с его стороны.

Вот уже в который раз, когда уже близилось к концу составление программы реформ, вдруг возникало очередное осложнение и разрешение вопроса вновь откладывалось. Поскольку Германии удалось сократить программу реформ до той степени, чтобы в ней не осталось даже намека на автономию, можно было надеяться на то, что создавшаяся атмосфера взаимопонимания будет благоприятствовать претворению преобразований и что немецкий посол в Константинополе Ганс Вангенгейм наконец принудит Высокую Порту немедленно принять русско-германскую программу и приступить к ее исполнению. Однако надежды не оправдались.

Германский посол, который был сторонником и преданным другом младотурецкого правительства, хотя и показывал, что симпатизирует действиям других послов, но за кулисами проводил иную политику. Его поведение находило одобрение со стороны Берлина, в особенности – помощника статс-секретаря иностранных дел фон Циммермана, которого немцы считали непогрешимым в вопросах Ближнего Востока.

Заручившись откровенной поддержкой со стороны Германии, Высокая Порта потребовала прежде всего удалить из программы пункт, по которому европейские советники получали право на решающий голос, и дать возможность ей самой назначать советников, в противном случае она выдвинет вопрос изъятия из программы должности советников вообще. Вместе с вопросом о советниках Порта создавала почву для споров вокруг вопроса прав и обязанностей главных инспекторов.

¹ НАА. Ф. 57. Ст. 5. Д. 47. Л. 62.

Совет министров уполномочил великого визиря предъявить русской стороне следующие условия: он будет обращаться официально в устной форме к представителям государств, прося их выдвигать кандидатов на должности генеральных инспекторов двух секторов. Причем после достижения согласия с русской стороной великий визирь представит ей новое предложение об объеме власти этих персон, добавив, что с ними будет заключен 10-летний договор, и если за этот период возникнет вопрос о необходимости замещения одного из них или обоих, то в этом случае Порты обратится к помощи великих держав.

Российская сторона считала, что будет правильным определить срок службы генеральных инспекторов не на 10, а на 5 лет с условием его автоматического продления, чтобы в случае неудачного выбора не ждать целых 10 лет до выборов нового инспектора¹.

В телеграмме № 1699 от 16 (29) декабря посол Гирс сообщал Сазонову: «По этому последнему условию существует еще разногласие между постановлением Совета министров и мною. При последнем посещении великого визиря германским послом и мною было установлено, что условие будет выражено в следующей фразе: “La Sublime Porte compte sur le même concours bienveillant des Puissances”². Совет министров желает исключить слово *même*, между тем именно оно и дает гарантию, что в случае новых выборов они будут произведены тем же порядком, как и ныне. Ввиду этого я усиленно настаивал на сохранении этого слова, и великий визирь обещал мне попытаться убедить Совет министров сохранить его. В среду вечером великий визирь даст мне на предварительный просмотр текст о полномочиях инспекторов. В случае нашего соглашения по поводу этого текста и сохранения в последующей ноте Порты слова *même*, текст которой будет равным образом установлен заранее – до представления кандидатов, – я считал бы весь проект весьма приемлемым и способным вполне удовлетворить армян. Но уже теперь можно сказать, что вопрос о реформах сильно подвинут вперед»³.

Вышеупомянутые затягивания, будучи важнейшим компонентом стратегии младотурок, были также на руку Германии. Причину этому следует искать в общем контексте ее политики, проводимой на ближневосточных территориях Турции.

На официальных и обычных встречах посол Вангенгейм напоминал Гирсу о том, что введение реформ в Армении прежде всего выгодно России и что, присоединяясь к разработанной ею программе, Германия взамен имеет право требовать от Петербурга соответствующей компенсации.

Какие новые уступки имел в виду германский посол? Было очевидно, что хотя Турция создала для Германии все благоприятные

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 90.

² Высокая Порты надеется на такую же доброжелательную поддержку держав. – Фр.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 90–91.

условия в своих азиатских губерниях, последняя была крайне недовольна приобретенным. Немцы стремились заполучить гораздо больше того, что им предлагалось.

Уже вся Киликия (Малая Армения) находилась в сфере германских интересов: она уже была утрачена для идеи общенациональной армянской целостности. Но этого казалось мало, и немцы продолжали простирали свои взоры в сторону Великой Армении. Летом и осенью 1913 г. германское правительство получило новые концессии от Порты, в частности, планировалось с помощью железных дорог соединить Ангору (Анкару), Кесарию, Себастию (Сивас), Харберд, Диарбекир и Мосул. Если бы эта программа осуществилась, то вся западная и южная части Армении неизбежно оказались бы в сфере германского влияния.

Заметим, что в это же время под сукном одного из министерств России покоился документ, дающий право на строительство железной дороги Карс-Эрзрум, однако она не спешила воспользоваться им.

А немцы, как видим, наоборот, не собирались терять времени. И если армяне с их вековыми страданиями были на пути к удовлетворению ненасытных германских appetitов, то тем хуже для армян.

Одной из преград в осуществлении собственной программы в Армении немцы считали европейских советников. Вот почему сейчас германская дипломатия затягивала осуществление программы по армянскому вопросу в надежде на то, что в конце концов им удастся исключить из нее требование об институте советников.

Расценивая приложенные немцами с этой целью усилия как неприемлемые для России, Алексей Дживелегов писал: «Российская дипломатия совершила бы новую, роковую ошибку, если б не пресекла эту игру, заняв резкую, энергичную позицию. Армянский вопрос решится лишь в том случае, если, будучи спасением для армян, он одновременно будет выгоден для России с экономической и политической точек зрения»¹.

Письменные и устные выступления Дживелегова и других армянских деятелей находили живой отклик на страницах русской печати. Начиная с середины декабря 1913 г., страницы русских газет пестрели статьями об армянском вопросе. Многие из них посвящались колебаниям германской политики в армянском вопросе, отсутствию в ней определенности.

Под мощным давлением русского общественного мнения правительство сочло невозможным для себя идти на новые уступки туркам.

В связи с осложнением ситуации по распоряжению своего правительства, Гирс откладывает свой отъезд в отпуск и возобновляет переговоры с великим визирем об армянских преобразованиях².

¹ Мшак. № 2, 4 января 1914 г.

² Там же. № 22, январь 1914 г.

Уже 19 декабря на встрече с Сазоновым посол Германии в Петербурге Пурталес жаловался на то, что на днях во время переговоров Гирса с Высокой Портой по армянским преобразованиям русский посол предъявлял новые требования, которые не входят в российско-германское соглашение от 10 сентября. Сообщив Гирсу о протесте Пурталеса, Сазонов получает от него ответ о том, что утверждения немца не соответствуют действительности. За этим следует меморандум Сазонова от 20 января германскому послу, где говорилось о том, что он подверг «подробнейшему анализу» вопрос армянских преобразований и считает недоразумением обвинять российскую сторону в излишнем вмешательстве: «Довожу до сведения Вашего превосходительства, что во время долгих переговоров с Портой мы доказали наше искреннее желание прийти к соглашению. Это соглашение составлено с учетом ее исконных интересов»¹. Затем, с целью задобрить германскую сторону, Сазонов продолжал: «Одновременно я с удовлетворением подчеркиваю, что во время упомянутых переговоров Германия проявила свое содействие, находя наши требования справедливыми»².

Германская сторона непрерывно маневрировала, но Россия была непреклонна. Она продолжала утверждать, что если армянские преобразования не реализуются в ближайшее время, то в армянских губерниях беспорядки и смута достигнут такого масштаба, что военное вмешательство станет неизбежным.

В одной из телеграмм Сазонову Гирс отмечал, что остальные великие державы также одобряют позицию германской стороны. «Следовательно, мы будем действовать в одиночку и в случае упорства Порты будем вынуждены прибегнуть к нажиму»³.

В третьей декаде декабря 1913 г. продолжались напряженные переговоры Гирса с Портой, которые, однако, не имели положительного исхода.

Более того, воспользовавшись позицией Германии, Порта затеяла новые споры с русским послом в связи со следующими тремя пунктами:

1. Принимая тот принцип, что в выборных собраниях мусульмане и христиане должны иметь равное представительство, Высокая Порта вместе с тем считала, что это должно иметь место лишь после переписи населения общины инспекторами.

2. Обещая распустить полки «гамидие», турецкое правительство при этом противилось принципу военной службы призывников на местах.

3. Порта заявила о том, что не допустит, чтобы армянские общины взимали налоги для содержания своих национальных школ, на чем настаивало Армянское патриаршество в Константинополе.

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 87.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 86.

Кроме этих трех пунктов великий визирь на одной из встреч выдвинул вопрос о необходимости вновь вернуться к проблеме европейского контроля.

Помимо этого, Высокая Порта, выступая очередной раз с новыми отказами от принципиальных пунктов проекта реформ за дипломатическим столом, твердила представителям держав о том, что преобразований требуют для себя также и курды, посему правительство в полной растерянности: как их удовлетворить.

По всему было видно, что Порта делала последнюю попытку снять вопрос европейского контроля, угрожая снова пролить кровь армянского народа. С этой целью из Константинополя выслались инструкции местным вали и иттихадским шефам армянских губерний о том, чтобы «запустить курдов».

В телеграмме № 1132 от 24 декабря Гирс уведомлял С. Сазонова о том, что в течение всей прошлой недели он был вынужден вести упорные переговоры с великим визирем и в основном через него – с Советом министров. При этом российский посол стремился окончательно утвердить полномочия инспекторов.

Накануне в ходе секретного совещания великий визирь передал Гирсу от турецкой стороны текст этих полномочий, представляющий окончательное решение Порты, а посол вручил великому визирю проект русской стороны, который он должен был адресовать послам держав в Константинополе. В связи с этим российская сторона была вынуждена включить в свой проект несколько важных положений турецкого текста. В день отправки телеграммы (№ 1132) Гирс вновь обсуждал с великим визирем свой проект, в который Саид Халимпаша внес серьезные изменения. Подвергнутый турками изменениям, проект должны были представить на обсуждение как Порты, так и российского правительства. «Я сообщил великому визирю, – уведомлял в телеграмме посол Гирс Сазонова, – о том, что нисколько не ручаюсь за то, что наше правительство примет проект». Затем посол добавил: «Лично я считаю, что в данный момент мы не можем добиться большего и что нам приходится ограничиться этим, всё же серьезным началом реформ... Другие державы не последуют за нами в случае предъявления нами более обширных требований. Завтра вечером великий визирь сообщит мне мнение Совета министров. Жду Ваших дальнейших указаний»¹.

Обеспокоенные создавшейся опасной ситуацией, депутаты Национального бюро 27 декабря в Тифлисе созывают объединенное собрание совместно с эчмиадзинскими посланниками католикоса.

Из-за недостаточной осведомленности об усилиях, приложенных российской дипломатией в конце 1913 г., в эчмиадзинском первопрестоле Армянской апостольской церкви и в Тифлисском Национальном бюро сформировалось превратное мнение, что якобы

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 110об.

энергии Петербурга в армянском вопросе поубавилось и он не дает достойных ответов на непрерывные поползновения турок, вследствие чего Порты каждый раз прибегает к саботажу. В своем постановлении объединенное собрание зафиксировало, что уже давно при посредничестве наместника Воронцова-Дашкова армянский католикос направил меморандум императору Николаю Романову, на который ответа он еще не получил. Посему собрание постановило просить наместника позволить отправить в Петербург депутацию из Эчмиадзина для выяснения ситуации на месте, а также для того, чтобы побудить правительство более определенно выразиться о состоянии армянского вопроса и российской политике относительно него. Было решено поручить Погосу Нубару продолжить свои частные обращения к дипломатическим представителям держав, а для официальных заявлений – ждать новых распоряжений католикоса Геворга V¹.

Отреагировав на настроения тифлисского объединенного общего собрания, константинопольский патриарх обратился к Гирсу со следующими просьбами:

- сделать послов непосредственными участниками разработки пределов полномочий генеральных инспекторов с турецким правительством;

- в случае вакансии должности инспектора быть готовым противодействовать устремлениям турецкой стороны затянуть кризис для использования промедления в ущерб реформам;

- любой ценой закрепить принцип равного участия христиан и мусульман в данном секторе;

- покорнейше просить посла не уходить в отпуск до окончательного оформления соглашения о реформах;

- принимая во внимание нестабильность общей политической ситуации в Турции, ускорить заключение соглашения, письменно сформулировав все без исключения его условия².

Но, как свидетельствует архивный документ, сразу после объединенного тифлисского собрания среди части членов бюро возникло сомнение по поводу целесообразности отправки депутации в Петербург, находя более удобным направить из Эчмиадзина письма министрам³.

Превратные впечатления о неэнергичной деятельности российской дипломатии в армянском вопросе были ошибочными, и поэтому вскоре подозрения рассеялись благодаря ряду доказательств, которые свидетельствовали о том, что русская дипломатия остается преданной своим принципам.

За три дня до заключения общего собрания 23 декабря российский посланник в Брюсселе Кудашов сообщил Сазонову о том, что

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 28. Л. 31.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 3.

³ Там же. Д. 3472. Л. 100об.

несколько часов назад его посетил прибывший из Парижа Погос-паша Нубар и что из Константинополя получил от патриарха телеграфное подтверждение согласия Высокой Порты на назначение двух генеральных инспекторов по предложению держав. Посланник добавил при этом, что Погос Нубар в частном порядке был уведомлен о том, что турецкое правительство якобы намеревается издать декрет о реформах только лишь параллельно с подписанием указа о назначении генеральных инспекторов. Это неприемлемо для Нубара, который ходатайствует о том, чтобы императорское правительство настаивало на немедленном издании этого декрета, не дожидаясь выбора кандидатов¹. Посол в Константинополе Гирс получает из Петербурга указание о том, что соответствующее сообщение Порты может быть сделано только лишь после назначения генеральных инспекторов².

25 декабря Гирс телеграфировал (№ 1134) Сазонову о том, что вопрос отбора кандидатов в инспекторы будет обсуждаться на специальном заседании конференции послов в Константинополе, добавив: «Притом позволю себе высказать мнение, что наиболее подходящим для этого местом был бы Петербург. Таким образом было бы подчеркнуто, что России в этом вопросе принадлежит руководящая роль и что только благодаря ее заступничеству армяне могли добиться некоторого улучшения своего быта»³.

Всего лишь через два дня после объединенного собрания, 29 декабря, Сазонов в секретной телеграмме № 3570 в Константинополь Гирсу сообщал о том, что накануне во время беседы с ним немецкий посол Пурталес настаивал на том, что российская сторона во время последних переговоров с Портой об армянских реформах выставляла новые требования, не входившие в поддерживаемый Германией первоначальный проект. И Сазонов ответил Пурталесу письмом, в котором отверг это обвинение. Указывая на уже сделанные туркам ощутимые уступки русской стороной в разработанном в ноябре проекте, Сазонов подчеркивал, что руководимое им министерство рассматривает их как предельно крайнее отступление и что отныне никаких уступок Порте делаться не будет⁴.

О том, что Россия оставалась решительной в своих действиях, свидетельствует также письменное предложение посла Гирса, представленное Саид-паше, в котором четко говорилось о том, что его правительство до конца будет защищать предусмотренный проектом принцип о неприкосновенности прав инспекторов и советников.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 106.

² Там же.

³ Там же. Л. 120.

⁴ Там же. Л. 113.

ТУРКИ И КУРДЫ В СВОЕЙ ПРИВЫЧНОЙ РОЛИ

Сергей Сазонов в своих мемуарах писал: «Между тем положение в армянских вилайетах не только не улучшалось, но и константинопольские послы великих держав каждый день получали от своих подчиненных консулов извещения о непрерывных разбоях и бесчинствах турок и курдов в отношении армянского населения. Турецкое правительство не только не препятствовало всему этому беззаконию, но и зачастую поощряло его, а германский посол на всё взирал хладнокровно»¹.

Свое недовольство российско-германским соглашением Высокая Порта передала турецкой прессе. На армян с новой силой обрушились желчные статьи столичных газет «Танин», «Тасфири эфкяр», «Игдам», «Терджиман» и другие крайне националистические газеты. Главный редактор «Танина» Джахид-бей откровенно угрожающим тоном заявлял: «Турецкое правительство ни при каком условии не может терпеть претворения реформ под прямым или косвенным воздействием Европы»². Джахид писал, что кроме войны у Европы нет другого средства, чтобы диктовать свою волю Турции. В то время как продолжались переговоры о реформах в Армении и наблюдался некоторый прогресс, турецкая печать «разъясняла» всей стране, какие бедствия ждут турок от этих преобразований. В течение 2–3 последних месяцев 1913 г. националистические газеты прибегали ко всякого рода преувеличениям, печатали фальшивки и провокации. Воспалая невежественную толпу, эти органы печати, по существу, подняли новую яростную волну антиармянского и антихристианского националистического движения, девиз которого можно было бы сформулировать так: «То, что не турецкое, то, что не исламское, надо презирать, осмеивать и бить».

Под влиянием подобных и иных призывов было распалено общественное мнение. Правительство и народ в один голос стали резко высказываться против «этого тяжелого поползновения Европы».

Турки тут же приводили в действие призывы правительства. Любые подобные изречения, призывы из уст правительства тут же находили свой отклик и реализовывались во всех уголках империи, во всех общественных слоях Турции.

Массовый характер обрели издевательства над армянскими священниками. Каждый мог безнаказанно при встрече с ними хватать их за ворот, трясти, ругать и оскорблять. Надругательствам подвергались и церкви, двери и стены которых измазывали нечистотами... Статьи на страницах турецких газет, подписанные государственными чиновниками и военными, были полны угроз утопить в крови всю Армению. Что касается курдов, то они устами того или иного бая

¹ Айреник. № 2 (265), февраль 1948 г. С. 48.

² Эту статью Джахид-бея в переводе на арм. яз. см.: Ашхатанк. № 3 (149), 16 ноября 1913 г.

страшили армян неслыханными до того погромами, если последние осмелятся принять диктуемые Европой реформы.

В начале января 1914 г. в Петербург поступила телеграмма о том, что младотурецкий комитет открыто призывает к армянским погромам. Иттихадовские эмиссары кружили по всем армянским губерниям и советовали местным мусульманам носить белую чалму и белую феску для того, чтобы отличаться от христиан, когда начнется резня¹.

В первую неделю 1914 г. ситуация стала особенно нестерпимой в Высокой Армении. Здесь одно за другим следовали секретные совещания турецких «интеллигентов» при участии демагогов и дадашей. По указке иттихадского комитета турецкая интеллигенция действовала солидарно с маргинальными представителями общества².

Депутат османского парламента от Эрзрума Сейфулла-эфенди вместе с мудиром Мехюрдаром Ахмедом собирали подписи видных тюрок под заявлением о недопустимости какого-либо контроля, откуда бы он ни диктовался, потому что это вредит солидарности наций и попирает неприкосновенные права владыки³.

Таким образом, над мрачным горизонтом безутешной армянской действительности опять сгущались зловещие облака. Снова страх и смятение воцарились в душах армян.

Для армян не была новостью позиция центрального правительства и турецкой печати в отношении их национальных требований. Но то, что происходило осенью 1913 г. и в первый месяц 1914 г., было за гранью всех худших ожиданий.

Последний полученный от патриаршества такрир был возвращен Высокой Портой в такой оскорбительной и возмутительной форме, какой не бывало даже в годы кровавого Абдул-Гамида. Порта заявила, что отныне не будет отвечать на такриры патриаршества. «Это поведение правительства, – писала газета «Ашхатанк», – является оскорблением в адрес всей армянской нации и ее справедливых и прогрессивных требований»⁴.

С другой стороны, турецкая пресса под верховодством иттихадских газет «Танин» и «Гасвири эфкяр», безусловно, ободряемая пренебрежительной позицией правительства к армянской нации, обращалась к армянам в таком угрожающем тоне, что невольно выдавала всё порочное нутро турецкой публицистики. И если, допустим, армянская печать прибегла бы к подобному языку, то ее осудили бы на вечное молчание. Оставаясь безразличными к провокационным и демагогичным публикациям иттихадской прессы и, более того, поощряя их, власти Турции вместе с тем всячески запрещали армянским газетам выступать с опровержением, а также строжайше требовали

¹ Мшак. № 4, 9 января 1914 г.

² Там же. № 5, 10 января 1914 г.

³ Там же.

⁴ Ашхатанк. № 5 (151), 30 ноября 1913 г.

не печатать никаких материалов о переговорах и программах по армянским преобразованиям.

Результатом подобной предвзятости стало то, что под воздействием провокаций турецкой прессы многие турки стали посылать угрожающие письма в редакции армянских газет, требуя не печатать материалы о ходе переговоров, в противном случае обещали «избивать и резать так, как вам не мерещилось в самые черные дни вашего прошлого»¹. Но, несмотря на все эти угрозы и пренебрегая всеми опасностями, армянская печать, тем не менее, продолжала свою миссию.

Выражая решимость армянской общественности, газета «Ашхатанк» писала: «Армянская нация твердо решила жить и не отступать от своих требований, невзирая на отказы, запугивания ужасами резни и погромов, и жить, имея с другими равные права и обязанности»².

Как во все предыдущие месяцы возобновления рассмотрения армянского вопроса, так и в последние месяцы 1913 года курдская верхушка решительно защищала «Иттихад» и его правительство и всячески содействовала туркам по срыву программы армянских реформ.

Курды устами того или иного бея устрашали армян дотоле невиданной резней, если те осмелятся принять отстаиваемые европейцами реформы.

За несколько месяцев до этого, при молчаливом согласии правительства, курды Карчкана и подоспевшие к ним с других мест их сородичи разорили множество армянских сел и деревень, убив и ранив десятки армян. «Чуть было Карчкан не превратился в настоящую Адану, и все армянские села могли стать жертвами резни озверелой курдской черни», – писала ванская газета «Ашхатанк»³. И теперь то же самое в любой момент могло произойти в других местностях Армении.

«Главная роль в избиении армян отведена курдам»⁴, – с тревогой писала газета «Мшак». «Продолжая поведение Абдул-Гамида, комитет «Иттихад» хочет учинить новую резню армян и вновь руками курдов, – предупреждало «Русское слово». – Если по сигналу, данному из Константинополя, курдские погромщики выместят свою злость на беззащитных армянах, то в этом случае вся тяжесть моральной ответственности за это ляжет на великие государства. Тем более Россия не может не считаться с доверием армянского народа к ней и умыть руки. Подобное поведение было бы несоответствующим не только интересам России, но и чести и достоинству великого государства... Следует надеяться, что наша дипломатия не преминет воспользоваться всеми доступными средствами для защиты мирного

¹ Ашхатанк. № 50 (146), 26 октября 1913 г.

² Там же. № 5 (151), 30 ноября 1913 г.

³ См.: Там же. № 35, 13 июля 1913 г. (О непрерывных преступлениях курдов в отношении армян Ванского вилайета см.: Там же. № 27, 27 июля 1913 г.).

⁴ Мшак. № 4, 9 января 1914 г.

существования христианского народа в Армении и Курдистане. Иначе может случиться так, что когда, наконец, армянские преобразования обретут более осязаемую форму, больше не будет никого, для кого бы осуществлялись эти преобразования»¹.

Узнав о намерении курдов и турок приступить к новым злодеяниям, российская дипломатия уведомила Высокую Порту, что в случае возникновения каких-либо беспорядков всю ответственность Россия возложит на турецкое правительство².

Ранее младотурки повесили и расстреляли некоторых курдских беев, ага и шейхов, которые начали выступать против младотурецких властей во имя восстановления старых султанских порядков. Среди наказанных были Шакир-ага, Мир-Мгер и другие головорезы-армяноненавистники³. В то же время, после революции 1908 года в Османской империи, бежавшие от пришедших к власти младотурок и переправившиеся в Персию курдские беи и ага, получив разрешение иттихадского комитета, вернулись в Турцию. После принесения клятвы в преданности иттихадскому комитету им вернули всё движимое и недвижимое имущество, и они сразу же приступили к угнетению армянского населения.

Была уничтожена банда Саида. Но были ли арестованы разбойники из Еруна или Джанко из Говаша? Разумеется, нет! Иначе как же мог установиться мир и покой, когда они, затаившись, каждую минуту были готовы продемонстрировать свои «геройства»?

Во время стычек с правительственными войсками были убиты некоторые известные курдские атаманы Васпуракана. Но от этого в армянах не прибавилось надежды на избавление от курдских притеснений, поскольку иттихадский режим продолжал как тайно, так и в открытую вооружать курдов.

А в случае попыток оказывать сопротивление курдам армян подвергали жесточайшим наказаниям. Отдавались приказы разоружить армянские села.

Если после младотурецкой революции, начиная с 1908 г., армяне сдавали властям свое оружие «добровольно», то сейчас, в конце 1913 г., по заданию иттихадского комитета это осуществлялось насильственно, по приказу правительства. Полное разоружение армян сопровождалось уверениями в том, что эти меры распространятся также на курдов и другие национальные группы. По поводу этих лживых заверений газета «Азатамарт» писала несколькими месяцами ранее: «Нам обещали установить беспристрастность, и мы увидели ее плоды: систематическое разоружение армян, сопровождаемое обысками и пытками. Можно подумать, что у армян целые полки, а остальные национальности – это лишь стада невооруженных овец. Потому что в ходе стольких изъятий оружия у армян мы так и не увидели хотя бы

¹ Русское слово. № 4, 5 января 1914 г.

² Мшак. № 4, 9 января 1914 г.

³ Бюзандион. 9 октября 1913 г.

несколько фактов разоружения курдов, между тем как в нашем вилайете армяне вооружены меньше всех других. Разоружение армян распространяется даже на разрешенное законом оружие. Мы не требуем, чтобы армяне имели привилегию на ношение оружия, но мы требуем, чтобы правительство было беспристрастным ко всем. Если разоружение, то тогда пусть ему подлежат также курды и турки, одним словом, все народы, а не только армяне, однако этого нет. Это – систематическая, спланированная травля. Хадырское курдское племя напало и открыло огонь по правительственным войскам, днями шла битва, однако правительство и не думает разыскивать ни одного из них!»¹

Ванская газета «Ашхатанк» под заголовком «Переполнена чаша терпения» опубликовала письмо из Мокса, в котором говорилось о том, что армяне села Тинис, будучи уже не в состоянии сопротивляться разбою курдов того же села, оставив всё, ушли в изгнание².

На следующий день пришла очередь другого, соседнего села Наненц. «Вдобавок ко всем многолетним мучениям жители этого несчастного села, – писал корреспондент газеты «Ашхатанк» Вачаган, – всё, что не успел сделать Шехи-бек, довершает один из его сыновей – Акыф. Этот субъект вверх армян села в адское состояние, но последние не имели права даже заикнуться о своих лишениях и гнете. День ото дня они нагнали всё больше и больше: ночью врываются в дома, наводили ужас на домочадцев, избивали их, отбирали у хозяина деньги и продукты. А если вдруг кто-то осмеливался сопротивляться, то его избивали до смерти»³. Корреспондент Вачаган приводил один конкретный пример армян села Наненц: «До позапрошлого года Манук в качестве откупа выплачивал полторы меры пшеницы, а в этом году Акыф-бей насильно увез 9 мер пшеницы, не считая масла, сыра и мелкую утварь. В прошлом году он отобрал у Манука 6 мер пшеницы и 3 золотых. Сейчас в качестве штрафа отобрал 3 золотых, в качестве откупа 6 мер пшеницы и требует в качестве штрафа 4 золотых. Отобрал также одну козу, войлок, в любое время и в любом количестве забирает масло, сыр, шерсть. Таким образом, войлок стоит 45 курушей, коза – 40, в итоге всё вместе составляет приблизительно 12 золотых, а еще отдает Манук масло, сыр и прочее, оставляя полуголодной свою семью, состоящую из 8 душ»⁴.

Ясно, что жертвы Акыфа не могли даже намекнуть о своих невзгодах в такой провинции, где бразды правления, а следовательно, судьба и будущее народа были в руках бейства.

Корреспондент сообщал о том, что, будучи уже не в состоянии противостоять бесчинствам курдов, жители села, молодежь которого

¹ Азатамарт (рус. *Освободитель*). № 36, 20 июля 1913 г. (на арм. яз.).

² Ашхатанк. № 50 (146), 26 октября 1913 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

до этого подалась на Кавказ, были вынуждены удалиться в неизвестном направлении, рискуя быть убитыми по дороге изгнания¹.

Беря на себя инициативу притеснения армян, курды взамен ждали от иттихадских властей срыва армянских преобразований. Казалось, это для них стало вопросом жизни и смерти. Они говорили о том, что так называемые армянские реформы являются сугубо армянскими претензиями и что они, курды, от этого ничего не имеют и не будут иметь. Армянская печать часто обращала внимание на враждебное отношение курдов к преобразованиям и опровергала их необоснованную точку зрения. Константинопольская газета «Жаманак» писала, что вместо понятия *преобразования в Армении* курды намеренно употребляли словосочетание *армянские преобразования*, чтобы лишний раз указать на то, что они только для армян².

Когда армяне выдвигали проблему реформ в Армении, многие получившие турецкое образование деятели выражали свое удивление тому, что армяне в равной степени заинтересованы в улучшении положения как своих сородичей, так и курдов Армении, и это при том, что последние известны своими злодеяниями в отношении армян, своим отсталым, средневековым образом жизни. «Каким является социальное и политическое состояние курдских аширетов? Это первобытное состояние, самая низкая ступень культурного развития, – замечали они. – И армяне, по сути, поддерживают воинствующую отсталость и полудикие нравы».

Армянские газеты сообщали о том, что в декабре 1913 г. в Высокой Порте имело место совместное совещание турецких министерств и нескольких видных армянских деятелей, во время которого последние предложили (при составлении прошений в судах и других судебных действий) сделать равностепенно приемлемыми два местных языка Армении: армянский и курдский. Возражая против этого предложения, министр внутренних дел сказал: «В случае армянского, понятно, – это нормальный язык, однако в случае с курдским я не вижу возможности, он не имеет письменности». В ответ на это армянин, один из участников совещания, возразил: «Когда есть язык, на котором говорят, будет найдено средство, как на нем писать. Нельзя лишать народ естественного права на самовыражение»³.

Турок поражался – как это так: армянин выступает защитником прав курдов?! «Да, – говорили армянские деятели, – право и справедливость не имеют национальности»⁴. Одной из главных причин всех страданий армян является именно то, что и кровавый режим Абдул-Гамида, и установившиеся невыносимые иттихадовские порядки были результатом того, что понятия «право» и «справедливость» рассматривались с точки зрения националистов.

¹ Там же.

² См.: Жаманак. № 1316, 23 декабря 1913 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

Армяне от души желали, чтобы курды стали оседлыми и обрели возможность развиваться. Газета «Жаманак» писала: «Ни у одного армянина не было в мыслях, чтобы курды оставались в нынешнем положении. Преобразования надо принимать со всеми их последствиями: было бы несправедливо желать продолжения нынешнего жалкого положения курдского элемента, мы, армяне, прекрасно знаем: несправедливость и реформы не могут сосуществовать»¹.

Как ни старались курды показать, что они безгранично преданы туркам и, будучи мусульманами, составляют с ними одно целое, для армян было ясно, что это «единство» не сможет выдержать испытания временем и нарушится после изгнания армян с родины. Но сейчас курдам было необходимо воспользоваться предоставленной властями возможностью уничтожить армян как «нежелательный» этнос.

Касаясь национальных особенностей курдов, главный редактор газеты «Аветабер» отмечал наиболее характерную черту этого народа – стремление принять сторону сильного. Так, после поражений турецкого государства на Балканах курды «стали искать себе убежище под русским покровительством». Автор статьи указывал на целый ряд курдских беев и пашей, которые «стали устанавливать секретные сношения с русским правительством вплоть до того, что некоторые из них были удостоены почетных наград того же государства, о чем писали и в газетах. Именно поэтому следует знать, что курдский народ насколько невежествен, настолько и дальновиден и хитроумен. Это подтверждается курдской пословицей: *хьюр бэ фекра, кьюр бэ фекра, тьюр бэ фекра!*² Затем газета напомнила о том, что курды в свое время насильственными методами принуждали своих соседей-армян принимать ислам и становиться курдами, чтобы увеличить численность курдов, а теперь подобными и даже более жестокими зверствами стремились вытеснить армян с их родины»³.

Кстати, русские официальные лица не скрывали, что в первое десятилетие века российская дипломатия и соответствующие военные подразделения имели тесные контакты с курдскими предводителями и использовали их в своих политических целях. Но в итоге Петербург занял по отношению к курдам отрицательную позицию, убедившись в том, что они связаны тесными узами (в том числе и религиозными) с турками, и к тому же политическая ситуация в Западной Армении была такой, что в случае сближения с курдами Россия неизбежно и раз и навсегда потеряет армян и «армянскую карту».

Советский курдовед М.С. Лазарев указывал на то, что «в Петербурге явно не доверяли курдам и не полагались на их поддержку, во время переговоров с Портой по армянскому вопросу русская

¹ Жаманак. № 1316, 23 декабря 1913 г.

² Думай не спеша, думай глубже, думай дальше.

³ Аветабер (рус. Предвестник, Константинополь). № 21. 24 марта 1913 г. (на арм. яз.).

дипломатия затрагивала курдскую проблему лишь постольку, поскольку это было необходимо для защиты национальных интересов и безопасности армян в армянских вилайетах»¹.

В отличие от российской дипломатии, которая не была настроена жертвовать армянским вопросом для достижения сиюминутного союза с курдами, Германия, наоборот, была заинтересована удерживать на повестке дня «курдский вопрос» и по возможности препятствовать осуществлению стремлений армян, которые были «впряжены в интересы русских». Необходимо всегда противопоставлять *курдский* вопрос *армянскому* вопросу – таковым было одно из главных направлений политики Берлина в вопросе преобразований в Армении.

Видный армянский большевик Баграт Борян был убежден в том, что, выступая в пользу «защиты» интересов курдского народа, Германия преследовала главную цель – защитить всеобщие интересы Турции².

Как видим, время от времени Россия использовала курдский фактор в своих целях, но делала это не во вред армянам, а Германия использовала курдов для «сдерживания» армян в пользу своей союзницы Турции, а следовательно, в свою пользу. В курдском вопросе разногласий с Германией не было у ее союзниц, в особенности у Австрии. Что касается двух стран Согласия – правительств Англии и Франции – то они удачно использовали курдский фактор для того, чтобы держать закрытыми для своей союзницы – России пути, ведущие на Ближний Восток, несмотря на то, что общественное мнение этих стран руководствовалось совершенно иными принципами. Армянская печать предлагала вниманию читателей многочисленные призывы английской и французской общественности, адресуемые своим правительствам, о необходимости защитить армянских крестьян от разбоя курдов.

В статье, опубликованной 2 января 1914 г. в греческой газете Александрии «Тахридромос – Омония», которая вскоре была перепечатана в каирской армянской газете, отмечалось, что английское общество чрезвычайно интересуется жизнью турецких армян, и, по всеобщему мнению, безопасности азиатских территорий Османской империи можно достичь только лишь в случае рассмотрения Армении в качестве европейского противовеса. Интерес к Армении в английском обществе вырос настолько, писала газета, что многие британцы в последнее время отправляются в Армению, чтобы увидеть своими глазами эту загадочную страну. В их числе были и братья Бэкстоны, которые перед отбытием в Армению получили поручение от министра иностранных дел Эдварда Грея детально изучить положение армян и представить ему свое мнение в письменном виде. Странствуя по Армении, братья наблюдали и изучали невыносимые условия жизни

¹ Лазарев М.С. Курдский вопрос. 1891–1917. М., 1972. С. 242–245.

² Борян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР. Ч. I. М. ; Л., 1928. С. 282.

армянского народа, после чего старший брат остался в Армении, а младший возвратился в Лондон и представил министру иностранных дел свои записки, в которых высказал мнение о том, что необходимо как можно больше поддерживать пропаганду в пользу автономии Армении.

Затем Бэкстон-младший дал ряд интервью лондонской прессе. На вопрос публициста одной из газет ответил, что считает уместным посоветовать своим властью имущим соотечественникам побывать в Армении как в летние, так и зимние месяцы. И он описывает увиденное им в Армении. Эта страна является самой подходящей для тех, кто страстно желает провести несколько минут в доисторической жизни человечества. Можно путешествовать верхом на коне в одиночку или с караваном, останавливаясь на ночлег под открытым небом, встретиться лицом к лицу с разбойниками и вступить в перестрелку с курдами, восходить на высокие горы или спускаться в глубоководные долины. Армения – одна из богатейших стран, но она так заброшена, так обделена вниманием, что ее посетителя охватывает глубочайшая скорбь. Вся страна стонет под самым жестоким режимом, который намного хуже, чем самые традиционные средневековые порядки. Земля принадлежит христианам, однако если вдруг курд или другой мусульманин завладеет каким-либо земельным участком и закрепится на нем один десяток лет, то он будет признан властями собственником этой земли. Именно таким образом армяны лишились своей собственности.

Армянский вопрос, – продолжал Бэкстон-младший, – довольно сложный, и великим препятствием в его решении являются курды. Этот отсталый народ не способен на цивилизованность, у него нет письменного языка, но в нем сидят беспредельные разбойничьи инстинкты. Он не в состоянии жить мирно со своими соседями, и все попытки внести в них хотя бы первичные элементы цивилизованности по сей день проваливались.

В противоположность курдам, армяне не только по преимуществу цивилизованны, но и имеют независимую от большой Восточной церкви отдельную либеральную и самую патриотичную Церковь. «Поэтому слияние двух таких отличных друг от друга элементов невероятно», – говорил Бэкстон-младший. По его мнению, Армения может спастись лишь в том случае, если под европейским противовесом ей будет предоставлена свобода действовать. Именно этого и требуют армяне. Нетрудно будет поделить страну на зоны так, чтобы были удовлетворены интересы различных сторон: России – северную часть, Германии – южную, а остальным державам – другие. «Если великие державы достигнут согласия в вопросе будущего Армении, – заключал англичанин, – то станет возможным разрешение других, кажущихся нерешаемыми вопросов Малой Азии. Причем, ни один из этих вопросов так не сложен и весом, как вопрос Армении».

Выступая против армянских преобразований, часть курдских деятелей была занята заботой о создании курдского государства (бейлик) на территории исконной, исторической Армении¹.

Редактор газеты «Роже курд» член османского парламента Лурфи Фикри и сгруппировавшиеся вокруг газеты курдские националисты отрицали существование Армении, считая ее «унаследованным от дедов Курдистаном»², и выступали против армянских преобразований³.

Однако заметим, что лица, принадлежавшие к разным курдским националистическим течениям, за незначительным исключением, не признавали курдскую идентичность. Представляя собой в основном очень незначительную прослойку из отдельных, более или менее образованных личностей, они не имели заметного воздействия на курдские массы. В действительности абсолютной властью над ними, как и прежде, обладали племенные вожди, эшрафы, мютехалибы, главари банд...⁴

Фанатичными и влиятельными поборниками идеи создания Курдистана на исконно армянских землях были, например, хайдеранский племенной вождь Кер Хусейн-паша, вождь племени Мазрик Шараф-бей, Муса-бей из Карчкана, шейх Таха и другие. Карчканский Муса-бей угрожал армянам: «Вы намереваетесь добиться автономии, но это бесполезные усилия. Если это когда-нибудь осуществится, будьте уверены, мы сразу же начнем как можно больше уничтожать армян. Запомните хорошенько!»⁵

Это ярое стремление новоиспеченных курдских интеллигентов и племенных вождей, курдов вообще, превратить Армению в Курдистан, ставшее для них абсолютной идеей, является уникальным фактом в истории народов. Даже турецкие захватчики после завоевания Армении на протяжении долгих веков – вплоть до второй половины XIX века – продолжали сохранять топоним «Армения»⁶.

Таким образом, как видим, по причине крайней экономической и политической отсталости, чрезмерного религиозного фанатизма и будучи слепым оружием в руках турецких властей, а также в условиях непрерывных интриг европейских держав и других факторов, курдская верхушка, с первых же дней возобновления армянского вопроса и до конца, выступала против претворения реформ в Армении, не учитывая того, что в случае их осуществления

¹ Юсабер (рус. *Вестник надежды*, на арм. яз.). № 183, 6 января 1914 г.

² См.: *Вестник архивов Армении*. № 1 (74). 1986. С. 52–53.

³ Мшак. № 246, 6 ноября 1913 г.

⁴ См.: Бюзандион. № 5041, 11 мая 1913 г.

⁵ Амбарян А.С. Национальная и земельная политика младотурков и освободительные движения в Западной Армении (на арм.). С. 257.

⁶ В 1964 году Институт народов Азии АН СССР издал труд М.С. Лазарева, в котором автор включил в Курдистан всю западную Армению (см.: *Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема*. М., 1964. С. 19–20). Эта ошибка, в большей или меньшей степени, была допущена также и в книге сотрудника того же института Н.А. Халфина (см.: *Халфин Н.А. Борьба за Курдистан. Курдский вопрос в международных отношениях XIX века*. М., 1969). Еще в то время указанные труды были подвергнуты обстоятельной критике со стороны сотрудников Сектора востоковедения АН Арм. ССР (см. например: *Бюллетень (общественные науки) АН Арм. ССР*. 1964. № 5. С. 91–94).

улучшилось бы также экономическое и политическое положение самого курдского народа, создались бы условия для его интеллектуального прогресса.

Турки задавали себе вопрос: «Откажутся ли когда-нибудь армяне от армянского вопроса?» – и сами же отвечали: «Никогда!» И разумеется, они были правы. Ведь «армянского вопроса» не существовало бы, если бы армяне не были христианами и тем более не имели собственного языка и национального облика. Армянский вопрос требовал дать свободу армянину исповедовать свою религию и говорить на своем языке. Но в таком случае признали его права наравне с мусульманином, а это было недопустимо для турка и курда.

В своем письме католикозу (20 декабря 1913 г.) Погос Нубар сообщал о том, что новая ситуация, сложившаяся из-за упорства Высокой Порты, требует больших дополнительных усилий¹.

Турки в свою очередь также напрягали все свои силы для того, чтобы отклонить российско-германское соглашение 10 сентября. Это было естественно, так как они на историческом опыте убедились в том, что когда грек, серб, болгарин, либо иной народ империи добивался одной из национальных целей, он, не останавливаясь на этом, своими силами или с помощью других высвобождался из-под жестокого османского ига.

Какую позицию должны были занять и к каким практическим мерам должны были обратиться Германия и Россия по отношению к негативизму турецкого правительства и народным протестам, чтобы при сложившихся обстоятельствах продвигать разработанный ими проект, зависело от того, в какой степени заинтересованы в этом вопросе, насколько их интересы позволят принимать те или иные решительные меры и до какой степени была искренна созданная на довольно шатком фундаменте солидарность Германии с Россией.

НОВОЕ МЕЖПАРТИЙНОЕ ДВИЖЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ

Со всех сторон вновь стали звучать призывы к установлению абсолютной национальной солидарности во благо содействия процессу преобразований в Армении. Всеобщим стало требование консолидации, независимо от партийной принадлежности и социального положения, протянуть друг другу руки, сплотиться, чтобы устранить все те бесплодные, мелкие споры, бессмысленную и вредную межпартийную борьбу, которые уже долгие годы раскалывают армянское общество, становясь причиной пустой траты сил. Армянское общество было охвачено стремлением под девизом «сближение и сотрудничество» сплотиться вокруг армянского процесса и совместными усилиями продвигать вперед вопрос преобразований

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 67–68.

в Армении, претворение которых было жизненно необходимо как для народа, так и для османского государства. Ставилась задача подключить к межпартийному солидарному движению также беспартийные, нейтральные круги, чтобы все конструктивные силы и течения оказались способными служить главным целям – переустройению страны и созданию благоденствия для армянского народа.

В течение всего периода составления программы реформ Католикос всех армян постоянно советовал турецким армянам стремиться к согласию. В одном из своих посланий он предупреждал о том, что злободневная проблема может получить желаемое решение, «если все армянские политические партии сплоченно, солидарно и с горячею душою станут работать во имя достижения благосостояния духовных сынов наших в Турецкой Армении, которые, к несчастью, пребывают в безутешном и ненадежном состоянии. Памятуя о бедственных условиях их существования, необеспеченности жизни, имущества и чести и неопикуемой отверженности, мы глубоко от всего сердца и души страдаем и скорбим, однако видя согласие и сплоченное сотрудничество в делах национальных, достигнутое сынами нашими, независимо от политических и религиозных убеждений, мы пребудем в утешении и скорбь наша утолится и надежда станет крепнуть, ибо воистину только лишь сплоченною душою, дальновидною и солидарною деятельностью всех деятелей армянских основы нашей жизни национальной станут твердыми и непоколебимыми, и прогресс – здоровым и неумолимым, ибо согласие есть мать добра всего»¹.

За несколько месяцев до этого первые шаги по сплочению усилий турецких армян были предприняты в Египте, Киликии, Васпуракане и на Балканах, и они заслужили симпатии и одобрение прессы и обрели поддержку со стороны народа.

Лучший пример на пути межпартийного и общенационального согласия подали армяне города Смирны (Измир). После широкого обмена мнениями на объединенном собрании трех армянских партий – Измирского комитета партии «Дашнакцутюн», Измирского филиала партии «Гнчак» и местного клуба Учредительных «рамкаваров» – был учрежден Межпартийный орган «Епрат» под девизом солидарности. Этот орган постановил принять в ближайшее время особую программу по совместным действиям, в которой будут определены пределы взаимоотношений трех партий с тем, чтобы стало возможным предотвратить возможные внутренние разногласия и недоразумения, препятствующие согласованной работе общественных партийных органов.

Пожалуй, никогда необходимость взаимодействия турецких армян не была такой насущной, как в этот период, ибо настал момент, когда великие державы, и в первую очередь Россия, прилагали большие усилия для претворения в жизнь давно назревших преобразований в Армении.

¹ Арапат. № 4, апрель 1914. С. 328.

Пример сплоченных действий измирских армян имел исключительное значение в инициировании движения солидарности общенационального масштаба. Даже партии, прежде оппозиционно настроенные, забыв о противоречиях, выразили готовность к сотрудничеству.

Всё это находило свое четкое отражение в армянской печати. В зарубежных и константинопольских армянских газетах отныне была прекращена прежняя яростная полемика, хотя, как и прежде, на страницах газет недостатка различных мнений не было, но критика стала носить конструктивный характер. Все солидаризировались вокруг национального процесса.

В октябре 1913 г., когда армянский вопрос еще был в водовороте постоянно менявшихся обсуждений, после ряда консультативных собраний, бюро АРФ¹, центральный управляющий орган социал-демократической партии «Гнчак», центральный клуб учредительных рамкаваров и правление центра преобразованных гнчакистов пришли к единому мнению о том, что в этот момент объединение политических сил турецких армян альтернативы не имеет и что необходимо приложить все возможные усилия для осуществления армянских преобразований, которые в равной степени нужны народу и государству. Было принято «Заявление», согласно которому важнейшими вопросами совместной деятельности на предстоящие месяцы считались:

а) совместно и рука об руку действовать для осуществления армянских преобразований;

б) согласованно действовать в национальных представительных органах;

в) солидарно продвигаться в осм[анских] депутатских выборах и парламентских вопросах»².

Это заявление, которым ознаменовалась долгожданная солидарность, нашло теплый и искренний отклик как со стороны партийных, так и внепартийных слоев населения. Это было не случайно, ибо армянский народ на своем пути издавна страстно желал, чтобы действовавшие в его лоне политические силы наконец сплотились и начали сотрудничать. То было одним из исключительных случаев в истории, когда армянские политические силы объединились³. Таким образом, армяне были единомышленны, у них была четкая цель: совместно содействовать принятию, а затем и претворению программы преобразований.

Армянские политические силы ясно осознавали, что они не могут иметь непосредственного воздействия на переговорный процесс, но переговаривающиеся стороны должны были видеть, что вся нация единомышленна в деле защиты своих прав.

¹ Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн».

² Март (Москва). № 2, 12 января 1914 г.

³ Подобное непродолжительное сплочение имело место несколькими месяцами раньше, о чем мы уже говорили в предыдущих главах.

Автор корреспонденции, полученной в тифлисской газете «Мшак» из Турецкой Армении, подчеркивал, что сейчас все стремятся «не жалеть сил и трудов для того, чтобы устранить все мелкие и вредоносные споры и столкновения, которые в течение долгих лет становились причиной распрей и, следовательно, пустой растраты сил, искренне стремятся присоединить к этому движению солидарности беспартийные круги армянского общества, дабы все жизнеспособные и созидательные силы, все течения смогли служить стране и армянскому народу во имя укрепления его конституционных и национальных прав»¹.

Воодушевляло то, что, хотя и с опозданием, начатое движение солидарности не ограничивалось партийными рамками. Люди свидетельствовали, что несколько месяцев тому назад имели место как в самой стране, так и в колониях отдельные мероприятия, заслужившие одобрения в самых разных слоях армянского общества. Поэтому, говорили они, никто не должен сомневаться в том, что идея межпартийной солидарности найдет теплый и искренний прием во всех партийных и внепартийных кругах. Все были ориентированы на одну цель: «отныне никакой разобщенности, никакого пессимизма. Наоборот, это движение, которого так страстно и давно ждет армянский народ, должно... встретить искреннюю симпатию, глубокое почтение и действенную поддержку всех: как партийных, так и нейтральных, интеллигенции и рабочих, коммерсантов и ремесленников»². Поэтому нашли необходимым проводить широкую работу в различных нейтральных слоях общества, чтобы начатое движение стало всенародным, «так же любимым для широких слоев общества, как и для партийных рядов»³.

Было предложено по некоему внутреннему уставу детализировать цель межпартийного согласия, расширить пределы взаимных партийных связей, повысить роль межпартийных посреднических инстанций, чтобы вовремя предотвращать распри и недоразумения, привести к стабильному согласию межпартийные отношения. Эти подробности руководящими органами партий должны были передаваться местным организациям, для того чтобы везде партийные ряды шли по тому пути, который соответствовал бы духу и целям совместной борьбы.

Солидарность армянских партий предполагала согласованность действий с целью продвижения вперед волновавшего всех армян вопроса реформ.

Можно констатировать, что в 1912–1913 гг. и впоследствии – вплоть до начала Первой мировой войны – национальная деятельность, посвященная армянскому процессу, была такой дисциплинированной и практичной, такой солидарной и единой, какой никогда не бывало. Это единое взаимодействие, в прямом смысле слова, распространялось в равной степени вокруг трех центров:

¹ Мшак. № 3, 5 января 1914 г.

² Там же.

³ Там же.

Константинополя, Эчмиадзина – Тифлиса – Петербурга и Парижа. Последний был резиденцией национальной делегации. Ни одна сторона не стремилась выделиться. Рассудительность армянских деятелей и их практичность, крепкая сплоченность вокруг жизненно важного, высочайшего для народа вопроса повсеместно способствовали росту симпатий к армянам.

Как-то Погос Нубар-паша заявил: «Успеху нашего дела сильно способствовала также солидарная деятельность партий»¹.

ПЕТЕРБУРГ – ИНИЦИАТОР РЕШЕНИЯ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА

Наступил 1914-й год. Турецкое армянство напряженно ждало выполнения обещаний великих держав сделать их жизнь безопасной.

Январь наступившего года должен был стать месяцем решающего поединка русской дипломатии с Высокой Портой, который мог завершиться соглашением, неполноценным, но обещающим для армян безопасную жизнь.

В своем письме католикосу Геворгу V Погос Нубар отмечал, что вопрос реформ с начала 1914 г. как будто становится благоприятным. Прежде всего дело касалось того, что Высокая Порта, которая всегда отвергала вопрос общих европейских инспекторов, наконец стала понимать, что для того, чтобы не подвергать себя великим опасностям, отныне не может затягивать решение этого вопроса и признала, что претворение реформ в армянских провинциях должно контролироваться представителями держав. Причиной подобного решения Высокой Порты было то мощное финансовое давление, которое было применено французским правительством, когда Джавид-бей вновь приезжал в Париж для заключения договора по займу. Но это достижение, в действительности, следует приписать Погосу Нубару, который накануне посетил председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции и просил их во время встречи с Джавид-беем вопрос займа в этот раз также увязать с вопросом преобразований. После продолжительных переговоров оба французских министра уважили просьбу Погоса Нубар-паши.

К этому успеху приложилось то обстоятельство, что Константинопольское армянское патриаршество достигло согласия с Высокой Портой почти по всем пунктам проекта реформ, кроме вопросов равенства в губернских собраниях и в распределении должностей.

Однако за этим успехом сразу же последовали новые коварства Порты. Она сделала резкое заявление о том, что в ход осуществления реформ не должны вмешиваться державы, они не должны прибегать

¹ Арарат. № 4, апрель 1914. С. 328. (Заметим, что если взаимодействие армянских партий в свое время было бы сплоченным, то, быть может, для турецких армян была бы создана более приемлемая программа преобразований, чем та, которая была на арене. К сожалению, каждая из них до этого действовала согласно своим собственным политическим понятиям).

к какому-либо принуждению, и лишь только турецкое правительство может взять на себя работу по продвижению реформ.

Российская сторона сразу выразила свое несогласие с претензиями Высокой Порты, но в этом она осталась в одиночестве.

До этого Министерство иностранных дел Германии как будто дало свое согласие на состоящий из 6 пунктов предварительный проект, но германское посольство в Константинополе довольно сдержанно заявило о том, что может согласиться с русским послом в той степени, в какой для проведения преобразований не нужно будет прибегать к средствам воздействия. В этом вопросе с Вангенгеймом были согласны все остальные послы держав в Константинополе. Поэтому в своей секретной телеграмме от 27 декабря 1913 г. (9 января 1914 г.) Гирс писал Сазонову: «Нам надлежит выступить уже одним, приняв на себя ответственность за все последствия». Но этот шаг таил в себе непрогнозируемые опасности, и поэтому посол считал, что пока не следует прибегать к силовой угрозе. В настоящий момент, по мнению Гирса, «армяне не могут не осознавать опасности положения. Здешние их политические деятели, которые все время находятся в курсе переговоров, открыто выступают против обговоренных условий, но, думаю, временно удовлетворились бы ими, если бы убедились, что Россия не намерена ныне силою оружия требовать больших уступок. Их требования несомненно ставятся ими в соответствие с намерениями, приписываемыми ими России. Их надежды сводятся к расчету на вооруженное выступление России, которое едва ли отвечало бы нашим интересам»¹.

В телеграмме № 11 от 4 (17) января 1914 г. Гирс передавал в Петербург, что великий визирь сообщил ему о согласии совета министров временно, до переписи населения (которая вряд ли состоится раньше, чем через пять лет), принять требование русской стороны на равное представительство мусульман и немусульман только лишь для советов Ванского и Битлисского вилайетов, хотя, по его словам, в них армяне также не составляют половины населения, а всего лишь 1/3 часть. Применение принципа равенства в собраниях упомянутых губерний Высокая Порта считала большой уступкой со своей стороны. Патриаршество просило, чтобы этот принцип равенства распространялся также и на Эрзрумский вилайет. Но великий визирь категорически отверг это требование². Для остальных вилайетов Совет министров считал невозможным равное представительство даже на время, опасаясь, что в этом случае станет неизбежным «взрыв мусульман», которые составляют подавляющее большинство населения этих вилайетов. Поэтому, сообщал Гирс, турецкое правительство предлагает для этих вилайетов следующую систему: кроме

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 115об.

² Там же. Л. 137.

Трапезундского вилайета, где останется старый порядок выборов, число армянских избирателей будет устанавливаться ими самими – армянами, при этом власти будут доверять их спискам, а число турецких избирателей будет определено по существующим ныне спискам. Количество членов губернских собраний будет определяться пропорционально – согласно указанным группам населения¹.

В конце своей телеграммы посол добавлял: «Завтра я сообщу отклик Армянского патриаршества на этот пункт, запрос на который сделан мною сегодня. А лично я полагаю, что ради половинного представительства до переписи населения не стоит рисковать сделанными в пользу армян уступками»².

Нубар-паша также не считал трагедией применение принципа $\frac{1}{3}$ в представительных собраниях остальных армянских губерний, если в этих областных собраниях оба принципа действовали бы систематически.

Опасаясь того, что, используя жестокие действия курдов по отношению к армянам, Высокая Порта усилит свои позиции в переговорах и не пойдет на другие уступки, Гирс был вынужден не выдвигать новых требований, тем более что очевидным было недовольство германского и австро-венгерского посольств последовательными действиями русской стороны в российско-турецких переговорах.

Невыдвижение Гирсом новых требований, безусловно, являлось шагом назад в переговорах.

По этому поводу поверенный в делах Франции в Константинополе сообщает 11 января 1914 г. министру иностранных дел Думергу о том, что посол Гирс скоро должен уйти в отпуск на неопределенное время, а сделанные с его согласия уступки туркам еще не заверены российским правительством. «Эта неудача [русской дипломатии], – подчеркивал французский поверенный, – несомненно будет воспринята турками с великим удовольствием... а разочарование и возмущение будут весьма глубокими среди армян»³.

После достижения согласия по вопросам губернских собраний и должностей посол Гирс отправляется из Константинополя в Париж на несколько дней. 12 (25) января он встречается там с Погосом Нубар-пашой. Во время продолжительной беседы они подробно обсуждали результаты этого соглашения. Посол считал, что многого удалось уже добиться, несмотря на то что по ряду вопросов согласие не было достигнуто, и «если мы примем предложение Турции, то Высокая Порта должна будет сразу же сообщить о достигнутом соглашении державам и претворить наши преобразования»⁴.

П. Нубар сообщал католикосу: «С М. Гирсом мы обсудили нашу наиболее приемлемую позицию, которую нам предстояло принять,

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 138.

² Мы не располагаем текстом телеграммы № 12 от 5 января 1914 г.

³ Сборник дипломатических документов ... С. 71.

⁴ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 34. Л. 10.

и, взвесив все за и против, мы проанализировали вероятность того, выгодно ли нам принять нынешнюю программу, хоть и неудовлетворительную, или отказаться от нее, ожидая лучших условий. Естественно, после столь долгих переговоров достигнутая программа далека от желаемой, но тем не менее она содержит весьма серьезные уступки, которые сделаны Высокой Портой, благодаря, в частности, солидарности держав»¹.

Как Гирс, так и Нубар пришли к тому окончательному убеждению, что, если обретенное согласие будет претворяться по совести, то оно, несомненно, обеспечит в Армении прогресс. В противном случае, отказываясь от подписанной турками программы (в надежде получить лучшую), под угрозой оказалась бы также утвержденная до этого программа.

Ожидать большего от османского правительства было невозможно. Существовала также опасность смены правительства, и поэтому, в случае прихода к власти других лиц, не исключалось, что они объявят недействительным всё, что было уже достигнуто.

Также очень важно было то, что Министерство финансов Франции оказало армянской стороне весьма действенную поддержку, решительно заявив Джавид-бею о том, что, если Турция не станет решать армянский вопрос, то никогда не получит займа. Однако Погос Нубар и Гирс прекрасно сознавали, что невозможно будет вечно применять финансовое давление, что рано или поздно заем будет выдан, так как в противном случае Турция дойдет до полнейшего банкротства, в чем европейские державы не были заинтересованы. Следовательно, долгожданная возможность наконец представилась, и надо было ею воспользоваться результативно, тем более что времени на обдумывание не было. Поэтому правильным было не медля прийти к соглашению с Высокой Портой: это было общим мнением Нубара и Гирса. Погос Нубар писал католикосу о том, что он надеется на одобрение патриаршества. «Не сомневаюсь, что и Ваше Святейшество так же будет согласным с нами»², – замечал армянский политик.

Но последние уступки российской стороны Высокой Порте одобрялись далеко не всеми армянскими деятелями.

После получения неблагоприятных сведений из Константинополя и Парижа, пребывавший в эти дни в Петербурге доктор Завриев встретился с главой департамента Ближнего Востока министерства иностранных дел князем Трубецким. Последний напомнил видному армянскому деятелю о том, что армянский вопрос для российского правительства является одним из важнейших в русско-турецких отношениях. Он также отметил, что если его правительство ныне делает уступки турецкой стороне, то армяне не должны волноваться по этому поводу, ибо в настоящее время для России важно заложить

¹ Там же. Л. 11.

² Там же. Л. 11об.

основы для преобразований, для того чтобы в дальнейшем их еще больше расширить и укрепить. Все равно, Россия никогда не выпустит из своих рук дело преобразований, уверял князь Трубецкой. Он подчеркивал, что армянский фактор чрезвычайно важен для России не только в самой Армении, но и за ее пределами.

Расставшись с Трубецким, в тот же день Завриев послал ему записку, в которой говорилось: «Я был бы счастлив передать Ваши заявления моим близким друзьям в Турции, но прежде мне необходимо знать, в какой мере могу я передать им Ваши слова?»¹. Русский князь ответил, что он уполномочивает Завриева передать узкому кругу его друзей в Турции выраженные им мысли как слова русского должностного лица².

ОБ ОДНОЙ РЕЗОНАНСНОЙ СТАТЬЕ

Едва начали просматриваться очертания достигаемого соглашения, как в конце 1913 г. партия АРФ «Дашнакцутюн» стала поднимать вопрос вооружения народа. Газета «Дрошак» писала о том, что правительство «требует, чтобы армянский народ разоружился. Разоружиться?! ... нет, в этот раз – нет! Всё, только не разоружение... Мы отныне не “стадо овец”»³. Армянский народ отныне, «не может оставаться равнодушным, он должен прибегнуть к самозащите, которая превыше всего святого...»⁴ Этот боевой клич «Дашнакцутюн» бросил в то время, когда армянский народ уже давно был обезоружен, и поэтому подобные призывы были лишь на руку иттихадскому режиму, поскольку противоречили всей логике того тяжелого момента в разрешении армянского вопроса.

Другая армянская революционная партия «Гнчак» также присоединяется к запоздалым призывам дашнаков.

Парижская газета «Тан» 12 января 1914 г. опубликовала статью, предоставленную руководством гнчакской партии, с редакционным комментарием⁵.

Содержание статьи основывалось на положениях постановлений, подтвержденных очередным собранием делегатов партии, созданным в городе Констанце (Кёстендже, Румыния) в сентябре 1913 г.

Собрание делегатов вынесло относительно преобразований в Армении следующее постановление: **«Защищать идею автономной Армении»** (выделено нами. – Г. С.) – как единственное средство мирного развития и прогресса армянского и других народов, проживающих в Армении, будучи уверенными в том, что это необходимое условие, при котором армянская нация сможет защитить свое

¹ Папазян В. Мои воспоминания. С. 259.

² Там же. С. 260.

³ Дрошак (рус. Знамя), № 1, январь 1914 г. С. 7–8. (на арм. яз.).

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Эта статья газеты «Тан» вышла в свет в переводе на арм. яз. в газете «Мшак» (23 января 1914 г.).

индивидуальное национальное существование от внутренних и внешних поползновений.

И поскольку отныне неоспоримы историческая неспособность и недоброжелательность властвующей турецкой нации и ее руководящего класса, а также ясны отношения и политические устремления внешних сил, собрание постановило сохранять идею автономной Армении¹.

Французская газета «Тан» освещала следующие пункты постановления собрания в Константинополе:

1. На некоторый срок назначить в Армении генерального управляющего, избранного Европой.

2. В губерниях с армянским и мусульманским населением, независимо от вероисповедания, создать общие собрания, избранные всеобщим голосованием и на определенный срок, они должны обладать правом на обсуждение и вынесение решений большинством голосов в рамках экономических, политических и социальных законов империи.

3. Поручить одному из членов собрания составить из числа своих коллег – должностных лиц административный совет, который будет обладать полномочиями исполнительной власти по всей губернии.

4. Как в законодательных, так и административных органах основным рабочим языком должен быть армянский.

Что касается вопроса, в какой пропорции армяне и мусульмане в армянских губерниях должны будут участвовать в административном управлении, в статье приводилась та часть постановления, принятого на собрании в Константинополе, согласно которой следовало «найти истинный баланс между христианином и мусульманином практически невозможно», поскольку «один из них должен будет управлять другим». И съезд отдал предпочтение христианину «по той простой причине, что вековой опыт показал, что мусульмане не способны создать толерантное правительство в тех странах, где живут разные народы. Они оказались неспособными управлять ни одной из стран, подпавших под их господство. Их политическая наука не выходит за пределы сохранения отношений властелина и раба, местные народы всегда подвергаются всяким унижениям и всяческим оскорблениям рабства»².

В статье газеты «Тан» были приведены и другие отрывки из постановления гнчакского собрания, например: «Мы не питаем никакого чувства злобы и ненависти к турецкой массе. Но мусульманство слишком отстало, чтобы суметь создать руководящий класс, который не был бы обуреваем узкой религиозной нетерпимостью и сильнейшей племенной ненавистью... Нынешнюю программу, которую можно заключить в двух словах – «Автономная Армения», нельзя считать чрезмерной, она умеренна и практична. Она требует немедленного

¹ Арамянц А. История гнчакской партии. Константинополь, 1918. С. 366–367. (на арм. яз.).

² Мшак. № 15, 23 января 1914 г.

претворения, дабы предотвратить серьезные осложнения и беспорывные мятежи»¹.

Указанная статья вышла в свет на французском языке отдельной брошюрой, которая была озаглавлена – «Призыв к европейским государствам и народам». Европейская пресса в своих многочисленных колонках обращалась к этой статье, а некоторые турецкие газеты писали о том, что после этой статьи в «Тане» Высокая Порта обязана отказаться от всех тех соглашений, которые были достигнуты в вопросе так называемых преобразований в Армении.

И это в тот момент, когда еще только вырисовывались очертания заключения соглашения по армянским реформам.

Требуя автономии Турецкой Армении в пределах Османской империи, авторы статьи не учитывали состояния турецких армян в данный момент, когда не говорилось ни слова о требовании «Автономии Армении» за дипломатическими столами, а вместо этого германо-турецкая сторона день за днем последовательно урезывала российскую программу преобразований, не оставляя в ней места даже для минимальных требований армянского народа.

И естественно, что подобные письменные выступления, а тем более на европейских языках, могли сыграть отрицательную роль, ибо многоопытная турецкая дипломатия всегда очень умело использовала любую оплошность армян.

Не в пример европейской прессе, армянская печать не отреагировала на статью гнчакистов.

В Петербурге были обеспокоены тем, что необдуманные действия армянских национальных партий могут повлечь за собой новые осложнения в процессе переговоров и свести на нет достигнутые до этого соглашения. И поэтому русское посольство в Константинополе постоянно предупреждало армянских руководящих политических деятелей остерегаться нежелательных действий. В то же время Петербург предпринимал шаги к ускорению избрания кандидатов в генеральные инспекторы, что в свою очередь вдохнуло бы оптимизм в армян.

ПОИСКИ КАНДИДАТОВ В ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ИНСПЕКТОРЫ

Генеральные инспекторы прежде всего должны были иметь сильный характер и крепкую волю, чтобы противостоять давлению Высокой Порты, быть беспристрастными, иметь организаторские способности, а также обладать известным авторитетом, поскольку им предстояло нести чрезвычайно тяжелый груз – выполнять в Армении беспрецедентную гуманитарную работу. Одновременно они должны были глубоко осознавать свою ответственность на этой должности, понимать, что именно от них зависит успех в достижении резкого

¹ Мшак. № 15, 23 января 1914 г.

преобразования судьбы Армении. Многие были убеждены в том, что в случае, если инспекторам удастся исполнять свои обязанности компетентно, последовательно и энергично, армяне будут надежно защищены от злодеяний, от которых страдают так долго.

Высокая Порта сначала настаивала на том, чтобы генеральные инспекторы (*inspecteurs généraux*) были османцами, назначаемыми ею, а их советники – европейцами, в Берлине также считали, что инспекторы могут быть османскими подданными. Многие немецкие дипломаты думали, что если инспекторами секторов будут европейцы, то русская сторона станет требовать, чтобы на эту должность назначили русского. Но у Петербурга этого не было даже в мыслях¹.

В конце концов, Высокая Порта поняла, что это противостояние поставит Турцию перед новыми угрозами, и поэтому согласилась с тем, что контроль хода предстоящих реформ должны осуществлять не османские, а европейские инспекторы, представляемые великими державами и назначаемые Высокой Портой.

Предполагалось, что Турция пришла к этому трудному для нее решению вынужденно, а принудило ее к этому правительство Франции. Погос Нубар-паша неоднократно обращался к министру иностранных дел Франции Думергу с тем, чтобы тот предпринял нажим на Высокую Порту и уговорил ее принять предложение великих держав о назначении европейских генеральных инспекторов в Армении.

Для получения очередного займа в очередной раз Джавид-бей приехал в Париж. Он встретился с Думергом, который увязал вопрос предоставления Турции финансовой помощи с армянскими преобразованиями и принудил турецкое правительство пойти на уступку в вопросе генеральных инспекторов².

Еще до заключения соглашения Германия и Россия считали правильным избрание генеральных инспекторов из малых нейтральных стран, кроме балканских государств³.

Уже с середины декабря 1913 г. российские дипломаты искали в Бельгии и Швеции подходящих кандидатов на должность инспекторов⁴. Посланникам российских посольств в Бельгии, Голландии и Дании в секретной телеграмме № 3465 от 14 декабря 1913 г. С. Сазонов писал: «Мы непосредственны в выборе и предложении надлежащих кандидатов, которых желательно выбрать из подданных или Бельгии, или Голландии, или Дании. В виду сего прошу Вас, не запрашивая пока правительства, при которых Вы аккредитованы, высказать нам Ваше личное мнение о том, насколько соответствовало бы нашим интересам обращение к нему, а также, есть ли, по Вашему мнению лица, подходящие для занятия указанных постов?»⁵

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 46. Л. 4об.

² Мшак. № 19, 28 января 1914 г.

³ Ахурейан. № 2, 5 января 1914 г.

⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 86. См. также: Мшак. № 19, 28 января 1914 г.

⁵ Там же.

В тот же день Сазонов в телеграмме Гирсу сообщал, что российское правительство находит предпочтительным обращаться к малым государствам, например к Бельгии, Дании и Голландии. Русская сторона считала предпочтительным, чтобы инспекторы обоих секторов были одной национальности, для того чтобы придать общему направлению их деятельности еще большую сплоченность и единство¹.

По просьбе русской стороны поисками кандидатов в инспекторы занялся также Погос Нубар-паша. Он прилагал все усилия для того, чтобы найти таких кандидатов. Погос Нубар-паша начал поиски, путешествуя по городам небольших государств Европы. Сначала он обратился с просьбой к министрам иностранных дел Бельгии и Голландии рекомендовать по два кандидата на каждый сектор. Затем из выдвинутых кандидатов был бы избран один для каждого сектора. Но оба рекомендованных голландца не были отобраны: один из них, 32-летний майор, был сочтен неподходящим, ибо не обладал административным опытом, а другой отказался сам. Из-за неимения административного опыта также были отклонены кандидаты, рекомендованные Бельгией.

Не теряя времени, Погос Нубар продолжил поиски новых кандидатов. Он считал, что как для России, так и для армян выгодно избрать инспекторов из числа голландцев, так как было известно об их отрицательном отношении к Германии, а бельгийцы к этой стране относились нейтрально.

Нубар-паша сообщил католикосу о том, что в Бельгии ему предложили двух новых кандидатов – генерала Тевиля и полковника Анри, которых он воспринял с великим доверием. В Голландии благополучно прошла беседа с министром иностранных дел. Взвешивая всю важность должности инспекторов, тем более ту честь, которая будет пожалована стране, предложившей их, министр выразил надежду на избрание подходящих кандидатов². Велись поиски и в Швейцарии, но пока безрезультатно. «Однако этим вопросом занимается один искренний армянофил, и я полон надежды на то, что он сумеет сделать весьма полезные для нас предложения»³. Будучи убежденным, что его усилия увенчаются успехом, Погос Нубар уверял католикоса в том, что державы очень скоро предложат Высокой Порте самых подходящих кандидатов, «после чего состоявшееся согласие выйдет на этап реализации»⁴.

В телеграмме (23 декабря 1913 г. / 5 января 1914 г.) Сазонову посланник России в Бельгии Иван Кудашов сообщал, что «Погос-паша возлагает большие надежды на бельгийцев, считая их в сравнении с датчанами и голландцами более энергичными и благодаря

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 87.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 14 и 14об.

³ Там же.

⁴ Там же.

ценному опыту, приобретенному в Африке, способными успешно провести намеченные реформы в крае с некультурным и наполовину разбойничьим населением»¹. Посланник также сообщал о том, что «Погос Нубар надеется при помощи барона Амлена, графа Дерекота и других лиц, с которыми он сегодня должен встретиться, отыскать в скором времени вполне подходящих кандидатов»². Он также передавал Кудашову, что месяц тому назад он имел случай говорить о возможной кандидатуре бельгийцев с королем Альбертом, который также обещал ему свое содействие³. В конце телеграммы Кудашов сообщал: «Нубар-паша, возвращающийся сегодня вечером в Париж, обещал до отъезда еще раз меня посетить и сообщить о результатах переговоров. Вместе с тем он просил моего содействия. Я ответил, что готов ему помочь, но пока ничего не могу предпринять до получения надлежащих инструкций от Вашего высокопревосходительства»⁴.

В свою очередь Высокая Порта вела переговоры с бельгийским правительством. Для этого в Брюссель отправились Хаккы-паша и Рифат-паша⁵.

Русская дипломатия была заинтересована в том, чтобы Нубар-паша более активно участвовал в поисках генеральных инспекторов, поскольку он имел широкие связи в Европе и был лично знаком со многими видными деятелями, которые могли содействовать ему в этом деле.

В телеграмме от 28 декабря 1913 г. российскому послу в Париже Извольскому Сазонов писал: «Прошу Вас сообщить весьма по-дружески Погосу Нубар-паше об этом (иметь в виду кандидатов из подданных второстепенных государств. – Г. С.) и узнать [у него] имеет ли он в виду подходящих кандидатов»⁶.

Проводивший свой отпуск в Париже Михаил Гирс в начале января 1914 г. встречался с Погосом Нубаром. Они долго беседовали о программе преобразований и особенно о вопросе выбора генеральных инспекторов. Гирс сообщил Нубару о том, что остальные великие государства склонны принять предложение России – назначать инспекторов из числа подданных нейтральных и малых европейских государств – Швейцарии, Швеции, Бельгии и Голландии⁷.

Прибыв из Парижа в Брюссель в конце декабря 1913 года, Нубар-паша начинает поиски кандидатов вместе с местными правительственными чиновниками. В результате он выбирает двух – бывшего вице-генерал-губернатора Бельгийского Конго Хендзи и генерала Дегиза.

Однако Константинопольское армянское патриаршество было против бельгийских кандидатов, находя, что Бельгия имеет крупные

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 106.

² Там же.

³ Там же. Л. 106–107.

⁴ Там же. Л. 107.

⁵ Там же.

⁶ Сборник дипломатических документов ... С. 83.

⁷ Мшак. № 20, 29 января 1914 г.

интересы в Османской империи и если вдруг Высокая Порта будет нарушать условия договора, то они не осмелятся перечить ей. Патриаршество вместе с видными константинопольскими армянскими деятелями подвергло особому и многостороннему анализу этот вопрос и пришло к выводу, что не следует выбирать кандидатов из тех стран, которые имеют крупные экономические, торговые и политические интересы в Турции или желают их иметь. Следовательно, великие державы должны были выбирать инспекторов лишь из малых, нейтральных европейских королевств¹.

Поверенный в делах Франции в Константинополе в своей секретной телеграмме министру иностранных дел Думергу сообщал о том, что «армянские предводители озабочены в вопросе назначения иностранных генеральных инспекторов. Вчера ими был организован демарш перед российским посольством с требованием, чтобы державы не выбирали бельгийцев и швейцарцев (у последних также были интересы в Турции. – Г. С.), а ограничились только норвежцами, датчанами, голландцами и шведами. С другой стороны, мой русский коллега сказал мне, что его правительство желает держаться подальше от шведов»².

13 января 1914 г. Погос Нубар писал католикосу: «Я забыл оповестить Ваше Святейшество о том, что Сазонов недавно, через своего посла в Париже Извольского, просил меня сообщить ему о тех кандидатах, которых я признаю подходящими на должность ген. инспекторов. Я сразу же приступил к поискам в Бельгии и Швейцарии, ибо генеральные инспектора должны избираться из подданных малых государств, т.е. Бельгии, Голландии, Дании или Швейцарии. Имея в виду многообразные качества, которые необходимы для занятия такой весьма важной должности, было нелегко найти лиц, которые обладали бы этими качествами. Пока у меня два кандидата, и надеюсь, найду и других, чтобы Державы могли избрать лучшего кандидата из их числа»³.

ВСТРЕЧА В РЕЗИДЕНЦИИ ТУРЕЦКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

9 января 1914 г.⁴ великий визирь оповещает российское посольство о том, что относительно армянских преобразований у него есть некоторые новые предложения. Было уже ясно, что эти предложения должны быть не чем иным, как новым контрпроектом.

Именно в день отбытия Гирса в Париж, 12 января, поверенный в делах Гулькевич, согласно заранее данному указанию посла, представляет Высокой Порте заявочное письмо для получения разъяснения

¹ Ковкаси арабер. № 31, 11 февраля 1914 г.

² Армения в документах международной дипломатии ... С. 338.

³ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 34. Л. 41.

⁴ Возможно также – 10 января.

относительно новых предложений премьера Турции по проекту преобразований, уже претерпевших столь многочисленные изменения.

Поскольку великий визирь Саид Халим не пользовался особым авторитетом в Совете министров, Гулькевич обращается к наиболее влиятельным членам кабинета – к Талаату и Халилу, а также к Саиду Халиму. На обсуждение были поставлены вопросы губернских собраний, генеральных инспекторов и распределения должностей. При этом с самого начала Талаат объявляет, что обсуждение вопросов будет иметь место в рамках предложенного великим визирем проекта. И великий визирь высказывает свои новые соображения по поводу проекта реформ.

Прежде всего, ставится вопрос количества **мест в губернских собраниях**. В результате бурных переговоров великий визирь и Талаат соглашаются на введение равного представительства также и в Эрзрумском вилайете, только при одном условии, если упомянутый принцип не будет там применен немедленно, как в Ванском и Битлисском вилайетах, пока не закончится заполнение списков переписи населения в течение первого года. Турки, как и прежде, отказывались считать приемлемым для губернских собраний Сивасского, Харбердского и Диарбекирского вилайетов представительство $\frac{1}{3}$ христиан против $\frac{2}{3}$ мусульман и предлагали немедленно установить пропорциональный принцип выборов, по которому число мусульманских избирателей должно было определяться уже существующими избирательными списками, а число немусульман – по спискам, предъявленным соответствующими общинами¹.

Армяне прекрасно понимали это трюкачество турок, и поэтому настаивали на том, что невозможно в сектор с центром в Эрзруме включать Трапезундский вилайет с почти миллионным мусульманским населением. Именно поэтому они предлагали установить справедливый этнографический предел, который мог обеспечить им более или менее равное представительство в губернских советах.

О результатах обсуждения этого вопроса с великим визирем и Таллатом в своей докладной того же дня Сазонову Гулькевич писал: «Ввиду крайне неискреннего поведения германского посольства, в особенности за последнее время, и более чем вялой поддержке со стороны англичан и французов, считаю невозможным для себя добиться уступки по этому последнему вопросу. Если Ваше высокопревосходительство считаете желательным обеспечить армянам просимую ими одну треть голосов в вилайетах Харпут, Сивас и Диарбекир, то Вам лично нужно было бы произвести давление на турецкого поверенного в делах (в Петербурге. – Г. С.)»².

Российская дипломатия была обеспокоена тем, что заселение Армении большим числом мусульман из Македонии и Фракии могло нарушить демографическую картину не только армянских губерний

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 140–140об.

² Там же. Л. 52.

сектора с центром в Эрзруме, но и Ванского сектора, что могло непосредственно повлиять на соотношение членов губернских собраний. 18 января Сазонов телеграфировал Гулькевичу: «У нас есть опасение, что, быть может, Турция посредством переселения в Армении создает мусульманское большинство. По этой причине мы отрицательно относимся к принципу пропорциональности и предпочитаем основать в генеральных советах определенную равномерность между представителями разных народностей»¹.

В проектных изменениях, предложенных великим визирем, вообще не фигурировал вопрос генеральных собраний для секторов². Это обстоятельство значительно ослабляло значение реформы. Кто же тогда должен был обсуждать проект благоустройства администраций, суда, финансов и т.п., не будь собраний секторов? Вилайетские собрания секторов не могли выполнять эту роль, поскольку возникло бы взаимное противоречие и к тому же, согласно «Закону о вилайетах» пределы их компетенции были весьма ограниченными, во много раз меньше, чем даже права российских земств.

Поскольку в вопросе о местах в губернских собраниях стало возможным сохранять основные положения русско-германского проекта преобразований, Гулькевич в телеграмме Сазонову № 37 от 13 (25) января сообщал: «Прошу Ваше высокопревосходительство срочно уполномочить меня письменно закрепить – *рагарһер* – с великим визирем достигнутое соглашение, что я мог бы сделать, согласно его предложению, уже завтра утром»³.

Переходя к вопросу о **генеральных инспекторах**, Гулькевич подчеркивал, что в представленном великим визирем проекте ничего не говорилось о преобразовании условий управления секторами, об их правах и инициативах, поэтому необходимо обязательно отметить вопрос о правах на преобразование, в особенности администрации, экономики и суда⁴. Если генеральные инспекторы не преобразуют коренным образом судебную систему, то останутся в силе шариатские суды, которые защищают исключительно мусульман в ущерб христианам.

Согласно предложению великого визиря, генеральный инспектор не является высшей инстанцией в своем секторе, а лишь персоной, осуществляющей контроль. А это означало бы, что вся административная машина должна оставаться в прежнем состоянии, то есть – в подчинении Высокой Порты. Все дела должны были передаваться на рассмотрение в Совет министров, полностью в обход генерального инспектора. Тем не менее за ним оставалось право на временное отстранение от должности чиновника, но он был обязан представить

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 98.

² Заметим, что вопрос генеральных собраний для секторов, по-видимому, случайно выпал также и из проекта ноябрьского соглашения. О вероятных отрицательных последствиях этого упущения отмечал Гулькевич в своей телеграмме от 14 января (См.: АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3472. Л. 21).

³ АВПРИ. Ф. «Политархив», 1913 г. Д. 3465. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 135.

соответствующему министру объяснительную записку о причине (или причинах) увольнения. То есть великий визирь выдвигал условие, которое, по сути, сводило на нет право увольнять чиновника, ненадлежащим образом исполняющего свои обязанности. Предложения великого визиря также не предусматривали вариантов решения вопроса в случае, если правительство отклонит мотивы инспектора на увольнение должностного лица. Может ли в таком случае кабинет требовать восстановления последнего на своей должности? Это, безусловно, стало бы причиной (или даже поводом) для бесчисленных столкновений, что сильно пошатнуло бы позиции инспектора.

Именно к этому и стремилась Высокая Порта. Кроме того, великий визирь обошел один очень важный вопрос: мог ли генеральный инспектор увольнять назначенных султаном валиев и других высокопоставленных должностных лиц губернии? Таким образом, выясняется, что Высокая Порта умышленно «пренебрегала» этим важным вопросом, для того чтобы раскрыть двери для бесконечных конфронтаций и максимально свести на нет роль и значимость генеральных инспекторов.

Таким образом, своим предложением великий визирь оставлял за генеральным инспектором право лишь выявлять недостатки чиновников при исполнении своих обязанностей и сомнительным правом их увольнения с занимаемых должностей. Инспектору пришлось бы бесконечно тратить усилия на борьбу с неуместными вмешательствами центрального правительства, но без особых результатов. А правительство, игнорируя его мнение, заполняло бы «его» сектор сонмом новых чиновников, которые ничем не отличались бы от предыдущих.

В подобных условиях генеральный инспектор очень быстро понял бы всю бесплодность своей работы. И ни один европейский высокопоставленный чиновник не стал бы участвовать в этой комедии.

И наконец, последнее из трех предложений великого визиря относилось к **вопросу чиновников**. В течение нескольких месяцев сформировалась точка зрения, что хотя бы в двух армянских губерниях (Ван и Битлис) должности должны распределяться между христианами и мусульманами в равном количестве и, что особенно важно, чиновники должны назначаться генеральными инспекторами, но избираться из числа армянофилов и выдвигаться европейскими государствами. Это обстоятельство вселяло надежду, что интересы армян тем самым будут защищены. Но вот сейчас Высокая Порта силилась протащить совершенно новые принципы в уже находящийся в обороте документ, в котором не было даже намек на жандармерию и полицию, а также на участие в этих структурах христиан¹.

Это, разумеется, было сделано специально для того, чтобы в дальнейшем наводнить Армению турецкими полицейскими и жандармами *комитаджи*, которых в любой момент могли заменить курдские *хамидие*.

¹ Там же.

Таким образом, согласно проекту великого визиря вся административная, общественная и судебная система оставалась абсолютно неизменной. Все назначения чиновников, вся административная переписка, все относящиеся к губерниям распоряжения и санкции на решение вопросов должны были сосредотачиваться в Константинополе согласно закону «О чиновниках». «Этот закон уже сам по себе являлся чисто турецким произведением, где всё было предусмотрено для удержания в зависимости чиновников от центрального правительства»¹, – говорилось в телеграфном запросе Гулькевича.

Действующее турецкое законодательство было таким, что немусульманину, а тем более армянину, было невозможно поступить на службу. В случае сохранения действующего закона «О чиновниках» вопрос о равенстве на государственной службе практически оставался бы по-прежнему неосуществимым. Высокая Порта объясняла это тем, что увольнение действующих чиновников может тяжело отразиться на государственном бюджете, поскольку уволенный с должности чиновник, согласно закону, продолжит получать из казны половину своего оклада, а в случае, если его оправдает суд, то он будет получать свою полную зарплату вплоть до поступления на новую должность.

Благодаря упорному сопротивлению Гулькевича в резиденции турецкого премьер-министра удается сохранить без изменений находящийся в обороте проект преобразований. В своей секретной телеграмме № 37 от 12 (25) января Гулькевич сообщал в Петербург: «Для распределения должностей полиции и жандармерии турки согласились, чтобы принцип равенства применялся инспекторами не “autant que possible”, а согласно предложенной мною формуле “à mesure que les postes deviendraient vacants”² для других должностей принцип равенства обусловлен “autant possible”³».

Как видим, турецкая сторона делала всё, чтобы завести в тупик программу армянских преобразований. Великим визирем был представлен не проект, а, по сути, контрпроект, целью которого было отнять у послов их программу, которая считалась единственной, как бы турки ни противились ей. Гулькевич сообщал Сазонову: «Турки отвергли все бывшие до сих пор проекты послов. Турки вырывают также и инициативу в постановке условий, а это означает – послам придется приноравливаться к претензиям турок»⁴. Для того чтобы доказать эту мысль, Гулькевич приступает к оценке отдельных предложений великого визиря, которые, по его словам, «способны убить смысл и содержание реформ»⁵. Неслучайной была телеграмма Сазонова от 14 января, в которой он требовал от Гулькевича

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 135.

² Не «насколько возможно», а в «той мере, в какой должности будут становиться вакантными». – Фр.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив», 1913 г. Д. 3465. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 133.

⁵ Там же.

«избегать разногласий и затягиваний и сообщить Высокой Порте о том, что отступления от принципа $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ в указанных трех губерниях не будет».

Заметим, что с решением этих двух последних пунктов согласны Англия и Франция. Более того, правительство Франции даже шло дальше российского предложения.

Итак, министр иностранных дел Франции Думерг писал 17 января своему поверенному в Константинополе: «Мне кажется, что относительно двух пунктов, по которым Россия и Турция не согласны, лучшим решением было бы распространить до переписи населения равное религиозное представительство на все вилайеты. Поистине, своей коммерческой деятельностью и образованностью армянский фактор является главным для процветания страны, который на голову превосходит турецкий фактор. Будет справедливым принять в расчет это положение и, таким образом, в качестве компенсации уравновесить более низкий уровень числа армян.

В Турции христианские религиозные общины являются административными органами, существуют самостоятельно и пользуются особыми привилегиями. Как таковые они могут от османского правительства получить право на установление налогов на своих единоверцев на содержание школ под контролем инспекторов. Эти налоги были бы вычтены из налогов, за которые проголосовали губернские советы, и полученные средства можно было бы ассигновать на нужды исключительно мусульманских школ»¹.

Сазонов считал, что, если турки не станут трогать принципа $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ трех губерний, нашедшего место в проекте, то в других нескольких вопросах можно будет пойти на некоторые уступки, приняв за основу проект великого визиря и пытаясь улучшить их предложения². Далее следует секретная телеграмма Гулькевича, в которой говорилось: «Если принять за основу проект В[еликого] визиря и стараться его улучшить, то, вероятно, ничего не выйдет. Ведь если ввести в него те поправки, которые давали бы возможность спасти принципы русского проекта, то от проекта В[еликого] визиря ничего не останется. Но тогда нет смысла его брать за основу. Если же предполагается только исправить проект В[еликого] визиря, то, конечно, невозможно будет ввести в него важнейшие принципы русского проекта, и тогда от последнего ничего не останется. Погибнет весь труд, потраченный в течение года»³.

Несмотря на эту уверенность, Гулькевич, чтобы удержать инициативу в вопросе армянских преобразований в руках российской

¹ Армения в документах международной дипломатии ... С. 319–320.

² В начале января 1914 г. из Константинополя телеграфировали в Тифлис, что главной задержкой решения армянского вопроса является требование России, чтобы половину провинциальных советов составляли армяне, а Высокая Порта возражает, настаивая на том, что в Восточной Анатолии армяне составляют 40 % от общей численности населения и что предоставление привилегий еще больше раздражит курдов (см.: Мшак. № 2, 4 января 1914 г.).

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 134.

стороны, во время встречи с Саидом Халимом 16 января вынужденно соглашается с его предложением о пропорциональном принципе избрания членов генеральных советов в Сивасском, Харбердском и Диарбекирском вилайетах.

Чтобы как-то исправить допущенную оплошность российской дипломатии, пришлось приложить новые усилия. Россия начала новые контакты с державами. 20 января Гулькевич извещает Сазонова о том, что «некоторые из представителей великих держав, к несчастью, не симпатизируют нашим последним требованиям. Они находят, что обеспечение для армян $\frac{1}{3}$ мест в трех вилайетах является второстепенным вопросом»¹. Державы защищали также пропорциональный принцип турок в вопросе членов генерального совета в Эрзрумском вилайете.

Поверенный в делах Франции в Константинополе писал министру иностранных дел Думергу: «Представители Тройственного союза открыто критикуют неуступчивость петербургского правительства... они объявляют о том, что державы могут продолжить переговоры без России... английский посол, будучи более сдержанным, критикует позицию России не меньше... В[еликий] визирь не пойдет дальше нынешних уступок, которые даже армяне считают удовлетворительными, а Россия подвергает себя риску...»²

До своего отбытия из Константинополя посол Гирс отправил в Петербург докладную, в которой, в частности, говорилось о том, что так или иначе необходимо приняться за военные приготовления, что события на Ближнем Востоке не сегодня так завтра могут подтолкнуть Россию к войне. «Одно из обстоятельств, которое нас может вынудить на решительные действия, это массовая резня армян. В подобном случае мы должны приступить к быстрым и решительным действиям»³. Не следует забывать, писал он, военные и военноморские силы турок начинают укрепляться. Из докладной Гирса было видно, что он сторонник того, чтобы русские войска высадились и заняли Трапезунд, а затем двинулись к Баязету⁴.

Не исключено, что именно на основании этой докладной Гирса 21 января 1914 г. в Петербурге под председательством Сазонова было созвано специальное совещание с участием ряда высокопоставленных государственных и военных лиц, посвященное международной ситуации. В своей вступительной речи Сазонов предупреждал, что если какая-либо из держав вновь попытается установить свою гегемонию над проливами, то Россия будет вынуждена незамедлительно занять Константинополь. Выступающие подвергали детальному обсуждению вопросы военных приготовлений, возможного хода и последствий войны, высадки десанта морской пехоты, перемещения транспортных

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 99–100.

² Армения в документах международной дипломатии ... С. 356.

³ Папазян В. Мои воспоминания. С. 260–261.

⁴ Там же. С. 261.

средств, возможностей Черноморского флота, ускорения прокладки новой железной дороги через Кавказский хребет и т.п. В своем выступлении князь Трубецкой подчеркивал: в случае если турецкие армяне начнут волнения, сосредоточение русских войск на границе станет неизбежным. Однако вероятность активности армянского движения уже давно приблизилась к нулевой отметке: армяне безмолвно ждали благоустройства своего положения.

После завершения переговоров вокруг главных пунктов программы преобразований обсуждения были продолжены между российской стороной и Армянским патриархатом, а также между ними и Высокой Портой.

«ОТНЫНЕ НИКАКИХ УСТУПОК»

Турки были того мнения, что если великому визирю и Талаату не удалось внести изменения в содержание русско-германского ноябрьского проекта преобразований в Армении, то это значит, что турецкая дипломатия потерпела очередное поражение. Исходя из этой установки, Высокая Порта объявила о том, что отныне не пойдет «ни на какие уступки».

В течение нескольких дальнейших дней января 1914 г. продолжался напряженный обмен секретными и сверхсекретными телеграммами между русским посольством в Константинополе и Петербургом, а также между Петербургом и его дипломатическими представителями в Париже, Берлине и Лондоне¹.

В этот период российская и армянская стороны приняли решение о необходимости сохранить хотя бы уже достигнутое, если не удастся добиться уступок от турецкой стороны.

В ходе встречи находившегося в Париже Гирса с Погосом Нубаром подвергается многостороннему анализу ситуация, создавшаяся в вопросе армянских реформ, и достигается договоренность о дальнейших совместных действиях.

Сразу же после этой встречи посол Извольский 15 (25) января посылает в Петербург секретную телеграмму № 20: «После свидания с М.Н. Гирсом Погос Нубар-паша обратился письменно и по телеграфу к патриархату, настаивая на необходимости принять тот проект реформ, с которым согласна Порта. Согласие по армянскому вопросу, достигнутое между державами, и решение оказать давление на Турцию, стали для России весьма сильным средством воздействия на Порту. Но обстоятельства могут измениться, и армяне в таком случае могут лишиться тех, весьма существенных реформ, которые им предлагаются ныне. М.Н. [Гирс] вполне согласен с этими доводами. Он со своей стороны считает весьма желательным ныне же согласиться на

¹ Только за промежуток с 10 по 24 января 1914 г. число сопоставленных друг с другом номеров телеграмм между российским министерством иностранных дел и русским посольством в Константинополе составило 30.

турецкие предложения; дальнейшие переговоры, по его мнению, имеют мало шансов на успех»¹.

К этому совместному заключению Гирса и П. Нубара присоединился из Константинополя Гулькевич. В своей секретной телеграмме № 47 от 16 (29) января он сообщает Сазонову о том, что в течение трех дней после его встречи 12 января с великим визирем Саидом Халимом и Талаатом он не посещал Порту, и это, по-видимому, оставило неприятное впечатление на кабинет. Доказательством этого было то, что великий визирь в своем окружении начал жаловаться на русского дипломата, указывая на то, что тот не приходит к нему. Он был озабочен тем, что державы могут прибегнуть к санкциям и ужесточить свои требования к проекту армянских реформ, и поэтому запланировал новую встречу с Гулькевичем. Последний извещал Сазонова в вышеозначенной телеграмме о следующем: «Великий визирь ... пригласил меня сегодня к себе. В начале беседы Саид Халил настаивал на своей точке зрения, имеющей будто бы принципиальное значение. Тем не менее после долгих пререканий удалось его склонить к принятию предложенного мною “ад-референдум” текста, тут же одобренного нарочно созванным Советом министров. В Сивасском, Харпутском и Диарбекирском вилайетах членов генеральных советов отныне будут избирать согласно принципу пропорциональности. В этом смысле до проведения переписи населения мусульманские избиратели будут преобладать в избирательных списках, а число немусульман будет определяться согласно тем избирательным спискам, которые будут предоставлять их общины. Но если материальные затруднения станут осложнять исполнение этой избирательной системы, то в этом случае генеральный инспектор получает право предлагать в качестве уступки создание генеральных советов выше-названных трех вилайетов, которые соответствовали бы нынешним нуждам и условиям этих общин»². В конце телеграммы Гулькевич добавлял: «Этот компромисс следует считать предельною уступкою Порты, дальше которой она не пойдет. Текст этот, не задевая самолюбия турок, дает инспекторам, которые, конечно, будут поддержаны державами, возможность обеспечить армянам справедливое представительство в выше-названных вилайетах». Гулькевич выражал надежду на то, что Армянский патриархат будет подчиняться решению, которое будет угодно принять императорскому правительству, и только умоляет о скорейшем заключении соглашения. «Ввиду этого, позволяю себе ходатайствовать перед Вашим высокопревосходительством о принятии изложенного выше предложения, во избежание осложнений, упомянутых в моей телеграмме № 45, и сохранить руководство вопросом об армянских реформах в русских руках. Если Ваше высокопревосходительство согласится со мною, прошу срочно

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3472. Л. 40.

² Там же. Д. 3465. Л. 141. (Эта цитата переведена с фр. яз.).

уполномочить меня завтра же подписать с Саид-Халимом “парафэ” проекта турецкой ноты державам»¹.

В тот же день, 16 января, Гулькевич посылает Сазонову вторую телеграмму, в которой извещает о том, что из одного дипломатического источника ему стало известно, что Высокая Порта намеревается сделать еще одну попытку провалить ту часть ноябрьского русско-германского соглашения, которая касается вилайетских советов, и с этой целью обратилась к посредничеству держав. Но, по мнению Гулькевича, в условиях общих нынешних настроений держав туркам вряд ли удастся добиться исполнения своих желаний «не в нашу пользу»².

Не достигнув успеха в вопросе вилайетских советов, Высокая Порта делает последнюю попытку пересмотра положения о распределении должностей в обоих секторах согласно ноябрьскому проекту реформ. Послы держав в Константинополе на этот раз идут на встречу турецкой стороне и просят французского посла, чтобы тот, после обсуждения с Парижем, представил указанное положение в новой редакции, которая осуществляется в следующем виде: «Если инспекторы обоих секторов не будут возражать, то при заполнении вакантных мест полиции и жандармерии следует руководствоваться принципом равного права мусульман и немусульман. Тот же принцип равенства применяется во время перераспределения должностей в остальных общественных функциях двух секторов»³.

Поверенный Гулькевич в своей телеграмме № 63 от 19 января (1 февраля) в Петербург сообщал: «Во избежание недоразумений считаю долгом сообщить французский текст окончательной редакции соглашения по вопросу о распределении должностей в обоих секторах. Этот текст вполне удовлетворяет Армянский патриархат»⁴.

По-видимому, сразу последовала ответная телеграмма Сазонова, в которой он выражал недовольство тем, что поверенный не поднимал перед великим визирем также очень важный вопрос – вилайетских советов.

Телеграммой от 20 января (2 февраля) (копия в Париже) Гулькевич извещал Сазонова о том, что при встрече с великим визирем также заявлял о своих полномочиях парафировать соглашение только при условии, если в совете Эрзрумского вилайета немедленно будет введено равное представительство, как это сделано в Ванском и Битлисском вилайетах, а в Харбердском, Диарбекирском и Сивасском вилайетах для армян будет немедленно обеспечена 1/3 мест в советах⁵.

Великий визирь, который о вышесказанном был уже осведомлен из телеграммы турецкого поверенного в Петербурге, после требования

¹ Там же. Л. 141–141об.

² Там же. Л. 142.

³ Там же. (Абзац переведен с фр. яз.).

⁴ Там же. Л. 143.

⁵ Там же Л. 143–144.

Гулькевича впал в крайнее возбуждение¹. Он решительно отверг возможность каких бы то ни было дальнейших уступок, аргументируя это тем, что правительство не в состоянии провести этот проект в парламенте, если в его текст будет введено какое-либо изменение. «Ввиду этого он усиленно просит Ваше высокопревосходительство принять проект в его настоящей редакции и указывает, что задержка в деле введения реформ уже навлекает на него недовольство остальных Великих держав»².

Несмотря на решительное заявление Высокой Порты о том, что она отныне не пойдет ни на какие уступки в вопросах вилайетских советов и должностей, русская дипломатия продолжала прилагать последние усилия для внесения более благоприятных формулировок в проект армянских реформ.

В своей телеграмме российский министр иностранных дел выражал опасение по поводу огромного потока мухаджиров из Балкан в Армению, который мог нарушить демографическую картину даже в Ванском и Битлисском вилайетах. В этой связи Гулькевич в телеграмме № 62 сообщал: «Со своей стороны, по поводу Ваших опасений, связанных с возможностью создания мусульманского большинства в Армении путем переселения, позволю себе указать, что опасность эта может быть устранена путем введения в предназначенные для инспекторов инструкции, которые по соглашению должны быть выработаны при их участии, двух статей из русского *avant-projet*... Вообще говоря, можно надеяться, что в эти инструкции удастся внести ряд пунктов, способных развить достигнутое соглашение в благоприятном для армян смысле. Прошу инструкций по телеграфу»³.

В тот же день, 20 января (2 февраля) Гулькевич посылает Сазонову вторую секретную телеграмму (№ 63), в которой останавливался только на вопросе переселения мухаджиров в Армению и увеличения числа мусульман. Он вновь с уверенностью утверждает, что эта угроза будет устранена с помощью инспекторов, которые, согласно договоренности, должны выработать инструкции, куда войдут две статьи русского *avant-projet*⁴: «*article 19-il ne devra pas être installé de mouhadjires sur le territoire des deuh secteurs, – et article 14 – seuls les habitant sédentaires jouiront d'élection et d'éligibilité*»⁵.

Эти две последние телеграммы Гулькевича показывают, что в русской дипломатии была твердая уверенность в том, что указанный миграционный процесс будет улажен инспекторами путем направления мухаджирских потоков в сугубо турконаселенные и курдонаселенные вилайеты.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3465. Л. 143–144.

² Там же. Л. 44.

³ Там же. Л. 41.

⁴ Предварительный проект. – Фр.

⁵ «Согласно статье 19, на этих территориях установлены местные жители, а в статье 14 говорится, что право голоса имеют только местные жители» (АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3472. Л. 73).

Наконец, поздно вечером того же дня, 20 января (2 февраля), поступает новая телеграмма (№ 146)¹ Сазонова, на которую сразу же отвечает Гулькевич следующей телеграммой: «Армянский патриархат обращается ко мне с повторными просьбами закрепить поскорее с турками соглашение, признаваемое им если и не полным еще осуществлением первоначально выставленных им пожеланий, то во всяком случае первым и серьезным шагом к их достижению. Представители всех великих держав относятся, к сожалению, несочувственно к нашим дальнейшим настояниям по столь второстепенному, на их взгляд вопросу, как закрепление за армянами трети мест в трех вилайетах, все равно не дающее армянам большинства. Ввиду этого я еще не воспользовался предоставленным мне Вашим высокопревосходительством правом, при случае указать туркам на возможность возвращения к **первоначальному нашему проекту** (выделено нами. – Г. С.)². Если, однако, Императорское правительство (Высокая Порта. – Г. С.) решит прервать переговоры, то, конечно, нам будет выгоднее сделать это, **выдвинув первоначальный проект с его более обширными требованиями** (выделено нами. – Г. С.), нежели по поводу разногласия по одному только вопросу о составе Генеральных советов³.

Удивительна эта неожиданная радикальная решительность, проявленная Сазоновым в этот судьбоносный момент. Его телеграмма – свидетельство того, с какой последовательностью российское правительство следовало выполнению взятых на себя обязательств по благоустройению Армении.

Вместе с тем заметим, что длившаяся уже больше года дипломатическая борьба настолько утомила переговаривающиеся стороны, что все желали поскорее прийти к какому-либо соглашению.

ПОДПИСАНИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО СОГЛАШЕНИЯ О ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ

Сомнений не было в том, что если Высокая Порта вдруг решила бы прервать переговоры, то все пять остальных держав

¹ Нам не удалось обнаружить в архивах указанную телеграмму министра Сазонова, но из ответной телеграммы Гулькевича на нее можно сделать вывод, о чем в ней шла речь.

² Из выделенного словосочетания («первоначальному нашему проекту») текста этой телеграммы Сазонова трудно угадать, к какому проекту армянских преобразований это относилось – к русскому проекту А. Мандельштама (вряд ли) или к фрагментам, относящимся к вилайетским советам российско-германского проекта. Если речь шла о мандельштамовском проекте, соответствовавшем всем пожеланиям армян, то напомним его основные положения: образовать одну единую армянскую территориальную единицу; с согласия держав назначить генерал-губернатора и наделить его широкими полномочиями; учредить представительское собрание, наделенное широкими компетенциями, в котором мусульманам и немусульманам предоставляется равное число мест; применить тот же принцип равенства при распределении должностей, включая полицию и жандармерию; обеспечить равноправие языков; ликвидировать курдскую конницу хамидие; всем национальностям края предоставить свободу школьного преподавания и право на самообложение для нужд школы; возратить армянам отнятые у них земли.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3472. Л. 73.

поддержали бы ее. Поэтому русская дипломатия была вынуждена принять пропорциональный принцип представительства членов в генеральных советах трех вилайетов, требуя лишь, чтобы меньшинство имело одного представителя в вилайетском комитете. Высокая Порта отклоняет также и это предложение. Во время встречи с Гулькевичем 23 января Саид Халим просит его покорнейше уговорить Сазонова «не настаивать на других пунктах», поскольку он «не в состоянии уговорить членов кабинета» принять новые предложения.

В тот же день Гулькевич посылает в Петербург телеграмму, в которой извещает о том, что во время встречи великий визирь «подчеркнул желание Турции жить с нами в мире и просил нас оценить его уступки, которые тяжелы для турецкого самолюбия»¹.

Русская сторона решает довольствоваться уступками Высокой Порты, чтобы не упустить этот благоприятный момент. Петербург окончательно убедился, что дальнейшее затягивание переговоров лишь навредит делу в частности по двум причинам:

1) внутри «Иттихада» обострилась борьба за власть, и не исключалось, что его воинствующее, самое крайнее германофильское крыло, во главе с Энвером, могло прийти к власти и вообще отшвырнуть в сторону проект соглашения;

2) ныне было бессмысленно ждать, что союзницы – Англия и Франция в дальнейшем будут стремиться внести какие-либо изменения в текст соглашения в пользу армян.

Поэтому настал час для того, чтобы принудить турок к подписанию проекта преобразований².

Французский поверенный в Константинополе передавал своему начальству: «Переговоры между Портой и русским посольством, похоже, завершатся успешно»³. 25 января Сазонов телеграфирует Гулькевичу: «Вас уполномочили подписать соглашение»⁴.

Еще до подписания соглашения между сторонами были достигнуты следующие договоренности:

1) текст программы преобразований будет опубликован вместе с императорским ираде о назначении генеральных инспекторов;

2) Высокая Порта сразу же сообщит державам о подписании соглашения.

26 января (8 февраля) 1914 г. российский императорский поверенный в Константинополе Константин Гулькевич и великий визирь и министр иностранных дел Османской империи Саид Халим-паша подписывают Соглашение об армянских преобразованиях и скрепляют его печатями⁵. В тот же день они вручили оригинал (на француз-

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 100.

² НАА. Ф. 430. Сп. 1. Д. 21. Л. 7.

³ Армения в документах международной дипломатии ... С. 338.

⁴ Сборник дипломатических документов ... С. 101.

⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 421–424.

ском языке) Соглашения представителям держав в Константинополе, которые также поставили свои подписи под документом¹.

Спустя несколько часов после подписания Соглашения Гулькевич адресует С. Сазонову следующую телеграмму: «Сегодня Великий визирь и я подписали наше соглашение по поводу армянских преобразований, оригинал которого посылаю завтра. Саид Халим выразил надежду, что подписанное соглашение будет способствовать улучшению отношений между двумя государствами, и просил выразить свою глубокую признательность за то миролюбивое отношение, которое было проявлено Вашим высокопревосходительством»².

Российский министр внешней политики Сазонов 28 января телеграфировал своему поверенному в Константинополе: «Ваша телеграмма от 26 января получена. Мы с удовлетворением восприняли весть о состоявшемся соглашении и желали бы, чтобы это соглашение послужило основанием для развития дружественных отношений между нами и Турцией. Об этом можете сообщить великому визирю»³.

Почему в этот момент турецкое правительство вдруг решило подписать с Россией программу преобразований Армении? К этому его подтолкнули две основные причины. Во-первых, это давление Европы, в особенности финансовое воздействие со стороны Франции. Париж категорически отказывался предоставлять новый заем Турции, в результате чего последняя оказалась в таком состоянии, что, кроме как покорно просить, ей ничего другого не оставалось. Во-вторых, резкое ухудшение отношений между Грецией и Турцией по вопросу Эгейских островов, а также активизация арабских антитурецких движений. Эти две проблемы принудили турецкое правительство смириться с новыми реалиями и не создавать новых запутанных проблем, связанных с армянским вопросом.

Акт 26 января имел большое значение в повышении международного авторитета России. Этот документ подписали великий визирь с одной стороны, а с другой – только лишь представитель России от всех держав. Тем самым официально подчеркивалась руководящая роль России в армянском вопросе и как бы вновь закреплялась 16-я статья Сан-Стефанского договора⁴. Это обстоятельство не могло не отразиться благоприятнейшим образом на международном престиже России и ее монарха и вызвало особую симпатию к ней всего христианства Ближнего Востока. Факт великой заслуги российской дипломатии признал даже фон Муциус, один из германских дипломатов в Петербурге⁵.

¹ Полный текст Русско-турецкого соглашения 26 января 1914 г. впервые был официально издан в «Оранжевой книге», затем в VIII томе «Дипломатического архива» под заголовком «Новый государственный строй Армении» (Петроград, книгоиздательство «Освобождение», 1915) под заглавием «Будущее устройство Армении по официальным дипломатическим документам «Оранжевой книги», трактующей реформы Армении». С. 75–79.

² Сборник дипломатических документов ... С. 101.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3472. Л. 106.

⁴ Гурко-Кряжин В.А. История революции в Турции. М., 1923. С. 77.

⁵ Степанян С. Армения в политике империалистической Германии (конец XIX – начало XX века). Ереван, 1975. С. 91.

В своей секретной телеграмме № 7 за 27 января 1914 г. Гулькевич сообщал в Петербург: «Актом 26 января ... завершены подготовительные работы по введению в Армении реформ... По настоящий день несчастное христианское население Армении продолжает страдать от произвола и насилия турецких чиновников и бесчинства курдов, безнаказанно посягающих на жизнь, честь и имущество мирных жителей края¹. ... Акт 26 января 1914 г. несомненно знаменует начало новой, более счастливой эпохи в истории армянского народа... Армяне вполне осознают, что ныне сделан первый шаг для их спасения от турецкого ига. По своему внутреннему политическому значению для этой нации его можно сравнить с фирманом 1870 года, создавшим болгарский экзархат и этим эмансипировавшим болгарский народ от греческой опеки»².

Можно было надеяться, что Соглашение 26 января еще больше усилит симпатии к российскому императорскому правительству, к русской государственности, способствует удалению многих членов из рядов крайних армянских партий. В своей телеграмме от 27 января Гулькевич отмечал: «...Когда историческая судьба приведет Россию в Константинополь, мы сможем опереться на 200 000-е армянское население Царьгорода»³.

По поручению министра иностранных дел России Сергея Сазонова уже 27 января официальная программа армянских реформ была послана кавказскому наместнику Воронцову-Дашкову, который немедленно пересылает документ (в переводе с французского на русский) Католикусу всех армян Геворгу V.

Подписанием Соглашения 26 января 1914 г. была завершена задача, поставленная 4 января 1913 г. перед Армянской национальной делегацией во главе с Погосом Нубар-пашой, в результате чего она прекращала свою деятельность. Этим фактически ставился конец длительному соперничеству великих держав в армянском вопросе, который берет свое начало с 1878 года – со дней Берлинского конгресса.

В это же время завершился срок полномочий правления Константинопольского Армянского национального собрания, по которому собрание приняло отставку правления. Было сформировано новое правление, руководителем которого был избран доктор Давтян. Одним из первых шагов этого правления стала ликвидация Комиссии по безопасности⁴, которая более чем год назад была создана для содействия делу преобразований в Армении.

Газеты писали о том, что сразу же после подписания соглашения Джавид-бей, считая уже устранившимся вето Парижа на получение Турцией займа, поспешил отправиться в столицу Франции. Политические комментаторы в то же время были уверены в том, что

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3465. Л. 147.

² Там же. Л. 150об.

³ Там же. Л. 151.

⁴ Папазян В. Мои воспоминания. С. 266.

в случае, если турки сумеют получить французский заем, то снова примутся за старое и положение армян вновь осложнится.

СОДЕРЖАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Соглашением 26 января постановлялось:

1. В Восточной Анатолии создаются два сектора – А и Б. В сектор А входят Эрзрумский, Трапезундский и Сивасский вилайеты, в сектор Б – Ванский, Битлисский, Харпутский (Харбердский) и Диарбекирский вилайеты.

2. Во главе каждого сектора назначается иностранный генеральный инспектор:

а) великие державы выдвигают генеральных инспекторов, которых назначает Высокая Порта¹;

б) права и обязанности генеральных инспекторов будут окончательно уточнены после их назначения, причем при их непосредственном содействии. Генеральные инспекторы назначаются на 10 лет. Если в какой-либо отрезок этого периода их должность останется вакантной, то в этом случае Высокая Порта в вопросе избрания нового генерального инспектора возлагает свою надежду на благосклонное содействие великих государств;

в) генеральному инспектору подчиняются администрация, правосудие, полиция и жандармерия данного сектора;

г) военные силы секторов находятся под ведением генеральных инспекторов для принятия мер в пределах своих компетенций;

д) если в секторе возникает такая ситуация, когда местные силы (полиция, жандармерия) будут недостаточны для сохранения порядка, то в этом случае для восстановления общественного порядка генеральный инспектор может требовать у центрального правительства военных сил, которые будут действовать по его указаниям согласно вверенным ему правам;

е) генеральный инспектор имеет право: отстранять от должности неспособных или безнравственных чиновников администрации всех рангов; предавать суду тех, кто обвиняется в преступлениях. Вместо уволенных чиновников низших рангов он имеет право назначать новых людей, которые будут удовлетворять требованиям данной должности, а предложения об увольнении высоких чиновников делаются султанским правительством. Обо всех уволенных чиновниках генеральный инспектор должен немедленно сообщать соответствующим министерствам краткими, обоснованными телеграммами, затем в течение одной недели дело каждого уволенного чиновника должно быть отправлено в министерство с предоставлением подробной докладной о причинах увольнения. В случае необходимости предпринять

¹ При этом Высокая Порта не имела права отклонять предложенных великими державами кандидатов, поэтому формулировка «назначает» носила, по сути, формальное значение и использовалась для удовлетворения турецкого самолюбия.

срочные меры, генеральный инспектор имеет право незамедлительно отстранять от должности постоянных судебных чиновников при условии, что об этом будет немедленно сообщено в департамент правосудия. Что касается высшего руководителя (вали) губернии (вилайета), находящейся в составе сектора, то генеральный инспектор не имеет права удалять его с должности, но, если *вали* совершит такое преступление, которое требует применения строгих мер, то генеральный инспектор об этом сообщает по телеграфу министру внутренних дел, который, в свою очередь, докладывает о случившемся Совету министров. Последний обязан вынести решение не позднее четырех дней с момента получения телеграммы генерального инспектора¹.

3. Земельные споры разрешаются под непосредственным контролем генерального инспектора.

4. Законы, послания и административные сообщения центральных властей будут объявляться в каждом секторе на местных языках. Это было новостью в практике Османской империи.

5. Если генеральный инспектор находит возможным, то любая сторона в суде и в административных учреждениях имеет право выступать на своем родном языке. Решения суда составляются на турецком и, по возможности, переводятся на язык сторон. Это также было новостью в турецкой действительности.

6. Школы содержатся как на средства общего бюджета вилайета, так и на деньги, собранные единоверцами. Императорское правительство никак не должно препятствовать тем, кто пожелает содействовать содержанию их национальных школ. Этот пункт постановления был чрезвычайно важен для армянства, которое обладало многочисленными школами. До этого налоги, взимаемые для нетурецких школ, обычно тратились на содержание турецких школ. Кроме этого, Высокая Порта обязывалась не препятствовать участию единоверцев в расходах на содержание общинных школ. Заметим, что подобное положение отсутствовало в декрете 1895 г.

7. В мирное время каждый османский подданный исполняет свою воинскую обязанность в том военном округе, в котором живет. Но при отправке сухопутных войск в отдаленные части Йемена, Ассира и Неджада имперское правительство будет пополнять эти войска из всех частей империи, соразмерно с численностью проживающих там

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3465. Л. 149об. (Коснувшись указанных положений о генеральных инспекторах акта 26 января, легко заметить, что предоставленные им на бумаге права превращали их не только в «инспекторов» администрации, суда, полиции и жандармерии данного сектора, но и в его верховных правителей. Генеральные инспекторы были компетентны назначать всех подчиненных должностных лиц и входить в Высокую Порту с предложением о назначении высших чиновников секторов: они могли увольнять всех чиновников администрации за некомпетентность, кроме *вали* – они даже могли отстранять от должности постоянных судей, извещая об этом министерство юстиции. Что касается *вали* (главных губернаторов), то в случае недовольства их действиями генеральные инспекторы посредством телеграфирования должны были об этом ставить в известность Высокую Порту, при этом Совет министров был обязан в течение четырех дней вынести решение. Ясно, что это решение не могло противоречить мнению генерального инспектора. А если Высокая Порта пожелала бы препятствовать увольнению последнего, то вряд ли это могло иметь место, поскольку, исходя из логики акта 26 января, в случае попытки замены вакансии инспектора, это привело бы к вмешательству держав).

национальностей. Морские силы будут пополняться со всех частей империи, а также за счет новобранцев. Этого требования также не было в декрете 1895 г.

8. Полки *хамидие* не расформируются, но превращаются в запасную конницу. Их вооружение будет находиться в военных хранилищах и будет раздаваться только при мобилизации и военных учениях. Они подчиняются командованию тех армейских подразделений, в районе которых находятся. В мирное время начальники полков выбираются из числа офицеров действующих османских войск. Солдаты этих полков несут свою воинскую службу в течение годового срока. Для вхождения в состав упомянутых полков воин должен на свои средства приобрести обмундирование и коня со снаряжением. Каждое лицо, которое проживает в определенном военном округе и принимает упомянутые требования без национального и религиозного различия, может записаться в упомянутые полки. При мобилизации или учении эти полки подчиняются общим дисциплинарным правилам, установленным для регулярных войск.

9. Во главе управлений шести вилайетов становятся отдельные законодательные собрания (энджумены), которые будут называться **генеральными советами** (собраниями):

а) компетенция генеральных советов вилайетов определяется согласно принципам закона 13 марта 1913 г. (1329). Генеральный совет собирается раз в год сроком на 40 дней. Если за этот срок станет невозможно разрешить все вопросы повестки, то с согласия местного губернатора сессия может продлиться еще 15 дней;

б) генеральный совет может также созывать чрезвычайные заседания, но для этого необходимо, чтобы по требованию двух третей его членов были предоставлены губернатору необходимые для этого обоснования;

в) председателем генерального совета является губернатор. Совет имеет помощника председателя и двух секретарей, которые избираются из числа членов совета;

г) правом на законодательную инициативу обладает не только губернатор, но и все члены совета. Заседающий раз в год генеральный совет заслушивает отчет губернатора о своей деятельности и обсуждает финансовый бюджет вилайета;

д) совету предоставляются также и другие права: он может требовать от правления и других управлений необходимые данные, от всех чиновников – объяснений; вносить изменения в принятые постановления в целях организации общественных дел, расширения народного образования, изыскания дополнительных санитарных и лечебных средств. Также совет имеет право на изменение системы податей и обсуждение системы выплаты налогов;

е) законы, принимаемые генеральным советом, должны издаваться на местных языках;

ж) разногласия между советом и губернатором разрешает генеральный инспектор;

з) реальная пропорциональность между различными религиями, национальностями и языками в вилайетах двух секторов будет определена посредством окончательной регистрации (переписи населения), которая проводится под контролем генеральных инспекторов по возможности не меньше, чем за годичный срок;

и) до этого в Ванском и Битлисском вилайетах члены генеральных советов (меджлисских умумов) и комитетов избираются в равном количестве – из числа мусульман и немусульман;

к) если окончательная регистрация населения в Эрзрумском вилайете не завершится за один год, то члены генеральных советов будут избраны по принципу равенства, как в вышеупомянутых двух вилайетах. А если регистрацией будет выяснено, что в губернии христиане составляют меньшинство, то данный принцип будет подвергнут пересмотру в пользу мусульман, то есть, войдет в силу пропорциональный принцип избрания состава совета;

л) составы советов остальных – Сивасского, Харбердского и Диарбекирского вилайетов – будут соответствовать численности местного мусульманского и армянского населения, то есть их члены с самого же начала должны избираться по принципу пропорциональности. Число мусульманских избирателей до завершения регистрации будет определяться по тем спискам, которые служили основой для последних выборов, а число немусульманских избирателей определяется по спискам, предоставленным соответствующим общинам, которые должны считаться официальными и не подлежащими изменениям.

Если по причине различных практических трудностей эта система не окажется целесообразной, генеральным инспекторам предоставляется право на внесение изменений в принцип распределения мест в генеральных собраниях в Сивасском, Харбердском и Диарбекирском вилайетах, которые наиболее соответствовали бы требованиям времени и нуждам вышеупомянутых вилайетов¹.

10. Реорганизуется работа административных органов:

а) в губерниях административные дела ведут губернские комитеты, которые избираются на сессиях генеральных советов. Каждый губернский комитет состоит из четырех человек;

б) задачами комитета являются подготовка необходимых законопроектов; утверждение финансовых счетов; сбор необходимых материалов для сессий генеральных советов;

в) в административных органах работают мусульмане и немусульмане. Если при распределении должностей декрет 1895 г. исходил из принципа пропорциональности, то по акту 26 января 1914 г. между мусульманами и немусульманами устанавливался принцип равенства.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3465. Л. 150а.

В тех губерниях, где численность мусульман и армян равна или приблизительно равна, комитеты формируются из двух армян и двух мусульман. В тех губерниях, где мусульмане составляют большинство, а армяне – меньшинство, для защиты прав последних в комитет включается хотя бы один христианин.

11. Этот принцип распределения должностей между мусульманами и немусульманами устанавливается также в полиции и жандармерии обоих секторов¹.

Таково было содержание Соглашения 26 января, которое, безусловно, явилось большим шагом вперед по сравнению с султанским декретом от 8 (20) октября 1895 года о выполнении реформ в Армении, который так и остался на бумаге.

Соглашение было на руку Высокой Порте. Ведь державы предоставили Турции привилегии, чтобы не оскорбить достоинства ее правительства! Основные из них касались двух вопросов:

1) российская сторона отказалась от мысли объединения всех армянских вилайетов в одну область и согласилась их сгруппировать в двух частях, как того желала Высокая Порта;

2) из программы преобразований было исключено наиболее важное для армян требование контроля над исполнением реформ особыми европейскими чиновниками.

Кроме этих двух исключенных по воле Высокой Порты требований русско-армянской стороны, были удовлетворены также требования Высокой Порты и по другим вопросам, которым она придавала особую важность. Несмотря на все эти недочеты, писал Погос Нубар-паша, «мы можем только радоваться тому, что, учитывая интересы всех, дипломатия сумела найти способ не подвергать опасности ни исполнение, ни продуктивность преобразований»². Оставалось их претворить, что было бы возможным, если бы державы действовали слаженно и сплоченно. «Мое внутреннее убеждение, – продолжал Погос Нубар, – заключается в том, что Порта заинтересована настолько же, насколько и армяне, [поэтому] она будет энергично претворять его [соглашение]. Потому что лишь полным претворением в жизнь преобразований завершится армянский вопрос. Поистине, их претворение – это восстановление безопасности и справедливости, они станут стимулом развития, будет обеспечено экономическое развитие, и совокупность всех этих деяний и естественно-го потенциала будет поставлена на службу империи, одним словом, это – восстановление Турции, во имя чего армяне, будучи верными подданными и добрыми патриотами, будут трудиться со всею сознательностью и энергией»³.

¹ Там же.

² Арарат. № 3, март 1914 г. С. 228.

³ Там же. С. 228–229.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОГЛАШЕНИЯ

Часть армянского общества считала Русско-турецкое соглашение от 26 января 1914 года не многообещающим, и этот пессимизм не был небезосновательным. При углубленном изучении этого документа приходим к тому убеждению, что претворение большей части его статей с самого же начала были обречены на неудачу.

Согласно программе реформ, управление армянскими губерниями по предложению великих держав ставилось под контроль иностранцев. Иными словами, для этих губерний фактически создавалось положение, которое было похоже на статус Ливана, но с тем преимуществом, что по Соглашению от 26 января их управляющие должны были быть иностранцами, в то время как генерал-губернатор Ливана являлся турецкоподданными. В то же время согласно этому Соглашению правовой статус, установленный для армянских губерний, по сравнению с султанским декретом 1895 года о преобразованиях в Армении, безусловно, был шагом вперед.

Но был ли этот шаг реальным на самом деле? Возможно ли было в действительности претворить в жизнь документ от 26 января?

Прежде всего начнем с того, что этот документ не предоставлял армянам тех сравнительно широких прав, которые предлагались в русской предварительной программе. Отсюда и проистекали все его существенные и второстепенные недостатки.

Турки и немцы добились того, что ставилось под сомнение восприятие термина «Армения» как родины армянского народа. Тысячелетняя отчизна, страна Армения, для многих должна была оставаться сугубо географическим названием.

Коренной недостаток программы преобразований в Армении относится именно к статусу генеральных инспекторов, тем, от кого зависела ее реализация.

Согласно Соглашению, семь армянских губерний, как и прежде, должны были иметь свои генеральные управления. Связь между губерниями, входящими в оба сектора, должна была осуществляться только двумя лицами – указанными генеральными инспекторами.

Смогли бы два прибывших из цивилизованной Европы человека решать возложенные на них программой задачи гигантских масштабов, причем в такой деспотической стране, как Турция, где административный аппарат и силовые структуры были коррумпированы? Очень сомнительно, что они в одиночку сумели направить деятельность отдельных губерний к одной общей цели.

В программе нет ни единого слова о европейском контроле, он заменен на так называемый контроль со стороны генеральных инспекторов. То есть это означало, что великие державы отныне не должны были тревожить Высокую Порту требованием от нее какого-либо отчета в случае невыполнения реформ в Армении.

Трудно понять, что означает формулировка, согласно которой инспекторы должны были иметь «непосредственное участие» в усилиях, направленных на сглаживание земельных разногласий, возникающих между армянами и мусульманами. В Турецкой Армении земельные проблемы возникали каждый день, ежегодно – тысячами, и эти двое инспекторов, если даже оказались бы чрезвычайно энергичными и деятельными, физически не смогли бы принимать участие в расследовании даже одной десятой части разногласий, а также в вынесении решений.

В документе одним из нерешенных вопросов было обстоятельство, связанное с передачей, в случае необходимости, генеральным инспекторам военной власти, то есть командования над турецкими войсками, на что в акте только намекалось. Но невозможно было вообразить, что младотурки согласились бы, даже в отдельных необходимых случаях, поручить генеральным инспекторам командование турецкими военными частями в провинциях, сопредельных с Россией. Понятно, что сказанное вскользь в программе о командных правах генеральных инспекторов над турецкими войсками в двух армянских секторах было не чем иным, как недоразумением.

Вопросы вызывал и пункт программы, связанный с обязанностями инспекторов примирять губернаторов с генеральными советами, так как ничего не говорилось о рычагах воздействия на турецких высокопоставленных чиновников.

Соглашением 26 января не предусматривались ломка, чистка, благоустройство отсталой, погрязшей во взяточничестве османской судебной-правовой системы. Здесь эти вопросы были обойдены, если не считать того, что в судах сторонам разрешалось изъясняться на родном языке. Но как должно было налаживаться судебное дело, какого типа суды должны были действовать, как должны были назначаться судьи и т.п. – обо всем этом в программе не было ни одного слова. Каким образом в подобных условиях должен был осуществляться контроль генеральных инспекторов над этой криминализованной системой? Трудно представить, как же они должны были преобразовать эту систему и направить ее в русло законности?

Если генеральный инспектор не был компетентен назначать губернатора, то он, согласно программе, назначал остальных административных чиновников. Но по чьему представлению должно было производиться это назначение? Об этом в документе не говорилось ни слова, но, предположительно, по представлению губернатора. Таким образом, административные чиновники должны были полностью зависеть от губернатора и непосредственно руководствоваться его указаниями.

Вопрос распределения должностей между мусульманами и немусульманами в административных органах, полиции и жандармерии, а также в остальных ведомствах был одним из важнейших.

Напомним, что декрет 1895 года устанавливал пропорциональный принцип распределения должностей. Относительно полиции и жандармерии документ от 26 января устанавливал принцип равенства между мусульманами и немусульманами в той мере, в какой открывались бы вакантные должности, а также в тех случаях, если генеральные инспекторы находили бы этот принцип уместным. Такой подход не повредил бы христианскому населению, разумеется, он реально действовал. Но дело в том, что положение о пропорциональности в декрете 1895 года все еще оставалось на бумаге, посему не было никаких гарантий в том, что такая же участь не постигнет принцип равенства в Соглашении от 26 января, например в Битлисском и Ванском вилайетах.

В программе преобразований был освещен вопрос отношений между генеральными инспекторами и турецким правительством. Неясно было – имела ли право Высокая Порта удалять с должности неспособного, провалившего дело инспектора и заменять его другим или для его удаления и назначения нового было необходимо согласие великих держав?

Под вопросом оставалось и следующее: должны ли считаться чиновниками Турции генеральные инспекторы, назначенные при обязательной гарантии держав, или они должны выступать лишь в качестве исполнителей международного контроля над процессом преобразований в Армении? Если Высокой Порте удалось бы превратить инспекторов в османских чиновников, то тогда даже самая лучшая программа стала бы неэффективной.

Ко всему этому добавим и то, что институт двух наивысших персон: генеральных инспекторов – еще не был определен. Пределы их полномочий должны были выясниться в дальнейшем, как было сказано в программе – во время консультаций (посольских совещаний) послов великих держав в Константинополе.

Значит, что же тогда оставалось от полномочий генерального инспектора? Чем он должен был заниматься? Точный ответ на этот вопрос дал А. Мясникян (Мартуни): «Только получать жалованье»¹.

Роль стоящего во главе губернии губернатора (вали) в программе не определена в должной мере, но сквозь ее строки сразу же возвышается его могучий облик.

Не напрасно газета «Усабер» (Каир) отмечала: «Остается уточнить весьма важный вопрос: каким образом должны улаживаться споры между генерал-инспекторами и заместителями? В турецких государственных кругах считается недопустимым наделять полномочиями, сглаживать такие проблемы представителей неосманской власти и подвергать таким образом опасности независимость государства»².

Согласно программе, весь административный механизм в губерниях по-прежнему должен был оставаться в руках губернаторов.

¹ Мшак. № 28, 7 февраля 1914 г.

² Юсабер (рус. *Вестник надежды*, на арм. яз.). № 182, 3 (16) января 1914 г.

Они не должны были иметь какой-либо зависимости от генеральных инспекторов двух секторов. Губернаторы, как обычно, должны были назначаться верховной властью страны, следовательно, они полностью были бы защищены гарантией иттихадского комитета и согласием Высокой Порты. И если в этих условиях важными представителями управлений продолжали бы оставаться губернаторы, а не генеральные инспекторы, то оставался непроясненным вопрос: каким образом последние могли производить административный контроль в рамках секторов?

Перейдем к разделу, относящемуся к **законодательству**.

Согласно документу, каждая губерния двух секторов (областей) Армении должна была иметь законодательный орган, который в программе назывался генеральным (главным) советом (или собранием).

Как уже известно читателю из документа, генеральный совет должен был иметь ряд важнейших прав и полномочий. Однако при внимательном изучении этих прав выяснялось, что они прежде всего были формальными, а не реальными. Было решено, что председатель этого предполагаемого законодательного органа, генерального совета, не должен был избираться из числа его членов, им должен был быть всесильный губернатор-вали. Что касается генерального инспектора, то он практически не имел никакого влияния на так называемый законодательный орган. Будучи председателем совета, губернатор должен был направлять его деятельность, влиять на принимаемые решения, меняя согласно своей воле их содержание. Более того, вали имел право утверждать либо отклонять постановления совета, а это означало, что он мог вообще приостанавливать на неопределенное время работу консультативного органа. Характерно, что в генеральном совете не должно было быть комиссий, в его составе мог быть лишь комитет из четырех человек, занимающийся подготовкой ежегодной 40-дневной сессии. Совет мог продлевать сессию с позволения вали. Созывы внеочередных сессий совета также зависели от губернатора. Наконец, он должен был иметь право на законодательную инициативу.

Из всего вышеизложенного следует, что генеральный совет был лишен каких-либо рычагов воздействия на губернатора, и более того, он был призван поддерживать вали. Это означало, что этому органу было дано намного меньше полномочий на местах, чем земствам в России. Поскольку это формальное образование должно было служить некоей политической декорацией демократии, карикатурным подобием законодательных собраний швейцарских кантонов, наивно было ожидать, что этот орган в состоянии осуществлять законодательство.

Утверждаемые и проводимые генеральными советами мероприятия, так же, как и порядок расходования сумм, представляемых губерниям, находились в распоряжении турецких чиновников. Право совета требовать от последних отчеты и объяснения было формальным, и им можно было легко пренебречь.

И наконец, заслуживает внимания состав советов. Были predeterminedены лишь национальные соотношения членов советов, но не было известно – по какой выборной системе они должны были формироваться. Согласно программе, в советах двух губерний (Ван, Битлис) армяне должны были составить ровно половину их количества, несмотря на то что их было явное большинство в этих губерниях. В одной губернии – Эрзрумской – также половину, до новой переписи населения. В Сивасской, Харбердской и Трапезундской губерниях, разумеется, большинством являлись мусульмане. Что касается Диарбекирской губернии, то хотя здесь большинство составляли христиане, но властям было не трудно сфальсифицировать данные и большинство представить как меньшинство.

Турецкое правительство как прежде, так и в этот раз фальсифицировало статистические данные таким образом, чтобы повсюду христиане на бумаге составляли меньшинство. Поскольку председателями генеральных советов всех губерний (вилайетов) должны были быть губернаторы, постольку в советах двух указанных губерний (вилайетов) также преимущество получали мусульмане, несмотря на то что армяне составляли половину их членов.

Таким образом, согласно программе преобразований губернаторы двух секторов Армении должны были быть совершенно независимыми от генеральных инспекторов, а генеральные губернские советы должны были служить их же губернаторам!

В цивилизованных странах губернатор подчиняется центральному правительству и руководствуется законодательством государства. В Турции же, хотя губернатор формально и был подчинен центральному правительству, на деле был суверенным князем, местным царьком. Он в одном лице является воплощением и закона, и законодательства, а тем более на территории, которая была костью в горле турецкого правительства, имя которой было Армения. Невозможно представить, чтобы турецкий, курдский или черкесский губернатор вдруг стал бы законопослушным!

Авторы программы, вероятно, принимая во внимание вышеупомянутые обстоятельства, выдвигали требование создания так называемых провинциальных (в документе именуются губернскими) комитетов.

Административный орган под названием **губернский комитет** должен был создаваться при каждом губернском генеральном совете, который, как уже говорилось, должен был состоять из четырех человек и избираться членами совета.

Губернские комитеты должны были выступать в качестве органов, содействующих генеральным советам, следовательно, должны были стать помощниками, обслуживающими губернаторов, их маленькими канцеляриями.

Ко всему этому добавили еще одно обстоятельство. Дело в том, что преобразования относились только лишь к Армении, к ее шести вилайетам. Как известно, в Армении жила лишь половина турецкого армянства. Значит, автономия Армении не должна была распространяться на вторую половину западных армян, которые были рассеяны по всей территории государства. В каком статусе должны были оказаться 350 тысяч армян, живущих в Константинополе и на берегах Мраморного моря, какими средствами должны были обладать они для защиты своих национальных прав? Ведь никто не мог им советовать переселиться в Армению?! По-прежнему их судьба должна была находиться в руках большинства османского парламента и турецких властей, для которых частные национальные стремления армян не были понятными и приемлемыми.

Следовательно, преобразования в Армении ничего не давали армянам, живущим вне ее пределов¹.

Таковой была реальная ценность преобразуемой Армении. И не случайно, что этот документ в армянском обществе вызвал весьма противоречивые оценки.

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ЧУВСТВА АРМЯН

Соглашение от 26 января было воспринято армянским народом неоднозначно. Если оценки Национальной делегации и Армянской церкви были безоговорочно положительными, то отношение к нему в армянском обществе было далеко не однозначным. То есть в армянском мире одновременно имели место как оптимистичные, так и пессимистичные настроения по этому вопросу.

Первым оптимистом был сам Погос Нубар-паша.

В интервью², данном корреспонденту Российского телеграфного агентства, Погос Нубар, на вопрос о том, **верит ли он тому, что Турция осуществит только что обещанные преобразования**, отвечал: *У меня нет оснований сомневаться в том, что Высокая Порта выполнит свое обещание, потому что программа преобразований в окончательной редакции подписана османским правительством и послана великих государств в Константинополе. Кроме этого, Турция не может забыть того, что Балканская война началась и потеря ее европейских провинций произошла из-за того, что она не провела реформы в Македонии. Турция поняла, что для обеспечения целостности ее империи введение преобразований вытекает из ее интересов. А великие державы со своей стороны объявили, что такая, на самом деле, и их политика.*

– Но где гарантия того, что 61-я статья Берлинского трактата, которая неоднократно нарушалась, наконец будет исполнена?

¹ Об этом еще за несколько лет до подписания Соглашения писала газета «Азатамарт» (рус. *Освободитель*, на арм. яз.). № 16, 31 сентября – 13 октября 1911 г.

² Здесь и далее приводится фрагмент этого интервью (см.: Мшак. № 59, 18 февраля 1914 г.).

– По 61-й статье Берлинского трактата Турция обязывалась ввести преобразования в своих провинциях под контролем европейских государств. Однако Турция считала такой контроль унижительным для себя и отказалась дать свое согласие. К счастью, дипломатии удалось найти формулу, удовлетворившую скрупулезность Высокой Порты. Ныне этот контроль должен выполняться не прямым путем – отдельными делегатами великих держав, а Турция сама должна избирать двух генеральных инспекторов из числа подданных нейтральных государств из того списка кандидатов, который будет предложен ей государствами. На этих двух наделенных широкими полномочиями инспекторов должна быть возложена миссия введения преобразований в армянских провинциях. Таким путем было пощажено самолюбие Турции, так как оба инспектора должны назначаться ею и они должны считаться османскими чиновниками.

Что касается держав, они получают гарантию того, что инспекторы будут избираться из предлагаемых кандидатов и получают весьма широкие полномочия.

– А сами армяне удовлетворятся ли таким новым решением вопроса? Мне приходилось бывать на двух армянских митингах в Каире и Александрии, и я понял, что пропагандируемые здесь средства несколько отличаются от тех, которые используются дипломатией.

– Несомненно, среди нас, так же как и среди других народов, есть восторженные утописты, однако могу вас уверить в том, что турецкие армяне, дело которых [мне] довелось взять под свою защиту, требуют только преобразований, чтобы защитить свою жизнь и добиться справедливости. Полученный ими статус, хотя и содержит некоторые недостатки, отвечает скромным требованиям армян. Он положит конец нынешней анархической ситуации. Я получил подтверждения этому и свидетельства единодушной благодарности.

Выражая в конце свою признательность российскому правительству, Нубар-паша заверял, что абсолютное большинство армянского народа преисполнено глубокими чувствами благодарности к России, к ее правительству, которое, заботясь о помощи многострадающему армянству Турции, ценой тяжелой дипломатической борьбы, дивившейся целый год, сумело достичь Соглашения 26 января. Вмешательство не только помогло армянам, но и способствовало нейтрализации опасностей, угрожавших европейскому миру.

«Хотелось бы сообщить, также, – говорил Погос Нубар-паша, – что имя кесаря Николая II останется глубоко запечатленным в сердцах армян, проживающих во всех государствах мира, а также в России, и благодарных за Соглашение 26 января, которое нашим братьям в Анатолии дает право на жизнь»¹.

¹ Мшак. № 59, 18 февраля 1914 г.

Неподдельное чувство удовлетворения царило в Эчмиадзине. Католикос всех армян получал по телеграфу многочисленные обращения и приветствия из России, Турции, Персии, стран Европы, Америки.

Тепло поздравил католикоса кавказский наместник князь Илларион Иванович Воронцов-Дашков. В своем письме от 16 марта 1914 г. наместник выражал свою радость в связи с имевшим место событием и желал турецким армянам благоденствия и спокойной жизни¹.

По случаю достигнутого соглашения Погос Нубар направил из Парижа телеграмму в Эчмиадзин католикосу Геворгу V: «Я счастлив поздравить Ваше Святейшество со счастливым завершением соглашения об армянских реформах. Благодаря энергичной деятельности правительства Его Величества Царя и мудрому дальновидению и высокому руководству Вашего Святейшества наши братья в Азиатской Турции могут отныне жить при режиме безопасности и справедливости»².

На следующий день после подписания Соглашения, 27 января 1914 г., армянский Константинопольский патриарх Завен послал письмо относительно армянского вопроса в Эчмиадзин, сообщая Святейшему патриарху Геворгу V важные сведения, при этом подчеркивая ту историческую роль, которую католикос сыграл в деле продвижения армянского вопроса. Константинопольский патриарх писал: «Наш национальный Процесс подошел к своему первому пристанищу. Считаем нашим первейшим и священным долгом, во имя нас и собраний³, выразить глубочайшую признательность Вашему Св. Помазанничеству в том, что Вы услышали мольбы Вашей многострадальной армянской паствы в Турции и не пожалели ничего во имя благоустройства их положения. Я счастлив сказать, что усилия Вашего Святейшества не остались бесплодными, и сегодня я должен с радостью известить о том, что окончательно состоялось соглашение вокруг основных частей армянских требований между Высокой Портой и русским правительством»⁴.

На имя католикоса пришли и другие поздравительные телеграммы. Член Национальной делегации архиепископ Геворг писал из Манчестера: «Имя Вашего Святейшества воистину останется бессмертным в ряду знаменитых патриархов»⁵. А другой член делегации Арутюн Мостичян в своей телеграмме из Лондона писал: «Предприимчивость, проявленная Вашим высоким Патриаршим Святейшеством во имя благоустройства положения армян армянских губерний Турции, станет одной из блистательных страниц армянской национальной летописи, и все нынешнее и будущее армянство будет благодарно за это Вашему Св. Помазанничеству»⁶.

¹ НАА. Ф. 1262 (113). Сп. 3. Д. 1172. Л. 26.

² Мшак. № 27, 6 февраля 1914 г.

³ Политические и церковные собрания Константинопольского патриаршества.

⁴ НАА. Ф. 1262 (113). Сп. 3. Д. 1178. Л. 2.

⁵ Арарат. № 3, март. 1914. С. 218.

⁶ Там же.

Неоспорима роль католикоса Геворга V, который сделал удачный выбор в лице Погоса Нубар-паши как самой деятельной и умелой личности для защиты армянского национального дела, ради которого он в течение целого года усердно работал, действуя с предельным напряжением, не жалея ни времени, ни средств. Благодаря всем этим жертвам он сумел достичь ощутимого результата.

За телеграммой Погоса Нубара в Эчмиадзин последовал ответ Геворга V от 29 января Нубар-паше по случаю успешного завершения дела: *«Paris, 12, Avenue du Trocadéro, Благодарю Ваше Высокоблагородие за Вашу энергичную деятельность по введению преобразований в Турции. Я счастлив, что дело братьев наших продвигается успешно. Молю о Божьем благословении для Вас и Вашей семьи.*

Католикос всех армян Геворг»¹.

Геворг V 20 февраля 1914 г. также провозгласил кондак во имя Погоса Нубар-паши. Высоко оценивая самоотверженный и смелый труд предводителя Армянской национальной делегации и выражая свою горячую симпатию и совершенное удовлетворение, а также чувства признательности Эчмиадзинского престола, католикос подчеркивал: *«Воистину, Вы, достойный отпрыск достославного отца, своей человеколюбивой деятельностью во благо нации обессмертили свое имя и оставили добрую и светлую память в нашей национальной истории... Мы, Верховный Патриарх и Католикос Всех Армян, сим Патриаршим Кондаком Нашим выражаем Вашему Высокоблагородию Наше совершенное удовлетворение и сердечную благодарность, простирая обильные благословения на Вас, на род Ваш благородный и на любимых чад Ваших»².*

Из Парижа следует ответная телеграмма Нубар-паши от 21 февраля: *«Я счастлив преподнести Вашему Святейшему почтительные поздравления по случаю успешного достижения соглашения о преобразованиях Армении, достигнутого благодаря энергичной деятельности правительства Его Величества Императора Российского и Вашему мудрому дальновидению и высоким указаниям. Наши братья в Азиатской Турции отныне будут иметь возможность жить под справедливым и безопасным управлением». Затем, считая завершенным свое и возглавляемой им делегации дело, он выражает благодарность католикосу «за оказанное доверие и великую честь»³.*

Авторы многочисленных публикаций в армянской прессе называли Нубар-пашу одной из уникальных личностей в истории армянского народа, сделавшей благодаря своему дипломатическому таланту больше, чем все общественные и политические деятели вместе взятые.

Как ни странно, щедрые слова одобрения в адрес Погоса Нубара расточала и партия «Дашнакцутюн». Это был исключительный случай,

¹ Арарат. № 2, февраль. 1914. С. 121.

² НАА. Ф. 57. Ст. 5. Д. 68. Л. 1.

³ Там же. Д. 47. Л. 17.

когда партия отзывалась положительно о каком-либо деятеле, не состоявшем в ее рядах.

Газета «Дрошак» писала: «К счастью, Погос Нубар оказался крупным, талантливым деятелем и в одиночку сделал больше, чем вся армянская буржуазия. За полтора года своей неутомимой патриотической деятельности он вписал свою страницу в новейшую историю армянского народа. Сейчас не время и не место для раскрытия подробностей этой деятельности, для перечисления тех трудностей, которые преодолевал Нубар в европейских кабинетах благодаря своей могучей и убедительной логике ради обеспечения правильного хода армянского вопроса. [Хотя] мы еще далеки, разумеется, от полного завершения этого процесса...»¹

Партия «Дашнакцутюн» выступила с заявлением о том, что она отныне не ставит вопроса о том, какая политическая сила в армянском обществе выполняет полезное для нации дело. Для нее главное – быть полезным родному народу. «Мы готовы с удовлетворением и энтузиазмом воздавать хвалу тем делам и тем лицам, которые выступают на арену вне наших рядов, чтобы служить нашему многострадальному народу. К этой категории принадлежит личность Погоса Нубара, которую мы не можем не приветствовать как феномен нашей действительности, несмотря на то, что расстояние между его и нашими взглядами велико. Чем больше будет таких людей, тем лучше, ибо, действительно, приводит в отчаяние дефицит людей, ужасает нехватка могучих, компетентных деятелей в нашей отечественной буржуазии... Несмотря на наши идейные разногласия нас всегда должна объединять искренняя любовь к отчизне, честная и преданная работа на благо родного народа и национальных интересов и прав»².

Заслуги Погоса Нубара были высоко оценены и в Европе. В газете «Genève» (Швейцария) за 17 февраля 1914 г. автор (подпись «F. V.») статьи писал: «Ничего бы не получилось, если бы не его долгие и бесчисленные переговоры с правительствами европейских государств»³.

Бывший премьер-министр Франции и известный общественный деятель Жорж Клемансо в своей статье в газете «L'homme libre» за 15 февраля 1914 г. писал о том, что Русско-турецкое соглашение было достигнуто благодаря «гибкой и последовательной великолепной натуре» Погоса Нубара, который привлек к себе симпатии европейских правительств. В качестве главы Национальной делегации он не провел ни одного дня без затраты усилий на борьбу за справедливое дело родного народа.

Кавказская армянская печать предлагала католикус Геворгу V выразить чувства признательности армянской нации Его Императорскому Величеству, министру иностранных дел России, а также всем тем российским дипломатам, которые занимались

¹ Дрошак. № 1, январь 1914 г. С. 3.

² Там же. С. 4.

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3474. Л. 150б–16.

армянским вопросом, а также и кавказскому наместнику, который с большой благожелательностью относился к стремлениям турецких армян и, в частности, в своей докладной в Петербург подчеркивал, что Россия крайне заинтересована в улучшении положения армян в Турции и избавлении их от страданий.

Его Святейшество Геворг V через посредство наместника, отправляет послание Императору Николаю II. Через русское посольство в Константинополе русскому царю адресует послание также патриарх турецких армян.

По случаю Соглашения 26 января Католикос всех армян адресовал теплые слова (по телеграфу) российскому министру иностранных дел Сергею Сазонову: «В эти исторические в жизни турецких армян дни, когда благодаря твердой и высокогуманной политике Вашего высокопревосходительства закладываются основы мирного и культурного развития духовных сил моей паствы, где до сих пор господствовала система последовательного уничтожения христианского населения, когда великое дело Царя Освободителя начинает воплощаться в живую действительность на благо и преуспевание целого народа, переносившего в течение веков непрерывные преследования за привязанность к древнейшей христианской религии и за тяготение к Великой России, когда по Державной воле моего возлюбленного Монарха Государа Императора Николая II армянский народ вновь призывается на историческую арену как единственный способный проводить в Азиатской Турции начала европейской духовной и материальной культуры, в эти исторические дни считаю своим священным долгом выразить Вашему высокопревосходительству от имени своего и всего армянского народа чувство искренней благодарности»¹.

16 апреля 1914 г. Геворг V отправляет большое письмо в Тифлис кавказскому наместнику Воронцову-Дашкову, выражает ему чувства признательности от своего имени и от всего армянского народа: «Считаю своей первой обязанностью выразить мою горячую признательность Вам за все Ваши дела во благо армянского народа, на протяжении всей Вашей деятельности начиная со дня Вашего прибытия на Кавказ. Вы, Ваше Сиятельство, явились толкователем истинных стремлений армянского народа, вновь утвердили его доброе имя у императорского правительства»². Затем, «устранив благотворными средствами преграды к мирному развитию армян России, Вы Вашим авторитетным словом весьма способствовали также и успешному разрешению армянского вопроса в Турции, ибо без доброжелательной политики, проводимой Вами, нельзя было надеяться на то могучее вмешательство России в дело турецких армян, без которого было бы невозможно достигнуть столь благоприятных результатов»³.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3474. Л. 15об–16.

² НАА. Ф. 1262 (113). Сп. 3. Д. 1172. Л. 26.

³ Там же.

Основная тяжесть работ, выполненных по созданию Соглашения, лежала на плечах российского посла в Константинополе Михаила Гирса, первого драгомана посольства Андрея Мандельштама и министра иностранных дел Сергея Сазонова. Их высоко ценили российское правительство, русские и армянские политические и общественные деятели. Но особенно неоценимой была роль посла Гирса, которому пришлось бороться с множеством трудностей. С одной стороны, он смог по мере сил исполнить желание армян и достичь для них широких преобразований, с другой – он не жалел своих сил для преодоления сопротивления турецкого правительства, которое делало всё, чтобы свести на нет существенные части программы реформ. В официальном документе Министерства иностранных дел России читаем: «Все основные работы в достижении соглашения с Высокой Портой лежали на представителе России в Константинополе, чьи умелость и энергия довольно известны...»¹

Как при подготовке предварительного проекта армянских реформ, так и в установлении сотрудничества с Армянским константинопольским патриаршеством неоценимой была роль первого драгомана русского посольства в Константинополе, государственно-советника Андрея Мандельштама².

Католикос Геворг V, через посредство кавказского наместничества, от имени своих верующих и всего армянского народа шлет послания горячей признательности вышеотмеченным русским дипломатам. На имя Сазонова и Гирса посылает благодарственные письма и Константинопольский патриарх³.

За бурными проявлениями чувств благодарности армян в адрес русских дипломатов и других деятелей наблюдали не только в Турции, но и в европейских столицах.

Так, поверенный в делах Франции в Константинополе 25 февраля 1914 г. направил официальную записку министру иностранных дел Думергу, в которой отмечал, что армянские деятели «громогласно объявляют о своей признательности России, которую ныне они считают главным покровителем их нации»⁴.

Несмотря на большие сомнения и скептицизм вокруг продуктивности Соглашения, тем не менее оно многими было расценено как важный этап на пути окончательного разрешения армянского вопроса. В особенности, многие представители армянской интеллигенции были удовлетворены этим небольшим успехом. Ваан Папазян вспоминал: «Ликование было всеобщим. Все мы были уверены, что открылся новый период возрождения. Мы считали достигнутые

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3465. Л. 151об.

² Там же.

³ Принимая во внимание тяжесть претворения реформ, русское правительство нашло необходимым вести более тонкую политику и предусматривало вместо Гирса послом в Константинополе назначить Извольского (см.: Мшак. № 21, 30 января 1914 г.). В феврале 1914 г. Коковцева на посту премьер-министра сменил Горемыкин.

⁴ Армения в документах международной дипломатии ... С. 363.

реформы первым этапом для более широкого и свободного будущего развития»¹. Люди были убеждены в том, что «на этот раз преобразования будут серьезны, и на родной земле зацветет новая жизнь»².

В своем письме одному из друзей (видимо, Аршаку Чопаняну³. – Г. С.), расценивая Русско-турецкое соглашение как большое событие, член парламента Турции, юрист, знаменитый западноармянский писатель Григор Зограп писал: «За шесть последних месяцев сегодня впервые я радуюсь»⁴.

Более того, наиболее оптимистичная часть армянских деятелей России восприняла программу преобразований как подобие чуда⁵. Экономист Рубен Берберян писал: «Чудо? Почему бы и нет?! Человеческая история на пути своего развития более всего подвергалась последствиям неожиданных политических событий, иначе говоря – чудесам, чем закономерным и предвиденным, ожидаемым результатам. Достаточно вспомнить исторические события последних пятнадцати лет и неожиданные последствия, чтобы сказать: “не свершилось то, что ожидалось, а свершилось то, что считалось невозможным”»⁶

Такого же мнения был Ав. Исаакян. В своем письме, посланном из Берлина в Америку С. Врацяну он писал: «Я не так пессимистично, как ты, смотрю на предстоящее реформы. Мне кажется – чем меньших размеров [будут] реформы, тем они будут более осуществимы. И какая польза от крупных программ, если они остаются лишь на бумаге? Надо рассуждать трезво: пока что автономия невозможна. Немного позже, через лет 10, мы начнем формироваться как нация. У нас есть будущее, и путь наш начертан. Так будем же ступать по нему с радостью и энергично. И неплохо будет, если вернешься на родину: постыла не только Америка, но и Европа. Поезжай в Ван, в Карин, и я тоже приеду...»⁷

Тому же Симону Врацяну писал Барсег Шахбаз: «Поведали мне о том, что несколько человек, узнав о том, что Погос-паша телеграфировал об окончательном решении арм. вопроса, пошли и продали свои револьверы, потому что они им больше не понадобятся»⁸.

В отдельных случаях воодушевление дошло до крайности.

Так, если руководство партии «Гнчак» считало программу армянских реформ неполной и бесперспективной, то ее отдельные печатные органы и партийные деятели не разделяли пессимизма своего руководства и проявляли чрезмерное воодушевление. Издававшаяся в Тавризе гнчакистская газета «Митк» («Мысль») в передовице с ликованием возглашала:

¹ Папазян В. Мои воспоминания. С. 272.

² Митк (рус. Мысль, Тавриз). № 6 (26). 15 февраля 1914 г. (на арм. яз.).

³ Из письма не понятно, кому оно адресовано.

⁴ МЛИ. Фонд Григора Зограпа. Пап. 2178^а. Л. 1–6.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Айренник (рус. Родина, на арм. яз.). № 6 (210), апрель 1940 г. С. 62.

⁷ Врацян С. Старые документы для новой истории (на арм. яз.). С. 347.

⁸ Вэм (Париж). № 1, январь – апрель 1935. С. 93. (на арм. яз.).

«Армянские реформы! ... Мечты свершились...

Мы достигли нашей Страны Обетованной.

Очень часто наши светлые надежды на обязательное выполнение обещанных реформ заканчивались горькими разочарованиями и тяжелейшими тревогами. Будем надеяться, что в этот раз мы уже не столкнемся с привычным разочарованием. Давайте надеяться и пожелаем добра...»

В атмосфере этих восторженных настроений в своем циркулярном послании от 17 февраля 1914 г. главам церковных епархий патриарх Завен предлагал провести точную перепись армянского населения Турции, составить подробные описи отнятых у армян земель и недвижимого имущества, детально изучить и представить в патриархат список тех лиц, которые будут способны взять на себя должности в административных, судебных и полицейско-жандармских учреждениях в армянских вилайетах¹.

На Соглашение от 26 января отреагировали почти все органы армянской печати. «Мшак», «Аревик», «Оризон», «Бюзандион» в течение всего 1913 года широко освещали деятельность Армянской делегации и дипломатических служб государств, сейчас обобщали свои публикации, проводили критический анализ Соглашения, раскрывая перед своими читателями его достоинства и недостатки.

Но воодушевлены были далеко не все армяне.

В своем письме Аршаку Чопяняну Григор Зограп писал с внутренней тревогой: «Достигнутое нами – это лишь для некоторого периода времени, и оно отнюдь не уточняет нашей извечной судьбы: мы обеспечили себе некоторый *étape* мирного развития, не более того»².

Основные массы турецких армян оставались скептиками, они не питали доверия к реализации программы реформ. Учитывая горькие испытания прошлых времен и беспредельное коварство турецкой дипломатии, газета «Дрошак» считала, что не следует пребывать в беспечности, ослаблять бдительность, ибо достигнутый результат каждую минуту может подвергнуться опасности: «В какой мере и сколько времени будут выполняться реформы, что ждет два сектора, учрежденных в Армении, какие планы вынашивают русские и немецкие дипломаты, что будет в предстоящую весну, какая новая катастрофа обрушится на Турцию? Предугадать никто не может. Давайте не мучить наши умы бесполезными прогнозами и пророчествами, а станем исполнять наш долг, будем бдительны каждую минуту и, что самое важное, давайте поддержим морально и подбодрим народ нашей страны, дадим ему возможность и средства защищать самого себя и преодолеть ту подавленность и отчаяние, неизбежным последствием которых является губительный, убийственный для Отчизны исход...»³

¹ НАА. Ф. 200. Сп. 1. Д. 3. Л. 24.

² Письма западно-армянских писателей. Научное наследство (на арм. яз.). Кн. VI. Вып. I. Ереван, 1972. С. 51. (на арм. яз.).

³ Дрошак. № 1, январь 1914 г. С. 4.

В вышеупомянутом письме С. Врацяну Шахбаз подчеркивал, что «никто не верит в эти преобразования... все скептики»¹.

Более того, знакомясь с программой армянских реформ, многие даже приходили к убеждению, что она не может стать бальзамом для ран армянского народа. Одно дело строить планы, другое дело – их претворять. Они полагали, что для армянской нации, может быть, более предпочтительным было «гамидовское» время, когда у армян, во всяком случае, была значительная культурная автономия – армянские школы, использование национального языка в судах и т.д.

Тифлисская либеральная газета «Мшак» сначала тепло приветствовала Соглашение 26 января и, обращаясь к западным армянам, писала: «Восходит солнце над вашей любимой родиной, Отчизной! Довольно страданий и крови, пролитой вами! Теперь – к мирному, спокойному творческому созиданию!» Однако ее воодушевление было кратковременным. Спустя два месяца редактор газеты А. Аракелян, проанализировав состояние Турецкой Армении, отмечал, что над ней продолжает нависать большая опасность². В другом номере газета напечатала статью своего корреспондента, полученную из Эрзрума, где были такие строки: «Армянский народ уже не верит ни в бред об армянской автономии, ни в благоустройство страны под европейским контролем... У армянского населения есть лишь одна реальная надежда, связанная с приходом русских»³. В других многочисленных статьях газета подчеркивала, что Соглашение о реформах не выдвигает каких-нибудь политических вопросов, сводя всё только лишь к разговорам о физическом существовании турецких армян и о защите их элементарнейших прав на свою собственность.

Любому человеку было доподлинно известно, что это далеко не первый раз, когда Турция под давлением Европы вынужденно принимала программу преобразований в Армении. Но дело в том, что торжественно заключенные в прошлом соглашения турецкие государственные мужи каждый раз толковали по своему усмотрению. Своими действиями они отнюдь не устраняли трудности, а наоборот, создавали новые проблемы. Принимая выдвигаемые Европой условия, Высокая Порта в следующую минуту начинала вынашивать планы для затягивания их внедрения с тем, чтобы создать почву для очередных торгов. И наконец, когда представлялся удобный момент, не колеблясь, одним махом уничтожала всё, что с таким трудом было достигнуто благодаря многочисленным изнурительным переговорам.

Корреспондент из Вана писал: «Весть о завершении вопроса преобразований нас не так уж вдохновила. Совсем не то испытали мы в октябре 1895 года, когда нам объявили о преобразованиях, подобных нынешним. Но тогда наша радость была непродолжительной,

¹ Вэм. № 1, январь – апрель, 1935. С. 93. (на арм. яз.).

² Мшак. № 33, 13 февраля 1914 г.

³ Там же. № 77, 13 апреля 1914 г.

так как вскоре последовали побоища, кровь и разорение. Турция даже и сегодня способна на такой зверский акт, если над ее головой не нависнет угроза со стороны ее северного соседа. И потому мы не только не воодушевлены, но и полны недоверия. <...> Мы лишь тогда сможем убедиться в серьезности преобразований, когда они осуществляются»¹.

А были ли гарантии в том, что преобразования обязательно должны были осуществиться? Именно этот вопрос как десятилетия назад, так и в эти дни оставался открытым и нерешенным. Таких гарантий не было, и поэтому армяне не смирялись с тем фактом, что вопрос контроля выбыл из Соглашения 26 января. Между заинтересованными государствами в вопросе гарантий при реализации договоренностей не было, поскольку они подходили к его содержанию, исходя из собственных интересов. Вот тот гордиев узел, который не могла развязать ни одна держава.

Автор статьи в вышеупомянутой швейцарской газете ("Genève", 17.II) писал: «Я внутренне сомневаюсь в претворении преобразований и в окончательной судьбе программы. Я пытаюсь убедить самого себя в том, что они не останутся только на бумаге, подобно всем предыдущим. Другим армян не следует питать иллюзий. Претворение принятой программы, вероятно, столкнется с большими трудностями. <...> Этот проект составлен с большими недостатками и содержит опасные формулировки, поскольку Европа на Востоке преследует цель, скорее всего, его умышленного развала, чем осуществления».

Законы не могут изменить нравов, если исполнение законов не контролируется.

В статье газеты "L'homme libre" Жорж Клемансо уверенно замечал, что Высокая Порта не станет проводить в Армении каких-нибудь преобразований и за них она не будет отчитываться перед кем-либо, а государства, не имея средств контроля, не будут спрашивать, почему она не выполняет взятых на себя обязательств².

«Если для дипломатических кругов любой страны порядочность имеет относительный смысл, то в Турции она лишена смысла полностью»³, – писала бостонская газета «Азг». Именно по этой причине в Армянском патриаршестве задумались о создании собственного органа контроля, который в той или иной мере мог бы контролировать процесс преобразований. Однако это оказалось невыполнимо.

Марксисты также считали, что Соглашение 26 января вряд ли сыграет какую-то положительную роль. Газета «Путь правды» писала об этом: «Пролетариат неоднократно выражал свой протест против зверств Турции. Передовые рабочие осознают, что положение турецких армян необходимо изменить путем полного передела старых порядков Турции. Тем не менее марксисты заявляют, что главная роль

¹ Мшак. № 28. 7 февраля 1914 г.

² Ковкаси арабер. № 8, 15 (28) февраля 1914 г.

³ Азг. № 32, 28 января 1914 г.

в решении судьбы Турецкой Армении может и должна принадлежать самим турецким армянам»¹.

К программе армянских преобразований обращался талантливый армянский литературовед и юрист, в последующем знаменитый большевик Александр Мясникян (Мартуни). С самого начала переговоров между дипломатами держав А. Мясникян выступил с рядом публикаций («По поводу национального вопроса», «Русский либерал об армянском вопросе», «Практика армянского вопроса» и т.д.)², в которых он предлагал свое видение решения национальных вопросов вообще и в частности армянского вопроса, исходя из социал-демократических понятий. После подписания Соглашения 26 января он глубоко изучал и детально анализировал его и опубликовал результат своего исследования в № 28 газеты «Мшак» за 1914 г. под заголовком «Проект армянских реформ»³. Мясникяна прежде всего интересовала юридическая сторона соглашения. Он отмечал, что в нем принималось во внимание лишь административное, в частности, законодательное преобразование, за исключением того, что сторонам разрешалось в судах изъясняться на родном языке. Но в Соглашении полностью проигнорированы пути и средства решения земельного вопроса, важнейшего для Армении. Оба европейских генерал-инспектора будут не в состоянии решить какой-либо важный вопрос в их подведомственных районах, поскольку губернаторы вилайетов в этих районах будут не зависимы от инспекторов. Губернатор, писал Мясникян, полностью самостоятельное лицо, следовательно он, как говорится, «свой человек, назначаемый Высокой Портой, а значит будет подчиняться только ей». Губернатор будет руководить также законодательным органом вилайета, и, естественно, он будет придавать его работе то направление, которое будет отвечать его интересам. Иными словами, он будет продолжать оставаться суверенным чиновником, «местным царьком», разнузданным и свирепым.

В конце статьи, сравнивая Соглашение 26 января с программой реформ в Турецкой Армении, составленной в 1878 г. отцом Погоса Нубар-паши, бывшим премьером Египта Нубар-пашой, А. Мясникян отдает предпочтение последней, делая акцент на его предложении о коренной реорганизации налоговой системы в Османской империи.

Кроме оптимистов и пессимистов, в армянской действительности немало было и таких, кто был весьма осмотрителен при оценке программы-соглашения 26 января.

В марте 1914 г. великий писатель Ованес Туманян писал: «Решился ли каким-то образом армянский вопрос? Исчез ли этот кровавый кошмар во всей жизни турецких армян и в наших душах,

¹ «Правда» (1912–1917 гг.) и «Социал-демократ» (1907–1917 гг.) о Закавказье: сб. / сост. Г.А. Исаакян. 1968. С. 177–178.

² См.: Мясникян А. Сочинения. В 5 т. Т. 1. Ереван, 1984. С. 125–199, 230–234, 238–240. (на арм. яз.).

³ Там же. С. 240–247.

и сможем ли мы отныне спокойно прибавиться культурному труду и более широким вопросом?

Как знать?!

Невзирая на поздравительные телеграммы армянского католика и его представителя Нубара-паши, повсюду народ армянский пред сим вопросом хранит глубокое молчание, мудрое молчание, а младотурки на границе с Россией устраивают военные парады¹.

Многие не сомневались в том, что программа преобразований, добытая благодаря долгим переговорам и неустанным усилиям, очень далека от желаемого, тем не менее они находили, что при всех своих недостатках и несовершенстве, она содержит важные уступки со стороны турецкого правительства. По их мнению, программа преобразований в конечном счете является всего лишь началом дела, которое может дать плоды, если державы окажутся последовательными. Тогда в восточных губерниях, вероятно, будет достигнут реальный прогресс, а многострадальный народ Армении, может быть, обретет самое элементарное – безопасность.

Да, программа-соглашение преобразований была очень далека от желаний армян, но что могли они поделать? Если бы отказались от нее, как предлагали некоторые, то поставили бы под угрозу всё. Они должны были помнить, что дальновидное, ловкое и дипломатичное османское правительство очень сильно выиграло бы от этого, и, несомненно, в результате оказались бы бесполезными многомесячные усилия российской дипломатии и Погоса Нубар-паши.

По поводу этого вопроса патриархом Завеном был опубликован кондак, зачитанный 30 июня во всех церквях Константинополя. Обращаясь ко всем слоям турецких армян, епархиям и партиям, он призывал положить конец всем разногласиям вокруг программы реформ и сплоченно взяться за ее претворение².

ОЦЕНКА ОФИЦИАЛЬНЫХ КРУГОВ ГОСУДАРСТВ

Прежде всего ценными и полезными были данные Соглашению оценки тех деятелей, которые были непосредственными участниками переговорного процесса.

22 февраля 1914 г. министр иностранных дел России Сергей Сазонов, принимая одного из известных армянских политических деятелей³, говорил последнему: «Меня очень радует, что армянское общество одобрительно относится к реформам и ценит их, хотя и находит в них ощутимые недостатки. Реформы являються первым шагом на пути улучшения положения армян, а будущее зависит как от русского правительства, так и от самих армян. Такая оценка реформ

¹ Туманян О. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Критика и публицистика, 1913–1922. Ереван: Гитутюн, 1995. С. 137. (на арм. яз.).

² Бюзандион (рус. *Византия*, на арм. яз.). 2 июня 1914 г.

³ В архивном документе не указана личность армянского деятеля.

со стороны армянского общества показывает, что армяне политически созрели и с ними легко вести серьезное общее и государственное дело. Вопреки нашим (российским. – Г. С.) крайне левым оппозиционерам, армянские деятели понимают, что невозможно сразу создать и претворить серьезные реформы. Это более чем верно, поскольку в процессе этой акции международного характера (имеется в виду решающая роль, сыгранная российской дипломатией в борьбе за преобразования в Армении. – Г. С.) Россия столкнулась с упорным сопротивлением Турции и особенно Германии. Совпадение интересов армян и России и их доверие друг к другу проявились в полной мере»¹.

Огромной работой был доволен русский посол в Константинополе М. Гирс. Он считал, что армяне вели себя правильно, отдавая должное реформам и видя в них полезные для них элементы. Не следует забывать, что реформы были обретены чрезвычайным трудом и что в условиях нынешней политической ситуации достичь большего было абсолютно невозможно. В дальнейшем российское правительство будет действовать в этом направлении и будет защищать интересы армян.

Реформы 26 января 1914 г. являются первым этапом. Гирс был того мнения, что армянам прежде всего следует действовать без газетной и иного рода (митинги, лекции и т.п.) шумихи, поскольку любая публикация предпринимаемых шагов, с самого начала дела, вспалит турок и спровоцирует противодействие как с их стороны, так и со стороны немцев. В этом случае перед русским посольством в Константинополе возникнут искусственные препятствия и его работа осложнится в значительной степени.

Кроме этого, русские и армяне обязаны действовать сообща во имя дела, не идя на поводу партийных и узко индивидуальных притязаний. Это было крайне необходимо, так как до 1913 года единогласия не было. «Солидарность армянских политических деятелей в настоящее время является непременным условием успеха армянского вопроса»², – напоминал Гирс.

После телеграммы в Петербург о подписании Соглашения Константин Гулькевич посылает Сергею Сазонову пространное письмо, где излагает краткую историю армянского вопроса, подробно излагает все этапы дипломатической борьбы государств в ходе создания программы преобразований Армении, те огромные трудности, на преодоление которых Россия приложила широкомасштабные усилия. В своем письме русский дипломат высмеивал отрицательную роль Германии в армянском вопросе вообще и в ходе переговоров вокруг преобразований Армении в частности. Касаясь враждебной по отношению к армянским интересам деятельности германского представителя, который отличился в Еникейской комиссии как защитник интересов Турции и в то же время пытался предстать другом армян,

¹ НАА. Ф. 57. Ст. 5. Д. 65. Л. 1, 10б.

² Там же. Л. 1.

Гулькевич подчеркивал: «Если когда-нибудь выйдут в свет протоколы Еникейской комиссии¹, то армяне воочию ознакомятся с истинными чувствами немцев, которые старались вызвать доверие армян своими льстивыми обещаниями»².

В своем письме Гулькевич так оценивает сделанное: «Документ 26 января 1914 г. надо считать началом более счастливой эпохи в истории армянской нации. С токи зрения внутренней политики, этот документ для армянской нации имеет ту же значимость, что и фирман 1870 года для болгар. Упомянутым фирманом был учрежден болгарский экзархат, и тем самым он освободил болгарскую нацию от греческой опеки. Армяне не могут не осознавать, что с означенного дня сделан первый шаг в их освобождении от турецкой тирании»³.

Гулькевич считал, что важность документа не ограничивалась только рамками армянских интересов. Он писал: «Документ 26 января 1914 г. имеет большое значение для международной позиции России. Документ подписан великим визирем и представителем России. Сим Турция обязуется перед Россией обратиться к великим державам с меморандумом, содержание которого в точности определено. Таким образом официально подчеркнута руководящая роль в вопросе армянских преобразований и, пожалуй, подтверждается 16-я статья Сан-Стефанского договора. Сие обстоятельство, разумеется, не может не иметь благоприятнейших последствий для международного авторитета России, и оно преисполнит сердца христианского населения Ближнего Востока новой признательностью к российскому монарху»⁴.

За всем процессом переговоров вокруг вопроса реформ в Армении внимательно и не без переживаний следил драгоман русского посольства в Константинополе Андрей Мандельштам. И поэтому весьма естественным было его желание, чтобы предложения дипломатов держав в проекте реформ были по возможности близки к формулировкам составленного им первого проекта.

Считая Соглашение от 26 января весьма важным для России документом, Мандельштам писал, что «сим Порты официально признает покровительство России над турецкими армянами, то есть – от 61-й статьи Берлинского конгресса снова приходим к 16-й статье Сан-Стефанского договора»⁵.

¹ Пожелание русского дипломата исполнилось спустя год, в 1915 г., когда Россия вместе со своими союзниками по Антанте – Англией и Францией – была втянута в кровопролитную мировую войну и воевала против германо-турецкого военного блока. Полную поддержку в войне со стороны русских армян царское правительство считало одним из своих важнейших вопросов, что подтверждает публикация Министерством иностранных дел России специального сборника дипломатических документов, относящихся также к периоду борьбы за претворение преобразований в Армении (см.: Сборник дипломатических документов ... Сборник, состоящий из 177 страниц, содержит 159 документов, которые имеют исключительную важность для изучающих данную проблему. Указанные документы в армянском переводе помещены в сборнике «Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828–1923)», выпущенном в 1977 г. издательством «Айастан».

² Сборник дипломатических документов ... С. 106.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же.

⁵ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3479. Л. 28.

Российская дипломатия в общем была довольна своей работой по достижению Соглашения 26 января, а в правительственных кругах Петербурга считали этот документ значимой победой внешней политики государства. Министерство иностранных дел находило, что, кроме ряда достоинств, Соглашение включает в себе также некоторые черты сходства с 16-й статьей Сан-Стефанского договора.

В Петербурге были воодушевлены еще и потому, что этому победному соглашению предшествовало другое: накануне в Константинополе было подписано турецко-персидское соглашение, в котором нашла свое отражение русско-английская точка зрения по поводу турецко-персидской границы, согласно которой признавалась та граница, которая существовала до 1905 г., то есть до попользований Турции на персидские территории.

Германия заняла нейтральную позицию, потому что ни она и ни тем более Турция не были в должной степени готовы к войне. Эти договоры, которые российская сторона считала своей большой победой, кроме их положительного значения, имели также крайне отрицательные последствия, так как побудили Германию ускорить свои военные приготовления¹.

Стало ощущаться дыхание широкомасштабной войны, и несмотря на то что Турция к ней была готова в меньшей степени, чем ее могучая союзница, после Соглашения 26 января она намеревалась стать рядом с Германией в предстоящей войне.

Мандельштам отмечал, что в то время, когда турки подписывали договор, они одновременно усиливали антихристианскую пропаганду в провинциях, призывали отколовшихся от Балкан мухаджиров изливать свою злобу на армян и на представителей других немусульманских народов².

В отличие от России, в Европе оценки Соглашения были разными.

Отношение правительств Согласия – Франции и Англии – было положительным, поскольку, по их мнению, благодаря соглашению стало возможным предотвратить разгорание всеевропейской войны. Однако газеты комментировали документ совершенно по-разному, зачастую диаметрально противоположно. Отдельные органы французской и английской печати выражали опасение, что под давлением общественного мнения в вопросе Армении Россия может прибегнуть к новым радикальным действиям, даже выступить с требованием о перерассмотрении программы реформ.

В странах Тройственного союза отношение было иным.

Правительственные круги Германии не были в восторге от принятого документа, а наиболее агрессивные политические силы страны расценивали соглашение как свидетельство беспрецедентного

¹ См.: Мандельштам А. Судьба Османской империи. С. 122.

² Там же. С. 123.

усиления российского влияния в Армении. Это было вполне закономерно, ибо по армянскому вопросу германское правительство вошло в переговоры с российской стороной с двумя целями:

1) при удобном случае сразу же напомнить Высокой Порте о том, что благодаря своему активному вмешательству Германии удалось сдержать требующую более широких реформ Россию и внести в документ безопасные для Турции формулировки, для того чтобы привлечь на свою сторону симпатии армян;

2) свидетельством сказанному являются следующие слова Гулькевича: «На всем протяжении переговоров отношение Германии проявлялось в лицемерии, а их заступничество за армян носило сугубо иллюзорный характер. Вновь подтвердилось то, что немецкие дипломаты являются верными советчиками турок»¹.

Германские армянофилы и другие представители интеллигенции страны, наоборот, приветствовали успешный ход преобразований в Армении и принятую программу.

Тифлисская «Мшак» в 15-м номере за 1914 г. перепечатала из газеты «Голос Москвы» текст выступления Пауля Рорбаха. Германский политолог говорил: «Армения сейчас более, чем когда-либо настроена русофильски. Причина предельна ясна: армяне убедились в том, что не могут ожидать какой-нибудь помощи с другой, иной стороны. Младотурки и не думают скрывать своих истинных намерений, вся суть которых в словах Абдул-Гамида: «Необходимо Армению опорожнить от армян»»².

Два других члена Тройственного союза, Австро-Венгрия и Италия, были почти безразличны к факту принятия программы преобразований в Армении.

По всей видимости, само турецкое правительство также было удовлетворено, поскольку документ не имел реальной силы и не мог угрожать территориальной целостности страны.

28 января 1914 г. министр внутренних дел Талаат-бей во время встречи с армянским патриархом Завеном выражал ему свою радость по поводу успешного разрешения вопроса армянских преобразований и заявлял о том, что армянский и турецкий народы должны крепко взяться за благоустройство страны³.

Что касается русской и европейской прессы, то она так же, в основном положительно, оценивала Русско-турецкое соглашение.

Органы различных направлений российской печати приветствовали усилия дипломатии своей страны.

Так, газета «Новое время» писала: «Соглашение об армянских преобразованиях – это компромисс не столько между русскими и турецкими взглядами, сколько между восточными политиками

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 174.

² Мшак. № 15, 23 января 1914 г.

³ Дайлайлик (рус. *Трель*, на арм. яз., Константинополь). № 10 (197). 29 (11) января 1914 г.

Петербурга и Берлина. <...> Будучи ограниченным вариантом, оно тем не менее является явным прогрессом»¹.

Однако немало было таких периодических изданий, которые были крайне недовольны неопределенными формулировками и тем, что русской дипломатии не удалось до конца защитить выдвинутый ею вариант (программу Мандельштама) программы преобразований в Армении и пришлось пойти на неоправданные уступки туркам.

В европейской печати оценки, данные документу, также были различными. В особенности в австрийской печати. Некоторые газеты в тревоге возвещали о том, что уже весной 1914 г. Россия предпримет политические и военные меры для оккупации Армении. Отдельные средства информации сообщали о том, что якобы в Москве и Париже под руководством Нубар-паши учреждены русско-армянские комитеты, которые с этой целью часто ведут переговоры с премьер-министром Коковцевым. В обороте была также информация о том, что после взятия Армении русское правительство намерено назначить Нубар-пашу правителем этой страны².

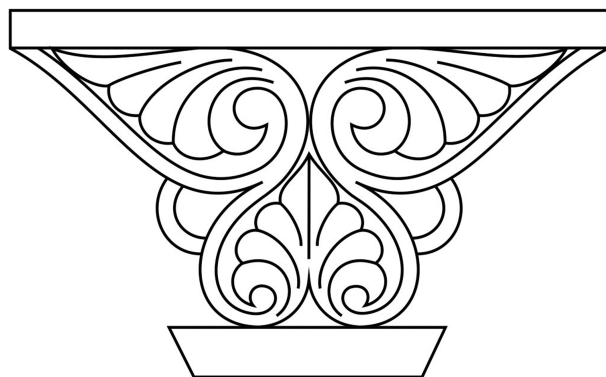
Что же касается турецкой прессы, то на ее страницах редко можно было найти одобрительные проявления. Правая газета «Тасвири Эвкяр» самым бурным образом осуждала договоренность Высокой Порты с русскими, квалифицируя ее как «несправедливое вмешательство держав во внутренние дела Турции». Газета считала унижительным для империи принятие Высокой Портой принципа набора мусульман и христиан на должности с соотношением половина на половину. Более умеренные средства информации, такие как газета «Пейами», хотя и выражали опасения по поводу вручения иностранным инспекторам «чересчур больших» прав, но в общем оценивали соглашение положительно, находя, что оно будет значительно способствовать улучшению отношений Турции с державами. Принятый документ положительно оценивала даже газета «Танин»³.

¹ Новое время. № 13662. 24 марта 1914 г.

² См.: Дайлайк. № 10 (197). 29 (11) января 1914 г.

³ См.: Армения в документах международной дипломатии ... (на арм. яз.). С. 363–364.

ВОЗРОЖДЕНИЕ
И УГАСАНИЕ НАДЕЖД
АРМЯН

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКОВ ИНСПЕКТОРОВ

В день подписания Соглашения 26 января 1914 г. великий визирь Саид Халим обращается лишь к австрийскому и итальянскому послам и просит их предложить по два кандидата на должность генерал-инспекторов двух секторов Армении. Этим шагом Высокая Порта стремилась создать впечатление, будто предложения государств турецкому правительству не носят принудительного характера, а также показать, что выбор кандидатов производит Высокая Порта.

С самого начала возник вопрос, должны ли правительства держав выдвигать кандидатуры инспекторов совместно или нет. Это было первым разногласием после подписания Соглашения.

Поскольку Австро-Венгрия и Италия являлись членами Тройственного союза, то для сохранения баланса между двумя военно-политическими группировками великий визирь 29 января обращается и к французскому правительству, прося его предложить двух кандидатов для каждого сектора¹.

Узнав об этом, телеграммой № 255 от 30 января Сазонов поручает своим послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и Риме сообщить местным правительствам о том, что Высокая Порта обратилась к каждому правительству по отдельности и просила предложить кандидатуры на должности инспекторов, а это неприемлемо для российской стороны. «Мы считаем, что великие державы должны определять соответствующих кандидатов вместе»². Таким образом, русская дипломатия с самого начала поняла смысл этой поспешности турок.

В ходе поисков инспекторов за первые десять дней февраля имел место интенсивный обмен секретными телеграммами между дипломатическими службами государств, тем более что Высокая Порта развернула широкомасштабную деятельность с тем, чтобы инспекторами назначались избранные ею люди.

В секретной телеграмме № 11 от 1 (14) февраля русский посланник в Гааге Свечин сообщал Сазонову: «Сегодня мы с Нубаром-пашой нанесли визит министру иностранных дел Лоудону, который был очень доволен приемом и данными ему объяснениями». После ознакомления с полномочиями генеральных инспекторов и по договоренности с министрами внутренних, военных и колониальных дел Лоудон подтвердил свое желание предложить кандидатов только в случае полнейшей уверенности в их личных качествах и опыте. Во время встречи были предварительно рассмотрены кандидатуры бывшего генерал-губернатора Голландской Ост-Индии, генерал-адъютанта Ван Гейтса и бывшего военного министра предыдущего кабинета Колейна. «Оба они пользуются непререкаемым авторитетом, – говорил

¹ Сборник дипломатических документов: Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. – 10 мая 1914 г. / М-во ин. дел. Петроград: Гос. тип., 1915. С. 353.

² Там же.

Лоудон. – Первый проживает в Амстердаме и сразу же отзовется на мой запрос, второй – на обратном пути из Ост-Индии, и будут приняты меры во время его проезда через Египет для его встречи с Нубаром»¹.

2 февраля армянское Константинопольское патриаршество обращается к русскому правительству с просьбой не выбирать инспекторов в Бельгии или Швейцарии, одновременно ставя его в известность о том, что большую заинтересованность в вопросе назначения инспекторов именно из этих стран проявляет сама Высокая Порта. Патриаршество предпочитало искать чиновников в Голландии или скандинавских странах, финансово-экономические интересы которых в Турции были незначительными. Российская сторона высказывает патриаршеству свое полнейшее согласие с такой точкой зрения. По этому вопросу начинаются оживленные официальные переговоры между правительствами государств, патриаршеством и послами в Константинополе².

Кроме патриаршества к делу подключилась также партия «Дашнакцутюн», которая с этой целью послала в Скандинавию Гаро Пастрмаджяна.

4 февраля русский посол в Лондоне Бенкендорф телеграфирует Сазонову о том, что министр иностранных дел Англии Эдуард Грей сообщил ему о своем присоединении к предложению России³.

В этот же день русский посол в Париже Извольский телеграфирует в Петербург о том, что французское правительство считает самым удобным назначить в обоих секторах норвежцев и поручил своему аккредитованному в Христиании посланнику найти соответствующих кандидатов. «Позволю себе высказать мнение о том, что во избежание разногласий с Францией желательно до нашего выступления с каким-либо предложением Державам договориться с французским правительством о кандидатах»⁴.

Поверенный в делах России в Константинополе Гулькевич 5 (18) февраля сообщил Сазонову, что армянский патриарх через своего уполномоченного извещал о своей обеспокоенности судьбой реформ, начало которых так успешно было заложено русской дипломатией. Он сообщал поверенному, что турки делают всё возможное для замедления назначения инспекторов в надежде на то, что по вопросу их избрания возникнут разногласия между дипломатами держав, которые, не исключено, могут перерасти в серьезные противоречия и конфронтацию со всеми вытекающими непредвиденными последствиями⁵.

Кроме России в избрании инспекторов на тот момент больше всех была заинтересована французская сторона, которая всячески

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3473. Л. 11.

² См.: Папазян В. Мои воспоминания. Т. II. Бейрут, 1952. С. 270. (на арм. яз.).

³ Там же. С. 354.

⁴ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3473. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

стремилась выдвинуть на арену приемлемых для себя кандидатов. 7 февраля Сазонов телеграфирует своему послу в Париже Извольскому: «Из переговоров Нубара выясняется, что, по-видимому, единственными кандидатами являются бельгийцы генерал Дегиз и полковник Ганри и голландцы генерал Ван Гейтс и Коллейн. Надеемся поэтому, что французское правительство не станет возражать, ибо это, несомненно, затянуло бы весь процесс и могло способствовать выдвижению нежелательных кандидатов какой-либо другой державой. Благоволите объяснить по этому вопросу и срочно телеграфировать»¹.

Однако вопреки ожидаемому «правительство Франции не выскажет возражений» Париж выразился категорически против указанных кандидатов. 17 февраля Извольский телеграфировал Сазонову о том, что в ходе встречи с министром иностранных дел Франции Гастоном Думергом последний говорил ему, что при согласии Нубара весьма желательно учитывать самолюбие Высокой Порты, следовательно, целесообразно представить ей список из четырех или пяти кандидатов – для свободного выбора². Этот выбор был бы свободным лишь на первый взгляд, поскольку державы всегда могли настоять на тех двух кандидатурах, которые они предпочли бы. В этом смысле Франция была готова полностью поддержать выдвинутых Россией кандидатов. Во всяком случае понятно, что этот список должен был состоять из имен, приемлемых для всех держав, и особенно России, по причине особых интересов последней в этом вопросе. Правительство Франции считало, что этот список прежде всего следует составить на основе частного согласия держав Тройственного союза, после чего Россия могла бы представить эти имена и другим державам. После его дополнения именами, приемлемыми для последних, список следовало представить Высокой Порте. Правительство Франции надеялось на то, что если выдвигаемые в будущем кандидатуры будут приемлемыми для турецкого правительства, то против них не будут возражать и державы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НУБАР-ПАШИ В ЕГИПЕТ

Еще 13 (26) января 1914 г., то есть за 13 дней до подписания Соглашения, Погос Нубар писал католикосу: «Исполнив свои обязанности, я могу отныне вернуться в Египет по своим личным делам, которые сильно пострадали от моего долгого отсутствия и которые я уже не могу откладывать. Надеюсь отправиться 26 января, то есть 8 февраля»³. Он принял такое решение, поскольку на продолжавшихся переговорах оставалось решить всего лишь один вопрос – вопрос пропорциональности, а следовательно, его миссия была окончена. Но спустя несколько дней Нубар-паша, ожидая дальнейшего

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3473. Л. 18.

² Там же. Л. 28.

³ См.: Мшак. № 73, 6 апреля 1914 г.

развития событий, меняет свое решение. И когда в Париж поступает телеграмма из Константинополя о подписании Соглашения, Погос Нубар сразу решает вернуться домой¹.

В письме от 17 февраля 1914 г., адресованном католикосу, Погос Нубар добавил в постскриптуме: «Имею честь направить копию последнего собрания моей делегации, то есть копию протокола закрытия. Направляю также вырезки из разных газет, а также направленное в “Таймс” мое письмо, которое... свидетельствует о том, что Соглашение состоялось и указывает на те благоприятные результаты, которых мы вправе ожидать при полном и справедливом претворении достигнутых преобразований»².

До отъезда Нубара, 18 февраля, армянские деятели Парижа организуют прощальный обед в его честь в гостинице «Астория». Звучит множество благодарственных речей в адрес одной из феноменальных личностей в истории армянского народа.

Достигнув берегов Египта, Погос Нубар не сошел, как обычно, в Александрии, для того чтобы доехать до Каира, а поменял свой маршрут и отправился в Каир через Порт-Саид, чтобы избежать прославления, посчитав, что это только навредит армянскому делу, и 3 марта прибыл в Каир.

Как ни старался Погос Нубар избежать шума и собраний, местные армяне оказали ему восторженный прием³. С ликованием писала о нем мировая печать. Многие европейские газеты печатали фотографии Нубар-паши, посвящали похвальные редакционные статьи «великому египтянину». Халиф Египта пожелал ему доброго прибытия и принял его с великими почестями. И здесь, в Каире, Погос Нубар получает специальный кондак католикоса (№ 329), опубликованный 14 марта, в котором по достоинству было оценено исполненное им дело.

Эчмиадзинский патриарший диван, в свою очередь, адресует Погосу Нубару следующую телеграмму: «Патриарший Диван сегодня послал на имя Вашего Высокоблагородия – председателя армянской делегации и Египетского правления Армянского всеобщего благотворительного союза кондаки № 258 и № 329 Его Святейшества Патриарха Нации в особой металлической трубке. По распоряжению Его Святейшества Диван просит Вас, если возможно, прислать большой фотопортрет для его помещения в зале Престольного Матенадарана Св. Эчмиадзина в память об искреннем, энергичном и самоотверженном труде Вашего Высокоблагородия во благо великого дела преобразований в Турецкой Армении»⁴.

Как Константинопольское армянское патриаршество, так и русские дипломаты, занимавшиеся армянским вопросом, с недовольством восприняли весть о возвращении Нубар-паши в Египет. Они

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 17об.

² Там же.

³ См.: Ковкаси драбер. № 38, 22 февраля 1914 г.

⁴ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 47. Л. 28.

считали, что его отъезд из Парижа был преждевременным, потому что ему еще многое предстояло сделать в Европе, ему следовало участвовать в избрании генеральных инспекторов и выяснить их понимание своих обязанностей.

После возвращения в Каир Погос Нубар-паша принимает в своем особняке в Гелиополе корреспондента Петербургского телеграфного агентства по просьбе последнего. Корреспондент спрашивает Нубар-пашу, в какой мере армяне обязаны России, благодаря усилиям которой была принята программа преобразований в Армении. Погос Нубар отвечает: «Я счастлив сообщить Вам о том, что армяне, все без исключения, признательны российскому императорскому правительству, которое великодушно встало на защиту их интересов, и за тот успех, которого мы недавно достигли. Без России мы не получили бы почти ничего. Мы многократно повторяли и не перестанем повторять, что достигли успеха благодаря великодушной помощи России, политическому искусству, энергии и гофмейстера Сазонова, и русского посла в Константинополе г-на Гирса»¹.

Затем следуют вопросы и ответы:

«– Мне кажется, однако, что Россия была весьма полезной Вам в Берлине.

– Верно. Мне известно, что по пути из Парижа [в Россию] Сазонов специально остановился в Берлине для того, чтобы переговорить с канцлером Германии об армянском вопросе и чтобы они смогли прийти к согласию, как об этом сообщил потом Сазонов по возвращении в Петербург.

– Но в Ваших сообщениях, напечатанных в газете “Le Progrès”, Вы добавляли, что эти шаги Россия делала, имея в виду свою личную заинтересованность в этом деле, которая вытекает из факта соседства двухмиллионного армянства Кавказа с Турецкой Арменией.

– Безусловно, это было одной из причин, которая побудила Россию к активному вмешательству, потому как она, разумеется, не желала бы, чтоб убийства, грабежи и волнения продолжались близ ее границы. Но вмешательство России в нашу пользу обусловлено и ее большой симпатией ко всем армянам, и по этому поводу должен сообщить, что все русские армяне счастливы жить под покровительством наместника Его Императорского Величества графа Воронцова-Дашкова, который управляет армянскими районами России с таким свободомыслием и тактом, что снискал всеобщую любовь и уважение»².

Руководящие круги армянства ныне придавали важнейшее значение вопросу, кто сможет более или менее успешно заменить Погоса Нубар-пашу. Константинопольское армянское патриаршество предпочло кандидатуру Якова Заврияна (Завриева), назначив его помощником Мостичяна.

¹ Мшак. № 59, 18 марта 1914 г.

² Там же.

ОТБОР ИНСПЕКТОРОВ

После отбытия Погоса Нубара в Египет дипломаты держав, подерживая друг с другом постоянную связь, продолжали поиски инспекторов.

В телеграмме от 23 февраля (8 марта) посол в Константинополе Гирс сообщал в Петербург о том, что великий визирь очень просил его представить список кандидатов в генерал-инспекторы через неделю или не позднее десяти дней, поскольку через месяц состоится открытие османского парламента, который следует поставить перед фактом, чтобы не дать возможности для изменения их выбора. «В крайнем случае великий визирь может отложить созыв парламента еще на две недели, но не более»¹.

Подобная «деликатность» главы турецкого правительства объяснялась тем, что в органах российской и европейской печати всё чаще появлялись статьи, авторы которых требовали у своих правительств не уступать систематическим капризам турецкой стороны и назначить инспекторов, не считаясь с ее желанием.

Процесс отбора генеральных инспекторов оказался сложнее, чем ожидалось, и требовал длительных усилий.

Российская дипломатия по просьбе патриарха Завена начала искать кандидатов в Голландии. Последний советовал иметь в виду Луиса Вестененка и Дурмана.

Русский посол в Гааге А. Свечин в своей телеграмме С. Сазонову от 26 февраля 1914 г. сообщал о том, что он имел частные консультации с министром иностранных дел Нидерландов Г. Лоудоном по вопросу генерал-инспекторов в Армении. Последний вел переговоры с различными лицами, которые могут быть подходящими кандидатами на эту должность. «Как я с самого начала предполагал и предупредил об этом Нубар-пашу, – отмечал Свечин, – выбор кандидатов... требует довольно значительного времени»². Посол напоминал министру о том, что «...первоначальные шаги Г. Лоудона, согласованные с военным министром и министром по вопросам колоний и принятые им в ходе обсуждений с ост-индийским генерал-губернатором Ван Гейтсом и бывшим военным министром Колейном, не достигли своей цели. Они во всяком случае свидетельствовали о желании нидерландского правительства как можно шире ответить на доверие, оказываемое Голландии державами, прежде всего Россией...»³

Вместе с тем Свечин признавался, что лично он изначально не очень надеялся, что достигшие такого исключительного положения на службе своей родине генерал Ван Гейтс или претендующий на блестящее политическое будущее Колейн согласятся перейти на службу в Турцию. Но, замечал русский дипломат, положительно то, что переговоры

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3473. Л. 35.

² Там же.

³ Там же. Л. 89об.

вошли в более действенную фазу, когда голландская сторона начала искать кандидатов среди людей более низкого положения, которые, однако, в процессе своей прошлой колониальной деятельности при осуществлении опеки и постоянного контроля приобрели необходимый административно-управленческий опыт и высокий авторитет. Продолжая свою мысль, посол отмечал, что уверен в том, что положение европейских инспекторов в Армении похоже, но в то же время будет определено отличаться, ибо турецкие вали продолжают поддерживать связь с Высокой Портой и получать от нее указания, сопротивление которым потребует, согласно распоряжениям генеральных инспекторов, постоянного воздействия послов в Константинополе¹.

Свечин сообщал также, что даже из кандидатов этого ранга, резидентов и их помощников двое также отказались от этого предложения. Другие не владеют французским в должной степени, что может серьезно затруднить их деятельность на месте и отношения с Высокой Портой. «Как только определятся наиболее достойные по мнению здешнего правительства из имеющихся ныне кандидатов, что произойдет, надеюсь, в ближайшие дни, – сообщал Свечин, – я увижусь с ними у Г. Лоудона и постараюсь дать каждому из них как можно более полное представление о характере и условиях ожидающей их деятельности в Турции, о коих сам министр, по собственным его словам, имеет лишь приблизительное представление. После сего я буду в состоянии сообщить Вам по телеграфу, вместе с их именами, мое впечатление о большей или меньшей пригодности их к предназначенной им роли»².

Германская же дипломатия в вопросе избрания кандидатов в генерал-инспекторы не проявляла особой заинтересованности и давала свое согласие почти на все предложения российской стороны. Более того, корреспонденция от 5 марта 1914 г., посланная из Константинополя в Каир, которая была опубликована в газете «Эко Эжипсьен», сообщала о том, что германский посол в Константинополе Ганс Вангенгейм давал совет османскому правительству, подобно двум инспекторам, назначить еще одного европейского инспектора в Киликии, для того чтобы и там ввести программу преобразований.

Учитывая, что инициатором реформ в Армении была Россия, правительства держав находят целесообразным, чтобы именно она составила окончательный список генеральных инспекторов. 10 марта французский и английский послы в Константинополе принимают русский список генерал-инспекторов, состоящий из пяти кандидатур: бельгийцев Дегиза и Генри, голландцев Вестененка и Дурмана и норвежца Гоффа³. В течение двух последующих недель к ним присоединились также послы государств Тройственного союза⁴.

¹ Там же. Л. 89об. – 90.

² Там же.

³ См.: Сборник дипломатических документов ... С. 113.

⁴ Там же.

От имени константинопольских послов великих держав австро-венгерский посол Паллавичини представляет 24 марта Высокой Порте российский список из пяти кандидатов¹. После долгих обсуждений турецкое правительство 2 (15) апреля выбирает для двух секторов Армении голландца Луиса Вестененка и норвежца Николаса Гоффа. В этот же день посол Гирс телеграфирует Сазонову: «Выбор Порты на должность генерал-инспекторов восточных вилайетов окончательно пал на голландца Вестененка и норвежца Гоффа, которые приглашены уже прибыть в Константинополь»².

Луис Вестененк долгое время был командующим войсками Голландской Индии, затем занимал пост вице-управляющего. Он владел немецким, английским, французским, а также малайским и вообще был хорошо знаком с восточной политикой.

Гофф в Норвегии был на должности городского следователя и правоведа-советника, был известен как хороший юрист, а в армии дослужился до звания полковника. Однако у него не было опыта работы на высокой административной должности.

Гофф и Вестененк заметно отличались друг от друга своими политическими взглядами. Первый склонялся к немецкой культуре и образу жизни. А симпатии второго кандидата были на стороне Франции и России.

Первое из предусмотренных программой армянских преобразований мероприятий – избрание генеральных инспекторов – было враждебно воспринято курдской верхушкой и новоиспеченной курдской интеллигенцией. Они пришли к тому заключению, что младотурецкое правительство, не выдержав натиска Европы, жертвует идеями мусульманской солидарности ради целей христиан-армян, и отдает им Курдистан (имеется в виду Турецкая (Западная) Армения).

ПЕРЕРАСТАНИЕ ШИРОКОМАСШТАБНЫХ БЕСЧИНСТВ КУРДОВ В АНТИТУРЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ АРМЯНСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Создание великими державами программы преобразований армянских губерний углубило идею курдской автономии. Образованные младокурды твердили, что, если будет существовать Армения, а Курдистан – нет, то армяне превратятся в беев. «Чтобы этого не произошло, мы тоже будем требовать создания Курдистана»³, – говорили они.

В то время, когда под усиливающимся давлением держав Высокая Порта наконец смирилась с мыслью о претворении Русско-турецкого

¹ В общей сложности в обороте было 10 имен кандидатов. См.: Сборник дипломатических документов ... С. 114.

² АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3474. Л. 10.

³ Мшак. № 83, 20 апреля 1914 г.

соглашения от 26 января, курды прибегали ко всё новым средствам его срыва.

Каждый раз, когда великие европейские державы выдвигали какую-либо программу предстоящих преобразований в Армении, турецкое правительство тут же заявляло: «Мы искренне желаем введения реформ, однако мусульманский народ, в особенности курды, слишком волнуется и готов восстать».

Суждено ли было в этот раз претвориться новым армянским реформам или они так же были обречены на забвение?

Еще только начинал решаться европейской дипломатией вопрос отбора кандидатов в генеральные инспекторы, как из разных уголков, особенно из горных районов Армении, стали доходить тревожные вести.

Под предлогом «предотвращения возможного восстания» курдов младотурки начали предпринимать конкретные шаги для того, чтобы провалить претворение программы армянских реформ. Под руководством «Иттихада» турецкие правящие круги противопоставили «сильно продвинутой» программе преобразования армянских губерний возникшее в Битлисском вилайете восстание, которое длилось с конца 1913 г. до мая 1914 г. Обращаясь к армянам, турецкие газеты Константинополя писали, что «неожиданно» вспыхнувшее восстание курдов направлено «против ваших необоснованных требований». И это в ситуации, когда всего неделю назад Высокая Порта притворно дала согласие на эту программу, в которой удовлетворено самолюбие турок и державные права султана.

Младотурки провоцировали курдов, подсказывая им, что претворение армянской программы в жизнь прежде всего направлено против них, и в качестве яркого доказательства указывали на положение в этой программе о курдских конных отрядах, которые, как указано выше, должны были быть преобразованы в запасные полки и которые правительство должно было призывать к оружию в случае необходимости. Вопрос существования конницы для курдов был вопросом жизни или смерти: курд не представлял себя без оружия, без коня.

Закон страны запрещал ношение оружия, однако он распространялся лишь на армян! Газета «Дрошак» писала: «Правительство закрывает глаза на вооружение курдов». В одном из сел города Карина «среди бела дня турки везут сани, полные оружия». Армянам удалось с помощью епархиальной резиденции конфисковать оружие, которое должно было быть направлено против них, однако это ни к чему не привело, поскольку спустя несколько часов оно всё равно оказалось в руках турецких и курдских крестьян¹.

К тому, чтобы раз и навсегда похоронить вопрос армянских преобразований, активно готовились в особенности курды Васпуракана

¹ См.: Дрошак. № 1, январь, 1914. С. 5–7.

(Ванский вилайет) и Битлиса¹. Армяне Васпуракана переживали дни страха: яд армянофобии, инъецированный темными силами в подонков общества, выказывал опасные видения зловещего будущего, что каждый раз обнаруживалось именно накануне погромов и резни и служило сигналом к разнузданному проявлению изуверских инстинктов.

На территории всего Армянского нагорья Битлисский (Багешский) вилайет был наиболее населенным курдами. Именно в этой губернии нашли пристанище самые ярые аширетские главари и полунезависимые курдские племена. Один из видных главарей курдского движения, отпрыск Бедрхан-бека Хусейн-паша был почти независимым самодержцем в Битлисской губернии, и власти не осмеливались хоть как-то ограничить его власть.

Кровожадный шейх Хизана Сеид Али, который был организатором убийства более чем 200 армян провинции, еще в декабре 1913 г. вознамерился учинить новую, более широкомасштабную бойню. Для осуществления этого намерения Сеида Али было необходимо заранее убедить в этом и подготовить курдов. Эту задачу взял на себя дальний родич Сеида Али молла Херуни Селим. С начала января 1914 г. Селим начинает объезжать всю Хизанскую провинцию и окрестные территории и вести активную пропаганду против армян, одновременно критиковать правительство за то, что оно «продало Курдистан гяурам».

Эти антиармянские проповеди моллы Селима производят глубокое впечатление на невежественный курдский люд, среди которого он постепенно приобретал всё большую популярность. Вследствие энергичной пропаганды Селима в аширетах Битлиса и Вана началось брожение. Повсюду проходили сборища, в которых участвовали не только местные шейхи и беки, но и многочисленные группы вооруженных курдов.

Воинственные настроения, которые раздувались в течение всей зимы, особенно обострились в конце февраля 1914 г. И лишь тогда Хизанский каймакам (начальник уезда) наконец решил арестовать моллу Селима – главного теоретика и вдохновителя движения. 20 февраля каймакам с 50 жандармами вошел в деревню, где находился Селим. Его арестовали, чтобы отправить в Битлис. 23 февраля предводимая каймакамом рота у села Арзви подверглась нападению вооруженного отряда из сотни курдов. Каймакаму и одному офицеру удалось бежать, несколько жандармов получили ранения, остальные вынуждены были сложить оружие и сдаться. Молла Селим оказался на свободе.

В этот же день шейх Сеид Али рассылает окрестным аширетам распоряжение быть готовыми к походу на Битлис. 24 февраля вооруженные отряды курдов стали прибывать в село, где жил шейх.

¹ Джалил Джалил в своей статье «Курдское восстание 1914 г. в Битлисе в оценке армянской прессы» (на арм. яз., см.: Историко-филологический журнал. 1985. № 4. С. 126–134) выражал мнение, что феодальная и религиозная верхушка курдов не ставила цели провалить программу реформ в Армении.

26 февраля в городе Битлис начинается переполох, закрываются лавки и магазины, армянское население ищет убежища в епархиальной резиденции и церквях. Русский консул Ширков наблюдал за всем этим с хладнокровным безразличием и, более того, отказывался предоставить армянам убежище на территории консульства.

Глава армянской епархии Битлиса архимандрит Сурен Галемян несколько раз обращается к вали (губернатору) Мазхар-бею с тем, чтобы выяснить, к каким средствам тот собирается прибегнуть для защиты города. Потерявший самообладание губернатор не дает определенного ответа, а сетует на то, что все посланные им правительству телеграммы об укреплении местных войск остаются без ответа. Затем Мазхар-бей просит архимандрита воздействовать на армянских торговцев, чтобы они открыли свои магазины, и тем успокоить население города.

27 февраля ситуация в городе становится еще более тревожной. По приказу вали из 100 жандармов, 120 воинов и 40 полицейских формируется вооруженный отряд, треть которого составляли курды. А среди их соплеменников рос бунт. Отовсюду слышались угрозы резни армян.

28 февраля армянский епархиальный глава снова приходит к губернатору. Последний отвечает архимандриту, что не знает, как быть. Из Константинополя по-прежнему никаких ответов. Двери российского консульства продолжали оставаться закрытыми. Вечером в город неожиданно приезжает шейх Сеид Али в сопровождении моллы Селима. После инструктажа своих битлисских соплеменников 2 марта они удаляются из города. Было уже ясно, что курдские главари удалились, чтобы вернуться сюда с крупными силами.

3 марта пришла весть о том, что к Битлису приближаются курдские разбойничьи банды. Армянский епархиальный глава обратился к вали, прося его выдать армянам оружие. Вместо ответа на просьбу архимандрита последовал приказ вали об обыске именно армянских домов. У армян отбирали даже охотничьи ружья и кинжалы.

То же самое творилось и в городе Муше.

Все в один голос твердили о том, что как только вода в реках спадет и откроются дороги, начнутся великие беспорядки и рекой польется кровь...

5 марта в Битлис пришло известие о том, что через две недели Сеид Али должен напасть на город.

Не прошло и двух недель, как произошли известные битлисские события.

В конце первой декады марта прибывшие с юга коммерсанты и путешественники в один голос утверждали, что ведутся последние приготовления к нападению на Битлис, которое должно произойти в ближайшие два-три дня.

Над армянским населением города, которое до этого мирно ждало начала введения преобразований, в это время нависла реальная угроза, это был вопрос жизни и смерти. Армяне в страхе заперлись в своих домах. Рынок снова закрылся, не открывался ни один армянский магазин. Армянский архимандрит Сурен продолжал свои попытки узнать у губернатора, какие у вали гарантии для армян, но никаких утешительных ответов не получал. Вали всего лишь признавался, что Высокая Порта продолжает игнорировать его просьбы. Одновременно в адрес вали от правительства звучали упреки, что он понапрасну искусственно сеет панику.

Над армянами нависла еще большая опасность, когда, согласно полученному из Константинополя указанию, турецкие власти Битлиса начали разоружать их, а курдов тем временем продолжали вооружать. Проникшие в город молла Селим, шейх Шахабеддин и их агенты проповедовали священную войну против христиан.

Курды говорили: «Мы – мусульмане, должны признавать только Мухаммеда и должны подчиняться законам шариата. Мы никогда не признаем ни Европу, ни Мевропу, никогда не примем ни контроля, ни монтроля. Клянемся и ценой крови выполним нашу клятву». А турки говорили курдам: «Всё это – лаф (слова. – Г. С.), какой там контроль-монтроль?!»¹

Курдский элемент всегда стремился провалить осуществление армянских реформ. Курды отвергли эту идею в 1895-м убийствами и разбоями, а сейчас они угрожали тем же. И если эти угрозы еще не становились реальностью, то этому как курды, так и армяне были обязаны шатким политическим условиям. В данный момент Высокая Порта никак не могла организовать при помощи курдов открытые широкомасштабные убийства армян.

За всем этим турецкое правительство наблюдало, сохраняя хладнокровие и спокойствие. Это свидетельствовало о том, что оно умышленно воздерживалось от применения крутых мер. Постепенно становилось ясно, что направленные против армян бесчинства являются очередным проявлением дьявольских намерений иттихадских младотурок. Для них эти беспорядки служили поводом и средством для затягивания, откладывания или полной отмены армянских реформ.

13 марта шейх Сеид Али со своим тысячным войском двинулся из Хизана на Битлис. По дороге к нему присоединялись всё новые курдские вооруженные отряды, в результате чего войско шейха выросло до трех тысяч. По мере продвижения к Битлису разбойничье войско нанесло большой ущерб армянскому населению. Были разграблены село Култик, хизанский монастырь Св. Креста. На подступах к Битлису курдские банды захватили и ограбили армянский монастырь Хндракатар. Курдское войско, имевшее к тому моменту до 5000 ружей, не сразу заняло город, а окружило его, – поскольку в Битлис

¹ Мшак. № 65, 26 марта 1914 г.

наконец прибыла довольно хорошо вооруженная турецкая военная часть. Именно в это время по просьбе архимандрита Сурена и по распоряжению битлисского наместника армянам было роздано около 150 ружей для самозащиты.

Пока разбойничье войско Сеида Али ожидало приказа к вторжению в Битлис, в центральных районах Армении шла резня армян в окрестных селах Муша и Вана, в Дерсиме, в населенных пунктах вокруг Диарбекира¹. В Таронской области и Эрзрумском вилайете часть курдов также была открыто поднята на ноги против местных армян. На совещаниях аширетов племенные вожди решали дальнейшие шаги своих подневольных. Многие армянские села были окружены бандитами. Часть армянского населения указанных армянских районов начала эмигрировать.

Каждый день в Константинопольском патриаршестве получали телеграммы о реальной угрозе жизни армянскому населению. Патриарх Завен представлял их министру внутренних дел Талаату, который, как обычно, успокаивал патриарха тем, что к месту волнений уже отправлены войска.

Крайне обеспокоенный ходом событий Католикос всех армян Геворг V в своих телеграммах армянскому патриарху в Константинополе Завену Егияяну и главе Битлисской епархии архимандриту Сурену требовал регулярно присылать ему докладные; полученные сведения он передавал посредством кавказских властей в Министерство иностранных дел России.

Казалось, в Азиатской Турции начинал разгораться новый широкомасштабный пожар, для тушения которого было необходимо вмешательство извне.

Русское правительство оказало нажим на Высокую Порту, чтобы она приняла меры против разбойничьих нападений курдских главарей, но турецкие власти не реагировали².

А. Дживилегов в своей статье в газете «Русские ведомости» писал, что «...промедление в деле преобразований может обернуться катастрофой для армян армянских губерний, поэтому вопрос надлежит решить до начала весны 1914 г., поскольку, согласно решению курдского съезда, имевшего место на днях, в апреле 1914 г. ожидаются большие демонстрации против реформ, и не исключено, что эти демонстрации окончатся резней»³.

Окрыленные успехами своих соплеменников, курды, служившие битлисской жандармерии, перешли на сторону войска Сеида Али, окружившего город, и обратили свое оружие против турок. Таким образом, подогретое и спровоцированное иттихадистами движение обернулось против них самих. Сеид Али, молла Селим и шейх Шахабеддин смогли придать этому движению национально-освободительный

¹ Мшак. № 66, 27 марта 1914 г.

² Об этом см. подробно: Арарат. № 4, апрель 1914 г. С. 325–326.

³ Отгиск упомянутой статьи А. Дживилегова см.: Арарат. № 2, февраль 1914. С. 123.

характер¹. Об этом Андрей Мандельштам писал: «Наконец-то любимым чадам турецких правителей, тем волкам, в пасть которых они имели обыкновение бросать плоть народа армянского, то есть курдам, в одночасье вздумалось перейти от разбоя к восстанию. Правительство обязалось организовать военные экспедиции для усмирения ряда племен и, между прочим, отобрать у них город Битлис»².

Политические убеждения, естественно, требовали реализации, и молодые образованные курды от теории перешли к практике. Битлисское антигосударственное повстанческое движение явилось сигналом именно этих устремлений.

Будучи заинтересованной в решении армянского вопроса, Россия начала также заниматься курдскими вопросами и следить за ходом их развития. Этот интерес особенно подогревался тем обстоятельством, что западная часть Персии, которая в основном была населена курдами, находилась под политическим и экономическим влиянием России. В Петербурге подумывали, что если наступит момент раздела Турции, то курдский вопрос может обрести большое значение для России.

На этот раз уже турецкое правительство предприняло решительные меры для подавления в зародыше этого антигосударственного движения, однако это ему не удалось. Антитурецкое курдское движение быстро разрослось в курдонаселенных местностях Армении – от Вана до Битлиса, от Битлиса до Диарбекира и Мосула. Хизан стал центром восстания.

Во главе антитурецкого движения курдов встали известные предводители племени Бедирханов, племянник знаменитого хизанского шейха Джалалэддина Шахабеддин, молла Селим, шейхи-разбойники из Хизана, Мамртанка и Каркара, всевозможные халифы и другие курдские религиозные лидеры и аги, которые накопили огромное имущество за счет грабежа армян.

Молла Селим в своих выступлениях проповедовал ненависть к младотуркам – за то, что они пошли на уступки армянам в вопросе реформ. В то же время он объявлял, что ненависть курдов исчезнет, если правительство «порвет бумагу преобразований».

Один из предводителей восстания, шейх Барзан, и другие главари движения в телеграмме, адресованной Высокой Порте, писали о том, что принятые правительством под диктовку европейцев преобразования принесут курдам несчастья и что они не сложат оружия до тех пор, пока им не будут предоставлены те же права, какие будут даны армянам. Курды прежде всего опасались того, что после введения реформ в Армении был бы поднят вопрос о возвращении награбленного хозяевам – армянам.

¹ В архивах Армении сохранились довольно интересные сведения о курдском восстании 1914 г. Армянская печать того времени широко освещала это восстание и связанные с ним события. Более подробно см.: Орizon. № 66–96, 1914 г.

² Мандельштам А. Судьба Османской империи. С. 92.

В ответ на телеграмму шейха Барзана и его соратников Высокой Порте правительство Турции заявило, что ныне, учитывая сложность ситуации, не время сеять раздор между мусульманами, обещая одно временно пойти навстречу просьбам курдов, если курдские депутаты поднимут этот вопрос в парламенте.

Правительство наконец решилось принять радикальные меры. Принятие такого конкретного решения объяснялось не только требованием России, но и заявлением германского посла в Константинополе о том, что Германия заинтересована в полном спокойствии Битлисского вилайета.

Во исполнение принятого решения многочисленная военная часть, сформированная только из турок, подойдя к Битлису, атаковала курдские силы. Атака провалилась, курдам не только удалось отбросить противника, но и отобрать у него пушки и пулеметы.

Эта победа еще более воодушевила курдов – возросла их уверенность в собственные силы. Яростные бои между правительственными войсками и курдами развернулись в нескольких верстах от Баязета, в окрестностях Муша и близ Диарбекира.

После победы под Битлисом молла Селим в письме армянскому патриарху Завену заверил, что армян курды не тронут и что их восстание направлено исключительно против младотурок. После этого в городе распространилась анонимная листовка, в которой армян призывали присоединиться к курдскому движению, взамен обещая им полную безопасность. Более того, среди определенной части курдов (в руководстве движения) наметилось стремление вести совместную с армянами вооруженную борьбу и после победы сформировать объединенное, независимое армяно-курдское государство.

В надежде на то, что армяне присоединятся к ним, курды обещали «за каждый отнятый у армянина колос заплатить овцой». Но армяне объявили о своем нейтралитете. Этот шаг армян был также на руку курдам, ибо тем самым обеспечивалась безопасность их тыла. Имея в виду это обстоятельство, газета «Бюзандион» писала: «...курдские повстанцы отнеслись к армянам очень дружелюбно, не нанесли особого вреда повстречавшемуся на пути армянскому крестьянину»¹.

Разумеется, в сложившейся ситуации самым желанным для армян вариантом была солидаризация с курдами. Но было ли это возможным? Ведь между этими двумя соседствующими народами лежала громадная пропасть, которую по инициативе турецких властей создали сами же курды! И армяне, увы, никак не могли доверять им.

Виновниками трагического состояния западных армян в Турецкой Армении были турецкие власти и курдская верхушка. Трудно даже сказать, кто из них более виновен и несет ответ за неслыханные

¹ Бюзандион. 22 апреля (5 мая) 1913 г.

страдания западного армянства и, наконец, за геноцид – турки или курды? Ведь, как известно, именно курды своими зверствами «вызвали» армянский вопрос, который был дипломатически сформулирован в 61-й статье Берлинского трактата и был, так сказать, «интернационализирован». Именно этой статьей христианское армянство и курды-мусульмане были объявлены Европой враждующими сторонами. Эта статья, которая обходила вопрос какой-либо оценки действий турецких властей, была очень на руку последним, которые, всячески поощряя разбойничьи наклонности и инстинкты курдов-мусульман, настроили их против армянского народа. Последовавшие за Берлинским конгрессом три с половиной десятилетия стали целой эпохой причиненных армянам турками и курдами неслыханных гонений, грабежа их имущества, отдельных и групповых убийств, а также массовой резни сотен тысяч невинных жертв.

Именно руками турок и курдов во время Первой мировой войны западное армянство подверглось геноциду и лишилось своей тысячелетней Родины. Турки делали всё, чтобы не произошло сближения армян и курдов. Веками курды, будучи слепым оружием в руках коварных турецких властей, притесняли армян, грабили, они погубили великое множество невинных армянских жизней... И даже после всего этого армянину было под силу преодолеть в себе горе и протянуть курду свою руку. В тот момент реальным мостом к солидарности и сплочению могло бы послужить добровольное, хотя бы частичное возвращение отобранных у армян земель, недвижимого и движимого имущества, что, безусловно, казалось безнадежным делом.

Поэтому совершенно прав был духовный глава битлисских армян архимандрит Сурен, когда решительно отказался от этой очень опасной для армян идеи, которая в тот момент зародилась в некоторых умах. Он заявил о том, что армяне решительно отвергают любые насильственные действия, направленные против правительства.

Армяне сдержанно относились также к идее автономии «самостоятельного Курдистана», так как этот вопрос поднимался именно в тот момент, когда готовилось осуществление армянских реформ. Иначе говоря, курды блокировали выстраданное армянами «достижение», которое было еще на бумаге.

Армяне задавались вопросом: если в Армении будут претворены реформы, неужели они не принесут пользы самим курдам и неужели они не станут способствовать реализации их национальных устремлений?

Совершая вылазки и выдвигая политические требования, курды тем самым препятствовали с трудом достигнутому претворению преобразований в шести армянских и Трапезундском вилайетах. О каких реформах может идти речь в стране, где царят бунтарство, восстания, беспорядки? В такой момент восставать и выдвигать требование об «автономном Курдистане» означало лить воду на мельницу

турок, которые искали любого повода для откладывания, а то и вовсе отмены реформ в Армении!

Помимо этого, при определенном сходстве в быту армяне и курды, тем не менее, сильно отличались друг от друга особенностями культурно-цивилизационного развития, языком и религией, историческим прошлым, традициями и мировоззрением.

Всё это заставляло армян относиться к курдскому движению с предельной осторожностью. Остерегались и зарубежные газеты, а некоторые из них считали это движение реакционным по своему содержанию и целям.

Через два-три дня после заявления духовного главы армян Битлиса, 23 марта, городской крепостной гарнизон, который пополнился регулярными отрядами из других мест, перешел в наступление и сумел отбросить собравшиеся вокруг Битлиса курдские силы шейха Сеида Али. Один из главарей движения молла Селим со своими ближайшими соратниками не успел отступить и нашел прибежище в русском консульстве города, во дворе которого до этого скопилось несколько сот курдов. Всем им разрешил войти на территорию консульства тот самый консул Ширков, который днями раньше захлопнул дверь перед молящими его об убежище армянами и который нынче требовал от вали прекратить преследование курдов, взамен обещая убедить их, чтобы те удалились из города!

Великий визирь потребовал от русского посла Гирса сдать турецким властям главаря курдского восстания моллу Селима и его товарищей. Вернувшийся из кратковременного отпуска посол возразил, заявив, что движение курдов носит политический характер и, следовательно, укрывшиеся в консульстве курды не будут выданы. Но во избежание дипломатического казуса и дабы Высокая Порта не подумала, что в курдском восстании Россия преследует далеко идущие цели, согласно поступившему из Петербурга распоряжению консула Ширков был отстранен от должности.

Молла Селим послал несколько писем Константинопольскому патриарху Завену, в которых сообщал о своей глубочайшей ненависти к младотуркам и их правительству¹. Однако армяне Битлиса не питали доверия к курдским предводителям. Не без тревоги они следили за развитием событий. Армяне были убеждены, что козлом отпущения в турецко-курдских конфликтах в итоге станут они, поскольку автором разыгрывавшейся комедии было коварное младотурецкое правительство, которое во время погромов армян всегда стояло горой за курдов. Как бы ни билось турецкое войско с разбойничьей бандой моллы Селима, сколько бы ни продолжал молла оставаться в русском консульстве, никому не удалось бы уверить армян в том, что этим кочевым мусульманским курдским движением

¹ См.: Новое время. № 13662, 24 марта 1914 г.

правят не иттихадские лидеры. Они, армяне, не верили и в искренность писем, в которых молла Селим признавался в своей ненависти к младотуркам.

О курдском движении и его последствиях для армян похожие соображения высказывала русская печать. Газета «Новое время» писала: «Мы отказываемся верить в то, что война, которая якобы имеет место между курдами и младотурецкими войсками, серьезна. В конце концов пострадают армяне!» А если это так, считал автор статьи, то программа реформ окажется выброшенной по вине Высокой Порты. В таком случае Россия должна во всеуслышание объявить о том, что она в одностороннем порядке берет Армению под свою защиту.

В связи с битлисским восстанием курдов Католикос всех армян в своем письме кавказскому наместнику от 16 апреля 1914 г. писал: «Не могу смотреть без волнения на последнее курдское движение в Турции, ибо в этой стране любая смута, по установившемся обыкновению, обрушивается на армян. Я глубоко надеюсь, что императорское правительство России своею сильною рукой остановит возможное кровопролитие в Турецкой Армении и не откажет армянам в защите их жизни, чести и имущества»¹.

Обращаясь к тому же вопросу, газета «Мшак» отмечала: «Европейские государства, главным образом Россия и Германия, должны уяснить себе, что турки добровольно не станут осуществлять преобразования, поэтому надо заставить их сделать это или же взять в свои руки их претворение»². А если сразу не обуздать курдское движение, если вновь начнутся погромы армян, то, по мнению автора статьи, «моральная и властная обязанность России, которая была инициатором и зачинателем реформ, войти и занять Турецкую Армению, обезопасив жизнь армянского народа»³.

В Битлисе не было достаточных военных сил для сдерживания движения, и поэтому из разных мест, в особенности из Вана, туда были направлены дополнительные военные части и несколько пушек. Кроме этого, Высокая Порта удалила с должности губернатора Мазхар-бея и вместо него назначила Тахсан-бея, наделив его широкими полномочиями. Начались аресты и допросы, в тюрьму были брошены ряд руководителей и активных участников курдского восстания. Для предотвращения возможных бунтов в Битлисе было объявлено военное положение.

Приняв эти меры, объединенные правительственные войска перешли в наступление. После кратковременного беспорядочного сопротивления курдские силы стали отступать, оставив за собой 70 убитых⁴, много раненых и большое число пленных. А потери пра-

¹ НАА. Ф. 1262. Сп. 3. Д. 1172. Л. 27.

² Мшак. № 65, 26 марта 1914 г.

³ Там же.

⁴ См.: Аветабер. № 17, 25 апреля 1914 г.

вительственных войск составляли 12 воинов, из которых – 8 турок и 4 армянина¹. Младотурецкие войска продолжали преследовать главарей восстания в самом Хизане. Последние, распустив свои банды, на время спрятались в горных частях провинции. После поражения восстания были вздернуты на виселицу 13 курдских шейхов и племенных вождей, а также три сотника иррегулярной конницы – хамидие. В их числе Сеид Али, его сын Сюльхеддин², шейх Шахабеддин, Махмед Ширин, молла Мухеддин, Хаджи Хайро, Али-ага³.

У курдского движения имелись все предпосылки для распространения и в окрестностях Муша, а также в западных провинциях Ванской губернии. Но поражение курдов у Битлиса приостановило дальнейшее расширение движения.

Несмотря на то, что восстание было быстро ликвидировано, стало очевидным, что к стоящим перед Турцией запутанным вопросам добавился еще один – курдский.

После подавления курдского антиправительственного восстания турецкая печать всесторонне анализировала, разбираала причины и ход курдского движения, одновременно подчеркивала отрицательное отношение армян к движению.

Константинопольская армянская газета «Жаманак» перепечата-ла в переводе на армянский редакционную статью турецкой «Пеями» о битлисских событиях, в которой говорилось: «Битлисские происше-ствия поистине обгарили кровью сердца людей. Самой большой ошиб-кой османцев является неосознание своей международной позиции и служение в качестве инструмента в руках известных и неизвестных врагов. Надо с удовлетворением отметить, что Высокая Порта сразу приняла необходимые меры, но этот недуг следует искоренять в за-родыше. Причиной этих бед является, с одной стороны, невежество, а с другой – экономические условия. Когда эти два несчастья наклад-ываются друг на друга, в обществе не остается ни сознательности, ни жалости, ни чувства религии, родины.

Во всем этом мраке, окружающем нас, если и есть какой луч света, так это то, что наши соотечественники-армяне, вместе со светлыми людьми нашей страны, перешли на сторону правительства. Так вот этот успех является продуктом справедливости и конституции. Ныне каждый любящий свою родину османец должен молиться за то, что-бы программа преобразований, в прошлом одобренная Нубар-пашой, как можно скорей осуществилась, дабы положить конец подобным движениям»⁴.

Однако после восстания подобные проармянские публикации были редким явлением. Казалось, отказ армян от участия в курдском

¹ Там же.

² См.: Байбурдян В.А. Армяно-курдские отношения в Османской империи. Ереван, 1989. С. 312. (на арм. яз.).

³ См.: Бюзандион. 9 октября 1914 г.

⁴ Жаманак. 24 марта 1914 г.

восстании вызовет положительное отношение к ним со стороны турок. Но этого не случилось!

В конце 1913 г. армянин, министр бумажной промышленности, перед тем как заказать марки на 1914 г., разрешил на одной из них изобразить и армянские буквы. Так вот, в турецкой националистической прессе этот факт вызвал самую настоящую бурю возмущения и негодования! На страницах газет печаталась эта марка с армянскими буквами с соответствующими антиармянскими «комментариями». Повсюду, начиная с университетов и казенных школ вплоть до низов турецкого общества, все обсуждали этот «неслыханный, невиданный» факт!

«Кто может смириться с подобным позором?.. Надо немедленно призвать министра к ответственности»¹, – слышались призывы со всех сторон.

Другая группа турецких молодчиков, обуреваемых ксенофобией, в течение нескольких месяцев среди бела дня нападала на христианские кладбища, крушила надгробия, кувалдами уничтожала надписи лишь потому, что они были не на турецком. Несколько шаек врывались в кинотеатры, рвали в клочья занавеси, ломали оборудование, устраивали драки на глазах у зрителей, требовали, чтобы титры кинокартин были исключительно на турецком. И всё это творилось на глазах у полиции.

Была сильно ужесточена цензура в губерниях Армении. Первой была запрещена книга Аветиса Агароняна «На пути к свободе», после этого были запрещены все патриотические произведения армянских писателей. Фактически восстанавливался режим гамидовских времен и возрождалась цензура с неограниченными полномочиями².

С марта 1914 г. начало усиливаться давление Высокой Порты и вообще турецких чиновников разных уровней на армянские национальные власти, на армянское население.

В Хуте неизвестными был убит заместитель мюдир Мехмед эффенди, после чего в Хуте и Сасуне стали осуществляться неслыханные по дерзости бесчисленные аресты. В эрзрумском селе Кепри-кей был найден труп полицейского, после чего началась новая волна арестов, побоев, зверств³.

Казалось, что по сравнению с политическими свободами свобода печати еще не была задавлена. Но невидимая опустошающая рука дошла и до нее: необходимо было задущить голос протеста армянской прессы.

Первой жертвой из органов армянской печати стала дашнакская газета города Карина (Эрзрум) «Арадж». По указу Высокой Порты в начале апреля было прекращено издание газеты под предлогом того, что это «вредное издание». Это было предвестием последовавшего

¹ Ашхатанк. № 16, 15 февраля 1914 г.

² См.: Дрошак. № 1, январь 1914 г. С. 6–7.

³ См.: Ашхатанк. № 24 (170), 12 апреля 1914 г.

вскоре закрытия и других органов армянской прессы по тому же обвинению – «во вредности».

По случаю закрытия «Арадж» газета «Ашхатанк» писала: «Голос армян никогда не смолкнет и никогда протесты армян не задохнутся под ударами насилия, как не смолкли они под натиском гамидовских ужасов. Наоборот, любой удар, который наносится для нарушения конституционных свобод, любой кулак, который заносится над правами армянской нации и над защищающей ее печатью, еще больше укрепляет в армянах уверенность в справедливости и правоте. Если заставят замолчать константинопольскую армянскую прессу, будет звучать каринская, если закроют каринскую «Арадж», то станет протестовать ванская «Ашхатанк», а если свободу печати изгонят вообще из страны, то свободное слово будет звучать из-за рубежа, будет критиковать, будет обнажать истинный облик нашего государственного режима и те бесчинства, которые творятся от имени закона и государственного права»¹.

«Патриотическое дело» турецких националистов на этом отнюдь не закончилось. Повсюду звучали призывы: «Отберем у христиан их экономическое превосходство!», «Почему турки должны отдавать свои деньги христианам?!» И вот появился отклик на призыв к «экономическому пробуждению»: «Бойкот против греческих и армянских торговцев!» Улицы, рынки, магазины запестрели листовками с исламскими и пратюркскими лозунгами, толпа ломала двери и разбивала окна в столице и других местах. А турецкие торговцы и хозяева магазинов «расширяли» тем самым свое дело.

Эту атмосферу бойкота против армян и ужаса одна из турецких газет нарекла «блестящим доказательством Возрождения»²...

ОЧЕРЕДНЫЕ ВЫБОРЫ В ТУРЕЦКИЙ ПАРЛАМЕНТ. КОНЕЦ СОЛИДАРНОСТИ АРМЯНСКИХ ПАРТИЙ

Выше было отмечено, что с начала 1913 г. стартовали очередные выборы в депутатское собрание турецкого парламента, которые, согласно решению иттихадского комитета, имели место не в один определенный день, а в течение всего 1913 г. и первых четырех месяцев 1914 г. В отличие от предыдущих парламентских выборов, в этот раз предвыборный процесс проходил сравнительно спокойно.

В случае с армянами этому способствовало то обстоятельство, что с начала июня 1913 г. армянские партии начали спланироваться, чтобы выступить единым блоком на предстоящих парламентских выборах.

Еще в октябре 1913 г. Армянское патриаршество выступило со специальным такриром, адресованным правительству страны, требуя от него учесть тот факт, что в империи живет более двух миллионов

¹ Ашхатанк. № 24 (170), 12 апреля 1914 г.

² Там же. № 16, 15 февраля 1914 г.

армян и поэтому предоставить им 20 мест в парламенте, а также разрешить, чтобы список армянских кандидатов был составлен патриаршеством.

«Армянский патриархат, – писала газета “Бюзандион”, – представил правительству такрир, в котором требует две вещи, а именно: чтобы число армянских депутатов было пропорциональным числу армянского народа и чтобы эти депутаты были избраны самими армянами...»¹

Этот такрир патриаршества поднял много шума. Младотурки «в век существования политических партий» сочли требование Армянского патриаршества прежде всего абсурдным, после чего иттихадская пресса и руководящие деятели навесили на армян ярлык – «не знающие границ армяне». Иттихадисты не соглашались предоставить армянам 20–21 место, а также разрешить, чтобы список армянских кандидатов составлялся армянским патриархатом. Известный иттихадский деятель Хусейн Джахид писал в «Танине»: «Если осуществится это заветное желание армянского патриархата, то фракции депутатского собрания превратятся в националистические фракции, и тогда друг с другом будут сталкиваться не идеи, а нации. Высказанные армянским депутатом мысли и слова станут словами всей армянской нации: нападение на армянского депутата с какой-либо стороны будет сочтено за нападение на всю нацию, и коллективные чувства придут в неимоверное состояние...»²

Считая, что общее число турецких армян составляет 1 600 000 человек, младотурки рассчитывали для армян выделить в парламенте 16 мест. Однако и это число они посчитали роскошью для армян и предусмотрели всего лишь 10 мест.

В ноябре 1913 г. иттихадское правительство через Министерство юстиции отослало обратно такрир армянского патриархата о требованиях по выборам в такой возмутительной и оскорбительной форме, какую никогда ранее не позволяло. К такриру была приложена записка правительства, в которой оно угрожало не отвечать отныне на такриры патриаршества. «Такое поведение правительства является оскорблением в адрес всей армянской нации, ее цивилизационных усилий и ее справедливых и прогрессивных требований»³, – писал орган партии «Дашнакцутюн» г. Вана газета «Ашхатанк».

С другой стороны, турецкая пресса в лице иттихадских шовинистических органов «Танин», «Тасфири эвкяр» и «Герджиманы хагргат», ободренная пренебрежительной позицией правительства, в адрес армянской нации использовала лексику явно угрожающего характера. Если бы то же самое осмелилась сделать армянская печать, она немедленно была бы обречена на вечное молчание.

¹ Бюзандион. № 5193, 8 (21) ноября 1913 г.

² Об этой статье Хусейна Джахида см.: Бюзандион. № 5193, 8 (21) ноября 1913 г.

³ См.: Ашхатанк. № 5, 30 ноября 1913 г.

Оставаясь безучастным к антиармянским провокационным статьям турецких политиков, правительство в то же время запрещало армянским газетам публиковать «противоречащие истине» статьи и материалы, связанные с проблемами преобразований, говорить об армянских требованиях. В результате этой явной пристрастности турецкая пресса становилась всё более несдержанной, в константинопольские армянские газеты посылались письма с угрозами и руганью. Например, авторы писем, адресованных редакторам газеты «Азатамарт», требовали не печатать ни слова о реформах, угрожая в противном случае разгромить редакцию и типографию.

Ванская газета «Ашхатанк» писала: «Армянская нация твердо решила жить и не отступать от своих требований, даже под угрозой резни и погромов, и жить вместе с другими при равных правах и обязанностях... Мы объявляем во всеуслышание о том, что у нас есть требования, и во имя интересов и спасения этой страны мы не перестанем преследовать их даже под угрозой насилия, резни и побоищ, ибо мы убеждены, что исполняем цивилизационную миссию в этом варварском и темном краю»¹.

Все четыре армянские политические партии условились не участвовать в парламентских выборах, если будут отклонены минимальные требования Константинопольского армянского патриархата об армянских депутатских местах.

Как отмечено выше, после отказа «Иттихада» удовлетворить требование Армянского патриаршества о предоставлении армянам 20 депутатских мест и его обещания предоставить лишь 16 мест армянские партии пришли к согласию о том, что, если это обещание выльется в постановление, то они не станут участвовать в выборах, то есть из их рядов кандидаты выдвигаться не будут. Вместе с тем во избежание внутренних разногласий они выразили свое согласие на то, что в выборах будет участвовать только патриаршество и оно же будет выдвигать своих кандидатов. Кроме того, партии предложили патриаршеству оставаться твердым в вопросе обещанных «Иттихадом» 16 мест, с тем условием, что из этих шестнадцати 12 депутатов обязательно будут избраны по национальному списку. Кроме того, партии требовали, чтобы все включенные в национальный список кандидаты подписались в том, что если «Иттихад» не выполнит своего обещания и уменьшит число мест, то после их избрания они не войдут в парламент.

Партии предложили Национальному собранию, дабы не нанести ущерба его объективности, не ставить на голосование ни одного кандидата из своих членов. Все члены партий также были строгойше предупреждены не выдвигать свои кандидатуры персонально, иначе будут исключены из партии.

¹ Ашхатанк. № 5, 30 ноября 1913 г.

Партийные газеты, выходящие в Константинополе и провинциях вплоть до Америки и других зарубежных колоний, самым активным образом поддержали эти решения¹.

В середине декабря 1913 г. иттихадский комитет предложил армянскому патриархату продолжить переговоры по вопросу числа армянских депутатов в парламенте.

В условиях некоторого смягчения, наметившегося в напряженных взаимоотношениях турок и армян, армянский патриарх возобновил свои регулярные контакты с правительством и продолжил переговоры с иттихадским комитетом.

Обе стороны заключают соглашение, на основании которого в предстоящем парламенте армяне будут представлены 16 депутатами, из которых по два депутата избирались от Константинополя, Вана, Эрзрума и Битлиса, а на оставшиеся места депутаты избирались из других мест.

Однако соглашение о 16 местах, достигнутое между Высокой Портой и Армянским патриаршеством, вызвало резкое недовольство армянских партий. Они считали, что патриархат должен требовать от правительства минимум 20 депутатских кресел. Но правительство и на этот раз отклонило это требование патриаршества, в результате чего оно прервало свои отношения с Высокой Портой, а все слои армянского народа решили бойкотировать парламентские выборы². Поскольку после соглашения 26 января у армян появилась надежда, то представители армянских партий, созвав заседание, поставили на обсуждение вопрос о парламентских выборах и путем голосования приняли следующее постановление:

А. Получить в османском парламенте 20 депутатских мест для армян в соответствии с общей численностью армян в Турции.

Б. Армянские кандидаты в депутаты должны быть представлены армянами.

В. Армяне сами должны указать те местности, где должны избираться армянские депутаты.

Г. Правительство должно пообещать, что представит в парламент законопроект о выборах национальных депутатов.

Д. Высокая Порта должна немедленно разослать распоряжение об отсрочке выборов в тех армянонаселенных местностях, где должны избираться армянские депутаты.

Е. Избирательная комиссия, назначенная Центральным национальным управлением для осуществления этих и иных подобных требований во главе со Святейшим патриархом, должна немедленно начать переговоры с правительством³.

Совместно принятое постановление армянских политических партий было вручено патриарху Завену. Данное постановление

¹ См.: Паак (рус. *Сторож*). № 13, 14 мая 1914 г. (на арм. яз.).

² См.: Хос (рус. *Слово*, Ереван). № 6, 8 февраля 1914 г. (на арм. яз.).

³ Дайлайик. № 10 (197), 29 (11) января 1914 г.

служило веским основанием для отказа от бойкотирования выборов, объявленного Национальным управлением, поэтому через делопроизводителя патриархата Гамера эффенди Шириняна Завен просил у министра внутренних дел Талаат-бея аудиенции для возобновления прерванных переговоров по вопросу о парламентских выборах. Встреча была назначена на 28 ноября. В назначенный день Талаат-бей принял патриарха. Во время любезного приема он одобрил все представленные ему требования и обещал исполнить их.

В особенности трудным был вопрос отбора территорий для избрания армянских депутатов, поскольку в большинстве армянонаселенных местностей (Амасия, Тигранакерт, Алеппо и т.д.) из-за бойкотирования армянами выборов прошло голосование, в результате которого были избраны турки, курды и арабы. Несмотря на это, Талаат пообещал найти выход – организовать выборы армянских кандидатов в других местностях и дополнить 20 мест, которые требовал патриархат. Патриарх выразил свою признательность Талаату за удовлетворение всех представленных требований, а тот вновь подчеркнул, что будет сделано всё, чтобы «наши братья армяне не разочаровались»¹.

Возвратившись, патриарх Завен немедленно созвал заседание избирательной комиссии, где было поручено Амбарцуму Пояджяну, Арутюну Шахрикану и Тирану Еркяну вести переговоры с иттихадским комитетом и представить ему списки национальных кандидатов и местностей, где будут проводиться выборы.

В ходе переговоров с «Иттихадом» было достигнуто согласие по организации выборов 20 армянских депутатов в следующих местностях: от Константинополя – 2 человека, Карина (Эрзрум) – 2, Вана – 2 и по одному от Багеша (Битлис), Муша, Харберда, Себастии, Смирны (Измир), Никомедии (Измит), Сиса, Кесарии (Кайсери), Шапин-Карахисара, Родосто (Текирдаг) и Трапезунда. Остальные армянские депутаты из тех же мест должны были быть избраны после разрешения некоторых технических вопросов.

Но уже через несколько дней Талаат отказался от своего обещания и счел вполне достаточным для армян 16 депутатских мест, одновременно предложив как можно скорее представить список кандидатов в депутаты.

Именно в это время межпартийное движение солидарности, начавшееся среди армян летом 1913 г., стало давать трещину. Вновь проявилась традиционная армянская несплоченность. Временное сближение четырех армянских партий не выдержало испытания парламентскими выборами. Днями позже представители этих же партий, которые подписались под вышеупомянутым постановлением, перед перспективой «кресельной славы» и получения денег за членство в парламенте в одночасье забыли обо всем, даже о чести и достоинстве.

¹ Дайлайлик. № 10 (197), 29 (11) января 1914 г.

Проблема, возникшая вокруг выборов в османский парламент, выявила степень бескорыстности и нравственности армянских политических партий, уровень их непримиримости. И как бы выиграла нация, если бы армянские партии продолжили укреплять возникшее движение солидарности.

Первыми нарушившими постановление межпартийного движения единения были дашнаки. Один из двух дашнакских представителей этого собрания, Акнуни (Хачатур Малумян), объявил, что неправильно не участвовать партиям в парламентских выборах и сам предложил свою кандидатуру на избрание в депутаты. Другой же дашнакский член собрания Атом (Арутюн Шахрикян), который сначала бурно возразил Акнуни, в конце концов отступил.

Представитель партии Рамкавар, который также сначала назвал бесчестным подобный шаг этих видных дашнакских деятелей, спустя два дня заявил от имени своей партии о том, что необходимо «отбросить в сторону все бывшие постановления» и что от своей партии он также будет выдвинут кандидатом в члены депутатского собрания¹.

Оба представителя межпартийного собрания, которые «выражали свое неприятие идеи выдвижения кандидатов», в последний момент поддержали точку зрения дашнаков и рамкаваров, одновременно заявив, что если бы партия «Дашнакцутюн» не выдвинула кандидата, они бы поступили так же, но сейчас, когда дашнаки решили выдвинуть кандидата, они также из «солидарности предложат своего»².

И началось составление списков кандидатов на 16 мест по отдельности. В свою очередь, армянский патриархат также составил свой «национальный список». Все они вернулись, таким образом, на противоположные позиции прежних лет. В прошлом константинопольские армяне и поддерживавшие их армяне провинций слишком плотно занимались вопросом депутатских кресел и бесконечными лакейскими спорами, вместо того чтобы избавиться от национальных недугов. Одним из мотивов (если не главным), как было отмечено, являлся блеск золотых монет – высокое жалованье.

Большая часть стремящихся к парламентским креслам армянских деятелей в течение всех этих лет так и не сумела осознать, что правительство Турции, подкидывая им наживку в виде парламентских кресел и занимая их бессмысленной борьбой, тем самым отвлекало западных армян от решения насущных проблем Армении.

Справедливо замечала газета «Оризон» в № 15 за 1914 г.: «Насколько слепыми надо быть, чтобы не замечать и не отличать друг от друга два разных вопроса – армянские реформы и проблема приобретения депутатских мест в парламенте!»

Сразу же подметив разлад между армянами на политической арене, младотурки переходят к делу. За спиной армянского

¹ Паак. № 13, 14 марта 1914 г.

² Там же.

патриаршества они напоминают дашнакам об их прошлом союзе с ними и предлагают возобновить его и довести до уровня выборного блока. «Дашнакцутюн» идет навстречу «Иттихаду» и, вопреки предложенному патриархатом списку кандидатов, предлагает список кандидатов блока «Дашнак» – «Иттихад». И это при том, что ее отношения с «Иттихадом» были разорваны! Принимая во внимание то обстоятельство, что дашнаки присутствовали еще не во всех вилайетах, а также то, что в партию «Иттихад» входили и армяне, руководство младотурок предоставило партии «Дашнакцутюн» всего 7 мест, припасая остальные для армян-иттихадистов.

Поскольку действующим языком парламента был турецкий, а у дашнаков не было кандидата, хорошо владеющего турецким, им пришлось одно из их семи мест уступить Григору Зограпу. На оставшиеся 6 мест избираются Вардгес Серенкюлян и Гарегин Пастрмаджян (из Эрзрумского вилайета), Гегам Тер-Карапетян (из Муша), Ваан Папазян и Оник Дердзакян (Врамян, из Вана) и Налбандян (из Себастии).

За оставшиеся 9 мест начинается борьба между партией «Гнчак» и конституционными рамкаварами, которые приходят к согласию объединиться со списком патриархата, против которого боролась партия «Дашнакцутюн». Из этого трехстороннего списка избираются в члены парламента гнчакист Амбарцум Бояджян (Меци Мурад) и бывший инспектор Эрзрумской школы Санасарян Мадатян, из армянских иттихадистов избираются Петрос Халаджян, Степан Зраджян, Хрлакян, Оник Ихсан, Арутюн Пошкезениян, Тигран Парсамян и доктор Назарет Тагаварян.

Из всех действующих армянских партий только партия «Вераказмял гнчакян» (вераказмял – рус. *реорганизованная*) сумела сохранить лицо и подвергла резкой критике неподобающее поведение остальных армянских партий. «Ослепленные перспективой получения нескольких кресел и червонцев (имеется в виду жалование членов депутатского собрания турецкого парламента. – Г. С.), представители трех политических партий... начали позорную и отравляющую борьбу»¹, – писала газета «вераказмялов» «Паак». В итоге ради того, чтобы отобрать друг у друга депутатские кресла, партии стали организовывать друг против друга всевозможные провокации и заговоры².

Центральное правление партии «Вераказмял гнчакян» издало брошюру под заголовком «Промах» (Бостон, 1914 г.), в которой шла речь о главных причинах упадка «движения согласия», которое, будучи не очень значимым, тем не менее сумело вернуть к отправной точке начавшийся процесс.

Случившееся было настолько неприемлемым, что даже органы прессы этих партий указывали на неприглядное поведение своих руководителей, что привело к провалу движения. Даже официальный

¹ Паак. № 14, 21 марта, № 15, 28 мая 1914 г.

² Там же.

орган дашнаков газета «Дрошак» случившееся считала постыдным и антинациональным. Газета писала: «Возмутительно, неприемлемо, что провозглашающие себя “волей нации”, “совестью нации” руководящие органы столь плодотворную, столь благодарную идею смогли так бессовестно использовать в своих ничтожных, бесчестных целях. Отвратительно думать, что из-за темных интриг, подлых спекуляций руководящих органов сегодня борьба за пресловутые парламентские кресла затмила твердую, благородную национальную идею... Печально сознавать, что для “националистов”, прогуливающих по берегам прелестного Босфора, понятие национального согласия означает раздачу пятидесяти червонцев, привязанных к парламентским стульям, по воле и капризу заблудшего патриарха. Куда же подевалась солидарность?!»¹

Таким образом, единственная в истории попытка армянских политических партий к сплоченным действиям имела бесславный конец. Она же стала и последней!

Наконец, 1 мая 1914 г., после 21-месячного перерыва, был открыт третий османский парламент.

Согласно принятому порядку, султан вместе с принцами-князьями и престолонаследником торжественным шествием явился в парламент и произнес тронную речь.

Речь султана по своему содержанию не отличалась какими-либо новыми идеями или мыслями. Но не было недостатка в самовосхвалении: «Мы сделали всё для усиления армии, сформировали военный трибунал, героически отвоевали Эдирне (Адрианополь), разделили страну на 6 районов надзора» и т.д. Султан, однако, не обмолвился ни единым словом о ходе преобразований в Армении².

В день открытия парламента из депутатов, избранных от армян, присутствовали 12 человек – Зограп, Халаджян, Гегам Тер-Карапетян, Тигран Парсамян, Пошкезелян, Оник Ихсан, Акоб Хрлякян, С. Чрадзян, Туманян, Налбандян, Вардгес и Мадатян³.

В нескольких избирательных округах выборы армянских депутатов еще не были проведены.

Через несколько дней после открытия третьего османского парламента, 9 мая, Армянское национальное собрание созвало первое заседание сессии 1914–1915 гг. После речи патриарха Завена собрание предприняло выборы секретариата.

Дашнакско-рамкаварский блок делал всё, чтобы руководителем секретариата был избран Грант Асатур, но большинством голосов собрания был избран Габриэл Норатункян. Более того, в состав секретариата не было избрано ни одного дашнака.

В новый состав секретариата вошли: 1-й председатель – Габриэл Норатункян (центр), 2-й председатель – Гайк Ходжасарян

¹ Дрошак. № 2–3 (238), февраль – март 1914 г. С. 27.

² См.: Дайлайлик. № 10 (197), 29 (11) января 1914 г.

³ См.: Оризон. № 101, 13 мая 1914 г.

(конституционный рамкавар), 3-й председатель – Амбарцум Пояджян (гнчак), 1-й секретарь – Акоб Аветисян (гнчак), 2-й секретарь – Арам Антонян (конституционный рамкавар), 3-й секретарь – Геворг Симкешян (конституционный рамкавар).

ВИЗИТ ТУРЕЦКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ К ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II

Русско-турецкое соглашение о преобразованиях в Армении создало благоприятную атмосферу для сближения двух стран. Сразу после подписания Соглашения великий визирь Саид Халим, обратившись к Гулькевичу, подчеркнул, что документ «будет способствовать улучшению отношений двух стран»¹.

В беседе с корреспондентом газеты «Русское слово» Талаат-бей отмечал, что успешное решение вопроса армянских преобразований создало почву для сближения Турции с Россией и что такого же мнения придерживаются великий визирь и Энвер-паша².

Эту тенденцию приветствовали турецкие армяне, их политические организации и печать. Так, издававшаяся в Константинополе гнчакская газета «Дайлайик» писала: «Мы будем первыми приветствовать сближение русских и турок. Посему от всего сердца желаем, чтобы первые шаги к сближению привели к взаимопониманию, к взаимному сотрудничеству»³.

Намечаемое сближение в русско-турецких отношениях в свою очередь способствовало смягчению напряженности в армяно-турецких отношениях.

Еще 7 февраля поверенный в делах Франции в своей телеграмме министру иностранных дел Думергу сообщал: «В отношениях между турками и армянами наблюдается самое настоящее ослабевание»⁴.

В начале апреля 1914 г. телеграммы из Константинополя сообщали в Тифлис о том, что министры Талаат-бей и Энвер-паша собираются ехать в Петербург. Пресса делала предположения, что, очевидно, уступая давлению России, Германия предала свою союзницу и признала программу армянских преобразований. Турецкие газеты напоминали о том, что привычка Германии бросать своих союзников в решающий момент не новость. Одновременно русские и европейские газеты отмечали, что не исключены резкий поворот Турции и ее присоединение к Тройственному союзу, тем более что в руководящих кругах Турции возникло мнение, что после решения армянского вопроса будут устранены серьезные разногласия между Турцией и Россией⁵.

¹ Сборник дипломатических документов ... С. 101.

² Перевод статьи на арм. см.: Мшак. № 35, 18 февраля 1914 г.

³ Дайлайик. № 29, 16 марта 1914 г.

⁴ Армения в документах международной дипломатии ... С. 364.

⁵ Дайлайик. № 29, 16 марта 1914 г.

Согласно старому обычаю, когда царский двор приезжал в летнюю резиденцию императора в Ливадии в Крыму, турецкий султан посылал туда делегацию для приветствия царя.

Весной 1914 г. царская семья уже около двух месяцев пребывала в Ливадии, когда турецкий султан отправил туда очередную, но не обычную, чрезвычайную делегацию, в составе которой были министр внутренних дел Талаат-бей, бывший военный министр, первый генерал-адъютант султана Иззет-паша, начальник канцелярии министерства внутренних дел Хасан Фехми-бей, подполковник генерального штаба Шюкри-бей, драгоман Эсад-бей и Али-бей. Делегация на прогулочном судне «Эртогрул» 26 апреля отплыла из Константинополя в Крым для встречи с отдыхающим там императором Николаем II. В Ливадии делегация должна была оставаться два дня. 27 апреля корабль «Эртогрул» пришвартовался в Ялте. Представители российских властей с почетом встретили турецкую делегацию, которая остановилась в ялтинской гостинице. Для приветствия делегации от имени императора в Ялту прибыл кавказский наместник граф И.И. Воронцов-Дашков. В честь прибытия в Крым турецкой делегации туда приехали также министр иностранных дел С.Д. Сазонов и русский посол в Константинополе М.Н. Гирс.

Турецкая печать придавала этому визиту особое значение. Газеты отмечали, что эта делегация не похожа на предыдущие, что она более представительна, поскольку ею руководит Талаат-бей.

Изменения, произошедшие после Балканской войны, заставляли как Турцию, так и Россию приспособлять свою внешнюю политику к новым реалиям. Стало очевидным, что бывшая политика настолько вредна для Турции, насколько и бесполезна для России. Обе страны имели общие интересы, что могло создать твердую почву для будущего развития межгосударственных отношений.

28 апреля Талаат-бей сопроводили в комнату Большого Ливадийского дворца, где находился император. После встречи с Талаатом в торжественной обстановке в том же дворце Николай II принял турецкую делегацию. Затем состоялся торжественный обед. Справа от императора сидел Талаат-бей, слева – Иззет-паша. Вокруг стола располагались остальные члены турецкой делегации, а также гофмейстер Сазонов, русский посол в Константинополе Гирс, генеральный консул в Багдаде генерал Думбадзе, таврический (крымский) губернатор и другие официальные лица. Во время обеда император поднял бокал за счастье султана Мехмеда V и за благоденствие османского государства¹.

В ответ на приветствия турецких делегатов император Николай II сказал, что рад принять чрезвычайную турецкую депутацию. Затем подчеркнул, что питает как к султану, так и к турецкому народу дружеские чувства и искренне желает им успехов и процветания.

¹ См.: Мшак. № 92, 1 мая 1914 г.

Император добавил, что турецкому правительству он желает, чтобы оно было хозяином в собственном доме и в своем государстве, не вручало власть чужим, что в большей степени будет способствовать добрососедским отношениям между Россией и османским государством¹.

Это был намек российского императора на то, что турецким правительством были предоставлены чрезвычайные привилегии военной миссии Лимана фон Сандерса, что вызвало в России большое недовольство.

С.Д. Сазонов вспоминал, что вести беседу с турками было нелегко. Талаат и Иззет слушали слова русских с большим вниманием, однако никакого мнения не выражали, мотивируя это тем, что они не в курсе внешнеполитических вопросов, которые были в единоличном ведении премьер-министра Саида Халима. Между тем последний никакой роли в правительстве не играл и всё решали Талаат, Энвер и Джемал².

Затем разговор перешел к армянскому вопросу. М.Н. Гирс очень хорошо знал Талаата и с самого начала предупредил министра иностранных дел о том, что ни одному слову Талаата верить нельзя. Повествуя об этом моменте в своих воспоминаниях, Сазонов писал, что, пообщавшись с Талаатом, он убедился в том, что его «без преувеличения можно назвать одним из верховных преступников в мировой истории...»³, от доброй или злой воли которого зависела вся судьба армянских преобразований.

Сазонов сообщал туркам, что его правительство придает большое значение армянским преобразованиям, которые могут облегчить положение многочисленного армянского населения сопредельных с Россией губерний. Обращаясь к этому вопросу, Талаат был очень сдержанным и осторожным. И это понятно, так как идея преобразований в армянских губерниях принадлежала Петербургу – обстоятельство, весьма неприятное для Высокой Порты. Даже здесь, в Крыму, Талаат не скрывал своей антипатии к армянам⁴.

Убедившись в том, что даже во время их вежливого визита к императору российская сторона выражает озабоченность судьбой армян Турции, Талаат и остальные члены делегации вспыхнули еще большей ненавистью к армянам как к надежной опоре русских. Не случайно, что, обращаясь к результатам визита турок в Крым, издававшаяся в Ереване газета «Хоск» (Слово) писала: «Не примечательно ли то, что Константинополь изменил свое отношение к так называемым армянским преобразованиям после визита в Крым?»⁵

Визит турецкой делегации во главе с Талаат-беем в Ливадию, встречи с императором и высокопоставленными русскими чиновниками были исключительным явлением в истории русско-турецких

¹ См.: Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 160.

² См.: Там же. С. 158–159.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 162–163.

⁵ Хоск (рус. Слово, Ереван). № 20, 17 мая 1914 г. (на арм. яз.).

отношений последних лет. Целью визита было нащупать настроения русской стороны к созданию возможного союза Турции с Россией. В ходе бесед и во время приемов недостатка в желании установить теплые отношения между двумя странами не ощущалось.

Накануне Первой мировой войны на мировой арене установилось такое соотношение сил, при котором Турция вполне могла стать союзницей России. Однако в младотурецком комитете и правительстве в этот решающий исторический момент не было единого мнения по вопросу сближения страны с той или иной державой. Мнения в младотурецком правительстве разделились: часть вместе с Талаатом склонялась в сторону России, а другая, во главе с Энвером, получившим в Германии военное образование и ратующим за германский государственный порядок, видела место Турции в руководимом Германией Тройственном союзе.

Визит делегации во главе с Талаатом в Ливадию был призван способствовать ориентации членов Высокой Порты и турецкого общественного мнения в сторону России.

В этом смысле характерно было то, что во время одной из встреч в последний день пребывания в Крыму Талаат лукаво шепнул Сазонову: «Я желаю сделать Вам серьезное предложение: не хочет ли русское правительство заключить союз с Турцией?» Застигнутый врасплох и удивленный Сазонов спросил Талаата, почему же такой важнейший вопрос он поднимает именно сейчас, в последний момент, при отбытии делегации. Талаат ответил, что, разумеется, уже поздно ставить этот вопрос на обсуждение и что он просто хотел узнать мнение русской стороны.

Однако разница во мнениях двух лагерей Высокой Порты была не столь велика, чтобы вызвать глубокие противоречия и повлечь за собой правительственный кризис. Младотурецкий кабинет был сплоченным и единодушным во всех основных вопросах внутренней и внешней политики страны. Правительство также было полно решимости провалить программу армянских реформ.

Не случайно, что в вопросе ориентации Турции в сторону великих держав в конце концов победило прогерманское крыло, возглавляемое Энвером. Руководимая им команда перешла под влияние австро-германского империализма¹.

29 апреля С.Д. Сазонов дал официальный завтрак в гостинице «Россия» в честь турецкой делегации, на котором присутствовали М.Н. Гирс, офицеры турецкого прогулочного судна, представители местного управления².

В тот же день верховной палатой России был дан прием на императорском прогулочном судне «Штандарт». Гостей приветствовал генерал-адъютант Николая II генерал-адмирал К.Д. Нилов.

¹ См.: Мельник А. Турция, ее историческое прошлое и настоящее. М.; Л., 1929. С. 38.

² См.: Мшак. № 92, 1 мая 1914 г.

30 апреля турецкое прогулочное судно подняло якорь и взяло курс на Константинополь.

После окончания Балканских войн в европейской части Османской империи царил мир, было подавлено курдское восстание, в восточных губерниях наблюдался относительный покой, наконец, намечалось налаживание русско-турецких отношений. Эти благоприятные обстоятельства создавали возможность для претворения в жизнь договоренностей по Соглашению о преобразованиях в Армении.

РАДУЖНЫЕ НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

После возвращения в Египет Погос Нубар-паша во второй половине февраля и три последующих месяца был занят собственными делами, которые сильно пострадали за 20 месяцев его напряженной дипломатической работы. Разумеется, это не означало, что он отошел от национальных дел. Глубоко осознавая значение своей успешной миссии, в данное время он разрабатывал новую программу своего участия в делах армянских губерний Турции.

Благодаря совместным действиям великих держав уже была принята приемлемая для армян программа преобразований. Казалось, было положено начало новому этапу преобразований, что предполагало также начало коренного переворота в развитии экономики, просвещения и культуры в Западной Армении. Поэтому в среде как российских, так и турецких армян составлялись разные программы мероприятий.

Печатный орган Первопрестольного Эчмиадзина, журнал «Арагат», писал: «Настал важный исторический час, когда российский армянин и турецкий армянин должны сплоченно трудиться и дать толчок национальной культуре, открывать повсюду школы и другие храмы просвещения, предпринимать меры для решения земельного вопроса и всемерно способствовать развитию сельского хозяйства, а также процветанию торговли и промышленности. Следует приложить немало усилий для прекращения эмиграции и, наоборот, необходимо принять меры и вернуть на Родину удалившихся в далекие страны турецких армян и призвать всех, дабы рука об руку действовали и содействовали священному делу развития экономики и просвещения страны <...> Мы, армяне, всячески должны показывать не только России, но и всей Европе, что мы в настоящее время политически зрелая нация, которая в состоянии жить своей самостоятельной жизнью, в состоянии развивать свою культуру»¹.

Турецкие армяне переживали счастливые моменты. «Давайте объединимся независимо от принадлежности к той или иной партии, – призывала издававшаяся в Бостоне газета «Азг», – На время забудем о названиях своих партий: с[оциал-]д[емократическая] гнчакская,

¹ Арагат. № 4, апрель, 1914. С. 329.

дашнакская или конституционная рамкаварская... Пусть каждый из нас внесет свою лепту по своему уму, по своей специальности, дабы восстала из руин наша райская Отчизна... Мы должны суметь перед лицом цивилизованного мира гордо сказать о том, что воистину мы племя, которое достойно быть Нацией... С нашим умом и энергией за десять лет мы сможем стать сильной нацией с твердой политической позицией»¹.

В своем циркуляре от 17 февраля 1914 г. патриарх турецких армян Завен, обращаясь к главам всех церковных епархий, предложил провести во всех вилайетах Турецкой Армении перепись армянского населения и зарегистрировать всех армян, которые будут в силах исполнять должности в школах, суде и полиции.

В Национальном комитете патриарх Завен произнес речь, в которой выразил уверенность в том, что уже открылись новые горизонты для мирной жизни и прогресса армянского народа и что он обязан полностью использовать создавшиеся возможности².

Патриарх всех армян в своем кондаке от 20 февраля 1914 г. благословил Погоса-пашу за огромный вклад в продвижение армянского вопроса, одновременно выразив желание, чтобы он оставался представителем католикоса в армянских губерниях и продолжал «гуманную деятельность во благо нации во имя полного успеха и претворения преобразований в армянонаселенных провинциях Турции»³. Погос Нубар-паша с готовностью обязался выполнять волю католикоса и поставить на службу нуждам народа Армении возможности созданного им же в 1906 году в Каире Всеобщего армянского благотворительного союза (ВАБС).

Погос Нубар составил большую программу, которая охватывала три жизненно важных задачи: осуществление экономических реформ, расширение школьного образования и прекращение эмиграции. Для претворения в жизнь этой гигантской программы были необходимы огромнейшие денежные средства, лишь часть которых мог предоставить ВАБС. Тому, чтобы вывести несчастных соотечественников из плачевного экономического состояния, препятствовало отсутствие в стране безопасного режима и элементарной справедливости. Погос Нубар считал, что в первую очередь в армянских губерниях нужно создать кооперативы, синдикаты и кассы земледельческих кредитов. ВАБС, особенно в начальный период, должен помочь армянским крестьянам, безвозмездно предоставив им землю, волов, семена для посева и земледельческие орудия⁴. Для быстрого подъема сельского хозяйства огромное значение могли иметь земледельческие банки. Но в стране не было законов, разрешающих открывать таковые⁵.

¹ Азг. № 36, 26 февраля 1914 г.

² Бюзандион. 10 мая 1914 г.

³ Арапат. № 7, июль 1914 г. С. 507.

⁴ НАА. Ф. 297. Сп. 1. Д. 216. Л. 5–10.

⁵ В Турции действовал всего один государственный земледельческий банк, который являлся скорее орудием обезземеливания христиан.

Огромным препятствием на пути к экономическому прогрессу Армении являлась эмиграция. Для хотя бы частичного сокращения эмиграции армянских крестьян П. Нубар рассчитывал выкупить конфискованные у них, заложенные и выставленные на продажу земли и продать их на льготных условиях бывшим владельцам¹.

Католикос всех армян Геворг V своим кондаком от 26 апреля обязывал константинопольского патриарха Завена предпринять все возможные меры для прекращения продолжающейся катастрофической эмиграции из Армении, вместе с тем начать энергичную работу по организации ширококомасштабной репатриации армян².

В предотвращении эмиграции армян из Западной Армении была сильно заинтересована российская сторона. «Армяне должны активно бороться, – говорил посол Гирс, – против эмиграции и изыскать средства для организации с нашей помощью иммиграции»³.

Первой неотложной задачей Нубар-паша считал обеспечение подъема сельского хозяйства в армянских губерниях. «Земледелие будет иметь новый взлет, – говорил он, – если крестьяне, особенно вначале, получают необходимое поощрение». Вторым важнейшим делом, говорил Нубар, является расширение деятельности Союза в школьных учреждениях, целью которой должны были стать как расширение существующих в армянских губерниях школ и повышение качества обучения, так и создание новых учебных заведений, отдавая предпочтение сельским местностям.

Нубар-паша указывал на эти три основные направления в предстоящей деятельности, но отмечал, что «существуют еще и другие инициативы, в осуществлении которых Союз будет действовать с такой же эффективностью»⁴. Для выявления необходимых мер П. Нубар предлагал, чтобы Союз имел в армянских губерниях своих постоянных представителей, которые на местах могли бы фиксировать нужды армянского населения и ставить о них в известность центральное правление Союза для принятия необходимых мер⁵.

10 мая в Каире с большими торжествами была отпразднована восьмая годовщина ВАБС. Выступив с речью на торжественном заседании, Погос Нубар вновь обратился к задачам высвобождения армян из когтей бедности и широкого распространения в их среде образования и просвещения. Но какими бы обширными ни были намерения ВАБС, его возможности были недостаточны для осуществления ширококомасштабной деятельности в Турецкой Армении. Поэтому Нубар говорил о том, что «пример прошлого нам наглядно показал, что наши друзья никогда не жалели средств и непременно протягивали руку помощи нашим азиатским соотечественникам...»⁶

¹ Арарат. № 7, июль 1914 г. С. 508.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 70. Л. 5, 7.

³ Там же. Д. 65. Л. 1.

⁴ Арарат. № 7, июль 1914 г. С. 511.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 517.

«Нет сомнений, – был убежден П. Нубар, – что и на этот раз наши братья, армяне России, донесут свою помощь до армянских областей Турции».

И взоры людей вновь устремились в сторону России и русских армян. Погос Нубар просит Католикоса всех армян о денежной и иной помощи со стороны русских армян. «Все наши усилия должны стремиться к претворению этого идеала, – писал он Геворгу V, – для этой цели никто не должен жалеть средств. Для этого достаточно, чтобы Ваше Святейшество изволило поднять свой голос во благо наших поддерживающих народ программ: этот отеческий голос тронет сердца людей, и все, не колеблясь, предоставят нам свою помощь»¹.

В своем кондаке от 26 апреля католикос вновь призывал русских армян принять все меры и оказать широкомасштабную помощь армянскому народу в Турции, способствовать быстрому экономическому развитию Армении.

Ожидания католикоса помощи от России и русских армян были небезосновательны. Российские официальные лица, особенно русские дипломаты, сыгравшие весомую роль в вопросе армянских реформ, после подписания Соглашения от 26 января часто обращались к перспективам развития Армении и к той роли, которую в этом деле могла сыграть Россия и, в частности, русский капитал.

Во время встречи с одним из видных армянских деятелей посол Гирс говорил: «Армяне ныне должны доказать не только России, но и всей Европе, что они представляют политически зрелую нацию, которая в силах жить самостоятельно, развивать свою культуру и распространять европейскую культуру в Азии... Судьба Турецкой Армении зависит не только от России, но и от самих армян, особенно русских армян, которые обладают большими материальными средствами, а также имеют влиятельных представителей интеллигенции. Русские и турецкие армяне должны объединенными усилиями продвигать вперед экономику, должны урегулировать земельный вопрос и способствовать развитию торговли и промышленности... Должны активно действовать армяне, которые исполнены патриотизма и в силах жертвовать и трудиться во имя патриотических целей <...> Настал очень важный момент в истории армянского народа»².

Касаясь предстоящей роли России в деле экономического подъема Турецкой Армении, Гирс подчеркивал: «Вообще, Россия будет неуклонно и последовательно проводить в Армении реформы, но армяне после первого шага не должны требовать, чтобы сразу же выполнялся второй»³.

Прислушиваясь к голосу Погоса Нубара и прекрасно осознавая, что без помощи России будет чрезвычайно трудно преобразовать за такой короткий период экономическую жизнь Армении, Католикос

¹ Арарат. № 7, июль. 1914 г. С. 511.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 65. Л. 1–1об.

³ Там же.

всех армян Геворг V отправляет 16 апреля 1914 г. следующее обращение С. Сазонову: «Исторический ход развития армянского вопроса в Турции, как известно Вашему высокопревосходительству, ценою сотен тысяч жизней населения приучил армянский народ оценивать практическое значение многочисленных обещаний оттоманского правительства создать сносные условия человеческого существования по тем реальным гарантиям, которые обязывали бы его к действительному выполнению провозглашенных до сих пор реформ. Тот же исторический ход развития predetermined эти гарантии для армянского народа, молитвенно обращающего свои взоры на великое русское государство – исконную покровительницу христиан на Востоке.

Ныне, когда под мудрым руководством Вашего высокопревосходительства русская дипломатия взяла на себя активную инициативу по выработке и осуществлению реформ в Турецкой Армении, паства моя, я убежден, может спокойно взяться за восстановление своих духовно-культурных сил, расстроженных вековыми гонениями, и уверенно взирать на будущее, не опасаясь обычных препятствий, которые могут быть воздвигнуты оттоманским правительством дальнейшим начинаниям Вашего высокопревосходительства в деле укрепления основ выработанных реформ и неуклонного проведения их в жизнь в Турецкой Армении.

Эта же глубокая вера в благожелательность Вашего высокопревосходительства, явившего столь неоценимые доказательства благосклонного отношения к армянам и их законным стремлениям, дает мне и моему народу надежду на такую же мощную поддержку Вашего высокопревосходительства и при разработке инструкции генерал-инспекторам, которые, по мысли Вашего высокопревосходительства, должны реализовать начало реформ 26 января сего года.

Вознося ко Всевышнему горячие молитвы о здравии и долголетию Вашего высокопревосходительства и благословляя труды Ваши на благо великой России, имею честь быть Вашего высокопревосходительства усердным богомольцем¹.

Для координации ожидаемой финансово-экономической поддержки со стороны российского государства и для организации пожертвований русских армян Нубар-паша назначает посланником доктора Н. Тагаворяна, который готовится сразу же отправиться на Кавказ.

30 апреля председатель ВАБС Погос Нубар выступил с сообщением о предстоящих планах Союза². Он выразил уверенность в том, что на смену смятению и несчастьям армян в создавшейся новой ситуации «придет год безопасности и внутреннего покоя», что закончатся подлоги и несправедливые деяния и «армяне смогут мирно трудиться

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». Г. 1914. Д. 3474. Л. 17 (к сему документу приложен его армянский вариант).

² См.: Арарат. № 7, июль, 1914 г. С. 511–514.

и пожинать плоды своего труда... Наши соотечественники вместе со всеми османцами будут трудиться на благо развития природных богатств и процветания страны...»¹

Нубар-паша считал, что в этих новых условиях ВАБС обязан пересмотреть методы своей деятельности сообразно с возникающими новыми задачами.

Погос Нубар-паша выражал надежду на то, что русское правительство будет поддерживать инициативы ВАБС, тем более что посол М.Н. Гирс в те дни выразил мнение о том, что для поднятия экономического и культурного уровня армянского населения Турецкой Армении насущной необходимостью является создание широкой сети просветительных учреждений².

В Святом Эчмиадзине, Тифлисе, Москве и повсюду русские армяне напряженно следили за развитием событий и готовились оказывать широкомасштабную помощь своим западноармянским братьям.

26 апреля в своем кондаке Католикос всех армян Геворг V призывал армянскую общественность России предпринять все меры для содействия скорейшему развитию экономики и культуры Западной Армении.

9 мая в своей речи в Национальном собрании патриарх Завен подчеркивал, что для мирной жизни и прогресса армянского народа открылись новые горизонты³, одновременно выражал уверенность в том, что армянство России и российское государство не оставят турецких армян наедине с их проблемами.

Откликаясь на кондак католикоса и циркуляр Константинопольского патриарха, общественные организации и деятели армянства Кавказа и колоний, органы армянской печати энергично обсуждали вопрос принятия мер для культурно-экономического и духовно-интеллектуального возрождения народа Турецкой Армении, считая, что этот вопрос должен стать предметом ежедневной заботы армянской интеллигенции и руководящих кругов. Армянскими кругами выдвигались конкретные программы мероприятий в Западной Армении. Реализация программы армянских реформ должна была обеспечить армянам безопасность жизни, чести и имущества. Однако этого было отнюдь не достаточно. Для удержания народа на своей земле необходимо было экономическое развитие.

Поскольку в Армении еще не было возможностей для создания современных заводов с многочисленными рабочими местами, предусматривалось основать в селах на базе местного сырья небольшие производства сыра, вина, водки, сухофруктов, а также производства по выделке кожи и шерсти, что не требовало особых затрат.

Армянская пресса Кавказа писала о том, что Нубар-паша, будучи видным финансистом и экономистом, в первую очередь

¹ См.: Арарат. № 7, июль. 1914 г. С. 512.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 65. Л. 1об.

³ См.: Бюзандион. 10 мая 1914 г.

думает о разрешении экономических и земельных проблем Турецкой Армении, а на армянских капиталистов и финансистов России ложится ответственность содействовать ему в осуществлении планируемых предприятий.

Соглашение 26 января открывало широкое поле деятельности перед восточноармянской буржуазией, в среде которой родилось множество разных программ, первой из которых был проект основания в Турецкой Армении крупного банка. Журнал «Арарат» писал: «Какая умная идея и какое чрезвычайно важное предприятие! Никакого сомнения в том, что крупный армянский банк, который предстоит создать на законных основаниях, станет тем стержнем, вокруг которого с величайшим успехом будет развиваться и продвигаться и экономика, и просвещение, и культура Турецкой Армении»¹. Выражалась уверенность в том, что западноармянские и восточноармянские банкиры будут выступать с многочисленными инициативами, со временем станут открывать банки различного функционального назначения.

Открытие, например, русского аграрного (земельного, крестьянского, земельного) банка считал очень важным министр иностранных дел С. Сазонов, но одному армянскому деятелю, пришедшему к нему по этому вопросу, министр сообщил, что не может пока сказать ничего определенного относительно основания банка, выпускающего ценные бумаги, или земельного, поскольку «это особый вопрос и для этого надо обратиться в соответствующее учреждение – кредитную контору»². Затем Сазонов посоветовал по этому вопросу обратиться к одному из руководителей Российско-Азиатского банка Алексею Путилову. Он также подсказал, что русским армянам следовало бы приложить усилия к тому, чтобы этот вопрос подняли в Государственной думе, желательно – кадетские депутаты В.А. Маклаков и другие. В конце разговора министр подчеркнул, что он всегда готов быть полезным в предстоящих в Армении предприятиях³.

Касаясь проблемы развития банковского дела в Турецкой Армении, посол М.Н. Гирс говорил: «Основание банков в Армении крайне желательно, но заметим также, что никакая сила не в состоянии притянуть сюда капиталы: русским коммерсантам затруднительно начинать банковское дело даже в Константинополе, Смирне и Салониках. Россия будет всячески защищать банковские учреждения, принадлежащие российским армянам, будет считать их русскими национальными банками, не допустит, чтобы эти банки подвергались опасностям. В этом смысле двух мнений быть не может». Не сомневаясь в том, что власти его страны будут всемерно поддерживать армян в вопросе основания банков, Гирс обещал после возвращения из Парижа в Константинополь распорядиться собрать все документы, относящиеся к банковской деятельности, и вручить их Константинопольскому

¹ Арарат. № 4, 1914 г. С. 370.

² НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 65. Л. 2.

³ Там же.

патриархату. Он говорил, что «турецкие армяне не должны забывать о том, что призваны работать в Османской империи, следовательно, должны хорошо знать турецкие законы. В этом смысле армянам может быть весьма полезен Зограп»¹.

В связи с перспективой открытия банков в Турецкой Армении свою точку зрения 7 марта высказал заместитель министра иностранных дел князь Н. Трубецкой, который выразил твердую уверенность в том, что русское правительство будет содействовать и предоставит широкие привилегии армянским финансистам России для открытия банков в Турецкой Армении².

Действительно, для турецких армян очень важно было иметь аграрный банк, который оказался бы в состоянии помочь высвободиться армянским крестьянам из когтей турецких банков-ростовщиков. Таковым являлся, как мы указали выше, пресловутый Османский государственный земледельческий банк, который был основан при султানে Абдул-Гамиде. Армянские крестьяне были вынуждены брать у этого банка ссуды под очень большие проценты, но будучи не в состоянии уплачивать их в срок, лишались заложенных полей, садов, скота. Лишаясь средств к существованию, они покидали родные места и отправлялись в чужие страны. Поэтому армянский земледельческий банк для армянского крестьянина стал бы спасением, с его помощью улучшилось бы экономическое положение сельских общин. Без армянских крестьян не было бы и армянства, посему усиление сельских общин становилось главной целью для сохранения нации. Следовательно, было необходимо, чтобы Россия оказала давление на турецкое правительство и дало свое разрешение на основание земледельческого банка в Турецкой Армении.

Но основание земледельческого банка было сопряжено с большими трудностями. Турки вряд ли согласились бы на это.

Русские дипломаты были твердо уверены в том, что все предусмотренные программы могут быть осуществлены лишь в том случае, если армянство проявит внутреннюю стабильность и сплотится вокруг общенациональных проблем. Князь Трубецкой говорил о том, что армяне прибегают к несогласованным, а иногда даже к взаимоисключающим действиям, что недопустимо. Он подчеркивал, что российское правительство будет предоставлять весьма выгодные привилегии армянским капиталистам, если они будут проявлять единодушие в вопросе национальных интересов армянского народа. «Только в условиях проявления общенациональной воли и солидарного поведения всего армянского общества можно надеяться на благосклонное отношение русского правительства»³, – подчеркивал князь Трубецкой.

Оказать конкретную экономическую помощь турецкому армянству первым предложил один из крупнейших восточноармянских

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 65. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 3об.

промышленников, видный меценат Александр Манташянц. В начале февраля 1914 г. через кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова он обратился в Петербург и просил правительство разрешить ему открыть на свои средства банк в Турецкой Армении. Вскоре поступил положительный ответ, а также обещание того, что правительство будет всячески покровительствовать деятельности этого банка¹.

Готовность основать банки в Турецкой Армении выразили также Погос Нубар-паша и другой состоятельный египетский армянин².

Важным экономическим предприятием должно было стать открытие в разных провинциях Западной Армении филиалов двух банков из числа принадлежащих армянам банков в Тифлисе.

Кроме планов создания частных банков родилась идея основать в Турецкой Армении на национальные пожертвования также акционерный банк под названием «Национальный банк» или «Армянский банк» с начальным капиталом в три миллиона рублей. Эту идею поддерживал целый ряд капиталистов из Москвы, Петербурга и Тифлиса³.

С целью обсуждения вопроса создания «Национального банка» на квартире Григора Зограпа состоялось расширенное совещание, в котором участвовали управляющий Оттоманского торгового банка Сукиасян, армянский юрист-консультант из Франции Арташес Юрмиус, председатель константинопольской страховой компании Кайсерян, крупный коммерсант Армен Карагезян, депутат IV Государственной думы Микаэл Пападжанян и другие. После всестороннего обсуждения вопроса совещание одобрило намерение открыть «Национальный банк» в Турецкой Армении⁴.

Предлагалось также основать специальный торговый банк в России, филиалы которого должны были располагаться в шести вилайетах Западной Армении и в Киликии. Только константинопольские армяне обещали выделить для этой цели один миллион рублей⁵.

Разумеется, в Турецкой Армении армянским банкирам Кавказа и Турции сложно было рассчитывать на прибыль, но часть из них, руководствуясь патриотическими соображениями, была готова отказаться от прибыли в начальный период.

Российское правительство с особым вниманием следило за готовностью армянских капиталистов России участвовать в реформах в Турецкой Армении и стремилось всячески содействовать их инициативам⁶. Вместе с тем оно выразило желание открыть во всех губерниях Армении специальные учебные заведения с российским финансированием и русскими специалистами, а также в российских университетах предоставить места для обучения молодым армянам

¹ Там же. Д. 70. Л. 2.

² Там же. Л. 2–5.

³ Там же. Д. 64. Л. 1–2.

⁴ Там же. Д. 65. Л. 38–40.

⁵ Там же. Л. 40.

⁶ Там же. Д. 28. Л. 40об.

из Турции¹. Правительство также распорядилось увеличить количество русских дипломатов в шести вилайетах Турецкой Армении.

Вопрос открытия банка в Армении был подвергнут всестороннему анализу на заседании московского армянского комитета, и его участники пришли к тому заключению, что банк должен быть коммерческим, финансирующим также сельское хозяйство и транспорт. Наличие транспортной составляющей облегчило и расширило бы товарооборот между Россией и Турцией. При содействии русского правительства банк мог бы брать концессии и формировать в Армении акционерные компании.

Съезд избрал комиссию из 20 представителей армянских промышленников и банкиров Кавказа, которая на своем первом заседании сочла вполне возможным основать в Турецкой Армении торгово-промышленный банк и предоставлять краткосрочные (до 12 лет) ассигнования в размере $\frac{1}{3}$ части основного капитала на сельскохозяйственную деятельность. Одновременно съезд выразил желание, чтобы 40 % прибыли от банковских операций использовалось на нужды просвещения населения Армении. Комиссия также считала, что для основания такого банка вполне достаточно 3 млн рублей.

С 3 по 6 мая 1914 г. в Тифлисе состоялся Национальный съезд с участием более 60 делегатов. На правах наблюдателя на съезде присутствовали представители армян Москвы В. Тотомянц, А. Дживелегов и М. Буниатян. На всех четырех заседаниях съезда обсуждался вопрос содействия Турецкой Армении посредством финансовых пожертвований, которые предстояло собрать среди армян России. Некоторые из делегатов, относясь с симпатией к созданию там банковской системы, одновременно считали, что «сейчас выше наших сил решить эту тяжелейшую задачу» и что ее надо оставить на будущее².

Но абсолютное большинство выступавших (Г. Чалхушян, М. Берберян, В. Тер-Закарян, А. Дживелегов, А. Алексанян, В. Тотомян, Х. Африкян, А. Саруханян, Н. Агбалян и другие) выступили с предложением ничего не жалеть для Турецкой Армении³.

В конце концов было принято решение пока в Турецкой Армении основать только один акционерный «Армянский банк» с мелиоративной и аграрной функциями и тремя миллионами рублей основного капитала с доведением его в дальнейшем до пяти миллионов рублей. Одной из задач этого банка должно было стать развитие армяно-русской торговли в Армении⁴. Съезд рассмотрел также проблемы организации возвращения на родину армянских эмигрантов «из всех стран» и срочного открытия в Западной Армении хотя бы

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 70. Л. 130.

² Там же. Л. 30б.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 6.

одной аграрной школы¹. Константинопольское армянское патриаршество одобрило эту инициативу. Национальные власти сразу же начали консультации с армянскими, российскими и европейскими финансистами.

Поскольку на съезде представители армян Баку выразили готовность сразу же выделить 1 млн рублей на создание банка, то необходимо было, чтобы по одному миллиону собрали армяне Петербурга и Москвы.

По обсуждаемому вопросу Тифлисский съезд постановил следующее: 1) считать чрезвычайно злободневным основание банка в Турецкой Армении, но его осуществление отложить до появления практических условий – формирования учредительного капитала и выяснения связанных с этим вопросов; 2) создание коммерческого банка признать неотложной политической и экономической задачей; 3) возложить окончательную разработку устава банка на русское правительство и при содействии последнего проблему утверждения устава турецким правительством возложить на Московский и Петербургский армянские комитеты.

На следующий день после Тифлисского съезда было созвано совещание по вопросу банка с участием видных представителей коммерческих и банковских сфер. Выслушав доклад Буниатяна, присутствующие выразили готовность оказывать материальное и моральное содействие для осуществления планируемого. При этом прозвучали мнения, что 2–3-миллионного учредительного капитала будет недостаточно и, следовательно, нужно довести его до 5 миллионов².

Вопрос был детально обсужден на состоявшемся 24 мая заседании бюро *Петербургского армянского кружка (ПАК)*. Председатель бюро М. Пападжанов, открыв заседание, предоставил слово одному из его членов, А. Саруханяну, который подготовил специальный доклад о перспективах развития банковского дела в Армении. Вокруг доклада возникли разногласия. Некоторые считали, что это должен быть обычный аграрный банк с кратковременным кредитованием, а иные полагали правильным основать аграрный банк в Тифлисе, который должен иметь отделения не только в Западной Армении, но и других частях Турции. Побывавший в Константинополе Пападжанов сообщил о том, что константинопольские армяне склоняются к созданию коммерческого банка с правом на аграрные функции³.

В заседании бюро принимал участие и выступил председатель Московского армянского комитета М. Буниатян. Он сообщил о работах, проводимых в их комитете по тому же вопросу. Начал он с того, что с введением реформ в Армении перед армянским капиталом России открывается новое, очень обширное поле деятельности. Армения, состоящая из семи вилайетов, – говорил он, – огромная

¹ Там же. Л. 3, 4.

² ПЗ ПАК. Т. I. С. 49–50.

³ Там же. Т. II. С. 46.

страна с 4,5-миллионным населением, 20 городами, богатая полезными ископаемыми. И здесь банку предстоит провести большую работу. Кроме того, армяне проживают во всей Малой Азии, следовательно, деятельность банка должна распространяться и на них.

Я. Завриев, который недавно вернулся из поездки за границу, поделился с участниками заседания своими впечатлениями от встреч с зарубежными представителями разных сфер. Он сообщил о том, что к этому вопросу проявляет особый интерес ответственный сотрудник министерства иностранных дел России Рафалович, с которым он встречался в Париже по рекомендации российского посла А.П. Извольского. Рафалович настаивал на том, что из всех вариантов предпочтительнее приобрести в Турции один из уже действующих банков, чем преодолевать множество преград и открывать новый. При этом он выразил мнение, что для армян было бы намного выгоднее за примерно 6 млн рублей приобрести принадлежащий евреям Салоникский банк, подключив к нему как армянский, так и русский и французский капиталы. Он также подчеркивал, что в случае обострения отношений между мусульманами и христианами банк, естественно, получит мощную поддержку от правительств России и Франции¹.

Вскоре, однако, выяснилось, что Рафалович является управляющим парижского отделения Российско-Азиатского банка (!), а также что значительная часть акций Салоникского банка принадлежит тому же Российско-Азиатскому банку (!). Таким образом, *оба эти банка фактически находились в руках французских и российских евреев*. Посему, говорил Завриев, в случае принятия предложения Рафаловича предпринятое армянами дело оказалось бы отданным в распоряжение евреев, которые, обладая большей частью акций Салоникского банка, никак не считаясь с армянами, использовали бы его в *своих интересах* (!).

Обстоятельно обсудив сообщение Завриева, бюро ПАК четко сформулировало свою точку зрения о коммерческой, а в дальнейшем и других функциях банка: армянский банк должен действовать в пределах армянских земель, в руках армян должны находиться рычаги управления этими банками в целях осуществления в стране собственной политики повышения экономического и культурного уровня ее населения.

Бюро посчитало желательным привлечение российского и французского капиталов в банки Турецкой Армении, если они не станут превышать размер армянских вкладов. Вместе с тем в качестве вехи в банковском деле был принят тот постулат, что существование национального банка вне Армении с точки зрения национальных интересов совершенно неприемлемо, даже если банк будет очень прибыльным.

¹ ПЗ ПАК. Т. II. С. 48.

Бюро выразило мнение, что резиденцией правления армянского коммерческого банка должен быть Петербург – биржевой и финансовый центр Российской империи. Участники заседания высказали пожелание, чтобы банком руководил П. Гукасов. Бюро также избрало комиссию в составе М. Пападжанова, П. Гукасова, М. Аджемова и А. Сарухяна для разработки устава банка совместно с Московским армянским комитетом¹.

Для российского капитала было выгодным установление в Армении продолжительного мира. Но для развертывания там широкой торгово-экономической деятельности этого было недостаточно. Было необходимо, чтобы там установился если не политический, то хотя бы административный и гражданско-правовой стабильный порядок.

На турецком торговом рынке положение России было незавидным в основном из-за неблагоприятных политических условий. Несмотря на это из года в год росло количество вывозимых из России в Турцию товаров. За период 1905–1910 гг. российский экспорт в Турцию вырос почти вдвое².

Из великих держав по объемам товаров, ввозимых в Турцию, первой в 1910 году была Англия – 26 %, затем следовали Австрия – 16 %, Франция – 16 %, Италия – 8 %. Следом за ними шла Россия, которая опережала даже Германию³.

Если сравнительно небольшая доля экспорта российских товаров в Турцию не соответствовала возможностям России, то, учитывая удобство доставки товаров по сухопутным маршрутам, можно сказать, что цифры были более утешительными для российской стороны.

До 1900 года российские товары вообще не ввозились в Ван, Битлис и другие города Армении, кроме, пожалуй, Эрзрума, куда с Кавказа доставлялась в основном нефть. В Эрзрумский вилайет товары прибывали также из Европы, они выгружались в порту Трапезунда, затем на телегах и мулах довозились до Эрзрума. От Трапезунда до Эрзрума почти 270 верст, которые преодолевались за 10–15 дней. Довольно крупные транзитные товары, направляемые в Персию, также караванами шли по дороге Трапезунд – Эрзрум. Это был длинный, но удобный маршрут. Главным недостатком была полная непроходимость этого пути в зимний период.

Начиная с 1900 года ряд российских товаров, в первую очередь сахар, начал завоевывать новые и новые рынки в Турецкой Армении. По данным за 1911 г., в Ванский вилайет было ввезено товаров на 1 144 000 рублей, 30 % которых пришлось на Россию. За тот же год через Закавказье в Армению было экспортировано 22,4 тыс. пудов пшеницы, 76 тыс. пудов сахара, 200,5 тыс. пудов лесоматериалов, 73,9 тыс. пудов металла, 34,8 тыс. пудов угля, 181,1 тыс. пудов нефти⁴.

¹ Там же. С. 53.

² См.: Мшак. № 63, 22 марта 1914 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

Цифры свидетельствуют о том, что для России Турецкая Армения могла стать рынком с обширными возможностями, который все больше расширялся бы за счет трудолюбия и цивилизованности ее населения, а также за счет неисчерпаемых естественных богатств страны. Этот рынок мог и должен был быть привязан к ходу экономического развития России. Ясно, что речь шла отнюдь не о сентиментальном стремлении помочь «единоверному» народу, а о весьма реальных, ощутимых и выгодных вещах.

Товары из России в восточные губернии Турции в основном перевозились через поселок Игдир Ереванской губернии. Эта дорога не была шоссейной, благоустроенной, весной она была почти непроходимой. Из Игдира тракт вел в Ван, опять же по очень неудобной горной дороге, которая зимой была непроходимой, а весной – труднопроходимой. Следовательно, одной из неотложных задач становилось строительство хотя бы одной шоссейной дороги из Игдира в Битлис или в Ван.

В первые месяцы 1914 г. проснулась надежда на то, что Россия начинает отходить от своей инертной позиции в вопросе строительства железных дорог в Турции. Доказательством служило то, что было начато строительство железнодорожного пути от Сарыкамыша до турецкой границы. Но строительство этого короткого пути не могло обеспечить безопасность русских владений в Закавказье, как и не было в состоянии стать противовесом германской программе сооружения широкой железнодорожной сети в Западной Армении. Принимая во внимание эти обстоятельства, Россия, наконец, вынуждена была принять меры для приостановления возникших претензий Германии. Иначе не могло быть, поскольку Россия не сумела обеспечить свое экономическое и культурное присутствие, как это уже было сделано Германией. Следовательно, единственным средством для проникновения в Турецкую Армению оставалась железная дорога.

С этой точки зрения важным стало то, что Россия достигла соглашения с турецким правительством о пересмотре русско-турецкого договора 1900 г. относительно концессии на строительство железных дорог в Армении. Согласно этой договоренности Россия получала новую концессию с участием французского капитала на строительство широкой сети железных дорог в армянских губерниях, которые должны были протянуться по линии Карс – Эрзрум – Ерзнка – Ван – Битлис.

Для Эрзрумской и Сивасской губерний наиболее значительным могло стать строительство железной дороги из Карса в Эрзрум либо в Ван. В свое время Россией было получено право на строительство железнодорожного пути из Карса в Эрзрум, но по некоторым причинам оно так и осталось неосуществленным. Многие надеялись, что Россия наконец предпримет строительство, причем очень скоро. Армяне были убеждены в том, что железная дорога сможет полностью изменить коммерческую ситуацию в Турецкой Армении, повлияет на

ассортимент и цены импортируемых товаров, формы торговли. Тем самым российская промышленность обрела бы весьма выгодный рынок. Качественный российский товар вытеснил бы многие европейские товары и стал бы доминирующим на местном рынке. Для превращения Турецкой Армении в стабильный рынок сбыта русских товаров требовалось приложить немало усилий как со стороны русских, так и со стороны турецкого армянства.

Однако эмоциональные ожидания армянства наталкивались на холодный расчет русской стороны. В Петербурге находили, что невозможно начать строительство железных дорог в Турецкой Армении до тех пор, пока не начнется и не завершится сооружение горной шоссейной дороги, иначе армянская железная дорога станет служить стратегическим целям турок: в случае войны проникнуть через границу России в ее пределы «станет так же легко, как для нас войти в соседнюю комнату».

По мнению некоторых, одним из главных преимуществ строительства шоссейных и особенно железных дорог между Кавказом и Турецкой Арменией стало бы то, что это способствовало бы более тесному сближению двух частей армянского народа. Этот процесс по обе стороны армянской границы постепенно стимулировал бы их культурно-экономическую, а затем и политическую интеграцию. Армяне также надеялись, что благодаря этому полностью изменятся нравы и обычаи жителей Западной Армении. Наиболее эмоционально рассуждающие склонялись к той мысли, что спустя короткое время после открытия железной дороги при постепенном развитии процесса сформируется желание абсолютного большинства армянского народа – мирное присоединение губерний Турецкой Армении к великой России.

Также предполагалось, что вскоре возникнут благоприятные условия для индивидуальных и групповых взаимных поездок (туризма) турецких и русских армян. Это было очень важно для западноармянских учителей, для представителей интеллигенции, коммерсантов и т.п. Столь же полезным было бы посещение Турецкой Армении представителями различных слоев восточных армян. Большое значение имели бы поездки в Западную Армению восточноармянских историков, географов, этнографов, геологов для изучения географии страны, быта и нравов, а также полезных ископаемых, водных ресурсов, возможностей применения передовых агротехнических методов в сельском хозяйстве и т.д.

В этой связи уже имелись хорошие примеры. Например, после своего длительного странствия по Западной Армении А-До (Ованнес Тер-Мартirosян) изложил увиденное и услышанное в книге «Ванский, Битлисский и Эрзрумский вилайеты. Попытка изучения географического, статистического, правового и экономического положения этой страны»¹ и поведал русским армянам о жизни западного армянства.

¹А-До. Ванский, Битлисский и Эрзрумский вилайеты. Попытка изучения географического, статистического, правового и экономического положения этой страны. Ереван, 1912 г. (на арм. яз.).

Все были убеждены в том, что скоро можно будет ежегодно посылать из провинций Кавказа тысячи армян в монастыри Вараг и Св. Карапет, а из разных частей Турецкой Армении армяне будут посещать святыни Восточной Армении – духовный центр армянства Св. Эчмиадзин, руины царского града Ани, монастыри Хорвирап, Татев, Гандзасар, Хцконк, Ахпат, Санаин, Агарцин... Массовые посещения святынь Армении укрепили бы контакты двух частей народа, в частности проснулась бы энергия былых времен в западных армянах, углублялись бы и обновлялись национально-религиозные чувства.

В армянских газетах предлагалось начать строительство типовых сел по примеру европейских и американских населенных пунктов (поселков, городков) в Турецкой Армении. Для осуществления подобной программы, безусловно, нужны были гигантские средства. Бытовало мнение, что станет возможным изыскать их, если обратиться ко всем видным армянским промышленникам и финансистам мира, а также организовать общенациональный сбор средств.

На собранную сумму прежде всего следовало приобрести дешевые хутора-фермы, а также малопригодные для обработки земли, которые выдавались бы по низким ценам. На этих землях предусматривалось построить первые 50–60 небольших сел с широкими, зелеными улицами и правильными типовыми домами, и каждой семье выделить равные земельные участки для обработки. Приоритет на поселение в этих селах предоставлялся возвращавшимся на родину эмигрантам и жителям соседних сел, лишенных средств к существованию. Они в меру своих возможностей содействовали бы возрождению армянской нации. Армянские деятели были уверены в том, что поскольку с одной стороны Германия, а с другой Россия стремились на территории Армении создать широкую сеть железных дорог, открывать мастерские, а следовательно – рабочие места, то для поселившихся в типовых селах армян, в том числе и для репатриантов, откроется широкое поле деятельности.

К планированию и строительству будущих поселков предусматривалось подключить армянских переселенцев, обосновавшихся в городе Фрезно штата Калифорния и его округе, которые могли применить свой опыт строительства домов на родине. Одновременно их можно было уговорить остаться в стране, воспользоваться возможностями преобразований, способствуя тем самым благоустройству и культурно-экономическому подъему родины.

Начиная с марта 1914 г. в армянской общине Франции также велись подготовительные работы в этом направлении. Здесь были настроены отправлять в Армению соответствующих специалистов для внедрения новейших научных достижений в сельское хозяйство Тигранакертского (Диарбекирского), Багешского (Битлисского) и Ванского вилайетов.

Разумеется, если бы строительство типовых поселков приобрело широкие масштабы и охватило многие провинции Западной Армении, то на строительство стали бы приезжать и многие кавказские армяне, благодаря чему возникла бы новая благоприятная возможность сближения двух частей армянства.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Армянский народ, переживший тысячелетия своего исторического пути, оказался в XX веке разделенным на две части, которые находились в государствах с крайне разными экономическими и культурными уровнями, представлявших разные цивилизационные миры.

Армянский народ состоял из двух основных частей – турецкого армянства и русского армянства, каждая из которых прилагала все усилия для сохранения своей национальной идентичности. Нельзя было сказать того же о той части армянского народа, которая отделилась от единой национальной армянской плоти и нашла пристанище во многих странах мира, оказываясь перед угрозой ассимиляции и исчезновения.

После принятия программы преобразований во внутринациональной жизни возникли многочисленные жизненно важные проблемы, ждущие своего решения: в каких взаимоотношениях находятся ныне две великие части армянства и что будет завтра, что их объединяет и разделяет, есть ли возможность для их духовно-культурного воссоединения, и если есть, то как и какими средствами достичь этого.

Общеизвестно, что нация может быть единой, если элементы, составляющие ее целостность, имеют одинаковое обличие, нравы и обычаи, традиции, обладают единообразием в вопросах воспитания и образования.

Однако армянский народ имел несчастье оказаться во власти держав с предельно разными цивилизационными уровнями, постоянно враждующих друг с другом. Вследствие великодержавной политики этих государств разные части Армении оказались политически изолированными. Будучи разделенными друг от друга непроницаемыми государственными границами, лишенными общей политической жизни и этнического единства, армяне со времени приобрели отличающиеся друг от друга черты национального характера.

Турецкие и кавказские армяне жили бок о бок, но в пределах двух враждующих государств: граница, проведенная поперек «тела» Армении, поставила между армянами непреодолимую преграду, превратила их в носителей разных систем ценностей. Будучи разделенными физически, они отдалились друг от друга, приобрели разные обычаи и ментальность, приспособились к разным образовательным

и воспитательным системам. Но все же у них еще были определенные сходства – некоторые генетически унаследованные традиции, идентичность культовых ритуалов, вовлеченность в три национальные политические партии и т.д., но этого было недостаточно для национального единства.

Побывавший на Кавказе и вернувшийся в Константинополь доктор Врмян в своем письме от 16 (29) марта 1914 г. писал находившемуся в Америке (Бостон) С. Врацяну: «Мне повсюду оказывали прием, и я измерил разницу между турецкими и кавказскими армянами. Кавказцы по своему обличию, по своим человеческим и социальным переживаниям несравненно выше. Моей меркой сравнения не является простой люд – везде те же армяне. Я имею в виду среднеобразованных людей – мещан. Велика разница, например, между каринцами и александропольцами (гюмрийцами), хотя и они оба принадлежат к одному племени (Высокой Армении) и наречию, многие из них связаны дальними родственными и кумовскими отношениями – по обе стороны границы»¹.

В мещанской среде двух отдалившихся друг от друга частей армянства стало привычным делом не понимать друг друга, даже подтрунивать или насмеяться друг над другом.

Гнчакист С. Сапах-Гюльян как-то раз вспоминал об одной своей встрече с Миначом Черазом:

«Едва подойдя ко мне, он полунасмешливо спросил:

– Браток, как вы нас называете?

– В каком смысле? – удивленно спросил я.

– Хочу сказать, вы, русские армяне, как вы там зовете нас, турецких армян?

– Вы знаете это лучше моего: Вы ведь, г-н Чераз, более опытный деятель!

– Ладно, браток, почему вы зовете нас хососами²?!

– Сдается мне, почетное звание хососа не используется ведь ко всем турецким армянам, а лишь к константинопольцам! Хотя в последнее время русские армяне тоже часто обзываются хососом!»³

Некоторые предлагали начать разъяснительную работу среди обеих частей армянства и уговорить соотечественников не употреблять ни в устной, ни в письменной речи понятий «русский армянин» и «турецкий армянин», что унижительно для нации, что лишний раз напоминает о ее жестокой судьбе и нынешнем состоянии – следствии потери собственной государственности.

В своих мемуарах «Воспоминания градоначальника» (на арм. яз.) Александр Хатисян замечал, что на Кавказе армянский народ, в частности его образованная часть – интеллигенция и партийные деятели,

¹ Вэм (на арм.). № 1, январь – апрель, 1935. С. 96.

² «Хосос» – пренебрежительное восточноармянское прозвище турецких армян (на западноармянском «хос» – «тут», – Г. С.).

³ Сапах-Гюльян С. Ответственные. 2-е изд. Бейрут, 1974. С. 216 (на арм. яз.).

жили по двум гносеологическим принципам: некоторые, как граждане России, были связаны с русской культурой, русской интеллигенцией, но не были далеки от своей национальной идентичности, а другая часть образованного класса жила сугубо национальными идеалами.

В том возрасте, когда формируется духовный мир человека, когда закладываются основы политического мировоззрения, тысячи молодых армян, учась в российских университетах и политехнических училищах, не только получали глубокие знания, но и общались со светлыми умами России и испытывали на себе благотворное влияние русской культуры.

Несмотря на то, что российское правительство вводило некоторые ограничения в образовательной и культурной сферах, а иногда даже прибегало к насилию (например, закрытие армянских церковных школ при кавказском наместнике князе Голицыне), тем не менее в условиях российского господства все национальные меньшинства империи, в том числе и армяне, переживали ощутимый прогресс в культурной и образовательной областях.

Иным было положение армянской интеллигенции и партийных деятелей в Турции. Они получали образование в армянских или французских школах и поэтому были носителями армянской либо европейской культуры. Турецкой культуры как таковой не существовало, следовательно армянская интеллигенция была оторвана от турецкой жизни. Именно это обстоятельство становилось дополнительным поводом для турецких властей в случае необходимости применять нравственное, экономическое и физическое насилие по отношению к армянским школам и культурным учреждениям.

«Однако, – писал Хатисян, – нет никакого сходства между насилием в отношении армян в Турции и России. Русское правительство препятствовало естественному развитию армянской национальной культуры, в то время как турки угрожали физическому существованию армянского народа.

Достаточно указать на тот факт, что ни один русский армянин не хотел жить под турком, а вот каждый турецкий армянин стремился в Россию, где находил мирные условия для труда. Справедливости ради следует сказать, что русская культура, язык, обаяние русских женщин распространяли русское влияние в среде мещан и интеллигенции – обстоятельство, тревожившее наших братьев в Турции, которые видели в этом явлении серьезные признаки денационализации. Еще в 1914 году известный турецко-армянский литератор Зограп сообщил мне о своих опасениях по этому поводу»¹.

Главным орудием, формирующим национальный организм, является язык. В те дни в условиях угрозы, нависшей над языком турецких (западных) армян, стал чрезвычайно злободневным завет великого восточноармянского писателя, мыслителя 1-й половины

¹ Айреник. № 11 (119), сентябрь, 1932 г. С. 118–119.

XIX века Хачатура Абовяна: хранителями любой нации являются язык и вера.

Народ был не в состоянии противостоять этой ситуации, сбросить оковы, разделявшие его на две части. В результате единый национальный язык также был разделен: возникло два литературных языка – восточноармянский и западноармянский, и каждый со своей специфической лексикой, стилем, более того – с двумя разными грамматиками.

К счастью, армянский народ исторически был наделен мощным качеством – умением в условиях величайших политических катаклизмов сохранить свою национальную идентичность: это была его национальная культура, духовная жизнь, которые не подчинялись диктату чужеродных сил. Этот феномен побуждал разные части армянства всегда стремиться к сближению, преодолевая стоявшие между ними преграды.

Для сближения разных частей у армянства имелось мощное средство – язык, который является отражением психологии, менталитета и национальных особенностей. Армяне России, Турции, Персии, Египта жили в географически раздельных друг от друга, политически разных средах, однако их национальный язык как внеполитический фактор продолжал существовать также внутри пределов, разъединявших его части.

Но какой бы сильной ни была сопротивляемость национального языка, под давлением обстоятельств он все же постепенно отступал, утрачивал веками сохранявшиеся особенности под влиянием объективных обстоятельств.

Именно в результате этого, начиная с 30–40-х годов XIX века, проявились различия в литературных языках двух крупнейших частей армянской нации. Еще до середины века в армянской среде господствовало единство литературного языка (среднеармянский язык), основой которого был *грабар* (древнеармянский язык). Этот язык был единственным для всех армян – в Эчмиадзине и Тифлисе, в Новой Нахичевани и Москве, в Константинополе и Новой Джуге, в Венеции и Калькутте, в Киликии и Васпуракане, в Высокой Армении и Гайке, в Арцахе и Парскаайке... Армянская словесность была одна, тот же язык со своей лексикой и единой грамматикой.

Кроме письменного языка – грабара, существовал и разговорный армянский язык, на котором говорили как армяне Вана, Муша или Эрзрума (Карина), так и армяне Араратской равнины, Сюника или Арцаха.

Настали новые времена, когда письменный литературный язык должен был уступить место народному разговорному – *ашхарабару*. Долгий спор между сторонниками народного языка и грабара в конце концов разрешился в пользу ашхарабара. Литературный ашхарабар был доступен народу.

Став мощнейшим стимулом для дальнейшего развития армянской литературы, ашхарабар в то же время создал языковые преграды между двумя частями армянства. В чем причины этого явления? Мнения на этот счет разделились. Вот основные точки зрения.

Новый армянский литературный язык должен был сформироваться в родной для армян среде на базе народного разговорного языка, богатой сокровищницы его наречий и говоров. Причем должен был возникнуть единый литературный язык, а не два (восточноармянский и западноармянский), как это имело место. А два языка возникли вдали от армянской земли – в армянских колониях. Более того, они были выкованы по инициативе и усилиями отдельных личностей, да и то не эволюционным, а революционным путем, поспешно. Западноармянский ашхарабар, литературный язык, возник и стал развиваться, искусственно имитируя говор константинопольских армян, а восточноармянский язык сформировался на базе того армянского, который функционировал в Московской Лазаревской семинарии, и в свою очередь прошел через творческое горнило великого армянского просветителя Хачатура Абовяна. Иными словами, сам народ, по сути, не участвовал в создании двух (или же одного) литературных армянских языков.

С течением времени два армянских литературных языка все больше отдалялись друг от друга. Этому способствовало следующее обстоятельство: восточноармянский литературный язык подвергался мощному влиянию русского языка, что проявлялось в заимствовании из этого языка многочисленных слов и терминов и грамматических форм. В восточноармянский проникали также слова и термины из западноевропейских языков.

Что касается западноармянского литературного языка, то он испытывал непосредственное влияние европейских языков и, в первую очередь, французского.

Таким образом, два армянских языка, будучи оторванными от народной основы, стали развиваться в разных направлениях. Из-за взаимного неприятия константинопольские армяне считали восточноармянский невыносимо грубым, а русские армяне произносили западноармянские слова с пренебрежительной усмешкой.

А ведь речь идет об одном народе, объединенном общей культурой и религией, и происходило это вопреки общенациональным интересам. Дело доходило до того, что константинопольские армянские газеты избегали помещать на своих страницах сообщения из газет русских армян, а если это изредка происходило, то ссылки на восточноармянские статьи и материалы, как правило, представлялись в переводе на константинопольский армянский, как, скажем, переводились с французского либо турецкого¹.

¹ О возникновении и формировании двух армянских языков см.: Оризон. № 53, 13 марта; № 54, 14 марта 1912 г.

Однако вопреки пуританизму константинопольских газет сам народ Турецкой Армении, особенно армянских губерний, проявлял стремление усвоить восточноармянский язык, и это ему удавалось. Было заметно, что, приезжая на Кавказ и оставаясь там два-три года, турецкий армянин усваивал язык местных армян и манеру речи, начинал говорить на восточноармянском ашхарабаре, в то время как восточноармянский интеллигент приезжал в Константинополь или другие армянские области и, оставаясь там подолгу, упорно не желал говорить на западноармянском, более того, не использовал ни одного западноармянского слова.

Возможно ли было спустя века вновь возродить единый народный язык? Людей, положительно отвечающих тогда на этот вопрос, было ничтожно мало, а придерживавшиеся противоположной точки зрения комментировали эту возможность следующим образом: язык – это наследие, полученное от предков, и он выковывался не в одночасье, а в течение веков, постепенно, то есть не революционным путем. В прошлом все попытки по слиянию языков были напрасными. Это невозможно сделать искусственно.

Обращаясь к вопросу о возможности создания общего гайканского языка, знаменитый западноармянский литератор, публицист и общественный деятель Аршак Чопанян писал: «Красивое, но несбыточное желание. Оба языка будут существовать и постепенно развиваться. Возможно лишь то, чтобы носители словесности обеих сторон, знакомясь поближе друг с другом, способствовали бы взаимному обогащению наречий теми оборотами, словами, формами, аналогии коих не существует в данном из них, можно также пользоваться успешными усилиями каждого в вопросах языкового уточнения, конкретизации. Для этого, в частности, необходимо, чтобы словесники обеих сторон пребывали в более систематических, продолжительных и близких отношениях друг с другом. Желательно, чтобы словесники обеих сторон всегда обменивались своими трудами»¹.

Защитники этой точки зрения говорили и о том, что для достижения желанной цели прежде всего следует обратиться к Средневековью, поднять во всем объеме разговорный и книжный язык тех времен – *грабар*, на фундаменте которого сформировались восточноармянский и западноармянский литературные языки. Но возможно ли это в условиях политической жизни начала XX века, – задавались они вопросом, – и заключали: не только невозможно, но и нецелесообразно.

Бытовой язык турецких армян был богат турецкими словами и стилистическими оборотами, а в некоторых местностях Западной Армении, кроме турецкой лексики, использовались десятки курдских слов.

Однако во второй половине XIX века как в западноармянском, так и в восточноармянском языках имели место значительные положительные сдвиги.

¹ Анаит. № 11–12, март – апрель, 1909–1910. С. 249.

Начиная с 1850-х годов западноармянская интеллигенция взяла на себя историческую роль. Благодаря ее усилиям на новую ступень развития был поднят учебно-образовательный процесс, в результате чего во второй половине века стало возможным совершить настоящий переворот в языке армян Константинополя и Смирны, вытеснить из него чуждые армянскому языку иноязычные слова, таким образом освободив родной язык от повсеместного турецкого влияния. Результаты воспитания подрастающего поколения на исконном родном языке не заставили себя ждать. Поколение армянских школьников уже разговаривало на армянском в своих семьях, что передавалось, естественно, остальным членам.

Что же касается восточных (кавказских) армян, то они меньше заботились о сохранении чистоты родного языка.

Общеизвестно, что русский язык и культура благотворно влияли на духовно-культурное развитие других народов империи. После присоединения Восточной Армении к России местное армянство также было включено в российскую общественно-политическую жизнь, испытывая благотворное влияние русской культуры.

Однако начиная с 80-х годов XIX века царизм проводил политику ненасильственной ассимиляции иных народов империи, применяя в качестве основного инструмента русский язык. Одним из главных средств великодержавной политики стало создание широкой сети русских школ на инонациональных территориях и ее постепенное расширение, что, естественно, препятствовало делу национального образования и воспитания. Подрастающее поколение иных народов, в том числе армян, постепенно отдалялось от своих национальных корней.

Ашхарабары западной и восточной частей армянства, их орфография и грамматика значительно отличались друг от друга. Более того, среди самих русских армян по вопросам орфографии было много разногласий. Многие восточноармянские писатели и газеты следовали совершенно отличным друг от друга правилам.

На пути сближения двух разъединенных армянских литературных языков стояли и другие препятствия. Среди таковых были сильные различия местных провинциальных наречий двух частей народа.

Более века армянская интеллигенция была занята вопросом устранения различий между армянскими диалектами. Все это время армянская печать прилагала усилия для установления общности и сближения диалектов. И вот сейчас, в 1914 году, этот нерешенный вопрос вновь стал предметом пристального интереса литераторов, лингвистов, однако ни одному из них так и не удавалось найти выхода из создавшейся ситуации¹.

Но стояли конкретные практические задачи, при решении которых можно было достичь определенных положительных результатов.

¹ В условиях восстановления армянской государственности были поставлены на научную основу исследования проблемы взаимодополнения и сближения двух ветвей ашхарабара.

Среди них, например, были вопросы фонетики и особенно транслитерации, которые зачастую проявляли недопустимое многообразие как в устной речи, так и на письме (например, П'ариз, Бариз, Париз и т.п.). Пока еще можно было добиться, чтобы в восточноармянских и западноармянских школах, печатных изданиях одинаково произносили и печатали многие слова, в особенности географические названия.

Хотя положение не обнадеживало, но существовало некое утешение. Многие были убеждены в том, что Турецкая Армения в конце концов присоединится к Российской империи, и таким образом Армения восстановит целостность. Тогда возникнут объективные условия для сближения языков двух частей армянского народа.

В вышеупомянутом письме С. Врацяну побывавший на Кавказе А. Врарян писал: «Неприятная часть моих впечатлений – это быстрая денационализация в рядах интеллигенции, которая глубоко оскорбительна для любого чуткого армянина. Даже дети наших товарищей, Варандяна и других, говорят на русском...»¹ Что касается народного просторечия в армянских сельских общинах Кавказа, то оно было некоей смесью армянского, турецкого, персидского и русского.

Общим заключением было то, что быстрое сближение двух национальных языков станет возможным только тогда, когда политические условия будут благоприятствовать этому, то есть если армянский народ обретет государственность.

Если достижение языкового и культурного единства являлось долгосрочной задачей, то достижение гармонии в других сферах жизни, казалось, уже вырисовывалось. Одной из главных забот армянских национальных властей и интеллигенции была коренная реорганизация образовательной системы, развитие школьного образования, в армянских городах и селах как в Турции, так и в России. Армянская школа являлась содержательным стержнем внутринациональной жизни.

Но прежде чем дать толчок образовательному процессу общенационального масштаба, необходимо было радикально усовершенствовать учебный процесс и в Восточной, и в Западной Армении. Школьное образование было в плачевном состоянии. Хотя уровень образованности русских и турецких армян был несравненно выше уровня образованности соседних народов, он значительно отставал от российского и тем более от европейского. Свидетельством тому были малочисленность учащихся и низкая успеваемость, неудовлетворительный уровень благоустроенности и материальной обеспеченности школ².

¹ Взм. № 1, январь – апрель 1935 г. С. 96.

² Реорганизованное в 1908 г. Кавказское армянское благотворительное общество (КАБО), желая ознакомиться с уровнем грамотности и деятельностью армянских церковно-приходских школ, собрало сведения, из которых следовало, что существовали целые районы, где из 20–25 армянских сел лишь в двух-трех имелись приходские школы, а из 50–60 сел, лишь в 5–6 имелись одногодичные школы, да и то – неблагоустроенные. Состав грамотных среди лиц мужского пола с трудом достигал 4–5 %, а среди лиц женского пола – 2–3 %. Через 5 лет, в 1913 г., картина значительно не изменилась (НАА. Ф. 56. Ст. 15. Д. 614. Л. 8–9). Вопросы реформирования образования широко обсуждались в юбилейные дни создания армянских письмен, где демонстрировалось плачевное состояние национального образования в разных частях армянства.

Это положение не удовлетворяло не только армянские церковные власти, но и российские официальные круги. «Русские армяне и турецкие армяне, – подчеркивал русский посол М.Н. Гирс, – должны совместными усилиями продвигать вперед дело развития национальной культуры, открывая школы и просветительные учреждения...»¹

Делу улучшения школьного образования в обеих частях нации могли чрезвычайно способствовать двусторонние визиты педагогов, которые дали бы возможность не только устанавливать нововведения и обмениваться опытом, но и способствовали бы сближению учительских коллективов и учеников, а следовательно, был бы сделан хотя бы один шаг на пути сближения обеих частей нации. В прошлом, во времена Абдул-Гамида, лица, получившие образование и воспитанные в русско-армянских училищах, в ограниченном количестве прибывали в основном в Константинополь и Смирну, а также в Турецкую Армению и вливались в местную систему образования. Бывали также случаи, когда получившие образование в западноармянской среде, хоть и в незначительном количестве, работали в армянских школах Кавказа.

Было ясно, что подобные ограниченные контакты не могли иметь сколько-нибудь положительного эффекта в развитии школьного образования по обе стороны границы.

После османской революции 1908 года значительное число армянских учителей с Кавказа перебралось в Константинополь и стало работать в армянских училищах, но результаты не были обнадеживающими, поскольку, не будучи знакомы с условиями жизни турецких армян, они, за небольшим исключением, не смогли приспособиться к среде, а предлагаемые ими знания, будучи несоответствующими местным условиям, вызвали справедливое недовольство. И это было неслучайным, поскольку методы, применявшиеся в армянских образовательных заведениях России, были заимствованы из немецкой образовательной системы: они были жесткими и сложными.

Что же касается армянских школ в Турции, то следует заметить, что они в основном находились под воздействием французской образовательной системы, более либеральной и доступной. С конца XIX века были сделаны попытки распространить на армянские школы Константинополя швейцарскую модель образования, которая была точной копией немецкой. Однако этот опыт не увенчался успехом, ибо западные армяне продолжали питать самые теплые чувства к Франции, вдохновляться ее гуманистическими и свободолюбивыми идеями.

Более злободневной становилась необходимость сближения школьных систем двух частей армянства. С этой целью делались многочисленные предложения: посылать большое число учителей и работников сферы образования в Армению для длительной работы,

¹ НАА. Ф. 57. Ст. 5. Д. 65. Л. 1.

одновременно отправлять из Турции на Кавказ армянских учителей для работы в армянских школах. Вряд ли можно было ожидать в обозримом будущем положительных результатов. Наивно было полагать, что турецкое правительство допустило бы выезд из страны такого большого количества армянских учителей и прием такого же числа армянских учителей с Кавказа. Такое же отношение проявили бы и российские власти.

Значит, надо было искать новые пути. Многие армянские деятели полагали, что учителей следует посылать в основном не в армянские школы Константинополя и других городов, а в провинцию для того, чтобы преподаватели приходских школ сумели воздействовать на общее развитие простого народа. Они были убеждены в том, что маленьких детей будет легче приобщать к российским методам обучения и готовить их для продолжения учебы в известных восточноармянских учебных заведениях, таких как Эчмиадзинская семинария Геворгян, Тифлисская школа Нерсисян, Ереванская учительская семинария и даже Московская Лазаревская семинария.

С точки зрения контактов молодежи более благоприятными были условия светских учебных заведений. Что касается семинарии Геворкян, то здесь армянские студенты, живя в замкнутых условиях Эчмиадзинского монастыря, не имели возможности ознакомиться с нравами кавказских армян и возвращались на родину, почти ничего не узнав о жизни своих кавказских соотечественников. С другой стороны, абсолютное большинство армянской молодежи Турции, которая училась в армянских школах в России, после завершения учебы не возвращалась в родные края, а находила поле деятельности в Тифлисе, Баку, Ереване, на Северном Кавказе, в Крыму и других местах.

Как видим, в своем стремлении достичь единообразия образовательных систем две части армянства сталкивались с многочисленными преградами, перспектива устранения которых была весьма туманной.

Именно по этой причине многие деятели основным средством достижения единообразия в образовании считали не обмен учителями, студентами и учениками, а унификацию *школьных программ*.

Армянские образовательные учреждения как Турции, так и России в основном находились под непосредственным контролем армянских национальных духовных властей, и это обстоятельство могло чрезвычайно облегчить унификацию школьных программ. Для создания учебных программ преподаваемых дисциплин нужно было предпринять шаги по составлению по обоюдному согласию смешанных педагогических комиссий.

В связи с реализацией армянских преобразований возникла потребность в скором расширении школьной сети в Западной Армении.

26 апреля 1914 г. католикос Геворг V Суренянц обратился со специальным кондаком к армянским национальным властям, партиям

и отдельным личностям, призывая их не жалеть усилий и энергии для коренного улучшения образования среди турецких армян. Он предлагал параллельно с открытием новых начальных и средних школ не забывать о важности основания аграрных и коммерческих училищ¹. На призыв католикоса сразу же отозвался Погос Нубар-паша. При этом он и возглавляемый им АБОС делали акцент на открытии многочисленных высокопрофессиональных аграрных и ремесленных училищ. АБОС принадлежало 41 училище и предполагалось удвоить это число за короткий период.

Второй съезд, созванный Тифлисским национальным бюро 3–6 мая 1914 г., поставил на рассмотрение вопросы расширения школьной сети в Турецкой Армении. Выступающие считали, что «съезд должен решить эту проблему, поскольку наше решение будет иметь также большое моральное значение»². Принимая во внимание непосредственные нужды Отечества, они считали правильным заботиться о развитии, прежде всего, сельскохозяйственного образования. Отзываясь на призыв католикоса, съезд призвал все восточноармянские национальные власти не жалеть сил для продвижения этого важнейшего дела³.

Печать провозглашала, что настал час, когда все армянские национальные партии должны объединиться вокруг общей программы благоустройства Турецкой Армении, дабы стало возможным подготовить будущее поколение, преисполненное «мудрым восприятием нравственности», и во имя этой цели необходимо основательно реформировать образовательную систему в армянских губерниях.

Газета «Азг» писала о том, что в настоящий момент важнейшей задачей должно стать создание компетентных учительских кадров, следовательно «нашим первейшим делом должна быть подготовка учителей, способных воспитывать племя армянское, благодаря которым подрастающему поколению будет привит всеобщий дух высочайшей нравственности»⁴. Они также должны были открывать в Армении педагогические училища, в которых готовили бы учителей для сельских школ.

Второй образовательной задачей национальных властей и партий должна была стать отправка в Европу и Америку самых способных молодых людей для получения университетского образования, они были бы обязаны после завершения учебы сразу возвращаться на родину с тем, чтобы передавать свои знания новому поколению армян.

Таким образом, сыновья народа, получившие образование в преподавательских училищах и за рубежом, были бы способны полностью реформировать турецкое армянство и возвестить о заре национального возрождения. Речь шла о том, что у армянства должна была

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 70. Л. 2–4.

² Там же. Ф. 227. Сп. 1. Д. 216. Л. 5–8.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Азг. № 36. 25 февраля 1914 г.

быть высокоразвитая интеллигенция, которая была бы способна разработать национально-общественные идеалы, трезво и осознанно охранять права своей нации, пробуждать ее дремлющие массы.

Незначительная часть армянских школ Турецкой Армении была открыта до этого и действовала за счет пожертвований богатых русских армян и сборов, организованных кавказскими армянскими благотворительными организациями. Одним из ярких примеров являлась известная школа Санасарян в городе Карине (Эрзруме), которая играла заметную роль в жизни западных армян.

Что касается русской Армении, то у нее не было особых ожиданий от армян Турции, основная масса которых была на краю полного экономического истощения. Богатые армяне Константинополя и других приморских торговых городов с трудом покрывали нужды местных национальных школ, но не были в состоянии в должной мере поддерживать образовательное дело во всей Турецкой Армении. А сама провинция не могла на собственные средства делать что-либо для развития школьного образования всей страны.

АБОС и «Миацял» (рус. *Объединенный*) были хорошо организованными обществами, однако и у них не было достаточных средств для того, чтобы внести коренные изменения в образовательное дело Армении. Кроме того, в данный период эти две благотворительные организации, как уже говорилось, собирались направить свои средства в основном на создание в стране сельскохозяйственных предприятий.

Значит, оставалось надеяться на то, что помощь придет извне.

В той или иной зарубежной колонии сборы средств организовывались от случая к случаю. Издававшиеся в США газеты – дашнакская «Айреник», гнчакская «Еритасард Айастан», реорганизованных гнчаков «Дзайн айрентяц» – на своих страницах периодически призывали американских армян помогать Отечеству, способствовать открытию там школ, но результат был намного скромнее ожидаемого. Абсолютное большинство армян-эмигрантов, кое-как поддерживавших свое существование, были в состоянии оказать какую-то помощь своим близким, оставшимся на родине.

Тем не менее многие надеялись на то, что Армении будут помогать имущие армяне. И действительно, в страну поступали некоторые денежные средства в основном в виде завещаний. Так, 2 марта 1914 г. нью-йоркский суд подтвердил завещание покойного Саргиса Телфееяна, согласно которому он оставил народу 100 000 долларов. По завещанию эта сумма предоставлялась Харбердскому колледжу, американской больнице в Кесарии (Кайсери), училищам Партизака, Адабазара, Прусы (Бурсы) и другим армянским учреждениям¹.

Но для армянских общественных учреждений получаемые из колоний денежные средства были каплей в море. И взоры людей вновь устремлялись в сторону Кавказа.

¹ См.: Дайлайлик. № 26, 9 марта 1914 г.

Принятие программы армянских преобразований вызвало большое воодушевление у определенной части армянских деловых кругов России, которые были готовы своими внушительными пожертвованиями внести лепту в дело духовного возрождения западных армян, в частности в дело организации образования и воспитания подрастающего поколения.

Некоторые тифлиссские армянские деятели призывали армянских банкиров города оказать финансовую помощь прежде всего находившемуся в тяжелом положении Центральному национальному училищу Константинополя, которое считалось крупнейшим армянским училищем Турции. Оно было основано патриархом Нерсесом Варжапетяном с целью подготовки учителей для школ Армении, но за неимением средств стояло перед угрозой закрытия. «Чего бы это ни стоило, “Кентронакан” должен продолжать свое существование» – таким был девиз этого времени.

Действовавший под покровительством Католикоса всех армян школьный фонд пополнился большим числом добровольных взносов, значительная часть которых была анонимной. С начала февраля по конец мая 1914 г. Эчмиадзинский синод получил 142 646 рублей, а также ценных бумаг на сумму в 94 600 рублей, которые были переданы Тифлисской комиссии помощи. Католикос распорядился собранные средства в 1914/1915 учебном году использовать исключительно для содержания неимущих церковно-приходских школ Турецкой Армении и открытия новых там, где армянские общины были лишены материальных средств и не могли содержать школы на свои средства¹.

Армянский церковный совет Петербурга предоставил Эчмиадзинскому школьному фонду 10 000 рублей, большая часть которых была направлена Каринскому и Санасарянскому училищам, Ванскому центральному, а также учебным советам Муша и Битлиса².

Видные армяне Кавказа думали о том, как им быть лично полезными многострадальной Родине. Великий армянский композитор, музыкальный этнограф, архимандрит Комитас собирался открыть музыкальную школу в одном из центров Западной Армении (Эрзрум, Ван), а режиссер Зарифян пытался открыть армянский театр в Ване, армянские спортсмены готовились восстановить в стране древнеармянские Навасардские игры и т.д.³ А иные считали чрезвычайно важным создать в Армении высшую школу. Но это было возможно только в случае крупных денежных пожертвований со стороны русских армян.

Российское правительство в 1913 г. решило основать для Закавказья высшую школу-политехникум в 1914 году в главном городе Грузии Тифлисе. Хотя и тифлиссские армянские деятели не были

¹ НАА. Ф. 399. Сп. 1. Д. 1073. Л. 10–11 и об.

² См.: Аветабер. № 21, 23 мая 1913 г.; также см.: Мшак. № 94, 3 мая 1914 г.

³ См.: Вэм. № 1, январь – апрель 1935 г. С. 33.

против, более того, всячески содействовали осуществлению этой программы, это не решало проблемы получения высшего образования армянской молодежью двух крупнейших армянских губерний Закавказья – Ереванской и Елизаветпольской. Поэтому армяне желали иметь собственную национальную высшую школу или хотя бы высококлассное образовательное учреждение.

Прекрасно понимая, что российское правительство вряд ли станет снова финансировать создание второго государственного высшего образовательного учреждения на этот раз в Шуши или в Ереване, армяне хотели организовать всенародный сбор средств и создать свою высшую национальную школу. При этом абсолютное большинство армянских деятелей в этот момент было единодушно: ее нужно основать в Турецкой Армении – в стране Тарон, где на протяжении многих веков действовали многочисленные школы, где жили и творили многие представители армянской культуры.

А каким должно было быть это учебное заведение?

Некоторые даже полагали, что примером для будущей армянской образовательной школы может служить Московская Лазаревская семинария¹. Но многим это казалось невозможным. Открытое в начале XIX века, это высшее учебное заведение стало лучом света для кавказских армян, освободившихся от мусульманского ига, и в течение целого века играло неоценимую роль в национально-культурной жизни русских армян. Задавшись целью возродить обучение своей нации и повести ее по пути европейской цивилизации, Лазаревская семинария дала образование десяткам высококлассных армянских интеллектуалов в сфере арменоведения, армянской литературы, школьного дела, педагогики, таким как Мкртыч Эмин, Керовбэ Патканян, Рафаэл Патканян (Гамар-Катиба), Смбат Шахазиз, Езян и Шаншян, Мандинян и Багатрян и многим другим. Лазаревская семинария своим качественным образованием, широким охватом и значимостью не могла стать прототипом для планируемой высшей школы в Турецкой Армении, поскольку ее планка для последней была бы чрезмерно высокой. Кроме того, семинария действовала в прогрессивной христианской стране – России, которая покровительствовала экономическому и культурному развитию русских армян, а в Турецкой Армении будущая школа должна была существовать в чрезвычайно неблагоприятных условиях – под каждодневным жестким контролем турецких

¹ В это время Лазаревская семинария была в преддверии своего столетнего юбилея и продолжала свою плодотворную деятельность, давала образование армянской молодежи, открывала перед ней университетскую стезю. Для торжественного празднования ее столетия в Москве была создана юбилейная комиссия во главе со Степаном Мамиконяном. 26 мая 1913 г. комиссия отправилась из Москвы в Св. Эчмиадзин специальную делегацию, которая 1 июня, представ перед Святейшим Геворгом V, вручила ему обращение комиссии, в котором говорилось о том, что 10 мая 1914 года исполняется 100-летие первой армянской регулярной школы – Лазаревской семинарии восточных языков, которое 9 декабря того же года будет праздноваться в Москве. Юбилейная комиссия просила Его Святейшество взять под свое патриаршее покровительство празднования столетия Лазаревской семинарии. Вступая во второе столетие своего существования, Лазаревская семинария была готова с удвоенной энергией продолжать свою великую миссию, однако ей этого, к сожалению, не удалось из-за возникших впоследствии известных неблагоприятных событий...

властей и враждебными взорами местного мусульманского населения. Поэтому это образовательное учреждение должно было ставить перед собой весьма скромные цели – в основном готовить педагогов для армянских школ и специалистов сельского хозяйства для поднятия армянских сел.

К счастью, в тот момент всенародный сбор средств не понадобился. В Эчмиадзине вспомнили о существовании завещания Аветиса Гукасяна. Шушинский коммерсант Аветис Балаци Гукасян (1837–1902)¹ в свое время подал пример служения интересам как кавказского, так и турецкого армянства. Весьма богатый, одаренный многими добродетелями человек в течение долгих лет выделял большие суммы. Незадолго до смерти он оставил завещание², согласно которому большую часть своего состояния он пожертвовал на нужды своего народа, страдающего под турецким гнетом³. Главной мечтой Аветиса Гукасяна было основание для турецких армян училища под названием «Семинария Гукасян», и с этой целью он завещал полмиллиона рублей. Кроме этого, на расширение здания и примыкающих территорий Еремянского училища в Ване он выделил 60 тысяч рублей⁴.

Завещанная сумма была предоставлена в распоряжение Эчмиадзинского католикосата и Армянского патриаршества в Турции.

Некоторые западноармянские деятели, в том числе Аршак Чопанян в Париже, считали, что в данных условиях последнюю волю Аветиса Гукасяна совершенно невозможно претворить в жизнь. Они отмечали, что денег еще недостаточно для основания училища в Армении и что для этого прежде всего необходимо определенное количество армянских студентов, готовых к обучению, а также нужен высококлассный преподавательский состав. И поскольку ни того, ни другого в Армении не было, следовательно, считал А. Чопанян, на средства А. Гукасяна пока можно сделать две вещи: 1) в течение предстоящих 10 лет проценты от этого завещания предоставлять Центральному Национальному училищу в Константинополе, тем самым превратив его в образцовую, мощную и благоустроенную школу, которая будет давать лучшее армянское образование смышленным юношам как из Армении, так и из Константинополя; 2) на те же проценты посылать наиболее одаренных в Европу для продолжения образования в высших учебных заведениях. Из хорошо подготовленных студентов по возвращении на Родину и можно будет получить высококлассный преподавательский состав, который будет в силах претворять образовательную программу Гукасяна в одном из городов Западной Армении.

Для этого, полагал А. Чопанян, потребуется по крайней мере 10 лет. За этот период «Кедронакан» успеет восстановиться и усилиться,

¹ См.: Лума (рус. *Вклад*, Тифлис). № 6, 1902 г. (на арм. яз.).

² См.: Мшак. № 120, 4 июня 1914 г.

³ См.: Лума. № 6, 1902 г.

⁴ См.: *Ерамян Амбардзум*. Памятник Ван-Васпуракана (на арм.). Т. 2. Александрия, 1929. С. 225. (на арм. яз.).

вновь обретет свой былой статус и затем, уже не нуждаясь в процентах от завещания Гукасяна, сможет самостоятельно, на собственные средства оставаться на должной высоте. И лишь после этого на завещанную Гукасяном сумму можно будет основать университет в Константинополе и в одной из армянских губерний.

Для принятия завещания от душеприказчиков Аветиса Гукасяна по указу Католикоса всех армян назначается специальная комиссия в лице главы Тифлисской епархии епископа Месропа, члена синода епископа Маттеоса и присяжного поверенного Самсона Арутюняна¹.

Бухгалтер завещания Мкртыч Юскюзян представляет комиссии, принимающей завещание Аветиса Гукасяна, все счета, данные душеприказчиками, начиная с даты смерти благотворителя до 15 апреля 1914 года. Главным душеприказчиком был Мнацакан Хунунц, который вручает прибывшему в Тифлис 26 апреля члену синода епископу Маттеосу гарантию на использование состояния ценностью в полмиллиона рублей, состоящего из двух компонентов: 1) 400 000 рублей, в которых было векселей на 50 000 рублей, оцененной утвари на 5000 рублей и оцененных золотых изделий и драгоценных камней на 3000 рублей; 2) большой особняк с садом на 150 000 рублей на улице Микаэляна в Тифлисе, а также земельный участок в 1000 сажений².

К развитию системы образования в Турецкой Армении были подключены армянские газеты России, многочисленные благотворители, общественные и религиозные деятели.

Помимо средств Аветиса Гукасяна была возможность подключить к школьному делу также другие деньги. Так, из Новой Нахичевани (ныне часть г. Ростова-на-Дону) Григор Чалхушян писал Католикосу Гевому V о том, что дочь тамошнего известного миллионера, покойного Ована Овнаняна, живущая в Москве г-жа Варварэ Кананян, состояние которой превышает два миллиона, может уйти в мир иной, не оставив завещания. Он просил Святейшего поручить находящемуся в Москве епископу Баграту лично посетить госпожу и убедить ее завещать определенную сумму школьному фонду, сообщив ей о том, что на эту сумму откроются школы ее имени в Турецкой Армении. «Сдается мне, что можно достичь успеха»³, – заключал Чалхушян. По всей вероятности, исполнив поручение католикоса, епископ Баграт побывал у г-жи Кананян, в результате чего богатая патриотичная госпожа сделала крупное пожертвование в пользу Турецкой Армении (около

¹ См.: Мшак. № 94, 3 мая 1914 г.

² Там же. № 90, 29 апреля 1914. Вскоре грянула Первая мировая война, затем геноцид армян. Для армян уже не стало ни Вана, ни Еремянского училища, а само завещание вместе с денежной массой, хранившееся в Тифлисе, из-за падения царского рубля в результате большевистской революции «улетучилось». Новые власти конфисковали завещанные А. Гукасяном Эчмиадзину утварь, золото и драгоценности, большой особняк, сад и земельный участок в Тифлисе. Таким же образом исчезли все остальные национальные деньги, завещанные многими благотворителями...

³ НАА. Ф. 57. Сп. 2. Д. 1007. Л. 97 и об.

полумиллиона наличного капитала), часть которого должна была пойти на открытие сельскохозяйственной средней школы в городе Муш¹.

Для основания новых армянских школ известный бакинский коммерсант Еновк Галстян-Будагянц в 1913 г. завещал крупные суммы, которые по решению Эчмиадзина должны были быть направлены в Турецкую Армению.

Житель Тифлиса шушинец Мирзаджан Хачатрян в 1907 г. все свое состояние завещал Св. Эчмиадзину для предоставления стипендий армянским студентам, учащимся в России и за рубежом. Часть средств Эчмиадзин выделил армянским студентам Турции для получения образования в Европе.

Примеров бескорыстной помощи российских состоятельных армян-патриотов страждущему армянству в Турции великое множество. Однако не все обеспеченные армяне были готовы оказать финансовую помощь соотечественникам Западной Армении. В те дни армянская печать Кавказа клеймила позором тех богачей, которые не желали протянуть руку помощи своим братьям и сестрам по ту сторону границы. Так, высмеивая и бичуя скупердяев-толстосумов и их неприглядное поведение, великий армянский писатель и публицист новонахичеванец Рафаэл Патканян обращался к ним со словами: «Умел, сметлив, купец ты, гибкий, / Сонм добра, серебра имеешь шибко. / Но нету пользы Отчизне от тебя! Плевать нам и на деньгу твою, и на тебя!»

Именно по этой причине для увеличения доли, причитавшейся на школы, особенно в губерниях Армении, со стороны Эчмиадзинского школьного фонда делались предложения проводить сбор средств и среди среднего класса кавказских армян, то есть в тех слоях, которые были в состоянии выделить некоторую сумму армянским школам в Турции.

Широкое освещение на страницах армянской прессы Константинополя щедрых пожертвований, обещанных российскими армянами, вызвало большое воодушевление среди турецких армян и одновременно чувство глубокой признательности. Константинопольские армянские газеты с болью отмечали, что российское армянство в течение десятилетий оказывало турецким армянам финансово-экономическую помощь, между тем в условиях тяжелого экономического положения кавказских армян турецкое армянство не оказало последним хотя бы небольшую помощь. Разумеется, кавказские армяне никогда не касались этой темы, прекрасно сознавая, в каких тяжелых экономических условиях пребывает армянский народ под гнетом османской деспотии.

Одним из проявлений чувства благодарности турецких армян к российскому армянству явилась программа открытия на Кавказе филиалов АБОС, возглавляемого Погосом Нубаром. Одной из функций

¹ См.: Айреник. № 12, декабрь, 1965. С. 2-3.

этих филиалов должен был стать сбор средств среди 60–70 тысяч турецких армян, работающих там.

20 июня 1914 г. по поручительству Погоса Нубара с подписями Д. Тагаворяна и Ам. Аракеяна заместителю И.И. Воронцову-Дашкову было адресовано письмо, в котором содержалась просьба о разрешении открыть отделения АБОС в ряде населенных пунктов на Кавказе¹. 21 июня заместитель телеграфировал российскому посольству в Константинополе, дабы узнать, не преследует ли Союз политические цели и только ли благотворительный характер имеет его деятельность². 1 июля из посольства заместителю сообщили, что АБОС занимается исключительно благотворительностью и что, обладая немалыми средствами в Турции и за ее пределами, он создал ряд просветительских благотворительных организаций, одновременно способствуя смягчению межпартийной конфронтации³. После положительного ответа посольства в Тифлисе начались подготовительные работы по открытию на Кавказе отделений АБОС.

А каким образом должно было осуществляться управление школами? В российской империи оно должно было осуществляться прежним образом, что, собственно, было выгодно российским армянам. Управление армянскими школами в Турции было неопределенным.

Предполагалось, что одновременно с реформами в Западной Армении образование нужно вручить местным жителям, независимо от национальной и религиозной принадлежности. А это означало бы необходимость превращения школ в национальные, что должно было осуществляться на общих основаниях. Оставалось бы всего лишь расширить сферу образования, создать и укрепить четкие и стабильные правовые отношения, признать национальные школы государственными, а следовательно выделять им соответствующую долю из общегосударственных средств. Это касалось не только армян, но и всех христиан и мусульман.

Образовательное дело должно было быть вручено национальным автономиям, которые имели бы свои местные и центральные образовательные органы, а реальными руководителями школ должны были стать провинциальные собрания. Центральные образовательные органы должны были выполнять функцию общего надзора, следить за тем, чтобы исполнялись существующие программы, заботиться о повышении квалификации учителей и школьных деятелей и об общем благоустройстве образования, заниматься вопросами статистики национальных школ, подготовки и издания педагогической литературы, поддерживать связь с государственным образовательным управлением и т. п.

Неизбежно возникал другой вопрос: какой должна быть в таком случае роль османского государства в сфере образования. Ведь ни

¹ НАА. Ф. 1262. Сп. 3. Д 1470. Л. 1 и об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

одно государство не станет отказываться от участия в управлении этой сферой!

По мнению многих, государство должно было выполнять лишь функцию общего контроля и содействия, в его руках сосредотачивалось только высшее образование. Оно не может иметь какого-либо влияния на национальные начальные и средние школы. Через министерство образования и специальных чиновников государство должно контролировать исполнение общих законов и принятых программ. Для выполнения своих функций министерство образования должно было иметь своих районных инспекторов, перед которыми были бы открыты все начальные и средние школы, однако они не имели бы права давать какие-либо распоряжения. Образно говоря, они должны были быть лишь глазами и ушами турецкого государства.

Свободное образование свободных наций в свободном государстве – таков был романтический девиз армянской интеллигенции и армянских национальных властей.

Без национальной школы, дающей фундаментальное образование, не могла создаваться и национальная *художественная литература*.

Литература является отражением духовной жизни каждой нации. Она призвана отзываться на повседневные радости и беды народа. Любая литература – это также проявление творческого потенциала национального языка.

По определению Аршака Чопаняна, литература – это мощнейшее средство для духовного единения двух частей армянства, «верховная сила» нации. «Литература, искусство – бесценные сокровища, родники величия и славы нации и даже основы ее жизни – являются самым надежным средством самосохранения. Можно сказать, что нация поистине существует, когда порождает уникальное искусство, если... Если вопреки столь глобальным бедствиям армянская нация сумела сохранить себя в течение веков в качестве особого члена в семье человечества, то благодаря своей литературе»¹.

В течение нескольких десятилетий XIX века армянская литература переживала бурное развитие как среди восточных, так и западных армян. Это было время, когда армянские писатели России и Турции установили тесные связи. А. Чопанян замечал, что «В свое время, в бытность Назарянца, Налбандянца, Восканяна и Сваджяна, связи между литературными деятелями обеих сторон были более тесными: российский армянин Габриэл Патканян издавал свои эпические повествования в “Восточной печати” турецкого армянина Мамуряна, а Мамурян и затем Паронян сотрудничали с армянскими журналами, издававшимися в России, “Юсисапайл” следил за усилиями константинопольской либеральной прессы, так же как “Мегу” содействовал “Юсисапайлу”, знакомил с его деятельностью турецких армян; между

¹ Анаит. № 11–12, март – апрель, 1909–1910. С. 241.

интеллектуальными лидерами двух частей армянского народа царила атмосфера взаимного интереса, любви и уважения»¹.

Именно подобные отношения должны были развиваться и укрепляться. Однако, к сожалению, этого не произошло.

Под беспощадными ударами гамидовской деспотии в 80–90-х годах XIX века и после этого армянская интеллигенция Турции не могла следить за литературными процессами в России, знакомиться хотя бы с некоторыми произведениями видных представителей восточно-армянской литературы.

Что же касается армянской интеллигенции России, то российские власти никоим образом не препятствовали ее ознакомлению с западноармянской литературой, связями с ее представителями.

Вторая половина XIX века, в особенности 80–90-е годы, для развития художественной литературы русского (вообще восточного) армянства стали весьма благоприятными. Выходили на арену великие мастера прозы и поэзии, постепенно литература становилась неотъемлемой частью жизни народных масс. Она, с одной стороны, выступала в качестве выразителя общественных чаяний, а с другой стороны, способствовала повышению уровня образованности и литературного вкуса общества.

Какой бы жизнеспособной, мощной и содержательной ни была восточноармянская литература, она тем не менее не приобрела общенационального значения, ибо западное армянство в основном не было с ней знакомо.

Две литературы, развиваясь в совершенно разных условиях, естественно, со временем отдалялись друг от друга. Причиной тому были внешние и внутренние преграды. В числе *внешних* причин самым катастрофичным был гамидовский режим, который постепенно возвел между двумя частями армянства. Был запрещен ввоз восточноармянских газет и литературы в Турцию, ни один армянский писатель из Турции не мог сотрудничать с армянской печатью в России, не подвергаясь при этом серьезной опасности. *Внутренним* препятствием было отсутствие личных контактов друг с другом, вследствие чего некоторые писатели, имеющие предвзятое мнение друг о друге, проявляли пренебрежительное или ироничное отношение.

От всего этого больше страдала западноармянская литература. За редким исключением, она оставалась неизвестной восточноармянскому обществу. Это обстоятельство ничем другим не объяснялось, кроме как тем, что среди русских армян продолжало бытовать пренебрежительное отношение к западноармянскому языку, а следовательно, и к западноармянской литературе. Для многих восточноармянских писателей западноармянская литература считалась в основном разукрашенной формалистическим безыдейным фразерством. Именно по этой причине, за исключением некоторых

¹ Анаит. № 11–12, март – апрель, 1909–1910. С. 247.

произведений Акопа Пароняна, литературная продукция всех остальных западноармянских писателей оставалась незнакомой широкому кругу российских армян. Следовательно, неотложной задачей становилось ознакомление восточноармянских читателей с новостями интеллектуального и литературного процесса западных армян. А для этого необходимо было публиковать серьезные исследования, посвященные западноармянской литературе, открывать в восточноармянской прессе специальные разделы, представляющие эту литературу широким читательским кругам. Было важно также организовать широкое обсуждение в восточноармянской и западноармянской печати литературных вопросов. И только в этом случае стало бы возможно установить реальное общение двух ветвей армянской литературы.

Особых упреков и нареканий заслуживала деятельность как восточноармянских, так и западноармянских литературных критиков. Их критике литературных произведений сильно не доставало чувства принадлежности к одной и той же нации. словно речь шла не об армянских произведениях, а об иностранных. А. Чопанян с болью отмечал, что «русские и турецкие армяне намного лучше знакомы с русской, французской, немецкой или итальянской литературой, чем литературой друг друга. И это плачевно. И без того мы немногочисленная нация, а эта разъединенность нас еще больше ослабляет. С интеллектуальной деятельностью друг друга не знакомы не только наши две общественности, но даже литераторы, за небольшим исключением. Не многие писатели обмениваются друг с другом своими трудами. Критика с обеих сторон зачастую безучастна к делу ознакомления общества со всеми важными новостями, публикуемыми соотечественниками»¹.

Верно, что восточноармянская литература была смелой в своих устремлениях, плодотворной в идеях, преисполнена истинными переживаниями о жизни своего народа. Безусловно, всего этого не хватало западноармянской литературе. Она очень мало места уделяла народной жизни, тяготам и заботам трудового человека, его бесконечным бедам (исключение составляли, пожалуй, Сиаманто (Атом Ярджанян), Рубен Севак, Даниэл Варужан, Ерванд Отян, Атрпет (Саркис Мубаяджян), Григор Зограп). Однако западноармянская литература имела свои неоспоримые, оригинальные особенности и достоинства. Она превосходила восточноармянскую своим колоритом, филигранной выразительностью и тончайшим вкусом. Одной из главных причин (если не главной) было то, что западноармянский литературный язык был более совершенным и в этом смысле имел явные преимущества перед восточноармянским ашхарабаром.

1908–1914 гг. были периодом подъема литературной жизни константинопольского армянства. Мецаренц, Егиа Темирчибашян,

¹ Там же.

Г. Зограп, А. Ярджян (Сиаманто), Д. Варужан, Грант Назарянц... В Константинополе армянская литература переживала свой золотой век.

Если в восточноармянской прозе преобладали крупные романы, то западноармянская была богата несравненными новеллами и рассказами. В западноармянской литературе преобладали достигшие совершенства изумительные лирические произведения, которые являлись эмоциональными и боготворящими искусство поэтами. А миниатюрные исследования многих турецко-армянских литературоведов были подобны драгоценным камням.

Органы западноармянской печати жаловались на то, что несправедливо, когда в восточноармянских литературных сборниках печатаются исключительно труды восточноармянских авторов, в то время как турецкие армяне предоставляют достаточно места для многочисленных произведений восточноармянских авторов, часто в переложении на западноармянский ашхарабар.

После младотурецкого переворота положение, казалось, менялось к лучшему. Отрадным было то, что с обеих сторон армяне сознавали пагубность разъединенности, которая в основном была следствием физической разделенности армянства. Восточноармянская интеллигенция начала внимательно следить за ходом развития западноармянской литературы, пропагандировала в восточноармянской среде лучшие произведения западноармянских прозаиков и поэтов.

Издательства печатали отдельными книгами лучшие из этих произведений, а во время довольно частых литературных мероприятий проводился их серьезный анализ. В этом смысле весьма важную роль взяли на себя недавно созданные журналы «Навасард», «Мехян» и т.д., которые ставили перед собой цель привносить в армянскую литературу передовые тенденции мировой литературы.

Подобное желание возникло и в кругах западноармянской интеллигенции. Свидетельством этого являлось издание произведений восточноармянских писателей издательским домом «Арцив», основанным в Константинополе.

Замечая эти положительные тенденции, многие были уверены в том, что хотя армянская нация экономически слаба и морально подавлена, но духовно осталась сильной и полной жизни, в ней горит дух творчества. Безусловно, это было реальностью, но тем не менее это было всего лишь потенциалом и предпосылкой. Во взаимоотношениях обеих армянских литератур все еще существовало много подводных камней, устранение которых являлось злостной задачей.

После подписания Соглашения 26 января по армянским преобразованиям в интересах армянской литературы было отбросить в сторону прежние ограниченные и противоречивые представления, глубоко осознать, что обе литературы являются богатством всего армянского народа, их надо лелеять в равной степени. Первоочередной задачей

армянских национальных властей, церкви, общественных и политических организаций должна была стать работа по дальнейшему сближению этих двух артерий национальной литературы, и для этого на родине армянства и в колониях необходимо начать повсеместное распространение как западноармянской, так и восточноармянской литературы, а также способствовать тому, чтобы деятели литературы обеих сторон часто встречались и обсуждали программу дальнейшего развития армянской литературы. Для всего этого, казалось, имелись благоприятные условия. Как замечал Аршак Чопанян, необходимо, чтобы «мы распространяли и усиливали движение взаимного сближения. Тем самым армянская литература, даже общая национальная жизнь армян чрезвычайно выиграют, расширятся, окрепнут. Ни одна из этих двух литератур не совершенна и не превосходит другую: обе они являются половинками и, наряду с присущим каждой своеобразием, имеют свои определенные особые недостатки; вместе они составляют целостность современной армянской литературы»¹.

Большую роль в деле распространения армянских литературных ценностей в обеих частях Армении могло сыграть создание широкой сети библиотек. После 1908 года в основном усилиями армянских политических партий в большей части провинций Турецкой Армении были открыты клубы, в которых имелись и библиотеки, где были собраны произведения не только западноармянских, но и восточноармянских писателей, и новое поколение приобщалось к ним. Разумеется, библиотеки стали бы намного полезнее, если бы исключали книги, отобранные по политическим соображениям. А после принятия программы преобразований в Армении армянская печать Кавказа поднимала вопрос об открытии новых библиотек при Константинопольском армянском патриаршестве во всех губернских центрах Турецкой Армении и крупных населенных пунктах, расходы на содержание которых должны были быть в ведении специального фонда, организуемого в Эчмиадзинском католикосате, а в селах предполагалось открыть небольшие общественные библиотеки при церквях или школах. Одновременно предлагалось организовывать добровольный сбор книг среди российских армян для отправки в Западную Армению.

Одним из важнейших явлений в культуре является театр, который обладал и воспитательной функцией. Еще с древнейших времен армянский народ имел театр, который в течение долгих веков играл большую роль в его жизни. Армянский театр часто становился примером для развития театрального искусства соседних народов. Очень много знаменитых армянских театральных деятелей творили по обе стороны русско-турецкой границы, а некоторые имена были известны не только в самой Армении, но и далеко за ее пределами.

В течение 2–3 лет, последовавших за младотурецким переворотом, активизировались посещения Турции восточноармянскими

¹ Анаит. № 11–12, март – апрель, 1909–1910. С. 247.

театральными деятелями. Сюда приезжали различные театральные коллективы, особенно из Тифлиса, которые давали представления на восточноармянском литературном языке и восточноармянских диалектах. Среди турецких армян особым успехам пользовались постановки пьес тифлисца Габриэла Сундукяна и шемахинца А.М. Ширванзаде.

После успешного претворения программы преобразований театральное искусство могло сыграть ощутимую роль в деле возрождения национального самосознания армянского народа. Поэтому армянские театральные деятели Кавказа старались всячески помочь своим западным соотечественникам.

В первой половине 1914 года на армянских сценах османской столицы выступали театральные коллективы Вруйра, затем г-жи Майсурян-Зарифян-Арутюнян. На сценах армянских районов Константинополя: Беры, Ортагюха, Скюдара и Гатэгюха – были поставлены восточноармянские авторские или переводные пьесы. Благодаря этим представлениям турецкие армяне знакомились с жизнью, нравами и обычаями восточного армянства, сопереживали своим соотечественникам, живущим по ту сторону границы.

А западноармянские театральные труппы редко посещали восточных армян, поскольку младотурецкая деспотия уже успела (в 1912–1914 гг.) сильно ослабить и армянский театр, хотя отдельные видные армянские артисты продолжали гастролировать по Кавказу и России. Восточноармянская общественность повсеместно оказывала им восторженный прием.

Незаменимым средством повышения интеллектуально-образовательного уровня народа и его приобщения к миру являлась пресса.

Независимо от местонахождения, армянская пресса всегда должна была сообщать своим читателям сведения с Кавказа, из Турции и дальних колоний, приобщать их к интеллектуальной, экономической, политической и культурной жизни армян. Она ставила перед собой задачу ознакомления с достижениями мировой цивилизации.

Те, кто подробно изучал восточноармянскую и западноармянскую печать, безусловно убеждены в том, что как по глубине содержания, тематическому разнообразию публикуемых материалов, уровню анализа общественных и политических явлений, так и в смысле стилистического, литературного мастерства восточноармянская печать превосходила западноармянскую. Эту реальность отмечали и представители западноармянской интеллигенции.

Вообще, весьма странным было то, что турецкие армяне и их общественно-политические организации, а также национальные и духовные учреждения чрезвычайно мало интересовались восточноармянской жизнью, и это находило свое яркое отражение на страницах

печати, в то время как об армянах Болгарии, Румынии, США, даже Бразилии очень часто печатались пространные статьи.

Редко можно было встретить на страницах западноармянской печати произведения российских армян, а константинопольские издательства удивительным образом не уделяли внимания даже ярким образцам восточноармянской литературы, но зато газеты и издательства публиковали в большом количестве переводы, в основном французских романов и немецкой и английской поэзии. Внимание турецкого армянина к положению российских армян было настолько незначительным, что даже самые крупные органы западноармянской печати не имели в Тифлисе хотя бы одного специального корреспондента, в городе, который был вторым в мире по числу армян и культурно-интеллектуальным центром почти для двух миллионов российских армян.

Между тем восточноармянские газеты для ознакомления своих читателей с жизнью турецкого армянства содержали специальных корреспондентов не только в Константинополе, но и в Карине (Эрзруме), Ване, Муше и других городах Турции. Страницы восточноармянских газет пестрели всевозможными материалами о жизни константинопольских и вообще турецких армян. И не только сообщениями об армянском вопросе, которые так или иначе были актуальными, но и всякого рода сведениями о текущей жизни турецкого армянства, как, например, школьное дело в Трапезунде или урожай пшеницы в Мушской долине и т.п. Восточноармянские газеты всегда уделяли внимание произведениям западноармянских писателей, оценивали и пропагандировали их, не упускали из виду ни одного произведения, представляющего литературную ценность, публикуя на них рецензии.

Обращаясь к вопросу о взаимоотношениях турецких и российских армян, газета партии АРФ «Оризон» приводила следующий пример: «В Ереванской губернии, где живет свыше шестисот армян, несколько недель назад произошло беспрецедентное бедствие: в течение нескольких дней от мороза замерзла растительность этой губернии, нанеся миллионный ущерб населению и создав тяжелую экономическую ситуацию для десятков тысяч армян. К этому бедствию печать и национальные общественные органы турецких армян проявили такое равнодушие, словно речь идет не о родном народе, а о каком-то негритянском племени, о котором турецким армянам известно лишь название. И только Объединенное общество выразило Католикосу всех армян свою заинтересованность этим бедствием в виде некоего сдержанного соболезнования»¹. Затем автор статьи уже с гордостью продолжает: «А любая беда, постигшая турецкое армянство или любую его часть, сразу же бьет по нашим, русских армян, нервам. Достаточно того, если вдруг в Родосто разбойники ограбят нескольких

¹ Оризон. № 132, 20 июня 1914 г.

армян или же в Сасуне будет нехватка хлеба, так мы сразу впадаем в беспокойство на грани нервного срыва»¹.

Как это ни прискорбно, следует зафиксировать, что из-за безразличия западноармянской прессы к жизни русских армян и представления российских армян в искаженном виде в отдельных ее органах, в определенной части турецкого армянства возникла антипатия к ним.

Так, константинопольский корреспондент «Сурхандака» (Тифлис) писал: «Должен сказать о том, что мы, кавказцы, вообще заслужили недобрую славу среди наших соотечественников в Турции: говоря “кавказец”, они подразумевают революционера, а будучи революционерами, мы считаемся авторами и предводителями армянских погромов в их стране. Не понимаю, почему вообще кавказские армяне заслужили о себе подобного мнения, при всем том, что в течение десятилетий они непременно протягивали руку помощи своим братьям, стонавшим под гамидовским режимом – как материально, так и духовно, однако факт остается фактом, что, по их мнению, мы были причиной их угнетения...»².

А. Чопанян считал подобное явление недопустимым. Он призывал восточноармянскую интеллигенцию чаще сотрудничать с западноармянской прессой, а редакторов последней увещевал держать под пристальным вниманием жизнь российского армянства во всем ее разнообразии. «И здесь, и там, – писал он, – печать должна предоставлять своим читателям национальную, социальную и интеллектуальную жизнь их соотечественников, воспроизводить самые привлекательные литературные новшества, возникавшие в прессе, систематически давать сведения о примечательных изданиях: всякий раз, когда по сию или ту сторону границы происходит явление армянского таланта, будь то литературного, художественного, научного или общественной деятельности, как восточная, так и западная печать обязаны с одинаковой энергией и в подробностях реагировать на это как на “внутреннюю весть”, как на важное явление в жизни для любого армянина, как более важное, чем события относительно грека или же грузина»³.

Таким образом, многие из восточноармянских и западноармянских деятелей, которые сомневались в возможности возрождения Турецкой Армении, тем не менее были убеждены в том, что хотя бы в области культуры и образования неизбежен национальный подъем.

Великий восточноармянский писатель, общественный деятель и гуманист Ованес Туманян, у которого были обоснованные сомнения в политической эффективности Соглашения 26 января для армянского народа, тем не менее находил, что оно может сыграть некоторую полезную роль в духовно-культурной жизни народа. В своей

¹ Оризон. № 132, 20 июня 1914 г.

² Сурандак (рус. *Гонец*, Тифлис) № 104, 14 мая 1910 г. (на арм. яз.).

³ Анаит. № 11–12, март – апрель, 1909–1910. С. 249.

статье «Давайте услышим и защитим» он писал: «Да, быть может, это и не конец армянского народа, но – начало его конца. И поэтому значительна та таинственная повсеместная суэта, которая наблюдается в нашей культурной жизни – в сфере образования, литературы, научного исследования и филологии. А это уже начало нового возрождения, для которого у нас уже есть достаточно сил и нужной настрой. Старое подвергается переоценке, выдвигаются новые, более серьезные требования, и самое большое требование – ясно понимать...

Ясно понимать нашу страну, наш народ, нашу литературу, нашу историю и наши исторические памятники. До сих пор они разговаривали с нашими сердцами, и мы любили их через чувства, без разбора, отчаянно, не понимая, что мы любим и почему: ныне настало время вникать в их суть, понимать их язык и мысль, и для этой цели существуют и Литературное общество, и Этнографическое общество, и Историческое общество, и Музыкальное общество и другие подобные общества и усилия частных компетентных лиц»¹.

Большой поборник дружбы армянского и русского народов, Ов. Туманян считал, что программа армянских преобразований, духовное единение двух частей армянского народа сможет воплотиться в жизнь лишь в том случае, если русское государство будет продолжать последовательные усилия по улучшению политического, правового и культурного положения армянства в Турции.

А другой великий восточноармянский поэт Ваан Терян в своей публичной лекции на тему «Грядущий день армянской литературы», прочитанной 30 апреля 1914 года в Тифлисе, говорил: «Будущее России для меня несомненно. И, связывая мои наилучшие надежды с надеждами передовой российской демократии и мои чаяния с ее чаяниями, я не сомневаюсь в том, что не буду разочарован»².

ТУРЕЦКИЕ КОЗНИ ВОКРУГ ИНСПЕКТОРОВ

15 апреля 1914 года голландец Вестененк и норвежец Гофф были назначены Высокой Портой генеральными инспекторами (*inspecteur général*)³ сроком на 10 лет в семи вилайетах Турции. Они должны были выступать от имени турецких официальных лиц.

Новоназначенные генеральные инспекторы в середине апреля 1914 г. встречаются в Париже. В своих мемуарах Армен Гаро рассказывает о том, что по поручению руководства его партии АРФ он вместе с доктором Яковом Заврияном (Завриевым) отправился в Европу и встречался с инспекторами⁴. Из Берлина Ав. Исаакян писал С. Вращану о том, что он приветствует этот шаг. «Завриев был

¹ Туманян О. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. С. 138. (на арм. яз.).

² Терян В. Собрание сочинений. Т. 2. Ереван, 1960. С. 292. (на арм. яз.).

³ В прессе и литературе использованы также названия «общие инспекторы», «генеральные управляющие», «генеральные следователи», «европейские управляющие», «европейские инспекторы», «генерал-губернаторы», «генерал-инспекторы», «генеральные ревизоры».

⁴ См.: Жаманак. 22 апреля 1914 г.

здесь, уехал в Париж, чтобы встретиться с инспекторами... Жалко, что Симон¹ умер, хотя бы увидел собственными глазами этот большой шаг, который нам кажется маленьким»². В ходе бесед делегаты патриаршества были удивлены абсолютной неосведомленностью инспекторов об их предстоящих делах. Поэтому Гаро и Завряян вынужденно пытались ознакомить инспекторов с их миссией. Получив первоначальное представление об армянской действительности в Турции, несколько дней спустя Гофф и Вестененк отправляются в Константинополь скорым поездом. Прибывают на место утром 22 апреля (5 мая). В том же поезде были также Завряян и Армен Гаро³. Генеральных инспекторов встречает в Сиркеджи один из переводчиков Высокой Порты Эсад-бей, а также исполняющие обязанности голландского и германского посольств в Константинополе и ряд европейских офицеров. От имени норвежского правительства посольство Германии послало представителя, так как Норвегия не имела своего посла в Константинополе: интересы этой страны в Турции представляло посольство Германии⁴.

По прибытии европейских чиновников в Константинополь их сопровождают в Бера-палас для отдыха.

Бера-палас посещают секретарь религиозного Национального собрания архимандрит Смбат Газалян и два председателя политического собрания: доктор Давтян и Кятипян эффенди – и проводят с ними 15-минутную встречу. Делегации патриаршества оказывают любезный прием инспекторам, которые обещают в ближайшие дни лично посетить патриаршество и увидеться с патриархом⁵.

В ночь с 22 на 23 апреля в честь инспекторов дают обед германский и голландский послы, а утром 23 апреля в сопровождении послов инспекторов принимают в Высокой Порте. В последующие дни их должны были принять Талаат-бей, а также другие послы великих держав, а в течение недели предусматривался прием у султана⁶.

Прибытие Гоффа и Вестененка вызвало такое воодушевление в армянских кругах, которое очень напоминало вдохновение среди армян после победы младотурецкой «революции». Армянские газеты были переполнены статьями, выражающими ликование.

Газета «Аветабер» восторженно возвещала: «Мы приветствуем прибытие должностных лиц как шаг к вожделенному завершению. Предполагаем, что Европа совершенно искренне пожелала привнести свое посредничество и содействие на службу делу благоустройства восточных пределов Османской империи. Предполагаем, что наш нынешний кабинет предпринимает действия, сознавая, что интересы и безопасность империи требуют преобразования и полнейшего

¹ Речь идет об основателе, втором старшем члене АР «Дашнакцутюн» Симоне Заваряне, который, как уже было отмечено, скончался в Константинополе 14 (27) октября 1913 г., не дожив до 50 лет.

² Врцян С. Старые документы для новой истории. Бейрут, 1962. С. 348. (на арм. яз.).

³ См.: Бюзандион. 23 апреля 1914 г.

⁴ См.: Жаманак. 22 апреля 1914 г.

⁵ Аветабер. № 19, 9 мая 1914 г.

⁶ См.: Айреник. № 12, октябрь 1924 г. С. 121.

благоустройства соразмерно со злобою дня тех обширных краев, над которыми трепещет все еще красно-белое знамя после несчастной войны...»¹ А в газете «Азатамарт» вышла в свет серия статей, в которых европейские управляющие назывались «двумя марзпанами Армении». Некоторые армяне арменизировали их фамилии: Гоффа называли Овяном, а Вестененка – Востаникяном².

Для генерального инспектора Вестененка предусматривался край (северный инспекторский район, или сектор), который включал Сивасскую (Себастья), Трапезундскую и Эрзрумскую (Карин) губернии, а южный край, инспектором которого являлся Гофф, охватывал Ванскую, Багешскую (Битлис), Харбердскую (Харпут) и Тигранакертскую (Диарбекир) губернии. Резиденцией Вестененка должен был стать центр северного сектора, город Эрзрум, а резиденцией Гоффа – центр южного сектора, город Ван.

В патриаршестве и вообще в армянских политических кругах Константинополя активизировалась деятельность по участию в преобразовании двух краев. В этом направлении большую активность проявляла партия «Дашнакцутюн», которая придавала особую важность значительному улучшению состояния армянства первого сектора. Поэтому не случайно, что партия выдвинула на должности (особенно советников) кандидатуры активных деятелей, в числе которых был, например, назначенный советником Гоффа Армен Гаро. «Воодушевление было так велико и заразительно, – вспоминал В. Папазян, – что даже Зограп выразил желание присоединиться к следователям. Были взяты в расчет и кандидаты на высокие армянские должности в сферах административной, финансовой и судебной. Была разослана циркулярная инструкция по всем местам для подготовки списков всевозможных армянских специалистов и должностных лиц. Проведение реформ было начато...»³

Однако уже в те дни отдельные деятели испытывали сомнения в том, что турецкое правительство создаст сносные условия для результативной работы европейских чиновников. Они подчеркивали, что это предприятие увенчается успехом лишь в том случае, если, вопреки всевозможным внутренним и внешним, естественным и искусственным трудностям, державы и османское правительство будут продолжать поддерживать друг друга. Какими бы способными, правдивыми и непреклонными ни были эти иностранные чиновники, они в своей тяжелой миссии добились бы успеха лишь в той степени, в какой они пользовались бы содействием и поощрением со стороны турецкого правительства, в котором они приступали к службе.

Александр Хатисян по пути из Тифлиса в Европу именно в это время остановился в Константинополе и встречался с некоторыми местными армянскими деятелями. Позднее в своих воспоминаниях

¹ Аветабер. № 19, 9 мая 1914 г.

² Азатамарт (рус. *Освободитель*). 21 мая 1914 г. (на арм. яз.).

³ Папазян В. Мои воспоминания. Т. II. Бейрут, 1952. С. 277. (на арм. яз.).

он рассказывал: «Назначенные для армянских вилайетов европейские инспекторы уже прибыли в Полис (Константинополь) и готовятся приступить к исполнению своих обязанностей. Их прибытием особенно воодушевлены Хажак и Зограп. Они говорили, что турецкое правительство всегда в состоянии создавать предпосылки для приостановления деятельности иностранных инспекторов»¹.

Вскоре в Константинополе стало ясно также и то, что оба прибывших из Европы чиновника имеют весьма смутное представление о Турции, а их познания о Турецкой Армении, армянском вопросе и даже Соглашении 26 января были предельно отрывочными. Изложенные в Париже Яковом Завриевым и Арменом Гаро факты и описания отнюдь не стали для них твердыми знаниями².

После официальных приемов инспекторов предусматривалось снабдить рабочей инструкцией, которую с их участием должны были составить послы в Константинополе перед отъездом на места службы.

Чем ближе были сроки начала программы армянских преобразований, тем нервнее становились турецкие руководящие круги. Следует заметить, что турки никогда и не верили в то, что навязанное им Соглашение 26 января 1914 г. когда-нибудь вступит в силу. И они имели право так думать: сколько таких соглашений и программ было составлено относительно армян, но так и осталось лишь на бумаге! Ярким свидетельством этого являлась перепалка на страницах младотурецкой «Танин» и прессы АРФ.

Видный дашнакский деятель А. Врамян в различных печатных органах опубликовал ряд статей, в которых анализировал и разъяснял последнюю программу армянских преобразований. Он, в частности, останавливался на предстоящих делах инспекторов, а также подчеркивал требование программы, согласно которому в обоих армянских секторах половину государственных служащих должны составлять армяне, а другая половина должна составляться по пропорциональному принципу.

Акценты дашнакского деятеля вывели из себя редакцию «Танина». Газета писала: «Мало того, что нас заставили принять принцип предоставления равного числа должностей армянам и мусульманам, так уже хотят осуществить его!» В своей специальной редакционной статье газета выдвинула и подчеркнула общую государственную точку зрения. Она писала, что в нормальном правовом государстве в вопросе избрания должностных лиц не руководствуются национальным или религиозным принципом, а учитываются способности людей. И если это так, то к чему специально поднимать вопрос о числе армянских чиновников, когда армяне перед законом равны с другими подданными империи?! Независимо от национальной и религиозной принадлежности перед всеми способными и умелыми османскими

¹ Айренник. № 11 (119), сентябрь, 1932 г. С. 122.

² См.: Вестник общественных наук. № 12 (552), ноябрь – декабрь 1988.

подданными открыты пути как к гражданским, так и военным и полицейским должностям.

«Но ведь между понятием правового государства и Турцией нет никаких точек соприкосновения, это совершенно различные явления», – отвечал Врамян.

Если армянская и российская стороны предпринимали разнообразные программы по прогрессу и развитию Турецкой Армении, то турецкое правительство прибегало к любым средствам для провала введения в действие Соглашения 26 января.

С начала мая 1914 г. Высокая Порта приступила к конкретным действиям, всячески оттягивая под всевозможными предложениями проведение реформ.

Еще в феврале 1914 г. по поручению Константинопольского армянского патриаршества при участии юристов и других специалистов была создана комиссия, которая сразу же приступила к работе по составлению проекта инструкций, содержащих 35 статей на основании Соглашения 26 января, которыми должны были руководствоваться генеральные инспекторы. Проект должен был регламентировать их права и обязанности. Однако этот документ так и не вышел из стен патриаршества, так как ни инспекторы, ни турецкое правительство даже не удосужились его обсудить¹.

Правительство заявило о том, что программа преобразований по Соглашению 26 января не будет начата до тех пор, пока не будет разработан *специальный устав*, в котором будут уточнены принципы и методы его применения и полномочия инспекторов.

Высокая Порта решила также представить на обсуждение и утверждение парламента как уже принятую программу преобразований, так и предстоящий устав.

Это было совершенно новым предложением, которое не поднималось при дискуссиях ни вокруг мандельштамовского варианта, ни вокруг окончательного варианта программы преобразований.

Корреспондент «Мшака» сообщал из Константинополя: «Дерзость младотурок для нас обретает катастрофические размеры... Правительство решило подвергнуть ратификации Осм[анского] парламента программу преобразования в Армении. Это – серьезная угроза, направленная против проведения преобразований, и пугало для урвания сим возражением ряда уступок, дескать, настроения против достоинства [турецкой] нации могли бы столкнуться с бурными возражениями и помешать делу. Уже существует разногласие между инспекторами и Высокой Портой»².

Основной мишенью турецкого правительства были именно генеральные инспекторы. С самого начала Высокая Порта объявила, что инспекторы должны жить не на местах, а в Константинополе,

¹ См.: Азатамарт. 21 мая 1914 г.

² Мшак. № 111, 24 мая 1914 г.

вверив всю свою власть иностранным советникам, которые будут жить в центрах секторов – Ване и Эрзруме¹. Сразу после этого заявления местные власти всех уровней получили инструкцию от иттихадского правительства о начале широкомасштабной пропаганды среди мусульманского населения, дабы поднять его на ноги для того, чтобы ограничить права генеральных инспекторов и довести их до минимума. Вскоре начались враждебные демонстрации во всех губерниях Армении. Одновременно по поручению правительства министерство иностранных дел срочно составило документ «Инструкции о правомочности и компетенции генеральных инспекторов», состоящий из 23 пунктов, в котором были определены права, предоставляемые инспекторам иттихадским правительством, очерчены пределы, в рамках которых они могли осуществлять свою деятельность². «Инструкции» были разработаны группой юристов Высокой Порты под руководством правоведа, поляка по происхождению графа Остророга³, которого в константинопольских армянских кругах считали заклятым врагом армянского народа – *Plus turc que les turcs* («Больше турок, чем сами турки»). Этот документ был датирован 10 мая 1914 г.

Каковы были те основные изменения, которые «Инструкцией» производились в русско-турецком соглашении?

1. 5-й статьей «Инструкций» предусматривалось, что инспекторы могут составлять и применять соответствующие законопроекты только «после получения мнения губернаторов и командующих войсками, расквартированными в губернии»⁴.

2. По Соглашению 26 января генеральным губернаторам предоставлялось право на отстранение от должности чиновников губернии всех уровней, кроме высшего должностного лица – губернатора. Но сейчас, согласно инструкции от 10 мая, он не мог отстранять также мутасерифов, каймакамов, девтердаров, мектубджиив, инспекторов общественного образования, земледелия, поместного управления, полиции, переписи, здравоохранения, по политическим делам, главных инженеров по общественным работам, вилайетского драгомана, санджакского инспектора и даже инспекторов и учителей вторичных школ (статья 10)⁵.

3. Согласно статье 12-й «Инструкций» закреплялась «...прямая зависимость ответственных работников гражданских, судебных, общественных служб, жандармерии и земледелия от принадлежащих

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1913 г. Д. 3465. Л. 31.

² См.: Арарат. № 8, август 1914 г. С. 697–706. Инструкция-устав, которая была составлена на французском, впервые была напечатана в переводе на арм. яз. газетой Оризон (см. Оризон. № 150 и № 151, 1914).

³ *Van der Dyosen Я.* Армянский дневник. Ереван, 2008. С. 68–69. (на арм. яз.). В дополнение отметим, что в протоколах Петербургского армянского кружка по ошибке указано, что якобы текст «Инструкций» разработан генеральными инспекторами вместе с посланником Голландии в Константинополе (См.: ПЗ ПАК. Т. II. С. 35).

⁴ Арарат. № 8, август 1914 г. С. 698–699.

⁵ Там же. С. 701–702.

к ним департаментов»¹. Копии ведомостей о расследовании исполнения чиновниками своих обязанностей генеральные инспекторы были должны предоставлять соответствующим министерствам².

4. «Инструкциями» предусматривалось, что «финансовые следователи непосредственно зависят от министерства финансов», следовательно, генеральным инспекторам в этой области было нечего делать.

По тому же принципу удалялись из сферы влияния генеральных инспекторов также все работники судебной системы (статьи 14, 15, 16)³.

5. Все имевшие место в программе 26 января положения о воинском призыве и составе конницы «хамидие» в инструкции-уставе были опущены. Это было сделано для того, чтобы инспекторы были совершенно лишены возможности контролировать этот важнейший сектор государственной жизни Турции.

6. Статья Соглашения, согласно которой перепись населения надо было осуществить «по возможности быстро, не позже, чем через один год», была заменена неопределенной формулировкой – «в возможно короткий срок» и т.п.

7. Правительство Турции направило свой удар также на ту статью преобразований, согласно которой инспекторы назначаются на 10 лет великими державами и с согласия Константинополя. Сейчас же в инструкцию-устав была введена статья, по которой, игнорируя договор, заключенный с инспекторами, Высокая Порта могла отстранять их от должности когда угодно. Таким образом, генеральные инспекторы лишались своей свободы и превращались в обычных турецких чиновников, то есть становились всего лишь марионетками.

8. Правительство отвергало принцип «половина на половину» официальных лиц, избираемых в Ванском и Битлисском вилайетах, и решительно защищало пропорциональный принцип.

В самый же день утверждения этого документа Вестененк и Гофф были приглашены в Высокую Порту. Великий визирь Саид Халим представил им «Инструкции» и предложил ознакомиться и подписать их.

В тот же день, 10 мая, посол М.Н. Гирс телеграфировал в Петербург: «Вестененк и Гофф парафировали сегодня с Талаатом свои контракты и дополнительные инструкции. Завтра состоится официальное подписание этих актов ими и великим визирем. Они выезжают в Европу в понедельник и вернутся в Константинополь для дальнейшего немедленного следования в Армению в начале июля нового стиля»⁴.

Ознакомившись с документом о правомочии компетенций генеральных инспекторов, Гофф и Вестененк не сумели уяснить для себя что-либо из его содержания. Собственно, так и должно было случиться,

¹ Там же.

² Там же. С. 702–703.

³ Там же. С. 703–704.

⁴ ПЗ ПАК. Т. II. С. 41.

поскольку они были совершенно не знакомы с армянским вопросом, не успели до конца осознать своей роли и функции в решении задачи, приобретшей международное значение.

Именно эта неосведомленность стала причиной того, что они сразу же поставили свои подписи под «Инструкциями», подсунутыми им Высокой Портой. Подписавшись под «Инструкцией», Вестененк и Гофф превращались в обыкновенных турецких чиновников. Хотя именно они должны были, по идее, вершить судьбу армянства, изнывавшего под игом турецкой деспотии.

Лишь 14 мая константинопольские армянские газеты опубликовали сообщение о том, что в Высокой Порте состоялась встреча великого визиря с Гоффом и Вестененком, в ходе которой был обсужден вопрос об условиях службы последних.

Для инспекторов турками была создана такая атмосфера, что европейские чиновники уже боялись встречаться с армянами.

М.Н. Гирс пригласил их к себе для беседы об «Инструкциях».

На следующий день пребывавший в Константинополе Я. Завриев встретился с послом с целью узнать о результатах его разговора с инспекторами. Гирс сообщил ему: «Вчера пополудни я беседовал с каждым из них отдельно более одного часа. Я действительно получил то же впечатление, что и Вы. У них была какая-то опаска и беспомощность в разграничении границы между чиновниками Турции и инспекторами Европы»¹.

Российскую сторону не особо интересовала и не тревожила эта «Инструкция» и внесенные в нее турками изменения. Во время встречи с инспекторами 7 мая Гирс сказал им: «Доктор Завриев сообщил мне об обеспокоенности армян «Инструкцией» и о Ваших подозрениях и сомнениях, которые у Вас вызвали желание вернуться в Ваши страны. Я не разделяю Ваше беспокойство. Державы не участвуют в разработке Инструкции и [Вашего с Высокой Портой] договора. Это Ваше с Турцией частное дело. Для меня и держав существует только одна вещь – текст Соглашения, подписанного между Россией и Турцией 26.I (8.II) сего года. ...Все то, что убавлено из Вашей инструкции, меня не беспокоит, поскольку все требования я буду основывать на Соглашении. Более того, все то, что там написано, я [снова] не буду требовать и советую Вам сделать то же самое, но я не допущу поправки зафиксированных в Соглашении пунктов»².

Затем посол Гирс добавил, что формулировка параграфов чрезмерно конкретными выражениями принесет больше вреда, чем пользы. Лучше, чтобы формулировки были обобщенными, поскольку в этом случае возникнет возможность для их более широкого комментирования в смысле расширения прав, а в случае конкретных формулировок получится обратное³.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». Г. 1914. Д. 3474. Л. 26.

² ПЗ ПАК. Т. II. С. 41.

³ Там же. С. 42–43.

Откровенно противозаконные шаги Высокой Порты не встретили противодействия держав. В дело не вмешалось и посольство России в Константинополе, ограничившись лишь предъявлением протестного ультиматума Высокой Порте¹. Тем более эта неожиданная нейтральная поза российской стороны придала смелости турецкой стороне. И это при том, что младотурки лишили Вестененку и Гоффа даже права по своему усмотрению выбирать своих помощников! Правительство само назначало этих «помощников». Например, Гофф должен был повезти с собой в Ван 11 помощников, из коих пятеро были турками и все – яркими националистами, а один из них, Али Фуад-бей, был одним из руководителей заселения армянских земель балканскими переселенцами-мухаджирами! Из остальных трое были армянами, из коих двое были рабски покорными ставленниками младотурецкого режима. А оставшиеся три помощника были норвежцами: сотрудница министерства иностранных дел Норвегии Лувина Плер, юрист Олаф Даль и офицер Ранкварт Графер. Дашнаки приложили немало усилий для того, чтобы иметь в составе помощников своего представителя. Однако это им не удалось. На предложенную ими кандидатуру Гарегина Пастрмаджяна младотурки дали понять, что «он очень умен, а мы не хотим иметь таких чиновников»²!

Согласно «Инструкции» генеральные инспекторы фактически превратились в подчиненных Высокой Порты. 16 мая имперским ираде Вестененку и Гоффу был присужден титул турецкого бея, следовательно, они должны были носить на голове феску³.

По сути, они становились подчиненными министра внутренних дел Турции, более того, эти европейские чиновники, как было сказано, фактически превращались в наемников, оплачиваемых турецкими властями. Без получения согласия великих держав Высокая Порта могла не только штрафовать их в размере полугодовой зарплаты, но и отстранять их от должности⁴.

Российская газета «Речь» в № 164 и 165 за 1914 г. опубликовала статью П. Милюкова о новой угрозе, нависшей над армянскими преобразованиями. Автор статьи отмечал, что голландец Вестененк и норвежец Гофф ведут переговоры с турецким правительством: «...мне хотелось бы, чтобы они не забывали о том, что они не турецкие чиновники, а представители Европы. Но, к сожалению, они не выдержали давления турецкого правительства, поддались козням Талаата. Их нервы дрогнули, и они подписали навязанную против их воли инструкцию-устав, чем и повторилась та история, которая всегда повторялась в прошлом, когда Турция, после формальных «уступок», постепенно отбирала свои эти «уступки»⁵.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». Г. 1914. Д. 3474. Л. 30.

² Вестник архивов Армении. № 3 (85). 1989. С. 27.

³ См.: Бюзандион. № 535, 16 мая 1914 г.

⁴ Вестник архивов Армении. 1989. № 3 (85). С. 179.

⁵ Речь. № 164. 1914 г.

Милюков считал, что после подобного преобразования «отныне остается лишь одно – назначенных европейских инспекторов превратить в добровольных наемников, которых каждую минуту можно уволить. ...Высокая Порта не пожелала нанести им самое последнее оскорбление, к несчастью, с согласия их же самих, инспекторов»¹.

Затем, касаясь нескольких пунктов устава о приглашении и увольнении генеральных инспекторов, автор статьи продолжал: «У нас, разумеется, нет права делать замечания избранным Европой инспекторам. Надо надеяться, что они люди с сильным характером и высокими достоинствами. Но как понимать их согласие на составление подобного устава?.. Не является ли это доказательством того, что их человеческие слабости не выдержали испытания?»²

Милюков критиковал и русское посольство в Константинополе за то, что во время составления инструкции-устава оно проявило безразличие и небрежность. Он задавал вопрос: было ли оно согласно с подобными отклонениями от Соглашения 26 января или оно было попросту не в курсе о переговорах между Высокой Портой и генеральными инспекторами? «Какой бы странной ни казалась эта, по-видимому, самовольная неосведомленность, я склонен опять объяснять безобразие, совершенное по отношению к уставу, скорее неведением [русских] дипломатов в Константинополе, чем их злым умыслом»³.

Во второй части своей статьи автор, вновь подчеркивая обычную небрежность русских дипломатов, считал странным, что министерство иностранных дел не учитывает, что Германия соперничает с Россией в армянском вопросе, и если ей удастся завоевать широкие симпатии армян, то «для нас последствия окажутся чрезвычайно тяжелыми». Затем он пишет: «Я убежден в том, что ныне было бы анахроничным и безосновательным говорить о возвращении к лобановской политике, но, увы, [мы] с болью отмечаем, что *в армянском вопросе были колебания* (выделено нами. – Г. С.). Мы не должны пробуждать воспоминания о грустном прошлом в многострадальном народе, которые, надеюсь, навсегда отошли в историю»⁴.

Какой выход из этой ситуации предлагал Милюков? Он считал, что прежде всего надо осознать допущенную ошибку и, не упрямясь, предельно быстро ее исправить. Во-вторых, Россия должна четко определить свое отношение к инструкции-уставу. То есть если правда, что Россия не была в курсе и не участвовала в процессе ее составления, в таком случае она может ни во что не ставить этот документ с юридической точки зрения и заявить сторонам, составлявшим и подписавшим его, о том, что Россия его не принимает, поскольку он не только не соответствует содержанию, букве и духу Соглашения 26 января, но и полон противоречий и недостатков⁵.

¹ Речь. № 164. 1914 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. № 165. 1914 г.

⁵ Там же.

Критика в российской прессе и звучащие с разных сторон предостережения заставили русскую дипломатию (с большим опозданием!) выступить против грубых вмешательств Высокой Порты в «Инструкции».

Будучи обеспокоенным этим фактом, в своей секретной телеграмме № 1066 от 24 мая в Константинополь послу Гирсу заместитель министра иностранных дел Нератов от имени С. Сазонова хотел получить разъяснения по тем пунктам «Инструкций», которые были подвергнуты изменениям в одностороннем порядке. В телеграмме говорилось: «1) Вручена ли официально нота об армянских реформах представителям держав согласно Соглашению 26 января?

2) В текст «Инструкций» не включены некоторые параметры ноты об участии национальностей в бюджете народного просвещения вилайетов, о военной службе, о полках «Гамидие» и о компетенции Генеральных советов. Считаете ли Вы достаточным упоминание об этих вопросах в одном только тексте ноты?

3) В тексте «Инструкций» не оговорено запрещение переселения мусульман в армянские секторы и предоставление выборных прав одним оседлым жителям, о чем упоминается в телеграмме Гулькевича № 62 и нашей № 168»¹.

Вестененк и Гофф с большим опозданием догадались о том, что случилось. Чем дальше, тем больше они убеждались в том, что подписанные ими же «Инструкции» по сути отбирали у них полномочия, предусмотренные Соглашением 26 января. Поэтому для них стало необходимым детально изучить этот документ для того, чтобы наиболее точно составить понятие о своих правах и законности их ограничения.

После изучения документа Вестененк и Гофф представили Высокой Порте следующие контрпредложения: а) они должны сами выбирать своих секретарей, переводчиков и других, не играющих решающей роли служащих, а не турецкое правительство; б) они должны иметь право при необходимости увольнять также губернаторов (этого требования не было даже в Соглашении 26 января). Вместе с тем они протестовали против того, что нарушены почти все принципиальные требования Соглашения: не учитывается необходимость сохранения пропорционального назначения мусульман и христиан на освобожденные должности, ни один армянин не принимается на государственную службу, места, освободившиеся в полиции и жандармерии, тоже занимают только мусульмане, продолжают ограбления армян со стороны курдов, в судах армяне не выигрывают ни одного дела и т.п.

Высокая Порта решительно отвергла протесты и предъявленные инспекторами требования, аргументируя тем, что парламент сразу же отклонит их.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3474. Л. 30.

В то же время Высокая Порта для создания видимости учета мнений инспекторов начала вести с ними «переговоры». Армен Гаро вспоминал: «Начался новый раунд переговоров между инспекторами и Баб Али. У инспекторов под рукой был образец той программы, которая была подписана правительством. И, будучи европейцами, один, норвежец г-н Гофф, другой, голландец г-н Вестененк, подразумевали, что их право и обязанность в точности исполнять эту программу. Этим бедным европейцам впервые приходилось входить в контакт с турецким менталитетом в лице Талаат-паши (тогда – бея) и его помощников.

Утром и вечером я приходил к „Токатляну”¹, чтобы повидать и подбодрить их, чтобы [они] не падали духом от интриг Талаата и чтобы настаивали на своих правах»².

Переговоры Высокой Порты с инспекторами, которые длились неделями, оказались безрезультатными. «Каждый раз, когда инспекторы возвращались от Талаата, они казались все более подавленными, – писал Армен Гаро, – В ходе этих переговоров г-н Гофф, отчаявшийся из-за упрямства турок и оскорбленный... однажды вечером, возвратившись из Баб Али, сообщил мне о том, что он решил говорить в ультимативной форме с Талаатом на следующий день, и если тот не согласится с его требованиями, то немедленно подаст в отставку».

В своем дневнике Вестененк отмечал, что во время одних переговоров Талаат уговаривал его и Гоффа работать только лишь во благо Турции. Он напрямую сказал: «Среди нас есть много европейцев, которые преподносили нам очень много услуг, и за это мы им признательны. Посему вам также желаем успехов»³.

По поводу этого фальшивого пожелания Талаата Вестененк сделал следующий комментарий: «Значит, сказанная в привлекательном тоне сия фраза означала: “берегитесь, вы для нас такие же чиновники, как и они”». То есть Талаат тем самым давал понять, что для него Вестененк и Гофф такие же обычные служащие, как все остальные тысячи европейцев, работающих в Турции»⁴.

Очередные противоправные действия турецких властей вызвали большую обеспокоенность в армянском обществе. И по этой причине константинопольское Армянское патриаршество было вынуждено представить Высокой Порте очередное протестное заявление с требованием оставаться преданным букве и духу Соглашения 26 января, в частности, обращая ее внимание на необходимость следования принципу равенства национального состава чиновников, зафиксированного Соглашением. Прочитав протестное заявление патриаршества, Талаат в ответ заявил: «Принцип равенства мы понимаем не так, как его желают толковать армяне. *Это означает равенство вообще*

¹ Имеется в виду самая знаменитая в то время константинопольская гостиница «Токатлян».

² Айреник. № 2, декабрь, 1922. С. 42.

³ Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 67.

⁴ Там же.

*всех оттоманцев... Чем вы недовольны? Вы захотели получить преобразования с помощью Европы... Вот вам и преобразования*¹.

В создавшейся новой удручающей ситуации в армянских общественно-политических кругах наблюдалось общее разочарование. Вопрос выхода из, казалось, безвыходного положения стал первоочередным. Армянские политические силы от крайне правых до крайне левых выступали с разными предложениями.

Так, будучи совершенно оторванными от реальности и не считаясь с таким понятием, как «возможность», гнчакисты требовали у своего руководства немедленно выполнить постановление 7-го депутатского общего сентябрьского 1913 г. собрания их партии, то есть без колебаний уйти в подполье и начать вооруженную борьбу против «Иттихада» с требованием *автономной Армении*. Гнчакистская газета «Еритасард Айастан» писала: «Армянский вопрос не решен... армянские угнетенные и эксплуатируемые массы должны, стоя на баррикадах, продолжать свою освободительную борьбу до тех пор, пока не исполнятся их чаяния, любовно возлелеянные программой автономной *Армении под европейским контролем*...»² При этом указанное депутатское собрание гнчакистов, говоря о контроле, не упомянуло Россию³.

Требование гнчакистов об автономии Армении удивительным образом находило сочувствующих в определенной части дашнакской партии. Так, доктор Завриев считал, что после истории с «Инструкциями» станут воздвигаться все новые препятствия для того, чтобы провалить Соглашение 26 января. И поэтому, находясь в Париже, он во время встреч с чиновниками разных правительственных уровней подчеркивал, что, пока участь армян после указанного Соглашения и впредь будет зависеть от турецкой деспотии, способной на любые коварства, они вряд ли когда-нибудь обретут покой.

Кратковременно воодушевленные протестом патриаршества, Гофф и Вестененк пригрозили уехать в свои страны и возвратиться в Константинополь лишь в том случае, если их предложения будут приняты. Но их угрозы на турецкие власти никак не повлияли. Армен Гаро свидетельствовал: «Ободренный безразличием русского и германского посольств, Талаат с каждым днем нагел и не желал делать никакого серьезного шага и приводить в действие какой-либо основной пункт принятой программы»⁴.

После всего этого генеральные инспекторы уехали в Европу на «Восточном экспрессе», в Христианию (Норвегия) и Лагэ (Голландия) для улаживания своих семейных дел⁵. Они были обязаны вернуться в Константинополь не позднее 23 мая (5 июня) и оттуда сразу же отправиться на места службы.

¹ Вестник архивов Армении. № 3 (85), 1989. С. 67.

² Молодая Армения. № 36, 9 июля. 1914 г. (на арм. яз.).

³ См.: Гнчак (рус. Колокол). № 1, 1914. С. 27. (на арм. яз.).

⁴ Там же.

⁵ Бюзандион. 14 мая 1914 г.

В своей телеграмме в Петербург от 6 июня 1914 г. российский посланник в Христиании Арсеньев сообщал, что его посетил подполковник Гофф, который недавно вернулся из Константинополя, где провел целых три недели. Он сообщал русскому дипломату о том, что встречался с великим визирем и министром внутренних дел Талаатом и подписал договор на 10 лет об исполнении должности генерального инспектора в Турецкой Армении. Гофф добавил, что при разработке в турецком правительстве инструкций, относящихся к генеральным инспекторам для армянских провинций, он заметил стремление Высокой Порты ко всяческому усечению их прав. Причем в этом смысле особое упорство проявлял юридический консультант поляк Остророг, который, по выражению самого Гоффа, в этом вопросе оказался чрезвычайным туркофилом¹.

Арсеньев отмечал, что Гофф был особенно озабочен вопросом, когда и как должна будет происходить реорганизация курдской иррегулярной конницы «хамидие»: «По его мнению, существование этих полков является одним из главных источников анархии в Турецкой Армении и большим злом для мирного населения армянских провинций»².

Гофф предполагал выехать в Константинополь 9 (22) июня и прибыть на новое место службы в начале июля. Арсеньев сообщал о том, что Гофф должен увезти с собой в качестве секретарей трех норвежцев – служащую министерства иностранных дел Плер, правоведа Даля и лейтенанта Графера³. По сведениям норвежских газет, Гофф намеревался включить в жандармерию подведомственного сектора нескольких норвежских офицеров⁴.

В конце встречи Гофф сказал Арсеньеву о том, что без мощной поддержки России его деятельность не может быть результативной, и одновременно выразил надежду на то, что в пределах вверенного ему сектора он будет получать широкую поддержку российских консульств⁵.

Вернувшийся на короткое время на родину Вестененк побывал в Министерстве иностранных дел Голландии и получил необходимые советы⁶.

Уладив семейные дела, Вестененк и Гофф вновь прибыли в Париж⁷.

¹ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3474. Л. 69.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ О встречах Вестененка в дни его пребывания в Гааге и о его приготовлениях к возвращению в Турцию мы другими сведениями не располагаем.

⁷ Хоск. № 20, 17 мая 1914 г.

ПОГОС НУБАР ВНОВЬ ВО ГЛАВЕ ДЕЛА

В отличие от левых, большая часть армянских политических деятелей снова устремила свой взор на Египет – в сторону Погоса Нубар-паши. Узнав о новых возникших осложнениях, Нубар-паша адресует из Египта обращения к российским и германским властям, протестует против бесчинств Высокой Порты, просит их вмешаться и восстановить заключенное Соглашение.

Получив известие о том, что инспекторы в Париже и готовятся оттуда отправиться в Константинополь, Нубар решает встретиться с ними. В свою очередь католикос Геворг V новым специальным кондаком уполномочил Погоса Нубар-пашу возглавить дело и, используя все возможности, добиваться исполнения Высокой Портой взятых на себя обязательств в соответствии с Соглашением 26 января¹.

Не получив обнадеживающих ответов, 10 июня Нубар-паша снова отправляется в Европу. По прибытии в Париж он в первую очередь встречается с министром иностранных дел Франции Думергом, который во время беседы обещает вмешаться, принять необходимые меры для исполнения всех положений, вошедших в Соглашение 26 января.

После получения заверений французской стороны о защите соглашения Нубар направляется в Голландию. Здесь он встречается со своими друзьями, наиболее влиятельными в правительственных кругах, посещает министерство иностранных дел, получает аудиенцию у министра иностранных дел, знакомит последнего с большими трудностями, выпавшими на долю Вестененка и его партнера Гоффа, одновременно уверяет его в том, что он сделает всё, чтобы их соотечественник во время своей службы получал постоянную поддержку армянских кругов.

Встречаясь здесь с инспекторами, Нубар-паша получает подробные сведения о недоброжелательном отношении к ним со стороны Высокой Порты. Вестененк рассказывает ему, как турецкие власти превратили его и Гоффа в покорных служак-чиновников и что они были лишены всякой возможности исполнять свои официальные обязанности². Голландец подчеркивает, что во время заключения с ними договора Высокая Порта официально заявила о том, что они должны забыть о существовании Соглашения 26 января и неукоснительно следовать инструкциям, составленным турецкой стороной, которые разработаны совершенно независимо от мнения держав³. На напоминание Нубар-паши о том, что генеральные инспекторы также являются представителями держав в Армении, Вестененк и присутствующий при разговоре его личный секретарь объявляют, что отныне они – чиновники Высокой Порты и обязаны

¹ См.: *Погосян С.* Погос Нубар-паша: народный деятель. Ереван, 2004. С. 81. (на арм. яз.).

² Вестник архивов Армении. № 3 (85), 1989. С. 179.

³ См.: *Ван дер Дюсен Я.* Армянский дневник. С. 100; Мшак. № 135, 22 июня 1914 г.

руководствоваться только ее указаниями. Инспектор выразился следующим образом: «Армяне не должны злиться, если именно в их интересах я буду вынужден иногда действовать против них, исходя из настроения Высокой Порты»¹. Тем самым подчеркивалось, что инспекторы уже договорились не отклоняться от рамок, начертанных Высокой Портой. Всё это свидетельствовало о том, что европейские инспекторы для армян уже потеряны.

Будучи уверенным в том, что за всем этим стоит дипломатия Германии, Погос Нубар намеревается отправиться туда и «постараться ликвидировать препятствия»².

После прибытия в Голландию и встреч в министерстве иностранных дел Нубар-паша выезжает в Берлин. Во время беседы с Циммерманом он протестует против очередных козней турецкого правительства. Германский дипломат также дает ему обнадеживающие обещания, уверяет, что они не будут принимать тех статей январского соглашения, содержание которых изменило турецкое правительство в инструкции-уставе. Циммерман обещает поручить своему послу в Константинополе Вангенгейму активно вмешаться, добиться того, чтобы права генеральных инспекторов были восстановлены в полном объеме. Одновременно он считает нелишним сказать о том, что германское правительство склонно искренне помогать армянам, если только Россия будет сохранять свою позицию³.

Следующей остановкой Погоса Нубара была столица России Петербург, куда он выехал поездом из Берлина. Узнав о приезде Погоса Нубар-паши в Петербург, бюро ПАК собрало заседание 11 июня для обсуждения вопросов, связанных с приемом достопочтенного армянского деятеля.

В полдень 12 июня Нубар-паша прибыл в Петербург. На станции его встречала делегация армянского кружка – Г. Тигранов, Н. Адонц, А. Тигранян, А. Саруханян, А. Асрибеков, В. Варданов и др. Слово приветствия произнес Г. Тигранов⁴. В тот же день Погос Нубар встретился с князем Г. Трубецким, после чего был приглашен М. Пападжановым на званый обед. Присутствовали члены делегации, встречавшей армянского пашу, а также член Государственного совета России М. Ковалевский, депутаты Государственной думы П. Милюков и И. Ефремов. На обеде были затронуты вопросы, связанные с последними событиями вокруг реформ в Турецкой Армении, с интригами по отношению к Гоффу и Вестененку. Было решено продолжить борьбу за восстановление их прав⁵.

13 июня Погос Нубар вновь встречался с князем Трубецким, затем имел продолжительную аудиенцию с министром иностранных

¹ НАА. Ф. 57. Сп. 5. Д. 28. Л. 108.

² Там же. Ф. 430. Сп. 1. Д. 21. Л. 6.

³ См.: *Ван дер Дюсен Я.* Указ. соч. С. 100; Мшак. № 135, 22 июня 1914 г.

⁴ ПЗ ПАК. Т. II. С. 58.

⁵ Там же.

дел гофмейстером С. Сазоновым¹. Во время бесед с ними Нубар-паша старается доказать, что ситуация осложнилась потому, что Высокая Порты взяла в свои руки деятельность обоих генеральных инспекторов. Он с болью подчеркивает, что последние совершенно лишены своей независимости². В конце продолжительного теплого приема князь Трубецкой официально удостоверяет Нубар-пашу в том, что российское правительство не будет отклоняться от своей позиции в армянском вопросе и будет продолжать требовать точнейшего и полнообъемного исполнения Русско-турецкого соглашения, невзирая на внесенные турецким правительством в инструкцию-устав изменения³.

Позднее (1919 г.) Погос Нубар, вспоминая этот момент, скажет: «[Трубецкой] объявил мне, что императорская политика в отношении армян отныне не является политикой Лобановского и Голицына и что я мог быть спокоен в том, что он в армянах видел самых прямодушных и самых преданных подданных империи. Полагаю, не лишено полезности, по причине событий, происшедших с того дня, предупреждение Сазонова о мошенничествах германского правительства, в отношении которых он выказывал большое недоверие»⁴.

Сразу после беседы Трубецкого с армянским деятелем Сазонов дает поручение русскому послу в Константинополе Гирсу всячески препятствовать любым попыткам Высокой Порты исказить положения Соглашения.

В связи с встречей с Нубар-пашой в министерстве иностранных дел российские газеты писали, что русская дипломатия должна проявить решительность и воспрепятствовать любому изменению в Соглашении 26 января.

Вечером 14 июня в ресторане состоялся торжественный обед, организованный армянами Санкт-Петербурга⁵. Со словом приветствия первым обратился к высокому гостю Г. Тигранов. «Во всех частях света, – сказал он, – где есть хотя бы один армянин, звучит имя Нубар-паши. Сегодня он гордость армянской нации. Вы объединили нацию, укрепили нас этим объединением, и если в Турции мы считались *quantité négligeable* и нас презирали, то сейчас можем смело провозгласить: *aderint dum metuant!* Когда я смотрю на Ваше светлое лицо, вижу зарю возрождения нашей нации. Ваша пламенная и ревностная природа – залог того, что эта заря обратится в день ясный и нация приступит к своему кровному культурному труду!»⁶

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: Мшак. № 135, 22 июня 1914 г.

⁴ НАА. Ф. 430. Сп. 1. Д. 21. Л. 8.

⁵ На обеде присутствовали Н. Адонц, А. Асрибеков, Э. Бабалянц, Г. Богданян, С. Будагов, А. Будагов, А. и Я. Гукасовы, Я. Завриев, Н. Калантаров, Н. Корганов, Д. Лианозов, Т. и М. Пападжановы, Н. Попов (Поповян), А. Саруханян, С. Серебряков, Т. Тер-Матевосов, Г. и Л. Тиграновы, А. Хан-Агов, И. и М. Шадиновы, К. Шадинов и Г. Хахутов.

⁶ ПЗ ПАК. Т. II. С. 59–60.

Выступили также А. Саруханян, М. Пападжанов, Н. Адонц, Поповян, С. Серебряков.

В ответной речи Погос Нубар-паша выразил свою благодарность присутствующим за их гостеприимство и заметил, что приписываемые ему достоинства преувеличены, поскольку, взяв на себя предписание Католикоса всех армян, то есть проведение реформ великих держав в Турецкой Армении, он в меру своих сил и ума стремился быть полезным для предназначенной цели. Его дело значительно облегчила та сплоченность, которую проявили армяне всех стран, независимо от классовой или партийной принадлежности. Установившиеся в Европе благоприятные обстоятельства в большей мере способствовали успешному решению проблемы, и посему армянский вопрос вошел в круг интересов держав и самой Турции. Европейские державы, тесно связанные с Турцией финансовыми и экономическими интересами, при обострении после Балканской войны армянского вопроса не могли не видеть определенной угрозы, и поэтому были склонны установить контроль над Высокой Портой с целью создания для армян благоприятных условий существования. Участие России в деле преобразования в Армении явилось мощным стимулом для установления соглашения между Турцией и державами¹.

В конце своей речи Погос Нубар выразил большое удовлетворение той сплоченностью и солидарным сотрудничеством, которые проявила армянская общественность во время переговоров вокруг вопроса о преобразованиях. «В нашей национальной истории, в которой много прискорбных страниц, – сказал он, – впервые возникает эта действительность. Вся без остатка нация тесно сплотилась вокруг этого вопроса и общими силами вела всё дело в одном направлении, в одном русле и при абсолютной солидарности. Поэтому полученный благоприятный результат, который, безусловно, претворится в жизнь, обретен не моими усилиями, а усилиями всех вас, работавших здесь или в других городах единым сердцем и душою, каждый из вас, кто как мог и насколько мог»².

Эти слова Погоса Нубара были сказаны отнюдь не для того, чтобы поласкать слух присутствующих. В течение всего времени возобновления армянского вопроса и широкомасштабной дипломатической борьбы за его положительное решение сплоченность, проявленная армянством, явилась одним из уникальных явлений в его многовековой истории.

В полдень 15 июня состоялось частное совещание между Погосом Нубар-пашой и членами Петербургского филиала (Петербургского армянского кружка), Тифлисского армянского бюро, после чего они в 7 часов вечера сопроводили высокого гостя на железнодорожную станцию. Посланец армянства уехал, дабы продолжить свою энергичную

¹ ПЗ ПАК. Т. II. С. 61–62.

² Мшак. № 135, 22 июня 1914 г.

деятельность в столицах Европы. Он собирался в предстоящем сентябре снова побывать в России, посетить Святой Эчмиадзин и в качестве посланника Католикоса всех армян Геворга V представить отчет о своей деятельности.

Непосредственный результат петербургских переговоров Погоса Нубар-паши не заставил себя долго ждать. 19 июня правительство России направило Высокой Порте уведомление, требуя, чтобы положения Соглашения 26 января оставались без изменений.

Но если Европа, в отличие от России, продолжила бы молчаливо взирать на «игры» Высокой Порты, то можно было считать, что задача преобразований провалилась и на этот раз.

СОЗДАНИЕ ГЕРМАНО-АРМЯНСКОГО ОБЩЕСТВА. ЖУРНАЛ “MESROP”

В то время как официальная германская дипломатия постепенно отстранялась от решения армянского вопроса и старалась не вмешиваться в действия турок по провалу преобразований в Армении, проармянские силы Германии и просто справедливые граждане искали пути для содействия делу претворения Русско-турецкого соглашения и вообще укреплению армяно-германских связей. В их среде созрела идея сплочения и создания организации, содействующей дальнейшему продвижению армянского вопроса.

Прогрессивные немецкие деятели считали реализацию этой цели неотложной также и потому, что несколько месяцев назад, осенью 1913 г., при германском правительстве в Берлине был создан германо-турецкий комитет, целью которого было усиление влияния Германии в Турции.

Многие представители интеллигенции Германии были убеждены в том, что следующей после России среди великих держав, озабоченных судьбой Армении, является Германия, которая заинтересована в распространении своего влияния на Ближнем Востоке, и именно это обстоятельство подсказывает, что Германия должна установить тесные отношения с армянством Турции. Эти германские деятели сожалели, что среди немцев продолжают распространяться искаженные слухи, из-за которых формируется извращенное представление об армянах. Поэтому целью создаваемой организации являлось осуществлять широкую деятельность среди германцев и доводить до них правду об армянском народе¹.

Готовность немецких проармянских деятелей развернуть широкую деятельность, их аргументированные доводы об армянстве переубеждали даже некоторую часть немецких деятелей, питавших антипатию к армянскому народу. Более того, некоторые протурецкие деятели во второй половине 1913 г. склонились к точке зрения

¹ См.: Степанян С. Иоганнес Лепсиус и Армения. Ереван, 1998. С. 8. (на арм. яз.).

армянофилов и своими письменными и устными выступлениями способствовали распространению в своей стране правдивых сведений об Армении и армянском народе. Таким деятелем был, например, Иек¹. Под воздействием общих настроений в правительственных кругах Германии формировалась точка зрения, что, вероятно, будет правильно постепенно отходить от подчеркнуто туркофильской политики и принять в армянском вопросе если не нейтральную, то хотя бы сбалансированную позицию².

Для формирования германо-армянской организации понадобилось несколько месяцев. Этому посвятили себя видные немецкие общественно-политические, научные и церковные деятели – докт. Иоганнес Лепсиус (Потсдам), проф. И. Маркварт (Берлин), проф. Раде-Матбург (Линц), Пауль Рорбах³ (Фриденау, близ Берлина), пастор Эвальд Штир (Альден, близ Десау), докт. Джеймс Гринфилд (Берлин), а также проживающие в Германии армяне – присяжный поверенный, докт. правоведения Дарбинян (Шарлоттенбург), докт. Айрамян, докт. Мурадян и докт. Шахбазян (Берлин) и другие.

Был составлен проект воззвания будущей организации, который предстояло официально принять на учредительном заседании организации. Несмотря на то, что этот документ был всего лишь проектом, тем не менее его сдали в печать, которая, в свою очередь, распространила его в органах армянской прессы.

Согласно проекту воззвания, для установления связей между двумя нациями, обмена цивилизационными ценностями будущая организация призвана:

1) посредством справедливой и беспристрастной оценки знакомить немецкий народ с культурными ценностями армянского народа и наоборот, ценности германской нации превносить в жизнь армянского народа;

2) предпринять в Германии широкую пропаганду вклада армянской нации в копилку общечеловеческой цивилизации, а также пропагандировать стремление германской нации содействовать развитию армянской культуры;

3) способствовать налаживанию личных взаимоотношений между немцами и армянами, в частности между обучающимися в Германии армянскими студентами и их местными сокурсниками.

Для достижения этих важных целей авторы воззвания предполагали: а) публиковать в германской прессе максимально точные сведения о положении в Армении; б) издавать на двух языках ежемесячную газету с целью знакомить немцев с армянской культурой

¹ См.: Айруни А. Миссия Иоаннеса Лепсиуса. Ереван, 2002. С. 200–201. (на арм. яз.).

² Там же. С. 208.

³ Пользуясь случаем, заметим, что в армянской историографии Пауль Рорбах представлен в исключительно отрицательных чертах, как «ярый защитник германского империализма», «заклятый противник армянского процесса». Последние беспристрастные исследования, однако, свидетельствуют об обратном. Историк Ашот Айруни, опираясь на германоязычную литературу и источники, показывает громадную работу, которую проводил видный немецкий деятель на протяжении десятилетий.

и открывать для немцев новые пути к Армении; в) переводить на немецкий значимые армянские произведения; г) для изучения армянского языка, культуры и истории основать в Германии армянский научный «матенадаран»-библиотеку; д) усилить преподавание немецкого языка в армянских школах; е) для обучающихся в Германии армянских студентов открыть информационную службу и с ее помощью сообщать немецким гражданам сведения об Армении.

В конце призыва читаем: «Просим всех, кто согласен с нашими вышеупомянутыми предложениями, прислать свои адреса пастору Штиру в Альден близ Десау, ибо ваше согласие будет основанием для создания “Германо-армянского общества”»¹.

Издававшаяся в Тебризе (Персия) армянская газета «Митк» писала по этому поводу: «Есть твердая уверенность в том, что на этот раз будет получен удовлетворительный результат, отличающийся от всех предыдущих переговоров по армянскому вопросу. Можно надеяться на то, что будут устранены наитяжелейшие беды и народу армянскому будет дана возможность еще щедрее проявлять свои возможности на культурном и экономическом поприще, чем это было до сих пор»². Затем отмечалось, что крупные экономические программы Германии в Малой Азии, которые осуществляются преимущественно в армянонаселенных местностях, требуют установить тесные отношения с армянами, которые везде «являются руководителями в экономической и культурной жизни»³.

В то время как в армянской прессе продолжало циркулировать воззвание, в Берлине велась работа по созданию организации. Изыскивались финансовые средства, продвигалась задача обретения собственного органа печати, производился подбор кадров. К этой работе был привлечен также находящийся в Берлине армянский общественно-политический деятель поэт Аветик Исаакян.

Аветик Исаакян 23 апреля 1914 г. писал из Берлина находившемуся в Америке Симону Врацяну: «Уже более двух месяцев как я в Берлине, веду дела армянского и германского комитета – я его секретарь. И мы будем издавать ежемесячную газету – с армянским и немецким разделами. Скоро получим воззвание [комитета] и программу, которые ты бы издал в своей газете⁴ и сотрудничал с нами. С нами много знаменитых людей, очень видных личностей, известных и влиятельных во всей Германии. Можно уверенно сказать, что ежели не было бы армяно-германского общества, то сии реформы оказались бы выброшенными в воду⁵. Об этом признаются как докт. Завриев,

¹ См.: Айруни А. Миссия Иоаннеса Лепсиуса. С. 208.

² Митк. № 9, 8 марта 1914 г.

³ Там же.

⁴ С. Врацян в это время редактировал официальный орган АРФ.

⁵ В этом предложении есть нечто непонятное, если иметь в виду, что Русско-турецкое соглашение 26 января 1914 г. было подписано более чем за 4 месяца до создания Германо-армянского общества. Повидимому, автор письма имел в виду работу германских армянофилов, проведенную в предшествующие месяцы по армянскому вопросу.

так и Константинопольское бюро [АРФ]. Наши германские друзья уговаривали немецких дипломатов и оказывали на них давление, чтобы те согласились с русскими»¹.

Наконец 16 июня 1914 г. в Берлине официально открылось первое заседание этой организации. Председателем ее был избран докт. Лепсиус, его заместителем – докт. Гинфилд, секретарем – пастор Штир². Организация получила название «Германо-армянское общество» (Deutsch-Armenischen Gesellschaft) и начала свою деятельность. На заседании был принят текст проекта воззвания, опубликованного несколько месяцев назад, чем и было провозглашено создание общества. Под документом подписались вышеозначенные и другие немецкие армянофилы, а также Аветик Исаакян. Как уже было отмечено, воззвание провозглашало, что немецкая интеллигенция обязана содействовать осуществлению программы реформ в Армении, разработать программу установления тесных отношений между армянским и немецким народами и всячески способствовать осуществлению этих проектов.

Другие обсужденные на заседании вопросы относились к укреплению германо-армянских культурных связей, дальнейшему развитию зарождающегося тесного сотрудничества между деятелями двух наций³.

Уже тогда общество объединяло более сотни немецких деятелей, а также ряд находившихся в Берлине армян – Аветика Исаакяна, Минаса Мурадяна, Липарита Назаряна, Вагарша Айраняна и других⁴.

Возвращаясь к причинам создания Германо-армянского общества, Джеймс Гринфилд отмечал, что официальная Германия из-за своего непоколебимого туркофильства в течение прошедших десятилетий не совершила в пользу армян ни одного благоприятного шага. Он с болью замечал, что в Германии не было влиятельных армянофилов, каковые были в Англии и Франции, где многочисленные высокопоставленные персоны были горячими защитниками армянской нации. Именно по этой причине и благодаря бескорыстной деятельности докт. Лепсиуса группа видных германских деятелей предприняла создание указанного общества, имея целью защитить многострадающих армян Турции и внести свою лепту в дело устранения препятствий, имеющих на пути реформ в Армении. Предполагалось, что Германо-армянское общество должно вести энергичную работу с германским правительством, полностью изменить его одностороннее отрицательное отношение к армянам, тем более что в общественном мнении страны наметились признаки положительного отношения к армянам⁵.

¹ Врцян С. Старые документы для новой истории. С. 347.

² Айруни А. Миссия Иоганнеса Лепсиуса. С. 209.

³ Степанян С. Иоганнес Лепсиус и Армения. С. 9.

⁴ Арзуманян М. Армения 1914–1917. С. 560.

⁵ См.: Mesrop. № 1, июль 1914 г. Ч. II. С. 2–4.

Основатели Германо-армянского общества не без оснований полагали, что найдутся люди, которые будут считать основной задачей деятельности организации, призванной к жизни государственными структурами Германии, защиту германских политических интересов в Армении и препятствование проводимой там Россией политике.

Для того чтобы предотвратить возможные недоразумения и неверные толкования целей Германо-армянского общества, Дж. Гринфилд заявил: «Наше общество преследует культурные цели. Но мы полностью осознаем, да и более компетентные люди, чем наши германские друзья, с нами также согласны в том, что будущее нашей нации тесно связано с Россией», а значит, в интересах армян, чтобы эти оба государства постоянно сотрудничали. А «Германо-армянское общество» в российско-германских взаимоотношениях не то чтобы повод для новых противоречий, а наоборот, оно должно стараться смягчить ненужные распри, как это делал до сих пор Берлинский армянский комитет»¹.

Германо-армянское общество должно было издавать ежемесячную газету, первый номер которой предусматривалось выпустить в конце мая с армянским и немецким разделами. Материалы немецкого раздела должны были выпускаться в Берлине, а армянского – в Константинополе либо в Вене. В конце концов местом печатания армянского раздела была выбрана столица Австрии, однако здесь имелась только одна армянская типография, наборные буквы которой были устаревшими, а кроме того, типографские услуги обходились дорого. С середины мая материалы уже были готовы, но поскольку не была найдена подходящая типография, не удавалось издать армянские материалы, дело затягивалось².

Газета должна была установить прямую связь организации с проармянски настроенной интеллигенцией страны, посредством серьезных статей знакомить германскую общественность с жизнью и духовными ценностями армянской нации, с ее бедами и стремлениями, а с другой стороны – представлять армянскому народу сведения о завоеваниях западной культуры, о ее научных и образовательных достижениях, в которые Германия внесла заметную лепту. Была глубокая убежденность в том, что эта задача успешно решится, поскольку многие известные писатели обещали активно участвовать в деятельности газеты, они выразили готовность распространять напечатанные в ней материалы. Руководители Германо-армянского общества были уверены, что газета в недалеком будущем станет для германской печати надежным источником информации об армянах и будет способствовать тому, чтобы армянство приобрело в Германии своих новых друзей и поклонников. «Но нам не менее необходимо содействие ваших соплеменников, – подчеркивал Джеймс

¹ Там же. С. 6–7.

² См.: *Врацян С.* Старые документы для новой истории. С. 348.

Гринфилд, – и хочется верить, что они, со всей серьезностью оценивая значение нашего предприятия, не промедлят и начнут содействовать нам своим активным сотрудничеством с газетой или записываясь в члены нашей организации»¹.

1 июля 1913 г. вышел в свет первый (и единственный) номер² двуязычного журнала “Mesrop” – печатный официальный орган Германо-армянского общества. От имени армянских деятелей – участников основания журнала в качестве постскриптума было опубликовано следующее краткое сообщение (с. 7): «Наш орган мы нарекли “Mesrop” по предложению немецких друзей, потому что это имя знакомо им больше, чем любое другое армянское имя... и в связи с юбилеем (имеется в виду 1500-летие создания армянского алфавита. – Г. С.) мы пожелали почтить память личности, которая открыла стезю света перед нашим народом». Журнал условно состоял из двух частей, каждая по 32 страницы. В первой были помещены 3 статьи на немецком языке, а во второй – 5 статей на армянском.

Этот первый номер журнала открывался развернутой (с. 1–11) статьей Пауля Рорбаха “Die Armenier als politischer und kultureller Faktor im Orient” («Армяне как политический и культурный фактор на Востоке»). Рорбах свою статью начинал со следующего утверждения: «Армяне в Турции... обладают большей важностью, чем их численность. Они, несомненно, составляют самый действенный с нравственной, интеллектуальной и материальной точки зрения элемент среди всех восточных народов. Даже можно сказать, что по своим природным национальным способностям они, пожалуй, единственные в этой среде. В армяне сокрыты такая энергия и стойкость, которые противоречат всем нашим представлениям об образе восточного человека». Автор отмечал, что Армения – первая страна, которая с помощью своей царской семьи, почти без насилия приняла христианство как государственную религию. Прошло много веков, но армяне сумели по сей день защитить свою веру, вынести жесточайшие удары времени. Затем, описывая язык народа, П. Рорбах пишет о том, что на протяжении многих веков бесчисленные языки Ближнего и Среднего Востока, не выдержав давления арабского и турецкого языков, исчезли, однако армяне «в сравнении с другими народами Востока проявили несравненно более мощную духовную энергию и сопротивляемость в сохранении своих религиозных и языковых ценностей, чем все остальные народы Востока».

Касаясь факта трудолюбия армян, автор статьи замечал, что они испокон веков были культурным земледельческим и «градостроительным» народом, местами обитания которого чаще были равнины, чем горы. Армянин вынослив и неприхотлив, к этим качествам присоединяются чрезвычайная трезвость и усердие.

¹ См.: Mesrop. № 1, июль 1914 г. Ч. II. С. 5–6.

² Выражаем благодарность историку Ашоту Айруни за предоставление копии журнала “Mesrop”. – Г. С.

Затем Рорбах подчеркивал исключительную одаренность армян в коммерческой области, отмечая, что они взяли в руки торговое дело не только во всей Анатолии, но и занимаются им далеко за пределами империи. Рорбах решительно отвергал распространенное в Европе превратное мнение, что якобы армяне ловкие и лживые торгаши. Здесь автор статьи приводил слова знаменитого немецкого ученого-путешественника докт. фон Ровена, который был лично знаком с армянами и опирался на собственный опыт. Он писал: «В Германии мало симпатий к армянам, одновременно о них распространяются всевозможные превратные понятия. Причиной этого... являются те нелицеприятные события, которые произошли между немецкими торговцами и несколькими армянами-жуликами в приморских городах, события, которые в дальнейшем были приписаны всему народу. Но те, кто жил в среде армян, хорошо знают, что это трудолюбивый, трезвый и рассудительный народ, и, несомненно, он может считаться самым способным и прогрессивным племенем во всей Передней Азии. Не так уж любимые в Турции армяне, благодаря своим способностям и высоким умственным качествам, так или иначе достигнут высочайшего уровня».

Согласно мнению автора статьи, трудолюбие армянского народа и его любовь к культуре ярчайшим образом выражаются в сфере организации народных школ. Армянских школ больше, и они намного благоустроеннее, чем у любой другой нации в Турции. Заслуживает особого внимания то, писал Рорбах, что армянские школы содержатся не только богатыми людьми, но и за счет добровольных пожертвований простого люда. Благодаря хорошей организации образования в Турции ни в каком другом месте не найдешь таких образованных и подготовленных специалистов, как среди армян. «Эти преимущества армян не могут не отражаться в экономической жизни, и те, кто вынужден заниматься в Турции железными дорогами (имеется в виду строительство железных дорог. – Г. С.) и промышленностью, не может делать ни одного шага без их участия».

Но армяне не только труженики, которые созидают блага, подчеркивал Рорбах. С древних времен они также и отважные воины. Солидное число наемных армянских воинов и полководцев служило в армиях соседних стран. Именно армянские полководцы императора Юстиниана подавили владычество остготов в Италии. Именно благодаря своим боевым способностям на византийский престол взошла целая армянская династия. Противостоя превосходящим силам арабских халифов, на протяжении долгих битв армянам удавалось на время сохранить свою независимость. Но в период жестокого турецкого владычества их сопротивляемость поколебалась, а в дальнейшем, в годы власти султана Абдула Гамида, было осуществлено абсолютное разоружение армянского народа, что позволило курдским и турецким кровопийцам беспрепятственно истребить сотни

тысяч армян. В годы власти младотурок армяне получили возможность вступить в войска, и они сразу же проявили свои боевые качества. Доказательством тому служат проявленный ими героизм в последней Балканской войне.

Автор статьи подчеркивал достоинства армянского народа с целью пробудить в немецких читателях симпатию к этой нации, вселить в них идею, что в предстоящих предприятиях в Турции им следует опираться на армян.

Пауль Рорбах завершает свою статью следующими словами: «Германия как государство, имеющее обширные интересы на Востоке, должна стремиться привлечь армянина на свою сторону, ибо не железными дорогами и военными миссиями она должна преуспевать в борьбе за свои политические цели. Мы обязаны такую же большую важность придавать разработке культурно-нравственных взаимоотношений со всеми народностями Турции, но никакая другая нация не сможет нам быть так полезна, как армяне».

Вторая обстоятельная статья (с. 12–26) первого раздела журнала носила заглавие “Die armenischen Reformen” («Армянские реформы»). Ее автор, докт. Йоганнес Лепсиус, начал с того, что до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. армяне считались самыми преданными подданными Турции, но с того времени обстоятельства изменились. Пробудив зверские инстинкты курдов, Абдул Гамид превратил Армению в море крови.

Обращаясь к последнему периоду армянского вопроса, Лепсиус касался аданской резни и неудачного для Турции исхода в Балканской войне. Он обстоятельно остановился на усилиях держав, и в первую очередь России, в решении армянского вопроса. Затрагивая положение национальных отношений в Турции, он писал: «Это государство, которое натравливает национальности страны друг против друга, и это чиновники, которые извлекают выгоды из этих распрей. То государство, в котором нет согласия, должно распасться. Главнейшим стремлением Турции должно быть примирение народностей друг с другом и с ней самой. Даже самая большая уступка не сможет предотвратить развал любого государства, если будет продолжать обращаться со своей более чем половиной как с врагом»¹. Автор подчеркивал, что только всеобщий мир сможет обеспечить будущее Турции.

Доктор Лепсиус подчеркивал, что реформы в Армении трудно осуществить так, чтобы они соответствовали интересам армянства, России и Турции, но, к счастью, выход возможен: «сотрудничество России и Германии в вопросе экономического пробуждения Анатолии является единственным лучшим залогом прогресса армянской нации и единственной гарантией счастливого будущего Турции»².

¹ См.: Mesrop. № 1, июль 1914 г. Ч. II. С. 10.

² Там же. С. 11.

Во втором (армянском) разделе журнала помещено краткое изложение на армянском языке вышеуказанных статей Пауля Рорбаха и Иоганнеса Лепсиуса, за которым следует статья Джеймса Гринфилда «Вокруг нашего дела». Гринфилд отмечал, что после Балканской войны тяжелейшая чаша весов турецкой власти склонилась в сторону Азии, и именно здесь армянский вопрос «настоятельнейшим образом ждет своего решения». В отличие от Рорбаха и Лепсиуса, Гринфилд очень высоко ценил роль России, которая традиционно является защитницей восточных христиан, в деле установления порядка и законности в Турецкой Армении посредством преобразований. Он имел в виду широкую дипломатическую деятельность как в 1877–1878 гг., так и в 1912–1913 гг., считая, что благонамеренные российские инициативы могут увенчаться абсолютным успехом лишь в том случае, если остальные великие державы также будут заинтересованы в улучшении невыносимого положения армян¹.

Автором третьей германоязычной статьи в том же разделе под заглавием “Die Lieben Sanger” являлся Рубен Сардарян, один из активных деятелей Германо-армянского общества².

Следующая статья журнала, которая посвящена вопросу численности турецких армян в XIX веке, принадлежала перу Липарита Назарянца. Автор обобщил в ней данные разных известных источников, относящиеся к численности армян в XIX веке³.

Перечень политических материалов журнала завершился статьей Рубена Дарбиняна «Очерки о современной Германии».

В конце было помещено несколько прозаических произведений Рабиндраната Тагора, переведенных с английского крупнейшим армянским переводчиком (прежде всего Уильяма Шекспира на армянский) и видным персидским дипломатом в Англии Ованнесом Хан-Масехяном, а также два лирических стихотворения Аветика Исаакяна и одно – немецкого поэта Цезаря Флайшлена.

Редакцией «Месропа» был подготовлен к печати также второй номер журнала, который, к сожалению, не вышел в свет из-за нагрянувшей мировой войны⁴.

Германские армянофилы в своих выступлениях и статьях в прессе часто касались посвященных Армении и армянскому народу произведений и трудов немецких исследователей, ученых и поэтов. Особенно часто они ссылались на имевшийся в их распоряжении труд видного немецкого ассиролога К.-Ф. Лемана-Гаупта «Армения в прошлом и ныне. Путешествия и исследования» (Берлин, 1910).

¹ Там же. С. 33–34.

² Там же. С. 26–32.

³ Здесь мы не станем предлагать читателю содержание статьи Л. Назаряна, учитывая, что мы подробно затрагивали вопрос на соответствующих страницах этой книги.

⁴ Бытовало мнение о том, что 2-й номер журнала «Месроп» был уже готов к печати, когда началась мировая война. Некоторые исследователи были убеждены в том, что материалы этого номера в свое время были переданы на хранение Армянской конгрегации венских мхитаристов. По нашей просьбе и распоряжению руководства конгрегации были произведены поиски этих материалов, но, к сожалению, они оказались бесплодными.

Еще в 1898–1899 гг. Леман-Гаупт путешествовал по Армении и накопил богатый материал. Он побывал в Турецкой Армении, в Персидской Армении и в Кавказской Армении. Первый том этого труда, состоявшего из двух книг, полных благоприятных для армян подробностей, «От Кавказа до Тигра и Тигранакерта», автор не спешил издавать, и лишь спустя годы, в 1910 г., он напечатал его в качестве первого тома собрания своих сочинений. Книга была ценной, в частности в том смысле, что ее автором был немец, один из подданных кайзера Вильгельма II – ближайшего друга султана Абдула Гамида. Он описывал жизнь армянского народа абсолютно беспристрастно. В произведении красной нитью проходит утверждение, что талантливая, но несчастная нация веками страдает под гнетом беспредельного произвола турок и курдов и что конца этому не видно.

В своем труде Леман-Гаупт показал, как трудолюбив армянский крестьянин Турецкой Армении и вместе с тем как он неприхотлив, с какой преданностью возделывает он свой клочок земли. Ученый показал, как беспредельно армянин любит свою родину, как привязан к родной земле, так предан ей, что предпочитает выносить нескончаемые преследования и разбой грабителей и угнетателей, а не бросить страну предков и удалиться... Эта книга, повествующая о древнейшем народе, вызвала большой интерес среди немецких читателей, и этому всемерно содействовало Германо-армянское общество.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Перспективой решения армянского вопроса была глубоко озабочена не только исполнительная власть России, но и ее законодательный орган – Государственная дума.

6 июня 1914 г. стало знаменательным днем в Государственной думе России. На 66-м заседании четвертого созыва депутаты обсуждали армянский вопрос. Были произнесены блестящие речи, которые вызвали полную симпатию всей Думы – независимо от партийной принадлежности.

Заседание 6 июня вели Львов, Родзянко и Волконский.

Пафосом и постановкой вопросов особо выделялись видные политические деятели Милюков и Бобринский. Петербургский депутат Милюков в своей речи сначала проводит обстоятельный обзор войны 1877–1878 гг., трактата, принятого на Берлинском конгрессе, и бедствий, перенесенных армянским народом в последующие 35 лет¹. Затем оратор отмечает, что для России армянский вопрос чрезвычайно важен и является серьезнейшей задачей, которая «близка нашему сердцу». Именно сейчас решается вопрос – быть или не быть ему. То есть речь идет о выживании турецкого армянства, ко-

¹ См.: Стенографический отчет засед. Государственной думы. С. 1043–1053.

торое является оазисом христианства в мусульманском море. «Нам известно, – подчеркивал он, – что 200 000 турецких переселенцев (мухаджиров) уже готовы ринуться из Европейской Турции в Армению»¹. Следовательно, должен быть некто, который займется интересами христианского населения Малой Азии, и если таковым не будем мы, то немцы уже обратили свое внимание в сторону армян и предлагают свою поддержку этому жизнеспособному, энергичному народу. Значит, не надо мешкать и надо помнить, что влияние в этом регионе и помощь армянам – это их право и обязанность. Но ведь только Россия сможет осуществлять международный контроль над Арменией. Не случайно Англия после ужасов и побоищ, имевших место в Армении², обратилась к помощи России. В то время Россия ответила, что не желает для Армении автономии, опасаясь того, что этой идеей заразятся также армяне Закавказья – по эту сторону границы. Но ведь тогда автономии не требовалось. Требовались такие же элементарные вещи, как сейчас³. Затем Милюков говорил о том, что российские государи не раз свидетельствовали о законопослушности армянского народа. «Русские цари неоднократно оценивали армянский народ как уважающий и соблюдающий общественный порядок. У нас есть верительная грамота Александра I от 15 сентября 1813 г., где говорится о том, что армяне “отличаются мирной преданностью и постоянством” и что они “в критических ситуациях остались крепкими и непоколебимыми”. У нас есть дарственная Николая I, после Персидской войны 1827 г., архиепископу Нерсесу, в которой царь выражал свое благоволение армянскому народу “за проявленные им усердие и беспристрастную преданность”»⁴.

Затем Милюков обратился к участию армян в русско-турецких войнах с 1828 по 1877 г., когда начались побеги армян из Турции в сторону границ России, где они искали защиты от тех ужасов, которые переживали под османским игом.

Оратор заметил, что в дальнейшем в среде армян, а именно армянской интеллигенции, возникло также несколько иное настроение, о чем много говорилось в Третьей Государственной думе, где кавказский наместник Воронцов-Дашков обстоятельно указал на его причину, а именно на захват духовного и церковного имущества армян, совершенный по приказу бывшего наместника Голицына⁵.

Отвергая росказни, распространяемые о сепаратизме армян, Милюков говорил о том, что преследования дашнакской партии не имели под собой веских оснований. «Дашнаков, которые могли быть опасными только лишь для Турции, мы своей неправильной политикой сделали временно опасными для нас. Но в настоящее время

¹ Там же. С. 1045.

² Речь идет об армянских погромах 1894–1896 гг. в Турции.

³ См.: Стенографический отчет ... С. 1048.

⁴ Там же. С. 1049.

⁵ Там же. С. 1050.

все армянские партии едины в одном настроении, которое чрезвычайно благоприятно для нашего непосредственного вмешательства в армянский вопрос. Я недавно побывал на Кавказе и нашел там такую тягу к России, каковой не бывало давно... Не существует и не должно быть недоверия между Россией и армянами!»¹

Поскольку сейчас, подчеркивал Милюков, уже нет недоверия между Англией и Россией, Россией и армянами, посему в таких благоприятных обстоятельствах необходимо воспользоваться точным рецептом, данным в свое время стариной Гладстоном: «1) умерьте ваши требования и стремитесь приобрести лишь возможное, 2) не верьте обещаниям турок, потому что они больше вредны, чем полезны, 3) надо прибегать только к принудительным средствам, поскольку в Константинополе не понимают смысла слова “обязательство”». Сии правила, говорил оратор, не утратили своей силы и сегодня. Они являются тем, что сегодня требуют армяне. События, происходящие ныне в Константинополе, указывают на то, в какой мере можно ожидать от тамошней ныне правящей партии реальных реформ для армян².

Затем, касаясь тяжелейшего продвижения задачи преобразований в Армении, Милюков одной из основных причин этого назвал произвольное административное деление Армении турецкими властями, с тем чтобы повсюду преобладали турки, а христиане оставались в меньшинстве. «Для этого были созданы самые настоящие географические несуразности: к цельной губернии то присоединят кусок, очень отдаленный от этой губернии, и с преобладанием турецкого населения. Это нужно пересмотреть, – говорил он, – следует поделить нынешние вилайеты таким образом, чтобы значительную часть их населения, по крайней мере 40 %, составляли армяне»³.

Затем подчеркнул, что первым и последним словом всех этих требований является контроль держав над ходом реформ, несмотря на то что в Константинополе этот контроль охарактеризовали как вмешательство во внутренние дела Турции.

Милюков закончил свое выступление следующими словами: «Господа, это вмешательство надо совершить незамедлительно, потому что если мы сейчас упустим момент, а упустили в 1879⁴ и 1895 гг., то, повторяю и завершаю тем, с чего начал, – мы обречем на окончательное истребление остатки армянского народа, которые спаслись от ужасов и насилий, и, тем самым, лишимся нашей естественной помощи прямо у нашей границы».

Весь смысл речи Милюкова был направлен на то, что Россия должна надежно стоять за спиной армянского народа и последовательно продвигать вперед проведение реформ в Армении.

¹ Стенографический отчет ... С. 1050.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 151–152.

⁴ Должен был быть 1878 г.

После Милюкова берет слово депутат от Батумского, Карсского и Сухумского районов, социал-демократ (грузинский меньшевик) А. Чхенкели, речь которого была изложением известных теоретических постулатов, которые не имели никакой связи с поставленным на обсуждение в Думе армянским вопросом и с трагической ситуацией, сложившейся в Турецкой Армении¹.

Грузинский меньшевик подверг резкой критике Милюкова за то, что он свое выступление «почти полностью» посвятил необходимости помощи России армянам Турции. «Он непрестанно говорил об одной стороне (армянах. – Г. С.) и не сказал ни слова о другой стороне (турках и курдах. – Г. С.)». Чхенкели говорил о том, что Милюков так поступал и в прошлом, и в подтверждение всему сделал ссылку на выступление в думе в декабре 1912 г., когда Милюков также обращался к тяжелому положению армянства в Турецкой Армении. Грузинский меньшевик назвал это выступление Милюкова «империалистическим», поскольку он параллельно не поднял также вопроса о тяжелом экономическом состоянии турок и курдов Армении. Он обвинял Милюкова в том, что он выражается пренебрежительно в адрес курдов и других мусульман. А что касается мухаджиров, говорил Чхенкели, то они являются бывшими российскими подданными, которых изгнали с их мест жительства царские власти.

Выражая свою и своих единомышленников точку зрения, Чхенкели говорил о том, что армяне осуждены природой на приспособление к мусульманам, и их могут спасти только лишь повышение политического самосознания масс армян и мусульман и установление между ними братских связей. Более того, он находил, что решение как национальной, так и многих других труднейших задач зависит от солидарности пролетарского класса, что только этот класс сумеет решить и армянский вопрос.

Но Чхенкели не учитывал, что в Турецкой Армении не существует развитой промышленности, следовательно, там нет также пролетариата в европейском понимании, который сумел бы предотвратить армянские побоища, разбой и грабеж, похищения людей и другие насилия. Армян окружали не цивилизованные русские и грузины, а религиозно-фанатичные, невежественные турки и курды.

До каких пор должен ждать армянин, пока его соседи созреют до определенного сознания, и тогда станет возможным общими усилиями освободить обездоленную Турецкую Армению?! Пока в Турецкой Армении развилась бы индустрия, в результате чего возник бы немущий пролетарский класс армян, турок и курдов и между этими нациями установилась бы идея солидарности, тем временем на армянских территориях не осталось бы ни одного армянина!

Высказанные грузинским социалистом мысли разделяли его единомышленники, в особенности вся социал-демократическая фракция

¹ Стенографический отчет ... С. 1077–1079.

Государственной думы. Однако выступление грузинского депутата совершенно не удовлетворило думское большинство, и оно привнесло лишь путаницу в мысли людей.

От имени националистической фракции Думы с большой проармянской речью¹ выступил Бобринский, который был избран депутатом от Тульской губернии.

Этот политический деятель, будучи делегатом двух предыдущих созывов Думы, в своих речах неоднократно выступал с резких антиармянских позиций, совершал нападки на все армянские политические партии (в частности на АРФ), более того, допускал грубые, оскорбительные выражения в адрес всего армянского народа, называл армянство растлителем единства империи. Но после того как в дни Балканской войны Россия взяла в свои руки вопрос реформ в Турецкой Армении, он изменил свое мнение и призывал власти страны содействовать армянам Турции.

В начале своего выступления граф Бобринский призвал депутатов «отрезветь» от юмористического настроения, которое создал до этого Чхенкели. Затем, одоблив мысли, высказанные Милюковым, он приступает к изложению своего восприятия армянского вопроса. «Там, где мы не прилагаем достаточной энергии, – говорил граф, – сразу же выступают со своей политикой другие. Армянский вопрос важен для нас не только потому, что этот народ занимает такую территорию, которая перекрывает тот железный пояс, который Германия старается растянуть, тем самым заняв весь юг от России, кольцо, которое берет начало с Дуная, затем тянется по Балканскому полуострову, Босфору, Малой Азии и, наконец, заключается, с одной стороны, в Армении, а с другой – в Персидском заливе. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы этот круг не сжимался. Армянский вопрос для нас важен и потому, что армянский народ близок нам и родственен также по религиозным догмам». Бобринский считал весьма справедливым мнение Милюкова о том, что ныне армянский вопрос становится германским вопросом, потому что «ежели наша дипломатия об этом не ведает, ежели дипломатия настолько безразлична к этому серьезнейшему армянскому вопросу, как и общественное мнение, то Германия, конечно, не зевает... Там, где мы не проявляем нашей деятельности, сразу же возникают немцы и делают то, что им нужно». Затем оратор выразил свое удовлетворение в связи с тем, что «сейчас, слава Богу, у армян нет того недовольства, которое было проявлено частично вследствие неправильной политики по отношению к ним». Он утверждал, что он один из тех, кто приветствовал самые первые шаги в отношении армян со стороны назначенного кавказским наместником Воронцова-Дашкова, хотя во многом был не согласен с его общей политикой. Бобринский напоминал о том, что те, кто присутствовал на третьей сессии Государственной думы, убедились в том,

¹ Стенографический отчет ... С. 1079–1092.

что отношение российских армян к властям страны постепенно улучшается. «Мы были очевидцами того, как во второй Думе представители армянского народа, которые садились на места крайне левых, выступали с резкой критикой правительства во время обсуждения не только армянских, но также и общероссийских вопросов. Но в третьей Думе они полностью изменились и выступают с умеренных позиций, даже защищают действия правительства. И если армянство отлично сознает значение России и желает шагать вместе с нею, то мы всегда протянем ему руку помощи».

Речь графа Бобринского вызвала в Думе бурные аплодисменты. Не убывали проявления симпатий к Армении и армянскому народу особенно в правостороннем лагере. Газета «Мшак» писала о том, что в этот день окончательно закрепились доверие и симпатия России к армянам¹.

В конце поднимается к кафедре и произносит обстоятельную речь депутат Госдумы от Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерний Микаэл Пападжанов².

Обращаясь к членам Думы, Пападжанов заявляет о том, что здесь он представляет интересы большей части армянского населения Кавказа, живущего в пределах своей Родины, следовательно, считает своим долгом не обходить того вопроса, который сегодня так бурно обсуждается Думой и который является частью очень запутанного и трудного восточного вопроса. Армянский депутат говорил о том, что армянский вопрос включен в повестку дня, и за рубежом им занимаются очень серьезно, а в России он как бы обречен на невнимание. В Европе созданы многочисленные организации, занимающиеся армянским вопросом не только в столицах дружественных с Россией государств, но даже в Германии. Создается впечатление, что Германия запамтовала, что не так давно она не говорила ни одного доброго слова о народе, которым она сейчас так горячо занимается.

Оратор выражал уверенность в том, что в ближайшем будущем русская общественность удостоит внимания армянский вопрос, и залогом этого является то, что им начали серьезно заниматься органы разных политических направлений российской печати («Новое время», «Речь», «Биржевые ведомости» и т.д.), которые почти ежедневно на своих страницах помещают статьи, телеграммы и иные материалы об армянском вопросе. Продолжая свое выступление, Микаэл Пападжанян напомнил о том, что до начала XIX в., говоря «армянский вопрос», подразумевали всю массу вопросов, относящихся к интригам вокруг армянского вопроса. Он обратил внимание депутатов на то, что в свое время Пётр Великий установил отношения с представителями армянского народа и меликами (князьями) Карабаха. Его дело было продолжено намного позже, когда

¹ См.: Мшак. № 126, 11 июня 1913 г.

² Стенографический отчет ... С. 1092–1107.

на престол взошли цари Павел I, Александр I и Николай I. В начале XIX в. вопрос вновь обрел существенную важность, продвижение России на юг приобрело более практический характер, когда во власть России перешли Ереванское, Нахичеванское и Карабахское ханства. В то время решилась часть армянского вопроса. И следует сказать о том, что в пределах России армянского вопроса никогда не было. С тех пор как армяне перешли под покровительство России, здесь они не требовали ничего другого, кроме сохранения своей веры, языка и национальной культуры. Но, к несчастью, настал период, когда отношения между правительством и армянами настолько обострились, что последним повсеместно начали приписывать обвинение в стремлении отделиться от России, что абсолютно не соответствовало действительности и истине.

Пападжанян приветствовал выступление Бобринского, особенно его точку зрения о том, самая националистическая партия – «Дашнакцутюн» – решительно против отделения армянских территорий Закавказья от России. «Я должен присоединиться к заявлению графа Бобринского о том, что армяне не ищут отделения от России (Справа возгласы: «Браво!»)¹. Мы не ищем привилегий, но мы требуем, чтобы раз и навсегда [в русском человеке] запечатлелась и укрепились мысль о том, что у армян нет сепаратистских стремлений, что они желают жить вместе с русскими общей гражданской жизнью и, если возникнет необходимость, отдадут свои жизни во имя общей родины – России! (Аплодисменты справа и слева, возгласы «Браво!» почти со всех сторон)».

Пападжанян защитил точку зрения Бобринского, что голицынское убеждение о сепаратизме армян первым решительно опроверг граф Воронцов-Дашков. Неслучайно, говорил выступающий, что кавказский наместник завоевал особое доверие всех армян, заслужил их глубочайшее уважение.

Армянский депутат одновременно подчеркивал, что традиционное русофильство армян в прошлом очень дорого обошлось им из-за того, что оно усиливало ненависть и враждебное отношение османского правительства к турецкому армянству. Обращаясь в этой связи к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., он говорил о том, что по 61-й статье Берлинского трактата армянский вопрос был отобран у России и вручен великим европейским державам, и тем самым было дано начало периоду споров и разногласий, который для армян не завершился ничем положительным (Возгласы справа: «Да, совершенно верно!»). Последствия этого долго себя ждать не заставили: правительство Абдул-Гамида приняло все меры, чтобы снять армянский вопрос с повестки дня – посредством физического уничтожения армянского элемента. Принятые им меры довели этот вопрос почти

¹ Примечательно, что на выступление армянского депутата Думы Пападжаняна бурно и воодушевленно реагировали прежде всего правые депутаты, большая часть которых склонялась к мысли о занятии Турецкой Армении русскими войсками.

до завершения, резко сократив численность армянского населения. Турции удалось таким образом изменить ситуацию в армянских вилайетах. Для того чтобы установить порядок и закон в Армении, необходимо осуществить тот пункт Берлинского трактата, согласно которому Турция обязуется защищать армян от курдов и черкесов. Но турецкие правительства, сперва деспотия Абдул-Гамида, затем последний режим, не доказали того, что они искренне заинтересованы в том, чтобы положить конец жестокостям.

Затем Пападжанян обращается к вопросам о численности армян в Турции, поясняет членам Думы, почему турецкое правительство искажает данные о численности армянства в империи и особенно в Армении с помощью поддельной статистики. «Его цель одна, – говорит оратор, – показать державам, что армянство как национальная единица является ничтожным меньшинством в среде окружающих его народностей и племен, и, следовательно, нет особой надобности заниматься вопросом армян».

В этих условиях, говорил выступающей, курды с молчаливого согласия правительства продолжают совершать преступления против армян. Он отмечал, что «в последнее время в прессе часто приводятся примеры, которые демонстрируют ужасающее отношение турецких властей к армянскому населению, то есть отношение, которое не назовешь иначе как стремлением физического уничтожения». «Прежде всего нас спросят, чего хотим мы?.. Наши желания предельно скромны. Вопреки намеку, который позволил себе здесь член Государственной думы Чхенкели, на то, что вопросы следует решать на местах, под подданством Турции, я должен сказать, что никто и не думает о насильственном отделении или о каком-либо самовольном действии. Требования армян чрезвычайно скромны. Они хотят лишь, чтобы установились такие законы и порядок, которые гарантировали бы свободу вероисповедания и безопасность защиты их чести, жизни и имущества от злоумышленных посягательств и развитие их национальной культуры. Вот к чему сводятся все желания, и, таким образом, о смене подданства, по поводу которого говорил гражд[анин] Чхенкели, не может быть и речи». Исходя из всего этого Микаэл Пападжанян заключил, что решения армянского вопроса армянский народ ждет только от России. «Армяне России хотят, – говорил он, – чтобы проведение преобразований в Турецкой Армении взяла на себя Россия. Ныне взоры всех людей направлены в сторону России и от нее ждут решения этого вопроса. Нам, кавказским армянам, известно о том, что наше правительство предостерегало от беспорядков в Турецкой Армении, а тамошнее армянское население горячо приветствовало это заявление русского правительства. Мы ждем дальнейших шагов правительства: только при посредничестве российского правительства в деле проведения преобразований... эти реформы получают серьезное значение. Таким образом, господа,

завершая мои комментарии, я говорю: желание всех армян России одно – чтобы дело реализации преобразований взяла на себя Россия! (Аплодисменты слева, из центра и справа)».

В конце выступления М. Пападжанян попросил у русского правительства помочь турецкому армянству, что вызвало недовольство социал-демократической фракции. А большинство Государственной думы и особенно правые остались довольны выступлением Пападжаняна. Граф Бобринский с места даже потребовал занять Армению¹.

На том же заседании Думы, помимо выступления, Пападжанян также сделал несколько объявлений, которые тоже всеми были восприняты с сочувствием.

Это знаменательное заседание Думы широко освещалось на страницах русской и армянской печати. Армяне многочисленных местностей России и Закавказья направляли благодарственные телеграммы Павлу Милюкову и особенно графу Бобринскому. Как и ожидалось, результаты заседания Думы не удовлетворили те антиармянские элементы и отдельные органы печати, которые продолжали «замутнять» русскую общественную мысль. Так, известная своей антиармянской деятельностью газета «Голос Кавказа» в своей передовице от 16 июня 1913 г. возражала мысли Бобринского, выраженной в Думе, – о том, что надо помочь армянам, поскольку они являются единоверцами русских. Газета писала, что одним из очевидных проявлений враждебности, питаемой армянами к русским, было то, что когда Россия воевала с Японией, в эту тяжелую для русского народа минуту самая фанатичная революционная партия армян – АРФ – перешла на сторону внутренних врагов империи и всячески старалась создавать трудности для правительства, кроме того, именно в это время она организовала террор против нескольких русских должностных лиц².

¹ Вообще в эти дни на страницах российской печати очень часто можно было встретить публикации, авторы которых поднимали вопросы занятия Армении или отказа от этой мысли. Русские правые, которые были близки к дворцовым кругам, требовали от правительства немедленно занять Турецкую Армению и присоединить ее к Российской империи. Они даже слушать не желали, что турки когда-либо предоставят Турецкой Армении автономию или что-то подобное. Между тем министр иностранных дел Сергей Сазонов был категорически против этого требования, считая, что никакое взятие невозможно отныне без согласия великих европейских держав. Турецкую Армению надо только благоустроить, что, согласно Сазонову, должно выполняться по взаимному согласию всех заинтересованных государств и никак иначе. Он находил, что в данных обстоятельствах он не в силах действовать самовольно, ибо в противном случае может оказаться перед сюрпризами. Многие армянские деятели с прискорбием слушали эту точку зрения. В связи с избранием от Кавказа Микаэла Пападжаняна членом российской Государственной думы в своем письме от 12 ноября Аршак Чопанян поздравлял его из Парижа, а затем затрагивал ряд вопросов, волновавших армянский народ. В частности, он считал очень важным, чтобы Пападжанян и другие видные российско-армянские деятели приложили усилия, чтобы правительство России склонилось к мысли о взятии Армении. Он писал: «Ныне вся Турецкая Армения ждет прихода русских, связывает надежду на свое спасение с русскими. Мы должны стараться, чтобы русские не задерживались со своим входом в Турецкую Армению. Это дело решенное: когда-нибудь это должно случиться, европейские державы же с самого начала смирились с этой программой; итак, поскольку это неизбежно и по сравнению с взятием режимом русское покровительство глубочайше предпочтительно, мы должны стараться, чтобы это вхождение произошло поскорее. Нынче, когда в Армении царит страх и каждый день живет опасение о резне, почему бы русским не ввести туда немного войск, хотя бы для предотвращения резни?!» (Чопанян А. Письма. Ереван, 1980. С. 112).

² См.: Голос Кавказа. 16 июня 1913 г.

В ответ на это в армянских газетах вышла в свет серия статей, авторы которых указывали, что, во-первых, действия одной партии нельзя приписывать целому народу, во-вторых, если «Дашнакцутюн» совершала ошибки, то за это она уже подверглась преследованию и наказанию, свидетельством чего является суд в 1912 г., в-третьих, террор (справедливый или нет) по отношению к нескольким чиновникам нельзя рассматривать как действия против русского народа. И, наконец, русофильство армянского народа, его искреннее стремление к России – чувство, закрепленное в веках, подтвержденное неопровержимыми фактами¹.

НОВЫЙ КРИЗИС АРМЯНСКОГО ВОПРОСА

Прибывшие в Константинополь генеральные инспекторы стали готовиться к отъезду на места службы: Луис Костан Вестененк – в северную часть Турецкой Армении, а полковник Гофф – в южную.

А в резиденциях инспекторов – Эрзруме и Ване – армянские круги разворачивали разнообразные подготовительные работы для их достойного приема.

Гофф прибыл в город Ван и был удостоен там торжественного приема как со стороны местных властей, так и населения города. После небольшого отдыха он с сопровождающими лицами посетил губернское управление, где вали и Гофф обменялись речами. Затем Гофф с сопровождающими направился в епархиальную резиденцию. Ванская газета «Ашхатанк» в номере за 29 августа писала: «Гофф-бей со своими последователями был принят в резиденции аплодисментами скопившегося там народа. Там он оставался в течение получаса. Председатель Нац[ионального] провинциального собрания сказал приветственную речь и пожелал инспектору Армении исполнения возлагаемых на него надежд в деле преобразования. Гофф-бей взволнованно отвечал на сию речь и пообещал со своей стороны не жалеть своих усилий для того, чтобы быть полезным нашей родине».

Немного спустя полковник Гофф сформировал группу чиновников, кандидатуры которых были предложены местным правлением. В четырех вилайетах сектора ему были предоставлены помощники. Кроме того, в масштабах вилайетов были созданы управления, из которых два были возглавлены армянами – Бежян-эфьогли (земледелие) и Срап-эффенди (общественно-полезные работы). Другие

¹ Армянство России не забывало о роли русского оружия в судьбоносный для него час, не забывало о терпимости русского народа, о благотворном воздействии русской культуры на жизнь армян, о том, что благодаря культурному влиянию России развивалась экономика, литература армян, решались просветительские задачи. Разумеется, бывали моменты, когда неосознающие своих задач и обязанностей административные персоны сеяли недовольство между русскими и армянами, представляя армянский народ перед российскими властями как ненадежный элемент, но цари России своими многочисленными грамотами в адрес армянской нации и лучшие сыны русской нации непрерывно свидетельствовали об обратном, подчеркивая, что российское армянство, спасшееся от мусульманских преследований, искренне соединило свою историческую судьбу с незыблемым существованием великой русской нации, с ее непрерывным восхождением и прогрессом.

управления возглавили мусульмане. Секретарем-переводчиком с армянского был назначен Маттеос-эффенди, а секретарем-переводчиком с курдского – Адил-эффенди¹.

Очень скоро, в соответствии с секретными инструкциями, поступившими в Ван и Эрзрум из Константинополя, и при подстрекательстве местных турецких властей, в провинциях начались проявления искусственно спровоцированного недовольства, а через некоторое время турецкие должностные лица прямо заявили, что отказываются подчиняться европейским генеральным инспекторам².

Прибытие Гоффа в Ван задержалось на несколько дней из-за того, что в последний момент были внесены изменения в отбор его будущих помощников. Русский посол Гирс в своей телеграмме № 503 в Петербург от 30 июня (13 июля) сообщал: «Ему (Гоффу. – Г. С.) теперь предлагают 4 турок, одного курда и 3 армян, из коих двое из списка патриархии, и трех норвежцев. Последние трое в должностях: 1) начальника кабинета, 2) жандармского офицера и 3) помощника инспектора публичных работ»³.

В условиях подобного нелепого отношения Гофф только-только начинал планировать свои дела, как получил из Константинополя телеграмму, подписанную исполняющим обязанности заместителя министра внутренних дел Джахид-беем о немедленном возвращении в столицу вместе с сопровождающими лицами. В телеграмме было также указано, что сам он должен возвратиться в Константинополь по маршруту Битлис – Тигранакерт – Искендерун, а остальные – по дороге через Карин (Эрзрум). Предписывалось также, что он с собой должен взять своего переводчика, председателя судебной инстанции Ванского вилайета Маттеоса Эплигатяна, который пользовался высоким авторитетом в местных официальных кругах⁴.

Что касается всё еще находившегося в Константинополе Вестененка, то он только собирался отправиться в Эрзрум. Причиной его запаздывания было то, что после своего возвращения из Европы в Константинополь он просил Талаата предоставить ему в Эрзруме большое здание бывшей городской больницы для пребывания и ждал приведения в порядок этого здания, что, однако, никого не беспокоило⁵. Он вместе с прибывшим в Константинополь Гоффом продолжал пребывать в неопределенном состоянии.

В османской столице генеральные инспекторы столкнулись с откровенным презрением и неуважением со стороны турецких чиновников. Вестененк, стараясь оставаться беспристрастным наблюдателем, в своем дневнике описал незавидное положение его и Гоффа в Константинополе, где они фактически оказались лишними.

¹ См.: Аветабер. № 33, 15 августа 1914 г.

² Серобын М. Армянский вопрос и его этапы. Бейрут, 1937. С. 140. (на арм. яз.).

³ АВПРИ. Ф. «Политархив». 1914 г. Д. 3474. Л. 69.

⁴ См.: Ашхаганк. 29 августа 1914 г.

⁵ См.: Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 117–118.

Как-то раз Талаат пригласил Гоффа на обед, о котором последний с горечью рассказал Вестененку. Он в точности воспроизвел в своем дневнике рассказанное Гоффом. Гофф «сидел справа от Талаата, между ним и министром по общественным делам. Пили только содовую воду. Талаат почти не разговаривал с Гоффом и всё это время был занят другими. За столом говорили только на турецком, никакого тоста или чего-либо подобного не было. Все вели себя ужасно невежливо»¹.

Унижениям подвергался и Вестененк. Поэтому он, не желая терпеть дурного отношения иттихадского правительства, стремился по возможности быстрее удалиться из этой страны, но в силу некоторых обстоятельств, в том числе из-за затягивания выплаты его наполовину сокращенного жалования, Вестененку пришлось надолго задержаться в Константинополе. Только через 52 дня после отъезда Гоффа ему удалось вырваться из османской столицы и маршрутом Бухарест – Вена – Берлин прибыть в свою страну – Голландию².

А Гофф 24 июля отплыл из Константинополя на российском судне. Европейского генерального инспектора не пришел провожать ни один турецкий чиновник. В порту его провожали лишь два человека – его сотрудники Левон и Гарегин Пастрмаджяны³.

В вопросе полнейшей нейтрализации программы реформ Высокая Порта действовала совершенно раскованно и безбоязненно, свободно и бесцеремонно, прекрасно осознавая, что за это не понесет какой-либо ответственности или наказания. Такая ее уверенность прежде всего зиждилась на опыте прошлого. В связи с армянским вопросом европейские гранды в прошлом не раз адресовали Константинополю устные и письменные угрозы, но они никаких последствий не имели.

Константинопольский патриарх Маттеос Измирлян на встрече в Константинополе (1894 г.) с английским послом Филиппом Керри просил его приложить энергичные меры для решения армянских вопросов. Посол, который был ярким защитником армянских реформ, во время беседы не стеснялся резких выражений в адрес Высокой Порты, однако вместе с тем, обратившись к Измирлян, заявил: «Из-за армянского вопроса мы не можем объявить войну Турции!»⁴

Ситуация повторялась. Турецкое правительство, которое целый год вело дипломатическую битву за то, чтобы избежать европейского контроля, сейчас как будто добилось своей цели!

Турки прекрасно видели, что их действия по нейтрализации европейского контроля не находят противодействия со стороны держав, потому что между последними нет полной солидарности в вопросе применения Соглашения 26 января. Лишь полное единство держав дало бы возможность принудить Высокую Парту выполнить взятые на себя обязательства.

¹ Там же. С. 112.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 130.

⁴ Мшак. № 115, 26 сентября 1907 г.

Несомненно, положение было бы абсолютно иным, если бы контроль над выполнением Высокой Портой соглашения был возложен только на одну из держав, скажем, Россию.

Упомянем Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор (19.02.1878), который давал твердые гарантии народной безопасности, то есть русские войска должны были оставаться в стране так долго, пока не осуществились бы все преобразования в Армении. Тогда европейские гранды, и в первую очередь историческая соперница России на Востоке – Англия, торжественно отвергли бы договор российской дипломатии с Турцией, аргументируя это тем, что он должен быть заменен на более общий, обеспечивающий многостороннюю гарантию мирный договор. Внешне привлекательный и действенный договор, провозглашавший обязательства в «многосторонней гарантии», в действительности был дьявольской игрой, которая была задумана для провала армянских реформ. В Сан-Стефанском договоре Россия принудила установить четкий контроль над выполнением армянских реформ, который Берлинским трактатом (01.07.1878) был подменен формальными и аморфными обещаниями о выполнении контроля шестью государствами. Была ликвидирована принудительная сила реформ, и таким образом статья Берлинского трактата, относящаяся к Армении, превратилась в чистую формальность.

Эдуард Бернштейн в своем труде «Армянские страдания и Европа» писал: «В 1878-м по предложению государственного человека Англии, Дизраэли, Европа выступила против Сан-Стефанского договора. По Берлинскому трактату Европа отобрала у России право на контроль над армянами и тем самым лишила их такого защитника, с которым они могли связывать какие-то надежды. На смену реальной русской силе пришла никудышняя европейская защита для армян. Как бы ни были мы против русского правительства, мы должны принять эту действительность»¹.

Да, действительно, при поддержке Англии Абдул-Гамиду удалось разбить русских в дипломатической борьбе на Берлинском конгрессе. Несмотря на то что он потерял Болгарию и некоторые малоазиатские провинции, тем не менее благодаря голословным обещаниям реформ успешно отделался от требований Европы для Армении и Македонии, что было самым опасным для него.

Благодаря торговым монопривилегиям, дарам и дипломатическим уступкам Турции всегда удавалось завоевывать благосклонность какого-нибудь государства, и это подкупленное государство с ней соглашалось. Вчера таким государством была Англия, а сегодня – Германия. «Мы не будем поднимать вопроса реформ в Армении, мы будем молчать и сохранять status quo, но просим вас сделать так,

¹ Бернштейн Э. Армянские страдания и Европа. Женева: Изд-во редакции «Дрошак», 1906. С. 6. (на арм. яз.).

чтобы у вас всё было мирно, хотя бы внешне», – так шептались десятилетия назад на ухо Турции сильные мира сего, то же самое делали и в 1914 г.

И на этот раз Турции удалось с легкостью обойти все препятствия. Армянский вопрос снова зашел в тупик...

НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ. СРЫВ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА

Обострение отношений между великими державами и беспрецедентная гонка вооружений достигли предела, создав для европейского мира крайнюю угрозу. Кто мог угадать, что произойдет и какие сюрпризы преподнесет завтрашний день? Достаточно было небольшого повода, чтобы вооруженные до зубов армии стали сводить счеты друг с другом на полях сражений.

В то время как армянство уже уверовало в то, что в Армении, наконец, создадутся более или менее сносные условия для жизни, вдруг внезапно разразилась Первая мировая война.

28 июня 1914 г. в столице Боснии Сараево молодой серб убил эрцгерцога (престолонаследника) Австро-Венгрии Франца Фердинанда¹.

Посчитав, что в этом убийстве замешана Сербия, австрийское правительство предъявило ей жесткий ультиматум². Не получив полного удовлетворения своих требований, Австрия 15 июля объявила войну Сербии. Россия заступилась за эту маленькую славянскую страну и объявила, что всеми средствами будет защищать родственник русский народ. В результате ближайшая союзница Австрии Германия 1 августа (19 июля) объявила войну России, а спустя два дня – Франции³. Через день в войну против Германии вступила Англия⁴. 6 октября Австро-Венгрия предъявила ультиматум России и, не дождавшись ответа, объявила ей войну⁵.

День ото дня расширялась грозная битва между двумя группами государств – Антантой (Англия, Франция и Россия) и германо-австрийским блоком (Германия, Австро-Венгрия и Турция). В дальнейшем к Антанте присоединились Италия, Румыния, Бельгия, Португалия, Япония и США, а к германо-австрийскому блоку – Болгария.

Произошло то, что долгие годы вынашивала и к чему готовилась Германия. Эта война была империалистической, главные участники яростно пытались перекроить существующие колониальные владения, завладеть новыми рынками и богатствами или сохранить то, что имели.

¹ О роковом событии в Сараево и создавшейся вокруг него атмосфере см.: Орizon (рус. *Горизонт*). № 130, 131. 1914. (на арм. яз.).

² Лиддел Гарт Г.Б. Правда о Первой мировой войне. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 29.

³ См.: Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926. С. 5–6.

⁴ Лиддел Гарт Г.Б. Указ. соч. С. 40–43.

⁵ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Указ. соч. С. 16.

Ценой развязанной войны должны были стать бойня миллионов людей, развал производительных сил целых стран, уничтожение неповторимых культурных ценностей. Крупнейший британский историк и военный обозреватель, автор блестящего аналитического обзора Первой мировой войны Безил Генри Лиддел Гарт в своем труде «Правда о Первой мировой войне» описал все те битвы и ужасы, которые отняли жизни более 10 миллионов людей. Эта катастрофа погубила империи, в том числе Российскую, исковеркала историю Европы и судьбу всего человечества.

Через день после начала войны, 2 августа 1914 г., Высокая Порта подписала с Германией строго секретный договор, согласно которому она взяла на себя обязательство выступить в войне на стороне Тройственного военного союза. В свою очередь германское правительство давало Турции гарантии того, что после победного завершения войны у Турции будет возможность расширить свои границы за счет Кавказа и других населенных мусульманами территорий России¹.

6 августа между этими странами был заключен второй, строго секретный договор, направленный против России. Согласно 5-й статье этого договора Германия вновь обязывалась помочь Османской империи изменить ее восточные пределы².

Посчитав свой тыл полностью укрепленным, Высокая Порта отныне считала лишним следовать формальностям. Не зная о турецко-германских переговорах и их результатах, Луис Костан Вестенек решил, тем не менее, отбыть на место службы, в Эрзрум, однако это ему не удалось. 8 августа он получает письмо от Талаата, в котором было сказано: «Я прошу Вас отложить Ваш отъезд, поскольку всеобщая военная мобилизация, которая касается и чиновников, а также нынешние серьезные обстоятельства делают невозможным осуществление принятых реформ»³. Тем самым фактически был положен конец миссии Вестененка как генерального инспектора.

Даже дни спустя после начала войны Турция старалась делать вид, что еще не выяснила для себя, в каком из военно-политических блоков она видит свое место. Об этом свидетельствует ряд фактов, в том числе секретная телеграмма министра иностранных дел России Сергея Сазонова от 12 августа (30 июля) 1914 г., адресованная русскому послу в Константинополе Гирсу. Сазонов ставил посла в известность о том, что по имеющимся у него данным «интересы Турции побуждают ее не только сблизиться, но и заключить союз с Россией». Этот союз должен базироваться на следующих принципах:

- 1) Турция не стремится к каким-либо земельным добавлениям, но не потерпит отчуждения какой-либо части своей территории;
- 2) она предоставит свою армию в распоряжение России, если в начавшейся войне возникнет такая необходимость;

¹ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени... С. 10.

² Там же. С. 17.

³ Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 10.

3) приватизация железнодорожной и всех других концессий Германии в Малой Азии станет тем вознаграждением, которое желает получить Турция;

4) надо дать обещание Высокой Порте, что Россия¹ обязуется не содействовать армянским националистическим течениям, потому что Турция опасается притязаний России на армянские области².

Источником этого чрезвычайно интересного сведения был поверенный турецкого посольства в Петербурге Фахреддин. В конце телеграммы Сазонов также ставил Гирса в известность: «Не имея возможности проверить степень серьезности предложений Фахреддина и то, в какой степени они имеют личный характер, я сообщаю их вам в качестве материала для беседы с турками». Министр считал, что если Константинополь одобрил бы официально вышеупомянутые предложения, «то мы бы со своей стороны сочли приемлемыми все пункты, **кроме отказа от армянских преобразований** (выделено нами. – Г. С.), причем для турок может служить достаточным обеспечением гарантия территориальной неприкосновенности»³.

Как видим, Россия не желала воевать с Турцией, а Германия последовательно подталкивала последнюю начать военные действия. Избегая открытия второго фронта, во имя сохранения мира с Турцией, Россия была готова пойти навстречу всем ее требованиям, кроме требования об отказе от армянских реформ.

Как выяснилось позже, это было очередной игрой турецкой дипломатии, целью которой было отвлечь внимание русского правительства от реальной угрозы на кавказском направлении.

Таким образом, если в случае вступления Турции в войну совместно с Антантой Россия гарантировала ей обеспечение территориальной целостности, то Германия шла дальше: в случае присоединения Турции к Тройственному союзу она обещала ей не только обеспечение нерушимости ее территории, но и присоединение к ней обширных земель, которые предстояло отобрать у России.

Турция еще не вступила в войну, но объявила военную мобилизацию. Германские и австро-венгерские поезда, полные военных, каждый день прибывали в османскую столицу, комендантом которой был назначен Лиман фон Сандерс. С поездов выгружались пушки и другое оружие, а также боеприпасы. Были заминированы входы в проливы Босфор и Дарданеллы, германские артиллеристы стояли у пушек, размещенных в Босфорском проливе. Фон Вангенгейм с гордостью говорил: «На Дарданеллах за каждой пушкой стоит германский артиллерист»⁴. А преследуемые английским флотом германские

¹ На оригинале телеграммы Сазонова, хранящемся в петербургском архиве, после слова «Россия» стерт отрывок «отказывается от своих требований в армянском вопросе и...» (см.: Борян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР (на арм. яз.). Ч. I. М. ; А., 1928. С. 366 (сноска)).

² Борян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР. С. 366.

³ Там же.

⁴ Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 139.

военные корабли «Гебен» и «Бреслау», которым удалось найти прибежище в Дарданелльском проливе, благодаря усилиям фон Вангенгейма, фон Сандерса и Энвера-паши были срочно проданы на выгодных условиях Турции, присоединены к османскому флоту и подготовлены ко входу в Мраморное море. Они были переименованы и в годы войны действовали под названиями «Явуз султан Селим» и «Меджидие».

Вскоре Сандерс получил от своего императора приказ: если в войне против России Высокая Порта не примкнет к Германии, то всем находящимся в Турции германским офицерам следует вернуться¹. С другой стороны, Берлин уверял Высокую Порту в том, что если германо-турецкий союз состоится, то Германия продолжит в еще большем объеме помогать турецкой армии, чтобы та наносила России как можно больше потерь².

Вместе с тем, воспользовавшись поводом, Высокая Порта заявила о том, что денонсирует систему капитуляций, являвшихся в течение десятилетий тяжелым грузом для Турции. Все шесть держав, в том числе и Россия, смирились с этим демаршем турецкого правительства³.

В подобных условиях неопределенности для России 11 августа, приняв у себя Вестененка, Талаат с сатанинской ухмылкой объявил ему, что из-за начавшейся европейской войны невозможно претворить армянские реформы и что, как только позволит ситуация, они будут немедленно возобновлены⁴. В то же время Высокая Порта по принуждению Талаата в последующие дни оттягивала полную выплату жалования инспекторам, аргументируя это дефицитом бюджета. Талаат обещал выплатить лишь половину причитающейся им суммы, полагая, что в момент своего возмущения они вообще откажутся от зарплаты. Именно этого ждал Талаат. И этот факт был бы рассмотрен как отказ от должности, и следовательно, как ликвидация Соглашения 26 января.

В своем письме Воронцову-Дашкову от 18 (5) августа 1914 г. Католикос всех армян Геворг V сообщал с тревогой о том, что подбуживаемая Германией Высокая Порта уже фактически аннулировала Соглашение 26 января. В этих условиях, отмечал он, необходимо осуществить ряд срочных мероприятий, «пока Турецкая Армения еще находится в пределах Турции». 22 (9) августа наместник направляет премьер-министру Горемыкину письмо, приложив к нему полученное от католикоса послание. Он сообщал о том, что «всё армянское население прямо жаждет, чтобы началась война против Турции». Он считал, что чаяния армян, которые выражены в письме католикоса, сводятся к двум главным требованиям:

¹ Как потом выяснилось, в турецкой армии германских офицеров было во много раз больше, чем считали разведки стран Антанты.

² Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 131–132.

³ См.: Там же. С. 136.

⁴ Там же. С. 136, 148.

1) *на данный момент*: в целях защиты жизни и имущества турецких армян организовать срочное прибытие генеральных инспекторов на места исполнения их обязанностей;

2) *на будущее*: по завершению европейской войны, исключительно под контролем России и по принятой российской программе провести в Турции армянские преобразования. «Мне кажется необходимым, – заключал наместник, – сделать уверение [католикусу] в том, что по окончании европейской войны Россия осуществит свою программу относительно турецких армян, а до этого весьма желательным кажется удовлетворение просьбы армян о генеральных инспекторах»¹.

Получив письмо кавказского наместника, премьер Горемыкин переадресовывает его Сергею Сазонову, прося его представить свое мнение. В своем ответном секретном письме премьер-министру от 30 (17) августа Сазонов отмечает: «В условиях нынешних политических обстоятельств и возможного разрыва в ближайшем будущем отношений с Турцией проведение преобразований в армянских вилайетах Малой Азии ныне представляется весьма несвоевременным и неосуществимым»². Он находил, что армянство, пребывающее в волнении и тревоге, нужно «более обстоятельно ознакомить с политикой [нашего] правительства по отношению к Турции». Указывая на факт временно усиливающейся напряженности между этой страной и Россией, Сазонов в то же время считал, что еще существует возможность избежать столкновения с Турцией дипломатическими средствами, а если возникнет война, то чрезвычайно важно, чтобы она была спровоцирована Турцией, «а не по причине наших тех или иных действий»³.

Вскоре кровавая арена войны расширилась: Турция вошла в сражение и также стала участницей войны.

Объединенный германо-турецкий флот под командованием немецкого адмирала Сушона 29 октября 1914 г. вероломно атаковал черноморские портовые города России: Феодосию, Севастополь, Одессу, Новороссийск – и нанес множество разрушений. Бомбардировки упомянутых и многих других прибрежных населенных пунктов продолжалась и на следующий день – 30 октября.

20 октября (2 ноября) Россия была вынуждена объявить войну Турции. Открылся Кавказский фронт.

Турция включилась в войну по ряду причин:

1. Исторический опыт подсказывал ей, что рано или поздно Россия завладеет проливами, и если она, Турция, не предпримет предупредительных шагов, то это стремление Петербурга станет действительностью. Накануне Талаат говорил Вестененку о том, что не сегодня завтра Россия объявится в Константинополе. «Вчера я говорил

¹ Борян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР. С. 367 (сноска).

² Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917. Т. 6. М.; Ленинград, 1931. С. 183.

³ Там же. С. 184.

с одним бывшим румынским государственным деятелем: он также выразил опасения относительно того, что однажды Россия сотрет все малые государства, лежащие между нею и Константинополем. Я в самом деле осознаю, что в настоящее время это для нас является жизненным вопросом»¹.

2. В высшей властной элите империи приобрела большое влияние руководимая Энвером германофильская часть.

3. Младотурецкое правительство планировало, в случае победного хода для германо-австрийского блока, вернуть свои потери в Первой Балканской войне.

4. Злободневной становилась защита азиатских территорий империи от возможного вторжения России. В первую очередь турецкие власти имели в виду сохранение под своей властью шести обширных вилайетов Армении. В результате поднятия армянского вопроса, заключенное 26 января 1914 г. Русско-турецкое соглашение рассматривалось турками как начало отчуждения вилайетов Армении от империи, как их включение в состав России или даже как создание отдельного армянского национального государства. Поэтому можно утверждать, что **одной из главных причин вхождения Турции в войну было предотвращение угрозы отделения Армении от империи** (выделено автором. – *Прим. ред.*).

5. Все общественные слои турецкого населения страны, ее государственные структуры, находясь под сильнейшим воздействием идей пантюркизма, мечтали после захвата Кавказа и поражения России сформировать обширную и мощнейшую тюркоязычную империю под предводительством малоазиатских турок.

Вступление Турции в войну отнюдь не вызвало ожидаемого воодушевления у населения, наоборот, особенно людей призывного возраста оно обрекло на мучительные думы. Вот почему по приказу правительства наемная пресса подняла антирусский вой. Одновременно в Константинополе и других крупных городах организовывались многотысячные шествия и митинги, в которых обязательно участвовали все турецкие ремесленники, леблебиджи², грузчики и кучера, пекари и мясники и пр., которые под шум барабана и зурны кружили по кварталам и выкрикивали унижительные слова в адрес «гяуров». Перед российским посольством в Константинополе и консульствами губернских центров собирались толпы и оскорбляли русских, российское правительство и дипломатов.

Всех армян волновал вопрос: как будут вести себя турки по отношению к христианам, если они уже не несут ответственности перед великими державами? Скоро армянам всё стало ясно: власти стали пополнять полицию и жандармерию даже выпущенными из тюрем преступниками! Нетрудно было догадаться, что могло произойти в стране³.

¹ Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. С. 136.

² Продавцы жареного гороха. – Тур.

³ Отян Е. Проклятые годы. 1914–1919. Тегеран, 2010. С. 29–30. (на арм. яз.).

«Ситуация сразу изменилась, – писал крупный армянский историк Лео. – Возгласы отчаяния раздавались из всех армянонаселенных местностей Азиатской Турции. Ужасными были не правительственные притеснения, которые прилагались для удовлетворения нужд призываемой к оружию армии. Ужасным было то, что на армян смотрели как на врагов, предателей, которые готовы выдать страну внешним врагам. Если полистать газеты того времени – «Мшак» и «Оризон», – то можно обнаружить сведения, шедшие со всех уголков Турецкой Армении, в которых описаны случаи страшного подстрекательства против армян: везде и всюду один девиз – убивать армян. Все было готово для всеобщей резни, оставалось только издать приказ»¹.

Это было началом грядущих изуверств.

Общеизвестно, что великие движения влекут за собой великие перевороты и катаклизмы. Развязанная война уничтожила все чаяния и мечты армянства о свободе. Миг его надежд на благополучное будущее быстро приближался к своему завершению. Всё то, что было достигнуто ценою великих усилий на дипломатическом поприще по преобразованиям в Армении, вскоре должно было улетучиться в одночасье, как августовский сон...

3 (16) декабря 1914 г. султанским ирадэ была ликвидирована должность генерального инспектора, на основании чего были отстранены от службы Гофф и Вестененк, а 16 января 1915 г. Высокая Порта объявила потерявшими силу заключенные с ними соглашения. Тем самым утратило свою силу и Русско-турецкое соглашение 26 января².

Многие были убеждены в том, что отныне ближайшее будущее Армении должно стать совершенно иным, что настал час, когда она должна либо освободиться, либо окончательно исчезнуть.

* * *

Период 1905–1914 гг. чрезмерно богат крупными историческими событиями. За этот небольшой, почти десятилетний отрезок времени произошли три большие революции – русская (1905–1907), младотурецкая (1908–1909) и персидская (1905–1912), разрушительная волна которых распространилась также на другие, большие и малые страны и народы. Параллельно с ними шли Итало-турецкая (1905–1912) и Балканская (1912–1913) войны, которые также повлекли за собой неизгладимые последствия в дальнейшей жизни народов региона.

Эти значимые геополитические события также не обошли многострадальный армянский народ, разделенный на три части (российские армяне, турецкие армяне и персидские армяне). Независимо от своей воли он оказался в чрезвычайно неблагоприятных условиях, понеся тем самым непоправимые человеческие и материальные потери.

¹ Лео. Идеология турецко-армянской революции. Т. II. Париж, 1935. С. 75–76. (на арм. яз.).

² См.: Ачарян Г. История турецко-армянских вопросов (с начала до 1915 г.). С. 78. (на арм. яз.).

Так, за русской революцией 1905 г. и столыпинскими переселенческими реформами в Закавказье последовали армяно-татарские столкновения, первыми крупными последствиями младотурецкой революции стали массовые избиения армян в Киликии, а в результате персидской революции в этой стране имели место погромы, резня и разбой. Балканская война, начавшаяся в сентябре 1912 г., явилась поводом для поднятия перед европейскими державами затасканного в течение трех десятилетий армянского вопроса, и это как будто удавалось...

Великие державы, особенно Россия, приложили в 1912–1914 гг. большие усилия для проведения реформ в семи губерниях Турецкой Армении и защиты армянства Турции от гонений и насилия со стороны турок и курдов. Начавшееся было правое дело из-за вспыхнувшей мировой войны дало негативный результат. Искренние усилия друзей армянского народа, последовательные заступнические старания российской дипломатии, прилагавшиеся в течение более полутора лет, не получили желаемого продолжения. Младотурецкое правительство, воспользовавшись удобным моментом, навсегда убрало с повестки дня армянский вопрос, совершив одно из самых бесчеловечных преступлений в истории.

Турок и курд завладели тысячелетней колыбелью, Родиной народа армянского...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Статьи, монографии, документы

А-До. Ванский, Битлисский и Эрзрумский вилайеты. Попытка изучения географического, статистического, правового и экономического положения этой страны. Ереван, 1912. (на арм. яз.).

Айруни А. Миссия Иоаннеса Лепсиуса. Ереван, 2002. (на арм. яз.).

Алиев Г.З. Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М.: Наука, 1972. 388 с.

Амбарян А.С. Национальная и земельная политика младотурков и освободительное движение в Западной Армении (1908–1914 гг.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. (на арм. яз.).

Арамянц А. Независимая Армения. История гнчакской партии. Т. II. Константинополь, 1918. (на арм. яз.).

Арзуманян М. Армения 1914–1917. Ереван, 1969. (на арм. яз.).

Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828–1923) / под ред. Дж.С. Киракосяна. Ереван, 1972. (на арм. яз.).

Ачарян Р.А. История турецко-армянского вопроса от его возникновения до 1915 г. Нахичевань-на-Дону, 1915. (на арм. яз.).

Ашчян Ованнес, старший священник. Дорогами армянского страдания. Т. I. Тегеран, 1965. (на арм. яз.).

Бабкен, архимандрит. Армянский вопрос и Погос Нубар-паша. Вагаршапат, 1914.

Байбурдян В.А. Армяно-курдские отношения в Османской империи. Ереван, 1989. (на арм. яз.).

Бекруляц Р. (Северянин). По Турецкой Армении. Ростов-на-Дону, 1914.

Бернштейн Э. Армянские страдания и Европа. Женева: Изд-во редакции «Дрошак», 1906. (на арм. яз.).

Борян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР. Ч. I. М.; Л., 1928. (на арм. яз.).

Ван дер Дюсен Я. Армянский дневник. Ереван, 2008. (на арм. яз.).

Врацян С. Старые документы для новой истории. Бейрут, 1962. (на арм. яз.).

Всепопданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова. Петербург, 1913.

Геноцид в Адане. Бюлетень Акоба Папикяна. Константинополь, 1919.

Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

Гурко-Кряжин В.А. История революции в Турции. М., 1923.

Даниэлян Нерсес, епископ. Капля воды на сожженные сердца. Константинополь, 1912. (на арм. яз.).

Де Контансон Людовик. Реформы в Азиатской Турции. Армянский вопрос. Москва, 1914.

Дживелегов А. Будущее Турецкой Армении. М., 1913.

Ерамян Амбардзум. Памятник Ван-Васпуракана. Т. 2. Александрия, 1929. (на арм. яз.).

Закарян А.А. Русский публицист Т. Ольгенин об Армении и армянский вопрос // Историко-филологический журнал. 1989. № 4. С. 67–84.

Записки Джемаль-паши 1913–1919 гг. / пер. с англ. Б.Т. Руденко; предисл. С. Такоева; Закрайком РКП(б). Тифлис, 1923.

История армянского народа. Т. VI. Ереван, 1981. (на арм. яз.).

Ишханян Б. Экономико-политические взаимоотношения Германии и Турции. Тифлис, 1915. (на арм. яз.).

Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926.

Константинополь и проливы: по секретным документам б. М-ва иностр. дел / под ред. Е.А. Адамова. М.: Литиздат НКВД, 1925–1926. Т. 1. (Европейские державы и Турция во время мировой войны).

Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964.

Лазарев М.С. Курдский вопрос. 1891–1917. М., 1972.

Лео. Документы по армянскому вопросу. Тифлис, 1915. (на арм. яз.).

Лео. Идеология турецко-армянской революции. Т. II. Париж, 1935. (на арм. яз.).

Лиддел Гарт Генри Базил. Правда о Первой мировой войне / пер. с англ. О. Триэля. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Малезян В. На моем пути: собрание мемуаров. Париж, 1950. (на арм. яз.).

Мандельштам А. Судьба Османской империи. Ч. I: Младотурки перед войной / пер. М. Шамтанчяна. Константинополь, 1919. (на арм. яз.).

Мандельштам А.Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк / А.Н. Мандельштам, б. первый драгоман Импер. посольства в Константинополе, чл.-сотр. Ин-та междунар. права. Москва, 1915.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов Царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917. Т. 6. / под ред. М.Н. Покровского; Комис. при ЦИК СССР по изд. документов эпохи империализма. Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.

Мельник А. Турция, ее историческое прошлое и настоящее. М.; Л., 1929.

Милуков П.Н. Воспоминания. Т. II (1859–1917). М.: Современник, 1990.

Мясникян А. Сочинения. В 5 т. Т. 1. Ереван, 1984. Т. 2. Ереван, 1984. Т. 3. Ереван, 1985. Т. 4. Ереван, 1986. Т. 5. Мугни, 2007.

Общеармянские совещания (1912–1920 гг.). Сборник документов и материалов. Ереван, 1920. (на арм. яз.).

Оганджаниян А. Armenia 1915. Austro-Hungarian Diplomatic Reports Prove the Genocide. Vienna, 2011.

«Оранжевая книга». № 2. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. Санкт-Петербург, 1914.

Отян Е. Погос-паша Нубар. Константинополь, 1913. (на арм. яз.).

Отян Е. Проклятые годы. 1914–1919. Тегеран, 2010. (на арм. яз.).

Павлович М.П. Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. М., 1918.

Папаян В. Мои воспоминания. Т. II. Бейрут, 1952. (на арм. яз.).

Письма западно-армянских писателей. Научное наследство. Кн. VI. Вып. I. Ереван, 1972. (на арм. яз.).

Погосян С. Погос Нубар-паша: народный деятель. Ереван, 2004. (на арм. яз.).

Последние стадии армянского вопроса / сост. З.Н. и М. Казмарарян. Константинополь, 1914.

«Правда» (1912–1917 гг.) и «Социал-демократ» (1907–1917 гг.) о Закавказье: сб. / сост. Г.А. Исаакян. Ленинград, 1968.

Протоколы заседаний С.-Петербургского армянского кружка по вопросу в Турции (ПЗ ПАК). Т. I, II.

Сборник дипломатических документов: Реформы в Армении. 26 ноября 1912 г. – 10 мая 1914 г. / М-во ин. дел. Петроград: Гос. тип., 1915. 294 с.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927.

Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.

Сапаг-Гюлян С. Ответственные. 2-е изд. Бейрут, 1974. (на арм. яз.).

Серобян М. Армянский вопрос и его этапы. Бейрут, 1937. (на арм. яз.).

Скурухин Е. Автономия Армении непозволительна // Голос Кавказа. 23 мая 1913 г.

Стенографический отчет засед. Государственной думы.

Степанян С. Армения в политике империалистической Германии (конец XIX – начало XX века). Ереван, 1975.

Степанян С. Иоганнес Лепсиус и Армения. Ереван, 1998. (на арм. яз.).

Терян В. Собрание сочинений. Т. 2. Ереван, 1960. (на арм. яз.).

Туманян О. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Критика и публицистика, 1913–1922. Ереван: Гитутюн, 1995. (на арм. яз.).

Тыркова А. Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе. Петроград, 1916.

Халфин Н.А. Борьба за Курдистан. Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М., 1969.

Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961.

Чопанян А. Письма. Ереван, 1980. (на арм. яз.).

Периодические издания

Аветабер (рус. *Предвестник*, Константинополь). 1912–1914 гг. (на арм. яз.).

Азатамарт (рус. *Освободитель*). 1914 г. (на арм. яз.).

Азг (рус. *Нация*, Бостон). 1913, 1914 гг. (на арм. яз.).

Айреник (рус. *Родина*, Бостон). 1922, 1924, 1925, 1929, 1932, 1954 гг. (на арм. яз.).

Анаит. 1909–1910 гг. (на арм. яз.).

Араджамарт (рус. *Авангард*, Константинополь). 1912, 1913 гг. (на арм. яз.).

Арарат (Эчмиадзин). 1912, 1914 гг. (на арм. яз.).

Арор (рус. *Соха*, Тифлис). 1912 г. (на арм. яз.).

Ахурян (Александрополь). 1914 г. (на арм. яз.).

Ашхатанк (рус. *Труд*, Ван). 1913, 2014 гг. (на арм. яз.).

Бакви дзайн (рус. *Голос Баку*, Баку). 1913 г. (на арм. яз.).

Биржевые Ведомости (Санкт-Петербург). 1913 г.

Бутания (Константинополь). 1912, 1913 гг. (на арм. яз.).

Бюзандион (рус. *Византия*, Константинополь). 1913, 1914 гг. (на арм. яз.).

Бюллетень (общественные науки) АН Армянской ССР. 1964.

Вагифэ (Константинополь). 1913 г. (на арм. яз.).

- Ван-Тосп (Тифлис). 1913. (на арм. яз.).
Верацунд (рус. *Возрождение*, Константинополь). 1913 г.
(на арм. яз.).
Вестник архивов Армении. 1986, 1989 гг.
Вестник общественных наук. 1988, 2001 гг.
Вэм (Париж). 1935 г. (на арм. яз.).
Гнчак (рус. *Колокол*, Лондон; Атенк; Париж). 1914 г. (на арм. яз.).
Голос Кавказа (Тбилиси). 1913 г.
Дайлайлик (рус. *Трель*, Константинополь). 1914 г. (на арм. яз.).
Дрошак (рус. *Знамя*, Тбилиси; Вена; Женева). 1913, 1914 гг.
(на арм. яз.).
Ерадзайн (рус. *Весть издалека*). 1913 г. (на арм. яз.).
Жаманак (рус. *Время*, Константинополь). 1912–1914 гг. (на арм. яз.).
Историко-филологический журнал (Ереван). 1993, 1995, 2008 гг.
(на арм. яз.).
Кавказ (Париж; Берлин). 1912 г.
Карабах (Шуши). 1912 г. (на арм. яз.).
Коак (рус. *Вал*, Константинополь). 1913 г. (на арм. яз.).
Ковкаси лрабер (рус. *Вестник Кавказа*, Тифлис). 1912–1914 гг.
(на арм. яз.).
Лума (рус. *Вклад*, Тифлис). 1902 г. (на арм. яз.).
Март (Москва). 1913 г.
Митк (рус. *Мысль*, Тавризм). 1914 г. (на арм. яз.).
Молодая Армения (Бостон; Нью-Йорк; Провиденс; Чикаго). 1914 г.
(на арм. яз.).
Мшак (рус. *Работник*, Тифлис). 1907, 1912–1914 гг. (на арм. яз.).
Нор осанк (рус. *Новое течение*, Тифлис). 1913 г. (на арм. яз.).
Овит (рус. *Долина*, Тифлис). 1912 г. (на арм. яз.).
Оризон (рус. *Горизонт*, Тифлис). 1912–1914 гг. (на арм. яз.).
Паак (рус. *Сторож*). 1914 г. (на арм. яз.).
Речь (Ереван). 1914 г.
Русские ведомости (Москва). 1912, 1913 гг.
Русское слово (Москва). 1912, 1913 гг.
Сурандак (рус. *Гонец*, Тифлис). 1910 г. (на арм. яз.).
Утро России (Москва). 1913 г.
Хоск (рус. *Слово*, Ереван). 1914 г. (на арм. яз.).
Эчмиадзин. 1965. (на арм. яз.).
Юсабер (рус. *Вестник надежды*, Каир). 1914 г. (на арм. яз.).

Архивы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Политархив». 1909–1912 г. Д. 3459; 1913 г. Д. 3460, 3461, 3464, 3465, 3472; 1914 г. Д. 3469, 3473, 3474.

АВПРИ. Ф. «Турецкий стол» (новый). 1904. Д. 2483.

Институт древних рукописей Матенадаран им. св. Месропа Маштоца (Матенадаран). Архив католикоса. Пап. 238. Док. 110.

Красный архив. Т. VI.

Матенадаран. Архив Аршака Алпояджяна. Пап. 1, док. 11⁸⁵, 11⁸⁷, 11⁹⁰, 11⁹¹; пап. 238, док. 111 (на фр. языке).

Матенадаран. Архив католикоса. Пап. 238, док. 84, 95, 110, 165; пап. 239, док. 91; пап. 239^a, док. 19; пап. 247⁶, док. 19; пап. 247³, док. 9.

Матенадаран. Диван католикоса. Пап. 2473. Док. 9. Л. 7–8.

Музей литературы и искусства Республики Армения (МЛИ РА). Ф. Аршака Чопаняна. Пап. 38; пап. 550, разд. X.

МЛИ РА. Ф. Григора Зограпа. Пап. 483/IV; пап. 2178^a, док. 91.

МЛИ РА. Ф. Ваана Малезяна. Сп. 1, пап. 165.

Национальный архив Армении (НАА). Ф. 54, сп. 5, д. 34; ф. 211, сп. 1, д. 4; ф. 57, сп. 2, д. 1007; ф. 57, сп. 5, д. 19, 28, 33, 34, 41, 46, 47, 51, 64, 65, 70; ф. 222, сп. 1, кн. 24, 24¹; сп. 1, д. 43, 216; ф. 282, сп. 1, д. 43, 49; ф. 297, сп. 1, д. 216; ф. 399, сп. 1, д. 1073; ф. 1262, сп. 3, д. 1470, 1172; ф. 430, сп. 1, д. 21.

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА) (ныне – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)). Ф. 2000, оп. 1, д. 991.

Центральный государственный исторический архив Республики Армения (ЦГИА РА) (ныне – Центральный государственный архив истории Республики Армения (ЦГАИ РА)). Ф. 57, оп. 2, д. 625.

Научное издание

Симонян Грачик Рубенович

Армянский вопрос и российская дипломатия
накануне Первой мировой войны

Техническая редакция:

А.С. Бабаева
Е.Э. Кириллова
С.А. Шестак
А.Я. Яковлева

Верстка

Я.Ю. Яковлева

Обложка:

Л.В. Безбородова
Я.Ю. Яковлева

Подписано в печать 11.05.2018
Формат 70×100/16. Гарнитура Bookman Old Style
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 37,7. Тираж 500 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону
пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано в типографии ООО «Омега-Принт»
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 3
Тел. (863) 244-44-42

